

Г.Р. ХАГГАРА

Annotation

В первый том Собрания сочинений известного английского романиста Генри Райдера Хаггарда (1856-1925) входят романы «Копи царя Соломона», «Священный цветок» и «Дитя из слоновой кости», повествующие о приключениях знаменитого южноафриканского охотника Аллана Квотермейна.

- -
 - [КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава I. Я встречаюсь с сэром Генри Куртисом](#)
 - [Глава II. Легенда о копиях царя Соломона](#)
 - [Глава III. Амбопа поступает к нам в услужение](#)
 - [Глава IV. Охота на слонов](#)
 - [Глава V. Мы идем по пустыне](#)
 - [Глава VI. ВОДА! ВОДА!](#)
 - [Глава VII. Дорога царя Соломона](#)
 - [Глава VIII. Мы приходим в Страну Кукуанов](#)
 - [Глава IX. Король Твала](#)
 - [Глава X. Охота на колдунов](#)
 - [Глава XI. Мы совершаем чудо](#)
 - [Глава XII. Перед боем](#)
 - [Глава XIII. Нападение](#)
 - [Глава XIV. Последний бой Серых](#)
 - [Глава XV. Болезнь Гуда](#)
 - [Глава XVI. Чертог смерти](#)
 - [Глава XVII. Сокровищница царя Соломона](#)
 - [Глава XVIII. Нас покидает надежда](#)
 - [Глава XIX. Мы прощаемся с Игнози](#)
 - [Глава XX. Найден](#)
 - [Г.К.»](#)
 -
 - [СВЯЩЕННЫЙ ЦВЕТОК](#)
 - [II. Аукционный зал](#)
 - [III. Сэр Александр и Стивен](#)

- [IV. Зулус Мавово и готтентот Ханс](#)
- [V. Работорговец Хассан](#)
- [VI. Невольничья дорога](#)
- [VII. Натиск невольников](#)
- [VIII. Магическое зеркало](#)
- [IX. Бауси — король племени мазиту](#)
- [X. Смертный приговор](#)
- [XI. Прибытие Догиты](#)
- [XII. История брата Джона](#)
- [XIII. Город Рика](#)
- [XIV. Клятва Калуби](#)
- [XV. Мотомбо](#)
- [XVI. Боги](#)
- [XVII. Дом Священного Цветка](#)
- [XVIII. Роковые уколы](#)
- [XIX. Подлинный Священный Цветок](#)
- [XX. Битва у ворот](#)
- [Эпилог](#)
- [ДИТЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ](#)
- [Глава II. Аллан держит пари](#)
- [Глава III. Мисс Холмс](#)
- [Глава IV. Харут и Марут](#)
- [Глава V. Неудавшееся похищение](#)
- [Глава VI. «Золотопромышленная Компания Доброго Доверия»](#)
- [Глава VII. Рассказ лорда Регнолла](#)
- [Глава VIII. Отъезд](#)
- [Глава IX. Встреча в пустыне](#)
- [Глава X. Вперед!](#)
- [Глава XI. Аллан в плену](#)
- [Глава XII. Первое проклятие](#)
- [Глава XIII. Джана](#)
- [Глава XIV. Погоня](#)
- [Глава XV. Обитатель пещеры](#)
- [Глава XVI. Ханс ворует ключи](#)
- [Глава XVII. Святилище и клятва](#)
- [Глава XVIII. Посольство](#)
- [Глава XIX. Аллан Квотермейн делает промахи](#)
- [Глава XX. Аллан плачет](#)
- [Глава XXI. Домой](#)

- [notes](#)

- [illegible]

[illegible]

[illegible]

Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» – «TERRA»
1993

Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах

том

1

Копи царя Соломона

Священный цветок

Дитя из слоновой кости

МОСКВА

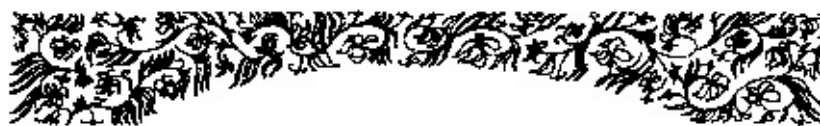
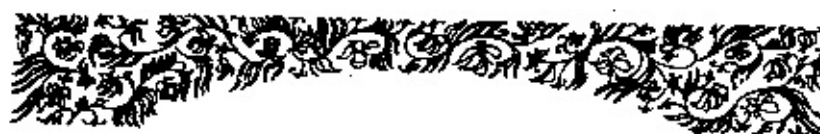
«ТЕРРА» – «TERRA»

1993

Копи царя Соломона

КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Эту необычайную, но правдивую историю, рассказанную Алланом Квотермейном, он с чувством глубокой симпатии посвящает всем прочитавшим ее мальчикам — большим и маленьким...

Предисловие

Теперь, когда эта книга напечатана и скоро разойдется по свету, я ясно вижу ее недостатки как по стилю, так и по содержанию. Касаясь последнего, я только могу сказать, что она не претендует быть исчерпывающим отчетом обо всем, что мы видели и сделали. Мне очень хотелось бы подробнее остановиться на многом, связанном с нашим путешествием в Страну Кукуанов, о чем я лишь мельком упоминаю, как, например: рассказать о собранных мною легендах, о кольчугах, которые спасли нас от смерти в великой битве при Луу, а также о Молчаливых, или Колоссах, у входа в сталактитовую пещеру. Если бы я дал волю своим желаниям, я бы рассказал подробнее о различиях, существующих между зулусским^[1] и кукуанским диалектами, над которыми можно серьезно призадуматься, и посвятил бы несколько страниц флоре и фауне этой удивительной страны^[2]. Есть еще одна чрезвычайно интересная тема, которая была мало затронута в книге. Я имею в виду великолепную организацию военных сил этой страны, которая, по моему мнению, значительно превосходит систему, установленную королем Чакой^[3] в Стране Зулусов. Она обеспечивает более быструю мобилизацию войск и не вызывает необходимости применять пагубную систему насильственного безбрачия^[4]. И, наконец, я лишь вскользь упомянул о семейных обычаях кукуанов, многие из которых чрезвычайно любопытны, а также об их искусстве плавки и сварки металлов. Это искусство они довели до совершенства, прекрасным примером которого служат их толлы — тяжелые металлические ножи, к которым с удивительным искусством приварены лезвия из великолепной стали.

Посоветовавшись с сэром Генри Куртисом и капитаном Гудом, я решил рассказать простым, безыскусственным языком только наши приключения, а обо всем прочем поговорить как-нибудь в другой раз, если, конечно, это явится желательным. Я с величайшим удовольствием делюсь сведениями, которыми располагаю, со всеми, кто этим заинтересуется.

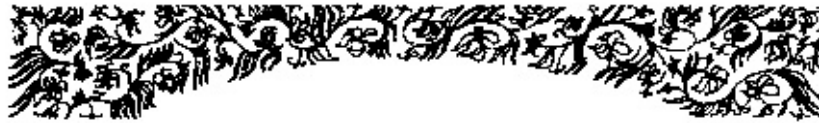
Теперь осталось лишь попросить читателя извинить меня за мой неотесанный стиль. В свое оправдание могу лишь сказать, что я больше привык обращаться с ружьем, чем с пером, и потому не могу претендовать на великолепные литературные взлеты и пышность стиля, встречающиеся в

романах, которые я иногда люблю почитать.

Вероятно, эти взлеты и пышность стиля желательны, но, к сожалению, я совсем не умею ими пользоваться.

На мой взгляд, книги, написанные простым и доходчивым языком, производят самое сильное впечатление и их легче понять. Впрочем, мне не совсем удобно высказывать свое мнение по этому поводу. «Острое копье, — гласит кукуанская пословица, — не нужно точить». На этом основании я осмеливаюсь надеяться, что правдивый рассказ, каким бы странным он ни был, не нужно приукрашивать высокопарными словами.

Аллан Квотермейн

Глава I. Я встречаюсь с сэром Генри Куртисом

Может показаться странным, что, дожив до пятидесяти пяти лет, я впервые берусь за перо. Не знаю, что получится из моего рассказа и хватит ли вообще у меня терпения довести его до конца.

Оглядываясь на прожитую жизнь, я удивляюсь, как много я успел сделать и как много мне пришлось пережить. Наверно, и жизнь мне кажется такой длинной оттого, что слишком рано я был предоставлен самому себе. В том возрасте, когда мальчики еще учатся в школе, я уже вынужден был работать, торгуя всякой мелочью в старой колонии^[5]. Чем только я не занимался с тех пор! Мне пришлось и торговать, и охотиться, и работать в копиях, и даже воевать. И только восемь месяцев назад я стал богатым человеком. Теперь я обладаю огромным состоянием — я еще сам не знаю, насколько оно велико, — но не думаю, что ради этого я согласился бы вновь пережить последние пятнадцать или шестнадцать месяцев, даже если бы заранее знал, что все кончится благополучно и я так разбогатею. Я скромный человек, не люблю крови и насилия, и, откровенно говоря, мне изрядно надоели приключения. Не знаю, зачем я собираюсь писать эту книгу: это ведь совсем не по моей части. Да и образованным человеком я себя не считаю, хоть и очень люблю читать Ветхий завет^[6] и легенды Инголдзби^[7].

Все же попробую изложить причины, побудившие меня написать эту книгу. Во-первых, меня просили об этом сэр Генри Куртис и капитан Гуд. Во-вторых, я сейчас нахожусь у себя в Дурбане, и делать мне все равно нечего, так как боль в левой ноге снова приковала меня к постели. Я страдаю от этих болей с тех самых пор, как в меня вцепился этот проклятый лев; сейчас боли усилились, и я хромаю больше, чем обычно. Вероятно, в львиных зубах есть какой-то яд, иначе почему же совсем зажившие раны снова открываются, причем — заметьте! — ежегодно и в то же самое время.

На своем веку я застрелил шестьдесят пять львов, оставшись живым и невредимым, и не обидно ли, что какой-то шестьдесят шестой изжевал мою ногу, как кусок табака! Это нарушает естественный ход вещей, а я, помимо всех прочих соображений, люблю порядок, и мне это очень не нравится.

Кроме того, я хочу, чтобы мой сын Гарри, который сейчас работает в

лондонской больнице, готовясь стать врачом, читая этот рассказ, отвлекся хотя бы на некоторое время от своих сумасбродств.

Работа в больнице, вероятно, иногда надоедает и начинает казаться довольно скучной — ведь можно пресытиться даже вскрытием трупов. Во всяком случае, рассказ мой Гарри скучным не покажется и хоть на денек, другой внесет немного разнообразия в его жизнь, тем более что я собираюсь рассказать самую удивительную историю, которая когда-либо случалась с человеком. Это может показаться странным, так как в ней нет ни одной женщины, за исключением Фулаты. Впрочем, нет! Есть еще Гагула, хотя я не знаю, была она женщина или дьявол. Но нужно сказать, что ей было по крайней мере сто лет, и поэтому как женщина особого интереса она не представляла, так что в счет идти не может. Во всяком случае, могу с уверенностью сказать, что во всей этой истории нет ни одной юбки.

Но не пора ли мне впрягаться в ярмо? Почва тут трудная, и мне кажется, будто я увяз в трясине по самую ось. Однако волы справятся с этим без особого труда. Сильная упряжка всегда в конце концов вытянет, со слабыми же волами, конечно, ничего не поделаешь! Итак, я начинаю!

«Я, Аллан Квотермейн из Дурбана, в Натале^[8], джентльмен, приношу присягу и заявляю...» — так начал я свои показания на суде относительно печальной кончины Хивы и Вентфогеля, но, пожалуй, для книги это не совсем подходящее начало. И вообще, могу ли я назвать себя джентльменом? Что такое джентльмен? Мне это не совсем ясно. В своей жизни я имел дело не с одним ниггером^[9]. Нет, я зачеркну это слово, оно мне совсем не по душе! Я знал туземцев, которые были джентльменами, с чем ты согласишься, Гарри, мой мальчик, прежде чем прочтешь эту книгу до конца. Знавал я также очень скверных и подлых белых, которые, однако, джентльменами не были, хоть денег у них было очень много. Во всяком случае, я родился джентльменом, хоть и был в течение всей жизни всего-навсего бедным странствующим торговцем и охотником.

Остался ли я джентльменом, не знаю, — судите об этом сами. Богу известно, что я старался им остаться!

На своем веку мне пришлось убить много людей, однако я никогда не запятнал свои руки невинной кровью и убивал, только защищаясь.

Всевышний даровал нам жизнь, и я полагаю, что он имел в виду, что мы будем ее защищать; по крайней мере, я всегда действовал на основании этого убеждения. И я надеюсь, что, когда пробьет мой смертный час, это мне простится. Увы! В мире много жестокости и безнравственности! И вот

такому скромному человеку, как я, пришлось принимать участие во многих кровавых делах. Не знаю, правильно ли я сужу об этом, но я никогда не воровал, хотя однажды обманом выманил у одного кафра^[10] стадо скота. И несмотря на то, что он тоже подложил мне свинью, я до сих пор чувствую угрызения совести.

Итак, с тех пор как я впервые встретил сэра Генри Куртиса и капитана Гуда, прошло примерно восемнадцать месяцев. Произошло же это следующим образом. Во время охоты на слонов за Бамангватом^[11] мне с самого начала не повезло, и в довершение всего я схватил сильную лихорадку. Немного окрепнув, я добрался до Алмазных россыпей, продал всю слоновую кость вместе с фургоном и волами, рассчитался с охотниками и сел в почтовую карету, направляющуюся в Кап^[12]. В Кейптауне я прожил неделю в гостинице, где, кстати сказать, меня здорово обсчитали, и осмотрел все его достопримечательности. Видел я и ботанические сады, которые, по моему мнению, приносят стране огромную пользу, и здание парламента, который, полагаю, никакой пользы не приносит. В Наталь я решил вернуться на пароходе «Данкелд». Он в это время стоял в доке в ожидании «Эдинбург Кастла», который должен был прибыть из Англии. Я оплатил проезд, сел на пароход, и в тот же день пассажиры, направляющиеся в Наталь, пересели с «Эдинбург Кастла» на «Данкелд». Мы снялись с якоря и вышли в море.

Среди новых пассажиров на борту нашего парохода два человека сразу же привлекли мое внимание. Один из них был джентльмен лет тридцати. Я никогда не встречал человека такого богатырского сложения. У него были соломенного цвета волосы, густая борода, правильные черты лица и большие, глубоко сидящие серые глаза. В своей жизни я не видел более красивого человека, и он чем-то напоминал мне древнего датчанина. Это, конечно, не значит, что я много знаю о древних датчанах; я знал только одного современного датчанина, который, кстати сказать, выставил меня на десять фунтов. Я вспомнил, что однажды где-то видел картину, изображающую несколько таких господ, которые, мне кажется, очень похожи на белых зулусов. У них в руках были кубки из рога, и длинные волосы ниспадали им на спину. Смотря на этого человека, стоявшего у трапа, я подумал, что если бы он немного отрастил себе волосы, надел стальную кольчугу на свою могучую грудь, взял бы боевой топор и кубок из рога, то вполне смог бы позировать для этой картины. И, между прочим, странная вещь (как сказывается происхождение!): позже я узнал, что в жилах сэра Генри Куртиса — так звали этого высокого джентльмена —

текла датская кровь^[13]. Он очень напоминал мне еще кого-то, но кого — я не мог вспомнить.

Другой человек, который стоял, разговаривая с сэром Генри, был совсем другого типа. Я сейчас же подумал, что он морской офицер. Не знаю почему, но морского офицера сразу видно. Мне приходилось с ними ездить на охоту, и должен сказать, что они всегда оказывались необыкновенно храбрыми и симпатичными людьми, каких редко можно встретить. Одно в них плохо: уж очень они любят ругаться.

Несколько раньше я задал вопрос: что такое джентльмен? Теперь я на него отвечаю: это офицер Британского Королевского флота, хотя, конечно, и среди них иногда встречаются исключения. Я думаю, что широкие морские просторы и свежие ветры, несущие дыхание господина бога, омывают их сердца и выдувают скверну из сознания, делая их настоящими людьми. Но вернемся к рассказу. Я опять оказался прав. Действительно, этот человек был морским офицером. Безупречно прослужив во флоте ее величества семнадцать лет, неожиданно и вопреки его желанию он был зачислен в резерв с чином капитана. Вот что ожидает людей, которые служат королеве^[14]. В полном расцвете сил и способностей, когда они приобретают большой опыт и знания, их выбрасывают в холодный, неприветливый мир без средств к существованию. Возможно, что они и примиряются с этим; что же касается меня, я все же предпочитаю зарабатывать на хлеб охотой. Денег у тебя будет так же мало, но пинков ты получишь меньше! Его фамилия — я нашел ее в списке пассажиров — была Гуд, капитан Джон Гуд. Это был коренастый человек лет тридцати, среднего роста, темноволосый, плотный, довольно оригинальный с виду. Он был чрезвычайно опрятно одет, тщательно выбрит и всегда носил в правом глазу монокль. Казалось, что этот монокль вырос ему в глаз, так как носил он его без шнура и вынимал, только чтобы протереть. По простоте души я думал, что он и спит с ним, но потом узнал, что ошибался. Когда он ложился спать, то клал монокль в карман брюк вместе со вставными зубами, которых у него было два прекрасных комплекта, что часто заставляло меня нарушать десятую заповедь^[15], так как своими я похвастаться не могу. Но я забегаю вперед.

Вскоре после того, как мы снялись с якоря, наступил вечер, и погода неожиданно испортилась. Пронизывающий ветер подул с суши, спустился густой туман с изморосью, и все пассажиры вынуждены были покинуть палубу. Наше плоскодонное судно было недостаточно нагружено, и потому его сильно качало — иногда казалось, что мы вот-вот перевернемся.

Но, к счастью, этого не случилось. Находиться на палубе было невозможно, и я стоял около машинного отделения, где было очень тепло, и развлекался тем, что смотрел на кренометр. Стрелка его медленно раскачивалась взад и вперед, отмечая угол наклона парохода при каждом крене.

— Ну и кренометр! Он же не выверен! — слышался рядом со мной чей-то раздраженный голос.

Оглянувшись, я увидел того морского офицера, на которого уже раньше обратил внимание.

— Разве? Почему вы так думаете?

— Думаю? Тут и думать нечего! Как же, — продолжал он, когда наш пароход снова восстановил равновесие после очередного крена, — если бы судно действительно накренилось до того градуса, который показывает эта штука, — тут он указал на кренометр, — мы бы перевернулись. Но что еще можно ожидать от капитанов торгового флота! Они чертовски небрежны.

Как раз в этот момент прозвучал обеденный гонг, чему я очень обрадовался, потому что если офицер Британского флота начинает ругать капитанов торгового флота, то слушать его невыносимо. Хуже этого только одно — слушать, как капитан торгового флота выражает свое откровенное мнение об офицерах Британского флота.

Мы с капитаном Гудом спустились в кают-компанию и там застали сэра Генри Куртиса уже за столом. Капитан Гуд сел с ним рядом, я же занял место напротив. Мы с капитаном разговорились об охоте. Он задавал мне много вопросов, и я старался давать наиболее исчерпывающие ответы. Вскоре разговор перешел на слонов.

— Ну, сэр, — сказал кто-то из сидевших недалеко от меня, — вам повезло: если кто-нибудь может толком рассказать вам о слонах, то это только охотник Квотермейн.

Сэр Генри, который все время молча прислушивался к нашему разговору, при последних словах заметно вздрогнул.

— Простите меня, сэр, — тихо сказал он низким басом, именно таким, какой должен был исходить из таких могучих легких, — простите меня, сэр, вы не Аллан Квотермейн?

Я ответил утвердительно.

Сэр Генри больше ко мне не обращался, но я слышал, как он тихо произнес про себя: «Какая удача!»

После обеда, когда мы выходили из кают-компании, сэр Генри предложил мне зайти к нему выкурить трубку. Я принял приглашение, и мы с капитаном Гудом пошли в его каюту, которая выходила на палубу. Это

была прекрасная просторная каюта, когда-то состоявшая из двух. Когда кто-то из наших важных франтов совершал поездку на «Данкелде» вдоль побережья, перегородку сняли, а на прежнее место так и не поставили. В каюте был диван, перед которым стоял маленький стол. Сэр Генри послал стюарда за бутылкой виски, мы втроем сели и закурили трубки.

— Мистер Квотермейн, — обратился ко мне сэр Генри, когда стюард принес виски и зажег лампу, — в позапрошлом году, примерно в это время, вы, кажется, были в поселке, который называется Бамангвато, к северу от Трансвааля?

— Да, был, — отвечал я, несколько удивленный, что этот незнакомый джентльмен так хорошо осведомлен о моих странствиях, которые, как я полагал, особого интереса представлять не могли.

— Вы там торговали? — с живостью спросил меня Гуд.

— Да, я взял туда фургон с товаром, остановился у поселка и пробыл там, пока все не распродал.

Сэр Генри сидел против меня в плетеном кресле, облокотившись на стол. Он смотрел мне прямо в лицо своими пронизательными серыми глазами, и казалось, что его взгляд выражает какое-то странное волнение.

— Вы случайно не встречали там человека, по фамилии Невилль?

— Ну как же, конечно встречал! Он распряг упряжку рядом с моим фургоном и прожил там две недели, чтобы дать возможность отдохнуть волам, перед тем как отправиться в глубь страны. Несколько месяцев назад я получил письмо от какого-то стряпчего, который просил меня сообщить, не знаю ли я, что случилось с Невиллем. Я сразу же написал ему все, что знал.

— Да, — сказал сэр Генри, — он переслал мне ваше письмо. В нем вы сообщили, что джентльмен, по фамилии Невилль, уехал из Бамангвато в начале мая в фургоне с погонщиком, проводником и охотником-кафром, по имени Джим. Он говорил, что намеревается добраться, если будет возможно, до Айнайти, конечного торгового пункта Земли Матабеле. Там он предполагал продать свой фургон и отправиться дальше пешком. Вы также сообщили, что он действительно продал свой фургон, потому что шесть месяцев спустя вы видели его у какого-то португальского торговца. Этот человек рассказал вам, что он купил его в Айнайти у белого, имени которого он не помнит, и нужно полагать, что белый со слугой-туземцем отправился в глубь страны на охоту.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

Наступило молчание.

— Мистер Квотермейн, — неожиданно сказал сэр Генри, — я думаю, что вы ничего не знаете и не догадываетесь о том, каковы были причины,

заставившие моего... мистера Невилля предпринять путешествие на север?

— Кое-что я об этом слышал, — ответил я и замолчал. Мне не хотелось говорить на эту тему.

Сэр Генри и Гуд переглянулись, и капитан многозначительно кивнул головой.

— Мистер Квотермейн, — сказал сэр Генри, — я хочу рассказать вам одну историю и попросить вашего совета, а возможно, и помощи. Мой поверенный передал мне ваше письмо и сказал, что я могу вполне на вас положиться. По его словам, вас хорошо знают в Натале, где вы пользуетесь всеобщим уважением. Кроме того, он сказал, что вы принадлежите к людям, которые умеют хранить тайны.

Я поклонился и отпил немного разбавленного виски, чтобы скрыть свое смущение, так как я скромный человек. Сэр Генри продолжал:

— Мистер Квотермейн, я должен сказать вам правду: мистер Невилль — мой брат.

— О! — промолвил я вздрогнув.

Теперь стало ясно, кого напоминал мне сэр Генри Куртис, когда я его впервые увидел. Мистер Невилль был гораздо меньше ростом, с темной бородой, но глаза у него были такие пронизательные и такого же самого серого оттенка, как и у сэра Генри. В чертах лица также было некоторое сходство.

— Мистер Невилль — мой младший и единственный брат, — продолжал сэр Генри, — и мы впервые расстались с ним пять лет назад. До этого времени я не помню, чтобы мы разлучались даже на месяц. Но около пяти лет назад нас постигло несчастье: мы с братом поссорились не на жизнь, а на смерть (это иногда случается даже между очень близкими людьми), и я поступил с ним несправедливо.

Тут капитан Гуд, как бы в подтверждение этих слов, энергично закивал головой. В это время наш пароход сильно накренился, и изображение капитана Гуда, отчаянно кивающего головой, отразилось в зеркале, которое в этот момент оказалось над моей головой.

— Как вам, я полагаю, известно, — продолжал сэр Генри, — если человек умирает, не оставив завещания, и не имеет иной собственности, кроме земельной, называемой в Англии недвижимым имуществом, все переходит к его старшему сыну. Случилось так, что как раз в это время, когда мы поссорились, умер наш отец, не оставив завещания. В результате брат остался без гроша, не имея при этом никакой профессии. Конечно, мой долг заключался в том, чтобы обеспечить его, но в то время наши отношения настолько обострились, что к моему стыду (тут он глубоко

вздыхнул), я ничего для него не сделал. Не то чтобы я хотел несправедливо поступить с ним, нет, — я ждал, чтобы он сделал первый шаг к примирению, а он на это не пошел. Простите, что я утруждаю ваше внимание всеми этими подробностями, но для вас все должно быть ясно. Правда, Гуд?

— Само собой разумеется, — ответил капитан. — Я уверен, что мистер Квотермейн никого в это дело не посвятит.

— Конечно, — сказал я, — вы можете быть в этом уверены.

— Надо сказать, что я очень горжусь тем, что умею хранить тайны.

— Итак, — снова продолжал сэр Генри, — в это время у моего брата было на текущем счету несколько сот фунтов стерлингов. Ничего мне не говоря, он взял эту ничтожную сумму и под вымышленным именем Невилля отправился в Южную Африку с безумной мечтой нажить себе состояние. Это стало известно мне уже позже. Прошло около трех лет. Я не имел никаких сведений о брате, хотя писал ему несколько раз. Конечно, письма до него не доходили. С течением времени я все более и более о нем беспокоился. Я понял, мистер Квотермейн, что такое родная кровь.

— Это верно, — промолвил я и подумал о своем Гарри.

— Я отдал бы половину своего состояния, чтобы только узнать, что мой брат Джордж жив и здоров и я его снова увижу!

— Но на это надежды мало, Куртис, — отрывисто сказал капитан Гуд, взглянув на сэра Генри.

— И вот, мистер Квотермейн, чем дальше, тем больше я тревожился, жив ли мой брат, и если он жив, то как вернуть его домой. Я принял все меры, чтобы его разыскать, в результате чего получил ваше письмо. Полученные известия были утешительны, поскольку они указывали, что до недавнего времени Джордж был жив, но дальнейших сведений о нем до сих пор нет. Короче говоря, я решил приехать сюда и искать его сам, а капитан Гуд любезно согласился меня сопровождать.

— Видите ли, — сказал капитан, — мне все равно делать нечего. Лорды Адмиралтейства выгнали меня из флота умирать с голоду на половинном окладе. А теперь, сэр, вы, может быть, расскажете нам все, что знаете или слышали о джентльмене по фамилии Невилль.

Глава II . Легенда о копиях царя Соломона

Я медлил с ответом, набивая табаком свою трубку.

— Так что же вы слышали относительно дальнейшего путешествия моего брата? — спросил в свою очередь сэр Генри.

— Вот что мне известно, — отвечал я, — и до сегодняшнего дня ни одна живая душа от меня об этом не слышала. Я узнал тогда, что он отправляется в копи царя Соломона^[16].

— Копи царя Соломона! — воскликнули вместе оба мои слушателя. — Где же они находятся?

— Не знаю, — сказал я. — Мне только приходилось слышать, что говорят об этом люди. Правда, я как-то видел вершины гор, по другую сторону которых находятся Соломоновы копи, но между мною и этими горами простиралось сто тридцать миль пустыни, и, насколько мне известно, никому из белых людей, за исключением одного, не удалось когда-либо пересечь эту пустыню. Но, может быть, мне лучше рассказать вам легенду о копиях царя Соломона, которую я слышал? А вы дадите мне слово не разглашать без моего разрешения ничего из того, что я вам расскажу. Вы согласны? У меня есть серьезные основания просить вас об этом.

Сэр Генри утвердительно кивнул головой, а капитан Гуд ответил:

— Конечно, конечно!

— Итак, — начал я, — вам, вероятно, известно, что охотники на слонов — грубые, неотесанные люди и их мало что интересует, кроме обычных житейских дел да кафрских обычаев. Правда, время от времени среди них можно встретить человека, который увлекается собиранием преданий среди туземцев, пытаясь восстановить хоть малую часть истории этой таинственной страны. Как раз от такого человека я впервые услышал легенду о Соломоновых копиях. Было это почти тридцать лет назад, во время моей первой охоты на слонов в Земле Матабеле.

Звали этого человека Иванс. На следующий год бедняга погиб — его убил раненый буйвол. Его похоронили около водопадов Замбези. Однажды ночью, помню, я рассказывал Ивансу об удивительных разработках, на которые натолкнулся, охотясь на антилоп куду^[17] и канну^[18] в той местности, которая теперь называется Лиденбургским районом Трансвааля. Я слышал, что недавно золотопромышленники снова нашли этот прииск, но я-то знал о нем много лет назад. Там в сплошной скале проложена

широкая проезжая дорога, ведущая к входу в прииск или галерею. Внутри, в этой галерее, лежат груды золотоносного кварца, приготовленного для дробления. Это указывает на то, что рабочим, кем бы они ни были, пришлось поспешно покинуть прииск. На расстоянии шагов двадцати вглубь там есть поперечная галерея, с большим искусством облицованная камнем.

— «Ну! — сказал Иванс. — А я расскажу тебе нечто еще более удивительное!»

И он начал мне рассказывать о том, как далеко, во внутренних областях страны, он случайно набрел на развалины города. По его мнению, это был Офир, упоминаемый в библии. Между прочим, другие, более ученые люди подтвердили мнение Иванса спустя много лет после того, как бедняга уже погиб. Помню, я слушал как зачарованный рассказ обо всех этих чудесах, потому что в то время я был молод и этот рассказ о древней цивилизации и о сокровищах, которые выкачивали оттуда старые иудейские и финикийские авантюристы, когда страна давно уже вновь впала в состояние самого дикого варварства, подействовал на мое воображение. Внезапно Иванс спросил меня: «Слышал ли ты когда-нибудь, дружище, о Сулеймановых горах, которые находятся к северо-западу от земли Машукулумбве?»^[19] Я ответил, что ничего не слышал.

«Так вот, — сказал он, — именно там находились копи, принадлежавшие царю Соломону, — я говорю о его алмазных копиях!»

«Откуда ты это знаешь?» — спросил я.

«Откуда я знаю? Как же! Ведь что такое «Сулейман», как не испорченное слово «Соломон»?^[20] И, кроме того, одна старая изанузи^[21] в Земле Маника мне много об этом рассказывала. Она говорила, что народ, живший за этими горами, представлял собою ветвь племени зулусов и говорил на зулусском наречии, но эти люди были красивее и выше ростом, чем зулусы. Среди них жили великие волшебники, которые научились своему искусству у белых людей тогда, когда «весь мир был еще темен», и им была известна тайна чудесной копии, где находили «сверкающие камни».

Ну, в то время эта история показалась мне смешной, хоть она и заинтересовала меня, так как алмазные россыпи тогда еще не были открыты. А бедный Иванс вскоре уехал и погиб, и целых двадцать лет я совершенно не вспоминал его рассказа. Но как раз двадцать лет спустя — а это долгий срок, господа, так как охота на слонов опасное ремесло и редко кому удастся прожить столько времени, — так вот, двадцать лет спустя я услышал нечто более определенное о горах Сулеймана и о стране, которая

лежит по ту сторону гор. Я находился в поселке, называемом крааль ^[22] Ситанди, за пределами Земли Маника. Скверное это место: есть там нечего, а дичи почти никакой. У меня был приступ лихорадки, и чувствовал я себя очень плохо. Однажды туда прибыл португалец, которого сопровождал только слуга-метис. Надо сказать, что я хорошо знаю португальцев из Делагоа ^[23], — нет на земле худших дьяволов, жиреющих на крови и страданиях своих рабов.

Но этот человек резко отличался от тех, с которыми я привык встречаться. Он больше напоминал мне вежливых испанцев, о которых мне приходилось читать в книгах. Это был высокий, худой человек с темными глазами и вьющимися седыми усами. Мы немного побеседовали, так как он мог объясняться на ломаном английском языке, а я немного понимал португальски. Он сказал мне, что его имя Хозе Сильвестр и что у него есть участок земли около залива Делагоа. Когда на следующий день он отправился в путь со своим слугой-метисом, он попрощался со мной, сняв шляпу изысканным старомодным жестом.

«До свиданья, сеньор, — сказал он. — Если нам суждено когда-либо встретиться вновь, я буду уже самым богатым человеком на свете и тогда не забуду о вас!»

Это меня немного развеселило, хоть я и был слишком слаб, чтобы смеяться. Я видел, что он направился на запад, к великой пустыне, и подумал — не сумасшедший ли он и что он рассчитывает там найти.

Прошла неделя, и я выздоровел. Однажды вечером я сидел перед маленькой палаткой, которую возил с собой, и глодал последнюю ножку жалкой птицы, купленной мною у туземца за кусок ткани, стоивший двадцать таких птиц. Я смотрел на раскаленное красное солнце, которое тонуло в бескрайней пустыне, и вдруг на склоне холма, находившегося напротив меня на расстоянии около трехсот ярдов, заметил какого-то человека. Судя по одежде, это был европеец. Сначала он полз на четвереньках, затем поднялся и, шатаясь, прошел несколько ярдов. Потом он вновь упал и пополз дальше. Видя, что с незнакомцем произошло что-то неладное, я послал ему на помощь одного из моих охотников. Вскоре его привели, и оказалось, что это — как вы думаете, кто?

— Конечно, Хозе Сильвестр! — воскликнул капитан Гуд.

— Да, Хозе Сильвестр, вернее — его скелет, обтянутый кожей. Его лицо было ярко-желтого цвета от лихорадки, и большие темные глаза, казалось, торчали из черепа — так он был худ. Его кости резко выступали под желтой кожей, похожей на перманент, волосы были седые.

«Воды, ради бога, воды!» — простонал он; губы его растрескались, и язык распух и почернел.

Я дал ему воды, в которую добавил немного молока, и он выпил не менее двух кварт ^[24] залпом, огромными глотками. Больше я побоялся ему дать. Затем у него начался приступ лихорадки, он упал и начал бредить о горах Сулеймана, об алмазах и пустыне. Я взял его к себе в палатку и старался облегчить его страдания, насколько это было в моих силах. Многого сделать я, конечно, не мог. Я видел, чем это неизбежно должно кончиться. Около одиннадцати часов он немного успокоился. Я прилег отдохнуть и заснул. На рассвете я проснулся и в полумраке увидел его странную, худую фигуру. Он сидел и пристально смотрел в сторону пустыни. Вдруг первый солнечный луч осветил широкую равнину, расстилавшуюся перед нами, и скользнул по отдаленной вершине одной из самых высоких гор Сулеймана, которая находилась от нас на расстоянии более сотни миль.

«Вот она! — воскликнул умирающий по-португальски, протянув по направлению к вершине свою длинную, тощую руку. — Но мне уже никогда не дойти до нее, никогда! И никто никогда туда не доберется! — Вдруг он замолчал. Казалось, что он что-то обдумывает. — Друг, — сказал он, обращаясь ко мне, — вы здесь? У меня темнеет в глазах».

«Да, — ответил я, — я здесь. А теперь лягте и отдохните».

«Я скоро отдохну, — отозвался он. — У меня будет много времени для отдыха — целая вечность. Я умираю! Вы были добры ко мне. Я дам вам один документ. Быть может, вы доберетесь туда, если выдержите путешествие по пустыне, которое погубило и меня и моего бедного слугу».

Затем он пошарил за пазухой и вынул предмет, который я принял за бурский кисет для табака, сделанный из шкуры сабельной антилопы. Он был крепко завязан кожаным ремешком, который мы называем «римпи». Умирающий попытался развязать его, но не смог. Он передал его мне. «Развяжите это», — сказал он. Я повиновался и вынул клочок рваного пожелтевшего полотна [*См. карту.*], на котором что-то было написано буквами цвета ржавчины. Внутри находилась бумага.

Он продолжал говорить очень тихо, так как силы его слабели:

«На бумаге написано то же самое, что и на обрывке материи. Я потратил многие годы, чтобы все это разобрать. Слушайте! Мой предок, политический эмигрант из Лиссабона, был одним из первых португальцев, высадившихся на этих берегах. Он написал этот документ, умирая среди тех гор, на которые ни до этого, ни после не ступала нога белого человека.

Его звали Хозе да Сильвестра, и жил он триста лет назад. Раб, который ожидал его по эту сторону гор, нашел его труп и принес записку домой, в Делагоа. С тех пор она хранилась в семье, но никто не пытался ее прочесть, пока наконец мне не удалось это сделать самому. Это стоило мне жизни, но другому может помочь достичь успеха и стать самым богатым человеком в мире — да, самым богатым в мире! Только не отдавайте эту бумагу никому, отправляйтесь туда сами!»

Затем он снова начал бредить, и час спустя все было кончено.

Мир его праху! Он умер спокойно, и я похоронил его глубоко и положил валуны на могилу, поэтому не думаю, чтобы шакалам удалось вырыть его труп. А потом я оттуда уехал.

— А что же случилось с документом? — спросил сэр Генри, слушавший меня с большим интересом.

— Да, да, что же было написано в этом документе? — добавил капитан Гуд.

— Хорошо, господа, если хотите, я расскажу вам и это. Я еще никому его не показывал, а пьяный старый португальский торговец, который перевел мне этот документ, забыл его содержание на следующее же утро.

Подлинный кусок материи у меня дома, в Дурбане, вместе с переводом бедного дона Хозе, но у меня в записной книжке есть английский перевод и копия карты, если это вообще можно назвать картой. Вот она. А теперь слушайте: «Я, Хозе да Сильвестра, умирая от голода в маленькой пещере, где нет снега, на северном склоне вершины ближайшей к югу горы, одной из двух, которые я называл Грудью Царицы Савской^[25], пишу это собственной кровью в год 1590-й, обломком кости на клочке моей одежды. Если мой раб найдет эту записку, когда он придет сюда, и принесет ее в Делагоа, пусть мой друг (имя неразборчиво) даст знать королю о том, что здесь написано, чтобы он мог послать сюда армию. Если она преодолет пустыню и горы и сможет победить отважных кукуанов и их дьявольское колдовство, для чего следует взять с собой много священнослужителей, то он станет богатейшим королем со времен Соломона. Я видел собственными глазами несметное число алмазов в сокровищнице Соломона, за Белой Смертью, но из-за вероломства Гагулы, охотницы за колдунами, я ничего не смог унести и едва спас свою жизнь. Пусть тот, кто пойдет туда, следует по пути, указанному на карте, и восходит по снегам, лежащим на левой Грудь Царицы Савской, пока не дойдет до самой ее вершины. На северном ее склоне начинается Великая Дорога, проложенная Соломоном, откуда три дня пути до королевских владений. Пусть он убьет Гагулу. Молитесь о моей душе. Прощайте. Хозе да Сильвестра».

Когда я окончил чтение документа и показал копию карты, начерченной слабеющей рукой старого португальца — его собственной кровью вместо чернил, — наступило глубокое молчание. Мои слушатели были поражены.

— Да, — сказал наконец капитан Гуд, — я дважды объехал вокруг света и был во многих местах, но пусть меня повесят, если мне когда-либо приходилось слышать или читать такую историю.

— Да, это странная история, мистер Квотермейн, — прибавил в свою очередь сэр Генри. — Надеюсь, вы не подшучиваете над нами? Я знаю, что это иногда считается позволительным по отношению к новичкам.

— Если вы так думаете, сэр Генри, тогда лучше покончим с этим, — сказал я очень раздраженно, кладя бумагу в карман и поднимаясь, чтобы уйти. — Я не люблю, чтобы меня принимали за одного из этих болванов, которые считают остроумным врать и постоянно хвастаются перед приезжими необычайными охотничьими приключениями, которых на самом деле никогда не было.

Сэр Генри успокаивающим жестом положил свою большую руку мне на плечо.

— Сядьте, мистер Квотермейн, — сказал он, — и извините меня. Я прекрасно понимаю, что вы не хотите нас обманывать, но согласитесь, что ваш рассказ был настолько необычен, что нет ничего удивительного, что я мог усомниться в его правдивости.

— Вы увидите подлинную карту и документ, когда мы приедем в Дурбан, — сказал я, несколько успокоившись. Действительно, когда я задумался над своим рассказом, я понял, что сэр Генри совершенно прав. — Но я еще ничего не сказал о вашем брате. Я знал его слугу Джима, который отправился в путешествие вместе с ним. Это был очень умный туземец, родом из Бечуаны, и хороший охотник. Я видел Джима в то утро, когда мистер Невилль готовился к отъезду. Он стоял у моего фургона и резал табак для трубки.

«Джим, — сказал я, — куда это вы отправляетесь? За слонами?»

«Нет, баас^[26], — отвечал он, — мы идем на поиски чего-то более ценного, чем слоновая кость».

«А что же это может быть? — спросил я из любопытства. — Золото?»

— Нет, баас, нечто более ценное, чем золото». — И он усмехнулся.

Я более не задавал вопросов, потому что не желал показаться любопытным и тем самым уронить свое достоинство. Однако его слова сильно меня заинтересовали.

Вдруг Джим перестал резать табак.

«Баас», — сказал он.

Я сделал вид, что не слышу.

«Баас», — повторил он.

«Да, дружище, в чем дело?» — отозвался я.

«Баас, мы отправляемся за алмазами».

«За алмазами? Послушай, тогда вы совсем не туда едете, — вам же нужно ехать в сторону россыпей».

«Баас, ты слышал когда-нибудь о Сулеймановых горах?»

«Да!»

«Ты слышал когда-нибудь, что там есть алмазы?»

«Я слышал какую-то дурацкую болтовню об этом, Джим».

«Это не болтовня, баас. Я когда-то знал женщину, которая пришла оттуда со своим ребенком и добралась до Наталя. Она сама рассказывала мне об этом. Теперь она уже умерла».

«Твой хозяин пойдет на корм хищным птицам, Джим, если он не откажется от намерения добраться до страны Сулеймана. Да и ты тоже, если только они найдут какую-нибудь поживу в твоём никчемном старом скелете», — сказал я. Он усмехнулся:

«Может быть, баас. Но человек должен умереть. А мне самому хотелось бы попытать счастья в новом месте. К тому же здесь скоро перебьют всех слонов».

«Вот что, дружище! — сказал я. — Подожди-ка, пока «бледнолицый старик»^[27] не схватит тебя за твою желтую глотку, тогда мы послушаем, какую ты запоешь песенку».

Полчаса спустя я увидел, что фургон Невилля двинулся в путь. Вдруг Джим повернул обратно и подбежал ко мне.

«Послушай, баас, — сказал он, — я не хочу уезжать, не попрощавшись с тобой, потому что, пожалуй, ты прав: мы никогда обратно не вернемся».

«Так твой хозяин действительно собрался в Сулеймановы горы, Джим, или ты лжешь?»

«Нет, — отвечал Джим, — это действительно так. Он сказал, что ему необходимо во что бы то ни стало попытаться составить себе состояние, — так почему бы ему не попытаться разбогатеть на алмазах?»

«Подожди-ка немножко, Джим, — сказал я, — ты возьмешь записку для своего хозяина, но обещаю тебе отдать ее только тогда, когда вы достигнете Айнайти» (это было на расстоянии около ста миль).

«Хорошо», — ответил он.

Я взял клочок бумаги и написал на нем: «Пусть тот, кто пойдет туда... восходит по снегам, лежащим на левой груди Царицы Савской, пока не

дойдет до самой ее вершины. На северном ее склоне начинается Великая Дорога, проложенная Соломоном».

«Так вот, Джим, — сказал я, — когда ты отдашь эту записку своему хозяину, скажи ему, что нужно точно придерживаться этого совета. Помни, что ты не должен сейчас отдавать ему эту бумажку, потому что я не хочу, чтобы он повернул обратно и стал задавать мне вопросы, на которые у меня нет желания отвечать. А теперь иди, лентяй, — фургона уже почти не видно». Джим взял записку и побежал догонять фургон. Вот и все, что мне известно о вашем брате, сэр Генри. Но я очень боюсь, что...

— Мистер Квотермейн, — прервал меня сэр Генри, — я отправляюсь на поиски моего брата. Я пройду по его пути до Сулеймановых гор, а если потребуется, то и дальше. Я буду идти, пока не найду его или не узнаю, что он погиб. Вы пойдете со мной?

Мне кажется, я уже говорил, что я осторожный человек и, кроме того, человек тихий и скромный, и меня ошеломило и испугало это предложение. Мне казалось, что отправиться в подобное путешествие — значит пойти на верную смерть. Кроме того, уж не говоря обо всем прочем, я должен помогать сыну и поэтому не могу позволить себе так скоро умереть.

— Нет, благодарю вас, сэр Генри, я предпочел бы отказаться от вашего предложения, — ответил я. — Я слишком стар для того, чтобы принимать участие в сумасбродных затеях подобного рода, которые несомненно окончатся для нас так же, как для моего бедного друга Сильвестра. У меня есть сын, который нуждается в моей поддержке, и я не имею права рисковать своей жизнью.

Сэр Генри и капитан Гуд казались очень разочарованными.

— Мистер Квотермейн, — сказал сэр Генри, — я состоятельный человек и от своего намерения не откажусь. За свои услуги вы можете потребовать любое вознаграждение. Эта сумма будет вам уплачена до нашего отъезда. Одновременно с этим, на случай нашей гибели, я приму меры, чтобы ваш сын был соответствующим образом обеспечен. Из сказанного мною вы поймете, насколько необходимым я считаю ваше участие. Если же нам посчастливится добраться до Сулеймановых копей и найти алмазы, вы поделите их поровну с Гудом. Мне они не нужны. Я сильно сомневаюсь в том, что нам удастся туда добраться, так как надежды на это нет почти никакой. Но я не сомневаюсь в том, что в пути мы сможем добыть слоновую кость, и вы поступите с нею таким же образом. Вы можете поставить мне свои условия, мистер Квотермейн. Кроме того, я, конечно, оплачу все расходы.

— Сэр Генри, — сказал я, — я никогда не получал более щедрого предложения, и бедному охотнику и торговцу следует о нем поразмыслить. Но мне еще не приходилось иметь дело с таким крупным предприятием. Мне нужно время, чтобы все это обдумать. Во всяком случае, я дам вам ответ до нашего прибытия в Дурбан.

— Прекрасно, — ответил сэр Генри.

Затем я пожелал им доброй ночи и ушел к себе.

В эту ночь мне снились бедный, давно умерший Сильвестр и алмазы.

Глава III . Амбопа поступает к нам в услужение

Чтобы добраться морем от Кейптауна до Дурбана, нужно затратить четыре — пять дней: это зависит от состояния погоды и скорости хода судна. В Ист-Лондоне^[28] постройка порта еще не закончена, несмотря на то, что на него уже ухлопали целую кучу денег. Поэтому, вместо того, чтобы причаливать к пристани в прекрасно оборудованном порту, о котором давно прожужжали все уши, пароходы до сих пор бросают якорь далеко от берега. Если море беспокойно, то бывает, что приходится ждать целые сутки, пока наконец от берега смогут отойти буксиры с шлюпками за пассажирами и грузом. Но нам, к счастью, ждать не пришлось. Когда мы подошли к Ист-Лондону, волнение на море было совсем незначительное, и с берега сразу же отчалили буксиры, ведя за собой вереницу безобразных плоскодонных шлюпок. С нашего парохода со всего размаха начали швырять в них тюки с товаром, не обращая внимания на то, что в них находится: шерсть, фарфор — все летело вниз в одну кучу. Стоя на палубе, я видел, как вдребезги разбился ящик с четырьмя дюжинами шампанского и искристое вино брызнуло и запенилось по дну грязной грузовой шлюпки. Ужасно досадно было смотреть, как бессмысленно пропадает столько вина! Это быстро сообразили и находившиеся в лодке грузчики-кафры. Они нашли две случайно уцелевшие бутылки, отбили у них горлышки и выпили все до дна. Шампанское ударило им в голову, и они сразу же опьянели. Этого кафры никак не ожидали: в страшном испуге они начали кататься по дну лодки, крича, что добрый напиток «тагати» — то есть заколдован. Я вступил с ними в разговор и подтвердил, что они выпили самую страшную отраву белого человека и должны умереть. В диком ужасе кафры налегли на весла, и лодка помчалась к берегу. Я уверен, что никогда в жизни они не дотронутся больше до шампанского.

Всю дорогу в Наталь я думал о предложении сэра Куртиса. Первые дня два мы не затрагивали этого вопроса, хотя и были все время вместе. Я рассказывал сэру Генри и Гуду о своих охотничьих приключениях, причем ничего не выдумывал и не преувеличивал, как это имеют обыкновение делать охотники. Я считаю, что и не имеет смысла нам, африканским охотникам, привирать и плести небылицы. У нас бывают такие необыкновенные приключения, что и без того есть чем поделиться.

Впрочем, это к моему рассказу не относится.

Наконец в один прекрасный январский день — у нас ведь январь самый жаркий месяц — наш пароход стал подходить к Наталю, и мы пошли вдоль его живописных берегов, рассчитывая к закату солнца обогнуть Дурбанский мыс. Этот берег с его красными песчаными холмами и бесконечными просторами ярко-изумрудной зелени, в которой прячутся краали кафров, удивительно красив. Набегающие волны, ударяясь о прибрежные скалы, поднимаются ввысь и, падая, образуют белоснежную полосу пены, которая тянется вдоль всего берега. Но особенно роскошна природа у самого Дурбана. В течение многих веков бурные потоки дождей промыли в холмах глубокие ущелья, по которым текут сверкающие на солнце реки; на фоне густых темно-зеленых зарослей кустарников, растущих так, как насадил их сам господь, время от времени виднеются рощи хлебных деревьев и плантации сахарного тростника. Изредка среди этой пышной зелени вдруг выглядывает белый домик и словно улыбается безмятежно-спокойному морю, придавая особую законченность и домашний уют всей этой великолепной панораме.

Я думаю, как бы прекрасен ни был пейзаж, он непременно требует присутствия человека. Возможно, мне это кажется потому, что уж слишком долго я прожил в диких и безлюдных местах и потому знаю цену цивилизации, хотя она вытесняет и зверя и дичь. Райский сад был, конечно, прекрасен и до появления человека, но я убежден, что он стал еще прекраснее, когда в нем стала гулять Ева.

Но вернусь к рассказу. Мы немного ошиблись в расчете, и солнце давно уже село, когда мы бросили якорь неподалеку от Дурбанского мыса и услышали выстрел, извещающий добрых жителей Дурбана о прибытии почты из Англии. Ехать на берег было слишком поздно; мы посмотрели, как грузят в спасательную шлюпку почту, и пошли обедать.

Когда мы снова вышли на палубу, луна уже вошла и ярко освещала море и берег. Быстро мелькающие огни маяка казались совсем бледными в ее ослепительном сиянии. С берега доносился пряный, сладкий аромат, который мне всегда напоминает церковные песнопения и миссионеров. Домики на Берейской набережной были ярко освещены. С большого брига, стоявшего рядом с нами, доносились музыка и песни матросов, которые поднимали якорь, готовясь выйти в море. Была тихая, чудная ночь, одна из тех ночей, которые бывают в Южной Африке. Как луна окутывала своим серебристым покровом всю природу, так и эта дивная ночь окутывала покровом мира все живущее на земле. Даже огромный бульдог, принадлежавший одному из наших пассажиров, под влиянием этой

торжественной тишины и покоя забыл о своем желании вступить в бой с обезьяной, сидевшей в клетке на полубаке. Он лежал у входа в каюту и сладко храпел: должно быть, ему снилось, что он прикончил обезьяну, и поэтому был наверху блаженства.

Мы трое — то есть сэр Генри Куртис, капитан Гуд и я — пошли и сели у штурвала.

— Ну, мистер Квотермейн, — обратился ко мне сэр Генри после минутного молчания, — обдумали вы мое предложение?

— Да, да! — повторил за ним капитан Гуд. — Что же вы решили? Надеюсь, вы примете участие в нашей экспедиции? Мы были бы счастливы, если бы вы согласились сопровождать нас не только до копей царя Соломона, но и вообще всюду, где мог бы оказаться джентльмен, которого вы знали под фамилией Невилль.

Я молча встал, подошел к борту и стал выколачивать трубку. Я не знал, что ответить, мне нужна была хотя бы еще минута, чтобы прийти к окончательному решению. И в то мгновение, когда горящий пепел блеснул в темноте, это решение было принято — я согласился. Так часто бывает в жизни: вы долго колеблетесь и не знаете, как быть, а в конце концов решаете вопрос в одно мгновение.

— Хорошо, господа, — сказал я, садясь на свое место, — я согласен. С вашего разрешения, я расскажу вам, почему и на каких условиях я принимаю ваше предложение. Начну с условий.

Первое. Помимо того, что вы оплачиваете все расходы, связанные с путешествием, вся слоновая кость и другие ценности, добытые нами в пути, должны быть поровну поделены между капитаном Гудом и мною.

Второе. Кроме того, прежде чем мы тронемся в путь, вы уплачиваете мне за услуги пятьсот фунтов стерлингов. Я же обязуюсь честно служить вам до тех пор, пока вы сами не откажетесь от вашего предприятия, или пока мы не достигнем нашей цели, или не погибнем.

Третье. Прежде чем мы отправимся в Сулеймановы горы, вы должны оформить обязательство, по которому в случае моей гибели или тяжелого увечья вы обязуетесь выплачивать моему сыну Гарри, который изучает медицину в Лондоне, ежегодно сумму в размере двухсот фунтов в течение пяти лет. К этому времени он уже станет на ноги и будет в состоянии зарабатывать на жизнь, если, конечно, вообще из него выйдет толк. Вот и все мои условия. Может быть, вы считаете, что я очень много прошу?

— Нет, нет! — с живостью возразил сэр Генри. — Я с удовольствием принимаю все ваши условия. Я решил во что бы то ни стало отправиться на поиски брата и от своего намерения не отступлюсь. Принимая во внимание

ваш опыт и исключительную осведомленность в деле, которое меня интересует, я готов заплатить вам еще больше.

— Тогда жаль, что мне не пришло в голову попросить больше, — сказал я, — но своих слов я никогда обратно не беру. А теперь скажу вам, по каким причинам я решил с вами идти в такой далекий и опасный путь. Прежде всего, господа, должен вам сказать, что все эти дни я присматривался к вам, и не сочтите с моей стороны дерзостью, если скажу, что вы оба мне очень нравитесь. Я уверен, что мы великолепно пойдем в одной упряжке. А когда собираешься в такой длительный путь, это очень важно. Что касается самого путешествия — я имею в виду нашу попытку перейти Сулеймановы горы, скажу вам прямо, господа, что вряд ли мы вернемся оттуда живыми. Какова была судьба старого да Сильвестра триста лет назад? Какая судьба постигла его потомка двадцать лет назад? И какова судьба вашего брата? Скажу вам откровенно, господа, я уверен, что нас ждет та же участь.

Я остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели мои слова. Мне показалось, что капитан Гуд был немного встревожен; лицо сэра Генри даже не дрогнуло.

— Мы должны рискнуть, — сказал он своим обычным, спокойным тоном.

— Вам может показаться странным, — продолжал я, — что, предвидя такой конец нашего путешествия, я все же не отказываюсь идти с вами, тем более, что человек я робкий. Но на это есть две причины. Во-первых, я фаталист и убежден, что мой смертный час предопределен независимо от моих поступков и желаний. И если мне суждено идти в Сулеймановы горы и там погибнуть, это значит, что так предназначено мне судьбой. Конечно, всемогущий господь знает, что он собирается со мной делать, поэтому мне самому не надо об этом беспокоиться. Во-вторых, я человек бедный. Несмотря на то, что я занимаюсь охотой почти сорок лет, я ничего не скопил, так как моих заработков хватает мне только на жизнь. Вы, конечно, знаете, господа, что охота на слонов дело опасное и люди, занимающиеся этим ремеслом, живут в среднем четыре — пять лет. Я же эти установленные сроки превысил почти в семь раз и потому думаю, что час моей смерти не так уж далек. Если я погибну на охоте, то после уплаты моих долгов мой сын Гарри, которому еще надо учиться, чтобы стать на ноги, останется без всяких средств к существованию. Если же я отправлюсь с вами, он будет обеспечен на пять лет. Вот вам вкратце мои соображения.

— Мистер Квотермейн, — сказал сэр Генри, слушавший меня с

большим вниманием, — причины, заставляющие вас присоединиться к нашей экспедиции, которая, по вашему мнению, может закончиться столь печально, делает вам честь. Конечно, только время и события покажут, правы вы или нет. Но иду ли я на верную гибель, или нет, я решил довести это дело до конца, каков бы он ни был. Ну, а если уж нам суждено погибнуть, я надеюсь, что перед смертью мы все же сможем немного поохотиться. Как вы думаете, Гуд?

— Разумеется, — подтвердил капитан. — Мы все трое привыкли смотреть опасности в глаза и сумеем постоять за себя. Поэтому отступить не следует. А теперь я предлагаю спуститься в кают-компанию и выпить за счастливый исход нашего путешествия.

На следующий день мы съехали на берег, и я предложил сэру Генри и капитану Гуду поселиться в моем скромном домике на Берейской набережной. В нем только три комнаты и кухня; выстроен он из необожженного кирпича, а крыша покрыта оцинкованным железом. Но зато сад у меня прекрасный. В нем растут самые лучшие сорта японской мушмулы^[29] и чудные манговые деревья^[30], от которых я ожидаю великолепных плодов. Их подарил мне директор Ботанического сада. У меня есть садовник, один из моих бывших охотников, по имени Джек. Когда мы с ним охотились в Стране Сикукунис, буйволица так сильно искалечила ему бедро, что бедный Джек был вынужден навсегда забыть об охоте. Но он может кое-как ковылять и ухаживать за садом. Сам Джек — из миролюбивого племени гриква; зулуса вы никогда не заставите заниматься садоводством — мирные занятия ему не по душе.

Так как в моем домишке было тесно, сэр Генри и Гуд спали в палатке, которую я разбил в апельсиновой аллее в конце сада. Деревья были в цвету, и от них шел приятный аромат, а на ветках ярко выделялись зеленые и золотые плоды (надо сказать, что у нас в Дурбане на деревьях можно видеть и цветы и плоды одновременно). Место наше красивое, и спать на воздухе очень приятно, тем более, что у нас в Береа москитов почти нет, если же они иногда и появляются, то только после сильных дождей.

Однако надо продолжать рассказ, иначе он тебе, Гарри, надоест раньше, чем мы доберемся до Сулеймановых гор. Итак, решив отправиться с сэром Генри, я немедленно занялся необходимыми приготовлениями. Прежде всего, мой мальчик, я получил от сэра Генри документ, обеспечивающий твое будущее. Здесь мы столкнулись с некоторыми затруднениями: сэр Генри не был местным жителем, и деньги, которые тебе следовало бы получать в случае моей гибели, находились в Англии. Но в конце концов мы это дело уладили благодаря одному ловкому адвокату,

который содрал с нас возмутительную цену — целых двадцать фунтов стерлингов.

Положив чек на пятьсот фунтов в карман и отдав таким образом дань предосторожности, я купил за счет сэра Генри фургон и упряжку превосходных волов. Фургон был длиной в двадцать два фута, на железных осях, очень прочный и легкий, правда не совсем новый. Один раз он уже побывал на Алмазных россыпях, но вернулся оттуда без повреждений. Это еще больше меня убедило в том, что повозка была сделана из сухого, хорошо выдержанного дерева. Если фургон плохо сложен или сделан из сырого материала, это обнаруживается при первой же поездке. Задняя часть нашей повозки на протяжении двенадцати футов была крыта брезентом в виде навеса, передняя же, предназначенная для багажа, была открыта. Такие фургоны у нас называются «полукрытыми». Задняя часть была приспособлена для жилья — в ней находилась постель из шкур, на которой могли спать два человека, полка для оружия и кое-какие необходимые вещи. Я дал за него сто двадцать пять фунтов и считаю, что это было недорого.

Затем я купил великолепную упряжку из двадцати зулусских быков, которыми любовался уже около двух лет. Обычная упряжка состоит из шестнадцати голов, но на всякий случай я купил еще четыре. Зулусский скот низкорослый и легкий, почти наполовину меньше африкандерского^[31], который используется для перевозки тяжелых грузов. Эти мелкие животные менее подвержены болезням ног, чем крупные, чрезвычайно неразборчивы в корме и приспособлены к самым тяжелым условиям. Поэтому они выживают там, где африкандерские мрут с голоду. Зулусские быки легче и быстроходнее; с легкой ношей они могут пройти пять миль в день. Кроме того, наши животные были хорошо «просолены» — то есть закалены, так как исходили всю Южную Африку вдоль и поперек. Поэтому наша упряжка была до некоторой степени гарантирована от той страшной формы малярии, которая так часто уничтожает целые стада, когда они попадают в непривычные им вельды^[32]. Что касается страшной легочной болезни — то есть чахотки, — которая у нас так часто губит скот, им была сделана прививка. Для этого на хвосте быка, примерно на один фут от основания, делается надрез, к которому привязывается кусочек легкого, взятого у животного, погибшего от этой болезни. Через некоторое время бык заболевает легкой формой чахотки, хвост у него отмирает и отпадает на месте надреза, но зато сам он становится невосприимчив к чахотке. Жестоко, конечно, лишать животное хвоста, особенно в стране, где так

много мух, но уж лучше пожертвовать хвостом, чем потерять и хвост и быка. Хвост без быка ни на что не годен, разве только чтобы смахивать им пыль. Но все-таки довольно забавно идти за быками и видеть перед собой двадцать жалких огрызков вместо хвостов. Так и кажется, что природа что-то напутала и вместо хвостов приставила быкам задние украшения целой своры премированных бульдогов.

После того, как вопрос с животными был улажен, надо было подумать о провианте и лекарствах. Это требовало самого тщательного обсуждения. Нам нельзя было перегружать фургон и вместе с тем нужно было взять много вещей, необходимых для такого длительного путешествия. К счастью, оказалось, что Гуд кое-что смыслит в медицине. Каким-то образом ему когда-то удалось прослушать курс медицины и хирургии, и время от времени он применял свои познания на практике. У капитана не было, конечно, звания доктора, но впоследствии мы убедились, что он понимает в этом деле больше, чем многие из тех господ, которые получили право писать после своей фамилии звание доктора медицины. У него была отличная походная аптечка и набор хирургических инструментов. Когда мы еще были в Дурбане, он отрезал у какого-то кафра большой палец ноги так ловко, что было просто приятно смотреть. Но капитан был совершенно ошеломлен, когда этот кафр, флегматично следивший за операцией, попросил приставить ему новый палец, говоря, что на худой конец подойдет и белый.

Благополучно уладив дела с провиантом и лекарствами, мы перешли к вопросу об оружии и найме прислуги. Что касается оружия, я лучше приведу список отобранного нами из того богатого запаса, который сэр Генри привез с собой из Англии, и того, что было у меня. Этот список сохранился в моей записной книжке, сейчас мне остается только его переписать:

«Три тяжелых дуствольных ружья, заряжающихся с казны, центрального боя, весом около пятнадцати фунтов каждое, с зарядом в одиннадцать драхм ^[33] черного пороха».

Эти ружья предназначались для охоты на слонов. Два из них — для сэра Генри и капитана Гуда — были изготовлены искуснейшими мастерами одной из знаменитых лондонских фирм. Не знаю, какой фирмы было мое ружье: оно, правда, не было такое красивое, но зато было неоднократно проверено мною в охоте на слонов.

«Три дуствольных ружья системы «экспресс-500», стреляющие разрывными пулями, рассчитанные на заряд в шесть драхм», — превосходное оружие, в особенности на среднего зверя (как, например, на

круторогую, или сабельную, антилопу), и незаменимое для самозащиты от врагов в открытой местности.

«Одно дуствольное киперовское дробовое ружье двенадцатого калибра, центрального боя, с обоими стволами — чок»^[34]. Впоследствии это ружье оказало нам огромную помощь в обеспечении нас повседневной пищей.

«Три магазинные винтовки системы «винчестер» (не карабины)».

Это было наше запасное оружие.

«Три самовзводных револьвера «кольта» с патронами крупного калибра». Таково было наше вооружение. Нужно отметить, что оружие каждого класса было одной системы и калибра, и поэтому мы могли обмениваться патронами, что было очень удобно и важно. Я не прошу извинения у читателя за то, что, возможно, утомил его перечислениями таких подробностей, так как каждый опытный охотник знает, насколько существенным является выбор оружия для успеха экспедиции.

Теперь перехожу к прислуге, которая должна была нас сопровождать. После долгих обсуждений мы решили, что вполне достаточно взять с собой пять человек: проводника, кучера и трех слуг. И кучера и проводника я нашел без особого труда. Это были два зулуса, по имени Гоза и Том. Найти же слуг оказалось делом более сложным. Нам нужны были люди храбрые, надежные, на которых мы могли бы полностью положиться, так как от их поведения могла зависеть наша жизнь. Наконец мне удалось найти двух — одного готтентота^[35], по имени Вентфогель, что значит «птица ветров», и маленького зулуса Хиву, у которого было то достоинство, что он отлично говорил по-английски. Вентфогеля я знал давно. В своей жизни я редко встречал лучшего охотника-следопыта. Он был необычайно вынослив и, казалось, состоял из одних мускулов и сухожилий. Но, к сожалению, у него был один недостаток, присущий его племени: он любил выпить. Поэтому полностью на него положиться было нельзя: стоило поставить перед ним бутылку грога — и он забывал все на свете. Но так как мы отправлялись в места, где не было ни трактиров, ни винных лавок, эта маленькая слабость не имела особого значения.

Третьего слугу я никак не мог найти, и мы решили отправиться только с двумя, надеясь, что в пути встретим подходящего человека. Но, накануне нашего отъезда, вечером, когда мы обедали, вошел Хива и доложил, что меня хочет видеть какой-то зулус. После того, как мы встали из-за стола, я приказал Хиве его ввести. В комнату вошел рослый, красивый человек, лет тридцати, с очень светлой для зулуса кожей. Вместо приветствия он поднял

свою узловатую палку и молча уселся на корточках в углу комнаты. В течение некоторого времени я делал вид, что не замечаю его присутствия; с моей стороны было бы большой оплошностью поступить иначе: если вы сразу вступаете в разговор с туземцем, он может подумать, что вы человек ничтожный и лишены чувства собственного достоинства. Однако я успел заметить, что он был «кэшла» — то есть «человек с обручем». В его волосы было вплетено широкое кольцо, сделанное из особого сорта каучука, которое для блеска было натерто жиром. Такие обручи носят зулусы, достигшие известного возраста и имеющие высокое звание. Лицо его показалось мне знакомым.

- Ну, — сказал я наконец, — как тебя зовут?
- Амбопа, — ответил туземец приятным низким голосом.
- Я где-то тебя уже видел.
- Да, инкоози^[36], отец мой, ты видел меня в местечке Литтл-Хэнд, в

Изандхлуане^[37], накануне битвы.

Тут я все вспомнил. Во время несчастной войны с зулусами я был одним из проводников лорда Челмсфорда^[38]. К счастью, мне удалось покинуть лагерь с порученными мне фургонами как раз накануне битвы. Пока запрягали волов, я разговорился с этим человеком. Он командовал отрядом туземцев, сражавшихся на нашей стороне. В разговоре он высказал свои сомнения относительно безопасности нашего лагеря. Тогда я ему предложил попридержать язык, так как это было не его ума дело, но впоследствии я не раз вспоминал его слова.

— Я помню, — сказал я. — Что же тебе от меня надо?

— Вот что, Макумазан (так зовут меня кафры; в переводе это значит «человек, который встает после полуночи»). А по-нашему, это просто-напросто человек, который всегда находится на чеку). Я слышал, что ты собираешься в длинный путь далеко на север с белыми вождями, прибывшими из-за великой воды. Правда ли это?

— Да, правда.

— Я слышал, что вы пойдете до самой реки Луганги, которая находится на расстоянии одной луны пути от земли Маника. Это тоже правда, Макумазан?

— Зачем тебе нужно знать, куда мы идем? Какое тебе дело? — ответил я, глядя на него с недоверием, так как цель нашего путешествия мы решили хранить в глубокой тайне.

— О белые люди! — воскликнул туземец. — Если вы действительно отправляетесь так далеко, то я хочу идти вместе с вами!

Меня поразили тон и манера разговаривать этого человека. Он держался с необычайным достоинством, и в нем чувствовалось какое-то внутреннее благородство. Особенно удивили меня его слова: «О белые люди», вместо обычного обращения к белым: «О инкоози» — то есть вожди.

— Ты забываешься! — сказал я резко. — Думай, прежде чем обращаться с разговором к белым людям. Кто ты такой и где твой крааль? Ответь нам, чтобы мы знали, с кем мы имеем дело.

— Мое имя Амбопа. Я принадлежу к зулусскому племени, но на самом деле я не зулус. Жилища моего племени находятся далеко на севере. Мой народ остался там, когда другие зулусы спустились сюда. Это было тысячу лет назад, задолго до царя Чака, который правил Страной Зулусов. У меня нет крааля. Я скитаюсь много лет. Я пришел в Страну Зулусов с севера, когда был ребенком. Затем служил королю Кетчвайо^[39] в

Нкомабакозийском полку. Из Страны Зулусов я бежал в Наталь, потому что хотел узнать, как живут белые люди. Потом я воевал против Кечвайо. С тех пор я живу и работаю в Натале. Мне здесь все надоело, и я хочу снова идти на север. Здесь мне не место. Денег от вас мне не надо. Я человек храбрый и буду вам полезен. Я отработаю пищу, которую съем, и заслужу место у костра, которое займу. Я сказал.

Я был совершенно озадачен просьбой этого человека. По его непосредственному поведению и разговору было видно, что в основном он говорит правду. Но этот туземец настолько отличался от обыкновенных зулусов и его предложение идти с нами без вознаграждения было настолько странно, что не могло не вызвать у меня подозрения. Не зная, что ему ответить, я перевел сэру Генри и Гуду наш разговор и спросил их совета. Вместо ответа сэр Генри попросил меня передать Амбопе, чтобы он встал.

Сбросив с себя длинный военный плащ, зулус выпрямился во весь свой исполинский рост и предстал перед нами совершенно обнаженным, если не считать мучи^[40] и ожерелья из львиных когтей. Он был великолепен. Я никогда в жизни не видел такого красивого туземца. Роста он был шести футов и трех дюймов, широкоплечий и удивительно пропорционально сложенный. При вечернем освещении кожа его была чуть темнее обычной смуглой, только многочисленные следы от нанесенных ассегаями^[41] ран выделялись на его теле темными пятнами. Сэр Генри подошел к нему и пристально посмотрел на его гордое, красивое лицо.

— Какая прекрасная пара! — сказал Гуд, наклоняясь ко мне. — Посмотрите, они совсем одинакового роста.

— Мне нравится ваша внешность, мистер Амбопа, — сказал по-английски сэр Генри, обращаясь к зулусу, — и я беру вас к себе в услужение. Очевидно, Амбопа понял его, потому что он ответил по-зулусски: «хорошо», и, взглянув на могучую фигуру белого человека, добавил:

— Мы настоящие мужчины — ты и я.

Глава IV . Охота на слонов

Я не собираюсь подробно рассказывать обо всех событиях, происшедших в течение нашего продолжительного путешествия до крааля Ситанди, который находится на расстоянии более тысячи миль от Дурбана, у слияния рек Луканга и Калюкве. Последние триста миль или около того нам пришлось пройти пешком, так как часто стали появляться ужасные мухи цеце, укус которых смертелен для всех животных, за исключением ослов.

Мы оставили Дурбан в конце января, и шла уже вторая неделя мая, когда мы расположились лагерем около Крааля Ситанди. По пути у нас было много разнообразных приключений, но так как подобные приключения случаются с каждым африканским охотником, то, чтобы не сделать мое повествование слишком скучным, я не буду их излагать здесь, кроме одного, о котором сейчас расскажу подробно.

В Айнайти — конечном торговом пункте Земли Матабеле, которой правит король Лобензула (кстати сказать, ужасный негодяй), — нам пришлось с огромным сожалением распрощаться с нашим удобным фургоном. В нашей великолепной упряжке из двадцати волов, приобретенных нами в Дурбане, осталось только двенадцать. Один погиб от укуса кобры, три пали от истощения и недостатка воды, один заблудился и пропал, а еще три подошли, наевшись ядовитых растений из семейства тюльпановых. От этого же заболели еще пять, но нам удалось их вылечить вливанием отвара тюльпановых листьев. Это очень сильное противоядие, если ввести его своевременно. Фургон и быков мы поручили непосредственным заботам Гозы и Тома, вполне надежных юношей, попросив почтенного шотландского миссионера, который жил в этих диких местах, присматривать за нашим имуществом. Затем в сопровождении Амбопы, Хивы, Вентфогеля и полудюжины носильщиков-кафров мы отправились пешком на осуществление нашего безумного замысла.

Я помню, что, отправляясь в путь, мы все были несколько молчаливы. Вероятно, каждый из нас думал о том, придется ли ему вновь увидеть этот фургон. Что касается меня — я совершенно на это не рассчитывал. Некоторое время мы шли в молчании. Вдруг Амбопа, который шел впереди, запел зулусскую песню о том, как несколько храбрецов, которым наскучило однообразие повседневной жизни и привычные вещи, отправились в бескрайнюю пустыню, чтобы найти там что-то новое или

умереть, и как вдруг — о чудо! — когда они зашли далеко в глубь пустыни, они увидели, что это совсем не пустыня, а красивая местность, где много юных жен и тучного скота, много дичи для охоты и много врагов, которых можно убивать.

Мы все развеселились и сочли это за доброе предзнаменование. Амбопа был веселым малым. Правда, иногда у него бывали периоды мрачного настроения, но в остальное время ему была свойственна удивительная способность поддерживать в людях бодрость, причем он сам никогда не терял чувства собственного достоинства. Все мы очень полюбили его.

Теперь я доставлю себе удовольствие рассказать об одном происшествии, так как я страстно люблю охотничьи рассказы.

На расстоянии двух недель пути от Айнайи нам встретился удивительно красивый уголок. Почва здесь была влажная. В ущельях между высокими холмами рос густой кустарник айдоро (как называют его туземцы), а кое-где — колючий кустарник «wacht-eeen-beche» («подожди-ка немного»). Там также росло очень много прекрасных деревьев мачабель, отягченных освежающими желтыми плодами, внутри которых находятся огромные косточки. Плоды этого дерева представляют собой любимое лакомство слонов, о присутствии которых в этой местности свидетельствовали многочисленные следы их ног, а также и то, что во многих местах деревья были поломаны и даже вырваны с корнем: когда слон ест, он все вокруг разрушает.

Однажды вечером, после длительного дневного перехода, мы вышли на место поразительной красоты. У подножия холма, поросшего кустарником, находилось высохшее русло реки, в котором, однако, встречались небольшие водоемы, наполненные прозрачной, как хрусталь, водой, вокруг которых было много следов копыт диких животных. Перед холмом расстилалась равнина, похожая на парк; на ней группами росли мимозы с плоскими вершинами, а среди них — деревья мачабель с блестящими листьями. Вокруг было огромное молчаливое море кустарника, через которое не пролегала ни единая тропа. Как только мы вышли на дорогу, образованную ложем реки, мы спугнули стадо высоких жираф, которые ускакали, или, вернее, уплыли своей странной поступью, подняв торчком хвосты и отбивая копытами дробь подобно кастаньетам. Когда они были на расстоянии около трехсот ярдов от нас, то есть фактически на дистанции, недосягаемой для огнестрельного оружия, Гуд, который шел впереди, не смог противостоять искушению. Он поднял свое ружье, заряженное разрывной пулей крупного калибра, и выстрелил в

молодую самку, бежавшую последней. По невероятной случайности пуля попала ей прямо в шею, повредив спинной хребет, и жирафа полетела кувырком, через голову, как кролик. Мне никогда не приходилось видеть более удивительного зрелища. — Черт бы ее побрал! — сказал Гуд. (К моему сожалению, когда он волновался, у него была привычка употреблять сильные выражения, приобретенные несомненно во время его морской карьеры). — Черт бы ее побрал! Ведь я ее убил!

— Оу, Bugwan! (Да, Бугван!) — воскликнули наши носильщики-кафры. — Оу, ou! (Да, да!) Они называли Гуда «Бугван» («стеклянный глаз») из-за его монокля.

— Да, Бугван! — отозвались, как эхо, мы с сэром Генри.

И с этого дня за Гудом укоренилась, по крайней мере среди кафров, репутация отличного стрелка. В действительности он был плохим стрелком, но всякий раз при его очередном промахе мы не придавали этому никакого значения, вспоминая его знаменитый выстрел.

Приказав нескольким из наших слуг вырезать лучшие куски мяса жирафы, мы принялись строить ограду, или шерму, на расстоянии около ста ярдов вправо от одного из водоемов. Делается это так. Срезают большое количество ветвей колючего кустарника и укладывают их в форме круглой изгороди. Пространство, находящееся внутри изгороди, выравнивают, и в центре сооружают постель из сухой травы тамбуки, если она, конечно, поблизости имеется, и зажигают один или несколько костров.

К тому времени, как шерма была окончена, уже всходила луна, и наш обед, состоявший из бифштексов мяса жирафы и жареных мозговых костей, был готов. С каким наслаждением мы угощались этими мозговыми костями, хоть их и трудновато было расколоть!

Я не знаю лучшего лакомства, чем мозг жирафы — конечно, кроме слоновего сердца, которым мы полакомились на следующий день.

При свете полной луны мы сидели за своей скромной трапезой, по временам прерывая ее, чтобы вновь поблагодарить Гуда за его замечательный выстрел. Затем мы закурили трубки и начали рассказывать разные истории. Вероятно, мы, сидя на корточках вокруг костра, представляли собой очень любопытное зрелище.

Особенно резко бросался в глаза контраст между мною и сэром Генри. Я худ, небольшого роста, кожа у меня темная, седые волосы торчат, как щетка, и вешу я всего шестьдесят килограммов, а сэр Генри высокого роста, широкоплечий, белокурый и весит около девяноста пяти. Но, принимая во внимание все обстоятельства, вероятно, удивительнее всех троих выглядел капитан Джон Гуд, отставной офицер Королевского флота.

Он сидел на кожаном мешке, и казалось, будто он только что вернулся после приятно проведенного дня на охоте в цивилизованной стране, — совершенно чистый, аккуратный и хорошо одетый. На нем был охотничий костюм из коричневого твида^[42], шляпа такого же цвета и элегантные гетры. Вообще говоря, мне никогда не приходилось видеть в дикой африканской пустыне такого великолепно выбритого, безукоризненно изящного и опрятного джентльмена. Его фальшивые зубы были в полном порядке, а в правом глазу, как обычно, красовался монокль. Он даже не забыл надеть воротничок из белой гуттаперчи, которых у него был изрядный запас.

— Видите ли, они весят так мало, — сказал он мне простодушно, когда я выразил свое изумление по этому поводу. — А я люблю всегда выглядеть джентльменом.

Вот так мы и сидели, разговаривая при волшебном свете луны, наблюдая, как кафры на расстоянии нескольких ярдов посасывают свои трубки с мундштуком из рога южноафриканской антилопы, наполненные опьяняющей даккой. Наконец они один за другим заснули у костра, завернувшись в свои одеяла, то есть все, за исключением Амбопы, который сидел в стороне. (Я заметил, что он всегда мало общался с кафрами.) Он сидел, подперев голову руками, глубоко задумавшись.

Вдруг из чащи кустарника позади нас раздалось громкое рычание.

— Это лев, — сказал я.

Все мы вскочили и прислушались.

Сейчас же с водоема, находившегося на расстоянии около ста ярдов, донесся оглушительный рев слона.

— *Unkungunklovo Indlovu!* (Слон! Слон!) — зашептали кафры.

И несколько минут спустя мы увидели процессию огромных туманных фигур, медленно движущуюся по направлению к зарослям кустарника. Гуд вскочил, полный жажды убийства, по-видимому считая, что убить слона так же легко, как жирафу, с которой ему так повезло, но я схватил его за руку и заставил сесть.

— Ни в коем случае, — сказал я, — пусть они пройдут.

— Оказывается, тут настоящий рай для охотника! Я предложил бы здесь остановиться на денек, другой и поохотиться, — вдруг сказал сэр Генри.

Я был несколько удивлен этим, так как до сих пор сэр Генри всегда был за то, чтобы двигаться вперед как можно скорее, в особенности, когда мы удостоверились в Айнайти, что около двух лет назад англичанин, по фамилии Невилль, действительно продал там свой фургон и ушел вглубь

страны. Полагаю, что инстинкт охотника взял в этом случае верх.

Гуд с радостью ухватился за эту мысль, потому что мечтал поохотиться на слонов. О том же, правду сказать, мечтал и я, так как не мог примириться с мыслью, что мы дадим спокойно уйти целому стаду слонов и не воспользуемся таким удобным случаем, чтобы поохотиться.

— Ну что ж, друзья мои, — сказал я, — думаю, что нам не мешало бы немного поразвлечься. А теперь ляжем спать, так как нам надо встать до восхода солнца. Тогда, может быть, нам удастся захватить стадо, когда оно будет пастись, перед тем как двинуться дальше.

Все согласились с моим предложением, и мы начали готовиться ко сну. Гуд снял свою одежду, почистил ее, спрятал монокль и искусственные зубы в карман брюк и, аккуратно свернув свои вещи, положил там, где их не могла намочить утренняя роса, прикрыв углом своей простыни из прорезиненной материи. Мы с сэром Генри довольствовались более скромными приготовлениями и вскоре улеглись, укрывшись одеялами, и погрузились в глубокий сон без сновидений, который вознаграждает путешественника.

И во сне нам казалось, что мы идем, идем, идем... Но что это такое? Внезапно оттуда, где была вода, донесся шум отчаянной схватки, а в следующее мгновение послышался ужаснейший рев. Было совершенно ясно, что это мог быть только лев. Мы все вскочили, смотря туда, откуда доносился шум, и увидели беспорядочную массу желто-черного цвета, которая металась в смертельной борьбе, приближаясь к нам. Мы схватили свои ружья и, на ходу надев вельдскуны^[43], выбежали из ограды шермы. К этому времени дерущиеся животные упали и некоторое время катались клубком по траве. Когда мы до них добежали, драка уже прекратилась, и они затихли. Вот что мы увидели: на траве лежал мертвый самец сабельной антилопы — самой красивой из африканских антилоп. Великолепный лев с черной гривой, пронзенный огромными изогнутыми рогами антилопы, был также мертв. Очевидно, произошло следующее. Антилопа пришла напиться к водоему, где залег в ожидании добычи лев, несомненно тот, чей рев мы слышали накануне. Когда антилопа пила, лев прыгнул на нее, но попал прямо на острые, изогнутые рога, которые пробili его насквозь. Однажды в прошлом я уже видел подобную сцену. Лев, который никак не мог освободиться, рвал и кусал спину и шею антилопы, а та, доведенная до безумия страхом и болью, неслась вперед, пока не упала мертвой.

Закончив детальный осмотр животных, мы позвали наших слуг и носильщиков-кафров и общими усилиями перетаскивали их туши к ограде. Затем мы вошли в шерму, легли и более не просыпались до восхода солнца.

С первыми его лучами мы встали и начали готовиться к охоте. Мы взяли с собой три ружья крупного калибра, большое количество патронов и свои объемистые фляги, наполненные холодным слабым чаем, который я всегда считал лучшим напитком на охоте. Поспешно позавтракав, мы двинулись в путь — за нами следовали Амбопа, Хива и Вентфогель. Носильщиков-кафров мы оставили в лагере, приказав им снять шкуры со льва и сабельной антилопы и разрубить последнюю на куски.

Мы легко нашли широкую слоновью тропу. Осмотрев ее, Вентфогель сказал, что она проложена двадцатью-тридцатью слонами, причем большая их часть — взрослые самцы.

В течение ночи стадо успело уйти на некоторое расстояние, и только часов в девять утра, когда жара становилась уже нестерпимой, мы увидели по поломанным деревьям, сорванным листьям и коре, а также по дымящемуся помету, что слоны безусловно находятся поблизости.

Внезапно мы заметили стадо, насчитывающее, как и говорил Вентфогель, двадцать-тридцать слонов. Закончив свой утренний завтрак, они стояли в ложине, хлопая огромными ушами. Это было великолепное зрелище.

Слоны находились на расстоянии примерно двухсот ярдов от нас. Взяв пригоршню сухой травы, я подбросил ее в воздух, чтобы установить направление ветра, потому что знал, что если они нас почуют, то скроются из виду до того, как мы успеем выстрелить.

Удостоверившись, что ветер дует в нашем направлении, мы стали осторожно ползти вперед, и благодаря тому, что нас скрывала высокая трава, нам удалось приблизиться к огромным животным на расстояние примерно в сорок ярдов. Как раз перед нами, повернувшись боком, стояли три великолепных самца; у одного из них были огромные бивни. Я шепнул своим спутникам, что буду целиться в среднего; сэр Генри прицелился в стоявшего слева, а Гуд — в самца с большими бивнями.

— Пора, — прошептал я.

Бум! Бум! Бум! — выстрелили три крупнокалиберные винтовки, и слон сэра Генри упал замертво. Выстрел попал ему прямо в сердце. Мой слон упал на колени, и мне показалось, что он смертельно ранен, но через мгновение он встал на ноги и бросился бежать, чуть не задев при этом меня. В этот момент я разрядил второй ствол прямо ему в ребра, и на этот раз он свалился всерьез. Быстро вложив два новых патрона, я подбежал к нему вплотную и третьим выстрелом, в мозг, прекратил страдания бедного животного. Затем я обернулся, чтобы посмотреть, как Гуд справляется с большим самцом, который ревел от ярости и боли, когда я приканчивал

своего. Добежав до капитана, я нашел его в состоянии величайшего волнения. Оказалось, что, раненный первым выстрелом, слон повернулся и устремился прямо на своего обидчика, причем Гуд едва успел увернуться. Затем слон бросился бежать, не разбирая дороги, напрямик к нашему лагерю. Стадо в панике понеслось в противоположном направлении.

Мы посоветовались, идти ли нам за раненым самцом, или преследовать стадо, и наконец решили идти за стадом. Мы отправились, думая, что более никогда не увидим этих огромных бивней. С тех пор я часто думал, что так было бы лучше. Следовать за слонами было нетрудно, так как они оставляли за собой тропу примерно в ширину проезжей дороги, причем в своем паническом бегстве ломали густой кустарник, словно это была трава тамбуки. Однако приблизиться к слонам было не так просто, и мы тащились уже более двух часов под палящими лучами солнца, когда наконец увидели их опять. За исключением одного самца, все они стояли, сбившись в кучу, и по их беспокойным движениям и по тому, как они подымали хоботы, обнюхивая воздух, я понял, что они задумали что-то недоброе. Одиноким самец, очевидно, стоял на страже ярдах в пятидесяти от стада и шестидесяти от нас. Думая, что, если мы попытаемся подойти поближе, он может нас заметить или почуять и что тогда стадо вновь обратится в бегство, мы все прицелись в этого самца и разом выстрелили по моей команде, поданной шепотом. Все три выстрела попали в цель, и он упал мертвым. Стадо вновь бросилось бежать, но, к несчастью для него, на расстоянии около ста ярдов ему преградила дорогу нулла — высохшее русло с крутыми берегами. В него и попали с разбегу слоны, и когда мы достигли края впадины, то увидели, что они в диком смятении отчаянно пытаются выбраться на другой берег. Слоны оглашали воздух трубными звуками и, движимые эгоистическим инстинктом самосохранения, в панике отталкивали друг друга совсем так же, как в подобном случае действовало бы большинство человеческих существ.

Теперь нам представился удобный момент, и, поспешно зарядив ружья, мы выстрелили и убили пять бедных животных. Мы безусловно перебили бы все стадо, если бы слоны внезапно не прекратили попытки выбраться на берег и не пустились во всю прыть по нулле. Мы слишком устали, чтобы их преследовать, а возможно, нам уже немного надоело убивать, так как восемь слонов и так неплохая добыча для одного дня.

Отдохнув немного и дав время нашим слугам вырезать сердца двух слонов, чтобы приготовить их на ужин, мы, довольные, направились к себе, решив послать на следующее утро носильщиков, чтобы они отпилили бивни у убитых слонов.

Вскоре после того, как мы прошли то место, где Гуд ранил самца — патриарха, мы наткнулись на стадо антилоп, но не стреляли, так как у нас и без того было много мяса. Они пробежали мимо нас и затем остановились позади небольшой группы кустов, на расстоянии около ста ярдов, и обернулись, чтобы на нас посмотреть. Гуду не терпелось разглядеть их поближе, так как он никогда не видел южноафриканскую антилопу. Он отдал свое ружье Амбопе и в сопровождении Хивы направился к кустарнику. Мы сели подождать его, не сожалея о том, что нашелся повод для того, чтобы немного отдохнуть.

Солнце садилось в своем багряном великолепии, и мы с сэром Генри любовались красивой картиной, как вдруг услышали рев слона и увидели его огромный силуэт. Он несся в атаку с поднятым хоботом и хвостом, четко вырисовываясь на фоне красного солнечного диска. В следующее мгновение мы увидели, что Гуд и Хива бегут что есть сил обратно к нам, а раненый слон (это был он) несется за ними. Мгновение мы не решались выстрелить, чтобы не попасть в одного из бегущих, хотя, вообще говоря, от стрельбы с такой дистанции было бы мало толку.

В следующее мгновение случилось нечто ужасное. Гуд пал жертвой своей страсти к европейской одежде. Если бы он, подобно нам, согласился расстаться со своими брюками и гетрами и охотился в фланелевой рубашке и вельдскунах, все обошлось бы. Но теперь брюки мешали ему в этой отчаянной гонке, и внезапно, когда он был ярдах шестидесяти от нас, подошвы его европейских ботинок, отполированные бегом по траве, скользнули, и он упал прямо под ноги слону.

У нас вырвался вздох ужаса, потому что мы знали, что его гибель неизбежна, и все бросились к нему.

Через три секунды все было кончено, но не так, как мы предполагали. Хива увидел, что его господин упал. Отважный юноша обернулся и бросил прямо в морду слону свой ассегай, который застрял у того в хоботе.

С воплем боли расвирепевший слон схватил бедного зулуса, швырнул его на землю и, наступив на тело Хивы своей огромной ногой, обвинил хоботом верхнюю его половину и разорвал его надвое.

Обезумев от ужаса, мы бросились вперед, стреляя наугад без перерыва, и наконец слон упал на останки зулуса.

Что касается Гуда, он поднялся и, ломая руки, предался отчаянию над останками храбреца, который пожертвовал своей жизнью, чтобы его спасти. Хотя я и много испытал в своей жизни, но тоже почувствовал комок, подступающий к горлу. Амбопа стоял, созерцая огромного мертвого слона и изуродованные останки бедного зулуса.

— Что же, — вдруг сказал он, — Хива, правда, умер, но умер, как мужчина.

Глава V . Мы идем по пустыне

Мы убили девять слонов, и у нас ушло два дня на то, чтобы отпилить бивни, перетащить их к себе и тщательно закопать в песок под громадным деревом, которое было видно с расстояния нескольких миль вокруг. Нам удалось добыть огромное количество превосходной слоновой кости — лучшей мне не приходилось видеть: каждый клык весил в среднем от сорока до пятидесяти фунтов. Бивни громадного слона, разорвавшего бедного Хиву, весили, по нашему примерному подсчету, сто семьдесят фунтов.

Самого же Хиву, вернее то, что осталось от него, мы зарыли в норе муравьеда и, по зулусскому обычаю, положили в могилу его асsegай на случай, если ему пришлось бы защищаться по пути в лучший мир.

На третий день мы снова тронулись в путь, надеясь, что если останемся живы, то на обратном пути откопаем нашу добычу. После долгого и утомительного пути и целого ряда приключений, о которых у меня нет времени подробно рассказывать, мы достигли крааля Ситанди, расположенного около реки Луканги. Собственно говоря, только отсюда должно было по-настоящему начаться наше путешествие.

Я очень хорошо помню, как мы туда пришли. Направо был маленький туземный поселок, состоящий из нескольких жалких лачуг и каменных пристроек для скота. Чуть пониже, у самой реки, виднелись клочки обработанной земли, где туземцы выращивали свой скудный запас зерна. За ними шли необозримые, уходящие вдаль просторы вельдов — лугов с высокой, густой волнуемой травой, в которой бродят стада мелких животных.

Крааль Ситанди находится на самой границе этой плодородной местности. Налево от него начинается огромная пустыня. Трудно сказать, чему приписать такое неожиданное резкое изменение характера почвы, но этот контраст был настолько разителен, что невольно бросался в глаза.

Мы разбили наш лагерь немного повыше маленькой речки. На ее противоположном берегу был каменный откос, по которому двадцать лет назад бедный Сильвестр возвращался ползком после безумной попытки добраться до копей Соломона. Как раз за этим откосом начинается безводная пустыня, поросшая низкорослым колючим кустарником.

Наступал вечер, и огромный солнечный шар медленно опускался в пустыню, освещая все ее необозримое пространство своими последними

сверкающими разноцветными лучами.

Предоставив Гуду заниматься устройством лагеря, я пригласил сэра Генри прогуляться, и мы отправились на вершину противоположного откоса и оттуда стали смотреть на пустыню. Воздух был чист и прозрачен, и далеко-далеко на горизонте я мог различить неясные голубоватые очертания снежных вершин гор Сулеймана.

— Взгляните, — промолвил я после некоторого молчания, — вот стены, которые окружают копи царя Соломона. Одному лишь богу известно, сможем ли мы когда-нибудь на них взобраться!

— Там должен быть мой брат. А если он там, я во что бы то ни стало доберусь до него, — сказал сэр Генри с той спокойной уверенностью, которая была для него столь характерна.

— Ну что ж, будем надеяться, что это нам удастся! — вздохнул я и повернулся, чтобы идти в лагерь, когда неожиданно заметил, что мы не одни. Позади нас, устремив пристальный взгляд на далекие горы, стоял наш царственный зулус Амбопа. Видя, что я смотрю на него, он заговорил, обращаясь к сэру Генри, к которому, как я уже убедился, он успел сильно привязаться.

— Так это и есть та страна, куда ты хочешь идти, Инкубу? (Это слово означает «слон»: так прозвали туземцы сэра Генри) — сказал Амбопа, указывая своим широким ассегаем на горы.

Я возмущенно спросил его, какое он имеет право так фамильярно разговаривать со своим господином. Пусть туземцы называют друг друга какими им вздумается кличками, но совершенно недопустимо и неприлично с их стороны называть в лицо белого человека своими нелепыми языческими именами. Зулус тихо засмеялся, и этот смех меня еще больше рассердил.

— Откуда ты знаешь, что я не ровня вождю, которому служу? Конечно, мой господин принадлежит к королевскому роду: это видно по его росту и осанке, но, может быть, я тоже из королевского рода, как знать? О Макумазан! Будь моими устами и передай слова мои Инкубу, моему господину и вождю, ибо я хочу говорить с ним, да и с тобой тоже.

Я очень был сердит на Амбопу, потому что не привык, чтобы туземцы так со мной разговаривали, но он почему-то внушал мне невольное и совершенно непонятное для меня уважение. Кроме того, мне было интересно знать, о чем он собирается с нами разговаривать. Я тотчас же перевел его слова сэру Генри, прибавив, что, с моей точки зрения, он нахал и его наглое поведение возмутительно.

— Да, Амбопа, — ответил сэр Генри, — я хочу идти в эту страну.

— Пустыня широка, и в ней нет воды, а горы высоки и покрыты снегом. Ни один человек не может сказать, что находится за горами, за которыми прячется солнце. Как ты пойдешь туда, Инкубу, и зачем ты хочешь туда идти? Я перевел и эти его слова.

— Скажите ему, — отвечал сэр Генри, — что я иду туда, потому что думаю, что человек одной со мной крови уже давно туда ушел, и теперь я иду его искать.

— Ты говоришь истину, Инкубу. По пути сюда я встретил одного готтентота, и он рассказал мне, что два года назад какой-то белый человек ушел в пустыню по направлению к тем горам. С ним был слуга-охотник. Они оттуда не возвратились.

— Откуда ты знаешь, что это был мой брат? — спросил его сэр Генри.

— Я этого не знаю. Но я спросил готтентота, каков этот человек был с виду, и он ответил мне, что у него были твои глаза и черная борода. Охотника, который был с ним, звали Джимом. Он был из племени бечуанов и носил на теле одежду.

— Нет никакого сомнения, что это был ваш брат! — воскликнул я. — Я хорошо знал Джима!

Сэр Генри задумчиво кивнул головой.

— Я был в этом уверен, — промолвил он. — Джордж человек настойчивый, и если уж он вбил себе что-нибудь в голову, то от этого не отступится.

Таким он был с детства. Если он решил перейти Сулеймановы горы, он их перешел; конечно, если с ним в пути не случилось несчастья. Поэтому мы должны его искать по ту сторону гор.

Амбопа немного понимал по-английски, но редко разговаривал на этом языке.

— Это далекий путь, Инкубу, — заметил он.

Я снова перевел его слова.

— Да, — ответил сэр Генри, — путь далекий. Но на свете нет такого пути, которого человек не смог бы пройти, если для этого он отдаст все свои силы. Если человека ведет любовь, то нет ничего на свете, Амбопа, чего бы он не преодолел. Нет для него таких гор, которых бы он не перешел, нет таких пустынь, которых бы он не пересек, кроме гор и пустынь, которых никому не дано знать при жизни. Ради этой любви он не считается ни с чем, даже со своей собственной жизнью, которой готов пожертвовать, если на то будет воля providения.

Я перевел и эти слова.

— Великие слова ты произнес, отец мой! — ответил зулус (я всегда

называл так Амбопу, хотя он не был зулусом). — Великие, возвышенные слова, достойные уст настоящего мужчины! Ты прав, отец мой Инкубу. Слушай! Что такое жизнь? Это легкое перышко, это семя травинки, которое ветер носит во все стороны. Иногда оно размножается и тут же умирает, иногда улетает в небеса. Но если семя здоровое, оно случайно может немного задержаться на пути, который ему предначертан. Хорошо, борясь с ветром, пройти такой путь и задержаться на нем. Человек должен умереть. В худшем случае он может умереть немного раньше. Я пройду с тобой через пустыню и через горы, если только не паду на пути, отец мой!

Он замолк, но тотчас же продолжал в страстном порыве риторического красноречия, которое иногда овладевает зулусами и доказывает, что это племя не лишено поэтического дара и интеллекта, несмотря на склонность к постоянным и излишним повторениям.

— Что такое жизнь? — продолжал он. — Скажите мне, о белые люди! Вы такие мудрые, вы, которым известны тайны мироздания, тайны звезд и всего того, что находится над ними и вокруг них! О белые люди, вы, которые в мгновение ока передаете слова свои издали без голоса, откройте мне тайну нашей жизни: куда она уходит и откуда появляется?

Вы не можете мне ответить; вы сами этого не знаете. Слушайте же меня: я отвечу сам. Из мрака мы явились, и во мрак мы уйдем. Как птица, гонимая во мраке бурей, мы вылетаем из Ничего. На одно мгновение видны наши крылья при свете костра, и вот мы снова улетаем в Ничто. Жизнь — ничто, и жизнь — все. Это та рука, которая отстраняет Смерть. Это светлячок, который мерцает в ночной темноте и потухает к утру. Это белый пар дыханья волов в зимнюю пору, это едва заметная тень, которая стелется по траве и исчезает на закате солнца.

— Станный вы человек, Амбопа, — сказал сэр Генри, когда зулус умолк. Амбопа засмеялся:

— Мне кажется, что мы очень похожи друг на друга, Инкубу. Может быть, и я ищу брата по ту сторону гор.

Я взглянул на него с подозрением.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я его. — Что ты знаешь об этих горах?

— Мало, очень мало. Говорят, что за ними находится прекрасная таинственная страна, страна чудес и волшебства, страна храбрых воинов, высоких деревьев, бурных потоков, белоснежных вершин, страна великой белой дороги. Я слышал о ней. Но стоит ли об этом говорить? Уже наступает вечер. Кому суждено, тот увидит ее.

Я снова взглянул на него с недоверием. Этот человек определенно что-

то знал.

— Не бойся меня, Макумазан, — сказал Амбопа в ответ на мой взгляд. — Я не рою яму, чтобы вы в нее упали. Я не замышляю ничего недоброго. Если нам когда-нибудь суждено перейти эти горы, которые находятся позади солнца, я скажу все, что знаю. Но Смерть бродит на их вершинах. Будьте мудрыми и вернитесь назад. Вернитесь, мои господа, и охотьтесь на слонов. Я сказал.

И, не говоря больше ни слова, он поднял в знак прощального приветствия свое копье, повернулся и пошел к лагерю. Когда мы пришли туда, то увидели, что он чистит ружье, как самый рядовой кафр-слуга.

— Какой странный человек! — сказал сэр Генри.

— Более чем странный, — подтвердил я. — Его поведение не внушает мне доверия. Он что-то знает, но говорить не хочет. Впрочем, не стоит с ним ссориться. Нас ожидает впереди много загадочного и таинственного, и наш таинственный зулус для этого как раз подходит.

На следующий день мы начали готовиться в путь. Тащить через пустыню наши ружья и другое снаряжение было, конечно, невыносимо. Мы рассчитали носильщиков и договорились с одним жившим поблизости кафром, чтобы он позаботился о наших вещах, рассчитывая захватить их на обратном пути. У меня разрывалось сердце при мысли, что мы должны оставить наши чудные ружья у этого вора. От одного вида оружия у старого прохвоста разгорелись глаза, и он не мог оторвать от него своего жадного взгляда. Поэтому мне пришлось принять некоторые меры предосторожности.

Прежде всего я зарядил все ружья, взвел курки и заявил ему, что если он до них дотронется, то они тут же выстрелят. Кафр немедленно произвел эксперимент с моей двустволкой. Раздался выстрел, и пуля пробила дыру в одном из его быков, которых в это время гнали в крааль, а сам он от отдачи ружья полетел вверх тормашками. С испугом старик вскочил на ноги и, очень расстроенный потерей быка, имел наглость потребовать с меня возмещения его стоимости. При этом он клялся, что ничто на свете не заставит его дотронуться до нашего оружия.

— Спрячь этих живых дьяволов в солому, — ворчал он, — иначе они всех нас убьют!

Зная, что старик очень суеверен, я пригрозил ему, что в случае пропажи хоть одной вещи я убью колдовством и его и всех его родичей, а если мы погибнем в пути и он осмелится украсть наши ружья, я явлюсь к нему с того света и мой призрак будет преследовать его и днем и ночью. Затем я заявил этому негодяю, что заговорю весь его скот и он взбесится,

что все молоко его коров скиснет, а самого его доведу до такого состояния, что ему не захочется жить. Кроме того, я пообещал выпустить на него из ружей сидящих там чертей, чтобы они должным образом поговорили с ним. Словом, дал ему достаточно ясно понять, какое его ждет наказание в случае, если он не оправдает нашего доверия. После этого старый негодяй поклялся, что будет хранить наши вещи, как дух своего покойного отца.

Договорившись с кафром и освободившись таким образом от лишнего груза, мы отобрали снаряжение, необходимое для нашего дальнейшего путешествия. Но как мы не старались взять как можно меньше вещей, все же на каждого приходилось около сорока фунтов. Вот что мы взяли:

Три винтовки системы «экспресс» и к ним двести патронов.

Две магазинные винтовки «винчестер» (для Амбопы и Вентфогеля) и к ним тоже двести патронов.

Три револьвера «кольт» и шестьдесят патронов.

Пять походных фляг, каждая емкостью в четыре пинты ^[44].

Пять одеял.

Двадцать пять фунтов билтонга — вяленого мяса.

Десять фунтов самых лучших бус для подарков.

Небольшую аптечку с самыми необходимыми лекарствами, в которую не забыли положить одну унцию хинина и пару маленьких хирургических инструментов.

Кроме этой поклажи, с нами была кое-какая мелочь: компас, спички, карманный фильтр, табак, небольшая лопата, бутылка бренди и, наконец, та одежда, которая была на нас. Для такого опасного и рискованного путешествия это было немного, но мы не решились взять больше, так как и без того ноша в сорок фунтов была более чем достаточной. Идти по раскаленным пескам пустыни и тащить с собой большой груз — дело трудное; в таких случаях имеет значение каждая лишняя унция. Несмотря на все наши старания, мы никак не могли уменьшить нашу поклажу, так как взяли только то, без чего никак не могли обойтись.

С большим трудом я уговорил трех жалких кафров из поселка пройти с нами двадцать миль, что составляло первый этап нашего путешествия. Каждый из них должен был нести большую тыквенную бутылку, в которую вмещался галлон жидкости, за что я обещал им подарить по охотничьему ножу. Мы рассчитывали пополнить наш запас воды после первого ночного перехода, так как решено было тронуться в путь ночью, когда было сравнительно прохладно. Кафрам я сказал, что мы отправляемся охотиться на страусов, которые действительно в изобилии водились в пустыне. В ответ они что-то тараторили, пожимали плечами, уверяя, что мы сошли с

ума и неминуемо умрем от жажды, что, между прочим, было действительно весьма вероятно. Но так как кафры страстно желали получить ножи, о которых они не смели и мечтать, — в этих диких краях ножи были большой редкостью, — они все же в конце концов согласились идти с нами первые двадцать миль, по-видимому решив, что если мы все перемрем от жажды, то это, в сущности, не их дело.

Весь следующий день мы только и делали, что спали и отдыхали. На закате солнца, плотно поужинав свежей говядиной, мы напились чаю, причем Гуд с большой грустью заметил, что неизвестно, когда нам придется его пить в следующий раз. Затем, закончив последние приготовления к походу, мы снова легли и начали ждать восхода луны. Наконец, около девяти часов вечера, она появилась во всем своем великолепии. Свет ее хлынул на дикие просторы и озарил серебряным сиянием убегающую вдаль пустыню, такую же торжественную и безмолвную, как усыпанный звездами небесный свод над нами. Мы встали, но не двигались с места, словно колебались и медлили трогаться в путь: я думаю, человеку свойственно колебаться на пороге в невозвратное. Мы — трое белых — отошли в сторону. В нескольких шагах впереди нас стоял Амбопа с ружьем за плечами и ассегам в руке; он пристально смотрел вдаль, в пустыню. Вентфогель и нанятые нами кафры с бутылками в руках собрались вместе и стояли несколько позади нас.

— Господа! — сказал после небольшого молчания сэр Генри своим звучным, низким голосом. — Мы отправляемся в необыкновенное путешествие, которое вряд ли когда-либо приходилось предпринимать человеку. Едва ли оно окончится благополучно. Нас трое. И я убежден, что во всех предстоящих испытаниях, что бы с нами ни случилось, мы будем стоять друг за друга до последнего вздоха. А теперь, прежде чем тронуться в путь, вознесем краткую молитву всемогущему, который управляет судьбами человека и с сотворения мира предопределяет его пути. Положимся же на волю бога, и да будет ему угодно направить наши стопы по верному пути!

Он снял шляпу и, закрыв лицо руками, минуты две молился. Мы с Гудом последовали его примеру.

Я, как и большинство охотников, не умею горячо молиться. Что касается сэра Генри, то я думаю, что в глубине души он очень религиозный человек, хотя мне и не приходилось более слышать от него подобных речей, за исключением еще одного раза. Гуд тоже весьма набожен, хотя и любит чертыхаться. Во всяком случае, не помню, чтобы я, кроме еще одного случая, так искренно молился, как в этот раз. После молитвы у меня

стало легче на душе. Наше будущее было совершенно неизвестно, но я думаю, что все неведомое и страшное всегда приближает человека к его творцу.

— Ну, — сказал сэр Генри, — а теперь в дорогу!

И мы тронулись в путь.

В сущности, идти нужно было почти наугад. Ведь, кроме отдаленных гор и карты Хозе да Сильвестра, начертанной триста лет назад на клочке материи полусумасшедшим, умирающим стариком, нам нечем было руководствоваться. На этот обрывок холста было очень трудно положиться, но тем не менее на него возлагались все наши надежды на успех. Меня беспокоило, удастся ли нам найти тот маленький водоем с «плохой водой», который, судя по карте старого португальца, находился посреди пустыни, то есть в шестидесяти милях от крааля Ситанди и на таком же расстоянии от гор Царицы Савской. В случае неудачи мы неминуемо должны были погибнуть мучительной смертью. У нас не было почти никаких шансов найти этот водоем в огромном море песка и зарослях кустарника. Если даже предположить, что да Сильвестра правильно указал его местонахождение, разве не мог он за эти три века высохнуть под палящим солнцем пустыни? Разве не могли затоптать его дикие звери? И, наконец, не занесло ли его песками?

Молча, как тени, мы продвигались в ночном мраке, увязая в глубоком песке. Идти быстро было невозможно, так как мы беспрестанно натыкались на колючие кусты. Песок забирался в наши вельдскуны и охотничьи ботинки Гуда, так что время от времени мы были вынуждены останавливаться и вытряхивать обувь. Ночная прохлада смягчала и приятно освежала тяжелый удушливый воздух пустыни, и мы, несмотря на частые остановки и трудности перехода, довольно значительно продвинулись вперед. Кругом царило гнетущее безмолвие. Желая нас подбодрить, Гуд начал насвистывать песенку «Девушка, которую я оставил дома», но веселый мотив звучал мрачно и зловеще в бескрайних просторах, и он замолк.

Вскоре с нами произошло забавное происшествие, которое сначала нас сильно напугало, но затем очень рассмешило. Гуд шел впереди, держа в руках компас, с которым он, как моряк, умел прекрасно обращаться, мы же брели друг за другом позади него. Вдруг он громко вскрикнул и исчез. В тот же момент вокруг нас раздались какие-то дикие звуки: фыркание, храпение, стоны и тяжелый топот поспешно убегающих ног. Несмотря на почти полный мрак, мы, хоть и с трудом, могли различить неясные очертания каких-то странных существ, которые стремительно неслись

вперед, поднимая вихри песка.

Туземцы побросали свою поклажу, намереваясь удрать, но, вспомнив, что бежать некуда, бросились ничком на землю и начали вопить, что это дьявол. Мы с сэром Генри стояли ошеломленные, но были еще больше ошеломлены, когда внезапно увидели Гуда, несущегося во весь опор по направлению к горам. Нам показалось, что капитан мчится верхом на лошади, издавая при этом дикие вопли. Вдруг, взмахнув руками, он со всего размаха тяжело грохнулся на землю.

Тогда я понял, что случилось: в темноте мы наткнулись на стадо спящих квагг^[45], и Гуд упал на спину одного из животных, которое в испуге сразу же вскочило и ускакало вместе с седоком. Крикнув своим спутникам, чтобы они не беспокоились, я бросился к Гуду и, к моей величайшей радости, нашел его сидящим на песке. Я вздохнул с облегчением, увидя, что он нисколько не пострадал от падения. Конечно, капитан был сильно напуган и его основательно тряхнуло, хотя это никак не отразилось ни на нем, ни на его монокле, который, как обычно, красовался в его глазу.

После этого забавного инцидента мы продолжали путь без всяких неприятных происшествий. Около часу ночи сделав привал, выпив немного воды (пить вволю мы не могли, так как помнили, насколько драгоценна была для нас эта влага) и отдохнув с полчаса, мы двинулись дальше.

Мы шли, шли и шли, пока наконец восток не зардел румянцем, как вспыхнувшее от смущения лицо девушки. Показались нежные лучи желтовато-розового цвета; они быстро разгорались и вдруг превратились в огненно-золотые полосы, по которым в пустыню скользнул рассвет. Звезды становились все бледнее и наконец совсем исчезли. Золотая луна потускнела, и горные цепи обозначились на поблекшем ее лице, как тени на лице умирающего. Лучи света, похожие на копья, сверкнули где-то очень далеко и озарили бескрайнюю пустыню, пронизывая и зажигая покров тумана, окутывающий ее, пока она вся не затрепетала золотым блеском. Наступил день.

Мы решили не останавливаться, хотя нам и очень хотелось отдохнуть, так как знали, что, когда солнце поднимется выше, наступит такая жара, что вряд ли можно будет продолжать путь. Наконец, примерно через час, мы издали заметили несколько скал, возвышавшихся на ровной местности. Едва волоча ноги от усталости, мы поплелись к ним и с радостью увидели, что одна из них сильно выдается вперед, образуя навес, который мог служить хорошим убежищем от зноя. Земля под ним была покрыта мелким песком. Мы с наслаждением там укрылись, выпили немного воды, съели по

кусочку билтонга и тотчас же заснули мертвым сном.

Когда мы проснулись, было уже три часа. Наши носильщики-кафры уже ждали нашего пробуждения, собираясь в обратный путь. Они были по горло сыты пустыней, и никакие ножи на свете не заставили бы их идти дальше. Мы с наслаждением выпили всю оставшуюся в флягах воду и, вновь наполнив их драгоценной влагой из тыквенных бутылей, принесенных туземцами, отпустили их домой.

В половине пятого мы двинулись дальше. В пустыне царила мертвая тишина. На всем видимом пространстве этой бесконечной песчаной равнины, кроме нескольких страусов, не было видно ни одного живого существа. Очевидно, для зверей здесь было слишком сухо и, за исключением одной или двух смертоносных кобр, мы не повстречали ни единого пресмыкающегося. Тем не менее одно насекомое встречалось в изобилии: обычная комнатная муха.

Они летали по пустыне и следили за нами, как шпионы, но не «поодиночке, а целыми отрядами», как это как будто где-то сказано в Ветхом завете. Комнатная муха — необыкновенное насекомое. Куда бы вы не пошли, вы всюду встречаете это создание. Так было, наверно, всегда, с начала мироздания. Однажды я видел это насекомое в куске янтаря, которому, как мне рассказывали, было не менее пятисот тысяч лет, и оно выглядело точно так же, как наша современная муха. Я почти не сомневаюсь в том, что когда на земле будет умирать последний человек, то муха (если, конечно, это случится летом) будет жужжать и кружиться вокруг него и внимательно следить, ожидая удобного случая, чтобы сесть ему на нос.

На закате солнца мы сделали привал и стали ждать восхода луны. Наконец она появилась на небе, спокойная и безмятежная, как всегда, и мы потащились дальше. Отдохнув только один раз около двух часов ночи, мы плелись всю ночь напролет, пока не вошло долгожданное солнце и мы не смогли наконец отдохнуть от мучительного ночного перехода. Выпив несколько глотков воды, совершенно измученные, мы повалились на песок и тотчас же заснули. Оставлять кого-нибудь на страже не было никакой необходимости, так как в этой бесконечной песчаной равнине не было ни одного живого существа. Нашими единственными врагами были жара, жажда и мухи. Но я скорей согласился бы подвергнуться опасности со стороны человека или дикого зверя, чем иметь дело с этой ужасной троицей. К сожалению, на этот раз нам не посчастливилось укрыться от зноя под какой-нибудь гостеприимной скалой. В семь часов мы проснулись от нестерпимой жары, испытывая такое ощущение, что нас, словно кусок

филя, насадили на вертел и держат над раскаленными углями. Солнце пропекало буквально насквозь; казалось, что его палящие лучи вытягивают нашу кровь. Мы сели, едва переводя дыхание.

— Убирайтесь вон! — воскликнул я в изнеможении, разгоняя тучу мух, неумоимо и звонко жужжавших над моей головой.

Счастливые! Они не чувствовали жары.

— Честное слово... — промолвил сэр Генри.

— Да, жарковато! — перебил его сэр Гуд.

Жара действительно была невыносимая, и негде было укрыться от этого адского пекла. Вокруг, куда ни кинь взгляд, раскинулась голая, раскаленная пустыня. Не было ни бугорка, ни камня, ни единого деревца, ничего, что могло бы дать хоть чуточку тени. Нас ослеплял нестерпимо яркий блеск солнца, а жгучие, дрожащие струи воздуха, поднимающиеся над пустыней, как над раскаленной докрасна плитой, обжигали глаза.

— Что же делать? — спросил сэр Генри. — Долго выдержать этот ад невозможно.

В полном недоумении мы смотрели друг на друга.

— Вот что! — сказал Гуд. — Нам нужно вырыть яму, забраться в нее, а сверху накрыться кустами.

Это предложение не вызвало в нас особого энтузиазма, но все же это было лучше, чем ничего. Мы тотчас же принялись за работу, и с помощью рук и лопаты, которую с собой захватили, нам через час удалось вырыть яму около десяти футов длиной, двадцати шириной и двух футов глубиной. Затем охотничьими ножами мы нарезали стелющиеся по земле ветки кустарника, забрались в яму и накрылись ими. Один Вентфогель не последовал нашему примеру: он, как готтентот, привык к пеклу и нисколько от него не страдал. Это убежище до некоторой степени предохраняло нас от жгучих солнечных лучей. Я предоставляю читателю вообразить, каков был воздух в этой самодельной могиле, так как у меня нет слов его описать. Наверно, Черная Яма в Калькутте была раем по сравнению с нашей дырой. Я до сих пор не понимаю, как мы пережили этот ужасный день, когда, задыхаясь от недостатка воздуха, мы лишь время от времени смачивали губы водой, которой оставалось совсем мало. Если бы мы дали себе волю, она была бы выпита в первые же два часа. Но мы вынуждены были соблюдать самую строгую экономию, так как слишком хорошо понимали, что без воды нам грозит гибель от жажды.

Время тянулось невыносимо медленно. Но всему на свете бывает конец, — если, конечно, доживешь до него, — и этот страшный день начал склоняться к вечеру. Около трех часов дня мы решили, что терпеть эту

пытку больше невозможно. Лучше умереть в пути, чем медленно погибать от жажды и невыносимой жары в этой страшной яме. Отпив несколько глотков из нашего более чем скудного запаса воды, которая нагрелась до температуры человеческой крови, мы, шатаясь, вновь поплелись дальше.

Нам удалось уже пройти около пятидесяти миль в глубь пустыни. Если читатель вспомнит наставления старого да Сильвестра и посмотрит еще раз на его карту, он увидит, что пустыня простирается на сорок лье^[46] и водоем с «плохой водой» указан почти посреди нее. Сорок лье составляет сто двадцать миль, следовательно, мы должны были находиться самое большее в двенадцати или пятнадцати милях от воды, если, конечно, она еще существовала.

Весь день до захода солнца, испытывая нечеловеческие мучения и едва волоча ноги, мы медленно продвигались вперед, делая не более полторы мили в час. Когда солнце село, мы сделали привал и в ожидании восхода луны немного подремали, предварительно выпив несколько глотков воды. Перед тем как лечь, Амбопа указал нам на небольшой холм, очертания которого неясно вырисовывались на гладкой поверхности песчаной равнины на расстоянии около восьми миль от нашей стоянки. Издали он был похож на муравейник, и, засыпая, я недоумевал, что это могло быть.

Взошла луна. Мы встали совершенно обессиленные и, изнывая от мучительной жары и невыносимой жажды, потащились дальше. Кто не испытал этих мук сам, тот не может себе представить ни наших страданий, ни того, что мы в тот день пережили. Мы уже не шли, а шатались из стороны в сторону, время от времени падая от полного изнеможения. Почти каждый час нам приходилось садиться и отдыхать. У нас не было сил даже разговаривать. До сих пор Гуд все время болтал и шутил, так как он очень веселый малый, но и его веселость куда-то пропала.

Наконец, около двух часов ночи, совершенно выдохшиеся и физически и душевно, мы подошли к подножию странного маленького песчаного холма, который с первого взгляда показался нам похожим на огромный муравейник. Высотой он был примерно в сто футов и занимал площадь около двух акров. Тут мы остановились и, доведенные до отчаяния нестерпимой жаждой, выпили до последней капли всю оставшуюся воду. Всего-то пришлось по пол-пинты на человека, тогда как каждый из нас с наслаждением выпил бы по галлону^[47].

Затем мы легли вновь. Я уже засыпал, когда услышал, как Амбопа, обращаясь к самому себе, произнес по-зулусски:

— Если мы завтра не найдем воду, то все умрем, прежде чем взойдет

луна.

Несмотря на жару, я содрогнулся. Нельзя сказать, что мысль о возможности такой страшной смерти была приятной, но даже и она не помешала мне заснуть.

Глава VI . ВОДА! ВОДА!

Через два часа я проснулся. Было около четырех утра. Как только первая настоящая потребность в сне, вызванная физической усталостью, была удовлетворена, я вновь ощутил мучительную жажду. Больше мне не удалось заснуть. Во сне я видел, будто купаюсь в реке, окаймленной зелеными берегами, поросшими деревьями, но, проснувшись, мне пришлось вернуться к печальной действительности. Нас окружала все та же бесплодная пустыня, и мне вспомнились слова Амбопы, что, если в этот день мы не найдем воды, нам грозит ужасная смерть. Ни одно человеческое существо не смогло бы долго прожить без воды в такую жару. Я сел и начал тереть свое грязное лицо сухими, заскорузлыми руками. Мои губы и веки слиплись, и, только протерев, мне удалось с усилием их открыть. Скоро должно было взойти солнце, но в воздухе совершенно не чувствовалось утренней свежести. Нас окружал не поддающийся никакому описанию душный, раскаленный мрак. Мои спутники еще спали. Наконец настолько рассвело, что уже можно было читать. Тогда я открыл маленькое карманное издание легенд Инголдзби, которое я захватил с собой, и прочел «Реймскую галку». Когда я дошел до места, где говорится:

Нес маленький мальчик кувшин золотой,
Чеканный и полный прозрачной водой,
Что лишь меж Намуром и Реймсом
течет бирюзовой струей...

Я невольно начал причмокивать своими растрескавшимися губами или, вернее, попытался это сделать. Одна лишь мысль об этой чистой воде сводила меня с ума. Если бы здесь появился кардинал со своим колокольчиком, священной книгой и свечой, я бросился бы к нему и выпил бы всю воду, предназначенную для омовения рук, даже если бы она была уже полна пены от мыла, достойного омыwać руки папы, и если бы я знал, что за это на мою голову падет тягчайшее проклятие всей католической церкви. Я думаю, что тогда у меня от жажды, усталости и голода немного помутилось в голове. Мне вдруг живо представилось, какими изумленными глазами смотрели бы кардинал, сопровождающий его хорошенький маленький служка и сама реймская галка на невысокого, загорелого, седого охотника на слонов, когда он внезапно, одним прыжком, очутился бы около

них и, сунув свою грязную физиономию в сосуд с водой, проглотил бы залпом драгоценную влагу до последней капли. Эта мысль показалась мне такой забавной, что я рассмеялся хриплым смехом и этим разбудил моих спутников, которые теперь тоже начали протирать свои грязные лица, слипшиеся веки и запекшиеся губы.

Как только все полностью очнулись ото сна, мы принялись обсуждать положение, которое было достаточно серьезным. Не оставалось более ни капли воды. Мы опрокинули фляги вверх дном и пытались лизать их горлышки, но из этого ничего не вышло — они были совершенно сухие. Гуд, который нес бутылку бренди, начал посматривать на нее жадными глазами, но сэр Генри быстро взял у него бутылку и убрал ее, потому что в нашем положении напиться спирта означало бы приблизить свой конец.

— Если мы не найдем воду, мы погибнем, — сказал он.

— Если можно считать достоверной карту старого португальца, — сказал я, — то где-то неподалеку должна быть вода.

Никто, по-видимому, не получил большого удовлетворения от этого замечания. Было совершенно очевидно, что не следует возлагать большие надежды на карту. Постепенно становилось все светлее и светлее. Мы сидели, безучастно глядя друг на друга. Внезапно я заметил, что готтентот Вентфогель поднялся и начал бродить вокруг, не отрывая глаз от земли. Вдруг он остановился и, издав гортанное восклицание, указал на землю.

— Что там такое? — воскликнули мы и, вскочив на ноги, разом кинулись туда, где он стоял, указывая на землю.

— Допустим, — сказал я, — что это довольно свежий след газели, что же из этого?

— Газели не уходят далеко от воды, — ответил он по-голландски.

— Да, — отозвался я, — ты прав. Я забыл об этом и благодарю за это господи.

Это маленькое открытие вдохнуло в нас новые силы. Удивительно, как человек даже в отчаянном положении цепляется за самую слабую надежду и чувствует себя почти счастливым! Когда ночь темна, то даже единственная звезда все же лучше, чем ничего.

Тем временем Вентфогель, подняв кверху свой курносый нос, вдыхал горячий воздух, точь-в-точь как старый горный баран, чующий опасность. Вдруг он снова заговорил.

— Я чувствую запах воды, — сказал он.

Нас охватило ликование, так как мы знали, каким исключительным природным чутьем обладают люди, выросшие в пустыне.

Как раз в этот момент взошло солнце во всем своем величии, и нашим

изумленным глазам представилось столь потрясающее зрелище, что на мгновение мы даже забыли свою жажду.

На расстоянии не более сорока или пятидесяти миль от нас, сверкая, как серебро, в утренних лучах солнца, высилась Грудь Царицы Савской; по обе ее стороны на сотни миль тянулись великие горы Сулеймана. Теперь, когда я сижу здесь, за своим столом, и пишу эти строки, пытаюсь описать исключительное величие и красоту этого зрелища, я не нахожу нужных слов. Такое великолепие словами выразить нельзя. Прямо перед нами высились две огромные горы, по крайней мере в пятнадцать тысяч футов высотой, подобных которым, я думаю, нет больше в Африке, да, вероятно, и во всем мире. Соединенные обрывистым скалистым отрогом, они отстояли не более чем на дюжину миль одна от другой, торжественно вздымая прямо в небо свою величественную белизну. Эти горы стояли подобно колоннам, подпирающим гигантские ворота, и их очертания были совершенно схожи с грудью женщины.

От подножия они мягко закруглялись кверху и с этого расстояния казались совсем гладкими. На вершине каждой из них возвышался огромный круглый, покрытый снегом бугор, по своей форме точно воспроизводящий сосок женской груди. Обрывистый отрог, соединявший обе горы, казалось, был в несколько тысяч футов высотой. По обе стороны от них, насколько мог охватить глаз, простирались такие же отроги, линия которых только изредка прерывалась горами с плоскими вершинами, несколько напоминающими знаменитую вершину у Кейптауна. Это, между прочим, является весьма обычным геологическим образованием в Африке.

Я не в силах описать ослепительную красоту этого вида. В величественных очертаниях этих колоссальных вулканов — так как горы несомненно были потухшими вулканами — было нечто столь торжественное и подавляющее, что у нас захватило дыхание. Некоторое время утренний свет играл, переливаясь, на снегу и на конусообразных коричневых массах гор ниже линии снега. Затем, словно для того, чтобы скрыть величественное зрелище от наших взоров, странные клубы тумана и облаков, постепенно сгущаясь, заволокли горы, пока наконец мы едва могли различить их чистый гигантский контур, вырисовывающийся, подобно видению, сквозь облачную пелену. Как мы позднее установили, горы обычно были скрыты этим странным прозрачным туманом, что, вероятно, и являлось причиной того, что никому из нас не удалось ранее ясно различить их очертания.

Как только горы исчезли в своем облачном тайнике, нас снова начала мучить неистовая жажда.

Хорошо было Вентфогелю говорить, что он чувствует запах воды, но куда бы мы ни смотрели, мы нигде не видели ни малейших ее признаков. Насколько можно было окинуть взглядом, повсюду был только бесплодный, изнемогающий от зноя песок и низкорослый кустарник — обычная растительность безводных плато Южной Африки. Мы обошли вокруг холма, с тревогой всматриваясь в окружающую местность, в надежде найти воду по ту сторону холма, но и там было то же самое: нигде не было видно ни капли воды — ни ямки, наполненной водой, ни лужи, ни ручейка.

— Ты болван! — сердито сказал я Вентфогелю. — Здесь нет воды!

Но он все же продолжал втягивать в себя воздух, задрав кверху свой безобразный курносый нос.

— Я чувствую ее запах, баас, — отвечал он, — я чувствую ее где-то здесь, в воздухе.

— Да, — усмехнулся я, — без сомнения, в облаках есть вода, и примерно месяца через два она прольется дождем и обмоет наши кости.

Сэр Генри задумчиво поглаживал свою белокурую бороду.

— Может быть, мы найдем ее на вершине холма, — сказал он. — Чушь! — воскликнул Гуд. — Кто слышал когда-нибудь о том, что можно найти воду на вершине холма!

— Пойдем и посмотрим, — предложил я.

И без всякой надежды мы начали карабкаться вверх по песчаному склону. Внезапно Амбопа, шедший впереди, остановился как вкопанный.

— *Manzia, manzia!* (Вот вода!) — громко крикнул он.

Мы бросились к нему, и действительно, там, на самой вершине холма, в углублении, похожем на чашу, увидели самую настоящую воду.

Мы не стали терять время на выяснение того, каким образом в таком неподходящем месте могла оказаться вода, и ее черный цвет и непривлекательный вид не заставили нас колебаться. С нас достаточно было того, что это вода или нечто чрезвычайно на нее похожее. Мы стремглав бросились к ней, и через некоторое мгновение, лежа на животе, пили эту неаппетитную жидкость с таким наслаждением, словно это был напиток богов. Боже мой, как мы ее пили! Утолив наконец свою жажду, мы сбросили одежду и сели в воду, чтобы наша иссушенная солнцем кожа могла впитать в себя живительную влагу.

Тебе, мой читатель, стоит только отвернуть пару кранов, чтобы из невидимого объемистого котла пошла горячая и холодная вода, поэтому тебе не понять всей глубины блаженства, которое доставило нам это барахтанье в грязной и солоноватой луже.

Через некоторое время мы вышли из воды, совершенно освежившиеся,

и с аппетитом принялись за наш билтонг, до которого никто из нас не дотрагивался за последние сутки, и наелись досыта. Затем мы выкурили по трубочке, улеглись рядом с этой благословенной лужей в тени ее обрывистого берега и проспали до полудня.

Весь этот день мы провели, отдыхая около воды и благодаря свою судьбу за то, что нам посчастливилось ее найти, какова бы она ни была. Не забывали мы и воздать должное тени давно ушедшего от нас да Сильвестра, к которому мы испытывали глубокую признательность за то, что он сохранил для нас этот водоем, столь точно изобразив его на подоле своей рубашки. Нам казалось совершенно непонятным, каким образом вода могла так долго сохраняться. Единственным возможным объяснением этого я считал предположение, что какой-нибудь подземный источник, протекающий под толстым слоем песка, питает этот водоем.

Когда взошла луна, мы вновь тронулись в путь, предварительно наполнив водой до отказа свои желудки и фляги, и, конечно, в гораздо лучшем настроении, чем прежде. За эту ночь мы прошли почти двадцать пять миль, но, само собой разумеется, воды уж больше не встретили. Все же на следующий день нам повезло, так как мы нашли клочок тени за муравьиной кучей. Когда взошло солнце и на некоторое время разогнало таинственную завесу туманов, окутывающую горы, мы увидели, что гора Сулеймана и две величественные вершины гор Царицы Савской находятся от нас не более чем в двадцати милях.

Казалось, что они нависли прямо над нами и выглядят еще величественнее, чем прежде. С наступлением темноты мы пошли дальше и к рассвету следующего дня оказались у подножия левой груди Царицы Савской, куда мы твердо держали курс в течение всего нашего пути. К этому времени у нас окончился запас воды, и мы снова сильно страдали от жажды, причем, конечно, теперь не было никакой надежды утолить ее прежде, чем мы доберемся до линии снега, лежавшей высоко над нами. Отдохнув часок, другой, мы вновь двинулись вперед, гонимые мучительной жаждой. Под палящими лучами солнца мы с великим трудом ползли вверх по склону горы, покрытому застывшей лавой. Оказалось, что все гигантское основание горы состояло из пластов лавы, выброшенной вулканом много веков назад.

К одиннадцати часам наши силы совершенно истощились, и мы едва держались на ногах. Застывшая лава, по которой нам приходилось пробираться, была, правда, довольно гладкой по сравнению с теми ее видами, о которых мне приходилось слышать, — например, о той, что встречается на острове Вознесения, — однако и она была настолько

неровной, что у нас разболелись ноги. Когда ко всем нашим несчастьям добавилось еще и это, мы почувствовали, что больше не выдержим. На несколько сот ярдов выше того места, где мы находились, выступало несколько больших глыб лавы, в тени которых можно было отдохнуть.

Кое-как добравшись до них, мы увидели с большим удивлением (странно, что у нас вообще еще сохранилась способность удивляться!), что лава на маленьком плато, расположенном неподалеку от нас, покрыта густой зеленой порослью. Очевидно, там из продуктов распада лавы образовался слой почвы, на который с течением времени попали семена, занесенные птицами. Однако эта зеленая поросль заинтересовала нас ненадолго, так как нельзя прожить, питаясь травой, подобно Навуходоносору^[48]. Для этого требуется особое предназначение со стороны провидения, а также особое устройство органов пищеварения. Мы сидели под прикрытием скал и тяжело вздыхали. Что касается меня, я искренне сожалел, что мы отважились на это безнадежное предприятие. Вдруг я увидел, что Амбопа встает и бредет к участку земли, покрытому травой, а несколько минут спустя я, к моему величайшему изумлению, заметил, что этот всегда исполненный сознания собственного достоинства индивидуум пляшет и кричит, как сумасшедший, размахивая чем-то зеленым.

В надежде, что ему удалось найти воду, мы заковыляли к нему со всей скоростью, на которую были способны наши усталые конечности.

— В чем дело, Амбопа, сын дурака? — крикнул я по-зулусски.

— Это пища и вода, Макумазан! — И он вновь помахал какой-то зеленой штукой.

Тут я рассмотрел, что у него в руке. Это была дыня. Мы набрали на участок, заросший тысячами диких дынь, и все они были совершенно спелые.

— Дыни! — закричал я Гуду, который шел следом за мной.

И секунду спустя он уже вонзил в одну из них свои искусственные зубы.

Мне кажется, что мы насытились не ранее, чем съели по крайней мере по шесть дынь каждый. Хоть они и не отличались особо приятным вкусом, но мне казалось, что никогда в жизни мне не приходилось есть ничего более упоительного.

Но дыни не особенно сытная пища. Когда мы утолили жажду их сочной мякотью и поставили новый запас дынь охлаждаться путем очень простого процесса — то есть разрезали пополам и поставили стоймя на солнце, чтобы они охлаждались посредством испарения, — мы снова

почувствовали страшный голод. У нас еще оставалось немного билтонга, но всех тошнило при одном воспоминании о нем, и к тому же приходилось его экономить, потому что никто не мог сказать, когда нам удастся раздобыть пищу. И тут нам чрезвычайно повезло. Смотря по направлению к пустыне, я увидел стаю, состоявшую из десятка крупных птиц. Они летели прямо на нас.

— Skit, Baas, skit! (Стреляй, господин, стреляй!) — шепнул мне готтентот, бросаясь плашмя на землю.

Все мы последовали его примеру.

Теперь я увидел, что это была стая дроф и что они сейчас пролетят не более чем в пятидесяти ярдах над моей головой. Взяв один из винчестеров, я подождал, пока они не оказались почти над нами, и внезапно вскочил на ноги. Заметив меня, дрофы, как я и ожидал, сбились в кучу. Я дважды выстрелил, и мне посчастливилось сбить одну из них. Это был прекрасный экземпляр, весивший около двадцати фунтов. Через полчаса птица уже жарилась над огнем костра, который мы развели из сухих дынных стеблей.

Впервые за всю неделю у нас было такое пиршество. Мы съели эту дрофу целиком. От нее не осталось ничего, кроме костей и клюва. После этого мы почувствовали себя значительно лучше.

Ночью, когда взошла луна, мы вновь двинулись в путь, захватив с собой столько дынь, сколько можно было унести. По мере подъема мы чувствовали, что воздух становится все прохладнее и прохладнее, и это было для нас большим облегчением. На рассвете мы оказались не более чем в дюжине миль от линии снега. Здесь мы вновь нашли дыни, и мысль о воде перестала нас волновать, так как мы знали, что скоро к нашим услугам будет масса снега. Но подъем теперь стал очень опасным, и мы продвигались вперед чрезвычайно медленно, делая не более одной мили в час. Кроме того, в эту ночь мы доели последний кусочек билтонга. За все это время мы не видели в горах ни одного живого существа, за исключением дроф, и нам не встретилось ни единого ручья или родника. Это казалось нам очень странным — ведь над нами высились огромные массы снега, который, как мы полагали, должен был время от времени таять. Но, как мы обнаружили в дальнейшем, по какой-то причине, объяснить которую не в моих силах, все ручьи стекали по северному склону гор.

Теперь нас сильно начало беспокоить отсутствие пищи. Казалось вполне вероятным, что если нам и удалось избежать смерти от жажды, то лишь для того, чтобы умереть от голода. Краткие заметки, которые я тогда систематически заносил в свою записную книжку, лучше всего расскажут о

печальных событиях последующих трех дней.

21 мая. Вышли в 11 часов утра, так как воздух был достаточно прохладен для дневного перехода. Взяли с собой несколько дынь. С трудом тащились вперед весь день, но дынь больше не встречали — очевидно вышли из той полосы, где они растут. Не видели никакой дичи. На заходе солнца остановились на ночлег. Ничего не ели в течение многих часов. Ночью сильно страдали от холода.

22-го. Снова вышли на рассвете, чувствуя большую слабость. За весь день прошли всего пять миль. Встретилось несколько небольших участков земли, покрытых снегом, которого мы и поели, так как больше есть нам было нечего. Расположились на ночлег под выступом огромного плато. Жестокий холод. Выпили понемногу бренди и легли, завернувшись в свои одеяла и прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть. Голод и усталость причиняют нам ужасные страдания. Боялись, что Вентфогель не доживет до утра.

23-го. Снова попытались идти дальше, как только солнце поднялось достаточно высоко и немного отогрело наши застывшие члены. Мы в ужасном состоянии, и я боюсь, что если не раздобудем пищи, то этот день будет последним днем нашего путешествия. Осталось только немножко бренди. Гуд, сэр Генри и Амбопа держатся замечательно, но Вентфогель очень плох. Подобно большинству готтентотов, он не выносит холода. Я уже не ощущаю прежней острой боли в желудке, он как-то онемел. Остальные говорят, что чувствуют то же самое. Мы находимся теперь на уровне обрывистого хребта или стены из лавы, соединяющей две горы. Вид отсюда великолепен. Позади нас до самого горизонта лежит огромная сверкающая пустыня, а перед нами расстилается много миль гладкого, твердого снега, образующего почти ровную поверхность, плавно закругляющуюся кверху. В центре ее находится горная вершина, вероятно несколько миль в окружности, вздымающаяся в небо тысячи на четыре футов. Не видно ни одного живого существа. Помогите нам, господа! Боюсь, что настал наш последний час.

А теперь я отложу свой дневник в сторону, отчасти потому, что это не очень интересный материал для чтения, отчасти потому, что то, что случилось дальше, заслуживает, пожалуй, более детального изложения.

В течение всего этого дня (23 мая) мы медленно взбирались по покрытому снегом склону, время от времени ложась, чтобы собраться с силами. Должно быть, странно выглядела наша компания — пятеро изможденных, подавленных людей, с трудом передвигающих свои усталые ноги по сверкающей равнине и озирающихся вокруг голодными глазами.

Толку от этого было, конечно, мало, так как сколько ни озирайся, ничего съедобного вокруг не было. В этот день мы прошли не более семи миль. Перед самым заходом солнца мы оказались прямо у вершины левой груди Царицы Савской, у огромного гладкого бугра, покрытого смерзшимся снегом, который возвышался над нами на тысячи футов. Как ни плохо мы себя чувствовали, мы не могли не залюбоваться чудесным зрелищем, раскинувшимся перед нашими глазами. Волны света, струящиеся от заходящего солнца, увеличивали красоту пейзажа, местами окрашивая снег в кроваво-красный цвет и увенчивая снежные массы, вздымающиеся над нами, сверкающей диадемой.

— Знаете что? — вдруг сказал Гуд. — Ведь мы должны быть сейчас близко от пещеры, о которой упоминал старый джентльмен.

— Да, — отозвался я, — если только она вообще существует.

— Послушайте, Квотермейн, — со вздохом сказал сэр Генри, — не надо так говорить. Я полностью доверяю старому португальцу — вспомните-ка воду. Мы скоро найдем и пещеру.

— Если мы не найдем ее до наступления темноты, мы можем считать себя покойниками, вот и все, — утешительно прозвучал мой ответ.

Еще десять минут мы брели в молчании. Амбопа шел рядом со мной, завернувшись в одеяло, туго затянув свой кожаный пояс, чтобы, как он говорил, «заставить голод съежиться», так что талия его стала совсем девичьей. Вдруг он схватил меня за руку.

— Смотри! — сказал он, указывая на склон вершины горы.

Я посмотрел в этом направлении и заметил на расстоянии примерно двухсот ярдов от нас нечто похожее на дыру в гладкой снежной поверхности. — Это пещера, — сказал Амбопа.

Напрягая последние силы, мы устремились к этому месту и убедились, что дыра эта действительно представляет собой вход в пещеру, и несомненно именно в ту, о которой писал да Сильвестра. Мы успели подойти туда как раз вовремя, потому что, едва мы добрались до места, солнце село с поразительной быстротой и все окружающее погрузилось во тьму. В этих широтах почти не бывает сумерек. Мы вползли в пещеру, которая казалась не очень большой, и, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, проглотили остатки нашего бренди — на каждого пришлось едва по глотку. Затем мы попытались забыть свои злоключения во сне, но жестокий холод не давал нам заснуть.

Я уверен, что на этой огромной высоте термометр показал бы не менее четырнадцати или пятнадцати градусов ниже нуля. Что это означало для нас, обессиленных перенесенными лишениями, недостатком пищи и

нестерпимой жарой пустыни, моему читателю легче попытаться себе представить, чем мне описать. Достаточно сказать, что мне еще никогда не приходилось чувствовать, что смерть так близка. Час за часом тянулась эта страшная ночь. Мы сидели в пещере и чувствовали, как мороз бродит вокруг, жаля нас то в палец, то в ногу, то в лицо. Все теснее и теснее мы прижимались друг к другу, тщетно пытаясь согреться, так как в наших жалких, изголодавшихся скелетах не оставалось больше тепла. Иногда кто-нибудь из нас на несколько минут впадал в тревожный сон, но долго мы спать не могли — может быть, к счастью, потому что я не думаю, что, заснув, мы проснулись бы когда-либо вновь. Я уверен, что только сила воли сохранила нам жизнь.

Незадолго до рассвета я услышал, что готтентот Вентфогель, зубы которого стучали всю ночь, как кастаньеты, глубоко вздохнул и вдруг перестал стучать зубами. Тогда я не обратил на это особого внимания, решив, что он заснул. Он сидел, прижавшись ко мне спиной, и мне казалось, что она становится все холоднее и холоднее, пока не стала холодной, как лед.

Наконец тьму сменила предрассветная мгла, затем быстрые золотые стрелы света начали вспыхивать на снегу, и ослепительное солнце поднялось над стеной из лавы и осветило наши полузамерзшие тела и Вентфогеля, который сидел среди нас мертвый. Неудивительно, что его спина казалась мне холодной. Бедняга умер, когда я услышал его вздох, и теперь уже почти совершенно окоченел. Глубоко потрясенные, мы отползли подальше от трупа (странно, какой ужас мы всегда испытываем при виде мертвеца!) и оставили его сидеть там, по-прежнему охватив колени руками.

К этому времени холодные лучи солнца (они действительно были холодными) проникли прямо в пещеру. Внезапно я услышал чье-то восклицание, полное ужаса, и обернулся, чтобы посмотреть в глубь пещеры.

И вот что я увидел. В конце пещеры, которая была не более двадцати футов длиной, сидела другая фигура. Голова ее была опущена на грудь, а длинные руки висели по бокам. Я взгляделся в нее и увидел, что это тоже мертвец, и, кроме того, белый человек.

Мои спутники также увидели его, и наши расстроенные нервы не смогли вынести подобное зрелище. Охваченные одним общим желанием уйти из этого страшного места, мы бросились из пещеры со всей скоростью, на которую были способны наши полузамерзшие ноги.

Глава VII . Дорога царя Соломона

Выбежав из пещеры на залитое солнцем снежное плато, мы почти тотчас же остановились. Думаю, что у каждого из нас было чувство неловкости друг перед другом за то малодушие, которое мы проявили при виде мертвеца.

— Я иду обратно, — сказал сэр Генри.

— Зачем? — спросил Гуд.

— У меня явилась мысль, что... что это мой брат, — взволнованно ответил сэр Генри.

Это предположение показалось нам вполне возможным, и мы вернулись в пещеру, чтобы его проверить. Некоторое время наши глаза, ослепленные ярким солнцем и сверкающей белизной снега, ничего не могли различить в полумраке пещеры. Но это продолжалось недолго. Вскоре мы освоились с темнотой и осторожно подошли к мертвецу.

Сэр Генри опустился на колени и стал пристально всматриваться в его лицо.

— Слава богу! — воскликнул он с облегчением. — Это не Джордж!

Тогда я подошел к трупу и тоже начал его разглядывать. Это был человек высокого роста, средних лет, с тонкими чертами лица и орлиным носом; у него были длинные черные усы и темные с проседью волосы. Кожа была совершенно желтая и плотно обтягивала его высохшее лицо. На нем не было никакой одежды, кроме полуистлевших штанов, давно превратившихся в лохмотья. На шее этого насквозь промерзшего трупа висело распятие из слоновой кости.

— Кто бы это мог быть? — воскликнул я с удивлением.

— Неужели вы не догадываетесь? — спросил Гуд.

Я отрицательно покачал головой.

— Кто же это, как не старый дон Хозе да Сильвестра!

— Не может быть! — прошептал я прерывающимся от волнения голосом. — Ведь он умер триста лет назад!

— А что же тут удивительного? — спокойно ответил Гуд. — В таком холоде он может с таким же успехом просидеть и три тысячи лет. При столь низкой температуре кровь и мясо сохраняются свежими на веки вечные, как у замороженной новозеландской баранины. А в этой пещере, черт побери, довольно холодно. Солнце сюда никогда не проникает, и ни один зверь не может забрести в поисках пищи, потому что здесь вообще нет ничего

живого. Вне всякого сомнения, раб, о котором дон Хозе упоминает в своей предсмертной записке, снял с него одежду и оставил здесь его труп: ему одному было не под силу его похоронить. Посмотрите! — продолжал Гуд, нагибаясь и поднимая остро отточенный обломок кости довольно странной формы. — Вот этой костью Сильвестра и начертил свою карту.

Мы были настолько потрясены этим открытием, что даже забыли свои собственные бедствия. Все это казалось нам почти сверхъестественным. В полном безмолвии мы глядели на обломок кости и на труп старого португальца.

— Смотрите, — сказал наконец сэр Генри, указывая на едва заметную ранку на левой руке старого дона Сильвестра, — вот откуда он брал кровь, которой написана его записка. Приходилось ли кому-либо в жизни видеть что-нибудь подобное?

Теперь не оставалось никакого сомнения, что перед нами был да Сильвестра. Должен признаться, мне стало жутко.

Перед нами сидел мертвец, указания которого, начертанные почти десять поколений назад, привели нас в эту пещеру. В своей руке я держал тот самый грубый обломок кости, которым он писал свои предсмертные строки, и видел на его шее распятие, которое он, прощаясь с жизнью, прижимал к своим холодеющим устам.

Глядя на труп, я ясно представил себе последний акт этой драмы: путника, гибнущего в одиночестве от голода и холода и тем не менее стремящегося передать людям великую тайну. Мне даже показалось, что в его резких чертах лица я вижу некоторое сходство с его потомком, моим бедным другом Сильвестром, умершим на моих руках двадцать лет назад. Возможно, это был плод моего воображения. Но так или иначе, он сидел перед нами, как страшное предупреждение для тех, кто, презрев судьбу, пытается приоткрыть завесу неизвестного. Пройдут века, и он все будет сидеть тут же с великой печатью смерти на челе и наводить ужас на случайного путника, который может, как и мы, забрести в эту пещеру и нарушить его покой. Несмотря на то, что мы умирали с голода и холода, это зрелище потрясло нас до глубины души.

— Уйдем отсюда, — тихо сказал сэр Генри. — Впрочем, нет! Мы оставим ему товарища по несчастью, который разделит его одиночество.

И, подняв мертвое тело готтентота Вентфогеля, он усадил его рядом со старым доном да Сильвестра. Затем сэр Генри наклонился и резким движением разорвал гнилой шнурок на шее старого португальца, на котором висело распятие. Он даже не пытался его развязать, потому что его пальцы не сгибались от холода. Я думаю, что это распятие находится у него

и по сей день. Я же взял перо, сделанное из обломка кости. Оно сейчас лежит передо мной на столе. Иногда я им пользуюсь, когда подписываю свое имя.

Оставив гордого белого человека прошлых веков и бедного готтентота нести вечную стражу среди вечного безмолвия девственных снегов, мы в полном изнеможении вышли из пещеры на залитую благодатным солнцем снежную равнину и побрели дальше. В глубине души каждый из нас думал о том, что недалек тот час, когда и нас постигнет та же участь.

Пройдя около полумили, мы подошли к краю плато и обнаружили, что самая вершина, то есть бугор, венчающий гору, находится не посреди него, как это казалось нам со стороны пустыни. Из-за густого утреннего тумана мы не могли видеть того, что было ниже нас. Но вскоре его верхние слои начали рассеиваться, и мы заметили у самого края снежного откоса лужайку, покрытую зеленой травой. Она находилась ниже нас не более чем на пятьсот ярдов, и по ней протекал ручей. Но это было не все: на берегу, греясь на солнце, лежали десять-пятнадцать крупных антилоп. Находясь так далеко от них, мы, конечно, не могли установить, к какой породе они принадлежали. Невозможно передать то ликование, которое охватило нас при виде этих животных. Ведь это была пища, причем пища в изобилии, которую, правда, нужно было еще добыть. Сразу же возник вопрос, как это сделать. Антилопы находились на расстоянии не менее шестисот ярдов от нас, то есть слишком далеко даже для хорошего стрелка, а от этого выстрела зависела наша жизнь. Мы поспешно стали совещаться, как нам поступить. Мысль о том, чтобы неслышно подкрасться к животным, пришлось оставить, так как нам не благоприятствовал ветер. Он дул в их сторону, и они могли нас почуять; кроме того, как бы осторожны мы ни были, нас нельзя было не заметить на ослепительно белом снегу.

— Ну что ж, придется стрелять отсюда, — сказал сэр Генри. — Надо только решить, из какой винтовки: взять ли «винчестер» или «экспресс»? Как вы думаете, Квотермейн?

Вопрос был серьезный. Магазиновая винтовка «винчестер» (у нас их было две; Амбопа нес свою и бедняги Вентфогеля) была на тысячу ярдов, двустволка же «экспресс» — всего на триста пятьдесят. Свыше этого расстояния стрелять из нее было рискованно, так как можно было не попасть в цель. С другой стороны, если бы попадание удалось, у нас было бы больше шансов убить животное, так как «экспресс» стрелял разрывными пулями. Вопрос был трудный, но все же я решил, что мы должны пойти на риск и стрелять из «экспресса».

— Каждый будет целиться в ту антилопу, которая находится против

него, — приказал я. — Цельтесь прямо в лопатку или чуть выше. А ты, Амбопа, дай сигнал, чтобы все стреляли одновременно.

Наступило молчание. Мы все трое старательно прицелились, как должен целиться человек, который знает, что от этого выстрела зависит его жизнь. — Стреляй! — скомандовал Амбопа по-зулусски, и почти в тот же миг раздалось три оглушительных выстрела.

На мгновение перед нашими глазами повисли в воздухе три облачка дыма, и громкое эхо долго не смолкало, нарушая безмолвие снежных просторов. Но вскоре дым рассеялся, и — о радость! — мы увидели, что крупный самец лежит на спине и судорожно бьется в предсмертных конвульсиях. Нам больше не грозила смерть от голода, мы были спасены! Несмотря на слабость и полное истощение, с громким криком торжества и восторга мы бросились вниз по снежному склону, и через десять минут перед нами лежали сердце и печень убитого животного. Но тут возникло новое затруднение: не было топлива, чтобы развести костер и поджарить нашу добычу. С горестью и унынием мы глядели друг на друга.

— Когда человек умирает от голода, он не может быть разборчив, — сказал Гуд. — Будем есть мясо сырым.

Действительно, в нашем положении другого выхода не было. Голод терзал нас до такой степени, что это предложение не вызвало в нас чувства отвращения, неизбежного при других обстоятельствах.

Чтобы охладить сердце и печень антилопы, мы зарыли их на несколько минут в снег, затем промыли в ледяной воде ручья и с жадностью съели. Сейчас, когда я пишу эти строки, все это кажется ужасным, но я должен честно признаться, что в жизни мне не приходилось есть ничего вкуснее. Через какие-нибудь пятнадцать минут нас нельзя было узнать — мы буквально ожили, силы наши восстановились, слабый пульс опять забился, и кровь заиграла в жилах. Однако, помня, какие пагубные последствия может вызвать переедание на голодный желудок, мы были очень осторожны и съели сравнительно немного, остановившись вовремя, пока были еще голодны.

— Слава богу! — воскликнул сэр Генри. — Это животное спасло нас от смерти. Между прочим, Квотермейн, что это за зверь?

Я встал и подошел к убитому животному, чтобы как следует его рассмотреть, так как не был уверен, что это была антилопа.

По величине оно не уступало ослу, шерсть его была густая, коричневого цвета, с красноватыми, едва заметными полосами, рога большие и загнутые назад. Я никогда не видел таких животных — эта порода была мне совершенно незнакома, но впоследствии узнал, что

жители этой удивительной страны называют их «инко». Это редкая разновидность антилопы, которая встречается только на очень больших высотах, где не живут никакие другие звери. Наше животное было убито наповал прямо в лопатку. Трудно было сказать, чья пуля его сразила, но я думаю, что Гуд, помня свой чудесный выстрел, убивший жирафу, в глубине души приписал это своей доблести; мы с ним по этому поводу не спорили.

Поглощенные едой, мы не обратили внимания на то, где находимся. Но, утолив свой зверский голод, мы стали обозревать окружающую нас местность, предварительно приказав Амбопе вырезать самые лучшие части инко, чтобы обеспечить себя на дорогу достаточным количеством мяса. Было уже восемь часов; воздух был чист и прозрачен — казалось, что солнце впитало в себя густой утренний туман. Не знаю, как описать ту величественную панораму, которая раскинулась перед нашими глазами. За нами и над нами возвышались горы, белоснежные вершины гор Царицы Савской, а внизу, примерно в пяти тысячах футов ниже того места, где мы стояли, на много миль раскинулся очаровательнейший сельский пейзаж. Прямо перед нами, меж холмов, равнин и темных величественных лесов, текла широкая река; налево от нее простирались необозримые пространства пастбищ. В их волнистой траве мы издали видели многочисленные стада животных, диких или домашних — на таком расстоянии мы рассмотреть не могли. Вдали, на горизонте, вырисовывались горы. Направо страна была менее гориста. Одинокие холмы перемежались с полосами возделанных полей, и среди них были видны группы куполообразных хижин. Вся панорама лежала перед нами, как карта, на которой сверкали реки, подобные серебряным змеям. Вершины гор, похожие на вершины Альп, застыли в торжественном величии, прихотливо украшенные снежными венцами, а над всем этим сияло радостное солнце и чувствовалось счастливое дыхание жизни.

Нас чрезвычайно удивило, что страна, раскинувшаяся перед нами, лежит по крайней мере на три тысячи футов выше, чем пустыня, которую мы пересекли, и что все реки текут с юга на север. Во время наших тяжелых испытаний мы уже имели случай убедиться, что на всем протяжении южного склона хребта, на котором мы сейчас стояли, не было никакой воды, в то время, как по северному склону текли водные потоки, большая часть которых впадала в ту могучую реку, которая, причудливо извиваясь, несла свои воды далеко в глубь страны.

Мы сидели и молча созерцали этот чудесный вид. Первым нарушил молчание сэр Генри.

— Скажите, Квотермейн, — сказал он, обращаясь ко мне, — нанесена

ли на карту да Сильвестра Великая Дорога царя Соломона?

Я утвердительно кивнул головой, продолжая любоваться восхитительным пейзажем.

— Тогда посмотрите сюда, — и сэр Генри указал немного вправо: — Вот она!

Мы с Гудом взглянули в указанном направлении и увидели, что в некотором отдалении от нас вилась широкая проезжая дорога, которую мы сначала не заметили, так как, дойдя до равнины, она заворачивала и терялась среди холмистой местности. Как ни странно, но это открытие не произвело на нас особого впечатления, так как после всего виденного мы уже перестали чему-либо удивляться. Нам даже не показалось необъяснимым, что в этой затерянной стране мы увидели шоссе, напоминавшее древнеримские дороги: мы приняли это как нечто совершенно естественное.

— Я думаю, — сказал Гуд, — дорога должна проходить совсем близко — где-нибудь направо от нас. Пойдем и поищем ее.

Совет был весьма благоразумный, и, умывшись в ручье, мы тотчас же двинулись дальше. В течение некоторого времени мы пробирались по валунам и снежным прогалинам, пока наконец, пройдя около мили, не очутились на вершине небольшого холма и не увидели дорогу прямо у своих ног. Это было великолепное шоссе, высеченное в сплошной скале, шириной по крайней мере в пятьдесят футов, за которым, по-видимому, постоянно присматривали, так как оно было в превосходном состоянии. Сначала мы подумали, что оно тут же и начинается, но, спустившись на дорогу и взглянув назад по направлению к горам Царицы Савской, увидели, что оно поднимается в горы, но на расстоянии около ста шагов от нас неожиданно исчезает. Дальше вся поверхность горного склона была покрыта теми же валунами и снежными прогалинами.

— Как вы думаете, в чем тут дело? Куда делась дорога? — спросил меня сэр Генри.

Я покачал головой в полном недоумении.

— Все ясно! — сказал Гуд. — Я уверен, что когда-то эта дорога пролежала через горный хребет и шла дальше через пустыню. Но с течением времени после извержений вулканов в горах она была залита лавой, а в пустыне ее засыпали пески.

Это предположение было весьма правдоподобно; во всяком случае, мы согласились с ним и начали спускаться с горы. Но какая была разница между этим спуском и нашим восхождением на Сулеймановы горы!

Сейчас мы были сыты, и путь под гору по великолепной дороге был

необычайно легок, в то время как при подъеме мы едва передвигались, утопая в снегу, совершенно обессиленные, замерзшие и полумертвые от голода. Если бы не тяжелые воспоминания о грустной судьбе бедняги Вентфогеля и мрачной пещере, в которой мы его оставили со старым да Сильвестра, мы чувствовали бы себя просто превосходно, несмотря на то, что шли в страну, где нас ждала полная неизвестность и, возможно, опасности.

По мере того, как мы спускались вниз, воздух с каждой пройденной милей становился мягче и ароматнее, а страна, раскинувшаяся перед нами, все сильнее поражала нас своей красотой. Что касается самой дороги, то должен сказать, что никогда в жизни я не видел подобного сооружения, хотя сэр Генри утверждал, что дорога через Сен-Готард в Швейцарии очень на нее похожа. Строителей древнего мира, которые ее проектировали, не останавливали никакие препятствия и трудности, встречавшиеся им на пути. В одном месте мы подошли к ущелью шириной в триста футов и глубиной не менее ста и увидели, что все оно завалено огромными глыбами шлифованного камня, в которых снизу были сделаны арки для протока воды; над рекой же величественно и горделиво пролегалла дорога. В другом месте она вилась зигзагами у края пропасти в пятьсот футов глубиной, а в третьем шла через туннель в тридцать футов длиной, который был вырыт в горном кряже, преграждающем ей путь. Мы заметили, что стены туннеля были сплошь покрыты барельефами, изображавшими главным образом одетых в кольчуги воинов, управляющих колесницами. Один барельеф был особенно хорош: на переднем плане была изображена битва, а вдали шли побежденные, которых уводили в плен.

Сэр Генри с большим интересом рассматривал это произведение искусства глубокой древности.

— Конечно, — заметил он, — можно называть этот путь Великой Дорогой царя Соломона, но все же я осмеливаюсь выразить свое скромное мнение и скажу, что безусловно египтяне успели побывать здесь раньше, чем народы царя Соломона. Уж очень эта работа похожа на древнеегипетскую.

К полудню мы значительно продвинулись вниз и очутились в той части горного склона, где начинался лес. Сначала нам изредка попадался мелкий кустарник, но чем дальше мы шли, тем он становился чаще и гуще. Наконец мы дошли до обширной рощи, через которую извивалась наша дорога, и увидели, что там растут деревья с серебряной листвой, очень похожие на те, которые встречаются на склоне Столовой горы у Кейптауна. Это меня очень удивило, так как за все время своих странствий я, кроме как

в Капе, нигде их не видел.

— О! — воскликнул Гуд, с явным восхищением глядя на их блестящие листья. — Здесь же масса дров! Давайте сделаем привал и состряпаем обед. Мой желудок уже почти переварил сырое мясо.

Никто не возразил против этого предложения. Мы отошли немного в сторону от дороги и направились к ручью, журчавшему поблизости, наломали сухих веток, и через несколько минут запылал прекрасный костер. Отрезав из принесенного с собой мяса несколько больших толстых кусков, мы поджарили их на конце заостренных палочек, как это делают кафры, и съели с огромным наслаждением. Наевшись досыта, мы зажгли трубки и впали в блаженное состояние, которое после наших мытарств и злоключений казалось нам почти божественным. Берега ручья, у которого мы отдыхали, были покрыты густой зарослью гигантских папоротников, среди которых виднелись прозрачные, как кружево, пучки дикой спаржи. Ручеек весело журчал; нежный ветерок шелестел в серебряной листве деревьев; вокруг ворковали голуби, и птицы с ярким опереньем, порхая с ветки на ветку, сверкали, как живые драгоценные камни. Это был рай.

Сознание того, что бесконечные опасности и бедствия, пережитые нами в пути, миновали, что мы достигли земли обетованной, и, наконец, волшебная красота природы — все это так очаровало нас, что мы невольно приумолкли. Сэр Генри и Амбопа, сидя рядом, тихо разговаривали на ломаном английском и не менее ломаном зулусском языке. Я лежал на ароматном ложе из папоротника и, полузакрыв глаза, наблюдал за ними. Вдруг, заметив, что Гуд куда-то исчез, я начал искать его глазами и увидел, что он сидит в одной фланелевой рубашке у ручья, в котором уже успел выкупаться. Привычка к исключительной чистоплотности была настолько сильна, что, вместо того, чтобы отдыхать, капитан с увлечением занимался своим туалетом.

Он уже успел выстирать свой гуттаперчевый воротничок, тщательно вытряхнуть и почистить пиджак, жилет, брюки, порванные во время нашего путешествия, и грустно качал головой, рассматривая многочисленные прорехи и дыры. Затем, аккуратно сложив свою одежду, он положил ее на берегу, взял ботинки и пучком папоротника счистил с них грязь. Смазав их куском жира, который благоразумно припрятал, срезав с мяса инко, Гуд начал их натирать, пока они не приобрели более или менее пристойный вид. Затем, внимательно осмотрев ботинки через монокль, он их надел и стал продолжать свой туалет. Вынув из маленького дорожного мешка, с которым он никогда не расставался, гребешок со вставленным в него крошечным зеркальцем, капитан стал тщательно рассматривать свое

лицо. По-видимому, он остался недоволен своим видом, потому что начал аккуратно расчесывать и приглаживать свои волосы. Посмотревшись снова в зеркало, он, очевидно, опять себе не понравился и начал щупать подбородок, на котором красовалась изрядная щетина, так как он не брился уже десять дней.

«Нет, — подумал я, — не может быть! Неужели он собирается бриться?»

Но я не ошибся. Взяв кусок жира, которым он только что смазывал ботинки, Гуд тщательно прополоскал его в ручье. Затем, снова порывшись в своем мешке, он вынул маленькую безопасную бритву, которыми обычно пользуются люди при путешествии по морю. Старательно натерев жиром подбородок и щеки, Гуд начал бриться. Очевидно, этот процесс был весьма болезненный, так как время от времени он охал и стонал, а я, наблюдая за ним, буквально корчился от смеха, видя, как он старается привести в порядок торчащую во все стороны густую щетину.

Наконец, когда ему удалось кое-как побрить правую часть лица и подбородка, я вдруг увидел, что какой-то луч, как молния, мелькнул над его головой.

Со страшным проклятьем Гуд вскочил на ноги (я уверен, что будь у него обычная бритва, он, наверно, перерезал бы себе горло). Я тоже вскочил, но без проклятий, и вот что я увидел. Шагах в двадцати от меня и десяти от Гуда стояла группа людей. Они были очень высокого роста, с медно-красным цветом кожи. У некоторых на голове развевались пышные султаны из черных перьев, а на плечи были наброшены плащи из шкур леопарда — это все, что я заметил в ту минуту.

Впереди стоял юноша лет семнадцати с поднятой еще вверх рукой, в позе античной статуи дискобола. Очевидно, это он бросил нож, который, подобно молнии, сверкнул над головой капитана.

Пока я их разглядывал, из группы туземцев вышел старик с гордой осанкой воина и, схватив юношу за руку, что-то ему сказал. После этого все они направились к нам. Сэр Генри, Гуд и Амбопа схватили ружья и угрожающе подняли их вверх, но туземцы не обратили на это решительно никакого внимания и продолжали приближаться к нам. Я сразу сообразил, что они не понимают, что такое огнестрельное оружие, иначе они не отнеслись бы к нему с таким пренебрежением.

— Бросьте ваши ружья! — крикнул я своим спутникам.

Я сразу понял, что нам нужно убедить туземцев в том, что мы пришли с мирными намерениями, и таким образом расположить их к себе. Это была единственная возможность сохранить жизнь. Они тотчас же

повиновались; я же выступил вперед и обратился к пожилому воину, только что удержавшему юношу от дальнейшего нападения.

— Привет вам! — сказал я по-зулусски, хотя не знал, на каком языке мне следует к нему обращаться.

Я был удивлен, что он меня понял.

— Привет! — ответил он, правда не на чисто зулусском языке, но на наречии, столь схожем с ним, что мы с Амбопой сразу его поняли. Впоследствии мы узнали, что эти люди говорили на старом зулусском языке. Между старым и современным зулусским была примерно та же разница, что существует у нас между языком Чосера^[49] и английским языком XIX века.

— Откуда вы пришли? — обратился к нам старый воин. — Кто вы? И почему у троих из вас лица белые, а лицо четвертого такое же, как у сыновей наших матерей? — добавил он, указывая на Амбопу.

Я взглянул на нашего зулуса, и у меня мелькнула мысль, что старик прав. Лицо Амбопы, как и его огромный рост и сложение, было такое же, как у этих туземцев. Но в то время мне некогда было об этом задумываться.

— Мы чужеземцы и пришли сюда с миром, — отвечал я, стараясь говорить как можно медленнее, чтобы он меня понял. — А этот человек, — добавил я, указывая на Амбопу, — наш слуга.

— Ты лжешь, — возразил старый воин, — ни один человек не может перейти горы, где все живое погибает. Впрочем, ложь твоя ни к чему. Чужеземцы не имеют права вступать на Землю Кукуанов. Вы все должны умереть. Таков закон короля. Готовьтесь к смерти, о чужеземцы!

Признаюсь, эти слова меня несколько ошеломили, особенно когда я увидел, что каждый туземец поднес руку к поясу, на котором у него висело что-то весьма похожее на тяжелый, большой нож.

— Что говорит эта старая обезьяна? — спросил меня Гуд.

— Он говорит, что они собираются нас убить, — мрачно отвечал я.

— О господи! — простонал Гуд и, как всегда, когда он был сильно взволнован, поднес руку ко рту и вынул свою искусственную верхнюю челюсть. Затем он быстро вставил ее обратно и, присасывая челюсть к нёбу, звонко прищелкнул языком.

Со стороны Гуда это было необычайно удачным движением, так как при виде его у гордых кукуанов вырвался крик ужаса, и все они отпрянули на несколько ярдов назад.

— Что случилось? В чем дело? — с недоумением спросил я сэра Генри.

— Это зубы Гуда привели их в такое смятение, — взволнованно

прошептал сэр Генри. — Он их вынул, и они испугались. Выньте их, Гуд, выньте их совсем!

Капитан тотчас же повиновался и преловко ухитрился всунуть обе челюсти в рукав своей фланелевой рубашки.

В следующую минуту любопытство преодолело страх, и туземцы медленно, с опаской вновь приблизились к нам. Очевидно, они уже забыли о своем милом намерении перерезать нам глотки.

— Скажите нам, о чужеземцы! — торжественно воскликнул старик, указывая на Гуда, стоявшего в одной фланелевой рубашке, с наполовину бритым лицом. — Как это может быть, что этот толстый человек, тело которого покрыто одеждой, а ноги голые, у которого волосы растут лишь на одной половине бледного лица и совсем не растут на другой, у которого в одном глазу есть еще один глаз — прозрачный и блестящий, — как это может быть, что его зубы сами выходят изо рта и сами возвращаются на прежнее место?

— Откройте рот! — шепнул я Гуду.

Капитан тотчас же скривил рот и, глядя на старого джентльмена, оскалился на него, как рассерженный пес, обнажив две красные десны без малейшего признака зубов, как у только что родившегося слоненка.

У зрителей вырвался вздох изумления.

— Где его зубы? — в страхе закричали они. — Мы их только что видели своими собственными глазами!

Отвернувшись от дикарей с видом невыразимого презрения, Гуд провел рукой по своему рту и, вновь повернувшись, оскалился на них, и — о чудо! — туземцы увидели два ряда прекраснейших зубов.

Тогда юноша, пустивший в него нож, бросился на землю и издал громкий, протяжный вопль ужаса. Что касается старого джентльмена, у него от страха заметно задрожали колени.

— Я вижу, что вы духи, — пробормотал он, запинаясь, — ибо ни один человек, рожденный женщиной, не имеет волос только на одной стороне лица и такого круглого, прозрачного глаза, и зубов, которые двигаются сами! Простите нас, о мои повелители!

Нечего говорить, как я обрадовался, услышав эти слова, и, конечно, тут же воспользовался этим неожиданно счастливым поворотом дела. Снисходительно улыбнувшись, я надменно провозгласил:

— Мы согласны даровать вам прощение. Теперь вы должны узнать правду: мы прибыли из другого мира, спустившись с самой большой звезды, которая светит ночью над вашей землей, хоть мы такие же люди, как и вы.

— О! О! — простонал в ответ хор изумленных туземцев.

— Да, мы прибыли со звезд, — продолжал я с милостивой улыбкой, сам удивляясь своей лжи. — Мы сошли на землю, чтобы погостить у вас и осчастливить ваш народ своим пребыванием в вашей стране. Вы видите, о друзья мои, что, готовясь посетить вас, я даже выучил ваш язык.

— Да, это так! Это так! — ответили хором все туземцы.

— О повелитель мой! — прервал меня старый джентльмен. — Только выучил ты его очень плохо!

Я взглянул на него с таким негодованием, что он испугался и тотчас же замолк.

— Теперь, друзья мои, — продолжал я, — вы можете подумать, что, после столь долгого странствия, мы, встретив столь недружелюбный прием, пожелаем отомстить вам и поразить смертью того, чья святотатственная рука осмелилась бросить нож в голову человека с движущимися зубами...

— Пощадите его, мои повелители! — умоляющим голосом прервал меня старик. — Он сын нашего короля, а я его дядя. Если что-нибудь с ним случится, кровь его падет на мою голову, ибо отвечаю за него я.

— Можешь в этом не сомневаться, — отчетливо и злобно промолвил юноша. — Вы, может быть, думаете, что мы не в состоянии вам отомстить? — продолжал я, не обращая никакого внимания на его слова. — Погодите, вы сейчас убедитесь. Эй ты, раб и собака, — обратился я к Амбопе самым свирепым тоном, на какой был способен, — подай мне заколдованную трубку, которая умеет говорить! — И я незаметно подмигнул ему, указывая на свой «экспресс».

Амбопа тотчас же понял мою мысль и подал мне винтовку. Впервые в жизни я увидел на его гордом лице нечто похожее на улыбку.

— Вот она, о повелитель повелителей! — сказал он с глубочайшим поклоном.

Перед этим я заметил маленькую антилопу, стоявшую на скале на расстоянии ярдов семидесяти от нас, и решил ее застрелить.

— Вы видите это животное? — обратился я к туземцам, указывая на антилопу. — Может ли человек, рожденный женщиной, убить ее одним шумом?

— Это невозможно, мой повелитель, — ответил старик. — Однако я это сделаю, — возразил я спокойным тоном. Старый воин улыбнулся.

— Даже ты, повелитель, не сможешь этого сделать, — сказал он.

Я поднял винтовку и прицелился. Антилопа была очень маленькая и промахнуться на таком расстоянии было легко, но я знал, что должен в нее

попасть во что бы то ни стало. Животное стояло совершенно неподвижно. Глубоко вздохнув, я спустил курок.

Бум! Бум! — раздался громкий выстрел, и антилопа, подскочив в воздух, замертво упала на месте. У туземцев вырвался крик ужаса.

— Если вы желаете иметь мясо, — сказал я равнодушно, — пойдите и принесите ее сюда.

По знаку старика один из туземцев побежал к скале и вскоре вернулся, неся убитое животное. С большим удовлетворением я увидел, что пуля попала как раз в то место, куда я целился, то есть чуть выше лопатки. Туземцы обступили тушу бедного животного и рассматривали дыру, пробитую пулей, с выражением суеверного страха и смятения.

— Вы видите, — сказал я, обращаясь к ним, — я не говорю пустых слов. Ответа на это не последовало.

— Однако, если вы все еще сомневаетесь в нашем могуществе, — продолжал я, — пусть кто-нибудь из вас станет на ту же скалу, и я с ним сделаю то же самое, что с антилопой.

Но желающих не нашлось. Наступило небольшое молчание, которое прервал сын короля.

— Послушай, дядя, — сказал он, — прошу тебя, пойд и стань на скалу. Колдовство может убить лишь животное, но не человека.

Однако старому джентльмену предложение племянника совсем не понравилось, и он даже обиделся.

— Нет, нет! — воскликнул он с живостью. — Мои старые глаза видели достаточно. — И, обращаясь к своей свите, он сказал: — Эти люди — колдуны, и их надо отвести к королю. А если кто из вас захочет испытать чары чужеземцев на себе, тот может пойти и стать на скалу, чтобы с ним могла поговорить волшебная трубка.

Но среди кукуанов не нашлось желающих слушать заколдованную трубку.

— Не трать напрасно свою волшебную силу на наши презренные тела, — сказал один из туземцев, — нам достаточно того, что мы видели. Все наши колдуны не могут показать ничего подобного.

— Ты говоришь истину, — заметил старый джентльмен с чувством огромного облегчения, — это действительно так! Слушайте вы, дети звезд, дети блестящего глаза и движущихся зубов, вы, которые управляете громом и убиваете издали! Я — Инфадус, сын Кафы, бывшего короля кукуанов. А этот юноша — Скрагга.

— Этот Скрагга чуть не отправил меня на тот свет, — прошептал Гуд^[50].

— Скраага, — продолжал торжественно Инфадус, — сын Твалы. Великий король Твала — супруг тысячи жен, глава и владыка кукуанского народа, хранитель Великой Дороги, страх своих врагов, мудрец, которому известны все тайны волшебства, вождь ста тысяч воинов, Твала Одноглазый, Твала Черный, Твала Грозный!

— В таком случае, — отвечал я надменно, — веди нас к Твале. Мы не желаем разговаривать с подчиненными и слугами.

— Желание ваше будет исполнено, мои повелители! Мы проводим вас к королю, но путь наш долог. Мы пришли сюда охотиться и находимся в трех днях пути от жилища короля. Будьте терпеливы, повелители, через три дня вы увидите великого Твалу.

— Хорошо, сказал я небрежно. — Мы с временем не считаемся и никогда не торопимся, ибо мы бессмертны. Мы готовы. Веди нас. Но слушай, Инфадус, и ты, Скраага! Берегитесь нас обманывать! Не расставляйте нам ловушек! Прежде чем ваши жалкие мозги подумают сделать что-нибудь недоброе, мы это узнаем и отомстим вам, ибо обладаем чудодейственной силой читать мысли людей. Свет, исходящий из прозрачного глаза того, чьи ноги голые, а лицо обросло волосами лишь с одной стороны, убьет вас на месте и принесет бедствия вашей стране. Его движущиеся зубы выскочат и вопьются в ваше тело и пожрут не только вас, но и ваших жен и ваших детей, а волшебные трубки продырявят насквозь ваши тела так, что они станут похожи на сито.

Эта блестящая речь произвела огромное впечатление, хотя вряд ли была нужна, так как наши новые друзья и без того были уже потрясены нашими магическими талантами.

Старый воин раболепно склонился перед нами и пролепетал: «Куум, куум». Впоследствии я узнал, что это слово является приветствием, соответствующим зулусскому «байэте», с которым кукуаны обращаются только к королю и членам королевского рода. Затем он что-то сказал своим людям. Они тотчас же схватили наше имущество, кроме оружия, к которому боялись прикоснуться и даже одежду Гуда, которая, если помнит читатель, была так аккуратно сложена на берегу ручья. Увидев это, капитан хотел ее отнять, в результате чего поднялся ожесточенный спор между туземцами и Гудом.

— Пусть мой повелитель и властелин прозрачного глаза не трогает свои вещи. Нести их — дело его рабов.

— Но я хочу надеть свои брюки! — ревел Гуд по-английски.

Амбопа перевел его слова.

— О повелитель мой! — воскликнул Инфадус. — Неужели ты хочешь

скрыть свои прекрасные белые ноги от взора своих покорных слуг? (Гуд брюнет, но кожа у него необычайно белая). Чем мы прогневили тебя, о повелитель, что ты хочешь это сделать?

Глядя на Гуда, я буквально разрывался от смеха. За это время один из туземцев уже успел схватить одежду капитана и убежать с нею.

— Проклятье! — рычал Гуд. — Этот черный негодяй удрал с моими брюками!

— Послушайте, Гуд, — сказал сэр Генри, — вы появились в этой стране в известной роли и должны играть ее до конца. Пока вы здесь, брюк вы надевать уже не сможете. Отныне вам предстоит щеголять только в фланелевой рубашке, ботинках и монокле.

— Да, — подтвердил я, — и с одной бакенбардой. Если вы появитесь перед кукуанами в другом виде, они примут нас за обманщиков. Мне очень жаль, что вам придется ходить в таком виде, но я говорю совершенно серьезно, Гуд. У вас нет другого выхода. Если у них возникнет малейшее подозрение, наша жизнь не будет стоять и фартинга^[51].

— Вы действительно так думаете? — угрюмо спросил Гуд.

— Ну конечно! Ваши «прекрасные белые ноги» и монокль — наше спасенье. Сэр Генри совершенно прав, говоря, что вы должны играть свою роль до конца. Благодарите бога, что вы успели хоть обуться и что здесь тепло.

Гуд тяжело вздохнул и ничего не ответил. Только недели через две он свыкся со своим странным туалетом.

Глава VIII . Мы приходим в Страну Кукуанов

В течение всего этого дня мы шли по великолепной дороге, которая никуда не отклоняясь, пролегла в северо-западном направлении. Инфадус и Скрагга шли вместе с нами, а их свита маршировала шагов на сто впереди.

— Скажи мне, Инфадус, — обратился я к нему после некоторого молчания, — не знаешь ли ты, кто проложил эту дорогу?

— Ее проложили в старые времена, мой повелитель. И никому не известно, как и когда это было сделано. Этого не знает даже мудрая женщина Гагула, которая пережила много поколений. Мы же не так стары, чтобы помнить, когда ее строили. Теперь никто не умеет сооружать такие дороги, и король хранит ее и не допускает, чтобы она зарастала травой.

— А кто высек человеческие фигуры на стенах пещер, через которые лежал наш путь? — спросил я, имея в виду скульптурные изображения, напоминающие египетские, которые мы видели по дороге.

— Те же руки, что построили дорогу, высекли на камне эти удивительные изображения, мой повелитель. Мы не знаем, кто это сделал.

— А когда кукуанский народ пришел в эту страну?

— Мой повелитель, наш народ пришел сюда, подобно дыханию бури, десять тысяч лун назад, из великих земель, лежащих там, — и он указал на север. — Как говорят древние голоса наших отцов, которые дошли до нас, и как говорит Гагула, мудрая женщина, охотница за колдунами, кукуаны не могли пройти дальше — великие горы, окружающие кольцом эту страну, преградили им путь, — и он указал на покрытые снегом вершины. — Страна же эта была прекрасна, и они здесь поселились, стали сильными и могущественными, и теперь число наше равно числу песчинок в море. Когда Твала, наш король, созывает свои войска, то перья, украшающие его воинов, покрывают всю равнину, насколько может охватить глаз человека.

— Но если страна окружена горами, то с кем же сражается это войско?

— Нет, господин, там страна открыта, — и он вновь указал на север, — и время от времени воины из неведомой нам земли тучами устремляются на нас, и мы их убиваем. С тех пор как мы воевали в последний раз, прошла третья часть жизни человека. Много тысяч погибло в этой войне, но мы уничтожили тех, кто пришел, чтобы пожрать нас. И с

тех пор войны не было. — Вашим воинам, должно быть, наскучило дремать, опершись на свои копья?

— Нет, мой повелитель, как раз после того, как мы уничтожили людей, которые напали на нас, здесь была еще война. Но то была междоусобная война. Люди пожирали друг друга, как псы.

— Как же это случилось?

— Я расскажу тебе это, мой повелитель. Наш король — мой сводный брат. У него же был родной брат, родившийся в тот же день, от той же женщины. По нашему обычаю, нельзя оставлять в живых обоих близнецов — более слабый из них должен умереть. Но мать короля спрятала более слабого ребенка, который родился последним, потому что сердце ее тянулось к нему. Этот ребенок и есть Твала, наш король. Я же — его младший брат, родившийся от другой жены.

— Что же было дальше?

— Кафа, наш отец, умер, когда мы достигли зрелости, и мой брат Имоту был возведен в сан короля вместо него. Некоторое время он правил страной, и у него родился сын от любимой жены. Когда ребенку исполнилось три года — это было как раз после великой войны, во время которой никто не мог ни сеять, ни собирать урожай, — в страну пришел голод. Голод заставил народ роптать и озираться подобно льву, когда он, умирая от истощения, ищет добычу, которую можно растерзать. И тогда Гагула, мудрая и вселяющая ужас женщина, которая не умирает, обратилась к народу, говоря: «Король Имоту — не законный король!» А в это время Имоту страдал от раны, полученной в сражении, и лежал недвижимо в своей хижине. Потом Гагула вошла в одну из хижин и вывела оттуда Твалу, моего сводного брата и родного брата-близнеца короля Имоту. Со дня его рождения она прятала его среди скал и пещер и теперь, сорвав с его бедер мучу, показала народу кукуанов знак священной змеи, обвинившейся вокруг его тела, — знак, которым отмечают старшего сына короля при рождении, и громко вскричала: «Смотрите, — вот ваш король, жизнь которого я сохранила для вас по сей день!» И люди, обезумевшие от голода, лишившиеся рассудка и забывшие, что такое справедливость, начали кричать: «Король! Король!» Но я знал, что это не так, потому что мой брат Имоту был старшим из двух близнецов и, значит, законным королем. Когда шум и крики достигли крайнего предела, король Имоту, хотя он и был очень болен, вышел, ведя за руку свою жену. За ними шел его малолетний сын Игнози (что означает «молния»). «Что это за шум? — спросил Имоту. — Почему вы кричите «король, король»?»

Тогда Твала, его родной брат, рожденный от той же женщины и в тот

же час, подбежал к нему и, схватив его за волосы, нанес ему своим ножом смертельный удар прямо в сердце. Людям свойственно непостоянство, и они всегда готовы поклоняться восходящему солнцу, и все начали бить в ладоши и кричать: «Твала — наш король! Теперь мы знаем, что Твала — король!»

— А что же случилось с женой Имоту и его сыном Игнози? Неужели Твала их тоже убил?

— Нет, мой повелитель, когда жена увидела, что господин ее мертв, она с воплем схватила ребенка и убежала. Два дня спустя голод загнал ее в какой-то крааль, но теперь никто не хотел дать ей молока или какой-нибудь иной пищи, потому что люди ненавидят несчастных. Однако, когда наступила ночь, какая-то девочка прокралась к ней и принесла еды, и она благословила ребенка и ушла со своим сыном до восхода солнца в горы, где она, вероятно, и погибла. С тех пор никто не видел ни ее, ни ее сына Игнози.

— Так значит, если бы этот ребенок Игнози остался жив, он был бы настоящим королем кукуанского народа?

— Это так, мой повелитель. Знак священной змеи опоясывает его тело. Если он жив — он король. Но — увы! — он давно уже умер. Посмотри, мой повелитель, — и он указал вниз, на равнину, где стояла большая группа хижин, окруженных изгородью, которая, в свою очередь, была опоясана глубоким рвом. — Это тот крааль, где в последний раз видели жену Имоту с ее ребенком Игнози. Мы будем там спать сегодня ночью, если только, — добавил он с некоторым сомнением, — мои повелители вообще спят на этой земле.

— Когда мы находимся среди кукуанов, мой добрый друг Инфадус, мы поступаем так же, как кукуаны, — величественно произнес я и обернулся, чтобы что-то сказать Гуду, который мрачно плелся позади, полностью поглощенный тщетными попытками удержать на месте свою фланелевую рубашку, раздуваемую вечерним ветерком.

Обернувшись, я, к своему удивлению, чуть не столкнулся с Амбопой, который шел следом за мною и совершенно очевидно прислушивался с огромным интересом к моему разговору с Инфадусом. Лицо Амбопы выражало крайнее любопытство. Он был похож на человека, который делает отчаянные и только отчасти успешные попытки припомнить что-то давно им позабытое.

В течение всего этого времени мы шли быстрым шагом, спускаясь к холмистой равнине, расстилавшейся внизу. Громады гор, которые мы пересекли, теперь неясно вырисовывались высоко под нами; клубы тумана

целомудренно окутывали грудь Царицы Савской прозрачной дымкой. По мере того как мы продвигались вперед, местность становилась еще красивее. Растительность была поразительно пышной, хотя и отнюдь не тропической, лучи яркого солнца — теплыми, но не обжигающими. Легкий ветерок обвеивал благоухающие склоны гор. Эта страна была поистине настоящим земным раем, и никому из нас не приходилось раньше видеть равных ей по красоте, естественным богатствам и климату. Трансвааль — чудесная страна, но и она не может сравниться со Страной Кукуанов.

Как только мы отправились в свой поход, Инфадус послал гонца, чтобы тот предупредил о нашем прибытии обитателей крааля, которые, между прочим, находились под его военным командованием. Посланец побегал с невероятной быстротой. По словам Инфадуса, он мог сохранять такую скорость в течение всего пути, так как все кукуаны усиленно тренируются в беге.

Вскоре мы смогли воочию убедиться в том, что посланец успешно выполнил свое задание. Очутившись примерно в двух милях от крааля, мы увидели, что воины, отряд за отрядом, выходят из ворот и направляются к нам навстречу.

Сэр Генри положил мне руку на плечо и заметил, что все это сулит нам, кажется, «теплый» прием. Что-то в тоне, которым это было сказано, привлекло внимание Инфадуса.

— Пусть это не тревожит моих повелителей, — поспешно сказал он, — ибо в моем сердце не живет измена. Эти воины подчинены мне и выходят нам навстречу по моему приказу, чтобы вас приветствовать.

Я спокойно кивнул головой, хотя на душе у меня было не совсем спокойно.

Примерно в полумиле от ворот крааля начинался длинный выступ холма, отлого поднимающийся от дороги; на этом выступе и построились отряды воинов. Это было поистине грандиозное зрелище. Отряды, каждый численностью около трехсот человек, быстро взбегали по склону холма и неподвижно застывали на предназначенном для них месте; их копья сверкали на солнце, развевающиеся перья украшали их головы. К тому времени, как мы подошли к холму, двенадцать таких отрядов, то есть три тысячи шестьсот воинов, взошли на него и заняли свои места вдоль дороги.

Мы подошли к ближайшему отряду и с изумлением увидели, что он сплошь состоит из рослых, статных воинов, подобных которым мне никогда не приходилось видеть, тем более в таком огромном количестве. Все они были людьми зрелого возраста, а в большинстве своем — ветераны лет сорока. Среди них не было ни одного человека ниже шести футов

ростом, а многие были еще дюйма на три-четыре выше. Головы их украшали тяжелые черные плюмажи из перьев птицы сакобула, такие же, как и у наших проводников. Все воины были опоясаны белыми буйволовыми хвостами; браслеты из таких же хвостов охватывали их ноги пониже правого колена. В левой руке каждый держал круглый щит около двадцати дюймов в поперечнике.

Эти щиты были очень любопытны. Они были сделаны из тонкого листового железа, обтянутого буйволовой кожей молочно-белого цвета. Вооружение воинов было простым, но весьма внушительным. Оно состояло из короткого и очень тяжелого обоюдоострого копья с деревянной рукояткой, лезвие которого в самой широкой его части было около шести дюймов в поперечнике. Эти копья не предназначались для метания, а, подобно зулусским бангванам или кинжальным дротикам, использовались только в рукопашном бою, причем раны, нанесенные ими, бывали ужасны. Кроме этих бангванов, каждый воин был также вооружен тремя большими тяжелыми ножами, каждый весом около двух фунтов. Один нож был заткнут за пояс из хвоста буйвола, а остальные два укреплены на тыльной стороне круглого щита. Эти ножи, которые кукуаны называют толлами, заменяют им метательные ассегай зулусов. Кукуанский воин может метать их с большой точностью с расстояния до пятидесяти ярдов, и обычно перед тем, как вступить в рукопашный бой с противником, кукуаны посылают навстречу противнику тучу этих ножей.

Отряды стояли неподвижно, как ряды бронзовых статуй, но, когда мы подходили к очередному отряду, по сигналу, данному командиром, которого можно было отличить по плащу из шкуры леопарда, отряд выступал на несколько шагов вперед, копья поднимались в воздух, и из трех сотен глоток неожиданно вырывался оглушительный королевский салют: «Куум!» Когда же мы проходили, отряд строился позади нас и следовал за нами по направлению к краалю, пока, наконец, весь полк «Серых» (получивший это название из-за серых щитов), лучшая военная часть кукуанской армии, не шел позади нас четкой поступью, сотрясавшей землю.

Наконец, несколько уклонившись в сторону от Великой Дороги Царя Соломона, мы подошли к широкому рву, окружавшему крааль, который занимал площадь не менее мили в окружности и был огорожен прочным частоколом из толстых бревен. У ворот через ров был перекинут примитивный подъемный мост, который был спущен стражей, чтобы мы могли войти. Крааль был прекрасно распланирован. Через его центр проходила широкая дорога, которую пересекали под прямым углом другие,

более узкие дороги, разделяя таким образом группы хижин на кварталы, причем в каждом из них был расквартирован один отряд.

Хижины с куполообразными крышами имели, подобно зулусским, каркас из прутьев, очень красиво переплетенных травой, однако, в отличие от зулусских хижин, в них были двери, через которые можно было войти, не сгибаясь. Кроме того, они были гораздо обширнее, и их окружала веранда шириной около шести футов, с красивым полом из крепко утрамбованного толченого известняка.

По обеим сторонам дороги, которая пересекала крааль, стояли сотни женщин, привлеченных сюда желанием посмотреть на нас. Для туземок эти женщины исключительно красивы. Они высокого роста, грациозны и великолепно сложены. Хотя волосы их и коротки, но они выются и не похожи на шерсть, черты лица у многих из них тонкие и губы не такие толстые, как у большинства африканских народностей. Но что поразило нас более всего — это их удивительно спокойный, полный сознания собственного достоинства вид. Они были по-своему благовоспитаны, не уступая в этом отношении постоянным гостям светских салонов, и это выгодно отличало их от зулусских женщин и их родственниц — женщин народности мазаи, которые живут в области, лежащей южнее Занзибара. Хотя они и пришли сюда из любопытства, чтобы посмотреть на нас, но ни единое грубое восклицание, выражающее удивление, ни единое критическое замечание не сорвалось с их уст, когда мы устало брели мимо них. Даже когда старый Инфадус незаметным движением руки обращал их внимание на самое выдающееся из всех чудес — на «прекрасные белые ноги» бедного Гуда, — они не позволяли себе выразить вслух то чувство бесконечного восхищения, которое, очевидно, вызывало у них это ни с чем не сравнимое зрелище. Они не сводили внимательного взгляда своих темных глаз с их неотразимо прекрасной снежной белизны, и только. Но для Гуда, человека скромного по натуре, и этого было более чем достаточно.

Когда мы подошли к центру крааля, Инфадус остановился у входа в большую хижину, которую на некотором расстоянии окружал ряд хижин меньшего размера.

— Войдите, сыны звезд, — произнес он торжественным голосом, — и соблаговолите отдохнуть в нашем скромном обиталище. Сюда принесут немного пищи, чтобы вам не пришлось затягивать свои пояса от голода, немного меда и молока, одного или двух быков и несколько овец. Это, конечно, очень мало, о мои повелители, но все же это пища.

— Хорошо, — ответил я. — Инфадус, мы утомлены путешествием

через воздушные пространства. Теперь дайте нам отдохнуть.

Мы вошли в хижину, которая оказалась великолепно подготовленной для отдыха. Для нас были разостланы лежа из дубленых шкур, на которых можно было отдохнуть, и была принесена вода, чтобы мы могли умыться.

Вдруг снаружи слышались крики, и, подойдя к двери, мы увидели процессию девиц, которые несли молоко, печеные маисовые лепешки и горшок меда. Позади них несколько юношей гнали жирного молодого быка. Мы приняли дары, вслед за тем один из молодых людей вытащил из-за пояса нож и ловко перерезал быку глотку. Через каких-нибудь десять минут они уже сняли с быка шкуру и разрубили его на куски. Лучшие куски мяса были отрезаны для нас, а остальное я от имени нас всех преподнес воинам, стоявшим вокруг. Они унесли мясо и поделили между собой «дар белых людей».

Амбопа с помощью весьма приятной на вид молодой женщины принялся за работу. Они сварили нашу порцию в большом глиняном горшке на костре, разложенном перед нашей хижинкой. Когда мясо было почти готово, мы послали человека к Инфадусу, чтобы передать ему и королевскому сыну Скрагге приглашение присоединиться к нашей трапезе.

Они сейчас же пришли, сели на низенькие табуретки, которых в хижине было несколько штук (кукуаны обычно не сидят на корточках, как зулусы), и помогли нам справиться с нашим обедом. Старый джентльмен был чрезвычайно вежлив и любезен, но нас удивило, что молодой смотрел на нас с явным подозрением. Подобно всем остальным, он испытывал благоговейный ужас перед нашей белой кожей и магическими талантами. Но мне казалось, что, когда он обнаружил, что мы едим, пьем и спим, как обыкновенные смертные, его ужас начал уступать место угрюмому подозрению, которое заставило нас держаться настороже.

Во время еды сэр Генри высказал предположение, что неплохо было бы попытаться узнать, не известно ли нашим хозяевам что-нибудь относительно судьбы его брата, — может быть, они его видели когда-нибудь или слышали о нем. Однако я считал, что пока лучше не касаться этого вопроса.

После обеда мы набили табаком свои трубки и закурили. Это повергло Инфадуса и Скраггу в изумление. Очевидно, кукуаны были незнакомы с божественными свойствами табачного дыма. Эта трава произрастала у них в изобилии, но, подобно зулусам, они только нюхали табак и совершенно не знали его в этом новом для них виде.

Я спросил Инфадуса, когда нам предстоит продолжить наше путешествие, и с радостью услышал о том, что ведутся приготовления,

чтобы отправиться дальше на следующее утро, и что уже посланы гонцы, чтобы уведомить короля Твалу о нашем прибытии. Оказалось, что Твала находится в своей главной резиденции, называемой Луу, и готовится к большому ежегодному празднеству, которое должно состояться на первой неделе июня. На этом празднестве обычно присутствуют и проходят торжественным маршем перед королем все военные части, за исключением некоторых полков, остающихся для несения гарнизонной службы. Там же обычно происходит великая охота на колдунов, о которой речь будет дальше.

Мы должны были выступить на рассвете. Инфадус, который должен был нас сопровождать, полагал, что если нас случайно не задержит в пути разлив рек, то мы должны достигнуть Луу к ночи второго дня.

Сообщив нам все это, наши гости пожелали нам доброй ночи. Мы договорились дежурить по очереди; трое из нас бросились на свои ложа и заснули блаженным сном, а четвертый бодрствовал, чтобы возможное предательство не застало нас врасплох.

Глава IX . Король Твала

Думаю, что не стоит особенно подробно рассказывать о нашем путешествии в Луу. Скажу только, что мы шли туда целых два дня по ровной, широкой дороге царя Соломона, которая вела в самую глубь Страны Кукуанов. По мере того как мы продвигались вперед, земля становилась все плодороднее, а краали, окруженные возделанными полями, все многочисленнее. Все они были выстроены по образцу того крааля, в котором мы останавливались накануне, и охранялись большими гарнизонами войск. В стране Кукуанов, так же как у зулусов и племени мазаи, каждый годный к военной службе человек — воин. Поэтому в войнах, как наступательных, так и оборонительных, фактически участвует весь народ. На нашем пути нас обгоняли тысячи воинов — они спешили в Луу, чтобы присутствовать на торжественном ежегодном параде, после которого должно было состояться большое празднество. Никогда в жизни мне не приходилось видеть столь внушительные войска.

На второй день пути, к вечеру, мы сделали привал на вершине небольшого холма, по которому пролежала наша дорога. С этого холма мы увидели красивую, плодородную равнину, на которой был расположен город Луу. Он занимал огромную для туземного города площадь: думаю, что с прилегающими к нему пригородными краалями он был не менее пяти миль в окружности. В этих краалях расквартировывались во время больших торжеств войска, прибывающие из отдаленных частей страны. В двух милях к северу от Луу возвышался холм, имеющий вид подковы, с которым нам впоследствии пришлось хорошо познакомиться. Город был расположен в прекрасном месте. Широкая река, через которую было перекинута несколько мостов, та самая, которую мы видели со склона гор Царицы Савской, протекала через главную королевскую резиденцию и делила ее на две части. Вдали, на расстоянии шестидесяти или семидесяти миль, на совершенно ровной местности возвышались три горы, расположенные в форме треугольника. На вершине этих диких, крутых и неприступных скал лежал снег, и по очертаниям своим они сильно отличались от гор Царицы Савской, склоны которых были округлые и пологие.

Видя, что мы их рассматриваем с большим интересом, Инфадус сказал:

— Там, у подножия этих гор, которые народ наш называет «Три

колдуна», кончается Великая Дорога.

— Почему же именно там? — спросил я.

— Кто это может знать? — ответил старый воин, пожимая плечами. — В этих горах, — продолжал он, — много пещер, и между ними есть глубокий колодец. Туда-то мудрые люди старого времени и отправлялись, чтобы найти то, за чем они приходили в эту страну. И там же, в Чертоге Смерти, мы хороним своих королей.

— А зачем приходили туда эти мудрые люди? — перебил я его нетерпеливо.

— Этого я не знаю. Вы, мои повелители, спустившиеся сюда с далеких звезд, должны это знать сами, — ответил Инфадус, бросив на нас быстрый взгляд.

Очевидно, он не хотел нам сказать все, что знал.

— Ты прав, — сказал я. — Мы, жители звезд, знаем многое, чего вы не знаете. Вот, например, я слышал, что мудрые люди далекого прошлого отправлялись в эти горы за красивыми яркими камнями и желтым железом.

— Повелитель мой мудр, — ответил он холодно. — По сравнению с ним я лишь неразумный ребенок, и потому мне не подобает говорить с ним о таких вещах. Мой повелитель должен побеседовать об этом с престарелой Гагулой, когда он будет в жилище короля, ибо она столь же мудра, как и мой повелитель.

Сказав это, Инфадус ушел. Как только мы остались одни, я обратился к своим друзьям и, указывая на отдаленные горы, воскликнул:

— Вот где находятся алмазные копи царя Соломона!

Амбопа, стоявший около сэра Генри и Гуда, услышал эти слова. Я заметил, что за последнее время он стал как-то особенно задумчив и рассеян и редко вступал с нами в разговор.

— Да, Макумазан, — сказал он, обращаясь ко мне по-зулусски, — алмазы находятся там, и они, конечно, будут ваши, ибо вы, белые люди, очень любите деньги и блестящие камни.

— Откуда ты знаешь, что алмазы находятся в этих горах, Амбопа? — резко спросил я его.

Мне не нравилась таинственность его поведения и постоянные недомолвки.

Амбопа засмеялся.

— Я видел это сегодня ночью во сне, белые люди, — ответил он и, круто повернувшись, отошел в сторону.

— Что наш черный друг хотел этим сказать и что у него на уме? — спросил сэр Генри. — Совершенно очевидно, он что-то знает, но

предпочитает молчать. Между прочим, Квотермейн, не слышал ли он от наших проводников чего-нибудь о моем... о моем брате?

— К сожалению, ничего. Он расспрашивал об этом всех, с кем за это время успел подружиться, но ему отвечали, что в этой стране никто и никогда не видел ни одного белого человека.

— Неужели вы думаете, что ваш брат мог сюда добраться? — спросил Гуд. — Ведь сами-то мы попали сюда чудом. Кроме того, как он нашел бы дорогу, не имея карты?

— Не знаю, — сказал сэр Генри, и лицо его омрачилось. — Но мне думается, что я все-таки его найду.

Пока мы разговаривали, солнце медленно садилось за горизонт, и вдруг землю окутал мрак. В этих широтах нет сумерек, поэтому и нет постепенного, мягкого перехода от дня к ночи — день обрывается так же внезапно, как внезапно обрывается жизнь при наступлении смерти. Солнце село, и весь мир погрузился во тьму. Но вскоре на западе появилось слабое мерцание, затем серебряный свет, и наконец полный, великолепный диск луны осветил равнину стрелами своих сверкающих лучей, озаряя всю землю нежным, лучезарным сиянием. Мы стояли и наблюдали это восхитительное зрелище. Я не могу описать все величие этой несказанной красоты, перед которой померкли звезды, и сердца наши, устремившиеся ввысь, наполнились благоговейным восторгом.

Жизнь моя была полна трудностей и забот, но есть воспоминания, вызывающие у меня чувство благодарности за то, что я жил. Одно из них — это воспоминание о том, что я видел, как светит луна на Земле Кукуанов. Эти размышления были прерваны нашим учтивым другом Инфадусом.

— Если мои повелители отдохнули, — сказал он, — мы можем идти дальше. В Луу для повелителей уже приготовлено жилище. Луна светит ярко и будет освещать нам дорогу.

Мы тотчас же выразили свое согласие и немедленно тронулись в путь. Через час мы уже подошли к Луу, размеры которого нам показались бесконечными. Окруженный тысячами сторожевых костров, он казался опоясанным огромным огненным кольцом. Вскоре мы подошли ко рву, через который был перекинут подъемный мост, и услышали бряцание оружия и глухой окрик часового. Инфадус произнес пароль, который я как следует не разобрал; стража, узнав своего начальника, приветствовала его, и мы вошли в город.

С пол часа мы шли по главной улице мимо бесчисленных рядов плетенных из травы хижин, пока Инфадус не остановился около небольшой группы домиков, окружавших маленький двор, вымощенный

толченым известняком.

Войдя в этот двор, Инфадус объявил нам, что эти «жалкие обиталища» предназначены для нашего жилья. Каждому из нас была приготовлена отдельная хижина. Они были значительно лучше, чем те, что мы уже видели, и в каждой из них была очень удобная постель из душистых трав, накрытая дубленой шкурой; тут же стояли большие глиняные сосуды с водой. Ужин для нас был уже приготовлен, так как не успели мы умыться, как несколько красивых молодых женщин с глубоким поклоном подали нам жареное мясо и печеные маисовые лепешки, красиво сервированные на деревянных тарелках.

Мы поели с большим аппетитом и затем попросили перенести все постели в одну хижину, причем эта мера предосторожности вызвала улыбку на лицах милых молодых леди. Смертельно уставшие от долгого путешествия, мы бросились на постели и заснули крепким сном. Когда мы проснулись, солнце было уже высоко. Наши прислужницы, лишенные чувства ложной стыдливости, находились уже в хижине, так как им было приказано помочь нам одеться, чтобы идти на прием к королю.

— Одеться! — ворчал Гуд. — Для того, чтобы надеть фланелевую рубашку и пару ботинок, не требуется много времени. Послушайте, Квотермейн, попросите их принести мои брюки.

Я исполнил его просьбу, но мне сказали, что эти священные реликвии уже отнесены к королю и что он ожидает нас к себе до полудня.

Попросив наших молодых леди удалиться, что, по-видимому, их чрезвычайно удивило и огорчило, мы начали одеваться, стараясь это сделать как можно тщательнее.

Гуд, конечно, не выдержал и снова побрил правую часть лица, намереваясь сделать то же самое с левой, на которой красовалась густая поросль щетины, но мы уговорили его ни в коем случае ее не трогать. Что касается меня и сэра Генри, мы только как следует умылись и расчесали волосы. Золотые локоны сэра Генри сильно отросли и падали до плеч, что придавало ему, как никогда, сходство с древним датчанином. Моя же седая щетина была по крайней мере на целый дюйм длиннее того полудюйма, который я считаю допустимой длиной.

После того, как мы позавтракали и выкурили по трубке, к нам явился сам Инфадус и сообщил, что, если нам будет угодно, король Твала готов нас принять.

Мы отвечали, что предпочли бы пойти к нему, когда солнце поднимется выше, что мы еще крайне утомлены после столь долгого пути, и выдумали еще ряд других причин. Так всегда следует поступать, когда

имеешь дело с дикарями: нельзя немедленно откликаться на их зов, так как они склоны принимать вежливость за страх и раболепство. Поэтому, хоть нам и хотелось увидеть Твалу не менее, чем ему нас, мы все же не спешили и просидели у себя еще час, заняв это время тем, что отобрали из нашего скудного запаса вещей подарки для короля и его приближенных. Дары эти состояли из винчестера бедняги Вентфогеля и небольшого количества бус. Винтовку с патронами было решено подарить его величеству, а бусы — его женам и придворным. Инфадус и Скрагга уже получили от нас в подарок такие бусы и были от них в восторге, так как никогда в жизни не видели ничего подобного. Наконец мы заявили, что готовы идти на прием, и вышли из хижины в сопровождении Инфадуса и Амбопы, который нес наши дары.

Пройдя несколько сот ярдов, мы очутились у ограды, похожей на ту, которая окружала наши хижины, но раз в пятьдесят длиннее, так как она охватывала не менее шести или семи акров земли. Вокруг внешней стороны изгороди тянулся ряд хижин, в которых жили жены короля. Как раз напротив главных ворот, в глубине огромной площади, стояла особняком очень большая хижина, — это была резиденция его величества. Вся остальная площадь была пуста, вернее была бы пуста, если бы ее не заполняли многочисленные отряды воинов. Их было не менее семи — восьми тысяч. Когда мы проходили мимо них, они стояли неподвижно, словно изваяния. Трудно передать словами, какое величественное зрелище представляли собой эти войска с развевающимися плюмажами, сверкающими на солнце копьями и железными щитами, обтянутыми буйволовыми шкурами. На пустой части площади перед королевской хижинкой стояло несколько табуретов. Три из них мы заняли по указанию Инфадуса, Амбопа стал позади нас, а сам Инфадус остался у дверей жилища короля.

На площади царила мертвая тишина. Более десяти минут мы ждали выхода его величества и все это время чувствовали, что нас с любопытством рассматривает около восьми тысяч пар глаз. Должен признаться, что ощущение было не из приятных, но мы делали вид, что это нас не касается. Наконец дверь большой хижины распахнулась, и из нее вышел гигантского роста человек, на плечи которого была наброшена великолепная короткая мантия из тигровых шкур; следом за ним шел Скрагга и, как нам сперва показалось, высохшая, совершенно сморщенная, закутанная в меховой плащ обезьяна. Гигант сел на один из табуретов, за ним стал Скрагга, а сморщенная обезьяна поползла на четвереньках и уселась на корточках в тени под навесом хижины.

Полное безмолвие продолжалось.

Вдруг гигант скинул с себя мантию и выпрямился во весь рост. Это было поистине жуткое зрелище. У него были безобразно толстые губы, широкий плоский нос и только один черный глаз, в котором сверкала злоба, на месте же второго глаза зияла дыра. Мне в жизни не приходилось видеть более отвратительное, свирепое, плотоядное лицо. На огромной голове развевался султан из роскошных белых страусовых перьев; грудь его охватывала блестящая кольчуга; вокруг пояса и правого колена висели обычные украшения из белых буйволовых хвостов. На шее этого страшного человека было надето золотое ожерелье в виде толстого жгута, а на лбу тускло мерцал громадный нешлифованный бриллиант. В руке он держал длинное, тяжелое копье. Мы сразу догадались, что это Твала.

4*

Молчание продолжалось, но недолго. Вдруг король поднял свое копье. В ответ на это восемь тысяч рук тоже подняли свои копья и из восьми тысяч глоток вырвался троекратный королевский салют: «Куум!». Казалось, что от этого рева, который можно было сравнить лишь с

оглушительным раскатом грома, трижды содрогнулась земля.

— Будьте покорны, о люди! — пропищал пронзительный тоненький голосок из-под навеса крыши, где сидела обезьяна. — Это король!

— Это король! — как эхо, прогремели в ответ восемь тысяч глоток. — Будьте покорны, о люди, — это король!

Снова на площади наступила мертвая тишина.

Вдруг один из воинов, стоявший на левом фланге, случайно уронил щит, который со звоном упал на вымощенную известняком площадь.

Твала холодно взглянул своим единственным глазом в ту сторону, где стоял воин, уронивший щит.

— Эй, ты, подойди сюда! — закричал он громовым голосом, обращаясь к нарушителю тишины.

Из рядов вышел красивый юноша и стал перед королем.

— Это ты уронил щит, неуклюжий пес? Это ты опозорил меня перед чужеземцами, прибывшими со звезд? Как ты смел это сделать?

Как ни темна была кожа бедного юноши, мы увидели, что он побледнел.

— О Телец Черной Коровы, — прошептал юный воин, — это произошло случайно.

— Ну, так за эту случайность ты должен заплатить жизнью. Ты поставил меня в дурацкое положение. Готовься к смерти.

— Я лишь бык короля! — тихо произнес юноша.

— Скрагга! — загремел король. — Покажи мне, как ты умеешь владеть оружием. Убей этого неуклюжего пса.

Со зловещей усмешкой Скрагга вышел вперед и поднял свое копье. Бедная жертва стояла неподвижно, закрыв лицо руками. Что касается нас, мы окаменели от ужаса.

Скрагга два раза взмахнул копьем и вонзил его в грудь юноши; удар был настолько силен, что копье, пройдя насквозь, вышло на целый фут наружу между лопатками воина. Взмахнув руками, несчастный упал замертво. Ропот неодобрения, подобно отдаленному грому пронесся по сомкнутым рядам войск и замер. Не успели мы осознать весь ужас этой кровавой трагедии, как у наших ног лежал распростертый труп несчастного юного воина. Со страшным проклятьем сэр Генри вскочил на ноги, но, подавленный всеобщим безмолвием, опустился обратно на свое место.

— Удар был хорош, — произнес король. — Уберите его отсюда!

Четыре человека вышли из рядов войск, подняли тело убитого юноши и унесли его.

— Засыпьте кровавые пятна, засыпьте их! — пропищал тоненький

голосок обезьяноподобного существа. — Король сказал свое слово, и приговор его совершен!

Из-за хижины вышла девушка с сосудом, наполненным толченым известняком, и густо посыпала им лужи крови. Сэр Генри был в бешенстве и едва сдерживал клокотавшее в нем негодование. С большим трудом мы уговорили его успокоиться.

— Ради бога, сидите спокойно! — шепнул я ему. — Помните, что от нашего разумного поведения зависит наша жизнь.

Сэр Генри это понял и овладел собой.

Пока уничтожали следы только что разыгравшейся трагедии, Твала сидел молча, но, как только девушка удалилась, он обратился к нам:

— Белые люди, пришедшие сюда не знаю откуда и зачем, привет вам!

— Привет и тебе, Твала, король кукуанов! — ответил я.

— Белые люди, откуда вы пришли и что вы ищите в нашей стране?

— Мы спустились со звезд, чтобы посмотреть на Землю Кукуанов. Не спрашивай нас, как мы это сделали.

— Большое же путешествие вы совершили, чтобы взглянуть на столь маленькую страну. А вот этот человек, — сказал он, указывая на Амбопу, — тоже спустился со звезд?

— Да, и он, — ответил я. — На небесах есть тоже люди твоего цвета. Но не спрашивай нас о вещах, которые выше твоего понимания, король Твала!

— Вы, люди звезд, очень смело со мной разговариваете, — ответил Твала тоном, который не очень мне понравился. — Не забывайте, что звезды далеко, а вы здесь. А что, если я сделаю с вами то же, что сделал с тем, которого только что унесли?

Я громко рассмеялся, хотя мне было вовсе не до смеха.

— О король! — промолвил я. — Будь осторожен, когда ступаешь по горячим камням, чтобы не обжечь себе ноги, держи копье за рукоять, чтоб не поранить себе руки. Если хоть один волосок упадет с головы моей или моих друзей, тебя поразит смерть. Разве твои люди, — продолжал я, указывая на Инфадуса и мерзавца Скраггу, который в это время вытирал кровь несчастного юноши со своего копья, — не сказали тебе о том, что мы за люди? И видел ли ты человека, подобного этому? — И я указал на Гуда, совершенно уверенный в том, что никогда ничего похожего он не мог видеть.

— Правда, таких людей я никогда не видел, — ответил король.

— Разве они не говорили тебе, как мы поражаем смертью издали?

— Говорили, но я им не верю. Дай мне посмотреть, как вы это делаете.

Убей одного из тех воинов, что стоят вон там, — и он указал на противоположную сторону крааля, — и тогда я поверю.

— Нет, — ответил я, — мы не проливаем невинной крови. Мы убиваем лишь тогда, когда человек в чем-нибудь провинился и заслуживает такой кары. Если же ты хочешь убедиться в нашем могуществе, вели своим слугам пригнать в твой крааль быка, и он упадет мертвым прежде, чем пробежит двадцать шагов.

— Нет, — рассмеялся король, — убей человека, и тогда я поверю.

— Хорошо, о король! Пусть будет по-твоему, — сказал я спокойно. — Пройди через площадь к воротам крааля, и, прежде чем ты дойдешь до них, ты будешь мертв. Если не хочешь идти сам, пошли твоего сына Скраггу (надо сказать, что в тот момент мне бы доставило большое удовольствие подстрелить этого негодяя).

Услышав эти слова, Скрагга с воплем ужаса бросился в хижину.

Твала высокомерно взглянул на меня и нахмурился: мое предложение ему было явно не по душе.

— Пусть пригонят молодого быка, — приказал он двум слугам.

Те со всех ног бросились исполнять его приказание.

— Теперь, — сказал я, обращаясь к сэру Генри, — стреляйте вы. Я хочу показать этому бандиту, что я не единственный колдун в нашей компании.

Сэр Генри тотчас же взял винтовку и взвел курок.

— Надеюсь, что я не промахнусь, — сказал он с тяжелым вздохом.

— Если не попадете с первого раза, стреляйте второй раз. Цельтесь на сто пятьдесят ярдов и ждите, пока животное не повернется к вам боком. Снова наступило молчание.

Вдруг в воротах крааля показался бык. Увидев такое скопление народа, он остановился, обводя толпу испуганными, бессмысленными глазами, затем круто повернулся и замычал.

— Стреляйте! — прошептал я.

Бум! Бум! — раздался оглушительный выстрел, и все увидели, что бык лежит на спине, конвульсивно дергая ногами: разрывная пуля угодила ему прямо в ребра. Многотысячная толпа замерла от удивления и ужаса.

С невозмутимым видом я повернулся к королю:

— Ну что, солгал я тебе, о король?

— Нет, белый человек, ты сказал правду, — ответил Твала с почти благоговейным ужасом.

— Слушай, Твала, — продолжал я, — ты все видел. Знай же, мы пришли сюда с миром, а не с войной. Посмотри! — И я высоко поднял

винчестер. — Вот этой палкой с дырой посередине ты сможешь убивать, как мы. Только помни, что я ее заколдовал. Если ты поднимешь эту волшебную палку против человека, она убьет не его, а тебя. Погоди! Я хочу показать тебе еще кое-что. Пусть один из твоих воинов отойдет от нас на сорок шагов и вонзит в землю рукоять копья так, чтобы его лезвие было обращено к нам плоской стороной.

Это приказание было мгновенно исполнено.

— Теперь, о король, смотри! Отсюда я вдребезги разнесу это копье. Тщательно прицелившись, я выстрелил, и пуля, ударив в середину лезвия, раздробила его на куски.

На площади снова пронесся вздох ужаса и изумления.

— Так вот, Твала, мы дарим тебе эту заколдованную трубку, и со временем я научу тебя, как с ней обращаться. Но берегись направить волшебство жителей звезд против человека на земле! — И с этими словами я подал ему винтовку.

Король взял наш подарок очень осторожно и положил его у своих ног. В эту минуту я заметил, что сморщенная обезьяноподобная фигурка выползла из-под навеса хижины. Она ползла на четвереньках, но, когда приблизилась к месту, где сидел король, поднялась на ноги, сбросила с себя скрывавший ее меховой плащ, и перед нами предстало самое необыкновенное и жуткое человеческое существо. Это была древняя старушонка, лицо которой так высохло и съежилось от возраста, что по величине было не больше, чем у годовалого ребенка. Все оно было изрыто глубокими желтыми морщинами, среди которых проваленная щель обозначала рот, а ниже выдавался далеко вперед острый, загнутый подбородок. Носа у этого существа не было, и вообще его можно было принять за высушенный на солнце труп, если бы на лице его не горели ярким пламенем большие черные, умные глаза, смотревшие осмысленно и живо из-под совершенно белых бровей, над которыми выступал желтый, как пергамент, лоб. Что касается самой головы, она была совершенно лысая, желтого цвета, и сморщенная кожа на черепе двигалась и сокращалась, как кожа на капюшоне кобры.

Мы невольно вздрогнули от ужаса и отвращения при виде этой страшной старухи. С минуту она стояла неподвижно, потом вдруг вытянула свою костлявую руку, похожую на лапу хищной птицы с когтями длиной почти в дюйм и, положив ее на плечо Твалы, вдруг заговорила тонким, пронзительным голосом:

— О король, слушай меня! Слушайте меня, о воины! Слушайте, о горы, равнины и реки, и вся родная Страна Кукуанов! Слушайте, о небеса и

солнце, о дождь и бури, и туманы! Слушайте, о мужчины и женщины, юноши и девушки, и вы, младенцы, лежащие в утробе матерей! Слушай меня все, что живет и должно умереть! Слушай меня все, что умерло и должно снова ожить и снова умереть! Слушайте! Дух жизни находится во мне, и я пророчествую. Я пророчествую! Я пророчествую!

Последние ее слова замерли в слабом вопле, и ужас охватил всех присутствующих, включая и нас. Старуха была поистине страшна.

— Кровь! Кровь! Кровь! Реки крови, кровь всюду! — снова завопила она. — Я вижу ее, слышу ее запах, чувствую ее вкус — она соленая! Она бежит по земле красным потоком и падает с неба дождем.

Шаги! Шаги! Шаги! Это поступь белого человека. Он идет издалека. Земля содрогается от его шагов; она дрожит и трепещет перед своим господином.

Как хороша эта кровь, эта красная, яркая кровь! Нет ничего лучше запаха свежей крови. Львы, рыча, будут жадно лакать ее, хищные птицы будут омыwać в ней свои крылья и пронзительно кричать от радости!

Я стара! Стара! Я видела в своей жизни много крови. Ха! Ха! Ха! Но я увижу ее еще больше, прежде чем умру, и душу мою охватит радость и веселье. Сколько мне лет, как вы думаете? Ваши отцы знали меня и их отцы знали меня, и отцы их отцов. Я видела белого человека и знаю его желания. Я стара, но горы старее меня. Скажите мне, кто проложил Великую Дорогу? Кто начертал изображения на скалах? Кто там воздвиг трех Молчаливых, что сидят в горах у колодца и созерцают нашу страну? — И она указала на три крутые скалистые горы, на которые мы обратили внимание еще накануне. — Вы не знаете, а я знаю. Задолго до вас здесь были белые люди. И они снова придут сюда, и вас не станет, ибо они пожрут и уничтожат вас. Да! Да! Да! И зачем они приходили сюда, эти Белые, Грозные, Мудрые, Могучие, настойчивые и столь искусные в колдовстве люди?

О король! Откуда у тебя блестящий камень, что украшает твое чело? О король! Чьи руки сделали железное одеяние, которое ты носишь на своей груди? Ты не знаешь, а я знаю. Я — Старая, Мудрая, я — Изанузи, великая колдунья!

Потом она повернула свою лысую голову хищной птицы в нашу сторону и воскликнула:

— Чего вы ищете у нас, белые люди, спустившиеся со звезд... да, да, со звезд! Вы ищете потерявшегося человека? Вы его здесь не найдете. Его нет в нашей стране. Уже давным-давно ни один белый человек не вступал на нашу землю, кроме одного, но и тот покинул ее, чтобы умереть. Вы

пришли за блестящими камнями! Я знаю это, знаю. Вы найдете их, когда высохнет кровь. Но вернетесь ли вы туда, откуда пришли, или останетесь со мной? Ха! Ха! Ха!

А ты, ты, с темной кожей и горделивой осанкой, — и она указала своим костлявым пальцем на Амбопу, — кто ты, и чего ты ищешь? Конечно, не сверкающих камней, не желтого мерцающего железа — это ты оставляешь для «белых жителей звезд». Мне кажется, я знаю, тебя. Мне кажется, я чую запах крови в твоём сердце. Сбрось свою мучу...

Вдруг лицо этого отвратительного существа стало дергаться, изо рта ее выступила пена, и в припадке эпилепсии она забилась на земле. Ее подняли и унесли в хижину.

Король встал, дрожа с головы до ног, взмахнул рукой, и полки в безукоризненном строе направились к выходу.

Через десять минут огромная площадь опустела, и мы остались наедине с королем и его немногочисленными приближенными.

— Белые люди, — сказал он, — я думаю, всех вас надо предать смерти. Гагула произнесла странные слова. Что вы скажете?

Я рассмеялся:

— О король, будь осторожен! Нас не так легко убить. Ты видел, что мы сделали с быком? Неужели ты хочешь, чтобы мы сделали с тобой то же самое? Твала нахмурился.

— Не подобает угрожать королю, — сказал он угрюмо.

— Мы не угрожаем, а говорим истину. О король! Попробуй нас убить, и тебе несдобровать.

Огромный дикарь приложил руку ко лбу и на минуту задумался.

— Идите с миром, — промолвил он наконец. — Сегодня вечером будет великая пляска. Вы увидите ее. Не бойтесь, я не готовлю вам западню. А завтра я подумаю, что мне с вами делать.

— Хорошо, король, — ответил я равнодушно.

Мы встали и в сопровождении Инфадуса отправились в наш крааль.

Глава X . Охота на колдунов

Когда мы подошли к своей хижине, я знаком пригласил Инфадуса войти вместе с нами.

— Послушай, Инфадус, — обратился я к нему, — мы желаем говорить с тобой.

— Пусть мои повелители говорят.

— Нам кажется, Инфадус, что король Твала — жестокий человек.

— Это так, мои повелители. Увы! Страна стонет от его жестокости. Сегодня ночью вы многое увидите сами. Ночью будет великая охота на колдунов. Многих выследят и убьют. Никто не может быть спокоен за свою жизнь. Если король пожелает отнять у человека его скот, или его жизнь, или же если он подозревает, что человек может поднять против него мятеж, тогда Гагула, которую вы видели, или другая женщина из охотниц за колдунами, обученных ею, почуют, будто этот человек — колдун, и его убьют. Многие умрут этой ночью, прежде чем побледнеет луна. Так бывает всегда. Может быть, и мне угрожает смерть. До сих пор меня щадили, потому что я опытен в военном деле и меня любят мои воины, но я не знаю, долго ли еще мне удастся сохранить жизнь. Страна стонет от жестокости короля Твалы. Она изнемогает под его кровавым гнетом.

— Так почему же, Инфадус, народ не свергнет его?

— О нет, повелитель, все же он король, да и если бы его убили, Скрагга стал бы править вместо него, а сердце Скрагги еще чернее, чем сердце его отца, Твалы. Если бы Скрагга стал королем, то ярмо, которое он надел бы на наши шеи, было бы тяжелее ярма Твалы. Если бы Имоту был жив или если бы не погиб его сын Игнози, все было бы иначе. Но их нет уже среди живых.

— Почему ты знаешь, что Игнози умер? — спросил чей-то голос позади нас.

Мы оглянулись в изумлении, чтобы посмотреть, кто это говорит. Это был Амбопа.

— Что хочешь ты сказать, юноша? — спросил Инфадус. — И почему ты осмеливаешься говорить?

— Послушай, Инфадус, — сказал Амбопа. — Выслушай мой рассказ. Много лет назад в этой стране был убит король Имоту, а его жена вместе с сыном, которого звали Игнози, спаслась бегством. Не так ли?

— Это так.

— Говорили, что женщина и мальчик умерли в горах. Правда ли это?

— И это так.

— Хорошо. Но случилось иначе — и мать и сын, Игнози, не умерли. Они перебрались через горы и вместе с каким-то кочевым племенем прошли через пески, лежащие за горами, и добрались наконец до земли, где тоже есть вода и растут трава и деревья.

— Как ты узнал это?

— Слушай. Они шли все дальше и дальше в течение многих месяцев, пока не достигли наконец земли, где живет воинственный народ амазулу, родственник кукуанам. Среди этого народа они и влачили существование в течение многих лет, пока наконец мать не умерла. Тогда сын ее, Игнози, вновь стал скитальцем и ушел в страну чудес, где живут белые люди, и там он еще много лет учился мудрости белых.

— Странную историю ты рассказываешь, — недоверчиво сказал Инфадус.

— Долгие годы он провел там — был и слугой и воином, но в сердце своем хранил все, что его мать рассказывала ему о родине. Он измышлял способы вернуться, чтобы увидеть свой народ и дом своего отца прежде, чем ему самому суждено будет умереть. Много лет он ждал, и вот пришло время, когда судьба свела его с белыми людьми, которые хотели разыскать эту неизвестную страну, и он присоединился к ним. Белые люди отправились в путь и шли все вперед и вперед в поисках того, кто исчез. Они прошли через пылающую пустыню, они переправились через горы, увенчанные снегом, и достигли Страны Кукуанов и встретились с тобой, о Инфадус!

— Ты, конечно, безумен, иначе ты так не говорил бы, — отвечал старый воин, пораженный тем, что он услышал.

— Напрасно ты так думаешь. Смотри же, что я покажу тебе, о брат моего отца! Я Игнози, законный король кукуанов!

С этими словами он одним движением сорвал набедренную повязку и предстал перед нами совершенно обнаженный.

— Смотри, — сказал он. — Знаешь ли ты, что это такое? — И он указал на знак Великой Змеи, вытатуированный синей краской на его теле.

Хвост змеи исчезал в ее открытой пасти чуть-чуть повыше бедра.

Инфадус смотрел, и глаза его чуть не вылезли из орбит от изумления. Затем он упал на колени.

— Куум! Куум! — воскликнул он. — Это сын моего брата, это король!

— Разве я не сказал тебе то же самое, брат моего отца? Встань — я еще не король, но с твоей помощью и с помощью моих друзей, отважных

белых людей, я буду королем. Престарелая Гагула сказала правду — сначала земля обгадится кровью, но я добавлю, что прольется и ее кровь, если она течет в жилах этой ведьмы, потому что она убила своими словами моего отца и изгнала мою мать. А теперь, Инфадус, выбирай. Пожелаешь ли ты вложить свои руки в мои и помогать мне? Пожелаешь ли ты делить со мною опасности, которые угрожают мне, и помочь мне свергнуть тирана и убийцу или не пожелаешь? Теперь выбирай.

Старик задумался, приложив ко лбу руку. Затем он поднялся, приблизился к месту, где стоял Амбопа, или, вернее, Игнози, преклонил перед ним колени и коснулся его руки:

— Игнози, законный король кукуанов, я согласен вложить мои руки в твои, и я буду служить тебе до самой смерти. Когда ты был ребенком, я качал тебя на своем колене, теперь же моя старая рука возьмется за оружие, чтобы сражаться за тебя и за свободу.

— Ты хорошо сказал, Инфадус! Если я одержу победу, ты будешь первым человеком в стране после короля. Если меня ждет поражение, ты можешь всего только умереть, а твоя смерть и так недалека. Встань, брат моего отца. А вы, белые люди, поможете ли вы мне? Что я могу вам предложить? Если я одержу победу и смогу найти эти сверкающие камни, вы получите их столько, сколько будете в состоянии унести отсюда. Но достаточно ли будет этого?

Я перевел его слова.

— Скажите ему, — отвечал сэр Генри, — что он неправильно судит об англичанах. Богатство — хорошая вещь, и, если оно повстречается на нашем пути, мы не откажемся от него, но джентльмен не продается за богатство. Однако от своего имени я хочу сказать следующее. Мне всегда нравился Амбопа, и что касается меня, я буду стоять с ним рядом в борьбе за его дело. Я с большим удовольствием попытаюсь свести счеты с этим злобным дьяволом Твалой. А что скажете вы, Гуд, и вы, Квотермейн?

— Что ж, — отозвался капитан, — вы можете ему передать, выражаясь цветистым языком гипербол, от которого, кажется, в восторге все эти люди, что драка безусловно неплохая штука и радует сердце настоящего человека. Поэтому, поскольку дело идет обо мне, на меня он может рассчитывать. Я ставлю ему единственное условие — пусть он разрешит мне ходить в брюках.

Я перевел оба ответа.

— Благодарю, друзья мои, — сказал Игнози, в прошлом Амбопа. — А что скажешь ты, Макумазан? Останешься ли ты также со мной, старый охотник, более мудрый, чем раненый буйвол?

Я почесал в затылке, слегка призадумавшись.

— Амбопа, или Игнози, — отвечал я наконец, — я не люблю революций. Я человек мирный и даже немного трусоват (тут Игнози улыбнулся), но, с другой стороны, я остаюсь верным своим друзьям, Игнози. Ты был верен нам и вел себя как настоящий мужчина, и я не оставлю тебя. Но имей в виду, что я торговец и вынужден зарабатывать на жизнь, поэтому я принимаю твое предложение относительно этих алмазов, в случае если нам когда-нибудь удастся завладеть ими. И еще одно: мы пришли сюда, как тебе известно, на поиски пропавшего брата Инкубу. Ты должен помочь нам найти его.

— Я это сделаю, — отвечал Игнози. — Послушай, Инфадус, — продолжал он, обратившись к старому воину, — заклинаю тебя священным знаком змеи, обвившейся вокруг моего тела, скажи мне правду: известно ли тебе, чтобы нога какого-нибудь белого человека ступала на эту землю?

— Нет, о Игнози.

— Если бы белого человека видели здесь или слышали о нем, ты знал бы об этом?

— Конечно, знал бы.

— Ты слышишь, Инкубу? — обратился Игнози к сэру Генри. — Его здесь не было.

— Да, да, — со вздохом проговорил сэр Генри, — это так. Я думаю, что ему не удалось добраться сюда. Несчастный Джордж! Итак, все наши усилия напрасны. Да будет воля господня!

— Ну, а теперь к делу, — прервал его я, желая избежать дальнейшего разговора на эту печальную тему. — Конечно, очень хорошо быть королем по божественному праву, Игнози, но каким образом ты намереваешься стать королем в действительности?

— Не знаю. Есть ли у тебя какой-нибудь план, Инфадус?

— Игнози, сын молнии, — отвечал его дядя, — сегодня ночью будет великая пляска и охота на колдунов. Многих выследят, и они погибнут, и в сердцах многих других останется горе и боль и гнев на короля Твалу. Когда пляска окончится, я обращусь к некоторым из главных военачальников, которые, в свою очередь, если мне удастся привлечь их на свою сторону, будут говорить со своими полками. Сначала я поговорю с военачальниками тайно и приведу их сюда, чтобы они могли воочию убедиться в том, что ты действительно король. Я думаю, что к рассвету завтрашнего дня ты будешь иметь под своим командованием двадцать тысяч копий. А теперь я должен удалиться, чтобы думать, слушать и готовиться. Когда окончится пляска, если все мы останемся в живых, я встречу с тобой здесь, и мы

поговорим. Знай, что в лучшем случае нам предстоит война.

В этот момент наше совещание было прервано громкими возгласами, возвещавшими прибытие посланцев короля. Подойдя к двери хижины, мы приказали их пропустить, и сейчас же вошли трое гонцов. Каждый из них нес сверкающую кольчугу и великолепный боевой топор.

— Дары моего повелителя короля белым людям, спустившимся со звезд! — провозгласил сопровождавший их герольд.

— Мы благодарим короля, — отвечал я. — Ступайте.

Посланцы ушли, а мы с огромным интересом принялись рассматривать доспехи. Такой великолепной кольчуги нам никогда не приходилось видеть. Звенья ее были настолько тонки, что, когда ее складывали, всю ее целиком можно было накрыть двумя ладонями.

— Неужели эти вещи делают в вашей стране, Инфадус? — спросил я. — Они очень красивы.

— Нет, мой господин, они дошли до нас от наших предков. Мы не знаем, кем они сделаны. Теперь их осталось совсем мало, и только люди, в жилах которых течет королевская кровь, имеют право их носить. Это заколдованные одеяния, сквозь которые не может проникнуть копье. Тем, кто их носит, почти совершенно не угрожает опасность в бою. Король или чем-то очень доволен, или же очень страшится чего-то, иначе он не прислал бы их. Наденьте их сегодня вечером, повелители.

Остаток дня мы провели спокойно. Мы отдыхали и обсуждали свое положение, которое, надо сказать, вселяло некоторое беспокойство. Наконец солнце село, вспыхнули сотни сторожевых костров, и в темноте мы слышали тяжелую поступь многих ног и лязг сотен копий — это шли полки, чтобы занять предназначенное для каждого из них место и подготовиться к великой пляске. Взошла ослепительная полная луна. Мы стояли, любуясь лунной ночью, когда прибыл Инфадус. На нем было полное военное одеяние, и его сопровождал эскорт из двадцати человек, который должен был доставить нас на место пляски. По совету Инфадуса, мы уже облачились в кольчуги, которые прислал нам король, причем поверх них мы надели обычную одежду. К своему удивлению, мы обнаружили, что в них нам было легко и удобно. Эти стальные рубашки, которые, очевидно, были когда-то сделаны для людей огромного роста, свободно болтались на Гуде и на мне, но могучую фигуру сэра Генри кольчуга облегла, как перчатка. Затем мы пристегнули к поясу револьверы, взяли боевые топоры, присланные нам королем вместе с кольчугой, и отправились.

Когда мы прибыли в большой крааль, где утром нас принимал король, мы увидели, что весь он заполнен людьми. Около двадцати тысяч воинов

было построено по кругу, каждый полк в отдельности. Полки, в свою очередь, делились на отряды, между которыми были оставлены узкие проходы, чтобы дать возможность охотницам за колдунами двигаться по ним взад и вперед. Невозможно себе представить зрелище более грандиозное, чем это огромное скопление вооруженных людей, стоящих в безупречном строю. Они стояли в абсолютном молчании, и луна заливала своим светом лес их поднятых копий, их величественные фигуры, развевающиеся перья и гармоничные очертания их разноцветных щитов. Куда бы мы ни бросили взгляд, всюду ряд за рядом виднелись неподвижные, застывшие лица, над которыми вздымались бесчисленные ряды копий.

— Конечно, вся армия здесь? — спросил я Инфадуса.

— Нет, Макумазан, — отвечал он, — лишь третья ее часть. Одна треть ежегодно присутствует на этом празднестве, другая треть собрана снаружи, вокруг крааля, для охраны в случае, если произойдут беспорядки, когда начнется избиение, а еще десять тысяч несут гарнизонную службу на передовых постах вокруг Луу, остальные же охраняют по всей стране краали. Ты видишь, это великий народ.

— Они очень молчаливы, — заметил Гуд.

Действительно, напряженная тишина при таком огромном скоплении живых людей вызывала какое-то тяжелое чувство.

— Что говорит Бугван? — спросил Инфадус.

Я перевел.

— Те, над ним витает тень Смерти, всегда молчаливы, — мрачно ответил он.

— Многие из них будут убиты?

— Очень многие!

— Кажется, — обратился я к своим спутникам, — нам предстоит присутствовать на гладиаторских играх, на организацию которых не жалеют затрат.

По телу сэра Генри пробежала дрожь, а Гуд заявил, что ему очень хотелось бы, чтобы мы могли уклониться от участия в этом развлечении.

— Скажи мне, — вновь обратился я к Инфадусу, — не угрожает ли нам опасность?

— Не знаю, мой повелитель. Думаю, что нет. Во всяком случае, не проявляйте боязни. Если вы переживете эту ночь, все еще может обойтись благополучно. Воины ропщут на короля.

Все это время мы шли к центру свободного пространства посередине крааля, где стояло несколько табуретов. Направляясь туда, мы увидели

другую маленькую группу людей, приближающуюся со стороны королевской хижины.

— Это король Твала, его сын Скрагга и престарелая Гагула, и с ними те, кто убивает. — Инфадус указал на людей, сопровождающих короля.

Их было человек двенадцать, все гигантского роста и устрашающей внешности. В одной руке каждый держал копье, а в другой — тяжелую «кэрри» (то есть дубину).

Король опустился на табурет, стоявший в самом центре, Гагула скорчилась у его ног, а Скрагга и палачи стали позади него.

— Привет вам, белые повелители! — воскликнул Твала, когда мы подошли. — Сядьте, не тратьте напрасно драгоценного времени — ночь слишком коротка для тех дел, которые должны свершиться. Вы приходите в добрый час, вам предстоит увидеть великое зрелище. Оглянитесь вокруг, белые повелители, оглянитесь! — Своим единственным злобным глазом он обвел полки один за другим. — Могут ли звезды показать вам подобное зрелище? Смотрите, как они трепещут в своей низости, все те, кто хранит в сердце злобу и страшится небесного правосудия!

— Начинайте! Начинайте! — крикнул Гагула своим тонким, пронзительным голосом. — Гиены голодны, они воют и просят пищи. Пора! Пора!

Затем на мгновение наступила напряженная тишина, ужасная из-за предчувствия того, что должно было произойти.

Король поднял свое копье, и внезапно двадцать тысяч ног поднялись, как будто они принадлежали одному человеку, и гулко опустились на землю, сотрясая ее. Это повторилось трижды.

Затем в какой-то отдаленной точке круга одинокий голос затянул песню, похожую на причитание. Припев ее звучал примерно так:

— Каков удел человека, рожденного от женщины?

И из груди каждого участника этого огромного собрания вырвался ответный вопль:

— Смерть!

Постепенно один отряд за другим подхватывал песню, пока наконец ее не запела вся масса вооруженных людей. Мне было трудно разобрать все ее слова, но я понял, что в ней говорилось о человеческих страстях, печалях и радостях. Казалось, это была то любовная песня, то величественно нарастающий боевой гимн и, наконец, погребальная песня, которая внезапно завершилась надрывающим сердце воплем. Эхо его, от звуков которого кровь застывала в жилах, прокатилось по окрестностям. Затем вновь воцарилось молчание, но король поднял руку, и тишина была

нарушена снова. Послышался быстрый топот ног, и из рядов воинов выбежали, приближаясь а нам, странные и зловещие существа.

Когда они приблизились, мы увидели, что это женщины, почти все старые. Их седые космы, украшенные рыбьими пузырями, развевались на бегу. Лица их были раскрашены полосами желтого и белого цвета, змеиные шкуры болтались у них за плечами, вокруг талии постукивали пояса из человеческих костей. Каждая из них держала в сморщенной руке маленький раздвоенный жезл. Всего их было десять. Приблизившись к нам, они остановились, и одна из них, протянув свой жезл по направлению к скорченной фигуре Гагулы, воскликнула:

— Мать, старая мать! Мы пришли!

— Так! Так! Так! — отозвалось престарелое олицетворение порока. — Зорки ли ваши глаза, изанузи, те, которые видят во тьме?

— Наши глаза зорки, Мать.

— Так! Так! Так! Открыты ли ваши уши, изанузи, те, которые слышат слова, не сошедшие с языка?

— Наши уши открыты, Мать.

— Так! Так! Так! Бодрствуют ли ваши чувства, изанузи, можете ли вы почуять запах крови, можете ли вы очистить страну от преступников, которые злоумышляют против короля и против своих соседей? Готовы ли вы вершить правосудие небес, вы, которых я обучила, кто вкусил от хлеба моей мудрости и утолил жажду из источника моего волшебства?

— Мы готовы, Мать.

— Тогда идите! Не мешкайте вы, хищницы. Посмотрите на убийц, — и она показала на зловещую группу палачей, стоявших позади нас. — Пусть они наточат свои копья. Белые люди, пришедшие сюда издалека, хотят видеть. Идите.

С диким воплем страшные исполнительницы ее воли рассыпались, подобно осколкам разбившейся раковины, по всем направлениям и, сопровождаемые стуком костей, висящих у них на поясе, направили свой бег в различные точки плотного круга, образованного массами людей. Мы не могли следить за ними всеми и поэтому сосредоточили свое внимание на той изанузи, которая оказалась ближе других. В нескольких шагах от воинов она остановилась и начала дикий танец, кружась с почти невероятной быстротой и выкрикивая нечто вроде: «Я чую его, злодея!», «Он близко, тот, кто отравил свою мать!», «Я слышу мысли того, кто злоумышлял на короля!»

Все быстрее и быстрее становилась ее пляска, пока она не довела себя до такого безумного возбуждения, что пена хлопьями полетела с ее

скрежещущих челюстей, глаза ее, казалось, выкатились из орбит, и видно было, что все ее тело сотрясает дрожь. Внезапно она замерла на месте и вся напряглась, как охотничья собака, почуявшая дичь. Затем, вытянув вперед свой жезл, она начала крадучись подползать к стоявшим перед ней воинам. Нам казалось, что, по мере того как она приближалась, их стоическая выдержка поколебалась, и они подались назад. Что касается нас, мы следили за ее движениями, окаменев от ужаса. Наконец, передвигаясь ползком, на четвереньках, она оказалась перед ними вновь, остановилась, как собака, делающая стойку, и затем проползла еще шага два.

Конец наступил внезапно. С криком она вскочила и коснулась высокого воина своим раздвоенным жезлом. Сейчас же два его товарища, стоявшие рядом с ним, схватили за руки обреченного на смерть человека и вместе с ним приблизились к королю.

Человек не сопротивлялся, но мы заметили, что он переставляет ноги с трудом, как будто они парализованы, а его пальцы, из которых выпало копье, безжизненны, как у только что умершего человека.

Пока его вели, двое из группы отвратительных палачей вышли ему навстречу. Поравнявшись со своей жертвой, они повернулись к королю, словно ожидая приказа.

— Убить! — сказал король.

— Убить! — проскрипела Гагула.

— Убить! — эхом отозвался Скрагга с довольным смешком.

Не успели еще отзвучать эти слова, как страшное дело уже свершилось. Один из палачей вонзил свое копье в сердце жертвы, а другой для полной уверенности разбил ему череп своей огромной дубиной.

— Один, — открыл счет король Твала.

Тело оттащили на несколько шагов в сторону и бросили.

Едва успели это сделать, как привели другого несчастного, словно быка на бойню. На этот раз по плащу из шкуры леопарда мы увидели, что это важный человек. Вновь прозвучали ужасные слова, и жертва упала мертвой.

— Два, — считал король.

Так продолжалась эта кровавая игра, пока около сотни мертвых тел не было уложено рядами позади нас. Я слышал о состязании гладиаторов при цезарях и о боях быков в Испании, но я беру на себя смелость усомниться в том, было ли все это хоть вполовину настолько ужасно, как эта кукуанская охота за колдунами. Во всяком случае, состязание гладиаторов и испанские бои быков доставляли хоть какое-то развлечение зрителям, что здесь, конечно, совершенно отсутствовало. Самый отъявленный любитель острых

ощущений постарался бы избежать подобного зрелища, если бы он знал, что именно он, собственной персоной, может быть участником следующего «номера».

Один раз мы не выдержали, поднялись и пытались протестовать, но Твала резко остановил нас.

— Пусть свершается правосудие, белые люди. Эти собаки — преступные колдуны, и то, что они должны умереть, справедливо. — Таков был единственный ответ, которым он нас удостоил.

Около половины одиннадцатого наступил перерыв. Охотницы за колдунами собрались вместе, очевидно утомленные своей кровавой работой, и мы думали, что все представление закончено. Но это было не так. Неожиданно, к нашему удивлению, старуха Гагула поднялась со своего места, где она сидела до этого скрючившись. Опираясь на палку, она заковыляла по открытой площадке, где сидели мы.

Эта ужасная старая ведьма с головой стервятника, согнувшаяся почти вдвое под грузом неисчислимых лет, представляла собой омерзительное зрелище, в особенности когда, постепенно набираясь сил, она наконец начала метаться из стороны в сторону с не меньшей энергией, чем ее зловещие ученицы. Взад и вперед бегала она, монотонно напевая что-то себе под нос, и наконец внезапно бросилась на высокого человека, стоящего во главе одного из полков, и коснулась его. Когда она это сделала, оттуда, где стоял полк, которым, он, очевидно, командовал, послышалось нечто вроде стоны. Но тем не менее два воина этого полка схватили жертву и повели на казнь. Впоследствии мы узнали, что этот человек обладал огромным богатством и влиянием, так как он был двоюродным братом короля.

Его прикончили, и король подвел итог: было убито сто три человека. Затем Гагула вновь начала скакать взад и вперед, постепенно все ближе подходя к нам.

— Пусть меня повесят, если мне не кажется, что она собирается испытать свои фокусы на нас! — в ужасе воскликнул Гуд.

— Глупости! — сказал сэр Генри.

Что касается меня, должен сказать, что, когда я увидел, как эта старая ведьма, продолжая свою дьявольскую пляску, подходит все ближе и ближе, у меня буквально душа ушла в пятки. Я оглянулся на длинные ряды трупов, и меня охватила дрожь.

Все ближе и ближе вальсировала Гагула, точь-в-точь как ожившая кривая палка. Глаза ее сверкали дьявольским огнем.

Все ближе подходила она, все ближе и ближе. Глаза огромного

количества людей следили за ее движениями с напряженным вниманием. Наконец она замерла и сделала стойку.

— Который из нас? — сказал, как бы про себя, сэр Генри.

Через мгновение все сомнения рассеялись — старуха стремительным движением коснулась плеча Амбопы, или Игнози.

— Я чую его! — вскричала она. — Убейте его, убейте его — он исполнен зла! Убейте его, незнакомца, прежде чем из-за него прольются потоки крови. Убей его, о король!

Наступила пауза, которой я немедленно воспользовался.

— О король, — воскликнул я, поднимаясь со своего сиденья, — этот человек — слуга твоих гостей, он их собака. Тот, кто прольет кровь нашей собаки, тем самым прольет нашу кровь. Во имя священного закона гостеприимства я прошу у тебя защиты для него.

— Гагула, мать всех знахарок, почуяла его. Он должен умереть, белые люди, — угрюмо ответил Твала.

— Нет, он не умрет, — отвечал я, — умрет тот, кто осмелится его коснуться.

— Схватить этого человека! — громовым голосом крикнул Твала палачам, которые стояли вокруг, с ног до головы покрытые кровью своих жертв.

Они шагнули было к нам, но вдруг заколебались. Что же касается Игнози — он поднял свое копье, очевидно намереваясь дорого продать свою жизнь.

— Назад, собаки, — крикнул я, — если вы хотите увидеть свет завтрашнего дня! Коснитесь хоть одного волоса на его голове, и ваш король умрет, — и я навел на Твалу револьвер.

Сэр Генри и Гуд также схватили револьверы. Сэр Генри навел свой на главного палача, который сделал шаг вперед, чтобы привести приговор в исполнение, а Гуд тщательно прицелился в Гагулу.

Твала заметно вздрогнул, когда ствол моего револьвера остановился на уровне его широкой груди.

— Ну, — сказал я, — что же будет, Твала?

Тогда он заговорил:

— Уберите ваши заколдованные трубки, — сказал он. — Вы просили меня во имя гостеприимства, и ради этого, а не из страха перед тем, что вы можете сделать, я щажу его. Идите с миром.

— Хорошо, — ответил я спокойно. — Мы устали от кровопролития и хотели бы отдохнуть. Пляска окончена?

— Окончена, — угрюмо ответил Твала. — Пусть этих собак, — тут он

указал на длинные ряды трупов, — выбросят на корм гиенам и хищным птицам, — и он поднял свое копье.

Сейчас же в глубоком молчании полки начали один за другим выходить из ворот крааля. Осталась только команда, получившая, очевидно, задание убрать трупы несчастных жертв.

Затем мы также поднялись, распрощались с его величеством, причем он едва соблаговолил выслушать наши прощальные приветствия, и отбыли в свой крааль.

Войдя в хижину, мы прежде всего зажгли лампу, которой пользуются кукуаны. Фитиль ее сделан из волокон какой-то разновидности пальмового листа, а горит в ней очищенный жир гиппопотама.

— Знаете ли, — сказал сэр Генри, когда мы сели, — я ощущаю сильнейшую тошноту.

— Если у меня и были какие-либо сомнения насчет того, помогать ли Амбопе поднять мятеж против этого дьявольского негодяя, — заметил Гуд, — то теперь они рассеялись. Я едва мог усидеть на месте, пока шло это избиение. Я пытался закрывать глаза, но они, как нарочно, открывались в самый неподходящий момент. Интересно, где сейчас Инфадус. Амбопа, мой друг, ты должен быть нам благодарен — твою шкуру чуть не продырявили насквозь.

— Я благодарен вам, Бугван, — отвечал Амбопа, когда я перевел ему слова Гуда, — и никогда не забуду этого. А Инфадус скоро будет здесь. Мы должны ждать.

Мы зажгли свои трубки и стали ждать.

Глава XI . Мы совершаем чудо

В течение долгого времени — думаю, что не менее двух часов — мы сидели в полном молчании, ожидая прихода Инфадуса. Никто из нас не разговаривал: слишком мы были подавлены воспоминаниями о тех ужасах, которые только что видели во время охоты на колдунов.

Наконец, перед самым рассветом, когда мы уже собирались ложиться спать, послышались шаги и оклик часового, стоящего у ворот нашего крааля. Шаги продолжали приближаться, так как, очевидно, на оклик ответили, но так тихо, что слов нельзя было разобрать. Затем дверь распахнулась, и вошел Инфадус. За ним следовали шесть полных величия и достоинства вождей.

— Мои повелители и ты, Игнози, законный король кукуанов, — обратился он к нам, — я пришел, как обещал, и привел этих людей. — И Инфадус указал на выстроившихся в ряд военачальников. — Это великие люди нашей страны. Каждый из них командует тремя тысячами воинов, которые беспрекословно выполняют их приказания по указу короля. Я рассказал им, что видели мои глаза и что слышали мои уши. Пусть эти люди тоже взглянут на священную змею, опоясывающую тебя, Игнози, и выслушают твой рассказ, чтобы решить, перейти ли им на твою сторону и выступить ли им против Твалы, нашего короля.

Вместо ответа Игнози сорвал с себя набедренную повязку, и все увидели на его теле знак королевского достоинства — змею, вытатуированную вокруг его бедер. Каждый вождь по очереди подходил к Игнози, рассматривал ее при тусклом свете лампы и, не говоря ни слова, отходил в сторону.

Затем Игнози снова надел свою набедренную повязку и, обратившись к военачальникам, рассказал им историю своей жизни, которую мы слышали от него утром.

— Что вы скажете, вожди, после того, как сами выслушали этого человека? — спросил их Инфадус, как только Игнози закончил свой рассказ. — Будете ли вы стоять за него и поможете ли ему занять трон его отца? Страна стонет под игом Твалы, и кровь нашего народа заливает ее, как выступившие из берегов вешние воды. Вы видели это сегодня вечером. Были еще два вождя, с которыми я хотел поговорить об этом же, и где они? Гиены воют над их трупами. Если вы не выступите против Твалы, то и вас скоро постигнет та же участь. Выбирайте же, братья мои.

Самый старый из шести вождей, плотный, небольшого роста человек с седыми волосами, выступил вперед и промолвил:

— Ты верно сказал, Инфадус: страна стонет и люди ропщут под игом Твалы. Мой родной брат был среди тех, кто погиб сегодня вечером. Ты задумал великое дело, но нам трудно поверить тому, что мы сейчас слышали. Откуда мы знаем, не поднимем ли мы копья за обманщика?... Дело это великое, говорю я, и никто не может сказать, чем оно кончится. Прольются реки крови, прежде чем оно совершится. Многие останутся верными Твале, ибо люди преклоняются перед солнцем, которое светит на небесах, а не перед тем, которое еще не взошло. Колдовство белых жителей звезд велико, и Игнози находится под защитой их крыльев. Если он действительно законный король нашей страны, пусть белые люди совершат какое-нибудь чудо, чтобы все наши люди могли его увидеть. Тогда народ пойдет за нами, убедившись, что колдовство белых людей — на нашей стороне.

— Но вы же видели знак змеи! — сказал я.

— Повелитель мой, этого недостаточно. Может быть, изображение священной змеи было начертано на его теле много позже его рождения. Соверши чудо, говорю я, иначе мы не тронемся с места.

То же самое повторили остальные вожди. В полном недоумении, обратившись к сэру Генри и Гуду, я объяснил им положение вещей.

— Я знаю, что нам делать! — воскликнул Гуд, и его лицо просияло от радости. — Только попросите их дать нам несколько минут на размышление.

Я сказал об этом вождям, и они вышли. Гуд тотчас же бросился к маленькому ящику, где он держал лекарства, открыл его и вынул записную книжку, на первых страницах которой был календарь.

— Послушайте, друзья, — спросил он нас, — ведь завтра четвертое июня? Мы тщательно вели счет дням и, взглянув на наши записи, подтвердили, что он не ошибся.

— Прекрасно! Так вот, слушайте: «Четвертого июня, в восемь часов пятнадцать минут вечера по Гринвичскому времени начнется полное затмение Луны. Его можно будет наблюдать на Тенерифе, в Южной Африке...» ну, и прочих местах... Вот вам и чудо! Квотермейн, скажите вождям, что завтра вечером мы потушим Луну.

Идея была превосходная, но нас несколько смущало, что календарь Гуда мог оказаться не совсем точным. Если бы мы ошиблись в предсказании, наш престиж был бы навсегда подорван, и тогда все шансы возвести Игнози на престол разлетелись бы прахом.

— А что если ваш календарь неверен? — спросил сэр Генри Гуда, который в это время сосредоточенно делал какие-то вычисления на отрывном листе своей записной книжки.

— Нет никаких оснований так думать, — возразил Гуд. — Затмения всегда происходят в точно вычисленное время: в этом убедил меня личный опыт. А в сообщении, которое я только что вам прочел, подчеркивается, что это затмение можно будет наблюдать в Южной Африке. Сейчас я сделал только приблизительные вычисления, так как не знаю нашего точного местонахождения. Я высчитал, что оно должно начаться завтра около десяти часов вечера и продолжаться до половины первого, так что в течение примерно полутора часов здесь будет полная темнота.

— Ну что ж, — сказал сэр Генри, — думаю, что мы должны рискнуть.

Я согласился с ним, хотя в глубине души очень сомневался, удастся ли наша затея, так как с моей точки зрения затмения — штука хитрая и на них полагаться довольно рискованно. «А вдруг, — думал я, — небо будет затянуто тучами и Луны вообще не будет видно?»

Озабоченный этими размышлениями, я послал Амбопу за вождями, которые тотчас же явились, и я обратился к ним со следующей речью:

— Великие люди Страны Кукуанов и ты, Инфадус, слушайте! Мы не любим хвастаться нашим могуществом, ибо это значит вмешиваться в естественный ход природы и погружать мир в страх и смятение. Но так как наше дело великое и мы разгневаны на короля за кровавую резню, которую мы видели и на изанузи Гагулу, желавшую умертвить нашего друга Игнози, мы решили совершить чудо и подать вам знамение, которое увидят все ваши люди.

Подойдите сюда, — сказал я, отворяя дверь хижины и указывая вождям на красный шар заходящей Луны. — Что вы видите?

— Мы видим умирающую Луну, — ответил один из них, который был, по-видимому, избран для того, чтобы вести с нами переговоры.

— Ты прав. Теперь скажи мне, может ли смертный человек погасить Луну до назначенного часа ее захода и набросить покров черной ночи на всю Землю?

Вождь тихо засмеялся:

— Нет, повелитель, ни один человек не может этого сделать. Луна сильнее человека. Человек может только смотреть на нее, и никто не может нарушить ее небесный путь.

— Ты так думаешь? А я говорю тебе, что завтра вечером, за два часа до полуночи, мы сделаем так, что Луна исчезнет с неба и Землю окутает глубокий мрак, который будет продолжаться час и еще полчаса в знак того,

что Игнози действительно является законным королем кукуанов. Если мы это сделаем, поверите вы в это?

— Да, мои повелители, — ответил с улыбкой старый вождь, и все остальные вожди тоже улыбнулись. — Если вы это совершите, мы поверим.

— В таком случае, это будет совершено. Мы трое — Инкубу, Бугван и Макумазан — заявляем вам, что завтра вечером мы потушим Луну. Ты слышишь, Инфадус?

— Слышу, мой повелитель. Ты обещаешь потушить Луну, мать нашего мира, да еще в полнолуние, когда она ярче всего светит. Но то, что ты говоришь, слишком удивительно.

— Однако мы это сделаем, Инфадус.

— Хорошо, повелитель. Сегодня, через два часа после захода солнца, Твала пошлет за повелителями, чтобы они присутствовали на пляске дев. Через час после начала пляски та девушка, которую Твала сочтет самой прекрасной, будет умерщвлена королевским сыном Скраггой. Она будет принесена в жертву Молчаливым, которые сторожат те горы, — и он указал на три скалистые вершины, где, как мы уже слышали, кончалась Великая Дорога царя Соломона. — Пусть мои повелители потушат Луну и спасут жизнь девушки. Тогда наш народ уверует в них.

— Да, — подтвердил старый вождь, все еще слегка улыбаясь, — тогда наши люди вам поверят.

— В двух милях от Луу, — продолжал Инфадус, — находится холм, изогнутый, как молодой месяц. В этом укрепленном месте находится мой полк и еще три полка, которыми командуют эти вожди. Утром мы подумаем о том, как перебросить туда еще два или три полка. Если мои повелители в самом деле потушат Луну, я в темноте возьму их за руку, выведу из Луу и провожу их туда. Там они будут в безопасности. И оттуда мы будем сражаться против короля Твалы.

— Прекрасно! — ответил я. — А теперь оставьте нас, ибо мы хотим немного отдохнуть и подготовить все нужное для колдовства.

Инфадус встал и, отдав нам салют, вышел из хижины в сопровождении вождей.

— Друзья мои! — обратился к нам Игнози после их ухода. — Неужели вы действительно можете потушить Луну или говорили этим людям пустые слова?

— Мы полагаем, что сможем это сделать, Амбопа... то есть я хотел сказать — Игнози, — ответил я.

— Это очень странно, — сказал он. — Если бы вы не были

англичанами, я ни за что бы этому не поверил. Но английские джентльмены не говорят лживых слов. Если нам суждено остаться в живых, вы можете быть уверены, что я вас вознагражу за все.

— Игнози, — обратился к нему сэр Генри, — обещай мне только одно.

— Я обещаю тебе все, друг мой Инкубу, прежде чем даже выслушаю тебя, — ответил наш гигант с улыбкой. — О чем ты хочешь меня просить?

— Вот о чем. Если ты будешь королем кукуанов, ты запретишь выслеживание колдунов, то, которое мы видели вчера вечером, и не будешь карать смертью людей без справедливого суда.

После того как я перевел эти слова, Игнози на момент задумался и затем ответил:

— Обычаи черных людей не похожи на обычаи белых, Инкубу, и они не ценят свою жизнь так высоко, как вы, белые. Но все же я тебе обещаю, что, если будет в моих силах справиться с охотницами за колдунами, они не будут больше выслеживать людей и ни один человек не будет умерщвлен без суда.

— Я верю тебе, Игнози. Ну, а теперь, когда мы решили этот вопрос, — сказал сэр Генри, — давайте немного отдохнем.

Мы смертельно устали и тут же крепко уснули, проспав до одиннадцати часов утра. Нас разбудил Игнози. Мы встали, умылись и, плотно позавтракав, вышли погулять. Во время прогулки мы с любопытством рассматривали кукуанские постройки и с большим интересом наблюдали быт женщин.

— Я надеюсь, что затмение все же состоится, — сказал сэр Генри, когда мы возвращались домой.

— Если же его не будет, то всем нам крышка, — ответил я угрюмо. — Ручаюсь головой, что кто-нибудь из вождей непременно расскажет королю все, о чем мы с ним говорили, и он устроит такое «затмение», что нам не поздоровится.

Вернувшись к себе, мы пообедали, остальная же часть дня ушла у нас на прием гостей. Некоторые приходили с официальным визитом, другие просто из любопытства.

Наконец солнце зашло, и мы, оставшись одни, насладились двумя часами покоя, насколько позволяло наше невеселое настроение и мрачные мысли. Около половины девятого явился от Твалы гонец и пригласил нас на ежегодное празднество — великую пляску дев, которая должна была скоро начаться.

Мы быстро надели кольчуги, присланные королем, и, взяв оружие и патроны, чтобы они были у нас под рукой в случае, если бы нам пришлось

бежать, как говорил Инфадус, довольно храбро направились к королевскому краалю, хотя в душе трепетали от страха и неизвестности. Большая площадь перед жилищем короля имела совсем другой вид, чем накануне. Вместо мрачных, стоявших сомкнутыми рядами воинов она вся была заполнена девушками. Одежды на них — скажу прямо — не было почти никакой, но зато на голове у каждой был венок, сплетенный из цветов, и каждая из них держала в одной руке пальмовую ветвь, а в другой — большую белую лилию.

В центре площади, на открытом месте, залитом лунным светом, восседал сам король, у ног которого сидела Гагула. Позади него стояли Инфадус, Скрагга и двенадцать телохранителей. Тут же присутствовали десятка два вождей, среди которых я узнал большую часть наших новых друзей, приходивших ночью с Инфадусом.

Твала сделал вид, что он очень рад нашему приходу, и сердечно нас приветствовал, хотя я заметил, что он злобно устремил свой единственный глаз на Амбопу.

— Привет вам, белые люди звезд! — сказал он. — Сегодня вас ожидает совсем иное зрелище, чем то, которое видели ваши глаза при свете вчерашней луны. Но это зрелище будет хуже, чем вчерашнее. Вид девушек ласкает взор, и если бы не они, — тут он указал вокруг себя, — то и нас бы не было здесь сегодня. Лицезреть мужчин приятнее. Сладки поцелуи и ласки женщин, но звон копий и запах человеческой крови гораздо слаще. Хотите иметь жен из нашего народа, белые люди? Если так, выбирайте самых красивых и столько, сколько пожелаете. Все они будут ваши. — И он замолк, ожидая ответа.

Такое предложение было бы, конечно, заманчиво для Гуда, так как он, как, впрочем, и большинство моряков, имеет большое пристрастие к женскому полу. Я же, как человек пожилой и умудренный опытом, заранее предвидел, что это повлечет за собой одни лишь бесконечные осложнения и неприятности, которые женщины, к сожалению, всегда приносят, что так же неизбежно, как то, что за днем следует ночь.

— Благодарю тебя, о король! — поспешно ответил я. — Но белые люди женятся только на белых, то есть на подобных себе. Ваши девушки прекрасны, но они не для нас!

Король рассмеялся.

— Хорошо, — сказал он, — пусть будет по-вашему, хотя в нашей стране есть пословица: «Женские глаза всегда хороши, какого бы они ни были цвета», и другая: «Люби ту, которая с тобой, ибо знай, что та, которая далеко, наверно тебе неверна». Но, может быть, у вас на звездах это не так.

В стране, где люди белые, все возможно. Пусть же будет по-вашему, белые люди, — наши девушки не будут умолять вас взять их в жены! Еще раз приветствую вас и также тебя, черный человек. Если бы вчера Гагула добила своего, ты был бы мертв, и труп твой уже окоченел бы! Твое счастье, что ты тоже спустился со звезд! Ха! Ха!

— О король! Я убью тебя раньше, чем ты меня, — спокойно ответил Игнози, — и ты окоченеешь раньше, чем мои члены утратят свою гибкость. Твала вздрогнул.

— Ты говоришь смело, юноша! — ответил он гневно. — Смотри не заходи так далеко!

— Тот, чьи уста говорят истину, может быть смелым. Истина — это острое копье, которое попадает в цель и не дает промаха. Звезды шлют тебе это предупреждение, о король!

Твала грозно нахмурился, и его единственный глаз свирепо сверкнул, но он ничего не ответил.

— Пусть девушки начнут пляску! — закричал он.

И тотчас же выбежала толпа увенчанных цветами танцовщиц. Они мелодично пели и при грустно-нежном свете луны казались бесплотными, воздушными существами из иного мира. Грациозно изгибаясь, они то плавно и медленно кружились, то носились в головокружительном вихре, изображая сражение, то приближались к нам, то отступали, то рассыпались в разные стороны в кажущемся беспорядке. Каждое их движение вызывало восторг у зрителей. Вдруг танец прекратился, и из толпы танцовщиц выбежала очаровательная молодая девушка, которая, став перед нами, начала делать пируэты с такой ловкостью и грацией, что могла бы посрамить большую часть наших балерин.

Когда в изнеможении она отступила, ее сменили другие девушки. Они поочередно танцевали перед нами, но никто из них не мог сравниться с первой по красоте, мастерству и изяществу.

Когда все эти красавицы кончили танцевать, Твала поднял руку и, обращаясь к нам, спросил:

— Какая же из всех этих девушек самая красивая, белые люди?

— Конечно, первая, — невольно вырвалось у меня, и я тут же спохватился, так как вспомнил, что Инфадус сказал нам, что самая красивая должна быть принесена в жертву Молчаливым.

— Ты прав. Мое мнение — твое мнение, и мои глаза — твои глаза. Я согласен с тобой, что она самая прекрасная из всех, но ее ждет печальная участь, ибо она должна умереть!

— Да, должна умереть! — как эхо, пропищала Гагула, бросив быстрый

взгляд на несчастную жертву, которая, не подозревая своей страшной участи, стояла ярдах в десяти от своих подруг, нервно обрывая лепестки цветов из своего венка.

— Почему, о король, она должна умереть? — воскликнул я, с трудом сдерживая свое негодование. — Девушка так хорошо танцевала и доставила нам большое удовольствие. И она так хороша! Было бы безжалостно вознаградить ее смертью.

Твала засмеялся и ответил:

— Таков наш обычай. И те каменные изваяния, что сидят там, — он указал на три отдаленные вершины, — должны получить то, чего они ждут. Если сегодня я не умерщвлю прекраснейшую из дев, на меня и на мой дом падет несчастье. Вот что гласит пророчество моего народа: «Если в день пляски дев король не принесет красивейшую девушку в жертву Молчаливым, которые несут стражу в горах, то и он и его королевский дом падут». Слушайте, что я вам скажу, белые люди! Мой брат, правивший до меня, не приносил этих жертв из-за слез женщины, и он пал, так же как и его дом, и я правлю вместо него. Но довольно об этом! — закричал он. — Она должна умереть. — И, повернувшись к страже, он воскликнул: — Приведите ее сюда, а ты, Скрагга, точи свое копьё.

Два человека вышли вперед и направились к девушке. Только тогда, поняв грозящую ей опасность, она громко вскрикнула и бросилась бежать. Но сильные руки королевских телохранителей схватили ее и привели к нам, несмотря на ее слезы и сопротивление.

— Как тебя зовут, девушка? — запищала Гагула. — Что? Ты не желаешь отвечать? Или ты хочешь, чтобы сын короля убил тебя сразу?

Услышав эти слова, Скрагга, зловеще усмехаясь, сделал шаг вперед и поднял свое копьё. В этот момент я увидел, что Гуд инстинктивно положил руку на свой револьвер. Хотя глаза девушки были полны слез, но, увидав тусклый блеск стали, она вдруг перестала отбиваться и теперь стояла перед нами, дрожа всем телом, судорожно ломая руки.

— Смотрите! — закричал Скрагга в полном восторге. — Она содрогается от одного вида моей маленькой игрушки, которая еще до нее не дотронулась! — И он погладил рукой широкое лезвие своего копья.

В это время я вдруг услышал, как Гуд пробормотал про себя:

— При первом же удобном случае ты мне заплатишь за это, негодяй!

— Ну, а теперь, когда ты успокоилась, скажи нам, как тебя зовут, дорогая, — ехидно улыбаясь, спросила Гагула. — Ну, говори, не бойся.

— О мать! — ответила дрожащим голосом несчастная девушка. — Я из дома Суко, и зовут меня Фулатой. О мать, скажи мне, почему я должна

умереть? Я никому не сделала зла.

— Успокойся, — продолжала старуха со злорадной усмешкой. — Ты должна быть принесена в жертву сидящим там Молчаливым, — и она указала своим костлявым пальцем на вершины гор, — и поэтому тебя ждет смерть. Лучше покоемся вечным сном, чем трудиться изо дня в день в поте лица своего. Вот почему лучше умереть, чем жить. А ты умрешь от царственной руки самого королевского сына!

Фулата в отчаянии заломила руки и громко воскликнула:

— О жестокие! Ведь я так молода! Что я сделала? Неужели мне никогда больше не суждено видеть, как восходит солнце из мрака ночи и как звезды одна за другой вспыхивают вечером на небесном своде? Неужели никогда в жизни я не буду больше собирать цветы, покрытые свежей утренней росой, и не услышу, как журчат ручьи в яркий солнечный день? Горе мне! Не увижу я больше хижины отца своего, не почувствую поцелуя матери своей, не буду смотреть за больным ягненком! Горе мне! Ни один возлюбленный не обовьет моего стана и не взглянет мне в глаза, и не быть мне матерью воина! О жестокие! Жестокие!

И вновь она начала ломать руки, подняв свое залитое слезами лицо к небу. Эта увенчанная цветами красавица была прелестна в своем отчаянии, и я уверен, что менее жестокие люди, чем те три дьявола, перед которыми она стояла, прониклись бы к ней состраданием. Я думаю, что мольбы принца Артура, обращенные к негодяям, которые пришли его ослепить, были не менее трогательны, чем мольбы этой дикарки^[52].

Но это никак не тронуло ни Гагулу, ни ее господина, хотя я заметил выражение сочувствия и жалости на лицах вождей и стражи, стоявшей позади короля. Что касается Гуда, он скрежетал зубами и едва сдерживал охватившее его негодование; наконец, не выдержав, он сделал шаг вперед, словно желая броситься к ней на помощь. С проникательностью, столь свойственной женщинам, девушка поняла, что происходит у него в душе. Она подбежала к нему, и бросившись перед ним на колени, обняла его «прекрасные белые ноги».

— О белый отец с далеких звезд! — воскликнула она. — Набрось на меня плащ твоей защиты, возьми меня под сень твоего могущества и спаси от этих жестоких людей!

— Хорошо, моя милочка, я позабочусь о тебе! — взволнованно отвечал Гуд на английском языке. — Ну, встань, встань, детка, успокойся! — И, наклонившись к ней, он взял ее за руку.

Твала обернулся, и по его знаку Скрагга выступил вперед с поднятым копьем.

— Пора начинать! — шепнул мне сэр Генри. — Чего вы ждете?

— Жду затмения, — отвечал я. — Вот уже полчаса я не свожу глаз с Луны, но в жизни не видал, чтобы она так ярко светила.

— Все равно, нужно идти на риск и немедленно, иначе девушку убьют. Твала теряет терпение.

Я не мог не согласиться с этим доводом и, прежде чем действовать, еще раз взглянул на яркий диск Луны. Думаю, что никогда ни один самый ревностный астроном, желающий доказать новую теорию, не ждал с таким волнением начала небесного явления. Сделав шаг вперед и приняв самый торжественный вид, на какой был только способен, я стал между распростертой девушкой и поднятым копьём Скрагги.

— Король! — промолвил я. — Этому не бывать! Мы не позволим тебе убить эту девушку. Отпусти ее с миром.

Твала вскочил в бешеном гневе, и шепот изумления пронёсся среди вождей и сомкнутых рядов девушек, робко окруживших нас в ожидании развязки этой трагедии.

— Этому не бывать? Белая собака, как смеешь ты твякать на льва, находящегося в своей пещере? Этому не бывать? В уме ли ты? Берегись, как бы судьба этой девчонки не постигла и тебя и тех, с кем ты пришел! Ты думаешь, что сможешь спасти и ее и себя? Кто ты такой, что осмеливаешься становиться между мной и моими желаниями? Прочь с дороги, говорю тебе! Скрагга, убей ее! Эй, стража! Схватить этих людей!

Услышав это приказание, несколько вооруженных воинов быстро выбежали из-за хижины, куда их, очевидно, предусмотрительно спрятали до нашего прихода.

Сэр Генри, Гуд и Амбопа стали около меня и подняли свои винтовки.

— Остановитесь! — грозно закричал я, хотя, признаться, душа моя в этот момент ушла в пятки. — Остановитесь! Мы, белые люди, спустившиеся со звезд, говорим, что этого не будет, ибо берем девушку под свою защиту. Если вы сделаете хоть один шаг, мы погасим Луну. Мы, живущие в ее чертогах, сделаем это и погрузим всю Землю во мрак. Осмелюсь лишь послушаться, и вы увидите воочию всю силу нашего колдовства.

Моя угроза подействовала. Стража отступила, а Скрагга остановился как вкопанный с поднятым наготове копьём.

— Слушайте, слушайте этого лжеца, который хвастается, что может потушить луну, словно светильник! — пищала Гагула. — Пусть же он это сделает, и тогда девушку можно будет пощадить. Да, да, пусть он это сделает или сам умрет с ней, сам и все, кто с ним пришел!

С отчаянием я взглянул на луну и, к моей невероятной радости, увидел, что календарь Гуда нас не подвел: на краю огромного яркого диска появилась легкая тень и поверхность луны начала заметно тускнеть.

Я торжественно поднял руку к небу, причем моему примеру тотчас же последовали сэр Генри и Гуд, и с пафосом продекламировал несколько строф из легенд Инголдзби. Сэр Генри внушительно и громко произнес несколько строк из Ветхого завета, а Гуд обратился к царице ночи с длиннейшим потоком самых отборных классических ругательств, на которые только он был способен.

Тень медленно наползала на сияющую поверхность луны, и, по мере того как она двигалась, в толпе начались раздаваться сдержанные возгласы изумления и страха.

— Смотри, о король! — вскричал я. — Смотри, Гагула! Смотрите и вы, вожди, воины и женщины! Скажите, держат ли свое слово белые жители звезд или они пустые лжецы? Луна темнеет на ваших глазах; скоро наступит полный мрак, да, мрак, в час полнолуния! Вы просили чуда — вот оно! Гасни, о Луна! Потуши же свой свет, ты, чистая и непорочная, сломи гордые сердца кукуанов, окутай глубоким мраком весь мир!

Вопль ужаса вырвался у всех присутствующих. Толпа окаменела от страха; некоторые с криками бросились на колени и начали громко причитать. Что касается Твалы, он сидел неподвижно, оцепенев от страха, и я увидел, что, несмотря на свою темную кожу, он побледнел. Только одна Гагула не испугалась.

— Тень пройдет! — кричала она. — Не бойтесь, в своей жизни я видела это не раз! Ни один человек не может погасить Луну. Не падайте духом! Все равно это пройдет!

— Подождите, и вы еще не то увидите, — кричал я в ответ, подпрыгивая на месте от волнения. — «О Луна! Луна! Луна! Почему ты так холодна и непостоянна?»

Эта подходящая цитата была позаимствована мною из одного весьма популярного любовного романа, который я случайно где-то читал. Теперь, вспоминая это, я думаю, что с моей стороны было весьма неблагодарным оскорблять владычицу небес, так как в этот вечер она доказала, что была нашим самым верным другом, и, в сущности, меня не должно было трогать то, как она себя вела в романе по отношению к пылкому влюбленному. И, обращаясь к капитану, я добавил:

— Ну, а теперь валяйте вы, Гуд: я не помню больше никаких стихов. Прошу вас, начинайте снова ругаться, дружище!

Гуд с величайшей готовностью отозвался на мой призыв к его таланту.

Я никогда не предполагал, как виртуозно может ругаться морской офицер и сколь необъятны его способности в этой области. В течение десяти минут он ругался без передышки, причем почти ни разу не повторился.

Тем временем темное кольцо все больше закрывало лунный диск, и огромная толпа в полном молчании, как зачарованная, пристально глядела на небо, не в силах отвести глаз от этого поразительного зрелища. Странные, жуткие тени поглощали свет луны. Царила зловещая тишина. Все замерло, словно скованное дыханием смерти. Медленно текло время среди этого торжественного безмолвия. С каждой минутой полный диск луны все более и более входил в тень земли, и тьма неумолимо и величественно наплывала на лунные кратеры. Казалось, что огромный бледный шар приблизился к земле и стал еще больше. Луна приобрела медный оттенок, а затем та часть ее поверхности, которая не была еще охвачена мраком, стала пепельно-серой, и, наконец, перед наступлением полного затмения сквозь багровый туман вырисовались зловещие, мерцающие очертания лунных гор и равнин.

Кольцо тени все больше и больше закрывало луну — оно теперь уже заволокло более половины ее кроваво-красного диска. Стало душно. А тень напозла все дальше и дальше, багровая мгла сгущалась все больше и больше, и мы уже едва могли различить свирепые лица находившихся около нас людей. Толпа безмолвствовала, и Гуд прекратил ругаться.

— Луна умирает — белые волшебники убили Луну! — вдруг громко закричал Скрагга. — Мы все теперь погибнем во мраке!

И, объятый не то яростью, не то ужасом, а может быть, и тем и другим, он поднял свое копье и изо всей силы ударил им сэра Генри в грудь. Но он забыл про кольчуги, подаренные нам королем, которые мы носили под одеждой. Копье его отскочило, не причинив никакого вреда, и, прежде чем он успел нанести второй удар, Куртис вырвал у него оружие и пронзил его насквозь. Скрагга упал мертвый.

Увидев это, девушки, уже обезумевшие от ужаса при виде сгущающейся тьмы и зловещей тени, которая, как они думали, поглощает луну, пронзительно закричали и в дикой панике бросились бежать к воротам крааля. Но паника охватила не только девушек. Сам король в сопровождении своих телохранителей и нескольких вождей, а также Гагула, которая умела ковылять с необычайным проворством, кинулись в хижину.

Минуто спустя площадь опустела, остались только мы, Фулата, Инфадус, большая часть посетивших нас ночью военачальников и бездыханное тело Скрагги, сына Твалы.

— Вожди! — воскликнул я. — Мы совершили чудо, которое вы от нас требовали. Если вы удовлетворены, нам немедленно нужно оставить Луу и бежать в то место, о котором вы говорили. Наши чары будут продолжаться час и еще полчаса. Приостановить их действие мы сейчас не можем. Воспользуемся же темнотой!

— Идемте! — сказал Инфадус и направился к воротам крааля.

За ним последовали в благоговейном трепете полководцы, мы сами и красавица Фулата, которую Гуд вел за руку.

Не успели мы дойти до ворот, как луна окончательно скрылась, и на черном, как чернила, небе стали загораться звезды.

Мы взяли друг друга за руки и, спотыкаясь на каждом шагу, исчезли во мраке.

Глава XII . Перед боем

К счастью для нас, Инфадус и другие вожди прекрасно знали каждую тропинку в городе, так что, несмотря на непроглядную тьму, мы быстро двигались вперед.

Мы шли уже более часа, когда наконец затмение начало идти на убыль и тот край луны, который исчез первым, выглянул вновь. Внезапно мы увидели, как серебряный луч прорвался сквозь мрак, и с его появлением возник какой-то удивительный, красный, как пламя, отблеск, вспыхнувший, словно яркий светильник на темном фоне неба. Это было необычайное и поистине прекрасное зрелище. Минут пять спустя звезды начали бледнеть и стало настолько светло, что мы могли осмотреться вокруг. Оказалось, что мы уже вышли за пределы города Луу и приближались к большому холму с плоской вершиной, имевшему примерно две мили в окружности.

Этот холм, представляющий собой вполне обычную для Южной Африки формацию, был не очень высок — не более двухсот футов в самой высшей своей точке, — однако склоны его, покрытые валунами, были довольно обрывисты. Холм имел форму подковы. Вершина его образовывала плато, покрытое травой, которое, по словам Инфадуса, использовалось как военный лагерь для большого количества войск. Обычно его гарнизон состоял из одного полка, то есть трех тысяч человек, однако, с трудом поднявшись по крутому склону, мы увидели при свете вновь показавшейся луны, с каждой минутой сиявшей все ярче, что там собралось несколько полков.

Когда мы вышли наконец на плато, оно оказалось заполненным толпами дрожащих от страха людей. Необычайное явление природы прервало их сон, и теперь, сбившись в плотную и оцепеневшую от ужаса массу, они наблюдали его.

Мы молча прошли через эту толпу и подошли к хижине, стоявшей в центре плато. К нашему большому удивлению, там нас ожидали два человека, нагруженные нашими немногочисленными пожитками, которые нам, конечно, пришлось оставить при поспешном бегстве.

— Я послал за ними, — объяснил мне Инфадус, — а также и за этой вещью, — и он поднял давно утерянные брюки Гуда.

С восторженным воплем Гуд бросился к ним и немедленно начал их натягивать.

— Неужели мой повелитель желает скрыть от нас свои прекрасные

белые ноги? — с сожалением воскликнул Инфадус.

Но Гуд упорствовал в своем намерении, и его прекрасные белые ноги в последний раз мелькнули перед восхищенными взорами кукуанов.

Гуд очень скромный человек. С этих пор кукуанам пришлось удовлетворять свои эстетические запросы лишь лицезрением его единственной бакенбарды, прозрачного глаза и движущихся зубов.

Все еще созерцая брюки Гуда взглядом, исполненным блаженных воспоминаний, Инфадус сообщил нам, что он приказал с наступлением рассвета собрать полки, чтобы разъяснить им цель восстания, которое решили поднять военачальники, а также для того, чтобы представить им законного наследника престола — Игнози.

Как только взошло солнце, войско, общей численностью почти в двадцать тысяч воинов, представлявших собой цвет кукуанской армии, было собрано на обширном плато, куда проследовали и мы. Воины были построены в плотное каре. Зрелище было грандиозное. Мы остановились на открытой стороне квадрата, где нас быстро окружили главные вожди и военачальники.

К ним-то, после того, как воцарилось молчание, и обратил свою речь Инфадус. Подобно большинству представителей кукуанской знати, он был прирожденным оратором. Красочным и изящным языком он поведал историю отца Игнози — как он был предательски убит королем Твалой, как его жена и сын были изгнаны и обречены на голодную смерть. Затем он напомнил о том, как страна стонет и страдает под жестоким игом Твалы, приведя в пример события предыдущей ночи, когда много лучших людей страны было предано страшной смерти под тем предлогом, что они якобы являются преступниками. Затем он перешел к рассказу о том, как белые вожди, созерцая со звезд землю, увидели эти страдания и решили ценою собственных лишений облегчить участь кукуанов; как они взяли поэтому за руку законного короля этой страны, Игнози, который томился в изгнании, и провели его через горы; как они воочию увидели темные деяния Твалы и как, чтобы убедить колеблющихся и спасти жизнь девушки Фулаты, они силой своего могущественного волшебства погасили луну и убили молодого дьявола Скраггу. Они и впредь готовы быть верными друзьями кукуанов и помочь им свергнуть Твалу и возвести законного короля, Игнози, на захваченный Твалой трон.

Он закончил свою речь среди одобрительного шепота. Затем вперед выступил Игнози, и, в свою очередь, обратился к собравшимся. Повторив все, что сказал его дядя Инфадус, он закончил свою сильную речь следующими словами:

— О вожди, военачальники, воины и народ! Вы слышали мои слова. Теперь вы должны сделать выбор между мною и тем, кто восседает на моем троне, тем, кто убил своего брата и изгнал сына своего брата, чтобы тот умер во мраке и холоде. Они, — указал он на вождей, — могут сказать вам, действительно ли я король, так как они видели змею, обвивающуюся вокруг моего тела. Если бы я не был королем, то разве эти белые люди, владеющие тайнами волшебства, были бы на моей стороне? Трепещите, вожди, военачальники, воины и народ! Разве тьма, которой они покрыли землю, чтобы вселить страх в душу Твалы, не находится еще перед вашими глазами?

— Это так, — отвечали воины.

— Я — ваш король. Я говорю вам, что я — король, — продолжал Игнози, выпрямляясь во весь свой исполинский рост и поднимая над головой боевой топор с широким лезвием. — Если есть среди вас человек, который скажет, что это не так, пусть он выйдет вперед, и я сражу его, и кровь его будет багряным знаком того, что я говорю вам правду. Пусть он выйдет вперед, говорю я, — и он потряс в воздухе своим огромным топором, который засверкал на солнце.

Так как никто, по-видимому, не был склонен к тому, чтобы отозваться на этот героический вариант песенки «Выходи-ка, Дилли, чтоб тебя убили», то наш бывший слуга продолжил свою тронную речь:

— Я действительно ваш король, и если вы будете стоять в битве рядом со мною, то я поведу вас к победе и к славе. Я дам вам быков и жен, и вы займете первое место в моем войске. Если же вам суждено пасть в бою, я паду вместе с вами. Выслушайте обет, который я даю вам. Когда я взойду на престол моих предков, я положу конец кровопролитию в нашей стране. Вам больше не придется возмущаться несправедливыми убийствами, и охотницы за колдунами не будут отслеживать людей и предавать их смерти без всякой причины. Ни один человек не умрет насильственной смертью, если он не совершил преступления. Окончится захват ваших краалей. Каждый из вас будет спать спокойно в своей хижине, не страшась ничего, и правосудие будет царить на всей нашей земле. Сделали ли вы выбор, вожди, военачальники, воины и народ?

— Наш выбор сделан, о король! — последовал ответ.

— Хорошо. А теперь обернитесь и посмотрите, как посланцы Твалы спешат из великого города на восток и на запад, на север и на юг, чтобы собрать могучую армию и предать смерти меня, и вас, и моих белых друзей и защитников. Завтра или, быть может, послезавтра Твала придет сюда со всеми, кто еще верен ему. Тогда я смогу увидеть, кто из вас действительно

предан мне, кто не боится умереть в борьбе за правое дело. И я говорю вам, что об этих людях я не забуду, когда придет время делить добычу. Я сказал, о вожди, военачальники, воины и народ. А теперь идите в свои хижины и готовьтесь к бою.

Наступило молчание. Затем один из вождей поднял руку, и прогремел королевский салют: «Куум!» Это был знак того, что полки признали Игнози своим королем. Затем они разошлись, построившись в отряды.

Полчаса спустя мы держали военный совет, на котором присутствовали все командующие полками. Нам было ясно, что вскоре нас атакуют численно превосходящие силы противника. Действительно, с нашего удобного наблюдательного пункта нам было видно, как стягиваются войска и как из Луу выходят во всех направлениях посланцы, безусловно для того, чтобы собрать войска на помощь королю. У нас было около двадцати тысяч воинов, составляющих семь лучших полков страны. По подсчетам Инфадуса и вождей, в настоящее время у Твалы было собрано в Луу по крайней мере тридцать — тридцать пять тысяч воинов, которые оставались верными ему. Кроме того, они полагали, что к середине следующего дня он сможет собрать еще не менее пяти тысяч. Не исключалась возможность, что часть его войск дезертирует и перейдет на нашу сторону, но на этом, конечно, нельзя было строить никаких расчетов. Пока что было ясно одно: что ведутся деятельные приготовления для того, чтобы нанести нам поражение. Большие отряды вооруженных воинов уже появились у подножия холма. Все указывало на то, что готовится атака. Однако Инфадус и другие вожди держались того мнения, что в эту ночь противник не перейдет в наступление, так как это время будет посвящено подготовке. Кроме того, необходимо было всеми возможными средствами рассеять тяжелое впечатление, произведенное на воинов затмением Луны, которое кукуаны считали колдовством. Военачальники утверждали, что атака произойдет утром, и оказалось, что они были правы.

Тем временем мы принялись за работу, стараясь как можно лучше укрепить свои позиции. Почти все без исключения принимали в этом участие. Казалось, что не хватит времени, чтобы закончить все, что нужно, но в течение дня были сделаны настоящие чудеса. Холм, на котором мы находились, представлял собою скорее санаторий, чем крепость, так как обычно он служил лагерем для тех военных частей, которым ранее приходилось нести службу в районах страны, отличавшихся нездоровым климатом. Поэтому теперь пришлось тщательно завалить грудой камней все пути, ведущие на вершину холма, и сделать все другие возможные подступы настолько неприступными, насколько можно было это

осуществить за столь короткое время. В разных точках были сложены груды валунов, которые предполагалось сбрасывать на наступающего противника. Для всех полков были намечены определенные позиции. Одним словом, мы осуществили все подготовительные мероприятия, какие нам удалось сообща придумать.

Перед самым заходом солнца мы заметили небольшую группу воинов, направляющуюся к нам из Луу. У одного из них в руке был пальмовый лист в знак того, что он идет в качестве парламентаря.

Когда он приблизился, Игнози, Инфадус, представители военачальников и мы сами спустились к подножию холма, к нему навстречу. Это был человек мужественной внешности, в форменном плаще из леопардовой шкуры.

— Приветствую вас! — крикнул он, когда подошел ближе. — Король приветствует тех, кто начал святотатственную войну против него. Лев шлет приветствия шакалам, злобно рычащим у его ног.

— Говори! — сказал я.

— Вот слова короля. Сдайтесь на его милость, или вас постигнет худшая участь. У черного быка уже вырвано плечо, и король гоняет его, истекающего кровью, по лагерю^[53].

— Каковы же условия Твалы? — осведомился я из любопытства.

— Его условия милосердны, как подобает великому королю. Вот слова Твалы, Одноглазого, Великого, Мужа тысячи жен, Повелителя кукуанов, Хранителя Великого Пути, Возлюбленного тех, что сидят в безмолвии там, в горах, Тельца Черной Коровы, Слона, чья поступь сотрясает землю, Ужаса Злодеев, Страуса, чьи ноги пожирают пустыню, Исполинского, Черного, Мудрого, короля по древнему праву наследования! Вот слова Твалы: «Я буду милосерден, и для меня достаточно немного крови. Один человек из каждого десятка должен будет умереть, остальным будет предоставлена свобода. Но белый человек, по имени Инкубу, который убил моего сына Скраггу, и черный человек, его слуга, заявляющий притязания на мой трон, и Инфадус, мой брат, который затевает мятеж против меня, — эти люди должны умереть в мучениях — их принесут в жертву Молчаливым. Таковы милосердные слова Твалы.

После краткого совещания с остальными я ответил ему очень громким голосом, чтобы меня могли слышать все воины:

— Возвращайся, пес, к Твале, который послал тебя, и скажи ему, что мы — Игнози, законный король кукуанов, Инкубу, Бугван и Макумазан — белые мудрецы, спустившиеся со звезд, колдуны, которые могут гасить Луну, Инфадус, родом из королевского дома, вожди, военачальники и

народ, собравшиеся здесь, — отвечаем Твале и заявляем, что мы не покоримся и что, прежде чем дважды зайдет солнце, труп Твалы застынет у ворот его крааля и Игнози, отца которого убил Твала, будет царствовать вместо него. А теперь иди, пока мы не выгнали тебя плетью, и берегись поднять руку на людей, подобных нам.

Парламентер громко рассмеялся.

— Мужчину не испугаешь напыщенными речами! — крикнул он. — Посмотрим, будете ли вы завтра такими же храбрецами, вы, которые можете погасить Луну! Сражайтесь же, будьте отважны и веселы, пока вороны не обклюют ваши кости так, что они станут белее, чем ваши лица. Прощайте! Быть может, мы встретимся в бою. Прошу вас, не улетайте пока обратно на звезды, дождитесь меня, белые люди!

И, пустив в нас последнюю стрелу сарказма, он удалился. Почти сейчас же вслед за его уходом солнце село, и на землю спустилась тьма.

В ту ночь у нас было много работы, несмотря на то что все были чрезвычайно утомлены. Продолжалась подготовка к завтрашнему бою, поскольку это было возможно при свете луны. Посланцы уходили, чтобы передать наши распоряжения, и вновь возвращались туда, где сидели мы, совещаясь. Наконец, примерно в час пополуночи, мы сделали все, что было в наших силах, и весь лагерь погрузился в сон. Только оклики часовых изредка нарушали тишину. Мы с сэром Генри в сопровождении Игнози и одного из вождей спустились с холма и обошли передовые посты. По мере того, как мы шли, в самых неожиданных местах перед нами внезапно вырастали копья, сверкавшие в лунном свете, и мгновенно исчезали, как только мы произносили пароль. Ясно было, что никто не спит на своем посту. Затем мы вернулись, осторожно пробираясь среди тысяч спящих воинов, многие из которых в последний раз вкушали сон на этой земле.

Лунный свет играл на их копьях и скользил по лицам спящих, делая их похожими на мертвецов. Холодный ночной ветер развеивал их плюмажи, похожие на те, что украшают катафалки. Они лежали в беспорядке, разметавшись во сне, и их рослые, мужественные фигуры казались призрачными и странными при лунном свете.

— Как вы думаете, многим ли из них суждено дожить до завтрашней ночи? — спросил сэр Генри.

Я лишь покачал головой в ответ, продолжая смотреть на спящих. Мое воображение было возбуждено, несмотря на усталость, и мне казалось, что ледяная рука смерти уже коснулась этих людей. Я мысленно отмечал тех, на которых лежала роковая печать, и мною овладело ощущение великой тайны человеческой жизни и глубокая печаль от сознания ее трагической

обреченности. Сегодня ночью эти тысячи людей спят здоровым сном, а завтра они, а может быть, и мы вместе с ними, и многие другие погибнут, и холодное дыхание смерти скует их тела. Их жены станут вдовами, их дети — сиротами, а их хижины никогда более не увидят своих хозяев. Только древняя луна будет продолжать безмятежно сиять, и ночной ветер по-прежнему будет шевелить траву, и широкие земные просторы будут вкушать счастливый отдых, так же как и за целую вечность до того, как эти люди появились на них, так же как и целую вечность спустя после того, как они будут забыты.

Однако, пока существует мир, человек не умирает. Правда, имя его забывается, но ветер, которым он дышал, продолжает шевелить верхушки сосен в горах, эхо слов, которые он произносил, еще звучит в пространстве, мысли, рожденные его мозгом, делаются сегодня нашим достоянием. Его страсти вызвали нас к жизни, его радости и печали близки и нам, а конец, от которого он пытался в ужасе бежать, ждет также каждого из нас. Вселенная действительно полна призраков — не кладбищенских привидений в погребальных саванах, а неугасимых, бессмертных частиц жизни, которые, однажды возникнув, никогда не умирают, хотя они незаметно сливаются одна с другой и изменяются, изменяются вечно.

Подобные мысли проходили в моем сознании, пока я стоял и смотрел на мрачные, фантастические очертания тел воинов, спящих, как сказано в их поговорке, «на своих копьях». По мере приближения старости мною, к великому моему сожалению, все более овладевает отвратительная привычка размышлять.

— Куртис, — обратился я к сэру Генри, — я нахожусь в состоянии самой постыдной паники.

Сэр Генри погладил свою белокурую бороду и засмеялся.

— Мне уже не раз приходилось от вас слышать подобные замечания, Квотермейн, — сказал он.

— Да, но сейчас я говорю это всерьез. Я, знаете ли, сильно сомневаюсь, чтобы кому-нибудь из нас удалось дожить до следующей ночи. Нас атакуют превосходящие силы противника, и очень мало надежды, что нам удастся удержать свои позиции.

— Во всяком случае, мы дешево их не отдадим. Послушайте, Квотермейн, дело это скверное и, по правде говоря, не надо было нам в него вмешиваться, но раз уж так вышло, мы должны сделать все, что в наших силах. Относительно же себя я могу вам сказать, что если мне суждено умереть, то я предпочитаю быть убитым в бою. К тому же теперь, когда осталось так мало шансов на то, что я найду моего несчастного брата,

мне легче примириться с мыслью о смерти. Но смелым сопутствует удача, — может быть, нас еще ждет успех. Резня, конечно, будет ужасная, и, так как мы должны поддержать свою репутацию, нам придется быть в самых опасных местах.

Последнее замечание сэр Генри произнес мрачным голосом, но в глазах его вспыхивали искорки, говорившие совсем иное. Мне даже кажется, что сэру Генри на самом деле нравилось воевать.

Затем мы ушли к себе и проспали два часа.

Как раз перед восходом солнца нас разбудил Инфадус, который пришел нам сказать, что в Луу наблюдается большое оживление и что мелкие отряды королевских войск движутся к нашим передовым постам.

Мы встали и оделись для боя. Все мы надели кольчуги, за которые при настоящем положении дел мы были весьма благодарны Твале. Сэр Генри занялся этим с увлечением и оделся, как кукуанский воин.

— Когда вы в Стране Кукуанов, поступайте, как кукуаны, — заметил он, натягивая кольчугу на свои широкие плечи, которые она облегала, как перчатка.

Но на этом он не остановился. По его просьбе, Инфадус снабдил его полной боевой формой. Он надел плащ из леопардовой шкуры, какой носили вожди, увенчал свое чело плюмажем из черных страусовых перьев, который являлся привилегией высших военачальников, и опоясался великолепной муча из белых буйволовоx хвостов. Сандалии, тяжелый боевой топор, круглый железный щит, обтянутый белой буйволовоx кожей, и положенное по уставу количество толл, или метательных ножей, дополняли его снаряжение, к которому он все же добавил еще и свой револьвер. Туалет был, конечно, дикарский, но я должен сказать, что никогда не видел более внушительного зрелища, чем сэр Генри в этом одеянии, которое еще более подчеркивало его могучее сложение. Когда же вскоре прибыл Игнози, облаченный в такой же костюм, я подумал про себя, что впервые вижу двух столь великолепных богатырей. Не могу похвастаться, чтобы кольчуга была так же к лицу Гуду и мне. Дело в том, что капитан не захотел расстаться со своими брюками. Нужно признаться, что приземистый джентльмен плотного телосложения, с моноклем в глазу и лицом, чисто выбритым с одной стороны, облаченный в кольчугу, тщательно заправленную в довольно-таки обтрепанные вельветовые брюки, производит несомненно потрясающее, но отнюдь не внушительное впечатление. О себе могу сказать, что, так как моя кольчуга была мне велика, я надел ее поверх всей своей одежды, и она довольно неуклюже торчала во все стороны. Кроме того, я решил идти в бой с голыми ногами,

чтобы в случае, если придется стремительно отступать, легче было бежать; поэтому я пожертвовал брюками, оставшись в одних лишь вельдскунах. Копье и щит, которыми я не умел пользоваться, пара толл, револьвер и, наконец, огромный плюмаж, прикрепленный мною к охотничьей шляпе, чтобы сделать свою внешность еще более кроважадной, завершали мою скромную экипировку. В добавление ко всему этому с нами, конечно, были наши винтовки. Но так как у нас было очень мало патронов, они были бесполезны во время атаки, поэтому мы распорядились, чтобы их несли воины, следовавшие за нами. Снарядившись в поход, мы поспешно поели и отправились посмотреть, как идут дела. В одном пункте горного плато был небольшой холмик из коричневого камня, который одновременно служил штабом и наблюдательным пунктом. Здесь мы нашли Инфадуса, окруженного его полком Серых, который был безусловно лучшим в кукуанской армии. Это был тот полк, который мы впервые видели в пограничном краале. Полк, в настоящее время численностью в три тысячи пятьсот человек, оставался в резерве, и воины группами лежали на траве, наблюдая, как длинные колонны королевских войск, подобно веренице муравьев, выползают из Луу. Казалось, этим колоннам нет конца. Всего их было три, и каждая насчитывала не менее одиннадцати — двенадцати тысяч человек.

Выйдя за пределы города, они построились в боевом порядке. Затем один отряд повернул направо, другой — налево, а третий стал медленно приближаться к нам.

— А-а! — сказал Инфадус. — Они собираются атаковать нас сразу с трех сторон!

Эта новость была весьма серьезной, так как наша позиция на вершине горы, по крайней мере полторы мили в окружности, была очень растянутой и важно было сконцентрировать для обороны наши сравнительно малые силы. Но поскольку мы не могли указывать противнику, каким образом следует нас атаковать, нам нужно было в этих сложных условиях сделать все, что возможно. Поэтому мы отправили во все концы приказы подготовиться к отражению отдельных атак.

Глава XIII . Нападение

Без малейшего признака поспешности и суеты все три колонны медленно продвигались вперед. На расстоянии около пятисот ярдов от нас средняя — она же главная — колонна остановилась в том месте, где начиналась та узкая полоса земли, которая врезывалась в наш холм, имевший приблизительно форму подковы и боковые отроги которого были обращены к Луу. Этот маневр был рассчитан на то, чтобы дать возможность другим двум колоннам обойти холм и напасть на нас одновременно с трех сторон.

— Эх, если бы у нас был гетлинг!^[54] — со вздохом сожаления сказал Гуд, смотря на сомкнутые фланги воинов, стоявших внизу. — Через двадцать минут я очистил бы всю равнину!

— Но так как его нет, — ответил сэр Генри, — не стоит и вздыхать о нем. А что, если вы, Квотермейн, попытаете в них выстрелить? Сможет ли ваша пуля долететь до того рослого малого, который, как мне кажется, командует всем отрядом? Однако полагаю, что у вас столько же шансов попасть в него, сколько и промахнуться. Держу пари на целый соверен, который честно плачу, — если, конечно, мы выпутаемся из этой истории, — что ваша пуля не долетит до него по крайней мере на пять ярдов.

Это задело меня за живое, и, зарядив «экспресс» разрывной пулей, я стал ждать, пока моя мишень в сопровождении ординарца не отошла ярдов на десять от отряда, чтобы получше рассмотреть наши позиции. Я лег и, положив «экспресс» на скалу, прицелился. Принимая в соображение траекторию и то обстоятельство, что моя винтовка была лишь на триста пятьдесят ярдов, я прицелился в горло, рассчитав, что пуля должна попасть воину прямо в грудь. Он стоял совершенно спокойно и попасть в него, казалось, было легко, но оттого ли, что подул ветер, или от волнения, или оттого, что мишень была от меня далеко, расчеты мои не оправдались.

Прицелившись, как мне казалось, совершенно точно, я спустил курок, и, когда облако дыма рассеялось, то, к своей величайшей досаде, я увидел, что мой воин стоит цел и невредим, а ординарец, стоявший не менее чем в трех шагах левее, лежит на земле, по-видимому, убитый. Командир, в которого я целился, быстро повернулся и в явном смятении бросился бежать к своему отряду.

— Браво, Квотермейн! — закричал Гуд. — Вы его здорово напугали!
Это меня ужасно разозлило, так как нет для меня ничего неприятнее, чем промахнуться в присутствии свидетелей, и я по мере возможности стараюсь этого избегать.

Когда человек является знатоком лишь одного дела, он стремится поддерживать свой авторитет своим мастерством. Эта неудача так меня взбесила, что я тут же совершил весьма опрометчивый поступок. Поспешно прицелившись в бегущего генерала, я послал ему вдогонку вторую пулю. На этот раз я не промахнулся — бедняга высоко взмахнул руками и упал ничком, как подкошенный. Я же от этого пришел в необузданный восторг, как самый настоящий зверь. Все это я привожу в подтверждение того, как мало мы думаем о других, когда дело касается нашей безопасности, тщеславия или репутации.

Наши воины, видевшие мой подвиг, приветствовали его громкими, восторженными криками, как новое доказательство чародейства белых людей и счастливое предзнаменование нашего успеха. Отряд же, которым командовал только что убитый военачальник (впоследствии мы узнали, что он действительно был командиром колонны), начал в беспорядке отступать. Сэр Генри и Гуд тотчас же схватили винтовки и принялись стрелять; особенно усерден в этом отношении был Гуд, посылавший из своего винчестера пулю за пулей в сплошную массу отступающих воинов; я тоже пальнул в них раза два. В результате, насколько мы могли судить, нам удалось вывести из строя человек шесть-восемь, прежде чем они оказались на расстоянии, где наши выстрелы не могли причинить им вреда.

Как только мы прекратили стрельбу, откуда-то справа раздался угрожающий рев, тотчас же подхваченный неприятелем с левой стороны, и обе неприятельские колонны одновременно бросились на нас с обоих фронтов. Услышав этот зловещий рев, вся сплошная масса воинов, стоявшая перед нами, немного раздалась и, распевая какую-то дикую песню, неторопливо побежала к нашей возвышенности, а затем — по узкой зеленой полосе, зажатой между отрогами холма. Мы трое (Игнози лишь время от времени помогал нам) встретили их частым ружейным огнем, но нам удалось убить лишь нескольких человек. На нас шла могучая лавина вооруженных людей, и стрелять в нее было все равно, что бросать мелкие камешки навстречу огромной, надвигающейся волне.

А они, размахивая и звеня копьями, с криком продвигались вперед и уже теснили наши сторожевые охранения, расставленные у подножия холма. После этого наступление несколько замедлилось, так как хотя мы еще не оказали им серьезного сопротивления, но нападающим приходилось взбираться в гору, и они пошли медленнее. Наша первая линия обороны была расположена примерно на полпути между подножием холма и его вершиной, вторая линия находилась на пятьдесят ярдов выше, а третья шла по самому краю плато.

А враги подходили все ближе и ближе с громким воинственным кличем:

— Twala! Twala! Chiйлй! Chiйлй (Твала! Твала! Бей! Бей!)

А наши воины отвечали:

— Ignosi! Ignosi! Chiйлй! Chiйлй!

Теперь неприятель был совсем близко. В воздухе взад и вперед засверкали толпы, и противники с пронзительным, диким воплем бросились друг на друга.

Завязался бой и дерущиеся насмерть люди стали падать, как листья от осеннего ветра. Но вскоре превосходящие силы противника взяли верх, и наша первая линия обороны стала медленно отступать, пока не слилась со второй. Тут битва разгорелась с новой силой, и вновь наши воины вынуждены были отступить выше, пока наконец через двадцать минут после начала сражения не вступила в бой наша третья линия обороны.

Но так как к этому времени нападающие были уже крайне утомлены и, кроме того, потеряли много людей убитыми и ранеными, то прорваться сквозь сплошную стену копий им оказалось не под силу. В течение некоторого времени битва то разгоралась, то затихала, обезумевшие от ярости полчища дикарей то продвигались вперед, то подавались назад, и поэтому исход сражения был еще сомнителен. Сэр Генри следил за этой отчаянной схваткой загоревшимися глазами и вдруг, не говоря ни слова, бросился в самый разгар боя. Гуд последовал за ним. Что касается меня, я предпочел остаться на своем месте.

Наши воины увидели исполинскую фигуру сэра Генри среди сражающихся и с удвоенной яростью бросились на врага с криком:

— Nanzia Inkubu! Nanzia Unkungunklovo! (С нами Слон!) Chiйлй! Chiйлй!

С этого момента можно было не сомневаться в исходе боя. Шаг за шагом, отчаянно сопротивляясь, воины Твалы начали отступать вниз по склону холма, пока наконец в некотором замешательстве не соединились со своими резервами. В этот момент явился гонец и сообщил, что атака отбита и с левого фланга. Я уже начал поздравлять себя с тем, что хоть на некоторое время сражение прервалось, как вдруг, к нашему ужасу, мы увидели, что наши воины, сражавшиеся на правом фланге, бегут к нам через плато и за ними гонится огромная толпа врагов, которым, очевидно, удалось прорваться в этом месте.

Игнози, стоявший возле меня, сразу понял создавшееся положение и немедленно отдал приказ, по которому резервный полк Серых, находившийся вокруг нас, тотчас же построился и приготовился к бою.

Игнози вновь отдал приказ, который был подхвачен и передан военачальникам, и буквально в следующее мгновение я, к своей величайшей досаде, сам не знаю как, оказался вовлеченным в гущу бешеной атаки наших войск, бросившихся навстречу врагу. Оказавшись в таком положении, мне ничего не оставалось делать, как бежать с ними, и я, стараясь держаться как можно ближе к огромной фигуре Игнози, неся за ним так, как будто очень хотел, чтобы меня убили. Минуты через две — мне казалось, что время летит невероятно быстро — мы врезались в толпу наших убегающих от врага воинов, которые тут же построились позади нас. А затем — затем я не знаю, что произошло. Я лишь помню ужасный, оглушительный шум сталкивающихся щитов, внезапное появление огромного бандита, глаза которого, казалось, были готовы выскочить из орбит, и устремленное на меня окровавленное копье. Я уверен, что от одного вида этого зрелища большинство людей тут же упали бы без сознания, но должен с гордостью признаться, что я не растерялся, сразу сообразив, что если останусь на месте, то мне несдобровать. Поэтому, как только я увидел, что это страшное видение готово на меня ринуться, я бросился к нему прямо под ноги, и так ловко, что мой бандит не смог остановиться и со всего разбега перепрыгнул через мое распростертое тело и грохнулся на землю. Прежде чем он смог подняться, я вскочил на ноги и тут же свел с ним счеты, выстрелив в него из револьвера.

Вскоре после этого кто-то сбил меня с ног, и я упал без сознания.

Очнувшись, я увидел склоненное над собой лицо Гуда, державшего в руке тыквенную бутылку с водой, и заметил, что нахожусь у каменного холма, то есть на плато, у нашего наблюдательного пункта.

— Как вы себя чувствуете, старина? — спросил он меня с беспокойством. Я встал и, прежде чем ответить, отряхнулся.

— Ничего, благодарю вас.

— Слава богу! Когда я увидел, что вас сюда несут, у меня подкосились ноги: я подумал, что с вами все кончено.

— На этот раз обошлось благополучно, дружище. Думаю, что от удара у меня просто помутилось в голове. Но скажите, чем же все кончилось?

— Пока что неприятель отбит со всех сторон. Потери огромные: мы потеряли целых две тысячи убитыми и ранеными, они же, наверно, — не менее трех. Посмотрите-ка на это зрелище! — И он указал на длинные ряды приближающихся к нам людей.

Они шли группами по четыре человека и держали нечто вроде носилок, сделанных из шкур, к которым в каждом углу были прикреплены петли, чтобы их удобнее было нести. Между прочим, таких носилок всегда

очень много в каждом отряде кукуанской армии. На этих шкурах, число которых казалось бесконечным, лежали раненые. По мере того как их приносили, они наспех осматривались лекарями, которых полагалось десять на каждый полк. Если рана была не тяжелая, пострадавшего воина уносили и тщательно лечили, поскольку, конечно, позволяли существующие условия. Но если состояние раненого было безнадежно, то под предлогом врачебного осмотра один из лекарей вскрывал ему острым ножом артерию, и несчастный быстро и безболезненно умирал. Конечно, это ужасно, но, с другой стороны, не истинное ли это проявление милосердия?

В тот день таких случаев было много. Обычно к этому прибегают, когда рана нанесена в туловище, так как огромные лезвия кукуанских копий наносят такие глубокие и страшные ранения, что лечить их невозможно. В большинстве случаев несчастные страдальцы находились в бессознательном состоянии; тем же, которые были в памяти, роковой надрез артерии делался так быстро и безболезненно, что они, казалось, этого не замечали. Но эта картина была настолько жутка, что мы с Гудом поспешили уйти. На своем веку я не помню случая, который бы произвел на меня более удручающее впечатление, чем эта операция, когда окровавленные руки лекаря, вскрывая жилы, избавляли храбрецов от мук таким страшным образом. Лишь однажды в жизни мне пришлось испытать то же самое: когда после сражения я видел, как войска племени свази закапывали в землю своих смертельно раненных воинов ЖИВЫМИ.

Чтобы не видеть этого страшного зрелища, мы поспешно направились к противоположной стороне холма, где увидели сэра Генри, все еще державшего в руках боевой топор, Игнози, Инфадуса и одного или двух вождей. Они очень серьезно о чем-то совещались.

— Слава богу, что вы пришли, Квотермейн! Я не совсем понимаю, что хочет делать Игнози. Хотя мы отбили нападение, но, кажется, к Твале прибывают большие подкрепления и он намеревается окружить нас с тем, чтобы взять измором.

— В таком случае, дело наше плохо.

— Несомненно. Тем более что Инфадус говорит, что у нас кончается вода.

— Да, это так, мои повелители, — подтвердил старый воин. — Ручей не может обеспечить такое огромное количество людей, и вода в нем быстро убывает. Еще до наступления ночи мы будем страдать от жажды. Послушай, Макумазан! Ты мудр и, разумеется, видел много войн в стране, откуда пришел, — конечно, если вы, белые люди, вообще сражаетесь у себя

на звездах. Скажи, что нам делать? Твала собрал новых воинов, которые займут места тех, кто пал. Но мы дали Твале урок: ястреб не думал, что цапля окажет ему сопротивление. Наш клюв пронзил ему грудь, и он боится напасть на нас вновь. Мы тоже измучены. Теперь он будет ждать, когда мы умрем; он обовьется вокруг нас, как змея вокруг своей добычи, и будет ждать, пока мы сами не сдадимся.

— Понимаю, — сказал я.

— Итак, Макумазан, ты видишь, что у нас нет воды и очень мало пищи, поэтому мы должны выбрать одно из трех: либо томиться и слабеть подобно льву, умирающему от голода в своем логове, либо пытаться проложить себе путь на север, либо, — тут он встал и указал на тесно сомкнутые ряды наших врагов, — броситься прямо на них и схватить Твалу за горло. Инкубу — великий воин. Сегодня он дрался, как буйвол в сетях, и люди Твалы падали под ударами его топора, как молодые колосья пшеницы, побитые градом. Инкубу говорит: «Нападай!», но Слон всегда нападает. Что скажет Макумазан, хитрая старая лиса, который столь много видел в жизни и любит жалить своего врага сзади, исподтишка? Решающее слово будет, конечно, за Игнози, ибо он король и это его право, но перед этим мы хотим выслушать твой голос, о Макумазан, и голос человека с прозрачным глазом.

— А что скажешь ты, Игнози? — спросил я.

— Нет, отец мой, — ответил бывший слуга, облаченный в пышные дикарские военные доспехи и имевший вид настоящего короля-воина, — говори ты и позволь мне выслушать твои слова. Ты мудр; по сравнению с тобой я лишь неразумный ребенок.

Выслушав столь настоятельную просьбу Игнози и наспех посоветовавшись с Гудом и сэром Генри, я в нескольких словах высказал ему свое мнение, сказав, что, поскольку мы были окружены и у нас уже ощущается недостаток воды, нам нужно самим напасть на Твалу. Я посоветовал Игнози сделать это немедленно, прежде чем «затянутся наши раны» и пока вид превосходящих сил противника не заставит сердца наших воинов «растопиться подобно жиру на огне». Иначе, заметил я, некоторые военачальники могут передумать и, помирившись с Твалой, перейти на его сторону и даже предать нас.

Мое мнение было, по-видимому, выслушано с одобрением. Должен сказать, что ни до этого, ни после мои советы не встречали нигде такого уважения, как у кукуанов. Но последнее слово было предоставлено Игнози, который, с тех пор как был признан законным королем, пользовался почти неограниченными правами своей верховной власти, включая, конечно,

окончательное решение в вопросах военного руководства. Поэтому все глаза присутствующих устремились на него.

Некоторое время Игнози молчал, очевидно обдумывая создавшееся положение, и затем сказал:

— Инкубу, Макумазан и Бугван, храбрые белые люди и друзья мои. И ты, Инфадус, брат отца моего, и вы, вожди! Я решил: я нападу на Твалу сегодня, и от этого удара будет зависеть моя судьба и моя жизнь — да, моя жизнь и жизнь всех вас. Слушайте, что я решил. Вы видите, что этот холм изгибается подобно полумесяцу и равнина врезывается в его изгиб зеленым языком?

— Мы это знаем, — подтвердил я.

— Так вот, — продолжал Игнози. — Теперь полдень. Пусть наши воины утолят свой голод и отдохнут после утомительной битвы. Когда солнце повернется и немного пройдет по небу, приближаясь к закату, пусть твой полк, Инфадус, спустится еще с одним на зеленый язык. Когда Твала это увидит, он бросит туда свои полки, чтобы истребить твоих воинов. Но место это узкое, и полки врага будут бросаться против тебя лишь по одному, и твои воины будут уничтожать их один за другим. Глаза всей армии Твалы будут устремлены на битву, равной которой не видел ни один живущий на земле. С тобой, Инфадус, пойдет мой друг Инкубу. Когда Твала увидит его боевой топор, сверкающий в первом ряду Серых, сердце его охватит волнение, и он падет духом. Я же поведу другой полк, который будет стоять позади тебя, ибо, если Серые будут уничтожены, — что может случиться, — останется король, за которого будут сражаться. Со мной пойдет мудрый Макумазан.

— Хорошо, о король! — отвечал Инфадус, по-видимому относившийся с величайшим хладнокровием к предстоящему истреблению своего полка. Действительно, эти кукуаны удивительный народ! Их не пугает смерть, если этого требует исполнение долга.

— И пока глаза всей армии Твалы будут устремлены на эту битву, — продолжал Игнози, — одна треть наших оставшихся в живых воинов, то есть около шести тысяч человек, спустится ползком с правого отрога нашего холма и нападет на левый фланг армии Твалы, а другая треть так же незаметно спустится с левого отрога и нападет на его правый фланг. И когда я увижу, что спустившиеся с отрогов воины готовы броситься на Твалу, тогда я с моими воинами нападу на него спереди. Если счастье нам будет сопутствовать, то победа будет за нами, и прежде чем Ночь промчится по горам на своих черных волах, мы уже будем спокойно сидеть в Луу. А теперь давайте подкрепимся пищей и приготовимся к бою. А ты,

Инфадус, распорядись, чтобы мои приказания были точно выполнены. Да! Пусть мой белый отец Бугван пойдет с правым крылом, чтобы его сверкающий глаз вселял отвагу в сердца воинов.

Эти краткие распоряжения были приведены в исполнение с удивительной быстротой, что еще лишний раз убедило меня, насколько совершенна военная организация в Стране Кукуанов. Потребовалось всего лишь немного более часа, чтобы раздать воинам пищу (которую они тут же уничтожили), сформировать три отряда и разъяснить вождям план нападения. Наши войска, насчитывавшие теперь около восемнадцати тысяч человек, были приведены в боевую готовность, за исключением стражи, оставленной присматривать за ранеными.

Тут подошел Гуд и пожал руку мне и сэру Генри.

— Прощайте, друзья, — сказал он. — Согласно приказу, я ухожу с правым крылом и поэтому пришел с вами проститься. Может быть, нам уже не придется больше встретиться, — добавил он многозначительно.

Мы молча пожали друг другу руки, проявив при этом традиционно установленную для англичан норму волнения.

— Дело наше рискованное, — сказал сэр Генри, и его звучный голос слегка дрогнул. — Признаться, я не уверен, что увижу завтрашнее солнце. Насколько я понимаю, Серые, с которыми мне предстоит идти, должны сражаться до тех пор, пока не будут полностью уничтожены, чтобы дать возможность боковым отрядам незаметно спуститься с отрогов холма, обойти полки Твалы и напасть на них врасплох. Ну что ж, пусть будет так. Во всяком случае, это будет смерть, достойная мужчины! Прощайте и вы, старина, — обратился он ко мне. — Да хранит вас бог! Я надеюсь, что вы выпутаетесь из всей этой истории и завладеете алмазами, но, если вам суждено остаться в живых, Квотермейн, послушайте моего совета: никогда больше не имейте дела с претендентами на престол!

Гуд еще раз крепко пожал нам руки и ушел. Затем к нам подошел Инфадус и проводил сэра Генри в предназначенное для него место в первом ряду Серых. А я с самыми мрачными мыслями отправился с Игнози и занял свое место в полку, который должен был идти в атаку во вторую очередь.

Глава XIV . Последний бой Серых

Через несколько минут полки, которые получили задание атаковать противника с флангов, выступили в полном молчании. Они двигались осторожно, под прикрытием холмистой гряды, чтобы скрыть свой маневр от зорких глаз разведчиков Твалы.

Через полчаса полки заняли свои позиции, образовав «рога», или фланги, армии. Тем временем Серые вместе с подкреплением в составе полка, известного под названием Буйволов, стояли неподвижно. Это было основное ядро армии, которое должно было принять на себя главный удар противника. Оба эти полка были совершенно свежими и в полном составе. Утром Серые были в резерве, а в стычке с атакующими частями, прорвавшими нашу линию обороны, когда я, сражаясь в их рядах, получил в вознаграждение ошеломляющий удар по голове, они потеряли очень мало людей. Что же касается Буйволов, то они утром образовывали третью линию обороны на левом фланге, и, поскольку атакующим не удалось прорвать в этом пункте вторую линию, им совсем не пришлось участвовать в бою.

Инфадус был предусмотрительный старый военачальник. Он прекрасно знал, как важно поднять боевой дух воинов перед такой горячей схваткой. Поэтому он воспользовался этим получасовым затишьем, чтобы обратиться к своему полку Серых с речью. Поэтическим языком он разъяснил воинам, какая огромная честь им оказана, что их посылают сражаться на передовой линии, да к тому же с белым воином в их рядах, спустившимся со звезд. В случае же, если войско Игнози одержит победу, он обещал всем, кто уцелеет в бою, много скота, а также повышение в звании.

Я оглядел длинные ряды развевающихся черных плюмажей и суровые лица воинов и со вздохом подумал, что всего лишь через один короткий час если не все, то большинство этих замечательных воинов-ветеранов, каждому из которых было не менее сорока лет, будут лежать мертвыми или умирающими. Иначе не могло быть — они присутствовали при чтении своего приговора, вынесенного с тем мудрым пренебрежением к человеческой жизни, которое отмечает великого военачальника. Это часто помогает ему сберечь свои силы и осуществить задачу — он идет на уничтожение известного количества людей, чтобы обеспечить остатку своей армии успех в борьбе за достижение поставленной цели. Серые были

заранее приговорены к смерти и знали это. Задача их заключалась в том, чтобы вступить в бой с полками армии Твалы по мере того, как они один за другим будут входить на узкую зеленую полосу равнины, зажатую между отрогами холма. Они должны были сражаться до полного уничтожения противника или же до тех пор, пока фланговым частям не представится благоприятный момент для атаки. Все это было им известно, и тем не менее они ни минуты не колебались, и я не заметил ни тени страха на их лицах. Они стояли перед нами — люди, идущие на верную смерть, готовые вот-вот навек расстаться с благословенным светом дня, но без трепета ожидающие свершения приговора. Несмотря на напряженность момента, я не мог не сравнивать состояние их духа с моим собственным, которое было далеко не спокойным, и у меня вырвался невольный вздох зависти и восхищения. Никогда раньше мне не приходилось встречать такой полной преданности идее долга и такого полного безразличия к ее горьким плодам.

— Вот ваш король! — закончил свою речь старый Инфадус, указывая на Игнози. — Идите, чтобы сражаться и пасть за него, — таков долг отважных. Да будет навеки проклято и покрыто позором имя того, кто боится умереть за своего короля, того, кто бежит от врага. Вот ваш король, вожди, военачальники и воины! Теперь принесите присягу священному знаку змеи, а потом идите за нами — Инкубу и я покажем вам путь в самое сердце войск Твалы.

Наступило минутное молчание. Затем внезапно среди сомкнутых фаланг, стоящих перед нами, возник легкий шум, подобный отдаленному рокоту моря: это рукоятки шести тысяч копий начали тихо стучать по щитам. Постепенно этот шум усиливался, как бы расширяясь, углубляясь и нарастая, пока наконец не превратился в оглушительный грохот, эхо которого, отражаемое горами, казалось раскатами грома и заполняло воздух тяжелыми волнами звуков. Затем он стал затихать и наконец замер совсем. В тишине внезапно прогремел оглушительный королевский салют.

Я подумал про себя, что Игнози был вправе испытывать огромную гордость в этот день, — наверно, ни одного из римских императоров так не приветствовали идущие на смерть гладиаторы.

Игнози выразил свою признательность за это грандиозное выражение почтения тем, что поднял свой боевой топор. Затем Серые построились, образовав три колонны, каждая численностью около тысячи воинов, не считая командиров, и направились к своей позиции. Когда последняя колонна прошла около пятисот ярдов, Игнози стал во главе Буйволов, которые также построились в три колонны. По его команде мы двинулись вперед. Нечего и говорить о том, что я в этот момент возносил самые

горячие молитвы, чтобы мне удалось спасти свою шкуру и выйти невредимым из этой неприятной истории. Мне приходилось бывать в необычайных положениях, но в таком скверном я оказался впервые. Никогда мои шансы на спасение не были так ничтожны.

К тому времени, как мы достигли края плато, Серые прошли уже половину пути, спускаясь по склону холма. У его подножия начинался покрытый травой клин, врезававшийся в центр подковы, которую образовывали отроги холма. Этот клин был похож на стрелку в лошадином копыте, смыкающуюся с подковой. В лагере Твалы, на равнине, было заметно большое движение. Полки один за другим выходили быстрым шагом, переходящим в бег, торопясь достигнуть основания зеленого треугольника прежде, чем атакующие части выйдут на равнину Луу.

Этот клин, примерно сотни три ярдов глубиной даже у основания, был не более трехсот пятидесяти шагов в поперечнике, а в узкой своей части, или вершине, — едва ли девяносто шагов. Спустившись с холма, Серые вышли на вершину зеленого треугольника одной колонной, но, дойдя до места, где треугольник становился достаточно широким, вновь построились в три ряда и замерли на месте.

Тогда мы — то есть Буйволы — также спустились на вершину треугольника и заняли позицию в резерве, примерно на сто ярдов позади последней линии Серых и несколько выше их. Воспользовавшись временным бездействием, мы наблюдали, как вся армия Твалы быстро движется по направлению к нам. Очевидно, со времени утренней атаки успели подойти подкрепления, и в настоящий момент, несмотря на понесенные потери, армия насчитывала не менее сорока тысяч человек. По мере того как наступающие войска приближались к основанию треугольника, они явно начали колебаться — что предпринять дальше, так как увидели, что одновременно только один полк может пройти в ущелье, образованное отрогами холма. Кроме того, на расстоянии примерно семидесяти ярдов от входа в ущелье стоял знаменитый полк Серых, краса и гордость кукуанской армии, готовый преградить им дорогу, подобно тому как некогда трое римлян удерживали мост против тысяч атакующих. Напасть на Серых можно было только с фронта, так как с обоих флангов их защищали высокие склоны холма, покрытые валунами. Наступающие заколебались и наконец остановились. Очевидно, они не очень стремились скрестить свои копья с этими мрачными, мужественными воинами, построенными в три линии и готовыми принять бой. Из рядов наступающих внезапно выбежал какой-то высокий военачальник в обычном головном уборе из страусовых перьев, в сопровождении группы

вождей и ординарцев, — вероятно, это был сам Твала. Он отдал приказ, и первый полк с криком бросился в атаку на Серых, которые продолжали в полном молчании стоять не двигаясь, пока атакующие не оказались на расстоянии ярдов сорока от них и град толл не обрушился со звоном на их ряды.

Тогда внезапным броском Серые с громким криком устремились вперед, подняв свои копья, и оба полка смешались в смертельной рукопашной схватке. В следующее мгновение звон сталкивающихся щитов, подобный раскатам грома, донесся до нашего слуха, и вся равнина, казалось, запылала вспышками солнечного света, отражаемого разящими копьями. Колеблющаяся, подобно морским волнам, масса поражающих друг друга людей раскачивалась из стороны в сторону, но это продолжалось недолго. Внезапно линии атакующих начали заметно редеть, и затем медленной, длинной волной Серые прокатились по ним, совершенно так же, как морская волна нарастает и перекачивается через подводную скалу. Цель была достигнута — полк нападающих был полностью уничтожен, но и от Серых осталось теперь только два ряда. Они потеряли убитыми треть полка.

Вновь сомкнув свои ряды, они стояли плечом к плечу в молчании, ожидая новой атаки. Я с радостью заметил среди них белокурую бороду сэра Генри. Он ходил взад и вперед, устанавливая порядок. Итак, он был еще жив!

Тем временем мы подошли к полю боя, покрытому телами убитых, раненых и умирающих. Их было не менее четырех тысяч человек, и земля была буквально залита кровью. Игнози отдал приказ, который был быстро передан по рядам стоявших в строю. Этот приказ запрещал убивать раненых врагов, и, насколько мы могли видеть, выполнялся неукоснительно. В противном случае зрелище было бы ужасным. Правда, думать об этом у нас не было времени. Второй полк, у воинов которого, в отличие от других, плюмажи, короткие юбочки и щиты были белого цвета, приближался, чтобы атаковать оставшиеся в живых две тысячи Серых, которые стояли, как и в первый раз, в зловещем молчании. И вновь, когда противник подошел на расстояние сорока ярдов или около того, Серые обрушились на него с сокрушительной силой. Вновь послышался оглушительный звон сталкивающихся щитов, и мрачная трагедия повторилась полностью. Некоторое время казалось почти невозможным, что Серым вновь удастся одержать верх. Атакующий полк, состоявший из молодых воинов, сражался необычайно яростно, и сначала казалось, что Серые подаются под напором этой массы людей. Резня была ужасающая,

сотни воинов ежеминутно падали ранеными и убитыми. Среди криков сражающихся и стонов умирающих, сопровождаемых лязгом скрещивающихся копий, слышался непрерывный возглас торжества «S'gee, s'gee!», который издавал победитель в тот момент, когда он вонзал свое копье в тело павшего врага.

Однако превосходная дисциплина, стойкость и мужество могут совершить чудо. Кроме того, один опытный солдат стоит двух новичков — это вскоре стало ясно. Только мы подумали, что Серым пришел конец, и приготовились занять их место, как я услышал низкий голос сэра Генри, покрывающий шум сражения. На мгновение я увидел его боевой топор, которым он вращал в воздухе, высоко над своим плюмажем. Затем произошла какая-то перемена. Серые прекратили отступление. Они стояли неподвижно, как скала, о которую вновь и вновь разбивались яростные волны копьеносцев лишь для того, чтобы откатиться обратно. Внезапно они двинулись вновь, и на этот раз — вперед. Так как не было дыма от огнестрельного оружия, мы могли все ясно видеть. Еще минута — и атака ослабела.

— Да, это настоящие воины! Они вновь одержат победу! — воскликнул Игнози, который скрежетал зубами от волнения, стоя рядом со мной. — Смотри, вот она, победа!

Вдруг, подобно клубам дыма, вырвавшимся из жерла пушки, атакующий полк раскололся на отдельные группы бегущих людей, вслед за которыми летели, развеваясь по ветру, их белые плюмажи. Их противники остались победителями, но — увы! — полка больше не было. От тройной линии доблестных воинов численностью в три тысячи человек, сорок минут назад вступивших в бой, осталось самое большее шесть сотен людей, с ног до головы забрызганных кровью. Остальные лежали убитыми. Размахивая копьями в воздухе, оставшиеся в живых воины издали победный клич. Мы ожидали, что теперь они отойдут туда, где стояли мы, но вместо этого они бросились вперед, преследуя бегущего противника. Пробежав около ста ярдов, они захватили небольшой холм с пологими склонами и, вновь построившись в три ряда, образовали вокруг него тройное кольцо. Затем — о счастье! — я на мгновение увидел сэра Генри, по всей видимости невредимого, стоящим на вершине холма. С ним был наш старый друг Инфадус. Но вот полки Твалы вновь атаковали обреченных на смерть смельчаков, и завязался новый бой. Вероятно, всякий, кто читает эту историю, давно уже понял, что я, честно говоря, немного трусоват и, несомненно, совершенно не стремлюсь ввязываться в сражения. Правда, мне приходилось часто попадать в неприятное

положение и проливать человеческую кровь, но я всегда питал к этому величайшее отвращение и старался, насколько возможно, не терять ни капли собственной крови, иногда даже не стесняясь удирать, если здравый смысл подсказывал мне, что это необходимо. Однако в этот момент я впервые в жизни почувствовал боевой пыл в своей груди. Отрывки воинственных стихов из легенд Инголдзби вместе с кровожадными строками из Ветхого завета вырастали в моей памяти, как грибы в темноте. Кровь моя, которая до этого момента наполовину застыла от ужаса, начала бурно пульсировать в венах, и меня охватило дикое стремление убивать, никого не щадя. Я оглянулся на сомкнутые ряды воинов, стоявших позади нас, и на мгновение меня заинтересовало, такое ли у меня выражение лица, как у них. Они стояли, напряженно вытянув шеи, их руки судорожно вздрагивали, губы были полуоткрыты, свирепые лица выражали безумную жажду боя, глаза смотрели пристальным взглядом ищейки, заметившей свою жертву.

Только сердце Игнози, если судить по его относительной способности владеть собой, билось, очевидно, спокойно, как всегда, под плащом из леопардовой шкуры, хотя и он непрерывно скрежетал зубами. Дальше я не мог выдержать.

— Неужели мы должны стоять здесь, пока мы не пустим корни, Амбопа, то есть Игнози, и ждать, чтобы Твала уничтожил наших братьев там, у холма? — спросил я.

— О нет, Макумазан, — ответил он, — смотри. Настает удобный момент — воспользуемся им!

В это время свежий полк стремительным маневром обошел кольцо Серых у небольшого холма и, повернувшись, атаковал их с тыла.

Тогда, подняв свой боевой топор, Игнози дал сигнал к атаке. Прогредел боевой клич кукуанов, и Буйволы, подобно морскому приливу, стремительно бросились в атаку.

Я не в силах рассказать, что за этим последовало. Я помню только яростный, но планомерный натиск, от которого, казалось, содрогнулась земля, внезапное изменение линии фронта, переформирование полка, против которого была направлена атака, затем страшный удар, приглушенный гул голосов и непрерывное сверканье копий, которое я видел сквозь кроваво-красный туман.

Когда мое сознание прояснилось, я увидел, что стою среди остатка полка Серых, недалеко от вершины холма. Прямо передо мной стоял не кто иной, как сам сэр Генри. Тогда я не имел ни малейшего представления о том, каким образом я туда попал. Сэр Генри впоследствии рассказал мне,

что неистовая атака Буйволов вынесла меня почти прямо к его ногам, где я и остался, когда они подались назад. Он вырвался из кольца, образованного Серыми, и втащил меня внутрь его.

Что же касается сражения, которое последовало за этим, — кто возьмется описать его? Вновь и вновь массы воинов волнами устремлялись на наше ежеминутно уменьшающееся кольцо, вновь и вновь мы отражали их натиск. Мне кажется, что где-то очень красиво рассказано о подобном сражении:

Отвагу копьеносцев я пою!
В непроницаемом, как лес, строю
Они стояли. Тех, кто пал в бою,
Живые заменяли в миг один.

Это было великолепное зрелище. Время от времени отряды противника мужественно переходили вновь в наступление, преодолевая барьеры из трупов своих воинов. Иногда они шли, держа перед собой тела убитых для защиты от ударов наших копий, но шли лишь для того, чтобы добавить к горам мертвецов свои собственные трупы.

Я с восхищением наблюдал, как стойкий старый воин Инфадус совершенно спокойно, как будто на параде, выкрикивал приказания, насмешливые замечания и даже шутил, чтобы поднять дух своих немногочисленных уцелевших воинов. Когда же налетала очередная волна атакующих, он направлялся туда, где завязывался самый горячий бой, чтобы принять личное участие в отражении атаки. И все же еще более великолепное зрелище представлял собой сэр Генри. Страусовые перья, украшавшие его голову, были срезаны ударом копья, и его длинные белокурые волосы развевались по ветру. Он стоял непоколебимо, этот гигант, похожий на древнего датчанина, его руки, топор, кольчуга — все было покрыто кровью, и никто не мог выдержать нанесенного им удара. Время от времени я видел, как он обрушивал свой удар на какого-нибудь отважного воина, осмелившегося вступить с ним в бой. Поражая врага, он кричал «О-хой! О-хой!» — совсем как его беркширские предки. Его удар пробивал щит, ломал в щепки копье, обрушивался на череп врага, пока наконец уже никто по собственной воле не решался приблизиться к великому белому «umtagati» — то есть колдуну, который убивал, оставаясь сам невредимым.

Но внезапно в рядах врагов возник крик: «Твала, Твала!», и из самой гущи атакующих выбежал не кто иной, как сам одноглазый гигант-король,

также вооруженный боевым топором, щитом и одетый в кольчугу.

— Где же ты, Инкубу, ты, белый человек, убийца Скраggi, моего сына? Посмотрим, удастся ли тебе убить меня! — крикнул он, и в тот же самый момент метнул толлу прямо в сэра Генри, который, к счастью, это заметил и подставил навстречу ножу свой щит.

Нож пронзил щит и остался торчать в нем, зажатый железным каркасом. Затем с воплем Твала прыгнул вперед, прямо на сэра Генри, и нанес своим боевым топором такой удар по его щиту, что одно только сотрясения от удара заставило сэра Генри, хоть он и был очень сильным человеком, упасть на колени.

Однако на этом поединок и окончился, так как в тот же момент со стороны теснящих нас полков донесся крик ужаса, и, взглянув туда, куда они смотрели, я понял, что произошло.

Справа и слева равнина была запружена развевающимися плюмажами воинов, устремившихся в атаку. Наши отряды, зашедшие с флангов, пришли к нам на помощь. Лучшего момента для этого нельзя было выбрать. Как и предвидел Игнози, вся армия Твалы сосредоточила свое внимание на кровавой схватке с остатками полка Серых и на сражении с Буйволами, которые вели бой на некотором расстоянии от Серых. Эти два полка, которые вместе образовали основное ядро нашей армии, отвлекли, таким образом, внимание противника, который не помышлял о возможности нападения с флангов, хотя «рога», образуемые фланговыми отрядами, уже почти сомкнулись. И теперь, прежде чем полки Твалы смогли переформироваться для обороны, зашедшие с флангов воины бросились на них, как борзые псы.

Пять минут спустя исход боя был решен. Полки Твалы, охваченные с обоих флангов и измотанные страшной резней с Серыми и Буйволами, обратились в бегство. Вскоре бегущие в панике воины рассыпались по всей равнине, простиравшейся между нами и Луу. Что же касается тех отрядов, которые еще совсем недавно окружили нас и Буйволов, то они внезапно растаяли, как по волшебству, и оказалось, что мы стоим одни, как скала, от которой отхлынуло море. А что за зрелище открылось перед нашими глазами! Вокруг нас груды лежали мертвые и умирающие, а из числа отважных Серых осталось в живых лишь девяносто пять человек. Один этот полк потерял более двух тысяч девятисот человек.

Инфадус стоял, перевязывая рану на руке и время от времени, оглядывая то, что осталось от его полка.

— Воины, — спокойно обратился он к ним, — вы отстояли честь своего полка. О сегодняшнем сражении будут говорить дети ваших детей.

— Затем он обернулся к сэру Генри и пожал ему руку. — Ты великий человек, Инкубу, — просто сказал он. — Я провел свою долгую жизнь среди воинов и знал много отважных людей, но такого, как ты, встречаю впервые.

В это мгновение Буйволы начали проходить мимо нас, направляясь к Луу, и нам передали просьбу Игнози, чтобы Инфадус, сэр Генри и я присоединились к нему. Поэтому, отдав приказ девяти десяткам воинов, оставшимся от полка Серых, подобрать раненых, мы подошли к Игнози. Он сообщил нам, что идет на Луу, чтобы завершить победу и взять в плен Твалу, если это окажется возможным. Пройдя небольшую часть пути, мы вдруг заметили Гуда. Он сидел на муравьиной куче, шагах в ста от нас. Почти вплотную к нему лежал труп кукуанского воина.

— Вероятно, он ранен, — взволнованно сказал сэр Генри.

В тот же момент произошло нечто весьма странное. Мертвое тело кукуанского воина, вернее то, что казалось мертвым телом, внезапно вскочило, сшибло Гуда с муравьиной кучи, так что он полетел вверх тормашками, и начало наносить ему удары копьем. В ужасе мы бросились туда, и, подбежав, увидели, что мускулистый воин тычет копьем в распростертого Гуда, который при каждом таком тычке задирает вверх все свои конечности. Увидев, что мы приближаемся, кукуан в последний раз с особой яростью пырнул копьем Гуда и с криком «Вот тебе, колдун!» — удрал. Гуд не шевелился, и мы решили, что с нашим бедным товарищем все кончено. В большой печали, мы подошли к нему и были весьма удивлены, когда увидели, что, несмотря на бледность и очевидную слабость, он безмятежно улыбается и даже не потерял своего монокля.

— Кольчуга просто замечательная, — прошептал он, когда мы наклонились к нему. — Здорово, я его надул! — И с этими словами он потерял сознание. Осмотрев его, мы обнаружили, что он был серьезно ранен в ногу толлой во время преследования, но копье его последнего противника не причинило ему никакого вреда. Кольчуга спасла его, и он отделался синяками, покрывавшими все его тело. Он удивительно счастливо избежал опасности.

Так как в данный момент мы ничем не могли ему помочь, его положили на щиты, сплетенные из прутьев, которые применялись для переноски раненых, и понесли вслед за нами.

Подойдя к ближайшим воротам города Луу, мы увидели, что один из наших полков по приказу Игнози охраняет их. Остальные полки стояли на страже у других выходов из города. Командир полка подошел и приветствовал Игнози как короля. Затем он доложил ему, что армия Твалы

укрылась в городе, туда же бежал и сам Твала, причем командир полагал, что армия полностью деморализована и готова капитулировать. Выслушав это и посоветовавшись с нами, Игнози отправил гонцов ко всем воротам города, чтобы передать осажденным приказ открыть ворота, а также и королевское слово, обещающее жизнь и прощение всем воинам, которые сложат оружие. Это произвело ожидаемый эффект. Сейчас же под торжествующие крики Буйволов через ров был опущен мост и ворота по ту его сторону распахнулись.

Приняв соответствующие меры предосторожности против возможного предательства, мы вступили в город. Вдоль всех дорог стояли с мрачным и подавленным видом воины. Головы их были опущены, щиты и копья лежали у их ног. Они приветствовали проходящего мимо них Игнози как своего короля. Мы шли все дальше, прямо к краалю Твалы. Когда мы достигли огромной площади, где за день или два до этого происходил смотр войск и затем — охота ведъм, мы увидели, что она совершенно пуста. Нет, совершенно пустой она не была — на дальнем ее конце, перед своей хижинкой, сидел сам Твала, и с ним не было никого, кроме Гагулы.

Это было печальное зрелище — низложенный король, сидящий, опустив голову на кольчугу, облегающую его грудь. Его боевой топор и щит лежали рядом, и с ним оставалась одна только старая карга. Несмотря на все жестокости и злодеяния, совершенные им, я почувствовал, что мной на мгновение овладела жалость к этому поверженному кумиру, упавшему со своего высокого пьедестала. Ни один воин из всей его армии, ни один придворный из числа тех, что ранее пресмыкались перед ним, ни одна из его жен не остались с ним, чтобы разделить горечь падения. Несчастный дикарь! Он был одним из многих, которым судьба дает жестокий урок. Человечество слепо и глухо к тем, на чью голову пал позор; тот, кто унижен и беззащитен, остается одиноким и не может рассчитывать на милосердие. Правду сказать, в данном случае он и не заслуживал милосердия.

Войдя в ворота крааля, мы прошли прямо через площадь туда, где сидел бывший король. Когда мы приблизились на расстояние около пятидесяти ярдов, наш полк остановился, а мы в сопровождении лишь небольшой охраны направились к нему, причем, когда мы шли, Гагула выкрикивала нам навстречу всевозможные оскорбления. Когда мы приблизились, Твала впервые поднял свою украшенную плюмажем голову, пристально глядя на своего счастливого соперника Игнози единственным глазом, в котором сдерживаемая ярость, казалось, сверкала так же ярко, как огромный алмаз у него на лбу.

— Приветствую тебя, о король! — сказал он с горькой насмешкой в

голосе. — Ты, кто ел мой хлеб, а теперь с помощью колдовства белых людей внес смуту в мои полки и разбил мою армию, — приветствую тебя! Какую участь ты мне готовишь, о король?

— Таковую же, какая постигла моего отца, на троне которого ты сидел все эти долгие годы! — последовал суровый ответ.

— Хорошо. Я покажу тебе, как надо умирать, чтобы ты мог припомнить это, когда пробьет твой час. Смотри — там, где садится солнце, небо покрыто кровью, — и он указал своим окровавленным боевым топором на огненный диск заходящего солнца. — Хорошо, что и мое солнце скроется вместе с ним. А теперь, о король, я готов умереть, но я прошу тебя не лишать меня права умереть в бою^[55], которое даровано всем членам королевского дома кукуанов. Ты не можешь отказать мне в этом, или даже те трусы, которые сегодня бежали с поля боя, будут смеяться над тобой.

— Я разрешаю тебе это. Выбирай же, с кем ты желаешь сражаться. Сам я не могу драться с тобой, так как король сражается только на войне.

Мрачный глаз Твалы оглядел наши ряды. На мгновение мне показалось, что он задержал свой взгляд на мне, и я задрожал от ужаса. А что, если он решил начать поединок с меня? Разве я мог рассчитывать на победу над этим неистовым дикарем ростом в шесть с половиной футов и такого могучего телосложения? В таком случае я мог бы с равным успехом немедленно покончить с собой. Я поспешно принял решение отказаться от поединка, даже если бы в результате этого меня с позором выгнали из Страны Кукуанов. По-моему, все-таки лучше, если вас с насмешками выгонят вон, чем изрубят на части боевым топором.

Внезапно он заговорил:

— Что скажешь ты, Инкубу? Не завершить ли нам то, что мы начали сегодня, или мне придется назвать тебя жалким трусом?

— Нет, — прервал его Игнози, — ты не должен сражаться с Инкубу.

— Конечно, нет, если он страшится этого, — сказал Твала.

К несчастью, сэр Генри понял это замечание, и кровь бросилась ему в лицо.

— Я буду с ним сражаться, — сказал он. — Он увидит, боюсь ли я его!

— Ради бога, — умоляюще обратился к нему я, — не рискуйте своей жизнью, сражаясь с этим отчаянным человеком! Ведь всякий, кто видел вас сегодня во время боя, знает, что вы не трус.

— Я буду с ним биться, — угрюмо ответил сэр Генри. — Никто не смеет называть меня трусом. Я готов! — И, сделав шаг вперед, он поднял свой топор.

Я был в отчаянии от этого нелепого донкихотского поступка, но, конечно, если уж он решил сражаться, я ничего не мог с ним поделать.

— Не сражайся с ним, мой белый брат, — обратился к сэру Генри Игнози, дружески положив руку на его плечо, — ты достаточно уже сделал сегодня. Если ты пострадаешь от его руки — это рассечет надвое мое сердце.

— Я буду с ним биться, Игнози, — повторил сэр Генри.

— Что ж, тогда иди, Инкубу. Ты отважный человек. Это будет хороший бой. Смотри, Твала, Слон готов встретить тебя в бою.

Бывший король дико расхохотался, шагнул вперед и стал лицом к лицу с Куртисом. Мгновение стояли они таким образом. Лучи заходящего солнца озарили их мужественные фигуры и одели их обоих в огненную броню. Это была подходящая пара.

Затем они начали описывать круги, обходя друг друга с поднятыми боевыми топорами.

Внезапно сэр Генри сделал прыжок вперед и нанес своему противнику ужасающий удар, но Твала успел отступить в сторону. Удар был так силен, что сэр Генри чуть не упал сам. Его противник мгновенно воспользовался этим обстоятельством. Вращая над головой свой тяжелый боевой топор, он вдруг обрушил его с такой невероятной силой, что у меня душа ушла в пятки. Я думал, что все уже кончено. Но нет — быстрым движением левой руки сэр Генри поднял щит и заслонился от удара топора. В результате топор отсек край щита, и удар пришелся сэру Генри по левому плечу. Однако щит настолько ослабил удар, что он не причинил особого вреда. Сэр Генри сейчас же нанес новый удар противнику, но Твала также принял его на свой щит. Затем удары последовали один за другим. Противникам пока удавалось или уклоняться от них, или закрываться щитом. Кругом нарастало общее волнение. Полк, который наблюдал поединок, забыл о дисциплине; воины подошли совсем близко, и при каждом ударе у них вырывались крики радости или вздохи отчаяния. Как раз в это время Гуд, которого, когда мы пришли, положили на землю рядом со мной, очнулся от обморока и, сев, начал наблюдать за происходящим. Через мгновение он вскочил на ноги и, схватив меня за руку, начал прыгать с места на место на одной ноге, таская меня за собой и выкрикивая ободряющие замечания сэру Генри.

— Валяй, старина! — орал он. — Вот это удар! Целься в центр корабля! — и так далее.

Сэр Генри, загородившись щитом от очередного удара, вдруг сам ударил со всей своей силой. Удар пробил щит противника и прочную

броню, прикрытую им, и нанес Твале глубокую рану в плечо. С воплем ярости и боли Твала вернул удар с процентами, с такой силой, что он рассек рукоятку боевого топора сэра Генри, сделанную из кости носорога и охваченную для прочности стальными кольцами, и ранил Куртиса в лицо.

Вопль отчаяния вырвался из толпы Буйволов, когда они увидели, что широкое лезвие топора нашего героя упало на землю. А Твала вновь поднял свое страшное оружие и с криком бросился на своего противника. Я закрыл глаза. Когда я открыл их вновь, я увидел, что щит сэра Генри валяется на земле, а сам он, охватив своими мощными руками Твалу, борется с ним. Они раскачивались взад и вперед, сжимая друг друга в медвежьих объятиях, напрягая свои могучие мускулы в отчаянной борьбе, отстаивая жизнь, драгоценную для каждого, и еще более драгоценную честь. Сверхчеловеческим усилием Твала заставил англичанина потерять равновесие, и оба они упали и, продолжая бороться, покатались по известняковой мостовой. Твала все время пытался нанести Куртису удар по голове своим боевым топором, а сэр Генри силился пробить кольчугу Твалы своей толлой, которую вытащил из-за пояса. Этот поединок гигантов представлял собой ужасающее зрелище.

— Отнимите у него топор! — вопил Гуд, и, возможно, что наш боец услышал его.

Во всяком случае, бросив свою толлу, он ухватился за топор, который был прикреплен к руке Твалы ремешком из кожи буйвола. Катаясь по земле и тяжело дыша, они дрались за топор, как дикие кошки. Внезапно кожаный ремешок лопнул, и затем с огромным усилием сэр Генри вырвался из объятий Твалы. Оружие осталось у него в руке. В следующую секунду он вскочил на ноги. Из раны на его лице струилась алая кровь. Вскочил также и Твала. Вытащив из-за пояса тяжелую толлу, он обрушился на Куртиса и нанес ему удар в грудь. Сильный удар попал в цель, но тот, кто сделал эту кольчугу, в совершенстве владел своим искусством, потому что она выдержала удар стального ножа. С диким криком Твала нанес новый удар. Его тяжелый нож вновь отскочил от стальной кольчуги, заставив сэра Генри пошатнуться. Твала опять пошел на своего противника. В это время наш отважный англичанин собрал все свои силы и со всего размаха обрушил на Твалу удар своего топора. Взволнованный крик вырвался из тысячи глоток, и свершилось невероятное! Казалось, что голова Твалы спрыгнула с плеч и, упав, покатилась, подпрыгивая, по земле прямо к Игнози и остановилась как раз у его ног. Еще секунду труп продолжал стоять. Кровь была фонтаном из перерезанных артерий. Затем он рухнул на землю, и золотой обруч, соскочивший с шеи, покатился по земле. В это время сэр Генри,

ослабевший от потери крови, тяжело упал прямо на обруч.

Через секунду его подняли; чьи-то заботливые руки обмыли холодной водой его лицо. Вскоре его большие серые глаза открылись.

Он был жив.

Как раз в тот момент, когда зашло солнце, я подошел туда, где в пыли лежала голова Твалы, снял алмаз с мертвого чела и подал его Игнози.

— Возьми его, законный король кукуанов! — сказал я.

Игнози увенчал диадемой свое чело и затем, подойдя к мертвому телу, поставил ногу на широкую грудь своего обезглавленного врага и начал победную песнь, такую прекрасную и одновременно такую дикую, что я не в силах передать ее великолепия. Как-то я слышал, как один знаток греческого языка читал вслух очень красивым голосом произведение греческого поэта Гомера, и помню, что я замер от восхищения при звуке этих плавных, ритмических строк. Песнь Игнози на языке столь же прекрасном и звучном, как древнегреческий, произвела на меня совершенно такое же впечатление, несмотря на то, что я был очень утомлен событиями и переживаниями последних дней.

— Наконец, — начал он, — наконец наше восстание увенчано победой и зло, причиненное нами, оправдано нашей силой!

В это утро наши враги поднялись и стряхнули сон. Они украсили себя перьями и приготовились к бою.

Они поднялись и схватили свои копья. Воины призвали вождей: «Придите и ведите нас», а вожди призвали короля и сказали ему: «Руководи нами в бою».

Они поднялись в своей гордости, эти двадцать тысяч воинов, и еще двадцать тысяч.

Перья, украшавшие их головы, покрыли землю, как перья птицы покрывают ее гнездо. Они потрясали своими копьями и кричали, да, они высоко подбрасывали свои копья, сверкавшие в солнечном свете. Они жаждали боя и были полны радости.

Они двинулись против меня. Сильнейшие из них бежали, чтобы сокрушить меня. Они кричали: «Ха! Ха! Его можно считать уже мертвецом!»

Тогда ядохнул на них — и мое дыхание было подобно дыханию бури, и они перестали существовать.

Мои молнии пронзили их. Я уничтожил их силу, поразив их молнией своих копий. Я поверг их во прах громом моего голоса.

Их ряды раскололись, они рассыпались, они исчезли, как утренний туман.

Они пошли на корм воронам и лисицам, и поле боя пресытилось их кровью.

Где же те сильные, которые поднялись утром?

Где же те гордые, которые кричали: «Его можно считать уже мертвецом!», чьи головы были украшены перьями, реявшими по воздуху?

Они склоняют свои головы — но не сон клонит их. Они лежат, как спящие, — но это не сон.

Они забыты. Они ушли во тьму и не вернутся вновь. Другие уведут их жен, и дети позабудут о них.

А я — король! Подобно орлу, я нашел свое гнездо.

Внемлите! Далеко я забрел во время своих скитаний, когда ночь была темна, но я вернулся в свой родной дом, когда занялась заря.

Придите же под сень моих крыльев, о люди, и я утешу вас, и страх и уныние уйдут.

Настало счастливое время, время вознаграждения.

Мне принадлежит скот, который пасется в долинах, и девы в краалях также принадлежат мне.

Зима прошла, наступает пора лета.

Теперь Зло закроет свое лицо от стыда, и Благоденствие расцветет в стране подобно лилии.

Ликуй, ликуй, мой народ! Пусть ликует вся страна, потому что во прах повергнута тирания, потому что я король!

Он умолк, и из сгущающихся сумерек звучным эхом донесся ответ:

— Ты — наш король!

Таким образом, слова, сказанные мною посланцу Твалы, оказались пророческими. Не прошло с тех пор и сорока восьми часов, а обезглавленный труп Твалы уже застывал у ворот его крааля.

Глава XV . Болезнь Гуда

Когда поединок окончился, сэра Генри и Гуда отнесли в хижину Твалы, куда последовал и я.

Оба они были едва живы от потери крови и крайнего утомления, да и мое состояние было немногим лучше. Хотя я человек крепкий и выносливый и могу выдержать большее напряжение, чем многие другие, благодаря тому что худощав, хорошо закален и тренирован, но в тот вечер я тоже едва стоял на ногах. Когда же я бываю переутомлен, рана, нанесенная мне львом, особенно сильно меня мучает. К тому же моя голова буквально раскалывалась на части от полученного утром удара, после которого я лишился чувств.

В общем, трудно было себе вообразить более жалкое трио, чем то, которое представляли мы собой в тот памятный вечер. Мы утешали себя тем, что нам еще необыкновенно повезло, так как хотя наше состояние было весьма печальным, но мы были живы, тогда как многие тысячи храбрых воинов, еще утром полные жизни и сил, теперь лежали мертвыми на поле битвы.

Кое-как с помощью прекрасной Фулаты, которая, с тех пор как мы ее спасли от неминуемой гибели, добровольно стала нашей служанкой, и в особенности заботилась о Гуде, нам удалось стащить с себя кольчуги, несомненно спасшие жизнь двоим из нас, и тут увидели, что мы все покрыты ссадинами и синяками. Хотя стальные кольца кольчуги и помешали копьям вонзиться в наше тело, но предохранить нас от этих синяков и ссадин они, конечно, не могли. У сэра Генри и Гуда все тело было сплошь покрыто кровоподтеками, да и у меня их было немало. Фулата принесла нам какое-то лекарство из растертых листьев с очень приятным запахом, которое значительно облегчило наши страдания, когда мы его приложили, как пластырь, к больным местам. Но хотя кровоподтеки и были болезненны, они не так нас тревожили, как раны сэра Генри и Гуда. У капитана была сквозная рана в мягкой части его «прекрасной белой ноги», и он потерял много крови, а у сэра Генри, помимо прочих повреждений, была глубокая рана на верхней челюсти, которую ему нанес боевой топор Твалы.

К счастью, Гуд — очень недурной хирург, и, как только нам принесли его маленький ящик с лекарствами, он тщательно промыл обе раны и затем, несмотря на тусклый свет примитивной кукуанской лампы, находящейся в

хижине, ухитрился довольно тщательно их зашить. После этого он густо смазал раны какой-то антисептической мазью, маленький горшочек которой находился в его аптечке, и мы перевязали их остатками носового платка.

Тем временем Фулата сварила нам крепкий бульон, так как мы были слишком слабы, чтобы есть иную пищу. Кое-как проглотив его, мы бросились на груды великолепных каросс — ковров из звериных шкур, разбросанных по полу большой хижины убитого короля. И вот странная ирония судьбы: на собственном ложе Твалы, под его собственным плащом спал той ночью сэр Генри — человек, который его убил! Я говорю «спал», но после дневного побоища спать было, конечно, трудно. Начать с того, что воздух в буквальном смысле слова был полон «по дорогим погибшим горького рыдания и с умирающими скорбного прощания». Со всех сторон доносились вопли и жалобные причитания женщин, потерявших в битве мужей, сыновей и братьев. И неудивительно, что они так горько плакали, потому что в этом страшном сражении было уничтожено свыше двадцати тысяч воинов, то есть третья часть кукуанской армии. У меня сердце разрывалось на части, когда я лежал и слушал эти стоны и рыдания по тем, кто никогда уже более не вернется. И только тогда я особенно ясно осознал весь ужас того, что произошло в угоду человеческому честолюбию.

К полуночи непрерывные крики и причитания стали понемногу стихать, и наступила тишина, время от времени нарушаемая протяжными, пронзительными воплями, доносившимися из хижины, стоявшей позади нашей: это Гагула выла над бездыханным телом Твалы.

Наконец я заснул беспокойным сном, вздрагивая и беспрестанно просыпаясь. Мне все казалось, что я снова являюсь действующим лицом трагедии, разыгравшейся в течение последних суток: то я видел, что воин, которого я собственной рукой послал на смерть, вновь на меня нападает на вершине холма, то я опять находился в славном кольце Серых, стяжавших себе бессмертие в бою против полков Твалы, то украшенная плюмажем окровавленная голова самого Твалы катилась мимо моих ног, скрежеща зубами и свирепо сверкая своим единственным глазом.

Но так или иначе, эта ночь наконец прошла. Когда же наступил рассвет, я увидел, что мои товарищи спали не лучше меня. У Гуда была сильная лихорадка, и вскоре он начал бредить, а также, к моей величайшей тревоге, харкать кровью. Вероятно, это был результат какого-нибудь внутреннего кровоизлияния, вызванного отчаянными усилиями кукуанского воина проткнуть кольчугу Гуда своим огромным копьем. Зато сэр Генри чувствовал себя значительно лучше и был довольно свеж и бодр,

хотя все его тело болело и онемело до такой степени, что он едва мог двигаться, а из-за раны на лице он не мог ни есть, ни смеяться.

Около восьми часов утра нас пришел навестить Инфадус. Он сказал, что не спал всю ночь и даже еще не ложился: потрясения минувшего дня, по-видимому, мало на нем отразились — это был старый, закаленный в боях воин. Инфадус был очень рад нас видеть и сердечно пожал нам руки, хотя его сильно огорчило тяжелое состояние Гуда. Я заметил, что он относится к сэру Генри с благоговением, словно он не был обыкновенным человеком, и действительно, впоследствии мы узнали, что вся Страна Кукуанов считала могучего англичанина сверхъестественным существом. Воины говорили, что ни один человек не может сравниться с ним в бою, и удивлялись, как после такого утомительного кровавого дня он смог вступить в единоборство с самим Твалой — королем и сильнейшим в стране воином — и одним взмахом перерубить его бычьей шеей. Этот удар вошел у Кукуанов в пословицу, и с тех пор проявление исключительной силы или необыкновенный военный подвиг были известны в стране как «удар Инкубу».

Инфадус сообщил нам, что все полки Твалы подчинились Игнози и что такие же изъявления покорности прибывают от военачальников всей Страны Кукуанов.

Смерть Твалы от руки сэра Генри положила конец всем волнениям, так как Скрагга был единственным сыном низвергнутого короля и, таким образом, у Игнози не осталось в живых ни одного соперника, который мог бы претендовать на королевский престол.

Когда я сказал Инфадусу, что Игнози пришел к власти через потоки крови, старый воин пожал плечами:

— Да, — ответил он, — только время от времени проливая кровь, можно держать в спокойствии кукуанский народ. Да, много убито, но остались женщины, и скоро подрастут новые воины, которые займут места тех, кто пал. Теперь страна на некоторое время успокоится.

После посещения Инфадуса, в то же утро, к нам ненадолго пришел Игнози. Голова его была увенчана королевской диадемой. Глядя на него, когда он приближался к нам с царственным величием, окруженный подобострастной свитой, я невольно вспомнил высокого зулуса, который всего несколько месяцев назад пришел к нам в Дурбане просить принять его в услужение. И я невольно подумал о превратностях судьбы и о том, как неожиданно изменяет свой ход колесо фортуны.

— Привет, о король! — сказал я вставая.

— Да, Макумазан, наконец я король. И все по милости ваших трех

правых рук!

Игнози сообщил нам, что у него все идет хорошо и что он надеется через две недели устроить большое празднество, чтобы показаться на нем своему народу.

Я спросил его, что он решил сделать с Гагулой.

— Она злой дух нашей страны, — ответил он. — Я ее убью и вместе с нею всех охотниц за колдунами. Она столько жила, что никто не может вспомнить то время, когда она не была стара, и это она обучала чародейству охотниц за колдунами. Небеса, находящиеся над нами, видят, что именно Гагула сделала нашу страну такой жестокой.

— Однако она многое знает, — возразил я. — Уничтожить знания легче, чем их собрать, Игнози.

— Это верно, — ответил он задумчиво. — Она и только она знает тайну Трех Колдунов, которые находятся там, где проходит Великая Дорога, где погребены наши короли и сидят Молчаливые.

— И где находятся алмазы! Не забудь своего обещания, Игнози! Ты должен повести нас в копи, даже если для этого тебе придется пощадить жизнь Гагулы, так как она одна знает туда дорогу.

— Я этого не забуду, Макумазан, и подумаю над твоими словами.

После посещения Игнози я пошел взглянуть на Гуда и нашел его в сильнейшем бреде. Лихорадка, вызванная раной, крепко в нем засела, и ему с каждым часом становилось все хуже и хуже. В течение четырех или пяти дней он был почти безнадежен. Я совершенно уверен, что он умер бы, если бы Фулата так самоотверженно за ним не ухаживала. Женщины остаются женщинами во всем мире, независимо от цвета их кожи.

Я с удивлением наблюдал, как эта темнокожая красавица день и ночь, склонившись над ложем человека, сжигаемого лихорадкой, исполняла все обязанности, связанные с уходом за больным, как опытная сестра милосердия. Первые две ночи я пытался ей помочь, так же как и сэр Генри, насколько ему позволяло его состояние, так как он сам едва двигался, но Фулате не нравилось наше вмешательство, и она с трудом его переносила. В конце концов она настояла на том, чтобы мы предоставили уход за Гудом ей одной, ссылаясь на то, что наше присутствие его беспокоит.

Думаю, что в этом отношении она была права. День и ночь она бодрствовала и ухаживала за ним, отгоняя от него мух и давая ему только одно лекарство — прохладительное питье из молока, настоянного на соке луковицы из породы тюльпановых. Как сейчас, вижу я эту картину, которую мог наблюдать ночь за ночью при свете нашей тусклой лампы. Гуд, мечущийся из стороны в сторону, с исхудалым лицом, с блестящими,

широко открытыми глазами, беспрерывно бормочущий всякий вздор, и сидящая близ него на полу, прислонившись к стене хижины, стройная кукуанская красавица. Ее усталое лицо с бархатными глазами было одухотворено бесконечным состраданием. А может быть, это было что-то большее, чем сострадание?

В течение двух дней мы были уверены, что Гуд умрет, и бродили по нашему краалу в состоянии глубочайшего уныния.

Только одна Фулата не думала так и все время говорила, что он будет жить.

На расстоянии трехсот ярдов и даже больше вокруг главной хижины Твалы царила полная тишина. По приказу короля все, кто жил в домах позади этой хижины, были выселены, кроме сэра Генри и меня, чтобы никакой шум не долетал до ушей больного. Однажды ночью, на пятый день болезни Гуда, перед тем как лечь спать, я, как обычно, пошел его проведать.

Я тихо вошел в хижину. Лампа, поставленная на пол, освещала фигуру Гуда. Он больше не метался, а лежал совершенно неподвижно.

Итак, это свершилось! Сердце мое сжалось, и из груди вырвался звук, похожий на рыдание.

— Тсс!... — донеслось до меня, и я увидел какую-то неясную черную тень у изголовья Гуда.

Тогда, осторожно подойдя ближе, я увидел, что он не был мертв, а спал глубоким сном, крепко сжимая своей исхудалой белой рукой точеные пальцы Фулаты. Кризис миновал, и он должен был жить! Так он спал восемнадцать часов подряд, и боюсь сказать, так как вряд ли кто мне поверит, но в течение всего этого времени эта преданная девушка сидела около него, не осмеливаясь пошевелинуться и освободить свою руку, чтобы он не проснулся. Никто никогда не узнает, как она должна была страдать и как, вероятно, затекло все ее тело, не говоря уж о том, что в течение этих восемнадцати часов она ничего не пила и не ела. Когда же Гуд проснулся и выпустил ее руку, бедную девушку пришлось унести — так затекли ее ноги и руки.

Как только в здоровье Гуда произошел этот перелом к лучшему, он стал быстро поправляться. И только тогда сэр Генри рассказал ему, чем он обязан Фулате, как она в течение восемнадцати часов сидела у его изголовья, боясь сделать малейшее движение, чтобы его не разбудить. На глазах честного моряка показались слезы, он повернулся и тотчас же пошел в хижину, где Фулата готовила нам полуденную трапезу, так как к этому времени мы снова вернулись в свои хижины.

Он взял меня в качестве переводчика на тот случай, если она его не

поймет, хотя должен сказать, что Фулата обычно понимала его удивительно хорошо, несмотря на то, что его познания в иностранных языках, в том числе и зулусском, были чрезвычайно ограничены.

— Скажите ей, — сказал Гуд, — что я обязан ей жизнью и никогда не забуду ее доброту.

Я перевел эти слова и увидел, как ярко она вспыхнула, несмотря на свою темную кожу.

Повернувшись к нему одним из тех быстрых и грациозных движений, которые мне всегда напоминали полет дикой птицы, она тихо ответила, взглянув на Гуда своими большими темными глазами:

— Мой господин забывает: разве не он спас мою жизнь и разве я не служанка моего господина?

Надо заметить, что эта молодая леди, очевидно, совсем забыла о том, что и мы с сэром Генри принимали участие в ее спасении из когтей Твалы. Но так уж созданы женщины! Я помню, моя дорогая жена поступала точно так же. Надо сказать, что после этой беседы я вернулся домой с тяжелым сердцем: мне не понравились нежные взгляды мисс Фулаты, ибо мне была знакома роковая влюбчивость моряков вообще и Гуда в частности.

Мною обнаружены две вещи на свете, которых нельзя предотвратить: это удержать зулуса от драки, а моряка — от того, чтобы он не влюбился.

Через несколько дней после разговора Гуда с Фулатой Игнози созвал Великий Совет, называемый в Стране Кукуанов «индаба», на котором «индуны» — то есть старейшины — официально признали его королем.

Вся эта церемония произвела сильное впечатление, так же как и последовавший за нею величественный смотр войск. Остатки Серых принимали в этот день участие в грандиозном параде, и перед лицом всей армии им была объявлена благодарность за их исключительную отвагу в великой битве против Твалы. Каждого из этих воинов король одарил большим количеством скота и всех их произвел в военачальники в новом полку Серых, находившемся в процессе формирования. По всей Стране Кукуанов было обнародовано, что нас троих, пока мы оказывали им честь своим присутствием, должны приветствовать королевским салютом и воздавать нам те же почести, что и королю. Было так же провозглашено, что нам предоставлена власть над жизнью и смертью людей. В присутствии всех собравшихся Игнози еще раз подтвердил свои обещания, что человеческая кровь не будет проливаться без суда и что охота за колдунами будет прекращена.

После окончания торжества, оставшись наедине с Игнози в его хижине, куда мы пришли навестить его, мы сказали ему, что хотим знать

тайну копей, к которым вела Великая Дорога, и спросили его, не узнал ли он что-нибудь об этом.

— Друзья мои, — ответил он, — вот что я узнал. Это там сидят три огромных изваяния, называемые у нас Молчаливыми, которым Твала хотел принести в жертву Фулату. Это там, в огромной пещере глубоко в горах, хоронят наших королей. Там теперь можно видеть мертвое тело Твалы, сидящее с теми, кто ушел из жизни раньше его. Там же находится глубочайший колодец, который вырыли давно умершие люди, чтобы добыть себе камни, о которых вы говорите. Когда я жил в Натале, я слышал от людей, что такие колодцы есть в Кимберли^[56]. Там же, в Чертоге Смерти, находится тайник, который был известен только Твале и Гагуле. Но Твала, зная о нем, мертв, я же не знаю ни тайника, ни того, что в нем находится. У нас в стране существует предание о том, что много поколений назад один белый человек перешел наши горы. Какая-то женщина повела его в этот тайник и показала ему спрятанные там сокровища. Но прежде чем он успел их взять, она предала его, и в тот же день король выгнал его из страны в горы, и с той поры ни один человек туда не входил.

— Это, наверно, так и было, Игнози. Ведь мы нашли в горах белого человека, — сказал я.

— Да, мы видели его. А теперь, поскольку я обещал вам, что, если вы найдете этот тайник и если там действительно есть камни...

— Алмаз на твоём челе доказывает, что они существуют, — прервал я его, указывая на громадный камень, который я сорвал со лба мертвого Твалы. — Может быть, — сказал он. — Если камни там, вы возьмите их столько, сколько сможете унести с собой отсюда, если вы в самом деле захотите покинуть меня, братья мои.

— Прежде всего мы должны найти тайник, — сказал я.

— Только один человек может показать его вам — это Гагула.

— А если она не захочет?

— Тогда она умрет, — сурово ответил Игнози. — Только для этого я сохранил ей жизнь. Погодите! Она сама должна сделать выбор — жить ей или умереть.

И, позвав слугу, он приказал привести Гагулу.

Через несколько минут старая карга вошла, подгоняемая двумя стражниками, которых она всю дорогу проклинала.

— Оставьте ее, — приказал король.

Как только они вышли, эта мерзкая старая груда тряпок, ибо она была похожа именно на узел старого тряпья, из которого горели два ярких, злых, как у змеи, глаза, упала на пол, как бесформенная масса.

— Что ты хочешь со мной сделать, Игнози? — запищала она. — Ты не смеешь меня трогать. Если ты до меня дотронешься, я уничтожу тебя на месте. Берегись моих чар!

— Твое колдовство не могло спасти Твалу, старая волчица, и не может причинить мне вреда, — ответил он. — Слушай, вот что я хочу от тебя: ты покажешь тайник, где находятся сверкающие камни.

— Ха-ха-ха! — захохотала старая ведьма. — Никто этого не знает, я же ничего тебе не скажу. Белые дьяволы уйдут отсюда с пустыми руками.

— Ты мне все скажешь. Я заставлю тебя сказать.

— Каким образом, о король? Ты велик, но может ли все твое могущество вырвать правду из уст женщины?

— Это трудно, но все же я это сделаю.

— Как же ты это сделаешь, о король?

— Если ты не скажешь, ты умрешь медленной смертью.

— Умру? — завизжала она в ужасе и ярости. — Ты не смеешь меня трогать! Человек! Ты не знаешь, кто я. Сколько ты думаешь, мне лет? Я знала ваших отцов и отцов ваших отцов. Когда страна была молода, я уже была здесь, когда страна состарится, я все еще буду здесь. Я не могу умереть. Меня лишь могут случайно убить, но никто не посмеет этого сделать.

— Все же я убью тебя. Слушай, Гагула, мать зла, ты так стара, что не можешь больше любить жизнь. Что может дать жизнь такой ведьме, как ты, не имеющей ни человеческого образа, ни волос, ни зубов — ничего, кроме ненависти и злых глаз? Я окажу тебе милость, если убью тебя, Гагула.

— Ты глупец! — снова завизжала женщина. — Проклятый глупец! Ты думаешь, что жизнь сладка только для молодых? В таком случае, ты ничего не знаешь о человеческом сердце. Молодые иногда приветствуют смерть, ибо они умеют чувствовать. Они любят и страдают, они сокрушаются, когда их возлюбленные уходят в мир теней. Но старые лишены этих чувств, они не любят, и — ха! ха! — они смеются, когда видят, как другие уходят во мрак. Ха-ха! Они радуются, когда видят зло, существующее под солнцем. Все, что они любят, — это жизнь, теплое-теплое солнце и сладкий-сладкий воздух. Они боятся холода — холода и мрака. Ха-ха-ха! — И старая ведьма корчилась и дико хохотала, катаясь по полу.

— Прекрати свое злобное шипенье и отвечай мне! — гневно сказал Игнози. — Покажешь ты место, где хранятся камни, или нет? Если нет, то ты умрешь, и умрешь сейчас же! — И, схватив копье, но поднял его над нею.

— Я не покажу вам это место, ты не смеешь меня убивать, не смеешь!

Тот, кто меня убьет, будет навеки проклят!

Игнози медленно опустил копье, и его острие укололо грудь тряпок.

С диким воплем Гагула вскочила на ноги, потом упала и снова начала кататься по полу.

— Я согласна показать это место! Согласна! Только дай мне жить! Позволь мне греться на солнце и иметь кусок мяса, чтобы его сосать, и я все тебе покажу.

— Хорошо. Я знал, что найду способ образумить тебя. Завтра ты отправишься туда с Инфадусом и моими белыми братьями. Берегись обмануть меня, потому что тогда ты умрешь медленной смертью. Я сказал.

— Я не обману, Игнози. Я всегда держу свое слово. Ха! Ха! Ха!

Однажды, давным-давно, одна женщина показала этот тайник белому человеку — и что же? Горе пало на его голову! — И при этих словах ее злые глаза загорелись. — Ее тоже звали Гагулой. Может быть, это была я?

— Ты лжешь! — сказал я. — После того прошло десять поколений.

— Может быть, может быть. Когда живешь так долго, забываешь. Может быть, мать моей матери мне это рассказывала, но женщину ту звали Гагулой, это я точно знаю. Запомните! — сказала она, обращаясь к нам. — В том месте, где хранятся сверкающие игрушки, вы найдете мешок из козьей шкуры, наполненный камнями. Его наполнил белый человек, но он не мог взять его с собой: беда пала на его голову, говорю я, беда пала на его голову! Может быть, мать моей матери рассказывала мне об этом... Наш путь будет веселым — по дороге мы увидим тела тех, кто погиб в битве. Их глаза уже выклеваны воронами, а ребра обглоданы хищниками. Ха! Ха! Ха!

Глава XVI . Чертог смерти

Шел третий день после сцены, описанной в предыдущей главе. Было уже темно, когда все мы расположились на отдых в нескольких хижинах у подножия Трех Колдунов — так назывались три горы, образовывавшие треугольник, у вершины которого оканчивалась Великая Дорога царя Соломона. Нас сопровождали Фулата, которая последовала за нами главным образом из-за Гуда, Инфадус, Гагула и отряд слуг и охраны. Гагулу несли на носилках, и оттуда весь день слышались ее бормотанье и ругань.

Горы, или, точнее, три горные вершины, возникшие, очевидно, в результате одного и того же геологического сдвига, как я уже сказал, были расположены в форме треугольника, основание которого было обращено к нам. Одна вершина была справа от нас, другая — слева, а третья — прямо перед нами. Никогда я не забуду зрелища, которое представилось нашим глазам утром следующего дня, когда мы увидели эти три величественные вершины, освещенные лучами солнца. Высоко-высоко над нами вздымались в синее небо их снеговые венцы. Там, где кончался снежный покров, горы были пурпурного цвета от сплошь покрывавшего их вереска. Такого же цвета были и поросшие вереском торфянистые болота, которые поднимались из долины на склоны гор. Прямо перед нами, как белая лента, пролегла Великая Дорога царя Соломона, взбегая вверх, к подножию средней вершины, находившейся от нас примерно в пяти милях. Там дорога оканчивалась.

Трудно описать чувство огромного волнения, с которым мы отправились в то утро в дальнейший путь. Пусть лучше читатель сам постарается представить себе наше состояние. Ведь наконец мы приблизились к этим удивительным копиям, которые были причиной трагической гибели не только старого португальца три столетия назад, но и его злополучного потомка, а также, как мы предполагали, и брата сэра Генри, Джорджа Куртиса.

Был ли нам после всего, что нам пришлось перенести, уготован лучший удел? Их постигло несчастье, как сказала эта старая ведьма Гагула. Не такова ли будет и наша судьба? Так или иначе, когда мы проходили последний участок этой замечательной дороги, я не мог отделаться от чувства суеверного страха и думаю, что то же самое испытывали Гуд и сэр Генри.

Не менее полутора часов мы шагали вперед по окаймленной вереском дороге. От волнения мы шли настолько быстро, что люди, которые несли Гагулу, едва поспевали за нами, а из носилок слышался ее пронзительный голос, требовавший, чтобы мы остановились.

— Идите помедленнее, белые люди! — кричала она, выставя свою жуткую сморщенную физиономию из-за занавесок и устремив на нас пристальный взгляд своих горящих глаз. — Зачем так спешить навстречу гибели, которая вас ожидает, искатели сокровищ! — И она рассмеялась своим жутким смехом, от которого по моему телу всегда пробегала холодная дрожь. На короткое время этот смех охладил наш пыл.

Однако мы упорно продолжали идти вперед. Наконец мы увидели прямо перед собой большую круглую яму с пологими склонами, не менее трехсот футов глубиной и более полумили в окружности.

— Вы, конечно, догадываетесь, что это такое? — обратился я к сэру Генри и Гуду, которые в изумлении заглядывали в это огромное воронкообразное углубление.

Они отрицательно покачали головой.

— В таком случае мне ясно, что вам никогда не приходилось видеть алмазные копи в Кимберли. Можете быть уверены, что это и есть алмазные копи царя Соломона. Смотрите сюда, — сказал я, указывая на твердый голубой ил, который виднелся кое-где среди травы и кустарника, покрывавших склоны копи. — Это типичная геологическая формация. Я уверен, что, если бы мы спустились в эту копь, мы обнаружили бы алмазонаосные трубки, заполненные кимберлитовой магмой или алмазосодержащей брекчией^[57]. А теперь посмотрите сюда, — и я указал на многочисленные плоские плиты из выветрившейся скальной породы на пологом склоне копи, ниже уровня водостока, прорытого в глубокой древности. — Я не я, если эти плиты не служили некогда для промывки породы.

У края этой огромной ямы, которая, конечно, представляла собой именно ту копь, которая была нанесена на карту старого португальца, Великая Дорога разветвлялась и огибала ее кругом. Во многих местах эта идущая по краю копи дорога была сплошь вымощена большими каменными глыбами, очевидно для того, чтобы укрепить края копи и предотвратить возможный обвал пустых сланцев, окружающих алмазосодержащую брекчию. Мы быстро пошли по дороге, подгоняемые желанием поскорее увидеть, что представляют собой три гигантские фигуры, видневшиеся на противоположной стороне огромной ямы, у которой мы стояли. Подойдя ближе, мы поняли, что это какие-то колоссы, и

правильно угадали: это и были трое Молчаливых, перед которыми кукуанский народ испытывал такой благоговейный страх. Но только подойдя к ним совсем близко, мы полностью осознали царственное величие Молчаливых.

Там, на колоссальных пьедесталах из темной скалы, на которых на расстоянии двадцати шагов один от другого были высечены непонятные иероглифы, созерцая дорогу, простирающуюся на шестьдесят миль до Луу, восседали три колоссальные фигуры — две мужские и одна женская. Каждая из них была около восемнадцати футов высотой от темени до пьедестала.

Одна из них, изображавшая обнаженную женщину, отличалась исключительной, хотя и строгой красотой. К сожалению, черты ее лица сильно пострадали от времени, так как в течение многих веков они подвергались влиянию погоды. По обе стороны ее головы подымались рога

полумесяца. Две мужские фигуры были, в противоположность ей, изображены задрапированными в мантии. Лица их были ужасны, в особенности у сидевшего справа. У него было лицо дьявола. Лицо сидевшего слева было безмятежно-спокойно, но спокойствие это вселяло ужас. Оно выражало бесчеловечную жестокость, ту жестокость, которой, по словам сэра Генри, в древности фантазия человека наделяла могущественные существа, может быть способные совершать и добрые дела, но тем не менее созерцающие страдания человечества если не с наслаждением, то и без всяких терзаний. Три фигуры, одиноко сидящие в вышине и веками созерцающие расстилающуюся внизу долину, действительно вселяли благоговейный ужас. Мы смотрели на Молчаливых, как их называли кукуаны, и нами овладевало огромное желание узнать, чьи руки высекли из камня этих колоссов, проложили дорогу и вырыли огромную копь. Когда я в изумлении смотрел на них, мне внезапно припомнилось (так как я хорошо знал Ветхий завет), что Соломон отрекся от своей веры и стал поклоняться иноземным богам. Имена трех из этих богов я также вспомнил: Ашторет — богиня Сидонян, Чемош — бог Моабитов и Мильком — бог детей Аммона. Я высказал своим спутникам предположение, что три фигуры, сидящие перед нами в вышине, возможно, изображают именно эти три ложных божества.

— Может быть, в этом и есть доля истины, — задумчиво сказал сэр Генри. Он был очень образованный человек и, когда еще учился в колледже, достиг больших успехов в изучении классиков. — Ведь древнееврейская Ашторет, — продолжал он, — называлась Астартой у финикийцев, которые вели крупнейшую торговлю во времена Соломона. Астарту же, которую греки впоследствии называли Афродитой, изображали с рогами, напоминающими полумесяц, а на голове женской фигуры отчетливо видны рога полумесяца. Возможно, что эти колоссы были созданы по воле какого-нибудь финикийского должностного лица, управлявшего копиями. Кто знает!

Мы все еще рассматривали эти необычайные памятники глубокой древности, когда к нам подошел Инфадус. Сначала, подняв свое копь, он отдал салют Молчаливым, а затем, обратившись к нам, спросил, намереваемся ли мы немедленно войти в Чертог Смерти, или же пойдем туда позднее, после полуденной трапезы. Он сказал, что если мы готовы отправиться сейчас же, то Гагула выражает желание быть нашим проводником. Так как не было еще и одиннадцати часов, мы, обуреваемые безудержным любопытством, заявили, что намерены идти немедленно. Я предложил на всякий случай, если нам придется задержаться в пещере,

захватить с собой немного пищи. Принесли носилки с Гагулой, и почтенная леди наблюдала из них за нашими сборами. Тем временем Фулата, по моей просьбе, положила в тростниковую корзину немного билтонга и пару тыквенных бутылей, наполненных водой.

Прямо перед нами, на расстоянии шагов пятидесяти от спин колоссов, поднималась отвесная стена из камня, не менее восьмидесяти футов высотой. Кверху она постепенно сужалась и образовывала подножие величественной вершины, увенчанной снегом, которая возвышалась над нами на три тысячи футов. Как только Гагула сошла со своих носилок, она злобно усмехнулась в нашу сторону и, опираясь на палку, заковыляла по направлению к отвесной каменной стене. Мы последовали за ней и вскоре подошли к узкому portalу, окаймленному массивной аркой, похожему на вход в галерею шахты.

Здесь ожидала нас Гагула. На ее ужасном лице все еще играла злобная усмешка.

— Что же, белые люди, спустившиеся со звезд, — пропищала она, — великие воины Инкубу, Бугван и мудрый Макумазан, готовы ли вы? Смотрите, я здесь, чтобы выполнить волю короля, моего господина, — показать вам сокровищницу блестящих камней.

— Мы готовы, — сказал я.

— Так! Так! Укрепите же ваши сердца, чтобы вынести то, что вам предстоит увидеть. Идешь ли и ты с нами, Инфадус, предавший своего господина?

Инфадус, нахмурившись, ответил:

— Нет, я не иду, — мне входить туда нельзя, но ты, Гагула, обуздай свой язык и берегись причинить зло моим повелителям. Ты мне ответишь за них, и если хоть единый волос упадет с их головы, то пусть ты, Гагула, будешь тысячу раз ведьмой, но ты должна будешь умереть. Слышишь ли ты мои слова?

— Я слышу, Инфадус. И я знаю тебя хорошо — ты всегда любил хвастливые речи. Помню, что когда ты был еще ребенком, ты угрожал своей собственной матери. А это было совсем недавно. Но не бойся, не бойся, я живу лишь для того, чтобы повиноваться воле короля. Я выполняла веления многих королей, Инфадус, пока в конце концов они не выполняли мои. Ха! Ха! Я иду туда, чтобы еще раз взглянуть на их лица, а также и на лицо Твалы! Идемте же, идемте! Вот лампа. — И она извлекла из-под своего мехового плаща огромную выдолбленную тыкву, наполненную маслом, с фитилем из тростникового волокна.

— Пойдешь ли ты с нами, Фулата? — спросил Гуд на своем

отвратительном ломаном кукуанском языке, в котором он упорно совершенствовался под руководством этой молодой леди.

— Я боюсь, мой господин, — робко ответила девушка.

— Тогда дай мне корзину.

— Нет, мой господин. Куда идешь ты, туда пойду и я.

«И правда ведь пойдешь, черт тебя побери! — подумал про себя я. — И это создаст изрядные осложнения, если мы когда-нибудь отсюда выберемся». Без дальнейших церемоний Гагула нырнула в совершенно темный проход, который был достаточно широк, чтобы вместить двух идущих рядом людей. Она пропищала нам приказание следовать за ней, и мы в некотором смятении пошли на звук ее голоса. Внезапный шум крыльев каких-то испуганных нами существ несомненно не мог успокоить наше волнение.

— Хэлло! Что это такое? — воскликнул Гуд. — Кто-то ударил меня по лицу.

— Летучие мыши, — отозвался я. — Идите дальше!

Пройдя шагов пятьдесят, мы заметили, что проход стал немного светлее. Еще минута, и мы оказались в совершенно необычном месте, какого, вероятно, не приходилось видеть ни одному человеку.

Пусть же читатель попытается представить себе внутренность величайшего собора, в котором ему когда-либо случилось бывать, и тогда он получит отдаленное представление о размерах гигантской пещеры, в которой мы очутились. Но этот храм, созданный великим архитектором — природой, был выше и шире любого построенного людьми. Окон не было, но откуда-то сверху лился слабый свет. Вероятно, в своде, вздымавшемся на сотню футов над нами, были проложены шахты, по которым проникал воздух извне. Однако огромные размеры пещеры были наименее значительным из всех чудес, представившихся нашим глазам. По всей длине пещеры рядами стояли гигантские колонны, которые казались сделанными из льда. В действительности же это были огромные сталактиты^[58]. Невозможно передать потрясающую красоту и величие этих белых колонн. Некоторые из них были не менее двадцати футов в диаметре у основания, и их грандиозные и вместе с тем изящные контуры уходили вверх, прямо к далекому своду. Другие колонны были еще в процессе формирования и, по словам сэра Генри, напоминали обломки колонн в древнегреческом храме, а высоко вверху смутно вырисовывались острия огромных сосулек, свисавших со свода.

Созерцая в молчаливом изумлении все это великолепие, мы в то же время слышали, как идет процесс формирования колонн, потому что время

от времени с далекой сосульки, свисавшей со свода, с еле слышным всплеском вдруг падала капля воды, попадая прямо на колонну, стоявшую на каменном полу. На некоторые колонны капли падали по одной через каждые две-три минуты. Интересно было бы подсчитать, сколько времени при такой скорости просачивания понадобится, чтобы образовалась колонна примерно в восемьдесят футов высотой и десять футов в диаметре. Достаточно будет следующего примера, чтобы показать, каким неизмеримо медленным был этот процесс. Мы обнаружили, что на одной из колонн высечено грубое подобие мумии, у изголовья которой виднелось изображение сидящего божества. Это было явно одно из египетских божеств, созданное рукой человека, в глубокой древности работавшего в копиях. Неизвестный художник высек это «произведение искусства» на уровне нормального человеческого роста, то есть на высоте около пяти футов. Очевидно, во все времена находилось достаточно бездельников — от жившего в древности финикийского рабочего до современного английского мальчишки, — желающих во что бы то ни стало обессмертить себя за счет шедевра, созданного природой. Однако, когда мы рассматривали это изображение, то есть почти три тысячи лет спустя после того, как оно было сделано, колонна была еще только восемь футов вышиной и процесс формирования ее еще далеко не закончился, из чего следует, что скорость его равнялась одному футу за тысячу лет, или дюйму с небольшим за столетие. Мы высчитали это, стоя у колонны и прислушиваясь к мерному падению водяных капель.

В некоторых случаях сталагмиты ^[59] принимали причудливые формы, в особенности там, где капли воды, падая, не всегда попадали в одну и ту же точку. Так, одна огромная глыба, по всей вероятности весом не менее ста тонн, имела форму церковной кафедры и была снаружи украшена красивым резным узором, похожим на кружево. Другие напоминали фантастических чудовищ, а на стенах пещеры виднелся красивый веерообразный орнамент, как будто сделанный из слоновой кости, похожий на морозный узор на оконном стекле.

Из огромного главного зала открывались многочисленные выходы в пещеры меньшего размера, по словам сэра Генри, совсем как выходы, ведущие в маленькие часовни в больших соборах. Некоторые из них были обширны, но одна или две оказались совсем крошечными, и все они представляли собой изумительный пример того, как природа совершает свою работу, руководствуясь теми же самыми неизменными законами, совершенно независимо от ее масштаба. Одна крошечная пещерка была, например, размером с большой кукольный дом, и тем не менее она могла

бы сойти за архитектурную модель огромного зала: в ней так же падали капли воды, так же свисали крошечные сосульки и точно так же формировались белые колонны из шпата.

К сожалению, у нас было недостаточно времени для того, чтобы осмотреть это красивое место так внимательно, как хотелось бы, потому что, к несчастью, Гагула проявляла полное отсутствие интереса к сталактитам и, очевидно, стремилась покончить с делом как можно скорее. Это ужасно меня раздражало, в особенности потому, что мне страшно хотелось узнать, если возможно, каким образом в пещеру проникал свет, была ли создана эта система руками человека или самой природой и использовалась ли она каким-нибудь образом в древности — что казалось вполне вероятным. Однако мы утешали себя мыслью, что на обратном пути осмотрим все как следует, и последовали за нашей зловещей проводницей.

Все вперед и вперед вела она нас, прямо к дальнему концу огромной молчаливой пещеры. Там мы увидели другую дверь. Она не образовывала наверху арку, как первая, а была квадратная и напоминала вход в египетский храм.

— Готовы ли вы вступить в Чертог Смерти? — спросила Гагула, очевидно, с специальной целью, чтобы нам стало не по себе.

— Веди же нас, Макдуф^[60], — торжественно произнес Гуд, пытаясь сделать вид, что ему совсем не страшно.

Мы все притворялись спокойными, за исключением Фулаты, которая схватила Гуда за руку, как бы в поисках защиты.

— Становится немного страшновато, — заметил сэр Генри, заглядывая в темный пролет двери. — Ступайте вперед, Квотермейн: *seniores priores*^[61]. Не заставляйте ждать почтенную леди! — И он вежливо пропустил меня вперед, за что я в душе совершенно не был ему благодарен.

Тук-тук! — стучала по полу палка старой Гагулы. Она ковыляла вперед по темному проходу, зловеще посмеиваясь. Охваченный безотчетным предчувствием несчастья, я начал отставать.

— Ну, идите же вперед, дружище, — сказал Гуд, — а не то мы отстанем от нашей прекрасной проводницы.

После этого замечания я пошел быстрее и шагов через двадцать оказался в мрачной пещере около сорока футов длиной, футов тридцать в ширину и высоту. Очевидно, в глубокой древности она была высечена человеческими руками. Это помещение было освещено гораздо хуже, чем огромная сталактитовая пещера, через которую мы только что прошли. Единственное, что я различил в полутьме с первого взгляда, был

массивный каменный стол, простиравшийся по всей длине пещеры, во главе которого сидела колоссальная белая фигура. Вокруг стола также сидели белые фигуры нормальной величины. Затем мне удалось рассмотреть в центре стола какой-то коричневый предмет, а еще через мгновение мои глаза привыкли к полутьме, и я увидел, что представляли собой все эти фигуры, и опрометью бросился бежать со всей скоростью, на которую были способны мои ноги. Вообще говоря, я не из нервных людей и к тому же человек почти совсем не суеверный, так как имел много случаев убедиться в нелепости суеверий, но я должен сознаться, что то, что я увидел, потрясло меня до такой степени, что если бы сэр Генри не удержал меня, ухватив за шиворот, то, честно говоря, через пять минут меня не было бы уже в сталактитовой пещере. Даже если бы мне посулили все алмазы Кимберли, то и это не заставило бы меня туда вернуться. Но сэр Генри держал меня так крепко, что мне не оставалось ничего иного, как покориться своей участи. А через секунду, когда и его глаза привыкли к темноте, он тотчас же отпустил меня и начал вытирать со лба покрывший его холодный пот. Что касается Гуда — он тихо ругался, а Фулата с криком бросилась ему на шею.

Только Гагула хихикала громко и непрерывно.

Действительно, зрелище было страшное. На дальнем конце длинного каменного стола, держа в костлявых пальцах огромное белое копье, сидела сама Смерть в виде колоссального человеческого скелета, более пятнадцати футов высотой. Высоко над головой она держала копье, как бы собираясь нанести удар. Другой костлявой рукой она опиралась на каменный стол, как человек, поднимающийся с своего сиденья, а весь скелет наклонился вперед, так что его шейные позвонки и ухмыляющийся блестящий череп были напряженно вытянуты в нашу сторону. Пустые глазницы скелета были устремлены на нас, а челюсти немного разомкнуты, как будто он вот-вот заговорит.

— Силы небесные! — прошептал я наконец. — Что же это такое?

— А это что за фигуры? — спросил Гуд, указывая на белое общество, сидящее за столом.

— А что же там за предмет, черт возьми? — взволнованно сказал сэр Генри, указывая на коричневое существо, сидящее на столе.

— Хи-хи-хи! — смеялась Гагула. — Горе тем, кто входит в Чертог Смерти. Хи-хи-хи! Ха-ха! Приблизься же, Инкубу, столь отважный в бою, приблизься и взгляни на того, кого ты убил! — И с этими словами старуха схватила его за рукав своими костлявыми пальцами и потянула к столу.

Мы последовали за ними.

Вдруг она остановилась и указала на коричневую фигуру, сидящую на столе. Сэр Генри посмотрел туда и с восклицанием отпрянул назад. Неудивительно, что он был так взволнован, — там, на столе, сидел огромный труп Твалы, последнего короля кукуанов. Он был совершенно обнажен, а голова его, отсеченная боевым топором сэра Генри, покоилась у него на коленях. Вся поверхность мертвого тела была покрыта тонкой стекловидной пленкой, отчего оно казалось еще более ужасным. Сначала мы совершенно не могли догадаться о происхождении этой пленки, но вдруг заметили, что с потолка комнаты регулярно падают капли воды — кап! кап! кап! — прямо на шею трупа, откуда вода сбегала, растекаясь по всей его поверхности, и наконец уходила в скалу через крошечное отверстие, пробуровленное в столе. Тогда мне все стало ясно: тело Твалы превращалось в сталагмит.

Взгляд, брошенный на белые фигуры, сидящие на каменной скале, окаймлявшей этот жуткий стол, подтвердил правильность моей догадки. Это несомненно были человеческие тела, вернее то, что некогда было человеческим телом, превратившиеся в сталактиты. Таким образом кукуаны с незапамятных времен сохраняли тела своих умерших королей: они превращали их в камень.

Мне так и не удалось узнать, в чем заключался весь метод петрификации, если он вообще существовал, кроме того, что умерших сажали на много лет туда, где каплями просачивалась вода. Так или иначе, они сидели за столом, покрытые похжей на лед оболочкой, образовавшейся из кремневой жидкости, которая сохраняла их на вечные времена.

Невозможно представить себе что-либо вселяющее больший ужас, чем зрелище этого длинного ряда царственных мертвецов, облаченных в саваны из прозрачного, как лед, шпата, сквозь которые можно было смутно различить их черты. Всего их было двадцать семь, и последним был отец Игнози. Они сидели вокруг этого негостеприимного стола, за которым председательствовала сама Смерть. По общему количеству мертвецов можно было заключить, что этот способ сохранения трупов начал применяться не менее четырех с четвертью веков назад. Если предположить, что сюда помещали всех царствовавших королей, что, пожалуй, невероятно, так как безусловно некоторые из них погибали в бою, и считать, что каждый из них царствовал в среднем пятнадцать лет, то получится примерно эта цифра. Но колоссальная фигура Смерти, сидящая во главе стола, несомненно была гораздо старше этого обычая и, если я не ошибаюсь, обязана была своим происхождением рукам того же художника,

который создал трех колоссов. Она была высечена из цельного сталактита и, если рассматривать ее как произведение искусства, была задумана и выполнена с исключительным мастерством. Гуд, который разбирался в анатомии, заявил, что, по его мнению, в анатомическом отношении этот скелет был совершенным и точно воспроизводил подлинный человеческий скелет до мельчайших косточек.

Я считаю, что эта ужасная фигура была плодом извращенной фантазии какого-то древнего скульптора и что кукуанам уже впоследствии пришла мысль сажать своих царственных мертвецов за этот стол, за которым председательствовал страшный призрак Смерти. Возможно также, что скелет был некогда помещен здесь, чтобы отпугивать грабителей, которые могли делать попытки пробраться в сокровищницу, находящуюся рядом. Не знаю, действительно ли это так. Единственно, что я могу сделать, — это описать все, как оно есть, а читатель пусть делает собственные выводы.

Такова была, во всяком случае, Белая Смерть, и таковы были Белые Мертвецы.

Глава XVII . Сокровищница царя Соломона

Пока мы осматривали наводящие ужас чудеса Чертога Смерти, пытаюсь преодолеть охватившее нас чувство страха, Гагула была занята совсем иными делами. Каким-то образом, мгновенно вскарабкавшись на громадный стол (когда ей было нужно, она была чрезвычайно проворна), старая ведьма направилась к месту, где под регулярно падающими каплями воды сидел наш покойный друг Твала, чтобы посмотреть, как он там, по выражению Гуда, «маринуется», или для других, ей одной известных тайных целей. Затем она заковыляла обратно, время от времени останавливаясь, чтобы обратиться то к одной, то к другой облаченной в саван фигуре со словами, смысл которых я не мог уловить. При этом вид у нее был точно такой же, как и у меня или у тебя, читатель, когда мы приветствуем доброго старого знакомого. Закончив этот таинственный и жуткий ритуал, она уселась на корточках прямо против фигуры Белой Смерти и начала, насколько я мог разобрать, возносить ей молитвы. Вид этого злого старого существа, возносящего мольбы несомненно самого зловещего характера заклятому врагу человечества, был настолько непереносим, что мы поторопились закончить осмотр Чертога Смерти.

— Ну, а теперь, Гагула, — сказал я очень тихим голосом, так как в таком месте не осмеливаешься говорить иначе чем шепотом, — веди нас в сокровищницу.

Старуха проворно сползла со стола.

— Повелители не боятся? — спросила она, покосившись на меня.

— Веди дальше.

— Хорошо, повелители. — И она, прихрамывая, обошла вокруг стола и остановилась у задней стены пещеры, позади фигуры Смерти. — Здесь вход в тайник. Пусть мои повелители зажгут лампу и войдут. — И, поставив выдолбленную тыкву, наполненную маслом, на пол, она прислонилась к стене пещеры.

Я взял спичку (в коробке еще было несколько штук), зажег тростниковый фитиль и начал искать глазами вход, но передо мной не было ничего, кроме сплошной стены.

Гагула усмехнулась:

— Вход здесь, повелители! Ха! Ха! Ха!

— Не шути с нами! — сказал я сурово.

— Я не шучу, повелители. Взгляните сюда! — И она указала на стену.

Я поднял лампу, и мы увидели, что какая-то огромная каменная глыба медленно поднимается вверх и уходит выше, в скалу, где для нее несомненно было высечено специальное углубление. Поднимавшийся кусок скалы был шириной с дверь большого размера, около десяти футов высоты, не менее пяти футов толщины и весил по крайней мере двадцать или тридцать тонн. Двигался он, конечно, по принципу простого баланса с противовесами. Как приводилось в действие это устройство, никто из нас не заметил, ибо Гагула постаралась сделать так, чтобы мы этого не видели. Но я не сомневаюсь, что где-то был самый простой рычаг, на который надо было слегка нажать в секретной точке, чтобы привести в действие скрытый противовес, благодаря чему вся каменная глыба двигалась вверх.

Медленно и легко поднимался кусок скалы, пока не исчез совсем, и на его месте перед нашими глазами появилось мрачное отверстие.

Трудно передать охватившее нас волнение при виде широко распахнувшегося входа в сокровищницу царя Соломона. Что касается меня, я весь затрепетал, и по моему телу пробежала холодная дрожь.

А вдруг все это обман, мистификация, думал я, или, наоборот, все, что писал старый да Сильвестра, окажется правдой? Действительно ли спрятан в этом темном месте огромный клад? Клад, который сделал бы нас самыми богатыми людьми на свете! Через одну — две минуты мы должны были это узнать.

— Входите, белые люди со звезд! — сказала наша зловещая проводница, переступая порог. — Но сначала послушайте служанку вашу, престарелую Гагулу. Яркие камни, которые вы сейчас увидите, были некогда выкопаны из колодца, над которым сидят Молчаливые, и сложены здесь, но кем, я не знаю. Те люди, которые это сделали, поспешно покинули это место, не взяв их с собой. С тех пор сюда входили лишь один раз. Молва о сверкающих камнях передавалась из века в век людьми, жившими в нашей стране, но никто не знал ни где находятся сокровища, ни тайны двери. Но однажды в нашу страну пришел из-за гор один белый человек, — может быть, он тоже спустился со звезд, как вы, и правивший в то время король принял его радушно. Это вот тот, что сидит там, — и она указала на пятую с края фигуру, сидевшую за столом Мертвых. — И случилось так, что этот белый человек и какая-то женщина из нашего народа пришли в это место. Эта женщина случайно узнала тайну двери, хотя вы можете искать ее тысячу лет и все равно не найдете. Белый человек вошел сюда вместе с нею и наполнил этими камнями мешок из козьей шкуры, в котором

женщина принесла еду. А когда он уходил из сокровищницы, он взял еще один камень, очень большой, и держал его в руке. — Тут старуха замолчала.

— Ну, и что же? — спросил я, задыхаясь от волнения, так же как и мои спутники. — Что же случилось с да Сильвестра?

Услышав эти слова, старая ведьма вздрогнула.

— Откуда ты знаешь имя человека, который давно умер? — резко спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжала: — Никто не знает, что случилось, но, видно, белый человек чего-то испугался, ибо бросил наземь козью шкуру с камнями и убежал с одним лишь камнем, тем, что был в его руке. Этот камень у него отобрал король, и это тот самый, который ты, Макумазан, сорвал со лба Твалы.

— И с тех пор никто здесь не был? — спросил я, вглядываясь в темный проход.

— Никто, мои повелители. Но тайна двери хранилась, и все короли открывали ее, но не входили, ибо предание гласит, что тот, кто войдет сюда, умрет не позже, чем через месяц, как умер тот белый человек в горах, в пещере, где ты его нашел, Макумазан. Вот почему наши владыки сюда не входят. Ха! Ха! Я всегда говорю правду!

В эту минуту наши глаза встретились, и я весь похолодел. Откуда старая ведьма все это знала?

— Входите, мои повелители. Если я говорю правду, козья шкура с камнями должна лежать на полу. А действительно ли правда, что тому, кто входит сюда, грозит смерть, — это уж вы узнаете потом. Ха! Ха! Ха! — И, переступив порог, она заковыляла вперед, неся с собой свет.

Признаюсь, я еще раз заколебался, идти ли мне за нею.

— Будь она проклята! — закричал Гуд. — Идем! Эта старая чертовка меня не запугает! — И он тотчас же бросился в проход вслед за Гагулой.

За ним шла Фулата, которой все это, очевидно, было не по душе. Бедняжка боялась и от страха дрожала всем телом. Мы с сэром Генри немедленно последовали за ними.

Через несколько ярдов в узком проходе, высеченном в сплошной скале, Гагула остановилась. Она нас ждала.

— Видите, повелители, — сказала она, держа перед собой лампу, — те, кто спрятали здесь сокровища, должны были поспешно покинуть это место. Они боялись, что кто-нибудь узнает тайну двери, и, чтобы оградить вход в тайник, решили воздвигнуть здесь стену, но у них на это не хватило времени.

И она указала на преграждавшие проход уложенные друг на друга два

ряда больших квадратных каменных блоков высотой в два фута и три дюйма. Вдоль прохода лежали такие же глыбы шлифованного камня, предназначенные для дальнейшей работы, и, что самое любопытное, известковый раствор и пара лопат, которые, насколько мы имели время их рассмотреть, по внешнему виду были точно такие же, какими пользуются рабочие и по сей день.

Тут Фулата, которая вся тряслась от страха и волнения, вдруг почувствовала себя дурно и сказала, что будет ждать нас в этом месте, так как дальше идти не может. Мы усадили ее около незаконченной стены, положили около нее корзинку с провизией и оставили одну, чтобы она успокоилась.

Пройдя по проходу еще шагов пятнадцать, мы вдруг оказались перед тщательно раскрашенной деревянной дверью. Она была широко открыта. Тот, кто был здесь последним, или забыл, или не имел времени ее закрыть.

На пороге этой двери лежал мешок из козьей шкуры, который, казалось, был наполнен камнями...

— Хи! Хи! Белые люди, — захихикала Гагула, когда на него упал свет от лампы. — Я говорила вам, что белый человек бежал в испуге из этого места и бросил наземь козью шкуру, принадлежавшую женщине. Посмотрите, вот она! Гуд наклонился и поднял мешок. Он был тяжел, и внутри него что-то с легким стуком перекачивалось.

— Клянусь небом, мне кажется — он полон алмазами! — сказал он благоговейным шепотом.

Действительно, одна лишь мысль, что маленький мешок из козьего меха полон алмазами, была достаточна, чтобы заставить кого угодно ощутить священный трепет.

— Идем дальше, — сказал сэр Генри с нетерпением. — Ну, почтенная леди, дайте-ка мне лампу. — И, взяв ее из рук Гагулы, он высоко поднял лампу над головой и переступил порог комнаты.

Мы поспешили за ним, забыв на время о мешке с алмазами, и очутились в сокровищнице Соломона. При тусклом свете лампы мы прежде всего увидели высеченную в массиве скалы комнату размером не более десяти квадратных футов, а затем — превосходную коллекцию слоновых бивней, сложенных друг на друга до самого свода. Сколько их тут, сказать было трудно, так как мы не могли видеть, какое пространство они занимают до задней стены, но то, что мы могли охватить глазами, составляло несомненно не менее четырехсот — пятисот самых отборных клыков. Одной этой слоновой кости было бы достаточно, чтобы обогатить человека на всю жизнь.

«Возможно, — подумал я, — что из этого огромного запаса Соломон взял материал для своего «великого трона из слоновой кости», равного которому не было ни в одном царстве».

По другую сторону комнаты находилось десятка два ящиков, похожих на ящики для патронов фирмы Мартини-Генри, только несколько побольше и выкрашенных в красный цвет.

— Тут алмазы! — вскричал я. — Дайте сюда свет!

Сэр Генри подошел с лампой и осветил верхний ящик, крышка которого, сгнившая от времени, несмотря на то что здесь было сухо, в одном месте была взломана, по-видимому самим да Сильвестра. Поспешно запустив руку в отверстие, я вынул полную горсть, но не алмазов, а золотых монет очень странной формы. Мы никогда не видели таких денег, и нам показалось, что на них были начертаны древнееврейские письма.

— Во всяком случае, — сказал я, кладя золото обратно, — мы отсюда с пустыми руками не уйдем. В каждом ящике, должно быть, не менее двух тысяч монет, а всего их здесь восемнадцать. Я полагаю, эти деньги предназначались для уплаты рабочим и купцам.

— А я думаю, — перебил меня Гуд, — это и есть сокровище. Я что-то не вижу алмазов, разве что старый португалец сложил их все в мешок.

— Пусть мои повелители посмотрят вон в тот темный угол, может быть, они там найдут камни, — сказала Гагула, поняв по выражению наших лиц, о чем мы говорим. — Там мои повелители найдут углубление, и в нем три каменных ящика — два запечатанных и один открытый.

Прежде чем перевести ее слова сэру Генри, у которого в руках была лампа, я не мог утерпеть и спросил ее, откуда она это знает, если никто сюда не входил с тех пор, как здесь был белый человек столь много поколений назад.

— О Макумазан, ты, который бодрствуешь по ночам! — насмешливо ответила Гагула. — И вы, живущие на звездах! Разве вы не знаете, что у некоторых людей есть глаза, которые видят сквозь скалы? Ха! Ха! Ха!

— Посмотрите в этом углу, Куртис, — сказал я, указывая на место, о котором говорила Гагула.

— Хэлло, друзья! — закричал он. — Здесь есть ниша. Силы небесные! Посмотрите-ка сюда!

Мы бросились туда, где он стоял. В углублении, похожем на небольшое полукруглое окно, было три каменных ящика, каждый площадью в два фута. Два из них были покрыты каменными крышками, третья же крышка была прислонена к ящику, который был открыт.

— Взгляните! — сказал сэр Генри сдавленным от волнения голосом,

держа над ящиком лампу.

Мы посмотрели вниз, но сначала ничего не могли различить из-за ослепившего нас серебристого сияния. Когда же наши глаза с ним освоились, мы увидели, что этот ящик был на три четверти наполнен нешлифованными бриллиантами, большая часть которых была значительной величины. Я наклонился и взял несколько штук в руку. Сомнений не оставалось: это были алмазы. В них была та легко узнаваемая на ощупь, присущая им одним, особая скользкость.

Я буквально задыхался, когда бросил их обратно в ящик.

— Мы самые богатые люди в мире! — вскричал я. — Монте-Кристо перед нами бедняк!

— Мы наводним рынок алмазами! — воскликнул Гуд.

— Сначала их надо туда доставить, — спокойно возразил сэр Генри.

С побледневшими от волнения лицами, смотря друг на друга широко открытыми глазами, мы стояли вокруг лампы, бросавшей свет на сверкающие драгоценные камни, словно заговорщики, собирающиеся совершить преступление, а не самые счастливые люди в мире, какими мы себя считали.

— Хи! Хи! Хи! — злорадно смеялась у нас за спиной Гагула, бесшумно носясь по сокровищнице, как огромная летучая мышь. — Вот они, эти яркие камни, которые вы так любите, белые люди! Их тут много, берите сколько пожелаете, любуйтесь ими, запускайте в них свои руки! Ешьте их! Хи! Хи! Пейте их! Ха! Ха!

В тот момент эти последние слова показались мне столь нелепыми, что я вдруг дико расхохотался. Сэр Генри и Гуд тоже начали неистово хохотать, не отдавая себе отчета, над чем они смеются. Мы стояли и надрывались от смеха возле ящиков с алмазами. Это были наши алмазы. Они были найдены для нас тысячи лет назад терпеливыми тружениками в том огромном колодце и сложены были тоже для нас каким-нибудь давно умершим доверенным лицом царя Соломона, чье имя, возможно, было начертано иероглифами на еще видневшихся остатках воска, прилипшего к крышке ящика. Они не принадлежали ни Соломону, ни Давиду, ни да Сильвестра, никому на свете. Они принадлежали нам. Перед нами сверкали камни, стоившие миллионы фунтов стерлингов, и лежали груды золота и слоновой кости на тысячи и тысячи фунтов. Они только ждали, чтобы мы их унесли.

Внезапно наш истерический припадок прекратился, и мы перестали хохотать.

— Откройте другие ящики, белые люди, — закаркала Гагула. — В них камней еще больше. Берите их, белые повелители. Ха! Ха! Берите их

больше, больше!

Под ее выкрики мы принялись срывать каменные крышки с двух других ящиков, в глубине души чувствуя, что кощунствуем, ломая скрепляющие их печати.

Ура! Они были полны тоже, полны до краев, по крайней мере второй ящик, — несчастный да Сильвестра не взял отсюда ни одного камня в свой мешок из козьей шкуры. Что касается третьего, он был наполнен только на одну четверть, но камни в нем были отборные, не менее чем двадцать карат каждый, а некоторые величиной в голубиное яйцо. Однако, поднеся их к лампе, мы увидели, что многие из самых крупных имели желтоватый оттенок, то есть были «с цветом», как говорят в Кимберли.

Но мы не видели страшного, злорадного взгляда, брошенного на нас Гагулой, когда она тихо-тихо, как змея, выползала из сокровищницы, чтобы направиться дальше по проходу, к высеченной в скале потайной двери.

* * *

Чу! Что это такое? До нас доносятся крики, они раздаются под сводами прохода. Это голос Фулаты!

— О Бугван! На помощь! На помощь! Камень падает!

— Отпусти меня, девушка! Или...

— Помогите, помогите! Она ударила меня ножом!

Мы бежим по проходу, и вот что мы видим при свете лампы: каменная дверь медленно опускается и уже находится футах в трех от пола. Около нее в отчаянной схватке сцепились Фулата и Гагула. Отважная девушка обливается кровью, но, несмотря на это, она держит старую колдунью, которая защищается, как дикая кошка. Ах! Она вырвалась! Фулата падает, а Гагула бросается ничком на пол, и, извиваясь, как змея, протискивается в щель под опускающимся камнем. Она под ним. О боже! Слишком поздно! Огромная каменная глыба уже придавила ее, и она пронзительно кричит от нечеловеческой боли. Все ниже и ниже опускается скала, и все ее тридцать тонн медленно придавливают к полу уродливое тело колдуньи. Последние отчаянные крики, такие, каких нам никогда не приходилось слышать, затем хруст раздавливаемых костей, от которого стынет в жилах кровь, и каменная дверь закрывается как раз в тот момент, когда мы со всего разбега ударяемся о нее.

Все это произошло в течение нескольких секунд.

Мы кинулись к Фулате. Нож Гагулы пронзил ее грудь, и я сразу увидел, что смерть ее близка.

— О Бугван! Я умираю! — задыхаясь, прошептала красавица. — Она, Гагула, выползла... я не видела ее, мне было плохо... камень начал опускаться; потом она вернулась и стала глядеть в проход... Я видела, как она вошла через медленно опускающуюся дверь... я схватила и стала держать ее, и тогда она ударила меня ножом. Я умираю, Бугван!

— Бедная, бедная Фулата! — в отчаянии кричал Гуд и вдруг, словно он ничего другого не мог для нее сделать, бросился к ней и стал ее целовать. — Бугван, — сказала она после небольшого молчания, — здесь ли Макумазан? У меня темнеет в глазах, я ничего не вижу.

— Я здесь, Фулата.

Макумазан, будь моим языком, прошу тебя. Бугван не понимает моих речей, а я, прежде чем отойду во мрак, хочу сказать ему несколько слов.

— Говори, Фулата, я все повторю ему.

— Скажу Бугвану, моему господину, что я... люблю его и рада умереть, потому что знаю, что он не может связать свою жизнь с моею, ибо как солнце не может сочетаться с тьмой, так белый человек не может сочетаться с черной девушкой. Скажи ему, что временами я чувствовала, словно в моей груди бьется птица, которая рвется вылететь оттуда и петь. Даже сейчас, когда я не могу поднять руку и мой мозг холодеет, я не чувствую, что сердце мое умирает. Оно так полно любовью, что, если бы я жила тысячу лет, оно все еще было бы молодо. Скажи ему, что, если я буду жить вновь, может быть, я увижу его на звездах... Я буду искать его там повсюду, хотя, возможно, и тогда я буду черной, а он белым. Скажи ему... нет, Макумазан, не говори ничего, кроме того, что я люблю... О, прижми меня ближе к себе, Бугван, я больше не чувствую твоих объятий... О Бугван, Буг...

— Она умерла! Умерла! — воскликнул Гуд, поднимаясь на ноги. По его лицу текли слезы.

— Не стоит так отчаиваться, старина, — сказал сэр Генри.

Гуд вздрогнул:

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что вы очень скоро разделите ее судьбу и последуете за нею. Разве вы не видите, что мы здесь заживо погребены?

Мы были до такой степени потрясены трагической смертью Фулаты, что, пока сэр Генри не произнес этих слов, до нашего сознания не дошел еще весь ужас нашего положения. Теперь мы поняли все. Огромная скала

опустилась, вероятно, навсегда, так как единственный мозг, знавший тайну двери, лежал раздавленным под ее тяжестью. Нельзя было и думать о том, чтобы взломать эту дверь, разве лишь при помощи большого количества динамита.

Мы оказались в западне.

В течение нескольких минут мы стояли, оцепенев от ужаса, над распростертым телом Фулаты, совершенно подавленные сознанием того, что нам предстоит медленная и мучительная смерть от голода и жажды. Казалось, что мужество нас покинуло. Нам стало все ясно: эта женщина-дьявол, Гагула, заранее подготовила эту ловушку. Это была как раз одна из тех «шуток», которую могло породить только ее адское воображение, только в ее злорадном мозгу мог созреть такой зловещий план — сразу погубить трех белых людей, которых она почему-то всегда ненавидела, заставить их медленно умирать среди сокровищ, к которым они так жадно тянулись. Теперь я понял смысл ее насмешек, когда она, носясь, как летучая мышь, по пещере, предлагала нам «есть и пить алмазы». Быть может, кто-нибудь хотел посмеяться таким же образом над бедным старым да Сильвестра, иначе отчего же он так внезапно бросил наземь козью шкуру с драгоценными камнями?

— Надо взять себя в руки, — сказал сэр Генри хриплым от волнения голосом. — Лампа скоро погаснет. Пока она горит, поищем, не найдем ли мы пружину, приводящую в действие скалу.

С энергией отчаяния мы бросились ко входу и, стоя в липкой крови, стали исследовать дверь и стены прохода по всем направлениям. Но мы не могли нащупать ничего, что напоминало бы рычаг или пружину.

— Будьте уверены, — сказал я, — что с этой стороны дверь открыть нельзя. Если бы она открывалась изнутри, Гагула не рискнула бы броситься в щель под опускающуюся скалу. Она это знала и поэтому пыталась бежать во что бы то ни стало, будь она проклята!

— Во всяком случае, — сказал сэр Генри с нервным смехом, — возмездие пришло очень скоро. Ее смерть была ужасна, но нам предстоит не менее ужасная. С дверью сделать ничего нельзя. Пойдем обратно в сокровищницу.

Мы повернулись и пошли. Пройдя несколько шагов, я увидел у незаконченной стены корзину с провизией, которую принесла несчастная Фулата. Я поднял эту корзину и взял с собой в проклятую комнату, полную сокровищ, которая должна была стать нашей могилой. Затем мы вновь вернулись и с благоговением перенесли тело Фулаты, положив его около ящиков с золотом. Сами же мы уселись на полу, прислонившись к трем

каменным ящикам, полным несметных сокровищ.

— Давайте разделим нашу провизию так, чтобы ее хватило на возможно долгое время, — предложил сэр Генри.

Мы тотчас же поделили все, что находилось в корзине, и оказалось, что на каждого приходилось по четыре бесконечно малые порции, иначе говоря — нам хватило бы этой пищи не более чем дня на два. Кроме билтонга, у нас были две тыквенные бутылки с водой, каждая емкостью в кварту.

— Ну, а теперь, — угрюмо сказал сэр Генри, — давайте есть и пить, хотя нам все равно предстоит смерть.

Мы съели по маленькому кусочку вяленого мяса и выпили по глотку воды. Нечего говорить о том, что у нас не было почти никакого аппетита, но наш организм требовал пищи, и после еды мы почувствовали себя немного лучше. Затем мы встали и начали тщательнейшим образом осматривать и выстукивать стены нашей темницы в смутной надежде найти какой-нибудь выход, но, увы, его не было!

Да и было бы невероятно, чтобы он оказался там, где хранились такие сокровища.

Свет лампы стал тускнеть; масло почти все выгорело.

— Квотермейн, — обратился ко мне сэр Генри, — идут ли ваши часы? Сколько сейчас времени?

Я вынул часы и посмотрел. Было шесть пополудни, а в пещеру мы вошли в одиннадцать.

— Я думаю, Инфадус нас хватится, — заметил я. — Если мы не вернемся сегодня вечером, он начнет нас искать завтра с утра, Куртис.

— Он напрасно будет искать, так как не знает ни тайны двери, ни где она находится. До вчерашнего дня этого не знал ни один человек, кроме Гагулы, а теперь не знает никто. Если бы Инфадус даже нашел дверь, он не смог бы ее взломать. Вся кукуанская армия не в состоянии пробить скалу в пять футов толщиной. Друзья мои, нам ничего более не остается, как склониться пред волею всевышнего. Погоня за сокровищами привела многих к печальному концу. Мы лишь увеличим их число.

Свет лампы стал еще более тусклым.

Вдруг она вспыхнула и ярко осветила всю картину: огромную массу белых клыков, ящики с золотом, распростертое возле них тело Фулаты, козью шкуру, полную драгоценностями, мерцающее сияние алмазов и безумные, измученные лица трех белых людей, сидящих на полу и ожидающих смерти от голода и жажды.

Пламя в последний раз вспыхнуло и погасло.

Глава XVIII . Нас покидает надежда

Невозможно описать весь ужас последовавшей ночи. Лишь милосердный сон, который время от времени овладевал нами, помог нам ее пережить. Даже в таком безвыходном положении, как наше, физическая усталость предъявляет свои права. Однако я не мог спать подолгу. Страшная мысль о неизбежности нашей гибели не покидала меня ни на минуту. Эта мысль могла бы заставить содрогнуться даже самого отважного человека в мире, я же никогда не претендовал на то, чтобы меня считали храбрым. Кроме того, сама тишина была такой беспредельной и подавляющей, что заснуть было почти невозможно. Читатель! Может быть, тебе приходилось лежать без сна ночью, когда тишина кажется гнетущей, но я уверен, что ты не имеешь никакого представления о том, какой страшной и почти осязаемой может быть полная тишина. На поверхности земли всегда есть какие-нибудь звуки и движение, и хотя сами они могут быть неощутимыми, но они безусловно притупляют острое лезвие полной тишины. Но сюда не проникал ни единый звук. Мы были погребены в недрах горной вершины, увенчанной снегом. Там, высоко, за тысячи футов от нас, свежий ветер взметал вихри белого снега, но шум его не долетал до нас. Длинный туннель и каменная стена в пять футов толщиной отделяли нас даже от ужасного Чертога смерти, а ведь мертвые не шумят. Даже грохот всей земной и небесной артиллерии не достиг бы наших ушей. Мы были заживо погребены, и наша гробница была отрезана от всего мира.

Вдруг я остро почувствовал всю иронию нашего положения. Нас окружали несметные сокровища, которых хватило бы, чтобы оплатить национальный долг или построить флотилию броненосцев, и, однако, мы с радостью отдали бы все эти сокровища за самую слабую надежду вырваться отсюда. Вскоре же мы, без сомнения, будем рады отдать их за крохотный кусочек пищи или чашку воды, а потом даже за то, чтобы нашим страданиям пришел поскорее конец. Действительно, богатство, накоплению которого люди часто посвящают жизнь, теряет всю свою цену, когда приходит последний час.

Медленно тянулись часы ночи.

— Гуд, — вдруг произнес сэр Генри, и его голос жутко прозвучал в напряженной тишине, — сколько у вас осталось спичек?

— Восемь, Куртис.

— Зажгите одну. Посмотрим, который час.

Гуд зажег спичку, и после непроглядной тьмы ее пламя ослепило нас.

По моим часам было пять утра. В это время высоко над нами, на снеговых вершинах, розовела прекрасная утренняя заря и свежий ветерок начинал рассеивать ночные туманы в горных ущельях.

— Нам надо бы поесть, чтобы поддержать свои силы, — заметил я.

— Чего ради? — отозвался Гуд. — Чем скорее мы умрем, тем лучше.

— Пока человек жив, нельзя терять надежду, — сказал сэр Генри.

Мы поели и выпили по глотку воды. Прошло еще некоторое время. Сэр Генри предложил подойти как можно ближе к двери и кричать, так как у нас теплилась слабая надежда, что кто-нибудь снаружи услышит звук голоса. Поэтому Гуд, у которого за время его многолетней службы во флоте выработался чрезвычайно пронзительный тембр голоса, ощупью добрался до двери и поднял там самый дьявольский шум. Мне никогда раньше не приходилось слышать подобных воплей, но они произвели не больший эффект, чем жужжание moskitov.

Через некоторое время он перестал кричать и вернулся, испытывая такую сильную жажду, что ему пришлось напиться. После этого мы решили не возобновлять криков, так как это наносило ущерб нашему скудному запасу воды.

Мы вновь сели, прислонившись к нашим ящикам, наполненным никому не нужными алмазами, и сидели так в мучительном бездействии, которое в нашем положении было совершенно невыносимым. Признаюсь, что я дал волю отчаянию — положив голову на широкое плечо сэра Генри, я зарыдал. Мне кажется, что и Гуд, сидевший по другую сторону, с трудом сдерживал слезы и при этом хриплым голосом ругал себя за свою слабость.

Но как добр и отважен был сэр Генри, этот замечательный человек! Если бы мы были двумя перепуганными детьми, а он нашей нянькой, то и в таком случае он не мог бы проявить больше нежности. Совершенно забывая о своих собственных переживаниях, он делал все возможное, чтобы хоть немного успокоить наши взвинченные нервы. Он рассказывал нам истории о людях, которые попадали в подобные положения и чудесным образом избегали гибели. Когда же он понял, что эти рассказы не могут нас ободрить, он начал говорить о том, что наше состояние — это лишь предчувствие неизбежного конца, который ожидает всех нас, что все это скоро кончится и что смерть от истощения — один из самых милосердных ее видов (что является чистой ложью).

Затем он с легким смущением предложил нам положиться на волю provideniya. Что касается меня, я последовал его совету с большой охотой. Замечательный у сэра Генри характер — очень спокойный и сильный.

Так вслед за ночью тянулся день, если вообще возможно употреблять эти слова, когда речь идет о сплошной непроглядной ночи. Когда я зажег спичку, чтобы посмотреть, который час, оказалось, что уже семь.

Мы вновь принялись за еду и питье, и в это время мне пришла в голову неожиданная мысль.

— Почему, — сказал я, — воздух здесь все время остается свежим? Тут душно, но воздух такой же, как и прежде.

— Боже мой! — воскликнул Гуд, вскакивая на ноги. — Мне это не приходило в голову! Воздух не может проходить через каменную дверь, потому что она совершенно герметична. Если бы здесь не было притока воздуха, то мы бы давно задохнулись. Давайте поищем!

Эта слабая искра надежды вызвала совершенно изумительную перемену в нашем состоянии. Через мгновение все мы, передвигаясь ползком, на четвереньках, тщательно ощупывали скалу в поисках хоть самой слабой тяги. Внезапно мой пыл на мгновение угас. Моя рука нащупала что-то холодное. Это было мертвое лицо бедной Фулаты.

Не менее часа продолжались наши поиски, пока наконец мы с сэром Генри не прекратили их в полном отчаянии и изрядно пострадав от того, что в темноте мы беспрестанно натыкались то на слоновые бивни, то на ящики, то на стены сокровищницы. Но Гуд все еще продолжал поиски, говоря довольно бодро, что это все же лучше, чем бездействовать.

— Послушайте-ка, друзья, — сказал он вдруг каким-то странным сдавленным голосом, — подойдите сюда!

Нечего и говорить, что мы, спотыкаясь и сталкиваясь в темноте, бросились к нему без промедления.

— Квотермейн, положите вашу руку туда, где я держу свою. Ну, чувствуете ли вы что-нибудь?

— Мне кажется, что здесь проходит воздух.

— А теперь слушайте. — Он поднялся и топнул ногой, и пламя надежды вспыхнуло в наших сердцах: звук был глухой.

Дрожащими руками я зажег спичку. Мы увидели, что находимся в дальнем углу комнаты: очевидно, до сих пор мы еще ни разу не добивались до этого места, под которым несомненно была пустота. Пока горела спичка, мы внимательно осмотрели пол. В сплошной каменной поверхности мы увидели какую-то трещину, и — силы небесные! — там, на одном уровне с поверхностью пола, было врезано каменное кольцо. Мы не произнесли ни слова, так как были слишком взволнованы, и сердца наши так неистово забились надеждой, что мы не в состоянии были говорить.

У Гуда был нож, на котором имелся крючок, с помощью которого

извлекают камешки, застрявшие в лошадином копыте. Он открыл его и попытался подцепить им кольцо. Наконец ему удалось подсунуть крючок под кольцо, и он начал поднимать его очень осторожно, так как боялся сломать крючок. Кольцо начало двигаться. Так как оно было сделано из камня, то, несмотря на то что оно пролежало много столетий, его все же можно было сдвинуть с места, чего не удалось бы сделать, будь кольцо сделано из железа. Вскоре оно пришло в вертикальное положение. Тогда Гуд продел в кольцо руки и начал дергать его изо всех сил, но камень не подавался.

— Дайте мне попробовать, — сказал я, горя нетерпением.

Положение камня как раз в углу комнаты было таково, что двое не могли одновременно взяться за кольцо. Я ухватился за него и напруг все свои силы, но безуспешно.

Затем сэр Генри сделал такую же тщательную попытку.

Гуд снова взял крючок и прочистил им всю трещину, через которую проходил воздух.

— А теперь, Куртис, — сказал он, — принимайтесь за работу. Вам придется потрудиться всерьез, а силы у вас хватит на двоих. Подождите-ка. — И, сняв шейный платок из прочного черного шелка, который упорно продолжал носить, он пропустил его сквозь кольцо. — Квотермейн, ухватитесь руками за Куртиса и дергайте изо всей силы, когда я подам команду. Тяните! Сэр Генри напруг всю свою колоссальную силу, то же самое сделали и мы с Гудом в меру отпущенных нам природой сил.

— Тяните! Тяните! Он подается! — крикнул, задыхаясь, сэр Генри, и я буквально услышал, как трещат мышцы его могучей спины.

Внезапно послышался звук открывающейся плиты, струя воздуха ворвалась в отверстие, и оказалось, что все мы лежим, опрокинувшись навзничь, на полу, придавленные огромной каменной плитой. Только колоссальная физическая сила сэра Генри могла это сделать, и, вероятно, никогда сила не приносила большую пользу человеку.

— Зажгите спичку, Квотермейн, — сказал он, как только мы поднялись и немного отдышались. — Осторожно! Зажигайте!

При свете спички мы — благодарение богу! — увидели первую ступеньку каменной лестницы.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил Гуд.

— Конечно, спустимся по этой лестнице и доверимся провидению.

— Подождите! — сказал сэр Генри. — Квотермейн, захватите остатки билтонга и воды — они могут нам понадобиться.

Я начал ощупью пробираться обратно к тому месту, где мы сидели,

прислонившись к сундукам, и по дороге мне пришла в голову неожиданная мысль. В течение последних двадцати четырех часов мы мало думали об алмазах, самая мысль о них казалась нам невыносимой, так как именно они привели нас к гибели. Однако, подумал я, пожалуй, не помешает захватить с собой несколько штук на случай, если нам удастся выбраться из этой кошмарной дыры. Поэтому я запустил руку в первый ящик и наполнил алмазами все карманы моей старой охотничьей куртки, захватив в завершение — и это была счастливая идея — пару пригоршней крупных камней из третьего ящика.

— Послушайте-ка, друзья, — крикнул я, — не возьмете ли и вы с собой немного алмазов? Я набил ими все свои карманы.

— О, черт бы побрал эти алмазы! — отозвался сэр Генри. — Надеюсь, что я никогда больше не увижу ни единого.

Что касается Гуда, то он вовсе не ответил. Я думаю, что он был занят прощанием с останками несчастной девушки, которая так сильно его любила. Тебе, мой читатель, когда ты сидишь спокойно дома и размышляешь об огромном, неисчислимом богатстве, которое мы таким образом оставляли, может показаться странным подобное к нему безразличие. Однако если бы тебе самому пришлось провести часов двадцать восемь в таком месте, почти без еды и питья, то и тебе не захотелось бы обременять себя алмазами, перед тем, как спуститься в неизведанные недра земли, в безумной надежде избежать мучительной смерти. Если бы в течение всей моей жизни у меня не вошло в привычку никогда не бросать того, что может пригодиться, то, конечно, и я не позаботился бы о том, чтобы набить алмазами свои карманы. — Идите же, Квотермейн, — сказал сэр Генри, который уже стоял на первой ступеньке лестницы. — Спокойно! Я пойду вперед.

— Ступайте осторожно — там, внизу, может оказаться ужаснейшая яма, — заметил я.

— Скорее там окажется еще одна пещера, — сказал сэр Генри, медленно спускаясь по лестнице и считая на ходу ступени.

Отсчитав пятнадцать ступеней, он остановился.

— Здесь лестница кончается, — сказал он. — Слава богу! Мне кажется, что здесь есть проход. Спускайтесь!

Следующим спустился по лестнице Гуд, а за ним и я. Достигнув конца лестницы, я зажег одну из двух оставшихся спичек. При ее свете мы увидели, что стоим в узком туннеле, идущем вправо и влево под прямым углом к лестнице, с которой мы только что спустились. Больше нам не удалось увидеть ничего, так как спичка обожгла мои пальцы и погасла. Тут

возникла сложная проблема — в какую сторону нам повернуть. Конечно, совершенно невозможно было предугадать, что это были за туннели и куда они ведут, и тем не менее возможно было, что один из них приведет нас к спасению, а другой — к гибели. Мы совершенно не знали, как нам поступить, пока Гуд внезапно не припомнил, что, когда я зажег спичку, тяга воздуха в проходе отклонила пламя влево.

— Пойдемте навстречу воздушной струе, — сказал он. — Воздух проникает сюда извне, а не наоборот.

Мы с этим согласились и, держась за стену и осторожно нащупывая почву, прежде чем сделать хоть шаг, отправились в наш страшный путь, удаляясь от проклятой сокровищницы. Если туда суждено когда-нибудь прийти человеку, чего, я полагаю, не случится, то в доказательство того, что мы там побывали, он найдет открытый ящик с драгоценностями, пустую лампу и белые кости несчастной Фулаты.

Мы шли, пробираясь ощупью по туннелю, около четверти часа, как вдруг он сделал резкий поворот. Очевидно, мы дошли до места пересечения его с другим туннелем. Мы пошли дальше, и через некоторое время нам пришлось повернуть в третий туннель. Так продолжалось в течение нескольких часов. Казалось, мы попали в каменный лабиринт, из которого не было выхода. Конечно, я не знаю, что представляли собой все эти проходы, но мы решили, что, по всей вероятности, это древние галереи копей, причем туннели были проложены в разных направлениях, в зависимости от того, как проходила жила. Только этим можно объяснить такое большое количество туннелей. Наконец мы остановились в совершенном изнеможении. Наши сердца сжимались от сознания того, что надежды на спасение нет. Мы съели жалкий остаток билтонга и выпили последний глоток воды, потому что у нас совершенно пересохло в горле. Казалось, что нам удалось избежать смерти во тьме сокровищницы лишь для того, чтобы погибнуть во тьме бесчисленных туннелей.

Когда мы стояли таким образом, совершенно подавленные, мне показалось, что я уловил какой-то звук, и попросил моих спутников прислушаться. Это был, правда очень слабый и очень далекий, но все же действительно журчащий звук, потому что мои спутники слышали его тоже. Нет слов, которыми можно было бы описать охватившее нас блаженство, когда после бесконечных часов, проведенных среди полной, мертвой тишины, до нашего слуха донесся этот звук.

— Клянусь небом, это течет вода! — проговорил Гуд. — Пойдемте вперед. И мы вновь двинулись в том направлении, откуда слышалось тихое журчание, как и прежде пробираясь вдоль каменной стены. По мере того

как мы шли вперед, этот звук становился все более и более слышным, пока наконец в тишине он не показался нам очень громким. Вперед, все вперед. Теперь ошибки быть не могло — мы отчетливо слышали шум стремительно текущей воды. И все же, каким образом могла оказаться проточная вода в недрах земли? Теперь мы были уже совсем близко от нее, и Гуд, который шел впереди, клялся, что он чувствует запах воды.

— Идите осторожно, Гуд, — сказал сэр Генри, — мы, наверное, уже недалеко от нее.

Внезапно послышался всплеск и крик Гуда. Он упал в воду.

— Гуд! Гуд! Где вы? — кричали мы в смертельном испуге.

К нашему огромному облегчению, до нас донесся задыхающийся голос Гуда:

— Все в порядке, я ухватился за скалу. Зажгите спичку, чтобы показать мне, где вы находитесь.

Я поспешно зажег последнюю спичку. Ее слабое мерцание осветило темную массу воды, текущую у самых наших ног. Мы не могли рассмотреть, широка ли эта река, но на некотором расстоянии заметили темный силуэт нашего товарища, висящего на выступе скалы.

— Приготовьтесь вытащить меня! Мне придется к вам плыть! — крикнул Гуд.

Затем мы услышали всплеск — это плыл Гуд, отчаянно борясь с течением. Еще минута — и он очутился около нас. Сэр Генри протянул ему руку. Гуд ухватился за нее, и мы его вытащили.

— Честное слово, — проговорил он, жадно ловя ртом воздух, — я был на волосок от гибели. Если бы я не ухватился за эту скалу и не умел бы плавать, мне пришел бы конец. Течение невероятно быстрое, и я не чувствовал под ногами дна.

Ясно было, что дальше нам не пройти. Гуд немного отдохнул, все мы досыта напились воды из подземной реки, оказавшейся пресной и приятной на вкус, и смыли насколько возможно грязь со своих лиц, а затем покинули берега этого африканского Стикса^[62] и пошли обратно по туннелю. Гуд, с промокшей одежды которого беспрестанно капала вода, шел впереди. Наконец мы добрались до того места, откуда вправо отходил другой туннель.

— Ну что ж, можно повернуть сюда, — устало сказал сэр Генри. — Здесь все дороги одинаковы. Нам остается только идти, пока мы не упадем. Медленно, в течение долгого-долгого времени, мы ковыляли, еле волоча ноги, по этому новому туннелю. Теперь впереди шел сэр Генри.

Внезапно он остановился, и мы столкнулись с ним в темноте.

— Смотрите! — прошептал он. — Я схожу с ума или это в самом деле свет?

Мы пристально взгляделись в темноту. Там, далеко впереди, действительно виднелось неясное, тусклое пятно, не больше, чем окно коттеджа. Свет был настолько слаб, что только наши глаза, не видевшие в течение долгого времени ничего, кроме темноты, могли его рассмотреть. Задышавшись от волнения, со вновь вспыхнувшей надеждой мы устремились вперед. Пять минут спустя все наши сомнения окончательно рассеялись — действительно это было пятно слабого света. Еще минута, и мы ощутили дуновение настоящего свежего воздуха. Борясь с усталостью, мы шли все вперед и вперед. Вдруг туннель сузился, и сэру Генри пришлось двигаться дальше уже на четвереньках. Туннель все продолжал суживаться, пока не достиг размера большой лисьей норы, но теперь он был прорыт в земле. Каменный туннель окончился.

Еще одно отчаянное усилие — и сэр Генри выполз из туннеля, а за ним и мы с Гудом. Благословенные звезды сияли над нами в вышине, и мы вдыхали благоуханный воздух. Затем почва вдруг подалась под нашими ногами, и все мы покатались кубарем, приминая траву и ломая кустарник, по мягкой, влажной земле.

Я ухватился за что-то и остановился. Сев, я закричал во всю силу своих легких. Где-то поблизости, немного ниже, послышался ответный крик сэра Генри. Небольшой плоский участок земли задержал его стремительный спуск. Я подполз к нему и обнаружил, что он, хоть и едва мог перевести дыхание, был цел и невредим. Затем мы принялись искать Гуда. Неподалеку мы нашли и его — он застрял в развилке какого-то корня. Его сильно потрепало, но вскоре он пришел в себя.

Мы сели на траву, и реакция, наступившая после всего пережитого нами, была настолько сильна, что, как мне кажется, мы даже зарыдали от счастья. Нам удалось бежать из этой страшной темницы, которая чуть не стала нашей могилой. Вероятно, какая-то милосердная высшая сила направила наши шаги в нору шакала там, где кончался туннель, так как, по всей вероятности, это была именно нора. И вот перед нами на вершинах гор сиял розовато-красный отсвет зари, которую мы уже не рассчитывали когда-либо увидеть вновь. Вскоре серый рассвет скользнул по склонам гор, и мы увидели, что находимся на дне огромной копи, перед входом в пещеру, и могли уже различить смутные очертания трех колоссов, сидящих на краю шахты.

Несомненно, эти ужасные туннели, по которым мы бродили в течение ночи, длившейся, как нам казалось, целую жизнь, некогда сообщались с

огромной алмазной копью. Что же касается подземной реки, протекающей в недрах горы, то только небесам известно, что это за река и куда или откуда она течет. Что касается меня, я отнюдь не стремлюсь исследовать ее течение. Становилось все светлее и светлее. Теперь мы могли рассмотреть друг друга, и нужно сказать, что ни до, ни после этого мне не приходилось видеть такого зрелища, какое представляли мы в то памятное утро. Наши щеки ввалились и глаза глубоко запали, с ног до головы мы были покрыты пылью, грязью, синяками и ссадинами. На наших лицах все еще отражался длительный ужас перед неминуемой смертью. Словом, это было такое зрелище, которого мог испугаться сам дневной свет. Но, несмотря на все это, монокль Гуда торжественно красовался в его глазу. Не думаю, чтобы он вообще вынул его хоть раз за все это время. Ни темнота, ни купанье в подземной реке, ни стремительный спуск по склону копи не смогли заставить Гуда расстаться со своим моноклем.

Вскоре мы поднялись, так как боялись, что если мы долго будем сидеть таким образом, то у нас затекут ноги, и начали медленно карабкаться вверх по крутым склонам огромной воронки. Каждый шаг причинял нам боль. Более часа мы упорно ползли вверх по голубой глине, цепляясь за покрывавшие ее корни и траву.

Наконец путешествие было закончено, и мы стояли на Великой Дороге, на краю шахты, против колоссов.

На расстоянии сотни ярдов от дороги, перед группой хижин, горел костер, вокруг которого сидели какие-то фигуры. Мы направились к ним, поддерживая друг друга и останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы передохнуть. Вдруг один из людей, сидевших возле костра, поднялся и, заметив нас, упал на землю, крича от страха.

— Инфадус, Инфадус! Это мы, твои друзья!

Он поднялся и побежал нам навстречу, глядя на нас обезумевшими от ужаса глазами и все еще дрожа от страха.

— О мои повелители, мои повелители! Вы на самом деле вернулись из Царства Мертвых! Вернулись из Царства Мертвых!

И старый воин бросился перед нами ниц, охватил руками колени сэра Генри и громко зарыдал от радости.

Глава XIX . Мы прощаемся с Игнози

Прошло десять дней с того памятного утра, когда мы спаслись из нашей подземной темницы. Мы были вновь в нашем прежнем жилище в Луу. Странно сказать, но мы уже совсем оправились после нашего ужасного приключения, только мои похожие на щетину волосы, когда я вышел из пещеры, оказались совсем седыми, а Гуд сильно изменился после смерти Фулаты. Должен сказать, что, рассматривая эту трагедию с точки зрения стареющего светского человека, я прихожу к убеждению, что все совершается к лучшему. Если бы она не погибла, создалось бы безусловно весьма затруднительное положение. Бедняжка не было заурядной туземной девушкой, она обладала выдающейся, почти величественной красотой и довольно тонким умом. Но никакая красота и утонченность ума не смогли бы сделать желательным ее союз с Гудом, потому что, как сама она говорила: «Может ли солнце сочетаться с тьмой, или белый человек — с черной девушкой?»

Нечего и говорить, что мы больше не пытались проникнуть в сокровищницу царя Соломона. Придя в себя после ужасов, которые нам пришлось пережить, на что понадобилось сорок восемь часов, мы спустились в огромную копь в надежде найти нору, через которую мы выбрались из недр горы, но поиски наши не увенчались успехом. Во-первых, прошел дождь и смыл наши следы, а кроме того, склоны колоссальной копи были испещрены норами муравьедов и других животных. Немыслимо было угадать, которой из этих нор мы были обязаны спасением. Перед возвращением в Луу мы еще раз осмотрели чудеса сталактитовой пещеры и даже, движимые каким-то странным беспокойством, еще раз проникли в Чертог Смерти. Пройдя под копьем белой Смерти, мы с чувством, которое мне трудно было бы описать, долго смотрели на каменную стену, которая когда-то отрезала нам путь к спасению. В эти минуты мы думали о неисчислимых сокровищах, лежащих за этой стеной, о таинственной старой ведьме, и о прекрасной девушке, вход в чью гробницу был навсегда закрыт. Я говорю, что мы смотрели на «каменную стену», потому что, сколько мы ни искали, мы не могли обнаружить никаких следов подъемной двери и, конечно, не смогли открыть секрет механизма, приводившего ее в движение, так что теперь он утерян навеки. Несомненно, это был какой-то замечательный механизм, массивность и загадочность которого была типичной для создавшей его

эпохи. Думаю, что другого такого не найти во всем мире. Наконец мы с чувством раздражения оставили дальнейшие попытки. Если бы даже масса камня внезапно поднялась перед нашими глазами, у нас, вероятно, едва ли хватило бы мужества перешагнуть через изуродованные останки Гагулы и вновь вступить в сокровищницу. Нет, даже полная и безусловная уверенность в том, что мы станем обладателями неисчислимой массы алмазов, не могла бы заставить нас решиться на такой шаг. И тем не менее я чуть не плакал от досады, думая о том, какое там остается сокровище, — вероятно, величайшее сокровище, которое было когда-либо собрано в одном месте в течение всей истории человечества. Но делать было нечего. Только динамит мог проложить дорогу через сплошную скалу толщиной в пять футов. Итак, мы покинули это мрачное место. Возможно, что в отдаленном будущем, когда настанет век, который еще не родился, более счастливый исследователь наткнется случайно на секрет потайной двери, произнесет магическое «Сезам, отворись!»^[63] и наводнит мир драгоценностями. Но все же мне кажется, что сокровищам стоимостью во много миллионов фунтов стерлингов, лежащим в трех каменных ящиках, никогда не суждено украшать белоснежные шеи земных красавиц. Пока существует мир, они будут лежать там, связанные холодными узами смерти с костями Фулаты.

Со вздохом разочарования мы ушли и на следующий день отправились обратно в Луу. Надо сказать, что с нашей стороны было весьма неблагоприятно чувствовать себя разочарованными, потому что, как, вероятно, помнит читатель, перед тем как мы покинули свою темницу, мне пришла в голову счастливая мысль наполнить на всякий случай алмазами карманы своей старой охотничьей куртки. Много драгоценных камней потерялось, когда мы катились по склону ямы, в том числе большая часть крупных алмазов, которые я положил сверху. Но и так их осталось довольно много, включая восемнадцать крупных камней весом от тридцати до сотни каратов каждый. Да, в моей старой охотничьей куртке уцелело еще достаточно драгоценностей, чтобы сделать нас всех если не миллионерами, то, во всяком случае, чрезвычайно богатыми людьми, да еще чтобы при этом у каждого из всех нас троих осталось по лучшей коллекции алмазов в Европе. Так что нельзя сказать, что нам совсем не повезло.

По возвращении в Луу нас очень тепло и сердечно принял Игнози, которого мы нашли в добром здоровье. Он был очень занят укреплением своей власти и реорганизацией полков, которые понесли наибольшие потери в жестокой битве с Твалой.

Затаив дыхание, он с огромным интересом выслушал наш удивительный рассказ, но, услышав о страшной смерти Гагулы, задумался.

— Подойди сюда, — позвал он престарелого индуну (старейшину) из числа своих приближенных, которые сидели на таком расстоянии, что им не был слышен наш разговор.

Старик поднялся, приблизился к нам, приветствовал короля и сел.

— Ты стар, — сказал Игнози.

— Да, король, мой повелитель! Отец твоего отца и я родились в один и тот же день.

— Скажи мне, знал ли ты знахарку Гагулу, когда ты был ребенком?

— Да, король, мой повелитель!

— Была ли она в то время молода, подобно тебе?

— Нет, король, мой повелитель! Она была такова же, как ныне и как в те дни, когда жил мой дед, — стара, сморщенна, очень безобразна и полна злобы.

— Ее более нет. Она умерла.

— Так, о король! Тогда древнее проклятие снято с нашей земли.

— Ступай!

— Куум! Я ухожу, о Черный Щенок, перегрызший глотку старой собаке. Куум!

— Вы видите, братья мои, — сказал Игнози, — это была таинственная женщина, и я радуюсь тому, что она умерла. Она обрекла вас на смерть в этой темной пещере, а потом, быть может, нашла бы какой-нибудь способ убить меня, как некогда нашла способ убить моего отца, чтобы возвести на трон Твалу, которого любило ее сердце. Теперь продолжайте ваш рассказ, равного которому не приходилось слышать никому!

Рассказав ему историю нашего спасения, я, как мы заранее договорились между собой, воспользовался удобным случаем, чтобы сказать Игнози о нашем намерении покинуть Страну Кукуанов.

— А теперь, Игнози, пришло время нам попрощаться с тобой и вновь отправиться в долгий путь, на поиски своей страны. Слушай же, Игнози, ты пришел с нами сюда как слуга, а теперь мы оставляем тебя могущественным королем. Если ты чувствуешь к нам благодарность, то не забывай никогда поступать так, как ты обещал нам. Правь справедливо, уважай закон и не убивай никого без причины. Тогда ты будешь благоденствовать. Завтра на рассвете ты, Игнози, дашь нам отряд воинов, который поможет нам перебраться через горы. Не так ли, о король?

Игнози закрыл лицо руками и некоторое время молчал.

— Сердце мое болит, — сказал он наконец. — Ваши слова раскололи

его надвое. Что сделал я вам, Инкубу, Макумазан и Бугван, чтобы вы покинули меня и причинили мне этим такое горе? Вы, которые стояли рядом со мной во время мятежа и сражения, неужели вы оставите меня в день мира и победы? Что желаете вы? Жен? Выбирайте любых девушек в моей стране. Места, где поселиться? Смотрите — вся страна принадлежит вам. Домов, в каких живут белые люди? Вы научите мой народ, как их строить. Скота, чтобы иметь мясо и молоко? Каждый женатый человек приведет вам быка или корову. Дичи для охоты? Разве не бродят по моим лесам слоны, и разве не спит в тростниках гиппопотам? Может, вы хотите сражаться? Мои полки ожидают ваших приказаний. Если же я могу дать вам еще что-нибудь, я дам вам и это.

— Нет, Игнози, нам все это не нужно, — отвечал я. — Мы хотим разыскать свой родной дом.

— Так, значит, — с горечью сказал Игнози, и глаза его сверкнули, — вы больше любите эти блестящие камни, чем меня, своего друга. Теперь у вас есть камни. Теперь вы вернетесь в Наталь и пересечете волнующуюся черную воду, чтобы продать их и стать богатыми, так как этого жаждет сердце каждого белого человека. Да будут прокляты из-за вас эти камни, и да будет проклят тот, кто их ищет! Пусть Смерть будет уделом того, чья нога ступит в Пещеру Мертвецов в поисках богатства! Я сказал, белые люди. Вы можете идти.

Я коснулся его руки.

— Игнози, — сказал я, — скажи нам, когда ты странствовал в Стране Зулусов, а потом среди белых людей в Натале, разве твое сердце не томилось по стране, о которой рассказывала тебе мать? Твоей родной стране, где ты впервые увидел свет, где ты играл мальчиком? По стране, которая была твоей родиной?

— Да, это было так, Макумазан.

— Вот так же и наши сердца томятся по нашей стране, по нашим родным местам.

Наступило молчание. Когда Игнози вновь заговорил, голос его изменился:

— Я понимаю, что значат твои слова. Как всегда, они мудры и исполнены благоразумия, Макумазан. Тот, кто привык летать, не любит ползать по земле. Белый человек не может жить жизнью чернокожих. Да, вы должны уйти, но сердце мое полно печали, потому что оттуда, где будете вы, до меня не дойдут вести о вас. Но выслушайте меня, и пусть мои слова станут известны всем белым людям. С этого дня путь через горы закрыт для всех белых людей, если даже кому-нибудь из них удастся дойти

до них. Я не потерплю здесь торговцев с их ружьями и ромом. Мои соплеменники будут и впредь сражаться копьями и пить лишь воду, как их праотцы. И я не допущу, чтобы проповедники вселяли страх смерти в их сердца, чтобы они восстанавливали их против короля и прокладывали дорогу для белых людей, которые всегда следуют за ними. Если какой-нибудь белый человек подойдет к воротам моей страны, я отошлю его обратно. Если придет сотня белых, я отброшу их назад. Если придут армии, я двину против них все мое войско, и им не удастся торжествовать победу. Ни один человек не придет более сюда за сверкающими камнями, нет, — даже если это будет целая армия, потому что, если они придут, я пошлю своих воинов, чтобы они засыпали копь, разбили белые колонны в пещерах и заполнили их камнями, так чтобы никто не смог приблизиться к той двери, о которой вы говорили и секрет которой утерян. Но для вас троих, Инкубу, Макумазан и Бугван, дорога сюда всегда будет открыта, потому что нет среди живых никого, кто был бы дорожее моему сердцу, чем вы. И я позволю вам уйти отсюда. Инфадус, брат моего отца, возьмет вас за руку и выведет отсюда под охраной своего полка. Я узнал, что есть другой путь через горы, который он вам укажет. Прощайте, братья мои, отважные белые люди. Не ищите более встречи со мной, потому что я не смогу этого вынести. Слушайте меня! Я издам указ, и его огласят, передавая с одного горного хребта на другой, чтобы все узнали о нем.

Отныне народ будет чтить ваши имена подобно именам наших усопших королей, и смерть будет уделом того, чьи уста произнесут их^[64]. Таким образом, память о вас вечно будет жить в нашей стране.

Идите же теперь, пока мои глаза, подобно глазам женщины, не стали источать слезы. Когда-нибудь, когда вы состаритесь и соберетесь вместе погреться у огня, — ибо солнечного тепла уже будет не достаточно, чтобы согреть вас, — вы будете вспоминать, как мы стояли плечом к плечу в великой битве, исход которой предрешили твои мудрые слова, Макумазан. Вы будете вспоминать, как ты, Бугван, был острием рога, ударившего по флангам Твалы, как ты, Инкубу, стоял, окруженный кольцом Серых, и люди падали под ударами твоего топора, как колосья под ударами серпа. Вы будете вспоминать о том, как Инкубу сокрушил силу дикого буйвола Твалы и поверг в прах его гордыню. Прощайте же навек, Инкубу, Макумазан и Бугван, мои повелители и друзья!

С этими словами Игнози поднялся. В течение нескольких минут он смотрел на нас в глубоком раздумье, а затем накиннул на голову край плаща, как будто для того, чтобы скрыть от нас свое лицо.

Мы молча ушли.

На рассвете следующего дня мы покинули Луу. Нас сопровождали полк Буйволов и наш старый друг Инфадус, который тяжело переживал неизбежную разлуку с нами. Хотя было еще очень рано, вдоль главной улицы города, на всем ее протяжении, стояли массы людей. Они приветствовали нас королевским салютом, когда мы проходили мимо во главе полка, а женщины бросали нам под ноги цветы и благословляли нас за то, что мы освободили страну от Твалы. Все это производило чрезвычайно волнующее впечатление и было совершенно не похоже на то, с чем обычно приходится встречаться, живя среди туземцев. Однако дело не обошлось без очень забавного эпизода, чему я был даже рад, так как он дал нам повод немного развеселиться.

Как раз перед тем, как мы вышли за пределы города из толпы выбежала хорошенькая молодая девушка. У нее в руке было несколько прекрасных лилий, которые она преподнесла Гуду (почему-то он нравился, кажется, всем им, — я думаю, что монокль и единственная бакенбарда капитана придавали ему особую романтическую прелесть в их глазах). Затем она сказала, что у нее есть к нему просьба.

— Говори.

— Пусть мой повелитель покажет своей рабе его прекрасные белые ноги, чтобы она могла еще раз взглянуть на них и сохранить на всю жизнь это воспоминание и рассказывать об этом своим детям. Его раба шла четыре дня, чтобы увидеть его ноги, потому что слава о них разнеслась по всей стране. — Черт меня возьми, если я это сделаю! — взволнованно воскликнул Гуд. — Полно, полно, мой дорогой друг, — сказал сэр Генри. — Не сможете же вы отказать леди в просьбе.

— Не покажу! — упрямо проговорил Гуд. — Это совершенно неприлично.

Однако в конце концов он согласился засучить брюки до колен среди восторженных возгласов присутствующих женщин, в особенности же благодарной молодой леди. В таком виде ему пришлось следовать дальше, пока мы не вышли за черту города.

Боюсь, что никогда уже ноги Гуда не будут предметом такого восхищения. Его исчезающие зубы и даже прозрачный глаз успели за это время уже несколько надоесть кукуанам, чего нельзя сказать о его ногах.

По дороге Инфадус рассказал нам, что существует другой перевал через горы, к северу от того, продолжением которого является Великая Дорога царя Соломона, или, вернее говоря, есть место, где можно спуститься со склона скалистого хребта, отделяющего Страну Кукуанов от пустыни, того самого, на котором возвышаются огромные вершины двух

гор Царицы Савской. Оказалось также, что немного более двух лет до этого группа кукуанских охотников спустилась по этому пути с гор в пустыню в поисках страусов, перья которых очень ценятся в стране и идут на военные головные уборы. Во время охоты они забрели далеко в пустыню и испытывали сильную жажду. Увидев на горизонте очертания деревьев, они направились туда и обнаружили большой плодородный и прекрасно орошенный оазис протяженностью в несколько миль. По плану Инфадуса, наш обратный путь должен был проходить по этому оазису. Мы одобрили его план, так как он избавлял нас от трудностей перехода через горы. Кроме того, нас должны были сопровождать до оазиса несколько охотников, которые когда-то его открыли. Они утверждали, что оттуда они заметили вдали в пустыне другие плодородные оазисы^[65].

Мы шли вперед не спеша и в ночь на четвертый день нашего путешествия вновь очутились на горном хребте, отделяющем Страну Кукуанов от пустыни, которая вздымала свои песчаные волны у наших ног, простираясь примерно на двадцать пять миль к северу от гор Царицы Савской.

На рассвете следующего дня наши проводники доставили нас к месту, откуда начинался крутой спуск к пустыне, с высоты не менее двух тысяч футов.

Здесь мы распрощались с нашим верным другом, стойким старым воином Инфадусом. Он торжественно пожелал нам счастья и удачи, чуть не плача от горя.

— Никогда более, мои повелители, — сказал он, — не суждено моим старым глазам увидеть людей, подобных вам. Как Инкубу поражал в битве врагов! Что было за зрелище, когда он снес одним ударом голову Твалы! Это было прекрасно, прекрасно! Больше я никогда не увижу такого удара, разве только в блаженных сновидениях.

Нам было очень жаль с ним расставаться. Гуд так расчувствовался, что даже подарил ему на память свой монокль! (Впоследствии мы обнаружили, что у него был еще один, запасной.) Инфадус был в восторге, предвидя, что обладание подобным предметом колоссально повысит его престиж. После нескольких тщетных попыток ему все же удалось вставить монокль себе в глаз. Никогда я не видывал ничего более несуразного, чем этот старый воин с моноклем в глазу. Это, признаться, совсем не гармонировало с плащом из леопардовой шкуры и плюмажем из черных страусовых перьев.

Затем, удостоверившись в том, что наши проводники захватили с собой достаточно воды и провизии, и выслушав громовой прощальный салют Буйволов, мы крепко пожали руку старого воина и начали спускаться

с горного хребта. Это оказалось весьма нелегким делом, но, так или иначе, к вечеру того же дня мы благополучно добрались до подножия горы.

— Знаете ли, — сказал сэр Генри, когда мы сидели в эту ночь у костра и смотрели на нависшие над нами утесы, — мне кажется, что на свете есть немало мест похуже, чем Страна Кукуанов, и что бывали времена, когда я чувствовал себя гораздо более несчастным, чем за последний месяц или два, хоть со мной никогда не происходили такие странные вещи. А вы как думаете, друзья?

— Мне кажется, что я почти сожалею о том, что покинул эту страну, — со вздохом отозвался Гуд.

Что же касается меня, я подумал, что все хорошо, что хорошо кончается, но за всю мою долгую жизнь, полную опасностей, мне никогда не приходилось столько раз быть на краю гибели, как за последнее время. При одном воспоминании о сражении, в котором мне пришлось принимать участие, у меня проходит по коже мороз, не говоря уж о наших переживаниях в сокровищнице!

На следующее утро мы отправились в трудный путь через пустыню. Наши пятеро проводников несли большой запас воды. Мы провели ночь под открытым небом, а на рассвете двинулись дальше.

На третий день нашего путешествия, около полудня, мы увидели деревья того оазиса, о котором говорили наши проводники, и за час до захода солнца мы уже вновь шли по траве и слышали журчание воды.

Глава XX . Найден

А теперь я перехожу к самому удивительному приключению во всей этой необыкновенной истории, приключению, которое показывает, какие удивительные вещи случаются в жизни.

Опередив немного своих спутников, я спокойно шел вдоль берега ручья, который, вытекая из оазиса, терялся в раскаленных песках пустыни, и вдруг остановился, не веря своим глазам. И было от чего: ярдах в двадцати передо мной, в очаровательном месте, под сенью большого фигового дерева стояла маленькая уютная хижина. Она была обращена фасадом к ручью и построена по образцу кафрских из ивовых прутьев и травы, но имела обычную дверь, а не маленькую лазейку, похожую на летку в ульях.

«Что за чертовщина! — сказал я про себя. — Откуда взялась здесь хижина?»

Не успел я это подумать, как дверь отворилась, и из нее, прихрамывая, вышел белый человек с огромной черной бородой, одетый в звериные шкуры. Я решил, что со мной, должно быть, случился солнечный удар. Это было совершенно невероятно! Ни один охотник никогда сюда не забирался, и ни один безусловно не мог здесь жить. Я смотрел на него широко открытыми от изумления глазами. С не меньшим изумлением глядел на меня и человек в звериных шкурах. В это время подошли сэр Генри и Гуд.

— Послушайте, друзья, — сказал я, обращаясь к ним, — я схожу с ума, или это в самом деле белый человек?

Сэр Генри и Гуд взглянули на незнакомца, и в тот же момент белый человек с черной бородой громко закричал и, хромая, заковылял в нашу сторону, но, не дойдя до нас нескольких шагов, упал без сознания.

Одним прыжком сэр Генри был возле него.

— Силы небесные! — вскричал он. — Это мой брат Джордж!

Услышав этот крик, другой человек, тоже одетый в шкуры, вышел из хижины с ружьем в руках и подбежал к нам. Увидев меня, он тоже громко вскрикнул.

— Макумазан! — заговорил он. — Ты меня не узнаешь? Я Джим, охотник. Я потерял записку, которую ты мне дал для бааса, и вот мы здесь живем уже почти два года.

И, упав к моим ногам, он начал кататься по земле, плача от радости.

— Ах ты, негодная разиня! — сказал я. — Тебя следовало бы

хорошенько выпороть!

Тем временем человек с черной бородой пришел в себя, поднялся на ноги, и они с сэром Генри начали молча трясти друг другу руки, так как, очевидно, от полноты чувств были не в состоянии выговорить ни единого слова. Подозреваю, что в прошлом они поссорились из-за какой-нибудь леди (хотя я никогда сэра Генри об этом не спрашивал), но из-за чего бы это ни случилось, сейчас их ссора была, по-видимому, совершенно забыта.

— Дорогой мой! — вырвалось наконец у сэра Генри. — Я думал, что тебя уже нет в живых! Ведь я искал тебя по ту сторону Сулеймановых гор и вдруг нахожу в оазисе среди пустыни, где ты себе свил гнездо, словно старый [aasvцgel](#)^[66].

— Около двух лет назад и я пытался перейти горы Соломона, — слышался ответ, сказанный неуверенным голосом человека, отвыкшего говорить на родном языке, — но когда я попал сюда, мне на ногу упал огромный камень и раздробил мне кость. Поэтому я не мог ни продолжать свой путь, ни вернуться в крааль Ситанди.

Тут подошел я.

— Здравствуйте, мистер Невилль. Вы меня помните?

— Боже мой! — воскликнул он. — Неужели это Квотермейн? Как! И Гуд тоже здесь? Поддержите меня, друзья, — у меня снова закружилась голова... Как все это неожиданно и странно... И когда человек уж перестал надеяться, какое это счастье!

* * *

Вечером, у походного костра, Джордж Куртис рассказал нам свою историю, которая, так же как и наша, была полна событиями и вкратце сводилась к следующему.

Около двух лет назад он вышел из краалья Ситанди, пытаясь достичь Сулеймановых гор. Записку, посланную ему через Джима, он не получил и ничего до этого дня о ней не слышал, так как этот олух Джим ее потерял. Но, пользуясь указаниями туземцев, он направился не к горам Царицы Савской, а к тому крутому перевалу, который мы сами только что пришли. Это был безусловно более легкий путь, чем тот, который был отмечен на карте старого да Сильвестра. В пустыне они с Джимом перенесли большие лишения, но наконец добрались до этого оазиса, где в тот же день Джорджа

Куртиса постигло большое несчастье. Он сидел на берегу ручья, а Джим, стоя на высоком скалистом берегу как раз над ним, извлекал из расщелин мед диких пчел, у которых нет жала (такие пчелы водятся в пустыне). Карабкаясь по скалам, он расшатал большой камень, который обрушился и раздробил правую ногу Джорджа Куртиса. С тех пор он стал сильно хромать и, так как не мог много ходить, предпочел остаться и умирать в оазисе, чем наверняка погибнуть в пустыне.

Что касается пищи, то в этом отношении они не терпели никакой нужды, так как у них был большой запас патронов, а в оазис, особенно по ночам, приходило на водопой много животных. Они стреляли в них или ставили капканы, используя мясо для еды, а шкуры, после того как их одежда изнашивалась, — для одежды.

— Таким образом, — сказал в заключение Джордж Куртис, — мы жили здесь почти два года, как Робинзон Крузо с Пятницей, уповая на счастливую случайность, что вдруг в оазис забредут какие-нибудь туземцы и помогут нам отсюда выбраться. Но никто не появлялся. Наконец вчера вечером мы с Джимом решили, что он меня покинет и отправится за помощью в крааль Ситанди, хотя, признаться, у меня было очень мало надежды, что он вернется. А теперь ТЫ, именно ТЫ, — сказал он, обращаясь к сэру Генри, — которого я никак не рассчитывал увидеть, вдруг неожиданно появляешься и находишь меня там, где сам этого не ожидал. Ведь я был уверен, что ты преспокойно живешь в Англии и давным-давно меня забыл. Это самая удивительная история, которую мне когда-либо приходилось слышать, и какое счастье, что она окончилась столь благополучно!

Затем сэр Генри в свою очередь рассказал своему брату главные эпизоды наших приключений, и, так разговаривая, мы просидели до глубокой ночи.

— Слава богу, — сказал Джордж Куртис, когда я показал ему несколько алмазов, — что, помимо моей никчемной особы, вы нашли еще кое-что в награду за все ваши злоключения.

Сэр Генри засмеялся:

— Камни принадлежат Квотермейну и Гуду. У нас был договор, что они будут делить между собой всю добычу, которая может встретиться нам в пути. Это замечание заставило меня призадуматься. Переговорив с Гудом, я сказал сэру Генри, что мы оба просим его взять третью часть алмазов, а если он откажется, то его часть должна быть передана Джорджу Куртису, который, в сущности, пострадал из-за этих драгоценностей больше всех нас. Наконец, с большим трудом, мы уговорили его согласиться на это

предложение, но Джордж Куртис узнал о нашем решении значительно позже.

* * *

На этом я думаю закончить свой рассказ. Наш обратный путь через пустыню в крааль Ситанди был чрезвычайно труден, особенно потому, что нам приходилось поддерживать Джорджа Куртиса, так как его правая нога была в очень плохом состоянии и из нее время от времени выделялись осколки раздробленной кости. Но так или иначе, мы преодолели пустыню, и рассказывать подробности этого путешествия значило бы повторять многое из того, что нам пришлось пережить ранее.

Через шесть месяцев после нашего возвращения в Ситанди, где мы нашли наши ружья и прочие вещи в сохранности, хотя старый негодяй, которому мы их доверили, был чрезвычайно огорчен тем, что мы остались живы и пришли за ними, все мы, живые и невредимые, собрались в моем маленьком домике в Береа, возле Дурбана, где я теперь и пишу эти строки. Отсюда я прощаюсь со всеми, кто сопровождал меня в самое необыкновенное путешествие, которое мне когда-либо приходилось совершать за свою долгую и богатую приключениями жизнь.

P.S. Не успел я написать последнее слово, как увидел кафра, идущего с почты по моей апельсиновой аллее с письмом, зажатым в расщепленную палку. Письмо это было от сэра Генри, и так как оно имеет непосредственное отношение к моему рассказу, я привожу его полностью:

«Брейли-Холл, Йоркшир.

Дорогой Квотермейн!

С одной из последних почт я послал вам несколько строк, чтобы сообщить, что мы трое — Джордж, Гуд и я — благополучно прибыли в Англию. Мы сошли на берег в Саутгемптоне и немедленно отправились в Лондон. Вы бы только видели, каким щеголем стал Гуд на следующий же день! Великолепно выбрит, потрясающий фрак, облегающий его, как перчатка, новый замечательный монокль, и т.д., и т.д. Мы гуляли с ним в парке, где встретили кое-кого из знакомых, и я тут же рассказал им историю о его «прекрасных белых ногах».

Он взбешен, особенно после того, как один весьма язвительный журналист напечатал все это в фешенебельной газете.

А теперь о деле. Чтобы узнать стоимость алмазов, мы с Гудом обратились в ювелирную фирму Стритер, и я просто боюсь сказать вам, во что они их оценили. Сумма баснословная. Оценка их только приблизительная, так как они сказали, что не помнят, чтобы когда-нибудь на рынке были в таком количестве столь замечательные камни. Оказывается, что, за исключением одного или двух из наиболее крупных, они самой чистой воды и во всех отношениях не уступают лучшим бразильским бриллиантам. Я спросил, купит ли их фирма, но они ответили, что это им не под силу, и рекомендовали продавать по частям, чтобы не наводнять ими рынок. Тем не менее они все же предлагают сто восемьдесят тысяч фунтов стерлингов за весьма небольшую их часть.

Вы должны приехать в Англию, Квотермейн, и сами позаботиться об этом, тем более что вы настаиваете на великолепном подарке моему брату — целой трети алмазов, не принадлежащих мне.

Что касается Гуда, он совсем обезумел: почти все его время занято бритьем и делами, связанными с суетными украшениями своей особы. Но все же я думаю, что он еще не забыл Фулату. Он мне сказал, что с тех пор как приехал в Англию, он не видел ни одной женщины, которая была бы так очаровательна и так сложена, как она.

Я хочу, чтобы вы приехали на родину, мой дорогой старый друг, и поселились около меня. Вы достаточно потрудились на своем веку, и у вас уйма денег, а у меня по соседству продается имение, которое вам чудесно подойдет. Приезжайте же, и чем скорее, тем лучше! А книгу о наших приключениях вы можете закончить на пароходе. Мы отказались рассказывать нашу историю, пока вы ее не напишете, так как боимся, что нам не поверят. Если вы послушаетесь моего совета, вы приедете сюда на рождество, и я очень прошу вас остановиться у меня. К этому времени приедут Гуд и Джордж и, между прочим, ваш сын (это чтобы вас соблазнить!). Он уже приезжал ко мне на недельку поохотиться и произвел очень приятное впечатление. Ваш Гарри чрезвычайно хладнокровный молодой человек: во время охоты он выпустил мне в ногу целый заряд дроби, сам вырезал все дробины и затем сделал замечание о том, как удобно иметь среди охотников студента-медика. До свидания, старина! Не буду вас больше уговаривать, но я знаю, что вы приедете, хотя бы для того, чтобы сделать одолжение вашему искреннему другу

Генри Куртису.

P.S. Бивни огромного слона, разорвавшего беднягу Хиву, прибиты у меня в холле над той парой буйволовых рогов, которые вы мне подарили, и выглядят замечательно. А топор, которым я отрубил голову Твале, висит над моим письменным столом. Как жаль, что нам не удалось привезти кольчуги!

Г.К.»

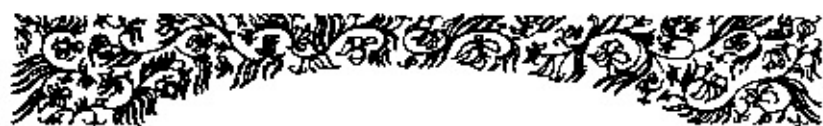
Сегодня вторник. В пятницу отходит пароход, и мне кажется, что я должен воспользоваться приглашением Куртиса и отправиться на нем в Англию, хотя бы для того, чтобы повидать моего мальчика Гарри и позаботиться о напечатании этой истории, так как мне не хотелось бы доверить это дело кому-либо другому.

Аллан Квотермейн

Священный цветок

СВЯЩЕННЫЙ ЦВЕТOK

I. Брат Джон

Я не думаю, что кто-нибудь, кому знакомо имя Аллана Квотермейна, мог бы связать его в своем представлении с какими-либо цветами, особенно с орхидеями. Тем не менее мне однажды суждено было принять участие в поисках орхидеи столь исключительного характера, что при описании их мне не следует опускать подробностей. По крайней мере, я подробно опишу эти поиски, и если кто-либо впоследствии захочет издать мои записки, он может свободно сделать это.

Это было в том году... Впрочем, к чему нам знать, в каком именно году это было — это было очень давно, когда я еще сравнительно нестарым человеком участвовал в охотничьей экспедиции к северу от реки Лимпопо, граничащей с Трансваалем. Моим компаньоном был один джентльмен по имени Чарльз Скруп.

В Дурбан он приехал из Англии с целью поохотиться. По крайней мере, это было одной из причин его приезда.

Другой причиной была одна леди, которую я буду называть мисс Маргарет Маннерс, хотя это не настоящее ее имя. Кажется, они были помолвлены и действительно любили друг друга. Но, к несчастью, они сильно повздорили из-за другого джентльмена, с которым мисс Маннерс протанцевала на охотничьем балу в Эссексе^[67], где они жили, четыре танца подряд, включая два, обещанные ею раньше своему жениху. Во время последовавших за этим объяснений мистер Скруп заявил, что он не может перенести такого отношения к себе со стороны своей невесты. Мисс Маннерс ответила, что она не желает, чтобы ей указывали, как надо себя вести; она сама себе госпожа и намерена всегда оставаться таковой. Мистер Скруп воскликнул, что она может оставаться сама себе госпожой лишь постольку, поскольку это не касается его. Мисс Маннерс ответила, что после этого она больше не желает с ним встречаться. Тогда мистер Скруп решительно сказал? что она никогда не увидит его больше и что он уезжает в Африку.

Более того, он на следующий же день покинул свой дом в Эссексе, не оставив никому своего адреса. Как оказалось впоследствии, если бы он

подождал прихода почты, то получил бы письмо, которое могло бы изменить его планы. Но он и его невеста были горячими молодыми людьми, способными надеть массу глупостей.

Итак, Чарльз Скруп приехал в Дурбан, который был тогда порядочным захолустьем. Мы встретились в нем в баре Королевского Отеля.

— Если вы хотите охотиться на крупных зверей, — говорил кто-то (кто именно, я не помню), — то только один человек может показать вам, как это делается. Это — охотник Квотермейн, лучший стрелок во всей Африке и притом превосходнейший человек.

Я сидел, покуривая свою трубку, и делал вид, что ничего не слышу. Неловко слушать, когда тебя хвалят, а я и без того всегда был довольно застенчивым человеком.

После непродолжительного разговора шепотом мистер Скруп подошел ко мне и представился. Я как можно учтивее поклонился и быстро оглядел его. Это был высокий молодой человек с темными глазами и несколько романтической наружностью.

Я сразу почувствовал к нему симпатию, которая еще более усилилась, когда он заговорил.

Я всегда придаю большое значение голосу и составляю свое первоначальное суждение о людях столько же по нему, сколько и по лицу. В голосе Скрупа чувствовалась особенная приятность, хотя слова, с которыми он обратился ко мне, были самыми обыкновенными.

Он сказал:

— Здравствуйте, сэр! Не желаете ли выпить со мной бутылочку чего-нибудь...

Я ответил, что днем я почти никогда не пью крепких напитков, но охотно выпью с ним бутылку пива.

Когда пиво было выпито, мы отправились в мой маленький домик, тот самый, в котором я впоследствии принимал своих друзей, Куртиса и Гуда. Там мы пообедали, и с этого момента Чарли Скруп не покидал моего дома до тех пор, пока мы не отправились в нашу охотничью экспедицию.

Остальное я должен изложить вкратце, так как оно только отчасти связано с той историей, которую я намерен рассказать.

Мистер Скруп был довольно богатым человеком. Он взял на себя все издержки по устройству экспедиции и, кроме того, предложил мне воспользоваться всей слоновой костью и другой возможной добычей нашего предприятия. Я, конечно, не отказался от такого предложения.

Все шло хорошо до тех пор, пока наше путешествие не закончилось несчастьем. Мы убили всего двух слонов, но зато встретили в изобилии

всякую другую дичь. Несчастье произошло на обратном пути, когда мы находились недалеко от бухты Делагоа.

Как-то под вечер мы вышли на охоту с целью подстрелить что-нибудь к ужину. Скоро я заметил среди деревьев дикую козу. Она скрылась за выступом скалы, примыкавшей к склону оврага. Мы доследовали за ней. Я шел впереди. Обогнув скалу, я увидел козу, стоявшую шагах в десяти от меня.

Вдруг из кустарника, растущего на вершине скалы, футах в двенадцати над моей головой, послышался шум и вслед за ним — возглас Чарли Скрупа:

— Смотрите, Квотермейн! Он уже близко?

— Кто? — спросил я раздраженным тоном, так как шум испугал козу и она убежала.

Вдруг у меня мелькнула мысль, что Скруп не стал бы кричать из-за пустяков, тем более что, спугнув козу, мы лишались ужина. Я обернулся и посмотрел вверх. До сих пор я отчетливо помню, что представилось тогда моим глазам. Надо мной была гранитная скала, вернее, несколько скал, в расселинах которых рос папоротник.

На одном из свесившихся вниз листьев папоротника сидел большой жук с красными крыльями и черным туловищем, потиравший передними лапками свои усики, а выше него, как раз на самой вершине скалы, виднелась голова великолепного леопарда. Записывая эти строки, я как сейчас вижу его четырехугольную морду, обрисовавшуюся на фоне вечернего неба, со слюной, повисшей на его губах.

Это было последним, что я видел, так как в следующий момент леопард бросился вперед и сбил меня с ног. Я предполагаю, что он тоже подстерегал козу и был теперь весьма раздражен моим появлением на месте козы... К счастью, я упал на место, поросшее мягким мхом.

— Все кончено! — подумал я, почувствовав на своей спине тяжесть зверя, прижавшего меня к земле, и, что еще хуже, его горячее дыхание, когда он уже приготовился схватить меня зубами за шею. Потом я услышал выстрел Скрупа и последовавшее за ним яростное рычание леопарда, который, по-видимому, был ранен. По всей вероятности, ему показалось, что рана нанесена мной, так как он схватил меня зубами за плечо.

Я почувствовал, как его зубы скользнули по моей коже, но, к счастью, они захватили только материю моей охотничьей куртки из крепкого бумажного бархата. Зверь начал трясти меня, потом остановился, очевидно решив схватить меня получше. Тут я, вспомнив, что у Скрупа было одноствольное ружье и что поэтому он лишен возможности выстрелить

вторично, понял, что пришел мой конец. Нельзя сказать, чтобы я почувствовал особенный страх. Вернее всего, во мне возникло чрезвычайно живое ощущение предстоящей большой перемены. Я припомнил — не всю свою жизнь, а всего два-три незначительных эпизода из своего детства. Так, например, мне казалось, что я вижу себя сидящим на коленях своей матери и играющим маленькой золотой рыбкой, которую она носила на цепочке своих часов.

После этого я вскрикнул, прощаясь с белым светом, и, кажется, потерял сознание. Во всяком случае, мой обморок длился всего лишь несколько секунд. Когда я очнулся, моим глазам представилось необычное зрелище. Леопард и Скруп буквально дрались друг с другом. Леопард, стоя на задних лапах, передними, из которых одна была перебита, казалось, боксировал Скрупа, между тем как Скруп колол зверя своим охотничьим ножом. Потом они повалились на землю — Скруп первым, леопард на него. Я вскочил со своего мшистого ложа, причем послышался сосущий звук, будто мое тело покинуло топкое место.

Мое ружье лежало около меня нисколько не поврежденным и со взведенным курком, каким и было в тот момент, когда выпало из моих рук. Я схватил его и выстрелил зверю в голову, как раз в ту секунду, когда он собирался схватить Скрупа за горло. Леопард повалила мертвым. Одно содрогание, одно судорожное сжатие его когтей на ноге бедного Скрупа, и все было кончено. Он лежал, как будто спал, а под ним находился Скруп.

Освободить Скрупа было довольно трудно, так как зверь был очень тяжел, но мне наконец удалось сделать это с помощью найденного мною сука, отломанного от дерева каким-нибудь слоном.

Этим суком я воспользовался как рычагом. Скруп лежал, весь покрытый кровью, хотя трудно было сказать, его ли это собственная кровь или кровь леопарда. Сперва мне показалось, что он мертв, но после того как я плеснул на него водой из маленького ручейка, падавшего со скалы, он пришел в себя и несвязно спросил:

— Что со мной?

— Вы герой, — ответил я.

Потом, видя бесполезность дальнейших попыток разговаривать с ним, я решил перенести его в лагерь, который, к счастью, находился недалеко.

Пройдя сотни две ярдов^[68] (Скруп все время говорил несвязным фразы; его правая рука охватывала мою шею, я же своей левой рукой держал его за талию), я вдруг почувствовал, что он потерял сознание. Нести его мне было слишком тяжело, поэтому я оставил его и отправился за помощью.

В конце концов я с помощью кафров донес его на одеяле до палаток, где внимательно осмотрел его раны.

Он был весь исцарапан, но серьезными ранами можно было считать только прокушенные мускулы на левой руке и три глубоких ранения на бедре, нанесенные когтями леопарда.

Я дал ему небольшую дозу лауданума^[69], чтобы заставить его уснуть, и как сумел, перевязал ему раны. В продолжение первых три дней все шло хорошо и раны, казалось, начали заживать. Как вдруг у моего пациента появилось нечто вроде лихорадки, вызванное, я полагаю, ядом когтей или зубов леопарда.

Ох, какая ужасная неделя последовала за этим!

Скруп впал в горячное состояние и беспрестанно бредил различными вещами, особенно часто упоминая мисс Маргарет Маннерс. Я поил его крепким мясным бульоном, смешанным с небольшим количеством водки, и вообще, насколько было возможно, старался поддерживать его силы. Но он становился все слабее и слабее.

Кроме того, у него начали гноиться раны на бедре. Бывшие с нами кафры не могли оказать мне достаточной помощи, и ухаживать за раненым приходилось почти исключительно мне. К счастью, леопард не причинил мне никакого вреда, если не считать потрясения, а в те времена я был довольно крепким человеком. Но скоро недостаток отдыха отразился на мне, так как я не осмеливался уснуть больше чем на пол часа зараз.

Наконец наступило утро, когда я окончательно выбился из сил. В маленькой палатке лежал и метался в бреду бедный Скруп, а я сидел около него, раздумывая, доживет ли он до следующего дня, и если доживет, то сколько времени еще я буду в состоянии ухаживать за ним. Я приказал одному из кафров принести мне кофе и едва поднес своей дрожащей рукой чашку к губам, как неожиданно ко мне пришла помощь...

Перед нашим лагерем росло два больших куста терновника, и вот, при свете восходящего солнца, я увидел среди них странную фигуру, медленно направлявшуюся ко мне. Это был мужчина неопределенного возраста. Несмотря на то что его длинные волосы и борода были совершенно седыми, его лицо было сравнительно молодым, если не считать нескольких морщинок около рта. Его темные глаза были полны силы и энергии. Одет он был в сильно поношенное платье, поверх которого было накинуто кожаное одеяло, неуклюже висевшее на его высокой худощавой фигуре. Обут он был в охотничьи сапоги из недубленой кожи. За спиной у него висел погнутый жестяной ящик, и в своих костлявых, нервных руках он держал длинную палку из черного с белым дерева, называемого туземцами

умцимбити, к верхнему концу которой была прикреплена сетка для ловли бабочек. За ним шло несколько кафров, несущих ящики на головах.

Я сразу узнал его, так как мы встречались с ним как-то раз в Земле Зулу, когда он спокойно вышел из-за рядов воинов враждебно настроенного к белым туземного племени.

Джентльмен в полном смысле этого слова, он был одной из самых странных личностей во всей Южной Африке. Никто не знал, кто он и откуда, за исключением того, что он американец по происхождению. Последнее часто выдавал его выговор. Он был доктором по профессии и, судя по его искусству, имел одинаково большую практику как в чистой медицине, так и в хирургии. Для всех было тайной, откуда он получал средства к существованию. В продолжение многих лет он бродил по Южной и Восточной Африке, ловя бабочек и собирая цветы.

Туземцы и, я должен прибавить, многие белые считали его сумасшедшим. Такая репутация вместе с его врачебным искусством позволяла ему, не подвергая себя опасности, бродить, где только вздумается, так как кафры смотрят на безумных как на вдохновенных Богом. Они называли его Догита (испорченное произношение английского слова «доктор»). Белые называли его «братом Джоном», «дядей Сэмом», «святым Джоном». Второе прозвище он получил за свое необыкновенное сходство (когда бывал выбрит и хорошо одет) с фигурой, в виде которой изображают в юмористических журналах великую американскую нацию, точно так же, как Англию изображают в виде Джона Булля. Первое и третье прозвище он получил за свою доброту и предполагаемую способность питаться «акридами и диким медом»^[70]. Сам же он предпочитал, чтобы его называли *братом Джоном*.

Ох! С какой радостью и облегчением я встретил его! Когда он подошел, я налил для него вторую кружку кофе и, вспомнив, что он любит очень сладкий кофе, положил побольше сахара.

— Здравствуйте, брат Джон, — сказал я, протягивая ему кофе.

— Здравствуйте, брат Аллан, — ответил он, потом взял кофе, опустил в него свой длинный палец, чтобы посмотреть, насколько он горяч и размешать сахар, и выпил его одним духом, словно это был не кофе, а лекарственный препарат. После этого он вернул мне кружку, чтобы я снова наполнил ее.

— Все собираете жуков? — спросил я. Он утвердительно кивнул головой.

— Жуков и цветы. Кроме того, делаю наблюдения над человеческой натурой и чудесными творениями Природы.

— Откуда вы теперь? — спросил я.

— С холмов, что миль ^[71] за двадцать отсюда. Покинул их вчера вечером. Шел всю ночь.

— Зачем? — спросил я, посмотрев на него.

— Мне казалось, что кто-то зовет меня. Признаться, мне казалось, что это были вы, Аллан.

— Значит, вы слышали, что я здесь и что со мной раненый товарищ?

— Нет, я ничего не слышал. Я собирался отправиться к побережью сегодня утром. Но вчера вечером передумал и направился сюда. Вот и все.

Я снова посмотрел на брата Джона, но ничего не сказал. Все это было очень странно, если только он говорил правду. Но он никогда не лгал. Это был в высшей степени правдивый человек.

— Что с вашим товарищем? — спросил он.

— Изранен леопардом. Раны не заживают, кроме того, у него лихорадка. Я думаю, что он не долго протянет.

— Ну, об этом вы ничего не можете сказать. Покажите мне его. Он внимательно осмотрел Скрупа и сделал много чудесного. Его жестяной ящик был наполнен разнообразными лекарствами и хирургическими инструментами, которые он хорошо прокипятил, прежде чем начать ими пользоваться. Потом он настолько тщательно вымыл руки, что едва не стер с них кожу, употребив на это очень много мыла. Бедный Чарли прежде всего получил дозу какого-то лекарства, которое, казалось, убило его. Брат Джон сказал, что это кафрское снадобье. Потом он вскрыл раны на бедре у Скрупа, очистил их, приложил к ним какие-то травы и перевязал их. Когда Скруп очнулся, он дал ему какого-то питья, вызвавшего сильную испарину и прекратившего лихорадку.

Через два дня пациент брата Джона попросил поесть и уже мог сидеть в постели, а через неделю он настолько оправился, что его можно было нести к побережью.

— Ваш призыв спас жизнь брату Скрупу, — сказал мне старый Джон на пути к побережью.

Я ничего не ответил. Этот «призыв», как называл его брат Джон, может быть объяснен телепатией ^[72], внушением, инстинктом или просто совпадением. Пусть читатель сам выведет о нем свое заключение.

За время нашей совместной жизни в лагере, последовавшего потом путешествия в бухту Делагоа и переезда оттуда в Дурбан, мы с братом Джоном постепенно сделались большими друзьями. О своем прошлом (о котором я узнал впоследствии) и о цели своих скитаний он, как я уже

упоминал, ничего не говорил. Но зато он много говорил о своих естественно-научных и этнографических занятиях. Я тоже интересовался этими вопросами и из своей личной практики знал многое об африканских племенах, их нравах и обычаях.

Среди других вещей, которые он мне показывал, у него было много разнообразных предметов, собранных во время недавнего путешествия, жуков и бабочек, аккуратно приколотых к донышку специальных ящиков, и большое количество сухих цветов, разложенных между листами папиросной бумаги. Среди последних, по словам брата Джона, было много орхидей.

Заметив, что они привлекают мое внимание, он спросил, не желаю ли я посмотреть на самую замечательную орхидею в мире. Я, конечно, ответил, что желаю, после чего он достал из одного из ящиков плоский пакет размером около двух с половиной квадратных футов^[73] и начал развязывать его. Сверху была тонкая травяная рогожка, какую плетут недалеко от Занзибара^[74], потом крышка упаковочного ящика, потом снова рогожка и несколько старых номеров «The Cape Journal»^[75], потом несколько листов папиросной бумаги и, наконец, между двумя листами картона — цветок и лист одного и того же растения.

Даже в засушенном виде это был удивительный цветок ярко золотистого цвета. Чашечка его была белая с черными линиями. В самом центре цветка было единственное темное пятно, имевшее вид обезьяньей головы. Здесь было все: нависшие брови, глубоко поставленные глаза, злобный рот и огромные челюсти. До того времени я видел горилл только на раскрашенных иллюстрациях. Мне казалось, что это изображение на цветке является точной копией такой иллюстрации.

— Что это? — удивленно спросил я.

— Сэр, — сказал брат Джон (он употреблял это формальное обращение, когда бывал в приподнятом настроении), — это самая замечательная *Surgrapedium*^[76] на всем земном шаре, и открыл этот цветок я! Здоровый отросток такого растения стоит по меньшей мере двадцать тысяч фунтов!^[77]

— Это лучше золотоискательства, — заметил я. — Что же, удалось вам достать такой отросток?

— Нет, не посчастливилось, — ответил брат Джон, печально покачав головой.

— Откуда же у вас такой цветок?

— Я расскажу вам об этом, Аллан. Год с небольшим тому назад я

занимался пополнением своих коллекций в местности, лежащей за Килвой^[78], и нашел там несколько чрезвычайно интересных вещей. Наконец, милях в трехстах за Килвой, я встретил одно племя, вернее, народ, который до сих пор не посещал ни один белый человек. Это многочисленное и воинственное племя смешанной зулусской крови называло себя *мазиту*.

— Я слышал о нем, — прервал я брата Джона, — полтора столетия тому назад, незадолго до времен Сензангаконы^[79], оно поселилось на севере.

— Я легко понимал их язык, — продолжал брат Джон, — так как они говорят на немного испорченном зулусском языке, как и другие племена, живущие в тех местах. Сперва они хотели убить меня, но потом раздумали, так как решили, что я безумец. Все считают меня безумным, Аллан, но это глубокое заблуждение. Скорее, безумно большинство других людей.

— Ну, а что же дальше стали делать мазиту? — поспешно спросил я, не желая продолжать разговор о безумии брата Джона.

— Потом они узнали, что я обладаю медицинскими познаниями. Ко мне явился их король Бауси с чрезвычайно большой опухолью. Я рискнул сделать ему операцию и вылечил его. Это было очень рискованное предприятие, потому что если бы он умер, мне тоже пришлось бы умереть. Но это не очень беспокоило меня, — прибавил он со вздохом. — С этого момента меня, конечно, стали считать великим чародеем. А Бауси сделался моим кровным братом, перелив немного своей крови в мои жилы и немного моей в свои. Я опасался, как бы он не заразил меня своей болезнью. Итак, я стал Бауси, и Бауси стал мною. Другими словами, я такой же, как и он, вождь мазиту и всю свою жизнь останусь таковым.

— Это может пригодиться, — задумчиво сказал я, — но продолжайте дальше.

— Потом я узнал, что на западной границе земли мазиту находятся большие болота, что за этими болотами есть озеро, называемое Кируа, и что за ним лежит большая плодородная земля с горой посредине. Эту землю считают островом. Называют ее Понго — так же, как и народ, который ее населяет.

— Ведь это, кажется туземное название гориллы? — спросил я. — По крайней мере, так говорил мне один человек, бывавший на восточном побережье.

— Как вы дальше увидите, это в самом деле очень странно. Говорят, что понго — великие маги, поклоняющиеся богу-горилле, или, вернее,

двум богам. Другой богу них цветок. Кто из них главный бог, цветок ли с обезьяньей головой или горилла — я не знаю. Вообще я знаю о них только то, что слышал от мазиту и от человека, называвшего себя вождем понго.

— Что же они говорили?

— Мазиту говорят, что понго — демоны, пробирающиеся секретными путями на лодках через тростники и похищающие у них женщин и детей для принесения в жертву своим богам. Иногда они нападают на мазиту по ночам, завывая при этом как гиены. Мужчин они убивают, женщин и детей забирают в плен. Мазиту тоже хотели бы напасть на них, но не могут. У них нет лодок, и потому они лишены возможности достигнуть острова, где живут понго, если только это остров. Кроме того, они рассказывали мне о чудесном цветке, который растет там, где живет бог-горилла, и которому тоже поклоняются как божеству. Они слышали об этом от некоторых людей своего племени, побывавших в плену у понго и бежавших от них.

— А вы не пробовали добраться до этого острова? — спросил я.

— Пробовал, Аллан. Я подходил к самому краю тростниковых зарослей у конца большой равнины, где начинается озеро. Там я провел некоторое время, занимаясь ловлей бабочек и собиранием растений. Однажды ночью (я был в своем лагере один, так как никто из моих людей не оставался после заката солнца так близко от понго) я проснулся и почувствовал, что вблизи меня кто-то есть. Я выполз из-под своего навеса и при свете заходящей луны (рассвет был уже близок) увидел высокого человека, опершегося на длинное копьё с широким наконечником. Этот человек был очень крупных размеров, ростом свыше шести футов. На нем был белый плащ, спускавшийся с плеч почти до самой земли. На голове у него была шапка с завязками, тоже белая, в ушах медные или золотые кольца и на руках — браслеты из такого же металла. Кожа у него была черная, но красивые черты его лица не были вполне негритянскими. Его нос не был приплюснутым, как у всех представителей негритянской расы, губы его были тонки. В целом в нем преобладали черты арабской расы. Лет ему было, вероятно, около пятидесяти. Его левая рука была перевязана, и лицо его выражало большую душевную тревогу. Он стоял столь неподвижно, что я начал думать, не одно ли это из тех привидений, которых понго, по словам мазиту, посылают в их страну.

— Мы долго смотрели молча друг на друга, так как я решил не начинать разговора первым. Наконец он заговорил низким, глубоким голосом на языке мазиту или на похожем на него языке, так как я легко понимал его.

— Не зовут ли тебя Догитой, о белый господин?

— Да, — ответил я. — Но кто ты, осмелившийся пробудить меня от сна?

— Господин! Я — Калуби, вождь племени понго, великий человек в своей стране.

— Зачем же ты, Калуби, вождь понго, пришел сюда в ночное время и один.

— А зачем ты, белый господин, пришел сюда один? — уклончиво ответил он.

— Чего тебе надо? — спросил я.

— О Догита! Я ранен и хочу, чтобы ты излечил меня, — он посмотрел на свою перевязанную руку.

— Отложи в сторону копье и открой свой плащ, чтобы я мог убедиться, что у тебя нет ножа.

Он повиновался, отбросив копье на некоторое расстояние.

— Теперь развяжи руку.

Он развязал. Я зажег спичку — зрелище, которое, казалось, сильно испугало его, хотя он не сказал ни слова — и при свете ее осмотрел руку. Первый сустав второго пальца отсутствовал. Судя по остатку, прижженному и туго обвязанному травинкой, он был откушен.

— Кто сделал это? — спросил я.

— Обезьяна, — ответил он. — Ядовитая обезьяна. Отрежь мне палец, о Догита, иначе завтра я умру.

— Почему же ты, Калуби, вождь понго, не обратился к своим врачам, чтобы они отрезали тебе палец?

— Нет-нет, — отвечал он, покачав головой, — они не могут сделать этого. Это запрещает закон. А мне самому трудно сделать это, ибо если дальше окажется черное мясо, надо будет отрезать кисть руки, если и дальше окажется черное мясо, надо будет отрезать всю руку.

Я сел на свой походный стул и задумался, так как бесполезно было пытаться делать операцию при таком освещении. Калуби, думая, что я отклоняю его просьбу, пришел в сильное волнение.

— Будь милосердным, белый господин, — молил он меня, — не дай мне умереть. Я боюсь смерти. Жизнь тяжела, но смерть еще хуже. Если ты откажешь мне, я убью себя здесь, перед тобой, и мой призрак будет посещать тебя до тех пор, пока ты не умрешь от страха и не присоедилишься ко мне. Какую плату ты хочешь? Золота, слоновой кости или рабов? Скажи, я дам тебе все.

— Молчи, — сказал я, так как увидел, что если он будет много говорить, его схватит приступ лихорадки, который приведет операцию к

роковому исходу. По той же причине я не стал расспрашивать его о многом, что интересовало меня. Я развел огонь и начал кипятить свои хирургические инструменты. Калуби, вероятно, думал, что я занялся магией. Тем временем взошло солнце.

— Ну, — сказал я, — теперь покажи, насколько ты храбрый человек.

И вот, Аллан, я сделал операцию, отрезав ему палец у самого основания, так как думал, что в его рассказе о яде есть доля правды. И действительно, как я нашел впоследствии и теперь могу показать вам, ибо отрезанный сустав пальца до сих пор сохранился у меня в спирту, там был яд. Чернота, о которой говорил Калуби, распространилась почти по всему пальцу.

Вождь понго, без сомнения, был весьма терпеливым человеком. Во время операции он сидел неподвижно, как скала, и даже глазом не моргнул. Увидев, что в оперированном месте здоровая ткань, он издал глубокий вздох облегчения. Потом, когда все было кончено, он впал в легкий обморок. Я дал ему немного коньяка с водой, что подкрепило его.

— О господин Догита, — говорил он, когда я перевязывал ему руку, — на всю жизнь я твой раб. Но окажи мне еще одну услугу. В моей земле есть ужасный дикий зверь, откусивший мне палец. Это — демон. Он убивает нас, и мы боимся его. Я слышал, что у вас, белых людей, есть магическое оружие, которое убивает с шумом. Приди в мою землю и убей того дикого зверя своим магическим оружием. Я молю тебя, приди, приди, ибо я в страхе.

И действительно у него был очень взволнованный вид.

— Нет, — ответил я, — я не проливаю крови. Я никого не убиваю, кроме бабочек, да и тех не так уж много. Но если ты боишься этого зверя, почему ты не отравишь его? Вам, черным, знакомо много ядов.

— Все бесполезно, — печально ответил он. — Зверь умеет различать яды. Некоторые он глотает, и они не вредят ему, к некоторым он не прикасается. Ни один черный человек не может убить его. Нам издревле известно, что он умрет только от руки белого.

— Очень странное животное, — подозрительно начал я, так как мне показалось, что Калуби лжет. Но в этот самый момент я услышал голоса своих людей. Они с пением шли ко мне через высокую траву, но, по-видимому, были еще далеко. Калуби тоже услышал их и вскочил на ноги.

— Мне надо идти, — сказал он. — Никто не должен видеть меня здесь. Но какую плату желаешь ты, о господин?

— За лечение я не беру платы, — ответил я. — Но постой. В вашей земле растет чудесный цветок. Не правда ли? Я хотел бы иметь этот цветок.

— Кто сказал тебе о цветке? — спросил Калуби. — Это — священный цветок. Не говори о нем, о белый господин, ибо говорить о нем для тебя рискованно. Вернись сюда и приведи с собой кого-нибудь, кто может убить зверя, и я сделаю тебя богатым. Вернись и позови из тростника Калуби, и Калуби услышит твой зов и придет к тебе.

Потом он схватил свое копье и исчез в тростнике. Больше я его никогда не видел.

— Но откуда же вы, брат Джон, достали этот цветок?

— Однажды утром, спустя около недели, я нашел его около своей палатки стоящим в узкогорлом глиняном сосуде с водой. Я, конечно, просил Калуби прислать мне корень растения, но он, вероятно, понял, что мне нужен только цветок. Или, может быть, он не посмел послать целое растение. Во всяком случае, это лучше, чем ничего.

— Почему же вы сами не отправились в Понго и не добыли его?

— По многим причинам, Аллан. Мазиту клялись, что всякий, кто увидит этот цветок, бывает умерщвлен. Когда они узнали, что у меня есть такой цветок, они заставили меня уйти миль за семьдесят, в другую сторону своей страны. Поэтому я решил подождать до тех пор, когда найдутся люди, которые согласятся сопровождать меня. Откровенно сказать, вы, Аллан, кажетесь мне человеком, который охотно взглянул бы на странного зверя, откусывающего людям пальцы и пугающего их до смерти. Удивительно, — прибавил он, с улыбкой поглаживая свою длинную седую бороду, — что мы с вами встретились вскоре после всего этого.

— Вы находите меня таким человеком? — ответил я. — Брат Джон, о вас болтают многое, но я пришел к заключению, что все это неверно.

Он снова улыбнулся и погладил свою длинную седую бороду.

II. Аукционный зал

Мне помнится, что разговор о понго, почитателях гориллы и Священного Цветка, не возобновлялся до самого нашего приезда в мой дом в Дурбане. Туда я взял, конечно, с собою Чарльза Скрупа, туда же переехал и брат Джон, который, за недостатком лишней спальни в моем доме, разбил свою палатку в саду.

Однажды вечером мы с ним сидели на крыльце и курили. Единственной слабостью брата Джона было то, что он курил. Он совершенно не пил вина, ел мясо только тогда, когда был принужден к этому обстоятельствами, но при всяком удобном случае он, как и большинство американцев, курил сигары.

— Джон, — сказал я, — я думал о вашем рассказе и пришел вот к каким выводам.

— К каким, Аллан?

— Во-первых, вы были порядочным ослом, не узнав от Калуби больше. У вас был для этого удобный случай.

— Согласен с вами, Аллан, но, между прочим, я — доктор, и тогда меня главным образом занимала операция.

— Во-вторых, я уверен, что Калуби подвергся нападению своего бога-обезьяны и что обезьяна эта — горилла.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я слышал об обезьянах соко, живущих в Центральной Африке, которые откусывают у людей пальцы на руках и ногах. Я слышал, что они очень похожи на горилл.

— Я тоже знаю этих обезьян, Аллан. Однажды я видел соко, огромную коричневую обезьяну, которая стояла на задних лапах и била себя в грудь. Я не успел хорошо рассмотреть ее, потому что бежал от нее.

— В-третьих, желтая орхидея может принести много денег тому, кто выкопает и перевезет ее в Англию.

— Я, кажется, говорил вам, Аллан, что она стоит около двадцати тысяч фунтов. Таким образом, ваш вывод не самостоятелен.

— В-четвертых, я не прочь выкопать с кем-нибудь эту орхидею и получить свою долю из двадцати тысяч фунтов.

К этим словам брат Джон проявил чрезвычайный интерес.

— Ага! — сказал он. — Теперь мы наконец дошли до самой сути дела. Я все ждал, когда вы скажете это, Аллан.

— В-пятых, — продолжал я, — для организации такой экспедиции потребуется значительно больше денег, чем есть у нас с вами вместе. Нам нужны компаньоны, безразлично, принимающие ли непосредственное участие в экспедиции или нет, но непременно с деньгами.

Брат Джон бросил взгляд на окно комнаты Чарли Скрупа, который, будучи еще довольно слабым, очень рано ложился спать.

— Нет, — сказал я, — с него довольно Африки. Да и вы сами говорили, что он окончательно оправится не раньше, чем через два года. Кроме того, тут замешана одна леди. Я уже написал от себя письмо этой леди. Ее адрес я узнал от Скрупа, когда он не понимал, что говорил. Я написал ей, что он все время бредил только ею и что он герой. Ох! Что скажет Чарли Скруп, когда узнает, как я расписал его! Письмо ушло с последней почтой, и я надеюсь, что оно скоро дойдет по назначению. Теперь слушайте дальше. Скруп хочет, чтобы я проводил его в Англию. Он, по-видимому, надеется, что я смогу замолвить за него слово, если мне случится встретиться с той леди. Он берет на себя все расходы по путешествию и предлагает уплатить мне за потерянное время. А так как я не был в Англии с тех пор, как мне было всего три года, мне не хотелось бы упускать такого случая.

У брата Джона вытянулось лицо.

— А как же экспедиция? — спросил он.

— Сегодня первое ноября, — ответил я, — дождливое время в тех местах начинается как раз теперь и длится до апреля. Так что до этого времени бесполезно будет пытаться посетить ваших приятелей понго. Я же тем временем успею съездить в Англию и вернуться обратно. Если вы доверите мне ваш цветок, я возьму его с собою. Быть может, мне удастся найти человека, который согласится дать денег на организацию поисков этого растения. А в это время вы можете, если хотите, жить у меня и располагать моим домом, как своим.

— Благодарю вас, Аллан, но мне нельзя сидеть так долго на одном месте. Я отправлюсь куда-нибудь и потом вернусь.

Он остановился, задумчиво устремив глаза в темноту. Потом предложил:

— Видите ли, брат, мне надо бродить и бродить по этой земле до тех пор...

— Вы знаете, до каких пор? — пытливо спросил я.

Он сделал усилие и ответил с искусственной беззаботностью:

— Пока не изучу каждый дюйм ее. Есть еще очень много племен, которых я не посетил.

— Включая понго, — сказал я. — Кстати, если я достану денег на экспедицию, я полагаю, вы тоже отправитесь со мной? Ведь только с вашей помощью можно рассчитывать пробраться к понго через землю ваших друзей мазиту.

— Конечно, я отправлюсь с вами. Больше того, если вы не пойдете со мной, я пойду один. Я хочу исследовать Землю Понго, даже если бы мне грозила опасность никогда не вернуться оттуда.

Я пристально посмотрел на него и сказал:

— Ради цветка вы, Джон, готовы рисковать многим. Или, кроме цветка, вы ищете чего-либо другого? Если так, я, надеюсь, выскажете мне всю правду.

— Хорошо, Аллан. Если вы так настаиваете, я скажу вам всю правду. О понго я слышал больше, чем рассказал вам. Это было после того, как я оперировал Калуби или после того, как я попытался пробраться к понго один. Но, как я уже вам говорил, мне это не удалось.

— Что же вы слышали?

— Я слышал, что у понго, наряду с белым богом, есть и белая богиня.

— Что же из этого?

— Ничего, за исключением того, что богини всегда интересовали меня. Спокойной ночи!

«Ты, старый воробей, — подумал я, — что-то скрываешь от меня. Хорошо. В один прекрасный день я узнаю, правда ли все это или нет. Но эта орхидея... Станный народ эти понго со своей белой богиней и священным цветком. Поистине Африка страна необыкновенных людей и богов!»

Теперь место действия переносится в Англию. (Но не бойтесь, милый читатель, любитель приключений! Через несколько страниц оно снова перенесется в Африку). Мистер Чарльз Скруп и я покинули Дурбан через день или два после моего последнего разговора с братом Джоном. В Кейптауне мы сели на почтовый пароход, небольшое уютное суденышко, которое после долгого и утомительного плавания наконец доставило нас целыми и невредимыми в Плимут. Нашими товарищами по путешествию были весьма скучные и неинтересные люди. Большинство из них я забыл, но одну леди помню хорошо. Судя по ее наружности, она, вероятно, начала свою карьеру прислужой при баре. Теперь она была женой богатого виноторговца из Кейптауна. На нашу беду, она после обеда становилась чрезвычайно разговорчивой. Я припоминаю, как она сидела в салоне, освещенном керосиновой лампой, качавшейся над ее головой (она всегда садилась под лампой, чтобы всем были видны ее бриллианты). Я помню,

она говорила: «Не вносите сюда вульгарных охотничьих манер, мистер Аллан (с ударением на Аллан) Квотермейн. Они не подходят приличному обществу. Вам следует пойти и причесать свои волосы». Ее маленький супруг испуганно говорил:

— Что ты говоришь! Перестань! Ты почти оскорбляешь, моя дорогая!

Но к чему я вспоминаю все это спустя столько лет, когда я забыл даже имена этих людей!

Мы посетили остров Вознесения, с волнами, разбивающимися о него в белую пену, с его обнаженным горным пиком, увенчанным зеленью, и черепахами в прудах. Мы захватили с собой пару, и я часто смотрел, как они лежат на баке на спинах, слабо шевеля своими конечностями. Одна из них издохла, и я велел мяснику очистить для меня ее панцирь. Впоследствии я преподнес его в полированном и обработанном виде мистеру Скрупу и его невесте в качестве свадебного подарка. Я предназначал его для рабочей корзинки и был весьма смущен, когда одна глупая леди во всеуслышанье объявила на свадьбе, что это самая красивая колыбель, какую она когда-нибудь видела. Я, конечно, пытался объяснить ей назначение черепаховой брони, а в это время все кругом хихикали.

Но к чему я пишу о таких пустяках, не имеющих прямого отношения к моей истории!

Я уже упоминал, что рискнул послать письмо мисс Маннерс относительно мистера Скрупа, в котором я, между прочим, сообщил, что «если герой останется в живых, то я, вероятно, привезу его домой со следующим почтовым пароходом». Мы прибыли в Плимут в тихий ноябрьский день, часов около восьми утра. Вскоре явился буксир за пассажирами, почтой и некоторым грузом. Я смотрел, как он подходит к нам, и увидел на его палубе полную леди, закутанную в меха, а рядом с ней красивую белокурую молодую женщину в изящном костюме. Немного спустя ко мне подошел стюард и сказал, что меня просят в салон. Я отправился туда и нашел там двух упомянутых дам, стоявших рядом:

— Мистер Аллан Квотермейн, — сказала полная леди. — Скажите поскорее, где мистер Скруп, которого вы везете домой?

Что-то в ней и в ее манере обращения так встревожило меня, что я едва мог ответить:

— Внизу, мадам, внизу...

— Моя дорогая, — сказала полная леди своей спутнице, — Я предупреждала тебя быть готовой к самому худшему. Соберись с духом и не устраивай сцены перед всеми этими людьми. Пути Провидения неисповедимы. Тебе не следовало отпускать бедного юношу в страну

язычников.

Потом, обернувшись ко мне, она прибавила:

— Я полагаю, он набальзамирован? Мы хотели бы похоронить его в Эссексе.

— Набальзамирован! — воскликнул я. — Набальзамирован? Да он в ванне или был в ней всего лишь несколько минут тому назад!

В следующую секунду молоденькая леди пролила слезы радости на моем плече.

— Маргарет! — воскликнула ее компаньонка (она приходилась молодой особе чем-то вроде тетки), — я просила тебя не устраивать публичных сцен. Мистер Квотермейн, ввиду того, что мистер Скруп жив, будьте добры попросить его сюда.

Я немедленно притащил Скрупа, не дав ему окончить бритья.

Остальное легко можно себе представить.

Хорошо быть героем. С этих пор (благодаря мне) Чарльз Скруп остался таковым на всю жизнь. Теперь у него есть внуки, и все они считают его героем. Более того, он не возражает им. Потом я отправился в Эссекс к молодой леди, в ее имение с красивым домом. Я попал на большой парадный обед на двадцать четыре персоны. Мне пришлось произнести речь о Чарльзе Скрупе и леопарде. Это была великолепная речь. По крайней мере, все весело рукоплескали, включая и слуг, собравшихся в конце большой столовой.

Я помню, что для дополнения рассказа я ввел в него еще нескольких леопардов (самку и трех взрослых детенышей) и раненого буйвола. Согласно моему рассказу, всех их одного за другим мистер Скруп прикончил своим охотничьим ножом. Интересно было посмотреть на него во время этого рассказа. К счастью, он сидел рядом со мной, и я мог толкать его ногой под столом. Все это было очень весело. Молодая пара была очень счастлива, так как они действительно любили друг Друга.

Благодарение судьбе, мне с помощью брата Джона удалось снова соединить их.

Во время своего пребывания в Эссексе я, между прочим, впервые встретился с лордом Регноллом и прекрасной мисс Холмс, с которыми мне впоследствии суждено было пережить несколько очень странных приключений.

Спустя некоторое время я взялся за дело. Кто-то сказал мне, что в городе есть фирма, занимающаяся аукционной продажей орхидей, которые в то время входили в моду у богатых садоводов. «Вот — подумал я, — подходящее место, где мне следует показать свое сокровище. Без сомнения,

господа «Мэй и Примроуз» — так называлась эта всемирно известная фирма — смогут познакомить меня с богатыми орхидистами, которые не задумаются внести пару тысяч фунтов на поиски цветка, стоившего, по словам брата Джона, неслыханную сумму денег. По крайней мере, я попытаюсь что-нибудь сделать».

И вот в одну пятницу, около двенадцати часов дня, я посетил деловую контору господ «Мэй и Примроуз», принеся с собою *Cypripedium*, которая лежала теперь в плоской жестяной коробке. Для своего посещения я выбрал очень неудачное время, так как на вопрос, могу ли я видеть мистера Мэя, я получил ответ, что он отсутствует.

— В таком случае я хотел бы видеть мистера Примроуза, — сказал я.

— Мистер Примроуз в аукционном зале, — ответил клерк, который, казалось, был очень занят.

— А где это? — спросил я.

— Выйдя за дверь, налево, потом опять налево, — сказал клерк, захлопывая окошечко.

От этой грубости мне стало так неприятно, что я уже был близок к тому, чтобы отказаться от своего предприятия.

Но, немного подумав, я все же пошел в указанном направлении и через минуту или две очутился в узком проходе, ведущем в большую комнату.

Для всякого нового человека эта комната представляла необычайное зрелище.

Первое, что бросилось мне в глаза, было объявление на стене, запрещавшее посетителям курить трубки. «Странные растения эти орхидеи, если они умеют отличать сигарный дым от трубочного», — подумал я, входя в большую комнату. Налево стоял длинный стол, уставленный горшками с самыми красивыми цветами, какие я когда-либо видел. Все это были разнообразные орхидеи. Вдоль стен стояли столы, сплошь заваленные корнями, тоже, по-видимому, орхидей. Моему неопытному глазу все эти кучи корней казались не стоящими и пяти шиллингов. Посреди комнаты стояла кафедра или трибуна, за которой сидел джентльмен с очень приветливым лицом. Он так быстро вел аукцион, что сидевший рядом с ним клерк едва успевал записывать покупателей. Перед кафедрой стоял стол, имевший вид подковы. За ним сидели покупатели. Конец этого стола никем не был занят, так что носильщики могли выставлять перед продажей каждую партию цветов. У самой кафедры стоял еще другой небольшой стол, на котором стояло около двадцати горшков наиболее красивых орхидей. Судя по объявлению, они должны были продаваться ровно в половине второго. По всей комнате

стояли группы мужчин (дамы сидели за большим столом), большинство которых имело в петлицах орхидеи. Это, как я узнал впоследствии, были продавцы и любители орхидей. Все они производили на меня очень хорошее впечатление. Комната мне тоже казалась чрезвычайно уютной, особенно по контрасту с ужасным лондонским туманом, царившим снаружи. Я пробрался в угол, чтобы никому не мешать, и некоторое время смотрел на происходившее перед моими глазами.

Вдруг чей-то приятный голос рядом спросил меня, не желаю ли я заглянуть в каталог. Я посмотрел на говорившего и сразу почувствовал к нему чрезвычайную симпатию (я уже говорил, что принадлежу к людям, придающим большое значение первому впечатлению).

Это был обыкновенный белокурый молодой англичанин, не очень высокого роста, хорошо сложенный, с веселыми голубыми глазами и чрезвычайно приятным выражением лица. Лет ему было не более двадцати четырех — двадцати пяти. Я сразу почувствовал, что это чрезвычайно добрый и милый человек. На нем был немного поношенный костюм из грубой материи, с орхидеей в петлице.

— Благодарю вас, — ответил я, — я пришел сюда не покупать. Я мало смыслю в орхидеях, — прибавил я в виде пояснения, — за исключением некоторых видов, встречавшихся мне в Африке, и вот этой, — я похлопал по жестяному ящику, который держал в руках.

— Мне очень хотелось бы услышать что-нибудь об африканских орхидеях, — сказал он. — Что у вас в этом ящике, растение или цветы?

— Всего один цветок. Он принадлежит не мне. Один из моих африканских друзей просил меня... впрочем, это длинная история, которая вряд ли будет интересна вам.

— Напротив. Судя по величине, это должно быть стебель или побег *Cymbidium*^[80].

Я отрицательно покачал головой.

— Это не то название, которое упоминал мой друг. Он назвал этот цветок *Cypripedium*.

Молодой человек был чрезвычайно удивлен.

— Один цветок *Cypripedium* во всем этом большом ящике? Должно быть, это очень большой цветок.

— Да, мой друг говорит, что это самый большой цветок, какой когда-либо находил. Он имеет около двадцати четырех дюймов^[81] в поперечнике.

— Двадцать четыре дюйма в поперечнике! — воскликнул молодой человек с видом крайнего удивления. — И притом *Cypripedium*! Сэр, вы,

вероятно, шутите?

— Сэр, — ответил я с негодованием, — вы хотите сказать, что я лгу? Впрочем, может действительно оказаться, что этот цветок другого семейства.

— Во имя богини Флоры^[82], покажите мне его поскорей! Я начал открывать ящик. Он уже был наполовину открыт, когда к нам подошли два других джентльмена, которые либо слышали наш разговор, либо заметили возбужденный вид моего собеседника. Я заметил, что в петлицах у них тоже были орхидеи.

— Ба, Соммерс! — сказал один из них с искусственной живостью, — что это у вас?

— Что это у вас? — повторил другой.

— Ничего, — ответил молодой человек, которого называли Соммерсом, — это... ящик с тропическими бабочками.

— А! Бабочки! — сказал номер первый и ушел. Но не так легко было удовлетворить любопытство номера второго, мужчины с ястребиными глазами.

— Покажите мне этих бабочек, — обратился он ко мне.

— Это никак не возможно, — воскликнул молодой человек. — Мой друг боится, как бы сырость не испортила их окраски. Не правда ли, Броун?

— Да, Соммерс, — ответил я, поняв хитрость и захлопывая ящик. Мужчина с ястребиными глазами удалился.

— Орхидист! — прошептал молодой человек. — Ужасный народ эти орхидисты! Оба эти джентльмена — очень богатые люди. Мистер Броун — надеюсь, так вас зовут, хотя, быть может, я ошибаюсь...

— Да, вы ошибаетесь, — ответил я, — меня зовут Аллан Квотермейн.

— А! Это лучше, чем Броун. Вот что, мистер Аллан Квотермейн. Здесь есть отдельная комната, куда я имею доступ. Быть может, мы перейдем туда с этим ящиком... (мимо нас проходил джентльмен с ястребиными глазами) с бабочками?

— С удовольствием, — ответил я.

Мы вышли из аукционного зала и в конце концов очутились в маленькой комнатке, по стенам которой стояли полки, уставленные книгами.

Соммерс тщательно запер за собой дверь.

— Ну-с, — сказал он тоном романтического злодея, оставшегося наедине с добродетельной героиней, — теперь мы одни. Мистер Квотермейн, покажите мне ваших... бабочек.

Я поставил ящик на стол у окна и открыл его. Потом был снят верхний слой ваты, и вот на свет появился золотистый цветок, сжатый между двумя стеклами, ничуть не поврежденный в больших путешествиях, прекрасный даже в мертвом виде.

Молодой человек, которого называли Соммерсом, не мог оторвать от него глаз. Один раз он обернулся, пробормотал что-то, потом снова принялся рассматривать его.

— О небо! Возможно ли, чтобы в этом несовершенном мире мог существовать такой цветок? Ведь вы не подделали его, мистер Квотермейн?

— Сэр, — сказал я, — вы во второй раз оскорбляете меня. Прощайте!

— Не обижайтесь! — воскликнул он. — Сжальтесь над слабостью

бедного грешника! Вы не понимаете меня. Вы поймете это только тогда, когда начнете собирать орхидеи. Мистер Квотермейн, — продолжал он, понизив голос, — ваш друг прав. Это чудесная *Cypripedium*, стоящая целой золотой копи. Конечно, не этот цветок, а все растение, на котором он расцвел. Где же это растение, мистер Квотермейн?

— В одном месте в Африке, — ответил я. — Я могу указать его приблизительно, с точностью до трехсот миль.

— Это очень неопределенно, мистер Квотермейн. Конечно, я не имею никакого права спрашивать об этом, так как вы совсем не знаете меня... Но, уверяю вас, я человек порядочный. Быть может, вы расскажете мне историю этого цветка.

— Мне не следовало бы этого делать, — ответил я с некоторым колебанием.

Но все же, выпустив имена и точные обозначения местности, я вкратце рассказал ему все, касавшееся цветка, и объяснил, что ищу кого-нибудь, кто согласился бы финансировать экспедицию в отдаленное романтическое место, где, вероятно, растет эта особенная *Cypripedium*. Едва я окончил свой рассказ, как в дверь сильно постучали.

— Мистер Стивен, — сказал чей-то голос, — вы здесь?

— Наверное, это Бриггс! — воскликнул молодой человек. — Бриггс, управляющий моего отца. Закройте ящик, мистер Квотермейн. Входите, Бриггс, — сказал он, медленно открывая дверь. — В чем дело?

— Ваш отец, я хочу сказать — сэр Александр, — ответил появившийся в дверях взволнованный худощавый мужчина, — неожиданно пришел в контору и очень рассердился, не найдя вас там, сэр. А когда он узнал, что вы ушли на аукцион орхидей, он рассердился еще больше и послал меня за вами, сэр.

— Вот как? — невозмутимо ответил мистер Соммерс. — Хорошо, скажите сэру Александру, что я сейчас приду. Понимаете, Бриггс? Идите и скажите, что я сейчас приду.

Бриггс не очень охотно удалился.

— Я вынужден покинуть вас, мистер Квотермейн, — сказал мистер Соммерс, запирая за Бриггсом дверь, — но обещайте мне не показывать никому цветка до тех пор, пока я не вернусь. Я вернусь не более чем через полчаса.

— Хорошо, мистер Соммерс. Я подожду вас в аукционном зале полчаса и обещаю, что до вашего возвращения никто не увидит этого цветка.

— Благодарю вас. Вы хороший человек. Я обещаю, что, насколько это

от меня будет зависеть, вы ничего не потеряете за вашу доброту.

Мы вместе вышли в аукционный зал, где мистер Соммерс вдруг что-то вспомнил.

— Вот беда! — воскликнул он. — Я чуть не забыл об этой *Odontoglossum*!^[83] Где же Вудден? Вудден! Идите сюда, мне надо поговорить с вами.

Лицо, названное Вудденом, повиновалось.

Это был мужчина лет около пятидесяти, с большими руками, ладони которых были покрыты мозолями и ногти стерты, что характеризовало его как рабочего.

Одет он был в черный костюм, какой носят на похоронах люди рабочего класса. Я сразу решил, что это садовник.

— Вудден, — сказал Соммерс, — у этого джентльмена есть самая замечательная орхидея во всем мире. Присматривайте, чтобы его не ограбили. В этом здании, мистер Квотермейн, есть люди, которые из-за этого цветка не задумаются убить вас и выбросить ваш труп в Темзу, — мрачно прибавил он.

Получив такую инструкцию, Вудден устремил на меня свои блеклые глаза с выражением, показывавшим, что мое появление чрезвычайно удивило его. Потом, взявшись рукой за прядь своих волос песочного цвета, он спросил:

— А где же эта орхидея, сэр? Я указал на жестяную коробку.

— Да, она там, — продолжал Соммерс, — и вы должны охранять ее. Мистер Квотермейн, если кто-либо попытается ограбить вас, позовите Вуддена, и он расправится с ним. Это мой садовник, на которого я вполне полагаюсь.

— Да, я расправлюсь с ним, — сказал Вудден, подозрительно оглядываясь и сжимая свои огромные кулаки.

— Теперь слушайте дальше, Вудден. Видите вы вон ту *Odontoglossum Ravo*? — он указал на растение, стоявшее посреди небольшого столика под аукционной трибуной. Растение было покрыто чрезвычайно красивыми цветами. На конце каждого цветочного лепестка было пятнышко, имевшее очень большое сходство с глазом павлиньего пера, почему, я полагаю, и цветок назывался *Ravo*, т.е. павлиний.

— Я думаю, хозяин, что это самый красивый цветок во всей Англии, — убежденно ответил Вудден. — Тут многие вертятся вокруг него, словно собаки около крысиной норы. И, видно, не даром!

— Это верно, Вудден. Но слушайте. Мы должны во что бы то ни стало приобрести этот цветок. За мной прислал отец. Я скоро вернусь, но могу и

задержаться. В последнем случае вы будете действовать от моего имени. Вот визитка.

Он взял карточку и нацарапал на ней:

Мой садовник Вудден уполномочен мною действовать от моего имени.
С.С.

— Теперь, Вудден, — продолжал он, когда карточка была передана аукционеру, — смотрите, чтобы Pavo не ускользнула из ваших рук. С этими словами он ушел.

— Что сказал мой хозяин, сэр? — спросил меня Вудден. — Я должен приобрести этот цветок, сколько бы он ни стоил?

— Да, — ответил я, — я тоже понял его так. За этот цветок, я полагаю, придется заплатить изрядную сумму денег, пожалуй, несколько фунтов.

— Возможно, сэр. Я знаю только то, что я должен купить его. Вопрос о деньгах не останавливает моего хозяина, когда дело идет об орхидеях.

После этого мы расстались. Я удалился в свой угол, между тем как Вудден стал около стола, поглядывая одним глазом на Pavo, а другим на мой жестяной ящик.

Продажа понемногу прекратилась.

На аукционе было так много засушенных орхидей одного особенного сорта, что на всех них не нашлось покупателей.

Наконец жизнерадостный мистер Примроуз обратился с трибуны к собранию.

— Джентльмены, — сказал он, — я прекрасно понимаю, что вы сегодня пришли сюда не для того, чтобы раскупить эти запасы бедной Cattleya Mossiae^[84]. Вы пришли сюда, чтобы купить или посмотреть, как будет продаваться самая чудесная Odontoglossum, которая когда-либо цвела в этой стране. Это собственность одной знаменитой фирмы, которой я приношу свои поздравления как обладательнице исключительной редкости. Джентльмены, этому чудесному цветку следовало бы украшать королевскую оранжерею. Но он достанется тому, кто заплатит за него наибольшую сумму. Я полагаю, — прибавил он, окидывая взглядом все собрание, — что сегодня здесь собралось большинство наших крупнейших коллекционеров. Правда, я не вижу молодого орхидиста мистера Соммерса, но он поручил своему главному садовнику, достопочтенному мистеру Вуддену, одному из лучших ценителей орхидей в Англии, выступить за него на аукционе замечательного цветка, о котором я говорил. Ввиду того, что теперь ровно половина второго, мы можем приступить к делу. Смит, обнесите кругом Odontoglossum Pavo, чтобы все могли рассмотреть, как красив этот цветок. Только не уроните его. Джентльмены, прошу вас не

трогать руками растения. Восемь вполне распустившихся цветков и четыре — нет, пять бутонов. Совершенно здоровое растение. Шесть ложных чашечек с листьями и три без них. Два отростка, которые можно срезать в надлежащее время. Кто желает купить *Odontoglossum Pavo*?

— Интересно, кто будет иметь честь сделаться обладателем этого несравненного произведения природы? Благодарю вас, сэр — триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, в трех местах сразу. Восемьсот, девятьсот, тысяча! Джентльмены, немного поскорее!

— Благодарю вас, сэр, — тысяча пятьсот, тысяча шестьсот. Это против вас, мистер Вудден. Ага! Благодарю вас, тысяча семьсот.

Тут наступила короткая пауза, во время которой я, думая, что цифра 1700 означает шиллинги, занялся переводом последних на фунты. Вышло 85 фунтов. «Право, — подумал я, — это слишком большая цена даже для очень редкого растения».

Голос мистера Примроуза вывел меня из задумчивости.

— Джентльмены, джентльмены! — говорил он. — Неужели вы допустите, чтобы это чудесное произведение флоры было продано по такой ничтожной цене? Если это случится, я надолго лишусь сна. Раз, — его молоток опустился в первый раз. — Подумайте, джентльмены, в каком я буду положении, когда мне придется сказать позорную правду знаменитым владельцам цветка, которые, со свойственной им деликатностью, не присутствуют здесь. Два, — его молоток опустился во второй раз. — Смит, поднимите цветок вверх. Пусть все видят, что они теряют!

Смит поднял вверх цветок, на который все присутствующие смотрели блестящими глазами.

Маленький молоток из слоновой кости описал круг над головой мистера Примроуза. Он уже был готов опуститься, как вдруг один спокойный джентльмен с длинной бородой, до сих пор не принимавший участия в торге, поднял голову и мягко сказал:

— Тысяча восемьсот.

— Ага! — Воскликнул мистер Примроуз. — Я так и думал. Владелец самой большой коллекции в Англии не может допустить, чтобы это сокровище без борьбы ускользнуло из его рук. Против вас, мистер Вудден.

— Тысяча девятьсот, — сказал Вудден твердым голосом,

— Две тысячи, — эхом отозвался джентльмен с длинной бородой.

— Две тысячи сто, — сказал Вудден.

— Правильно, мистер Вудден! — воскликнул мистер Примроуз. — Вы вполне достойно представляете вашего патрона! Я уверен, что вы не остановитесь из-за нескольких жалких фунтов.

— Мне даны приказания, и я действую согласно им, — ответил Вудден.

— Две тысячи двести, — сказал длиннобородый джентльмен.

— Две тысячи триста, — эхом отозвался Вудден.

— Черт возьми! — воскликнул джентльмен с длинной бородой и быстро вышел из зала.

— *Odontoglossum Pavo* идет за две тысячи триста, только за две тысячи триста, — закричал аукционер. — Кто больше? Никто. Тогда я должен буду исполнить свой долг. Раз. Два. В последний раз, кто больше? Три! Цветок остается за Вудденом, представляющим своего патрона, мистера Соммерса.

Молоток опустился, и в этот самый момент мой молодой друг вошел в зал.

— Ну, Вудден, — сказал он, — *Pavo* уже продана?

— Продана, сэр. Я купил ее.

— За сколько же?

Вудден почесал свою голову.

— За две тысячи триста, сэр, а чего — шиллингов или фунтов, я точно не знаю.

В этот самый момент мистер Примроуз, который, наклонившись над своим пюпитром, был занят разговором с возбужденной толпой орхидистов, поднял голову.

— А, мистер Соммерс! — сказал он. — От имени всего этого общества позвольте мне поздравить вас с приобретением несравненной *Odontoglossum Pavo*, доставшейся вам за весьма умеренную цену, — всего за две тысячи триста фунтов.

Право, молодой человек принял это известие очень спокойно. Он только вздрогнул и немного побледнел. Что касается меня — я чуть было не упал в обморок. Да, я был так поражен, что у меня буквально подкосились ноги.

Все кругом заговорили, но среди шума я ясно слышал слова молодого Соммерса, сказанные не очень громко:

— Вудден, вы круглый дурак! На что последовал ответ:

— Моя мать постоянно говорила мне то же самое. Но в чем же я виноват? Я повиновался приказанию и купил *Pavo*.

— Да, вы правы, мой друг. Это моя вина, а не ваша. Я круглый дурак! Но как мне выйти из этого положения?

Потом, немного оправившись, он подошел к трибуне и сказал несколько слов аукционеру. Мистер Примроуз закивал головой, и я услышал его ответ.

— О, конечно, не беспокойтесь, сэр. Мы не можем требовать, чтобы такие дела устраивались в одну минуту. К вашим услугам целый месяц. После этого продажа началась снова.

III. Сэр Александр и Стивен

Как раз в этот самый момент я увидел около себя плотного джентльмена с четырехугольной бородой и красивым, но сердитым лицом. Он, по-видимому, был здесь в первый раз и кого-то искал.

— Не можете ли сказать мне, сэр, — обратился он ко мне, — здесь ли джентльмен, которого зовут мистер Соммерс? Я немного близорук, а здесь слишком много народа.

— Да, он здесь, — ответил я, — он только что купил замечательную орхидею, так называемую *Odontoglossum Pavo*.

— В самом деле? Вот как! А не знаете ли вы, сколько он заплатил за нее?

— Огромную сумму, — ответил я. — Сначала я думал, что две тысячи триста шиллингов, а оказалось, что две тысячи триста фунтов.

Полный джентльмен так побагровел, что я боялся, как бы с ним не случился припадок. Некоторое время он тяжело дышал.

«Соперник-коллекционер», — подумал я и начал рассказывать ему историю покупки, которая, как мне казалось, чрезвычайно интересовала его.

— Видите ли, молодой человек был вызван к своему отцу. Я слышал, как он, уходя, приказал своему садовнику Вуддену купить растение, сколько бы оно ни стоило...

— Сколько бы оно ни стоило! Великолепно! Продолжайте, сэр. Это очень интересно!

— Садовник купил это растение после бешеного торга. Теперь он завертывает его, видите, вон там. Не думаю, что его хозяин предложил бы за цветок такую большую сумму, если бы сам присутствовал при аукционе. А вот и он. Если вы знаете его...

Молодой мистер Соммерс, выглядевший несколько бледным, направлялся ко мне, очевидно с целью переговорить со мною. Его руки были в карманах, во рту он держал незажженную сигару. При виде пожилого джентльмена он сложил губы, будто хотел издать свист, и выронил сигару.

— Ба, отец! — сказал он своим приятным голосом. — Мне передавали, что ты ищешь меня, но я никогда не думал найти тебя здесь. Ведь орхидеи тебя мало интересуют, не правда ли?

— Да, — с негодованием ответил отец Соммерса, — меня мало

интересует весь этот сор, — он указал зонтиком на красивые цветы. — Но с тобой, Стивен, дело, кажется, обстоит иначе. Этот маленький джентльмен говорит, будто ты только что купил очень редкий экземпляр.

— Я должен извиниться перед вами, — вмешался я, обращаясь к мистеру Соммерсу. — Я совсем не знал, что этот... толстый джентльмен, — (тут Соммерс-сын слегка улыбнулся), — ваш отец.

— О, это пустяки, мистер Квотермейн. К чему вам было бы скрывать то, что будет опубликовано в газетах? Да, отец. Я купил очень редкий экземпляр — собственно не я, а Вудден, но это, впрочем, не меняет дела, так как он действовал от моего имени.

— И сколько ты заплатил за этот цветок? Мне назвали сумму, но я думаю, что тут должна быть какая-то ошибка.

— Я не знаю, что тебе передавали, отец, но цветок достался мне за две тысячи триста фунтов. Это значительно больше того, чем я располагаю, и потому я хотел просить тебя одолжить мне эти деньги. Но мы можем поговорить об этом потом.

— Конечно, Стивен, мы могли бы поговорить об этом потом. Но, по моему, сейчас самое подходящее время для этого. Поедем ко мне в контору. И вас, сэр, — обратился он ко мне, — я прошу отправиться с нами, так как вам, кажется, известны обстоятельства дела. И вы, пентюх, тоже идите с нами. — Последние слова относились к Вуддену, который подошел к нам с растением в руках.

Конечно, я мог бы отказаться от приглашения, выраженного в такой форме. Но я не сделал этого. Мне хотелось посмотреть, чем все кончится, и, кроме того, если представится случай, замолвить слово за молодого Соммерса. Мы вышли из аукционного зала, сопровождаемые хихиканьем той публики, которая слышала вышеприведенный разговор.

На улице стояла великолепная карета, запряженная парой лошадей. Напудренный лакей открыл дверцу. Сэр Александр свирепым жестом пригласил меня войти, что я и сделал, заняв заднее сиденье, где было больше места для моего жестяного ящика. Потом вошел мистер Стивен, потом Вудден, державший драгоценное растение перед собой, словно это был жезл должностного лица, и, наконец, после всех — сэр Александр.

— Куда прикажете, сэр? — спросил слуга.

— В контору, — буркнул сэр Александр, и мы покатили. Четыре разочарованных родственника, возвращающиеся с похорон, не могли бы быть более молчаливыми, чем были мы. Наши чувства, казалось, были слишком глубокими для слов. Однако сэр Александр сделал одно замечание. Оно относилось ко мне.

— Я буду очень благодарен вам, сэр, если вы перестанете жать меня вашим проклятым ящиком.

— Извините, — сказал я и при попытке переменить положение ящика уронил его прямо на ноги сэру Александру. Я не стану повторять его второго замечания. Но я должен заметить, что он, по-видимому, страдал подагрой.

Маленькое происшествие чрезвычайно развеселило его сына. Он потихоньку толкнул меня в бок и едва удерживался от хохота. Я сидел как на иголках, ибо не знаю, что случилось бы, если бы он расхохотался. К счастью, в этот момент карета остановилась у весьма красивого дома. Не дожидаясь пока слуга откроет дверцу, сэр Стивен выскочил из кареты и скрылся в доме — я полагаю, чтобы высмеяться на свободе, потом вышел я со своим жестяным ящиком, потом Вудден с цветком и, наконец, сэр Александр.

— Ждите меня, — сказал он кучеру, — я пробуду здесь недолго. Будьте добры последовать за мною, мистер... не знаю как вас зовут, и вы, мистер садовник.

Мы последовали за ним и очутились в большой, роскошно обставленной комнате. Надо сказать, что сэр Александр был владельцем очень крупной меняльной конторы. Пришедший сюда раньше нас мистер Стивен сидел на подоконнике, заложив ногу на ногу.

— Ну-с, вот мы и одни, — саркастически сказал сэр Александр. Он обернулся к Вуддену, стоявшему около двери и все еще державшему перед собою завернутый в бумагу цветок.

— Говори, пентюх, — закричал он, — зачем ты купил этот цветок? Последний ничего не ответил, только переступил с ноги на ногу.

Сэр Александр повторил свое приказание. Тогда Вудден поставил свое растение на стол и сказал:

— Если вы обращаетесь ко мне, сэр, то меня зовут совсем не так, как вы назвали. А если вы еще раз назовете меня так, то я разобью вам голову. — С этими словами он начал засучивать рукава своей куртки.

— Послушай, отец, — сказал Стивен, выступая вперед, — что юлку из всего этого. Все совершенно ясно. Я приказал Вуддену во что бы то ни стало купить этот цветок. Больше того, я выдал ему доверенность. Правда, я думал заплатить за цветок не более трехсот фунтов. Но Вудден только исполнил мое приказание. За это его нельзя бранить.

— Вот это называется господин, достойный своего слуги, — вставил свое замечание Вудден.

— Прекрасно, мой милый, — сказал сэр Александр, — ты купил этот

цветок. Но, будь добр, скажи мне, чем ты заплатишь за него?

— Я полагаю, отец, что ты дашь мне на это денег, — быстро ответил мистер Стивен. — Две тысячи триста фунтов или в десять раз больше того — для тебя одинаково мало значат. Но если ты откажешь мне в этом, что весьма возможно, то я сам сумею расплатиться. Как тебе известно, моя мать оставила мне по завещанию некоторую сумму денег, которая находится в твоём пожизненном владении. Я так или иначе достану денег под обеспечение этой суммы.

Если сэр Александр был раньше крайне раздражен, то теперь он стал похож на бешеного быка в лавке фарфоровых изделий.

Он в ярости метался по комнате, изрыгая отборную брань, от которой такому почтенному джентльмену следовало бы воздержаться, короче говоря, делал то, чего в его положении не следовало бы делать. Утомившись, он подбежал к письменному столу, подписал чек на предъявителя на сумму в две тысячи триста фунтов, вырвал его из книжки, смял и бросил его чуть не в лицо своему сыну.

— Ты недостойный молодой негодяй! — ревел он. — Я взял тебя в эту контору, чтобы ты мог приучиться к делу и со временем унаследовать от меня крупное предприятие. Ты не питал ни малейшего интереса к этому делу и остался таким же невеждой, каким был раньше. Ты не тратил своих, или, вернее, моих денег на скачки, карты и прочее, как это делают все джентльмены. Нет, ты покупал цветы, жалкие цветы, которые только клерки разводят на задних дворах!

— Древний, аркадийский^[85] вкус, — вставил я. — Полагают, что Адам жил в саду...

— Быть может, ты попросишь своего приятеля со щетинистыми волосами немного помолчать, — прохрипел сэр Александр. — Довольно с меня твоих долгов! Я лишаю тебя наследства и оформляю это до четырех часов — до закрытия нотариальных контор. Кроме того, я увольняю тебя со службы. Можешь, если хочешь, зарабатывать себе на хлеб поисками орхидей!

Он остановился, чтобы перевести дух.

— Это все, отец? — спросил мистер Стивен, вынимая из кармана сигару.

— Нет, молодой, бесчувственный негодяй! Дом, который ты занимаешь в Туикенхэме, принадлежит мне. Будь любезен немедленно очистить его.

— По закону я как квартирант имею право прожить в нем еще целую неделю, — сказал мистер Стивен, закуривая сигару. — Если ты откажешь

мне в этом, я потребую от тебя судебного постановления о выселении. Прежде чем покинуть квартиру, мне надо устроить свои дела.

— О негодяй! — прохрипел разъяренный отец. Вдруг его осенила какая-то мысль.

— Мерзкий цветок для тебя дороже отца? Хорошо! Я положу этому конец!

Он бросился к цветку, стоявшему на столе, с явным намерением уничтожить его. Но это не укрылось от бдительного Вуддена. Он быстро стал между сэром Александром и предметом его гнева.

— Только троньте *Pavo*, и я сшибу вас с ног, — с расстановкой сказал Вудден.

Сэр Александр посмотрел на *Odontoglossum Pavo*, потом на огромные кулаки Вуддена и... отказался от своего намерения.

— Черт побери ваш *Pavo* и всех вас! — крикнул он и быстро выбежал из комнаты, сильно хлопнув дверью.

— Конечно, — спокойно сказал мистер Стивен, обмахиваясь носовым платком. — Все это очень неприятно, но что поделать? Теперь, мистер Квотермейн, что вы скажете относительно завтрака? Ресторан Нима здесь рядом, а там превосходный стол. Только, я думаю, надо заехать в банк и получить по этому чеку. В гневе мой отец способен на все. Он может передумать и распорядиться не выдавать денег по этому чеку. Вы, Вудден, отвезете *Pavo* в Туикенхэм. Держите цветок в тепле и немного полейте его теплой водой, но осторожно, не касаясь стебля. Наймите кеб

[\[86\]](#), закройте в нем окна и не курите. Я вернусь домой к обеду.

Вудден взял горшок с цветком в левую руку и вышел с поднятым кулаком правой — я полагаю, на случай, если сэр Александр подкарауливает его где-нибудь за углом. Мы же с Соммерсом заехали в банк и получили по чеку, потом позавтракали в переполненном публичной ресторане, где невозможно было поговорить.

— Мистер Квотермейн, — сказал Соммерс, — ясно, что здесь мы не можем разговаривать и, еще меньше того, рассмотреть вашу орхидею, которую я хотел бы изучить на досуге. Я буду располагать своей квартирой по крайней мере еще целую неделю. Хотите погостить у меня пару дней? Я мало знаю вас, а обо мне вам известно только то, что я лишенный наследства сын, не сумевший угодить своему отцу. Однако мы сможем

провести несколько приятных часов в разговоре о цветах и прочем. Примите мое приглашение, если располагаете свободным временем.

— Я совершенно свободен, — ответил я, — я простой путешественник из Южной Африки, остановившийся в отеле. Если вы позволите захватить мне свой саквояж, я с удовольствием переночую у вас.

Мы прибыли в Туикенхэм в экипаже Соммерса, взятом из городской конюшни. Был уже почти вечер. Небольшой дом, называвшийся «Вербена-Лодж», был построен из красного кирпича, в стиле начала царствования Георга^[87]. Примыкавший к нему сад, площадь которого занимала почти целый акр^[88], был, вероятно, чрезвычайно красив в летнее время. В оранжереи мы не заходили, так как для осмотра цветов было слишком поздно. Едва мы вошли в дом, хозяин вместе с Вудденом отправились водворять на новое место *Odontoglossum Pavo*. Потом мы прекрасно пообедали. Несмотря на ссору с отцом и вытекающие из нее последствия, мистер Стивен был в превосходном настроении духа. Очевидно, он решил пользоваться, пока возможно, всем, что принадлежало ему раньше. Вино, подававшееся за обедом, было превосходного качества.

— Видите ли, мистер Квотермейн, — сказал хозяин, — сегодня вы были свидетелем моего разрыва с отцом — разрыва, который уже давно назревал. Мой почтенный отец, составивший огромное состояние, думает, что я должен продолжать его дело. Я же смотрю на это иначе. Я очень люблю цветы и терпеть не могу финансовых операций. В Лондоне для меня самые приятные места — это аукционный зал, где мы с вами встретились, и ботанические сады.

— Все это так, — ответил я, — но мне кажется, что дело обстоит весьма серьезно. Ваш отец, по-видимому, не изменит своего решения. А как вы проживете без всего этого? — Я указал на дорогое серебро и вино.

— Не думайте, что это сколько-нибудь меня тревожит. Перемена для меня будет приятная. Кроме того, дело обстоит не так уж плохо, если даже отец не изменит своего решения, хотя он очень любит меня, так как я похож на мать. Она оставила мне шесть или семь тысяч фунтов. Я продам *Pavo* сэру Треголду — тому самому длиннородому джентльмену, который, как вы рассказывали, начал набавлять цену с тысячи восьмисот фунтов — или кому-нибудь другому. Я напишу ему сегодня же. Долгов у меня нет. На службе у отца я получал три тысячи фунтов в год и если тратил деньги, то только на цветы. Черт поberi прошлое, и да здравствует будущее!

С этими словами он залпом выпил стакан вина и весело засмеялся.

Действительно, это был весьма симпатичный молодой человек, правда, немного легкомысленный, но легкомыслие и молодость связаны друг с другом, как бренди с содовой водой.

Я повторил его тост и выпил свое вино. Я люблю выпить стакан хорошего вина, как и всякий, кому приходится целыми месяцами пить скверную воду, хотя допускаю, что последняя для меня полезнее вина.

— Теперь, мистер Квотермейн, — продолжал Соммерс, — закуривайте вашу трубку. Мы перейдем в другую комнату и хорошенько рассмотрим вашу *Cypripedium*. Я не смогу уснуть, пока снова не увижу ее. Пойдите минуту, подождем этого пентюха Вуддена.

— Вудден, — сказал его хозяин, когда садовник вошел в комнату, — этот джентльмен, мистер Квотермейн, хочет показать вам орхидею, которая в десять раз красивее, чем *Pavo*.

— Извините, сэр, — ответил Вудден, — но если мистер Квотермейн утверждает это, то он говорит неправду. Во всем свете нет орхидеи красивее *Pavo*.

Я открыл ящик и вынул из него золотистую *Cypripedium*. Вудден посмотрел на нее и отшатнулся. Потом снова посмотрел на нее и ощупал свою голову, будто желая убедиться, на плечах ли она. Потом воскликнул:

— Какой чудесный цветок, если только это не подделка! Я умер бы от счастья, если бы увидел растение, на котором он расцвел.

— Сядьте, Вудден, и помолчите, — сказал его хозяин. — Теперь мистер Квотермейн расскажет нам от начала до конца историю этой орхидеи. Конечно, не надо точно указывать место, где растет этот цветок, так как было бы нечестно с нашей стороны выпытывать такую тайну. Но, во всяком случае, Вудден и я сумеем держать язык за зубами.

Я заметил, что вполне доверяю им, и в течение получаса рассказывал им историю орхидеи. Потом объявил, что ищу лицо, которое согласилось бы финансировать экспедицию на поиски этого замечательного растения, и выразил уверенность, что во всем свете существует только один экземпляр такого растения.

— А сколько надо для этой экспедиции? — спросил мистер Соммерс.

— Тысячи две фунтов, — ответил я. — Нам понадобится много людей, ружей, припасов и различных вещей для подарков.

— Но предположим, что экспедиция будет удачной и вы добудете растение. Что вы с ним сделаете?

— Я полагаю, что брат Джон, открывший это растение, получит треть суммы, вырученной от его продажи, треть получу я как начальник и организатор экспедиции, а остальную часть получит тот, кто даст денег на

организацию этого предприятия.

— Великолепно! Так и решим!

— Что? — спросил я.

— Разделим стоимость орхидеи на три равные части. Только я ставлю условие получить свою часть, так сказать, натурой. Вы должны дать мне исключительное право на покупку остальных двух третей цветка.

— Вы хотите сказать этим, мистер Соммерс, что дадите две тысячи фунтов на экспедицию и сами примете в ней участие?

— Ну да. Я думал, что вам ясно это. Вы, ваш полубезумный друг и я будем искать этот золотой цветок и найдем его. Это решено!

На следующий день мы составили подробный договор и оба подписали его. Но перед этим я настоял, чтобы мистер Соммерс повидался с моим бывшим компаньоном Чарли Скрупом и расспросил его обо мне. Судя по тому, как стал относиться ко мне мистер Соммерс после этого свидания, я думаю, что Скруп дал мне самый лестный отзыв. Кроме того, я считал своим долгом указать Соммерсу в присутствии Скрупа (в качестве свидетеля) на опасности нашего предприятия. Я прямо сказал ему, что он может погибнуть от голода или лихорадки, попасть в руки дикарей или в когти дикого зверя, между тем как успех предприятия весьма сомнителен.

— Но ведь вы тоже подвергаетесь риску, — сказал он.

— Да, — ответил я, — но опасность является неотделимой принадлежностью моей профессии охотника и исследователя. Кроме того, я немолод и уже пережил много опасностей и лишений, которых не переживали вы. Это заставляет меня мало ценить свою жизнь. Мне совершенно безразлично, умру ли я или проживу несколько лишних лет. Наконец, приключения сделались моею потребностью. Не думаю, что я смог бы долго прожить в Англии. Кроме того, я фаталист. Я убежден, что погибну тогда, когда мне это предопределено. Вы — другое дело... Вы еще молоды. Если вы останетесь здесь, я убежден, что со временем вы помиритесь с отцом. Стоит ли отказываться от такой перспективы и подвергать себя опасности в поисках редкого цветка? То, что я говорю, для меня невыгодно, так как мне трудно будет найти другое лицо, которое согласилось бы внести две тысячи фунтов в сомнительное предприятие. Но я настоятельно прошу вас обдумать все то, что я вам сказал.

Молодой Соммерс некоторое время смотрел на меня, потом весело рассмеялся и воскликнул:

— Кто бы вы ни были, мистер Аллан Квотермейн, вы джентльмен! Редко кто станет говорить против своей собственной выгоды.

— Благодарю вас, — сказал я.

— Мне надоела Англия, — продолжал он. — Я хочу посмотреть свет. Не золотистой *Cypripedium* ищущую я (хотя я не прочь найти ее). Она только символ. Я ищущий приключений. Кроме того, я, как и вы, фаталист. Судьбе было угодно, чтобы мы встретились. Пусть будет, что будет.

— Хорошо, мистер Соммерс, — торжественно сказал я. — В Африке вы найдете много приключений. Либо найдете неизвестную могилу в каком-нибудь малярийном болоте. Итак, вы сделали выбор.

Однако я так мало был удовлетворен этой сделкой, что за неделю до нашего отъезда, после долгого размышления, написал письмо сэру Александру Соммерсу, в котором, сколь возможно ясно, изложил все дело, не умолчав об опасностях нашего предприятия. В заключение я спрашивал его, находит ли он разумным допустить своего единственного сына участвовать в такой экспедиции из-за незначительной ссоры, происшедшей между ними.

Ответ не приходил, и я занялся приготовлением к отъезду. Денег у нас было более чем достаточно. Раво была продана с некоторым убытком сэру Джошуа Треголду, что дало мне возможность с легким сердцем покупать все необходимое. Никогда у меня не было такого снаряжения, какое я теперь заблаговременно отправил на пароходе.

Наконец наступил день отъезда. Мы стояли на платформе в Паддингтоне, ожидая отхода поезда в Дартмут, так как в те времена почтовые пароходы, шедшие в Африку, отходили из этого порта. Минуты за две до отхода поезда, когда мы собирались войти в вагон, я заметил человека, лицо которого показалось мне знакомым. Он, по-видимому, искал кого-то в толпе. Это был мистер Бриггс, клерк сэра Александра, которого я видел в аукционном зале.

— Мистер Бриггс, — сказал я, когда он проходил мимо меня, — вы, вероятно, ищите мистера Соммерса? Он здесь.

Клерк вскочил в вагон и вручил мистеру Соммерсу письмо. Потом вышел из вагона и ждал около него. Соммерс прочитал письмо и, оторвав от него чистый клочок бумаги, поспешно написал несколько слов. Потом попросил меня передать этот клочок Бриггсу. Я не мог не прочесть написанного. Вот его содержание:

Слишком поздно. Храни тебя Провидение, дорогой отец.

Надеюсь, что мы снова увидимся. Если же не придется, то не поминай лихом своего безрассудного сына

Стивена.

Через минуту поезд тронулся.

— Между прочим, — сказал Соммерс, когда мы отъехали от станции, — отец просил передать вам это письмо.

Я вскрыл конверт, надписанный смелым размашистым почерком хорошо характеризовавшим обладателя, и прочел следующее:

Милостивый Государь!

Я высоко ценю мотивы, побудившие Вас написать мне, и сердечно благодарю Вас за письмо, которое свидетельствует о том, что Вы честный и сердечный человек. Вы пишете, что мой сын собирается принять участие в очень рискованной экспедиции. Вы были свидетелем происшедшего между нами. Конечно, я должен извиниться перед Вами за то, что вовлек Вас в неприятную семейную историю. Ваше письмо попало ко мне в руки только сегодня, так как было переслано в деревню из конторы. Я хотел сразу же вернуться в город, но сильный приступ подагры лишает меня возможности пошевелиться. Поэтому единственное, что я могу сделать, это написать своему сыну, в надежде, что письмо, посланное с клерком, вовремя попадет в его руки и, быть может, заставит его изменить свое решение участвовать в этой экспедиции. Я должен прибавить, что, хотя я во многом не схожусь со своим сыном, все же я горячо люблю его и желаю ему добра. Если с ним что-нибудь случится — я не переживу этого. Я понимаю, что изменение им планов может причинить Вам серьезные убытки и принести неприятности. Прошу Вас передать ему, что я охотно приму на себя расход в 2000 фунтов, которые, насколько я понял, он внес в Ваше предприятие. Однако весьма возможно, что мой сын, будучи в отношении упрямства очень похожим на меня, откажется изменить свое намерение. В таком случае прошу Вас взять его под свое покровительство и присматривать за ним, как за своим родным сыном. Скажите ему, пусть он при случае напишет мне. Быть может, напишете мне и Вы. Кроме того, передайте ему, что я буду присматривать за его цветами, оставленными в Туикенхэме, хотя и ненавижу их.

Ваш покорный слуга Александр Соммерс.

Это письмо глубоко тронуло меня. Не говоря ни слова, я передал его своему компаньону, который внимательно прочел его.

— Хорошо, что он обещает присматривать за моими орхидеями, — сказал он. — Мой отец хоть и вспыльчив, но обладает очень добрым сердцем.

— Что же думаете делать? — спросил я.

— Конечно, продолжать путешествие. Я ни за что не вернусь обратно. Поэтому не пробуйте убеждать меня. Все равно это бесполезно.

Некоторое время молодой Соммерс был в сравнительно грустном настроении, что бывало с ним весьма редко. По крайней мере, он ничего не говорил и смотрел из окна вагона на расстилавшийся перед ним зимний пейзаж. Однако он мало-помалу оправился, и когда мы приехали в Дартмут, он был весел, как всегда — настроение, которого я не разделял. Перед отходом парохода я написал сэру Александру письмо, в котором подробно описал положение дел. Я думаю, что его сын сделал то же самое, хотя и не показал мне письма.

В Дурбане, когда мы уже собирались отправиться дальше, я получил от сэра Александра ответ, посланный с первым пароходом, отошедшим вслед за нами. Что бы ни случилось, — писал сэр Александр, — он всегда будет питать ко мне самые дружеские чувства. Он просил меня написать ему в случае денежных затруднений и сообщил, что снесся по этому поводу с Африканским Банком. В конце письма он прибавил, что его сын по крайней мере проявил твердость, за которую он уважает его.

Теперь мы надолго простимся с сэром Александром и всем, что относится к Англии.

IV. Зулус Мавово и готтентот Ханс

В начале марта мы благополучно прибыли в Дурбан и поселились в моем доме на Береа, где нас должен был ждать брат Джон. Но его там не оказалось. Старый хромой гриква^[89] Джек, некогда бывший моим охотником, а теперь присматривавший за моим домом, сообщил, что вскоре после моего отъезда Догита — так называл он брата Джона — забрал свой жестяной ящик и ушел в глубь страны. С тех пор, прибавил Джек, о нем ничего не слышно. Ящики с бабочками тоже исчезли. Они, как оказалось, были отправлены в Америку на парусном судне, плывшем «в Соединенные Штаты и остановившемся в Дурбане, чтобы запастись провизией и пресной водой. Я никак не мог доискаться, что случилось с братом Джоном. Его видели в Марицбурге^[90], потом — по словам знакомых мне кафров — на границе Земли Зулу. Дальше следы его терялись.

Все это до некоторой степени расстраивало наши планы. Возник вопрос, как быть. Брат Джон должен был быть нашим проводником. С племенем мазиту был знаком только он один. Он один посещал границы таинственной Земли Понго.

Хотя я и обладал большим опытом в путешествиях по Африке, тем не менее я мало был склонен пытаться достигнуть этой страны без его помощи.

Прошло недели две. О брате Джоне не было ни слуху ни духу. Стивен и я устроили совещание.

Я указал на затруднительность положения и высказал мысль, что не благоразумнее ли будет вместо поисков орхидеи отправиться поохотиться на слонов в известные мне части Земли Зулу, где в те времена эти животные водились в изобилии. Стивен был склонен согласиться на это, так как охота на слонов тоже имела в его глазах свои привлекательные стороны.

— Странно, — сказал я после некоторого размышления, — но я не помню ни одного предприятия, которое было бы удачным после того, как план был изменен в последний момент.

— Тогда бросим жребий, — предложил Стивен. — Пусть все решит Провидение. Орел — за золотистую *Cypripedium*, решетка — за слонов.

Он бросил вверх пол-кроны^[91]. Монета упала на пол и закатилась под большой деревянный ящик желтого цвета, наполненный собранными мною редкостями. Мы напрягли все силы, чтобы сдвинуть его с места, и не без

волнения бросились искать монету, так как от ее положения зависело многое. Я зажег спичку. Монета лежала в углу, в пыли.

— Ну что? — спросил я Стивена, растянувшегося животом на ящике.

— Орел — значит, орхидея, — ответил он. — Итак, все решено, и нам нечего ломать себе голову.

В продолжение двух последующих недель я был очень занят. Случилось, что в заливе стояла шхуна «Мария» вместимостью около ста тонн, принадлежавшая одному португальцу по имени Дельгадо, возившему товары в различные порты Восточной Африки и на Мадагаскар. Этот субъект совершенно не внушал мне доверия. Я подозревал, что он знается с работорговцами, которых в то время было весьма много, если сам не принадлежит к числу их. Но так как он направлялся в Килву, откуда мы намеревались отправиться в глубь страны, то я решил воспользоваться его шхуной для перевозки нашего отряда и багажа.

Сговориться с ним было не очень легко — по двум причинам: во-первых, ему, по-видимому, не хотелось, чтобы мы охотились в местности, лежащей за Килвой, где, по его словам, совершенно не было дичи. Во-вторых, он заявил, что хочет отплыть немедленно. Однако я представил ему очень веский аргумент, на который он ничего не смог возразить — именно, деньги, и в конце концов он согласился отложить свой отъезд на две недели.

Потом я принялся за набор людей, которых, по моему расчету, для нас требовалось не менее двадцати. Я вызвал в Дурбан из Земли Зулу и верхних округов Наталя разных охотников, сопровождавших меня в прежних экспедициях. Их собралось около дюжины. Я всегда был в хороших отношениях со своими кафрами, и куда бы я не собирался, они охотно сопровождали меня.

Начальником над ними после себя я назначил одного зулуса по имени Мавово. Это был мужчина высокого роста, с очень широкой грудью, возрастом старше среднего. Он обладал необыкновенной физической силой. Про него рассказывали, что он может повалить на землю быка, схватив его за рога. Я сам видел, как он пригнул к земле голову раненого буйвола и удерживал его до тех пор, пока я не подошел к зверю и не пристрелил его. Когда я впервые встретил Мавово, он был мелким вождем и колдуном в Земле Зулу. Он вместо со мной сражался за принца Умбулази в великой Тугельской битве^[92] — чего Кетчвайо никогда не мог простить ему. Спустя около года он получил предостережение, что его хотят убить. Тогда он бежал с двумя женами и ребенком. Убийцы настигли его прежде, чем он успел добраться до границы Наталя, и закололи его старшую жену и

ребенка второй. Их было четверо, но, несмотря на это, Мавово, обезумев от ярости, бросился на них и перебил их всех. Потом с оставшейся в живых женой, израненной так же, как и он, перебрался через пограничную реку в Наталь. Вскоре умерла и вторая его жена; она не смогла пережить потери ребенка.

Мавово больше не женился, быть может потому, что теперь он был человеком без средств, так как Кетчвайо забрал у него весь скот. Кроме того, его лицо было обезображено ассегам, отхватившим у него правую ноздрю. После смерти своей второй жены он отыскал меня и сказал, что, став вождем без краала, он хочет поступить ко мне на службу в качестве охотника. Я принял его и никогда в этом не раскаивался, так как он был очень верным слугой, храбрым, как лев, вернее, как буйвол, так как лев не всегда бывает храбрым.

Другим человеком, за которым я не посылал, но который явился сам, был старый готтентот по имени Ханс, спутник почти всей моей жизни. Когда я был мальчиком, он был слугой моего отца в Капской колонии. Он сопровождал меня в некоторых тогдашних войнах и разделял со мной все опасности приключений. Так, например, я и он были единственными людьми, избегнувшими участи Ретифа и его товарищей, убитых зулусским королем Дингааном. В последующих сражениях, включая битву у Кровавой реки, он сражался рядом со мной и в конце концов получил хорошую долю при дележе отбитого скота^[93]. После этого он удалился на покой и открыл нечто вроде туземного магазина в местности, носившей название Пайнтаун, милях в пятнадцати от Дурбана. Здесь он приобрел дурные наклонности: пристрастился к пьянству и азартным играм и потерял большую часть своего имущества.

Однажды вечером я вышел из дому, где подводил свои счета, и увидел седого желтолицего старика, сидевшего на корточках на веранде и курившего трубку, сделанную из маисового колоса.

— Добрый вечер, баас, — сказал он. — Это я, Ханс.

— Вижу, — несколько холодно ответил я. — Что ты тут делаешь? Неужели у тебя осталось время от игры и пьянства в Пайнтауне, чтобы навестить меня? Ведь вот уже три года, как я не видел тебя, Ханс.

— С игрой я покончил, баас, потому что мне больше нечего ставить. С пьянством тоже покончил, потому что, выпив одну бутылку «Капского Дыма», я на другой день становлюсь больным. Теперь я пью только воду и немного курю, чтобы придать ей вкус.

— Я рад это слышать, Ханс. Если бы мой отец, крестивший тебя, был теперь жив, он много сказал бы тебе относительно твоего поведения, что

он, наверное, сделает, когда ты попадешь в яму^[94], ибо он будет ждать тебя там, Ханс.

— Знаю, знаю, баас. Я думал об этом, и это беспокоит меня. Преподобный отец бааса будет сильно сердиться на меня, когда мы встретимся в «Огненном Месте», где он поджидает нас. Поэтому я хочу примириться с ним, встретив смерть на службе у бааса. Я слышал, что баас собирается в дальний путь. Я хочу сопровождать бааса.

— Сопровождать меня? Но ведь ты стар и не стоишь пищи и пяти шиллингов в месяц. Ты старый, рассохшийся водочный бочонок, в котором нельзя держать даже воду.

По уродливому лицу Ханса пробежала улыбка.

— Ох, баас, я стар, но хитер. Все эти годы я набирался мудрости. Я полон ею, как пчелиное гнездо медом в конце лета. Я могу, баас, остановить течь в бочонке.

— Все это напрасно, Ханс. Ты не нужен мне. Я отправляюсь в очень опасное путешествие. Мне нужны люди, на которых я мог бы положиться.

— На кого же, баас, можно положиться, как не на Ханса? Кто предупредил бааса о нападении квебов у «Источника Марэ»? Кто был около бааса во время великой битвы? Ах, я снова становлюсь молодым, когда вспоминаю, как загорелась крыша, как была изломана дверь, как мы встретили квебов копьями. Наши жизни, баас, переплелись, как ползучее растение с деревом. Куда пойдет баас, туда должен идти и я. Не надо прогонять меня. Я не прошу никакого жалованья. Мне надо немного пищи, горсть табаку, свет от лица бааса и изредка несколько слов о том, что вечно памятно нам обоим. Я еще достаточно силен. Я умею хорошо стрелять. Кто надоумил бааса целиться в хвост коршунам на «Холме Убийства» в Земле Зулу и этим спас жизнь бурам? Баас не прогонит меня, правда?

— Хорошо, — сказал я, — можешь идти со мною. Но ты должен поклясться духом моего отца, что за все путешествие не прикоснешься к спиртным напиткам.

— Клянусь духом его! — воскликнул он и, бросившись на колени, взял мою руку и поцеловал ее. Потом поднялся и сказал деловым тоном: — Я буду благодарить бааса, если он даст мне два одеяла и пять шиллингов, чтобы купить табаку и новый нож. Где ружья, баас? Их надо вычистить. Пусть баас возьмет с собою маленькое ружье Интомби, то самое ружье, из которого он стрелял по коршунам на «Холме Убийства», то самое ружье, из которого он стрелял по гусям в «Гусиной Лощине», когда я заряжал для него, и он вышел победителем в состязаниях с буром, которого Дингаан называл «двуликим».

— Хорошо, — сказал я, — вот тебе пять шиллингов. Кроме того, ты получишь два одеяла, новое ружье и все необходимое. Ружья ты найдешь в маленькой задней комнате. Там же стоят ружья другого бааса, который теперь тоже будет твоим господином. Пойди, посмотри на них.

Наконец все было готово. Ящики с ружьями, боевыми припасами, лекарствами, вещами для подарков и съестными припасами были перевезены на борт «Марии». Туда же были перевезены четыре осла, которых я купил в надежде, что они пригодятся для верховой езды или как вьючные животные. Следует заметить, что только для человека и осла не опасны ядовитые укусы мухи цеце, если, конечно, не считать диких животных.

Мы проводили последнюю ночь в Дурбане (было полнолуние в конце марта), так как португалец Дельгадо заявил о своем намерении отплыть на следующий день. Стивен и я сидели на крыльце, курили и разговаривали.

— Странно, что брата Джона до сих пор нет, — сказал я. — Я знаю, что он хотел устроить эту экспедицию не только из-за орхидеи, но, кроме того, по какой-то другой причине, о которой он не хотел говорить. Мне кажется, что старика уже нет в живых.

— Весьма возможно, — ответил Стивен, — всякий человек, оставшийся один среди дикарей, легко может погибнуть. Но постойте. Что это такое? — он указал на кусты гардении, растущие около дома. Оттуда слышался шорох.

— Собака или, быть может, Ханс. Он забирается повсюду вблизи тех мест, где бываю я. Ханс, это ты?

Из-за куста гардении показалась чья-то фигура.

— Да, это я, баас.

— Что ты там делаешь, Ханс?

— То же, что и собака, баас — охраняю своего господина.

— Прекрасно, — ответил я. Тут мне пришла в голову одна мысль. — Ханс, — сказал я, — не слышал ли ты о белом баасе с длинной бородой, которого кафры называют Догита?

— Я слышал о нем и видел его несколько лун тому назад, когда он проходил через Пайнтаун. Кафр, который был с ним, сказал мне, что Догита направляется куда-то через Дракенсберг^[95] искать маленьких животных, которые ползают и летают. Но ведь он совсем сумасшедший, баас.

— Хорошо. А где он теперь, Ханс? Он должен был быть здесь, чтобы отправиться вместе с нами.

— Разве я дух, чтобы суметь сказать баасу, куда ушел белый человек?

Но вот что: Мавово может сказать это. Как раз сегодня вечером его змея-прорицательница вошла в него. Он гадает там за домом. Я видел, как он составлял круг.

Я перевел Стивену слова Ханса (последний говорил по-голландски) и спросил его, не желает ли он посмотреть на кафрское гадание.

— Охотно, — ответил он, — но ведь все это вздор, не правда ли?

— Конечно, это так или, по крайней мере, многие это утверждают, — уклончиво ответил я. — Однако эти люди иногда говорят необыкновенные вещи.

Потом под предводительством Ханса мы тихо обошли вокруг дома и остановились у стены футов в пять высотой, примыкавшей к задней части конюшни. За этой стеной, среди нескольких хижин, в которых жили мои кафры, было открытое место с подобием очага, где они готовили себе пищу. Здесь, лицом к нам, сидел Мавово, а вокруг него все охотники, которые должны были сопровождать нас. Кроме них, тут были хромой гриква Джек и двое домашних слуг. Перед Мавово горело несколько маленьких костров. Я сосчитал их. Их было четырнадцать — точное число наших охотников плюс мы.

Один из охотников подбрасывал в эти костры маленькие кусочки щепок и сухую траву, чтобы они горели ярко. Остальные молча сидели вокруг и благоговейно смотрели на это. Сам Мавово имел вид человека, погруженного в сон, и сидел на корточках, склонив почти на самые колени свою огромную голову. Он был опоясан змеиной кожей; на шее у него висело украшение, которое, по-видимому, было сделано из человеческих зубов.

Справа от него лежала куча перьев из крыльев коршуна, а слева — маленькая кучка серебряных монет (я полагаю, плата охотников, которым он гадал).

Мы смотрели на него из-за прикрытия — каменной стены. Вдруг он пробудился от своего сна. Сперва он что-то пробормотал, потом посмотрел на луну и прочел, очевидно, молитву, слов которой я не мог разобрать. Потом трижды конвульсивно вздрогнул и воскликнул внятным голосом:

— Моя змея пришла. Она во мне. Теперь я могу видеть!

Три маленьких костра, находившиеся как раз напротив него, были несколько больше, нежели остальные. Он взял связку перьев коршуна, тщательно выбрал одно из них, сначала поднял его к небу, потом провел им в пламени через центр одного из трех костров, назвав при этом мое туземное имя — *Макумазан*. Вынув перо из огня, он очень внимательно осмотрел обгорелые края — процедура, от которой холод пробежал по

моей спине, так как я знал, что он вопрошает своего «духа» о том, что случится со мною в нашей экспедиции.

Что ответил ему дух, я не могу сказать, так как он отложил перо в сторону и, взяв другое, проделал с ним то же, что и с предыдущим. Только на этот раз он назвал имя Мвамвацела, сокращенная форма которого *Вацела* была названием, данным кафрами Стивену Соммерсу. Оно означало «улыбка» и, без сомнения, было дано последнему за его приятное улыбающееся лицо.

Проведя пером через правый из трех костров, Мавово внимательно осмотрел его и отложил в сторону. Так это продолжалось дальше. Он называл имена охотников одно за другим, начав с себя, как с начальника. Проведя пером через костер, представлявший судьбу упоминаемого охотника, он внимательно осматривал это перо и откладывал его в сторону. После этого он, казалось, снова погрузился в сон. Через несколько минут он очнулся, зевнул и потянулся, как человек пробуждающийся от естественного сна.

— Говори, — с великим беспокойством сказала все собрание, — Ты видел? Ты слышал? Что сказала тебе змея обо мне? Обо мне? Обо мне? Обо мне...

— Я видел, я слышал, — ответил он. — Моя змея говорит, что это путешествие будет очень опасным. Из тех, кто пойдет, умрет шесть человек: от пули, копья или болезни. Другие будут ранены.

— О! — воскликнул один из охотников. — Но кто умрет и кто останется в живых? Не сказала ли тебе этого твоя змея?

— Да, конечно, моя змея сказала мне это. Но она велела мне держать язык за зубами, чтобы кто-нибудь из вас не струсил. Кроме того, она сказала мне, что первый из вас, кто станет задавать мне вопросы, будет в числе тех, кто должен умереть. Теперь кто хочет задать мне вопросы? Спрашивайте, если хотите.

Странно, но никто из них не принял этого приглашения. Никогда я не видел людей, которые относились бы более безразлично (по крайней мере, внешне) к своему будущему. Все, казалось, пришли к заключению, что лучше всего предоставить будущее самому себе.

— Моя змея сказала мне еще кое-что, — продолжал Мавово. — Если среди вас есть трусливый шакал, который, думая, что он в числе шести обреченных на смерть, собирается избежать своей участи путем бегства, то это бесполезно. Ибо моя змея укажет мне его и научит меня, как поступить с ним.

Тут все в один голос заявили, что им в голову не приходило покидать

Макумазана. Я убежден, что эти храбрые люди говорили правду. Без сомнения, они верили в гадание Мавово. Однако обещанная им смерть была еще далеко, и каждый из них надеялся, что он будет в числе тех, кто избегнет ее. Кроме того, зулусы в те времена были слишком привычны к смерти, чтобы бояться ее. Однако один из них решился высказать мысль (к которой Мавово отнесся с надлежащим презрением), что шиллинг, заплаченный за предсказание, должен быть возвращен ближайшим наследникам того, кто погибнет.

— С какой стати, — говорил он, — платить за то, что тебе предскажут смерть? — Это казалось ему безрассудным.

Конечно, у этих кафров странные взгляды на вещи.

— А где же твой костер, Ханс? — шепотом спросил я.

— У меня нет костра, баас, — просопел он мне в ухо. — Не считает ли баас меня за дурака? Если я должен умереть, я умру. Если я должен жить, я буду жить. Зачем же мне платить шиллинг за то, что все равно будет со временем известно? Кроме того, Мавово берет шиллинги и пугает всех, но никому ничего не говорит. Баасы не платили денег, и потому Мавово, хотя он и великий колдун, не может ничего предсказать баасам, так как его змея не работает без платы.

Это замечание казалось вздорным. Однако у меня явилась мысль, что ни одна цыганка не станет гадать, если ей не «позолотить ручку».

— Мне кажется, Квотермейн, — лениво сказал Стивен, — если наш друг Мавово знает так много, его следует спросить, как это советует Ханс, что случилось с братом Джоном. Что он скажет, вы передадите мне потом, так как я хочу пойти посмотреть на кое-что.

Я прошел через маленькие ворота в стене, как будто ничего не видел, и притворился удивленным при виде маленьких костров.

— Как, Мавово, — сказал я, — ты опять занимаешься гаданием? Я думал, что оно принесло тебе уже достаточно неприятностей в земле зулусов.

— Это так, баба^[96], — ответил Мавово, имевший обыкновение называть меня «отцом», хотя был старше меня, — гадание уже стоит мне звания вождя, скота, двух жен и сына. Оно превратило меня в странника, который рад сопровождать некоего Макумазана в неведомые земли, где со мной может случиться многое, даже то, — многозначительно прибавил он, — что бывает последним. И все-таки дар остается даром, и им надо пользоваться. У тебя, баба, есть дар стрелять. Разве ты перестанешь стрелять? Ты должен странствовать. Можешь ли ты перестать странствовать?

Он взял одно из обожженных перьев из кучки, лежавшей около него, и внимательно осмотрел его.

— У меня острый слух, баба, и твои слова донеслись до меня через воздух. Ты, кажется, сказал, что мы, бедные кафрские колдуны, ничего не можем правильно предсказать, если нам не заплатят. Это, пожалуй, правда. Но змея, которая сидит в колдуне и прыгает над маленькой скалой, скрывающей от нее настоящее, может видеть тропинку, извивающуюся далеко-далеко через долины, потом горы, — до тех пор, пока эта тропинка не скроется высоко в небе. Так, на этом пере, опаленном моим волшебным огнем, я, кажется, вижу твое будущее, о мой отец Макумазан! Далеко, далеко идет твой путь, — он провел пальцем по всему перу. — Вот путешествие, — он смахнул обуглившийся комок, — вот еще, еще и еще, — он смахивал обуглившиеся комки один за другим. — Вот очень удачное путешествие, оно обогатит тебя. Вот еще одно удивительное путешествие, в котором ты увидишь необычайные вещи и встретишь странный народ. Потом, — он так сильно дунул на перо, что вся обуглившаяся часть его осыпалась, — потом останется только такой шест, какие некоторые люди моего племени втыкают в могилы и называют «столбами воспоминаний». О мой отец, ты умрешь в далекой земле, но ты оставишь после себя великую память, которая будет жить сотни лет. Ибо смотри, сколь крепко это перо, на которое огонь оказал так мало действия. Иное дело остальные перья, — прибавил он.

— Будь добр, Мавово, — прервал я его, — перестань гадать для меня, так как я совсем не хочу знать, что будет со мною. Я доволен своим «сегодня» и совсем не хочу заглядывать в будущее. В нашей священной книге сказано: «довлеет дневи злоба его».

— Да, Макумазан, это хорошее изречение. Некоторые из твоих охотников теперь тоже думают так, хотя час тому назад они совали мне свои шиллинги, чтобы я предсказал им будущее. Ты тоже что-то хочешь узнать. Ведь не за тем прошел ты через эти ворота, чтобы показать мне мудрость своей священной книги. В чем дело, баба? Говори скорей, ибо моя змея становится усталой. Она хочет вернуться в свою нору, в потусторонний мир.

— Хорошо, — ответил я немного смущенно, так как Мавово обладал необыкновенной способностью угадывать тайные побуждения, — мне хотелось бы знать, что случилось с белым человеком с длинной бородой, которого вы, черные, называете Догитой. Он должен был ждать здесь, чтобы отправиться вместе с нами в это путешествие. Он должен быть нашим проводником, но мы не можем найти его. Где он и почему его здесь

нет?

— Нет ли у тебя, Макумазан, чего-нибудь, принадлежащего До-гите?

— Нет, — ответил я, — но постой... — Я вытащил из кармана огрызок карандаша, данный мне братом Джоном и сохраненный мною с того времени, так как я был бережливым.

Мавово взял его и тщательно осмотрел, как делал это с перьями. Потом своей мозолистой рукой выгреб из самого большого костра (представлявшего меня) кучку золы, разгреб ее по земле, сравнял и нарисовал на ней грубое изображение человека, такое, какое дети выцарапывают на выбеленных стенах. Окончив рисунок, он созерцал его с удовлетворением художника. С моря поднялся легкий ветерок, который смешал золу, изменив очертания рисунка.

Некоторое время Мавово сидел с закрытыми глазами. Потом открыл их, внимательно рассмотрел золу и остатки рисунка, взял лежавшее рядом одеяло и набросил его себе на голову и на золу. Потом откинул его в сторону и указал на рисунок, который теперь совершенно изменился. При свете луны этот рисунок походил теперь скорее всего на пейзаж.

— Все ясно, отец, — сказал он деловым тоном. — Белый странник Догита не мертв. Он жив, но болен. Что-то случилось с его ногой, и он не может ходить. Быть может, сломана кость или его укусил дикий зверь. Он лежит в хижине, какие строят себе кафры, только вокруг нее идет веранда, похожая на крыльцо твоего дома. Стены ее покрыты рисунками. Она находится далеко отсюда, где именно — я не знаю.

— Это все? — спросил я, так как он остановился.

— Нет, не все. Догита поправляется. Он присоединится к нам в трудное время в той стране, куда мы направляемся. Вот и все. Плата за это пол-кроны.

— Ты хочешь сказать, шиллинг, — возразил я.

— Нет, мой отец, Макумазан. Шиллинг платят простые черные люди за предсказание будущего. За гадание же для белых людей, гадание, в котором искусны только такие великие маги, как я, Мавово, надо платить пол-кроны.

Я дал ему пол-кроны и сказал:

— Слушай, дружище Мавово. Я считаю тебя хорошим охотником и бойцом, но гадалщик ты, по моему мнению, плохой. Я так убежден в этом, что если Догита присоединится к нам в той стране, куда мы собираемся, и притом в затруднительный момент — я подарю тебе свое двустольное ружье, которое тебе так нравится.

На уродливом лице Мавово появилась улыбка.

— Тогда дай его мне сейчас, баба, — сказал он, — ибо я уже заработал его. Моя змея не может лгать, особенно за плату пол-кроны.

Я отрицательно покачал головой и отказал ему учтиво, но твердо.

— Эх, — сказал Мавово, — вы, белые люди, очень осторожны и думаете, что все знаете. Но это не так. Конечно, ты можешь насмеяться и говорить: «Мавово, храбрый в битве, великий охотник, верный человек, становится лжецом, когда дует на обожженные перья или читает то, что ветер пишет на пепле».

— Я не утверждаю, что ты лжешь, Мавово, но говорю, что ты обманут своим собственным воображением. Человек не может знать того, что от него скрыто.

— Разве это так, о Макумазан, о Бодрствующий В Ночи? Разве я, Мавово, ученик Зикали, Открывателя Путей, величайшего из магов, в самом деле обманут своим воображением? Разве нет у человека других глаз кроме тех, которые на лице? Итак, ты все это утверждаешь. Мы, черные люди, знаем, что ты мудр. Так поэтому я, бедный зулус, не могу видеть того, чего не видишь ты? Так вот, когда завтра ты получишь тревожные вести с корабля, на котором мы должны отплыть, тогда вспомни о нашем разговоре и о том, может ли человек видеть то, что скрыто от него во мраке будущего. Ох! Твое ружье уже принадлежит мне, хотя ты, считая меня обманщиком, не хочешь дать его мне теперь. Хорошо, Макумазан. За то, что ты считаешь меня обманщиком, я никогда не буду дуть на перья или читать написанное ветром на пепле для тебя и всех, кто ест твой хлеб!

После этого он встал, сделал правой рукой прощальный жест, собрал маленькую кучку денег и мешок с лекарствами и удалился в хижину, служившую ему спальней.

На обратном пути в дом мы встретили старого хромого Джека.

— Баас, — сказал он, — белый вождь Вацела велел передать, что они повар Самми пошли на корабль, чтобы присмотреть за багажом. Только что приходил Самми и увел его. Он сказал, что объяснит все завтра.

Я кивнул головою и вошел в дом, удивляясь, почему Стивен столь внезапно решил провести ночь на борту «Марии».

V. Работорговец Хассан

Кажется, прошло часа два после рассвета, когда на следующее утро меня разбудили стук в дверь и голос Джека, говорившего, что повар Самми хочет мне что-то сказать.

Удивляясь, как он мог попасть сюда (я знал, что он ночует на шхуне), я велел Джеку впустить его. Тут я должен заметить, что Самми был человеком смешанной крови. Я думаю, что в нем преобладала смесь малайца с индийским кули^[97], с легкой примесью белого и, весьма возможно (в чем я, впрочем, не уверен), готтентота. В результате получился человек, обладающий немногими пороками и большими достоинствами.

Прежде всего я должен сказать, что Самми был, вероятно, самым большим трусом, какого я когда-либо видел. Трусость его была врожденной; однако, как это ни странно, она никогда не мешала ему попадать в очень опасные положения. Он прекрасно понимал, что экспедиция, в которую мы собираемся, будет полна опасностей. Зная его слабость, я указал ему на это. Тем не менее он умолял меня позволить ему сопровождать меня. Возможно, что причиной этому была наша привязанность друг к другу. За несколько лет до этого я как-то выручил Самми из большой беды, отказавшись от обвинения его в одном проступке. Я не стану пускаться в изложение подробностей этого дела. Скажу только, что исчезла некоторая сумма денег, которая была доверена Самми. Следует заметить, что в это время он был помолвлен с одной «цветной» леди, обладавшей расточительными наклонностями, на которой он все-таки не женился. После этого он ухаживал за мной во время тяжелой болезни. Отсюда привязанность, о которой я упоминал. Самми был сыном туземного миссионера и, по его собственным словам, получил христианское воспитание. Он был достаточно образован для человека своего класса и в придачу к нескольким туземным диалектам, с которыми он познакомился во время своей разнохарактерной деятельности, он превосходно говорил по-английски, хотя всегда применял самый напыщенный слог. Он никогда не употреблял коротких фраз, если мысль можно было выразить более длинной. В течение нескольких лет он был учителем в Кейптауне, в школе, где получали образование «цветные» люди. Его специальностью, по его собственным словам, были «английский язык и литература». Утомившись своими занятиями или будучи уволен со службы по какой-нибудь другой причине, о которой он никогда не говорил, он отправился в Занзибар, где

занился изучением арабского языка и сделался управляющим или главным поваром в отеле. Спустя несколько лет он лишился этого места и снова появился в Дурбане, Здесь он снова встретился со мной незадолго до экспедиции в Землю Понго. Он обладал учтивыми манерами и по натуре был весьма религиозным. Я уверен, что он был баптистом. По внешности это был маленький коричневый денди неопределенного возраста с аккуратным пробором на голове, при всяких обстоятельствах весьма опрятный в отношении платья. Я взял его потому, что он находился в затруднительном положении, был превосходным поваром, великолепной сиделкой и еще потому, что мы, как я уже упоминал, были очень привязаны друг к другу. Кроме того, он всегда чрезвычайно забавлял меня, а в длительных путешествиях это чего-нибудь да стоит.

Таков, в общих чертах, был Самми.

Когда он вошел в комнату, я увидел, что на нем совершенно мокрое платье. Я спросил его, не идет ли дождь, или, быть может, он напился пьяным и уснул на сырой траве.

— Нет, мистер Квотермейн, — ответил он, — погода стоит превосходная, а что касается спиртных напитков, то я, подобно бедному готтентоту Хансу, дал себе слово не прикасаться к ним. В этом мы сходимся с ним, хотя мало похожи друг на друга.

— В чем же дело? — прервал я поток его красноречия.

— Сэр, не все обстоит благополучно на корабле, где я проводил ночь в обществе мистера Соммерса по его специальному требованию. Сегодня перед рассветом португальский шкипер и его арабы, думая, что мы спим, начали было поднимать якорь и готовиться к отплытию. Мы вышли из каюты. Мистер Соммерс сел на кабестан^[98] с револьвером в руке и сказал... Сэр, я не могу повторить того, что он сказал.

— Ну, хорошо. А дальше что?

— Потом, сэр, поднялась большая суматоха. Португалец и арабы грозили мистеру Соммерсу, но он продолжал сидеть на кабестане с твердостью скалы среди бурного потока. Он сказал, что уложит всякого, кто попыбует коснуться кабестана. Что было дальше — я не знаю, так как кто-то столкнул меня в воду. Но я, будучи, к счастью, хорошим пловцом, доплыл до берега и поспешил сюда, чтобы сообщить вам об этом.

— Не говорил ли ты, идиот, еще с кем-нибудь? — спросил я.

— Да, сэр. По дороге я сообщил портовому офицеру, что на «Марии» происходят беспорядки, которые надо прекратить.

Одевшись через минуту, я позвал Мавово и остальных охотников. Они явились очень скоро. Одевание отнимало у них немного времени, так как

их костюм состоял всего-навсего из... одеяла.

— Мавово, — начал я, — на корабле произошло...

— О, баба, — прервал он меня с подобием улыбки, — это странно, но сегодня ночью мне снилось, что я говорил тебе...

— Черт побери твои сны! — сказал я. — Собери своих людей и беги... Нет, постой. Теперь либо уже поздно, либо все обстоит благополучно. Приготовь своих охотников. Я пойду вместе с ними. Багаж можно будет перенести потом.

Менее чем через час мы были на набережной, недалеко от того места, где стояла «Мария». Теперь здесь великолепный Дурбанский порт, но в те времена местные портовые сооружения были самого примитивного характера.

Странное сборище представляли мы! Впереди шел я, одетый более или менее прилично, потом Ханс в своей грязной широкополой шляпе и засаленном платье из полосатой бумажной материи, за ним Самми в европейском костюме, мягкой войлочной шляпе и светло-синем галстуке с красными полосками; если бы не недавнее купание, он имел бы очень нарядный вид. За ним следовал суровый Мавово и его отряд охотников. На каждом из охотников был гладкий черный восковой круг, прикрепленный к их коротким волосам. Все они имели весьма свирепый вид. Согласно новому закону, они не имели права появляться в городе вооруженными. Их ружья уже были отправлены на судно, а их копья с широкими наконечниками были завернуты в циновки, служившие постелями, причем острия их были обмотаны сухой травой. Однако каждый из них держал в руках сучковатую дубину красного дерева. Шли они по-военному, по четыре в ряд.

Правда, когда мы сели в лодку, чтобы переправиться на корабль, их воинственный пыл охладился, так как эти люди, бесстрашные на суше, удивительно боятся незнакомой им стихии — воды.

Мы достигли «Марии» и взобрались на ее палубу. Прежде всего я увидел Стивена Соммерса, сидящего, согласно рассказу Самми, на кабестане с пистолетом в руке. Недалеко от него стоял, облокотившись на мостик, португалец Дельгадо, находившийся, по-видимому, в чрезвычайно скверном настроении духа. Он был окружен матросами-арабами такой же подозрительной наружности, как и он, одетыми в грязное белое платье. Тут же находился начальник порта, хорошо знакомый мне почтенный джентльмен по имени Като, мужчина малого роста, переживший, подобно мне, множество самых разнообразных приключений.

Он сидел со своей свитой около люка и курил, не спуская глаз со

Стивена и португальца.

— Рад вас видеть, Квотермейн, — сказал он. — Я тоже только что прибыл сюда. Тут что-то произошло, но я не понимаю по-португальски, а джентльмен, сидящий на кабестане, ничего не объясняет.

— В чем дело, Стивен? — спросил я, обменявшись рукопожатием с мистером Като.

— В чем дело? — повторил Соммерс. — Этот человек, — он указал на Дельгадо, — хотел потихоньку уйти в море со всем нашим багажом. Без сомнения, мы с Самми были бы выброшены за борт, лишь только земля скрылась бы из виду. Но Самми, понимающий по-португальски, подслушал их разговор. Их план открылся, и я, как видите, принял надлежащие меры.

Как и следовало ждать, Дельгадо всячески отпирался от этого. Он уверял, что всего только хотел подвести судно несколько ближе к берегу и ждать нас там.

Он, конечно, лгал и знал, что нам ясен неудавшийся ему план потихоньку выйти в море и завладеть нашим имуществом, предварительно убив Стивена и бедного повара или высадив их на какой-нибудь необитаемый остров. Но доказать это было трудно. Кроме того, нас теперь было много, и мы сами могли постоять за себя и защитить свое имущество.

Основываясь на этом, я считал дальнейший спор бесполезным, Поэтому я с улыбкой принял объяснения Дельгадо и пригласил всех к утреннему завтраку. Потом Стивен рассказал мне, что когда я накануне вечером разговаривал с Мавово, Самми, стороживший на судне наш багаж, попросил его прислать туда еще кого-нибудь. Зная трусливую натуру повара, он, к счастью, сразу решил отправиться на судно и провести там ночь. Дальше все было так, как рассказывал мне Самми.

Только оказалось, что он не был выброшен за борт, но решил искупаться добровольно в тот момент, когда столкновение с Дельгадо казалось неизбежным.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал я. — Счастье, что вам пришла в голову мысль провести ночь на шхуне.

Потом все пошло хорошо. Я послал нескольких людей в сопровождении Стивена за остальным нашим багажом, который был благополучно доставлен на борт «Марии». Вечером мы отплыли.

Наш переезд до Килвы прошел очень хорошо. Легкий ветер нес нас по поверхности моря. Даже Ханс, который, по моему мнению, был самым плохим моряком в мире, и зулусские охотники не чувствовали тошноты, хотя и отказывались от пищи, как утверждал это Самми. Кажется, на пятый или седьмой день нашего путешествия мы бросили якорь около одного из

островов Килвы, недалеко от старого португальского форта. Дельгадо, с которым мы мало имели дела во время нашего переезда, поднял какой-то сигнал. В ответ на него пришла лодка с несколькими людьми, которых Дельгадо назвал портовыми чиновниками. Это была целая банда черных субъектов отчаянного вида под предводительством пожилого мужчины смешанной крови, с лицом, изуродованным оспой. Дельгадо представил его нам под именем бея Хассан-бен-Магомета.

Что Хассан-бен-Магомет относится крайне неодобрительно к нашему присутствию на судне и особенно к предполагаемой нами высадке в Килве, стало для меня ясным с того момента, как я увидел его неприятное лицо.

После поспешного совещания с Дельгадо он выступил вперед и обратился ко мне на арабском языке, в котором я не понимал ни слова. К счастью, наш Самми, бывший, как я уже говорил, большим лингвистом, обладал достаточным знанием этого языка, приобретенным, вероятно, во время его службы в занзибарском отеле. Поэтому я, не доверяя Дельгадо, позвал Самми, чтобы он был переводчиком.

— Что он говорит, Самми? — спросил я.

Он немного поговорил с Хассаном, потом сказал:

— Сэр, он приветствует вас и говорит, что слышал от своего друга Дельгадо, что вы большой человек и, кроме того, что вы и мистер Соммерс англичане — нация, которую он очень любит.

— В самом деле? — воскликнул я. — Я бы никогда не подумал этого, судя по взглядам, которые он бросает на нас. Поблагодари его за любезное приветствие и скажи ему, что мы намерены высадиться здесь и отправиться в глубь страны на охоту.

Самми повиновался, и наш разговор продолжался в таком духе:

Хассан. Я убедительно прошу вас не сходить на берег. Эта страна совсем неподходящее место для таких благородных джентльменов. Здесь нечего есть, а дичи уже много лет не видно. Страну эту населяют дикари, которых голод принудил сделаться людоедами. Я не хочу, чтобы ваша кровь пала на мою голову. Поэтому я прошу вас лучше отправиться на этом корабле в бухту Делагоа, где вы найдете хороший отель, или в какое-нибудь другое место.

А. Квотермейн. Могу ли я спросить вас, сэр, какое положение занимаете вы в Килве, что так заботитесь о нашей безопасности?

Х. Благородный английский лорд, я здешний купец португальской национальности, но рожденный от арабской матери высокого происхождения и воспитанный среди этого народа. Я имею сады, возделываемые моими туземными слугами, которые для меня все равно,

что родные дети. Я развожу пальмы, маниоку, земляные орехи, смоквы и другие растения. Все окрестные племена считают меня своим вождем и отцом, А.К. В таком случае, благородный Хассан, ты можешь провести нас через эти племена, видя, что мы мирные охотники, никому не желающие причинить вреда.

(Продолжительное совещание Хассана с Дельгадо, во время которого я приказываю Мавео вывести на палубу всех своих зулусов с ружьями).

Х. Благородный английский лорд, я не могу позволить вам высадиться на берег.

А. К. Благородный сын пророка, я намерен завтра рано утром высадиться на берег со своим другом, спутниками, ослиами и багажом. Я буду рад, если ты позволишь мне сделать это. Если же нет... — я посмотрел на грозную группу охотников, стоявших позади меня.

Х. Благородный английский лорд, мне очень неприятно применять силу, но позволь мне сказать тебе, что в моей мирной деревне есть по крайней мере сотня людей, вооруженных ружьями, между тем как вас меньше двадцати человек.

А. К. *(обменявшись после некоторого размышления несколькими словами с Соммерсом)*. Не можешь ли сказать мне, благородный господин, не было ли видно из вашей деревни английское военное судно «Крокодил»? Это судно занимается поимкой арабских доу^[99], принадлежащих работорговцам. Я получил письмо от его капитана. Он должен был быть в этих водах еще вчера, но, по всей вероятности, запоздает дня на два.

Если бы в ногах почтенного Хассана разорвалась бомба, эффект едва ли был бы меньший. Он не побледнел, но сделался ужасно желтым и воскликнул:

— Английское военное судно «Крокодил»! Я думал, что оно ушло чиниться в Аден^[100] и вернется в Занзибар не раньше, чем через четыре месяца.

А. К. Ты получил ложные сведения, благородный Хассан. Оно не будет чиниться до октября. Прочешь тебе письмо? — Я вынул из кармана кусок бумаги. — Оно должно интересовать тебя, так как мой друг капитан, которого, как тебе известно, зовут Флауэрс, упоминает о тебе. Он пишет...

Хассан махнул рукой.

— Довольно. Я вижу, благородный господин, что ты горячий человек, которого нелегко отговорить от принятого решения. Если хочешь, высаживайся на берег и иди куда тебе нравится.

А. К. Я думаю, что мне лучше всего подождать прихода «Крокодила».

Х. Нет-нет, высаживайся на берег. Капитан Дельгадо, вели грузить их багаж в свою шлюпку. Моя лодка тоже к услугам этих лордов. Тебе, капитан, лучше всего уйти отсюда с вечерним отливом. Еще светло, лорд Квотермейн. Все, что в моих силах, к твоим услугам.

А. К. Я понимаю, бей Хассан, что ты шутил, когда настаивал на том, чтобы я отправился в другое место. Право, превосходная шутка для человека, гостеприимство которого так известно. Прекрасно, мы исполним твоё желание и высадимся на берег сегодня же вечером. Если капитан Дельгадо случайно увидит военный корабль «Крокодил», пусть он будет добр дать нам сигнал ракетой.

— Конечно, конечно, — прервал меня Дельгадо, делавший до этого времени вид, что не понимает по-английски, и заставлявший меня при разговоре с ним прибегать к помощи Самми. Потом он отвернулся и отдал приказание своим арабам-матросам перенести наши тюки из трюма в лодку. Никогда я не видел более быстрой погрузки. Через полчаса на шхуне не оставалось ни одного нашего тюка. Стивен Соммерс наблюдал за их переноской. Наш личный багаж был положен в шлюпку с «Марии», а остальные тюки вместе с четырьмя ослами были как попало свалены на плоскодонную баржу, принадлежавшую Хассану. На этой барже поместился я с половиной наших людей, остальные под командой Стивена заняли места в меньшей лодке.

Наконец все было готово, и мы отчалили.

— Прощайте, капитан, — крикнул я Дельгадо, — если встретите «Крокодил»...

Тут Дельгадо разразился таким потоком брани на португальском, арабском и английском языках, что конец моего замечания, по-видимому, не достиг его.

В то время, когда мы гребли по направлению к берегу, я заметил, что Ханс, сидевший недалеко от меня под одним из ослов, обнюхивает, словно собака, борт и дно баржи. Я спросил его, в чем дело.

— Станный запах в этой лодке, — прошептал он по-голландски, — она пахнет кафраами так же, как и трюм «Марии». Я думаю, что на этой лодке перевозили невольников.

— Сиди смирно и перестань обнюхивать лодку, — сказал я, подумав при этом, что Ханс прав. Очевидно, мы попали в гнездо работоторговцев и Хассан их предводитель.

Мы миновали остров, на котором я заметил развалины старого португальского форта и несколько длинных хижин, крытых соломой, где, должно быть, содержались невольники до отправки на корабль. Заметив,

что я пристально смотрю на эти хижины, Хассан поспешно объяснил мне через Самми, что это — склады, в которых он сушит рыбу и кожи и сохраняет товары.

— Это очень интересно! — заметил я. — А мы сушим кожи на солнце...

Мы пересекли узкий канал и достигли плотины, где вышли на берег. Отсюда мы в сопровождении Хассана направились не в деревню, которая теперь видна была слева, но к довольно красивому, хотя и полуразрушенному дому, стоявшему ярдах в ста от берега. Что-то во внешнем виде этого дома внушало мне мысль, что он был построен не работоторговцами. Его веранда и прилегавший к нему сад указывали на хороший вкус и цивилизованность строителей. Очевидно, здесь некогда жили культурные люди. Дальше я увидел развалины церкви среди апельсиновой рощи, окруженной пальмами. Что это была церковь, в этом не было никакого сомнения, так как тут же стоял небольшой навес, увенчанный каменным крестом. Под навесом висел колокол, некогда призывавший к молитве.

— Передай английскому лорду, — сказал Хассан Самми, — что это здания христианской миссии, покинутой более двадцати лет тому назад. Когда я пришел сюда, то нашел их пустыми.

— Вот как! — ответил я. — А как звали тех, кто здесь жил?

— Я не знаю этого, — сказал Хассан. — Они ушли задолго до моего прихода.

Мы вошли в дом и в продолжение последующего часа были заняты своим багажом, который был сложен в саду. Для охотников были разбиты две палатки, которые я приказал поставить перед окнами комнат, предназначенных для нас. Эти комнаты были замечательны в своем роде. Моя, очевидно, раньше служила гостиной, что я заключил по разбитой мебели, по-видимому, американского производства. Комната, занятая Стивеном, некогда служила спальней, так как в ней осталась железная кровать. Кроме того, тут был висячий книжный шкаф (теперь валявшийся на полу) и несколько растрепанных книг. Одна из них хорошо сохранилась, быть может потому, что белым муравьям и подобным им существам не понравился вкус ее сафьянового переплета. Эта книга называлась «Христианский год», соч. Кебла. На ее заглавном листе было написано: «Дорогой Лизбет в день рождения от мужа». Я спрятал эту книгу в карман. На стене висел небольшой акварельный портрет очень красивой молодой женщины с голубыми глазами и белокурыми волосами. В углу портрета было написано тем же почерком: «Лизбет в возрасте 20 лет».

Этот портрет я тоже взял себе, думая, что со временем он может пригодиться как вещественное доказательство.

— Можно подумать, Квотермейн, что обитатели этого дома покинули его очень поспешно, — сказал Стивен.

— Это верно, дорогой мой. Но, быть может, они не покинули его. Быть может, они остались здесь...

— Убитыми?

Я кивнул головой и продолжал:

— Мне кажется, что наш приятель Хассан мог бы кое-что рассказать об этом. Надо пойти осмотреть церковь, пока не готов ужин и пока светло.

Мы прошли через пальмовую и апельсиновую рощи к тому месту, где стояла церковь. Она была построена из камня, похожего на коралловые скалы. Нам с первого взгляда стало ясно, что она опустошена огнем. Обесцвеченные стены красноречиво говорили об этом. Внутри здание поросло кустарником и ползучими растениями. Из каменного возвышения, где стоял алтарь, выскользнула желтая змейка. Церковь была окружена полуразрушенной стеной, но могил нигде не было видно. Однако недалеко от ворот была искусственная насыпь.

— Если разрыть эту насыпь, — сказал я, — то мы найдем кости тех, кто здесь жил. Не наводит ли вас это на какую-нибудь мысль?

— Только на то, что они были убиты, — ответил Стивен.

— Вам нужно научиться производить расследования. Это очень полезное искусство, особенно в Африке. Мне кажется, что если вы правы, то убийство совершено не туземцами, которые никогда не утруждают себя погребением мертвых. Это могли сделать арабы, особенно если среди них были португальцы, именующие себя христианами. Но, во всяком случае, все это было давно, — я указал на растущие на насыпи деревья, которым было не менее двадцати лет.

Мы вернулись в дом, где нас ждал обед. Хассан приглашал нас обедать к себе, но я, по понятной причине, предпочел, чтобы обед был приготовлен Самми, и предложил Хассану пообедать с нами. Он вскоре появился и рассыпался в любезностях, хотя в его глазах я ясно видел ненависть и подозрение. Мы принялись за жаркое из козленка, купленного у Хассана, так как я не хотел принимать подарков от этого человека. Питьем нам служил джин, смешанный с водой. Опасаясь, чтобы вода не была отравлена, я приказал Хансу набрать ее из источника, протекавшего недалеко от дома. Вначале Хассан, как подобало хорошему магометанину, отказывался от спиртного, потом уступил, и я налил ему хорошую порцию. Аппетит приходит во время еды, говорят французы. Эту поговорку можно

было бы применить и к выпивке, по крайней мере, в данном случае по отношению к Хассану, который, по-видимому, полагал, что количество выпитого алкоголя не увеличивает тяжести греха. После третьей порции джина он стал чрезвычайно любезным и болтливым. Находя момент удобным, я послал за Самми и через него сказал нашему хозяину, что нам нужно нанять двадцать носильщиков для нашего багажа. Он объявил, что носильщиков нельзя достать ближе чем за сотни миль, в ответ на что я подлил ему джину. В конце концов мне удалось сговориться с ним (не помню, за какую сумму), и он обещал найти для нас двадцать человек, которые останутся при нас столько времени, сколько нам понадобится. Потом я спросил его о разрушенной миссии, но ничего не мог добиться, несмотря на то что он был почти пьян. Он сказал только то, что двадцать лет тому назад очень свирепый народ, называемый «мазиту», совершил набег на побережье и перебил всех, кто здесь жил, за исключением белого человека и его жены, которые убежали в глубь страны. С тех пор о них ничего не слышно.

— А сколько человек похоронено около церкви? — быстро спросил я.

— Кто тебе сказал, что они там похоронены? — вздрогнув, ответил он, но, заметив свою ошибку, продолжал: — Я не понимаю, о чем ты говоришь. Я никогда не слышал, что там кто-нибудь похоронен. Спите спокойно, почтенные лорды. Я должен пойти присмотреть за нагрузкой товаров на «Марию».

Он встал, поклонился по-восточному и вышел.

— Итак, «Мария» не ушла, — сказал я и свистнул особым образом. Тотчас же в комнату тихо вошел Ханс, так как свист был для него условным знаком.

— Ханс, я слышал подозрительные звуки на том острове, — сказал я.

— Прoberись к берегу и посмотри, что там происходит. Если та будешь осторожен, тебя никто не увидит.

— О баас, — ответил он, оскалив зубы, — не думаю, что кто-нибудь увидит Ханса, если он будет осторожен, особенно ночью.

С этими словами он выскользнул из комнаты так же тихо, как и вошел. Я отправился к Мавово и приказал ему поставить караульных и присмотреть за тем, чтобы наши люди держали свои ружья наготове, так как я опасался, что работоторговцы могут ночью напасть на нас. В последнем случае я приказал занять веранду, но не стрелять до тех пор, пока я не скомандую.

— Хорошо, мой отец, — ответил Мавово. — Это очень счастливое путешествие. Я никогда не думал, что война может начаться так скоро. Моя

змея забыла сказать об этом в тот вечер. Спи спокойно, Макумазан. Ни одно существо, которое ходит, не проберется к тебе, пока мы живы.

— Не будь так самонадеян, — сказал я.

Мы прилегли в спальне, не раздеваясь, и положили около себя свои ружья.

Прежде всего я припоминаю, что кто-то потряс меня за плечо. Я думал, что это Стивен, согласившийся бодрствовать первую половину ночи и обещавший разбудить меня ровно в час. Он действительно не спал, так как мне был виден огонь трубки, которую он курил.

— Баас, — прошептал голос Ханса, — я все разузнал. Они действительно перевозят в большой лодке невольников с острова на «Марию».

— Так, — сказал я. — Но как ты сюда пробрался? Разве наши охотники спят? Он захихикал.

— Нет, они не спят. Они смотрят во все глаза и слушают во все уши. Однако старый Ханс незаметно пробрался мимо них. Даже баас Соммерс не заметил его.

— Это верно, — сказал Стивен. — Я думал, что это крыса. Я вышел на веранду и при свете костра, разведенного охотниками, увидел Мавово, сидевшего с ружьем на коленях, и позади него двух часовых. Я позвал его и указал на Ханса.

— Какие вы сторожа, — сказал я, — если Ханс сумел пробраться мимо вас ко мне в комнату, не будучи замеченным вами!

— О! — угрюмо воскликнул Мавово. — Я сказал, что ни одно живое существо, которое ходит, не проберется к тебе, Макумазан. Но эта желтая змея проползла мимо нас на брюхе. Посмотри на свежую грязь, которая покрывает его платье.

— Однако змеи могут жалить и убивать, — с усмешкой заметил Ханс. — Ох, вы, зулусы, считаете себя очень храбрыми! Вы кричите и размахиваете копьями и боевыми топорами. Но после этого одна бедная готтентотская собака стоит вас всех, вместе взятых. Нет, не пытайся ударить меня, воинственный Мавово. Мы оба, каждый по-своему, служим одному и тому же господину. Когда нужно будет сражаться, я предоставлю это тебе, но разведку предоставь Хансу. Взгляни, Мавово, — он показал роговую табакерку, какие зулусы иногда носят в ушах, — кому это принадлежит?

— Это моя табакерка, — сказал Мавово, — ты украл ее!

— Да, — насмешливо сказал Ханс, — я вытащил ее из твоего уха, когда в темноте пробирался мимо тебя. Помнишь, тебя укусил комар?

— Помню, — проворчал Мавово. — Ты, готтентотская змея, велик в своем низком пути. Но если в следующий раз меня что-нибудь укусит, то я отмахнусь от него не рукою, а копьем.

После этого я отпустил их обоих, заметив Стивену, что этот случай является хорошим примером борьбы между храбростью и хитростью. Теперь я был уверен, что Хассан и его друзья слишком заняты для того, чтобы напасть на нас в эту ночь. Мы легли спать и заснули сном праведников.

Проснувшись на следующее утро, я узнал, что Стивен Соммерс уже встал и куда-то ушел. Он не появлялся до середины завтрака.

— Где вы были? — спросил я его, заметив, что его платье изорвано и покрыто мокрым мхом.

— На верхушке самой высокой из тех пальм, Квотермейн. Я видел, как один араб взбирался на дерево с помощью веревки, и научился этому. Это совсем нетрудно, хотя и кажется опасным.

— Скажите же, что заставило вас... — начал я.

— Известная вам страсть, — прервал он меня, — когда я смотрел в бинокль, мне показалось, что я вижу орхидею недалеко от верхушки дерева. Я взобрался на него. Оказалось, что это была не орхидея, а масса растительной пыли. Но зато я узнал кое-что другое. Сидя на верхушке пальмы, я увидел, что «Мария» старается выйти из-за защищенной от ветра стороны острова. Далеко в стороне виднелась струйка дыма. Посмотрев в бинокль, я увидел, что это военное судно, медленно идущее вдоль берега. Я убежден, что это английский корабль. Потом поднялся туман и скрыл все из виду.

— Честное слово, это — «Крокодил»! — воскликнул я. — То, что я говорил Хассану, было не совсем вздорным. Мистер Като, командир порта в Дурбане, говорил, что «Крокодил» на днях должен зайти к ним в порт за припасами, после чего он будет крейсировать вдоль побережья в поисках работорговцев. Забавно будет, если он случайно встретит «Марию» и осмотрит ее груз. Не правда ли?

— Они не встретятся, Квотермейн, если кто-нибудь из них не изменит курса. Я не прощу этому мерзавцу Дельгадо его попытки удрать с нашим багажом, не говоря уж о несчастных невольниках. Передайте мне кофе.

В продолжение последующих десяти минут мы ели молча, так как Стивен обладал превосходным аппетитом и, кроме того, проголодался после утренней гимнастики.

Лишь только мы окончили завтрак, как явился Хассан, имевший еще более гнусный вид, нежели накануне. Я заметил, что он был в скверном

расположении духа, причиной чего была, вероятно, головная боль — результат вчерашней выпивки. Или, быть может, тот факт, что «Мария» благополучно ушла с невольниками, не будучи замеченной нами, был причиной изменения его поведения. Третьим предположением могло быть то, что он намеревался убить нас в прошлую ночь, но не имел возможности выполнить свой план.

Мы вежливо поздоровались с ним, в ответ на что он грубо спросил через Самми, когда «христианские собаки, оскверняющие его дом» намерены уйти отсюда, так как дом нужен ему самому.

Я ответил, что мы уйдем не раньше, чем явятся двадцать носильщиков, которых он нам обещал.

— Вы лжете, — сказал он. — Я никогда вам их не обещал. Здесь нет никаких носильщиков.

— Ты хочешь сказать, что в прошлую ночь отправил их на «Марию» вместе с невольниками? — быстро спросил я.

Видели ли вы, мой читатель, что делается с котом солидного возраста и угрюмого нрава, когда он внезапно встретит маленькую собачонку? Наблюдали ли вы, как он сгибается в дугу, как надувается, становясь почти в два раза больше по сравнению со своей нормальной величиной, как взъерошивается его шерсть, как сверкают его глаза, как из его рта вырывается целый поток странных звуков? Если вы видели все это, вы легко можете представить себе, какое действие произвело на Хассана мое последнее замечание. Он имел такой вид, будто готов был лопнуть от ярости. Его налитые кровью глаза, казалось, хотели выпрыгнуть из орбит. Всячески проклиная нас, он схватился рукою за позолоченную рукоятку своего огромного ножа и, наконец, сделал то, чего коты не делают — плюнул.

Случилось, что Стивен, стоявший несколько ближе к Хассану, нежели я, и хладнокровно смотревший на него, сделался жертвой этой грубой выходки. Это словно разбудило его. Он сказал что-то выразительное и в следующую секунду бросился на Хассана, словно тигр, и ударил его прямо в нос. Хассан отшатнулся назад и выхватил нож, но новый удар Стивена свалил его на землю, заставив выронить нож, который я поспешно схватил.

Хассан поднял вверх руку в знак признания себя побежденным.

— Благородный английский лорд победил меня, — сказал он, задыхаясь.

— Проси прощения! — закричал Стивен. Хассан поклонился, коснувшись лбом земли, и всячески извинялся.

— Что ты теперь скажешь насчет носильщиков? — весело спросил я.

— У меня нет никаких носильщиков, — ответил он.

— Ты мерзкий лгун! — воскликнул я. — Один из моих людей, бывший около вашей деревни, говорит, что она полна людей.

— Тогда пойди и набери их сам, — злобно ответил он, так как знал, что деревня окружена частоколом. Я не знал, что предпринять. Конечно, работоторговца следовало бы хорошенько проучить, но нам пришлось бы очень плохо, если бы он вздумал напасть на нас со своими арабами. Пристально глядя на меня, Хассан, по-видимому, угадал мои мысли.

— Меня избили, как собаку, — сказал он, и ярость снова охватила его, — но Аллах справедлив: он отомстит за меня в свое время.

Едва он это сказал, как со стороны моря послышался пушечный выстрел. В этот самый момент с берега прибежал араб, крича:

— Где бей-Хассан?

— Вот, — сказал я, указывая на Хассана.

Араб удивленно посмотрел на него, так как бей-Хассан имел весьма плачевный вид, потом пролепетал испуганным голосом:

— Господин, английский военный корабль преследует «Марию».

Снова послышался пушечный выстрел.

— Это «Крокодил», — медленно сказал я, приказав Самми переводить мои слова. Потом я вынул из кармана английский флаг, который положил туда, когда узнал о появлении корабля.

— Стивен! — продолжал я, размахивая флагом. — Не можете ли вы снова влезть на пальму, чтобы просигнализировать «Крокодилу» этим флагом?

— Великолепная идея! — воскликнул Стивен весело. — Ханс, принеси мне длинную палку и кусок бечевки.

Но Хассан совсем не находил эту идею великолепной.

— Английский лорд, — сказал он, тяжело дыша, — у тебя будут носильщики. Я пойду и приведу их.

— Нет, ты никуда не пойдешь, — ответил я. — Ты останешься здесь в качестве заложника. Пошли за ними этого человека.

Хассан отдал арабу несколько коротких приказаний, и тот поспешно ушел по направлению к обнесенной частоколом деревне.

Вскоре после его ухода появился новый посланник.

— Бей, — нерешительно сказал он, — мы видели в подзорную трубу, что английский военный корабль выслал шлюпку, которая пристала к «Марии».

— Великий Аллах! — взволнованно пробормотал Хассан. — Этот вор и предатель Дельгадо расскажет всю правду. Английские дети Шайтана [\[101\]](#) высадутся здесь. Все погибло! Передай людям, чтобы они захватили с

собой рабов, бежали в лес. Я присоединюсь к ним.

— Нет, — прервал я его, — если ты и присоединишься к ним, то, во всяком случае, не сейчас. Ты пойдешь вместе с нами. Несчастный Хассан задумался, потом спросил:

— О господин Квотермейн! Если я снабжу вас двадцатью носильщиками и буду сопровождать вас в течение нескольких дней, обещаешь ли ты не сигнализировать кораблю?

— Что вы на это скажете? — спросил я Коммерса.

— По-моему, следует согласиться, — ответил он. — Этот негодяй уже получил хороший урок. Если же «Крокодил» высадит сюда своих людей, то — конец нашей экспедиции. Нас заставят ехать в Занзибар или другое место, чтобы выступить свидетелями на суде. Мы ничего не выиграем, так как пока моряки придут сюда, все эти мерзавцы, за исключением нашего приятеля Хассана, разбегутся. Еще вопрос, повесят ли его. Он может вывернуться. Международные законы, иностранный подданный, отсутствие прямых улик...

— Дайте мне минуту подумать, — сказал я.

Пока я думал, происходило следующее. Я увидел человек двадцать туземцев, шедших по направлению к нам. Несомненно, это были обещанные носильщики. Много других бежало из деревни в лес. Потом прибежал третий посланец, сообщивший, что «Мария» уходит под управлением призового экипажа, и военный корабль, по-видимому, собирается сопровождать ее. Очевидно, он не хотел высаживать своих людей на территорию, которая, по крайней мере номинально, была португальской. Поэтому, если что-либо и нужно было предпринять, то немедленно.

В результате я сделал глупость и последовал совету Стивена. Через десять минут я изменил свое решение, но уже было поздно. «Крокодил» был далеко и не мог заметить нашего сигнала.

Этому предшествовал разговор с Хансом.

— Я думаю, что баас сделал ошибку, — сказал он. — Он забыл, что эти желтые дьяволы в белых платьях вернутся сюда и отомстят нам. Если бы английский корабль разрушил их город, они ушли бы в другое место. Впрочем, — прибавил он, взглянув на Хассана, — их предводитель в наших руках, и мы можем повесить его. Если баас желает, я могу это сделать. Я очень хорошо умею вешать людей.

— Убирайся вон! — сказал я, хотя знал, что Ханс прав.

VI. Невольничья дорога

Пришло двадцать носильщиков под конвоем пяти или шести арабов, вооруженных ружьями. Мы отправились посмотреть на них, взяв с собою Ханса и охотников. Это была толпа исхудалых, запуганных людей, принадлежавших, судя по их внешнему виду и прическам, к различным племенам. Передав их нам, арабы (или, вернее, один из них) вступили в оживленный разговор с Хассаном. О чем они говорили — я не знаю, так как Самми с нами не было. Тем не менее я догадался, что они обсуждают план освобождения Хассана. Если это и было так, то в конце концов они решили отказаться от этого намерения и пустились бежать вместе с остальными. Один из них, более смелый, нежели другие, обернулся и выстрелил в меня. Пуля просвистела мимо в нескольких ярдах от меня, так как эти арабы отвратительные стрелки. Это покушение на убийство так рассердило меня, что я решил не оставлять его безнаказанным. При мне было маленькое ружье «Интомби», то самое, из которого, как напомнил мне Ханс, я много лет тому назад стрелял по коршунам в краале Дингаана. Конечно, я мог бы убить араба, но мне не хотелось делать этого. Я мог прострелить ему ногу, но тогда нам пришлось бы либо ухаживать за ним, либо оставить его умирать. Поэтому я выбрал правую руку и прострелил ее выше локтя с расстояния около пятидесяти шагов.

— Теперь этот низкий человек больше никогда не будет стрелять, — сказал я зулусам.

— Хорошо, Макумазан, очень хорошо! — сказал Мавово. — Но почему ты не целился в голову, раз так хорошо умеешь стрелять? Эта пуля наполовину пропала.

После этого я вступил в разговор с носильщиками. Бедняги думали, что они проданы новому хозяину. Я должен сказать, что они предназначались к вывозу в другие места, но должны были обрабатывать сады Хассана. Двое из них принадлежали племени мазиту, родственному зулусам, хотя и отделившемуся от них много лет тому назад. Они говорили на наречии, которое я понимал, хотя вначале это давалось мне с трудом. В основу его вошел зулусский язык, смешанный с языками других племен, женщин которых мазиту брали себе в жены.

Среди носильщиков был один, настолько хорошо говоривший по-арабски, что Самми мог объясняться с ним. Я спросил мазиту, знают ли они дорогу, которая ведет в их страну. Они ответили, что знают, но что их

страна находится очень далеко отсюда, на расстоянии целого месяца пути. Я сказал им, что если они поведут нас туда, то получают свободу и хорошую плату. При этом я прибавил, что если и остальные носильщики будут хорошо служить нам, то они тоже получают свободу, когда в них не будет надобности. Услышав это, бедняги печально улыбнулись и посмотрели на Хассана-бен-Магомета, сидевшего на ящике под конвоем Мавово и бросавшего на них и нас злобные взгляды.

«Разве могут они стать свободными, пока жив этот человек?» — казалось, говорил их взгляд. Как будто для того, чтобы укрепить их сомнение, Хассан, понявший смысл моих слов, спросил, по какому праву мы обещаем свободу его рабам.

— По праву этого, — сказал я, указав на английский флаг, который Стивен все еще держал в руках. — Кроме того, мы заплатим тебе за них, когда вернемся обратно.

— Да, — пробормотал он, — ты заплатишь мне за это, англичанин, когда вернешься или, быть может, еще раньше этого!

Мы смогли выступить не раньше трех часов пополудни. У нас было так много дел, что, вероятно, было бы благоразумнее подождать до следующего утра. Но нам не хотелось проводить в этом месте еще одну ночь.

Каждый носильщик получил по одеялу и, казалось, эти бедные создания были чрезвычайно тронуты нашими подарками. Все вещи еще в Дурбане были разложены по ящикам, из которых каждый весил столько, сколько мог нести на себе один человек. На ослов были надеты выючные седла: Эти животные оказались весьма полезными в нашем путешествии.

Вьюки были укреплены на их спинах в непромокаемых кожаных мешках вместе с тыквенными бутылками и постельными циновками, которые Ханс откуда-то достал. Вероятно, он похитил их из покинутой деревни, а так как они были необходимы для нас, то я, сознаюсь, ничего ему не сказал. Мы взяли шесть или восемь козлят, бродивших недалеко, про запас, до того времени, пока не найдем дичи. За них я предложил Хассану плату, но когда вручил ему деньги, он в ярости швырнул их на землю. Я поднял их и со спокойной совестью спрятал обратно в карман.

Наконец все было более или менее готово. Тогда возник вопрос, что делать с Хассаном. Зулусы, равно как и Ханс, хотели убить его, что Самми объяснил ему на своем превосходном арабском языке.

Тут этот жестокий человек показал, каким трусом он был в глубине души. Он бросился на колени, плакал и взывал в нам во имя сострадательного Аллаха. Это продолжалось до тех пор, пока Мавово,

которому весьма надоело, не пригрозил ему своим копьем, после чего тот замолчал.

Стивен стоял за то, чтобы отпустить его — мысль, которая, казалось,

имела свои преимущества, так как, отпустив его, мы, по крайней мере, избавились бы от его общества. Однако после некоторого размышления я решил, что лучше всего задержать его по крайней мере дня на два в качестве заложника, на случай, если арабы последуют за нами и нападут на нас. Сперва он отказался идти с нами, но асsegай одного из охотников, направленный на него, послужил доводом, на который он ничего не мог возразить.

Наконец мы тронулись в путь. Впереди шел я с двумя проводниками, потом шли носильщики, потом половина охотников, за ними четыре осла под присмотром Ханса и Самми, потом Хассан и остальные охотники, за исключением Мавово, шедшего со Стивеном позади всех. Нет нужды говорить, что ружья наши были заряжены и все мы были готовы ко всяким случайностям.

Единственная дорога, по которой, по словам наших проводников, нам предстояло идти, шла сначала на протяжении нескольких сот ярдов по берегу, потом сворачивала от него через деревню, где жил Хассан, так как он, по-видимому, не пользовался старым миссионерским домом. Когда мы проходили мимо небольшого скалистого откоса (не более десяти футов высотой) в том месте, где глубокий канал, ярдов в пятьдесят шириной, отделял материк от острова, с которого невольники перевозились на «Марию», возникло некоторое затруднение с ослами. Один из них сбросил с себя поклажу, другой начал брыкаться с явным намерением прыгнуть в воду вместе с нашим ценным грузом. Охотники из арьергарда бросились к нему, чтобы удержать его. Вдруг послышался сильный всплеск.

«Осел упал в воду!» — мелькнуло у меня в голове. Но это был не осел, а Хассан. Воспользовавшись нашим замешательством и будучи превосходным пловцом, он бросился в воду и нырнул. Ярдах в двадцати от берега он вынырнул, потом снова нырнул, направляясь к острову. Я, безусловно, мог попасть из ружья ему в голову, но мне неприятно было стрелять по спасавшему свою жизнь человеку, словно это был гиппопотам или крокодил. Кроме того, я отдавал должное смелости его маневра. Поэтому я не стал стрелять и удержал от этого других.

Когда наш бывший хозяин подплыл к острову, я увидел арабов, сбегавших со скалы, чтобы помочь ему выйти из воды. Либо они не покинули острова, либо снова заняли его, лишь только «Крокодил» скрылся из виду со своим трофеем. Чтобы снова захватить в плен Хассана, надо было напасть на гарнизон острова, что нам было не по силам. Поэтому я отдал приказание продолжать путь. Затруднение с ослами было устранено, и мое приказание было исполнено сразу. Счастье, что мы не замешкались,

так как едва только наш караван двинулся дальше, как арабы с острова начали в нас стрелять. Но ни одна их пуля не достигла цели, так как мы скоро свернули в сторону и оказались за прикрытием. Кроме того, арабы, по своему обыкновению, стреляли очень скверно. Однако одна пуля попала в тюк, навьюченный на осла, разбила бутылку хорошей водки и повредила жестянку с консервированным маслом. Это так рассердило меня, что я, приказав другим продолжать путь, спрятался за дерево и ждал до тех пор, пока из-за скалы не показался грязный и изорванный тюрбан Хассана. Я прострелил этот тюрбан, но, к сожалению, не голову, на которой он был. Послав такой прощальный привет нашему хозяину, я спустился со скалы и догнал остальных.

Теперь мы шли мимо деревни. Идти через нее я не решился, опасаясь засады.

Деревня занимала большое пространство, окруженное крепким палисадом, и со стороны моря была скрыта большими холмами. В центре ее стоял большой дом восточного характера, в котором, несомненно, жил Хассан со своим гаремом. Когда мы прошли немного дальше, я, к своему удивлению, увидел пламя, пробивавшееся сквозь крышу этого дома, крытую пальмовыми ветками. Я не мог понять, как это могло случиться, но когда спустя два дня увидел у Ханса в ушах золотые серьги, а на руке золотой браслет, и, кроме того, заметил, что он и один из охотников располагают изрядным количеством британских соверенов^[102] — правда всплыла наружу.

Они незаметно пробрались через ворота в покинутую деревню, прошли к дому Хассана, похитили из женской половины украшения и деньги и, уходя, подожгли дом — «в оплату за разбитую бутылку водки», как объяснил Ханс. Я рассердился, но в конце концов понял, что теперь уже поздно предпринимать что-либо, и приказал ему и его товарищу поделиться золотом с остальными охотниками и Самми. На долю каждого из них пришлось по восемь фунтов.

Я должен заметить, что Хассан был прекрасным садоводом, так как сады, которые он разводил с помощью невольников, были чрезвычайно красивы и должны были приносить ему порядочный доход.

Пройдя через эти сады, мы подошли к наклонной равнине, поросшей кустарником. Идти здесь было труднее, так как дорога была покрыта ползучими растениями. Я был очень рад, когда мы к закату солнца достигли гребня холма и очутились на открытой, плоской равнине, расстилавшейся до самого горизонта. В кустарнике мы легко могли подвергнуться нападению, но на открытом месте я боялся этого меньше. Хотя их

лазутчики не теряли нас из вида, тем не менее в продолжение нескольких дней они ничего против нас не предпринимали.

Найдя удобное место у ручья, мы расположились ночевать. Ночь была так хороша, что мы не разбили палаток. Впоследствии я сожалел, что мы не ушли подальше от воды, так как над болотами, прилегавшими к ручью, носились мириады moskitov, отравлявших нам существование. На бедного Стивена, непривычного к ним, они набросились с особенной яростью, и на следующее утро он, покрытый следами их укусов, являл собою весьма печальное зрелище. Кроме того, наш покой нарушался необходимостью выставить бдительную стражу, на случай, если арабы вздумали бы напасть на нас среди ночи, и на случай попытки наших носильщиков бежать от нас, похитив багаж. Перед тем как они улеглись спать, я объяснил им, что всякий из них, кто попытается бежать, будет застрелен и что если они останутся снами, то с ними будут очень хорошо обращаться.

Они ответили через двух мазиту, что им некуда идти и что они не хотят снова попасть в руки Хассана, о котором они говорили не иначе, как с содроганием, и указали при этом на свои покрытые шрамами спины и на следы на шеях, оставленные невольничьими хомутами. Их слова казались искренними, но на них, конечно, нельзя было вполне положиться.

Убедившись на следующее утро, что ослы не разбежались и что вообще все обстоит благополучно, я вдруг заметил сквозь легкий туман какой-то белый предмет, который я сначала принял за маленькую птичку, сидящую на воткнутой в землю палке ярдах в пятидесяти от лагеря.

Я направился к нему и увидел, что это не птица, а кусок бумаги, вложенный в расщепленную на конце палку, какие туземцы употребляют для переноски писем. Я развернул бумагу и с большим трудом (письмо было написано на плохом португальском языке) прочел следующее:

Английские черти!

Не думайте, что вы избавились от меня. Я знаю, куда вы идете, и если вы не погибнете в пути, то все равно умрете от моей руки. Я располагаю тремя сотнями храбрых, хорошо вооруженных людей, которые почитают Аллаха и жаждут крови христианских собак. С ними я последую за вами, и если вы попадете в мои руки живыми, вы узнаете, что значит умереть от огня или от солнца, будучи зарытыми в муравейник. Посмотрим, поможет ли вам тогда ваш английский военный корабль или ваш бог. Да постигнет вас беда, белые разбойники, грабящие честных людей!

Это приятное послание не было подписано, но нетрудно было догадаться, кто был его анонимным автором. Я показал его Стивену. Он так был раздражен его содержанием, что пролил лекарство, которым лечил свой укушенный москитами глаз. Когда боль была наконец успокоена купаньем, мы состряпали такой ответ:

Убийца, известный среди людей под именем Хассан-бен-Магомета!

Поистине мы свершили грех, не повесив тебя, когда ты был в нашей власти. Такой ошибки мы больше не сделаем. О волк, питающийся кровью невинных! Твоя смерть близка, и мы уверены, что ты примешь ее от наших рук. Приходи со всеми своими приспешниками когда хочешь. Чем больше их придет с тобой, тем приятнее будет нам, желающим избавить мир от возможно большего числа негодяев.

До скорого свидания.

Алан Квотермейн.

Стивен Соммерс.

— Превосходно, — сказал я, перечитав письмо.

— Да, — ответил Стивен, — но, быть может, наше письмо несколько хвастливо по тону. Что будет, если этот джентльмен явится к нам с тремя сотнями вооруженных людей?

— Так или иначе, мой милый, — ответил я, — мы поколотим его, У меня появилось хорошее предчувствие. Я уверен, что Хассану осталось жить не много. Подождите до тех пор, пока мы не увидим каравана с невольниками. Тогда вы поймете мои чувства. Я знаю этих людей. Наше маленькое пророчество окажет великолепное действие на нервы Хассана. Ханс, пойдя и вложи это письмо в расщепленную палку. За ним скоро придет почтальон.

Случилось, что спустя несколько дней мы действительно увидели невольничий караван, принадлежавший Хассану. Мы проходили по красивой и здоровой местности, направляясь на запад, вернее, на северо-запад.

Земля здесь была плодородная и хорошо орошенная. Кустарник рос только по соседству с ручьями; более высокие места были открыты; кое-где виднелись отдельные деревья. Было ясно, что здесь когда-то, даже не особенно давно, было густое население, так как мы видели остатки многих деревень, вернее, городов с большими рыночными площадями. Они были либо сожжены огнем, либо просто покинуты. В некоторых из них осталось несколько стариков, добывавших себе пропитание в запущенных садах.

Эти бедные люди, одиноко проводившие время на солнце или вяло работавшие на некогда плодородных полях, разбегались при нашем приближении, так как думали, что все вооруженные люди непременно должны быть работорговцами.

Время от времени нам удавалось поймать некоторых из них и с помощью кого-нибудь из нашего отряда узнать их историю. Она всегда была одной и той же. Арабы-работорговцы под тем или иным предлогом восстанавливали племя против племени, потом принимали сторону более сильного племени и побеждали слабое, убивая при этом стариков и забирая молодых мужчин, женщин и детей (совсем маленьких детей они тоже убивали), чтобы продать их в рабство. По-видимому, все это началось лет двадцать тому назад, когда Хассан-бен-Магомет и его товарищи прибыли в Килву и заставили бежать миссионера.

Вначале это ремесло было легким и прибыльным, так как «живой товар» был под рукой. Но постепенно все окрестные общины были истреблены. Огромное число людей ей было убито, а оставшиеся в живых были увезены на кораблях в неизвестные страны. Тогда работорговцам пришлось уходить дальше, в глубь страны, и производить свои набеги почти у самых границ земли великого народа мазиту, о котором я уже упоминал.

Ходил слух, что работорговцы собираются напасть на этих мазиту, рассчитывая победить их с помощью своих ружей и открыть для себя новый, почти неисчерпаемый запас людского товара. А пока они занимались истреблением небольших племен, до сих пор избегших этой участи благодаря тому, что они жили среди холмов, покрытых непроходимым кустарником.

Тропа, по которой мы шли, была невольничьей дорогой. Это нам скоро стало ясно по большому числу человеческих скелетов, лежавших в высокой траве по ее сторонам. На плечевых костях некоторых из них были тяжелые невольничьи хомуты, а на руках — веревки из пальмовых волокон. Эти скелеты, я полагаю, принадлежали умершим от истощения сил, но другие, судя по разбитым черепам, принадлежали убитым в пути.

На восьмой день мы набрали на следы невольничьего каравана. Он направлялся к берегу, но по той или иной причине повернул обратно. Это могло быть потому, что его предводители были предупреждены о приближении нашего отряда. Или, быть может, они узнали о приближении другого каравана, бывшего в другом месте, и решили соединиться с ним.

Идти по следам этих людей было легко. Сперва мы нашли труп мальчика лет десяти. Потом видели коршунов, пировавших над останками

двух молодых мужчин, из которых один был застрелен, а другой убит топором. Их трупы, не знаю почему, были кое-как прикрыты травой. Пройдя еще две мили, мы услышали плач ребенка и скоро нашли его. Это была девочка лет четырех, похожая на живой скелет. При виде нас она поспешно уползла прочь на четвереньках, словно обезьяна. Стивен пошел за ней, а я с болью сердце отправился взять из нашего запаса жестянку консервированного молока. Вдруг Стивен позвал меня к себе голосом, полным ужаса. Я неохотно отправился к нему через кусты, зная, что он нашел что-нибудь ужасное. Там сидела молодая женщина, привязанная к стволу дерева, очевидно мать ребенка, так как он ухватился за ее ногу.

Она была еще жива, хотя, наверное, умерла бы на заре следующего дня.

Мы освободили ее, и зулусские охотники (довольно добросердечные люди, когда они не на войне) перенесли ее в лагерь. В конце концов мы с большим трудом спасли жизнь матери и ребенка. Я послал за двумя мазиту, с которыми теперь мог объясняться вполне хорошо, и спросил их, с какой целью работорговцы сделали это. Они пожали плечами, и один из них ответил с горьким смехом:

— Эти арабы, господин, обладая черной душой, убивают тех, кто не в состоянии идти дальше, или где-нибудь привязывают их, чтобы они потом умерли. Если бы они просто оставляли уставших, те могли бы оправиться и спастись, а это делает арабов печальными. Они не могут допустить, чтобы их рабы были свободными и счастливыми.

— Правда ли это? — гневно воскликнул Стивен, напомнив мне своего отца. — Хорошо, я отомщу им за это при первом удобном случае!

Через сорок восемь часов ему такой случай представился.

В этот день мы рано расположились лагерем по двум причинам. Во-первых, потому, что спасенная нами женщина и дитя были настолько слабы, что не могли идти без отдыха, а нести их было некому. Во-вторых, мы нашли идеальное место для ночлега. Это была покинутая деревня, через которую протекал ручей. Так как Мавово удалось застрелить самку антилопы с теленком, то мы приготовились к настоящему пиру.

В то время как Самми готовил бульон для спасенной нами женщины, а мы со Стивеном смотрели на него и курили свои трубки, в сломанных воротах терновой ограды, или бома, показался Ханс и объявил, что в деревню пришли две партии арабов со многими невольниками.

Мы выбежали из бома, чтобы посмотреть на них, и увидели два каравана, входивших с другой стороны деревни и располагавшихся лагерем на том месте, где некогда была рыночная площадь. Один из караванов был

тот, по следам которого мы шли (хотя в продолжение нескольких последних часов мы шли стороной, так как не могли выносить таких зрелищ, какие я описывал выше). Он состоял приблизительно из двухсот пятидесяти невольников и свыше сорока человек стражи, вооруженных ружьями. Большинство последних, судя по платью, были арабами или полу-арабами. Во втором караване, который подошел с другой стороны, было не более сотни невольников и человек двадцать — тридцать стражи.

— Теперь пообедаем, — сказал я, — а потом дадим о себе знать этим джентльменам, чтобы показать им, что мы их не боимся. Ханс, возьми флаг и привяжи его к верхушке этого дерева. Он покажет им, к какой нации мы принадлежим.

Английский флаг был поднят. В бинокль было видно, как при виде его забежали в замешательстве работорговцы.

Вначале я думал, что арабы снимутся с лагеря и уйдут. И в самом деле, они начали готовиться к этому, но потом оставили эту мысль, вероятно потому, что невольники были чрезвычайно утомлены и не могли до наступления ночи дойти до другого места, где была вода. В конце концов они остались и развели костры. Кроме того, я заметил, что они приняли меры предосторожности на случай нашего нападения, расставив часовых и заставив невольников построить из терновника бома вокруг лагеря.

— Ну что, нанесем им визит? — спросил Стивен, когда мы окончили обед.

— Нет, — отвечал я. — Я все обдумал и пришел к заключению, что лучше всего нам ничего не предпринимать. За это время арабы могли узнать, как мы поступили с их достойным хозяином, Хассаном, ибо, без сомнения, он сообщил им об этом. Поэтому, если мы пойдем к ним в лагерь, они могут сразу перебить нас. Или сначала предложат нам гостеприимство, а потом отравят нас или перережут нам глотки. Поэтому лучше оставаться здесь и ждать, что будет дальше.

Стивен проворчал что-то относительно моей чрезмерной осторожности, но я не обратил на это внимания. Я сделал только одно: послал за Хансом и приказал ему взять одного из мазиту (я не решился рисковать обоими, так как они были нашими проводниками) и другого туземца (из взятых у Хассана), смелого человека, владевшего несколькими местными наречиями; я велел им пробраться, лишь только стемнеет, в лагерь работорговцев, разведать там все и, если будет возможно, подобраться к невольникам и объяснить им, что мы их друзья.

Ханс кивнул головой в знак согласия, так как такое дело было ему вполне по душе, и ушел делать необходимые приготовления.

Мы со Стивеном тоже кое-что предприняли для своей защиты: развели большие сторожевые костры и расставили часовых.

Наступила ночь. Ханс и его товарищи потихоньку, словно змеи, отправились на разведку. Глубокая тишина изредка нарушалась меланхоличным пением, сменявшимся ужасными криками, когда арабы начинали хлестать своими бичами невольников. Один раз раздался выстрел.

— Они заметили Ханса, — сказал Стивен.

— Не думаю, — ответил я. — Если бы это было так, они стреляли бы больше чем один раз. Это либо случайный выстрел, либо они убили какого-нибудь невольника.

После этого долго ничего не было слышно, пока, наконец, передо мною не появился Ханс, выросший словно из-под земли. За ним я увидел фигуры мазиту и другого охотника.

— Ну, рассказывай, — сказал я.

— Мы все разузнали, баас. Арабам все известно. Хассан послал им приказание убить бааса. Хорошо, что баас не пошел к ним. Они собираются напасть на нас завтра на заре, если мы не оставим этого места.

— А если оставим? — спросил я.

— Тогда, баас, они нападут на нас, лишь только мы тронемся с места.

— Конечно. Еще что-нибудь скажешь, Ханс?

— Да, баас. Эти два человека подползли к невольникам и говорили с ними. Невольники очень грустны. Многие из них умерли от боли сердца, потому что всех их оторвали от своих домов и они не знают, куда их ведут. Я сам видел, как умерла одна женщина. Она разговаривала с другими женщинами и казалась совсем здоровой, только сильно усталой. Вдруг она сказала громким голосом: «Я умираю, чтобы вернуться сюда в виде духа и преследовать этих демонов до тех пор, пока они сами не сделаются духами». Потом она призвала бога своего племени, сложила руки на груди и пала мертвой. Только, — прибавил Ханс, задумчиво сплевывая на землю, — она не совсем упала, потому что хомут удержал ее голову. Арабы сильно рассердились за то, что она прокляла их и умерла. Один из них подошел к ее трупу и ударил его ногой, а потом застрелил се маленького мальчика, который был болен. К счастью, он не заметил нас, потому что мы были в темноте и далеко от огня.

— А еще что, Ханс?

— Эти люди, баас, отдали свои ножи двум самым сильным невольникам, чтобы они могли перерезать веревки, которыми они связаны, и освободить себя и своих братьев. Но, быть может, арабы найдут эти ножи.

Тогда мазиту и другой человек потеряют их. Вот и все. Нет ли у бааса немного табака?

— Теперь, — сказал я Стивену после ухода Ханса, — нам остается либо немедленно попробовать бежать от этих джентльменов — правда, тогда нам придется бросить на произвол судьбы эту женщину с ребенком, — либо остаться здесь и ждать нападения.

— Я никуда не уйду, — мрачно сказал Стивен. — Было бы низостью покинуть эту несчастную женщину. Кроме того, нам не удастся уйти. Ведь Ханс говорит, что они следят за нами.

— Тогда придется ждать нападения.

— Есть третий выход, Квотермейн: напасть на них.

— Это идея! — сказал я. — Пошлем за Мавово.

Мавово пришел и сел перед нами. Я рассказал ему, в чем дело.

— У моего народа есть обычай не ждать, пока нападут на тебя, а нападать самому. Однако, мой отец, на этот раз мое сердце против этого. Ханс говорит, что этих желтых собак шестьдесят и что все они вооружены винтовками. Между тем нас всего пятнадцать человек, так как мы не можем положиться на носильщиков. Кроме того, он говорит, что их лагерь укреплен и охраняется часовыми. Поэтому трудно будет застигнуть их врасплох. Но мы, отец, тоже в укрепленном месте, и нас тоже невозможно застигнуть врасплох. Кроме того, люди, которые мучат и убивают женщин и детей, должны быть трусами. Поэтому я говорю: «Подожди, пока буйвол либо сам нападет, либо убежит». Но окончательное слово за тобой, мудрый Макумазан, Бодрствующий В Ночи. Говори ты, состарившийся в войнах, я повинуюсь тебе.

— Ты говоришь хорошо, — ответил я. — Но вот что еще пришло мне на ум: арабы могут спрятаться за невольников и нам придется стрелять по ним, не причиняя арабам вреда. Итак, Стивен, мне кажется, что мы всесторонне обсудили положение.

— Да, Квотермейн. Только я думаю, что Мавово не прав, думая, что эти негодяи могут изменить свое намерение и уйти.

— Вы, молодой человек, становитесь очень кровожадным для орхидиста, — заметил я, смотря на него. — Что касается меня, то я надеюсь, что Мавово прав.

— До сих пор я был очень мирным человеком, — ответил Стивен. — Но вид этих невольников, эта женщина, привязанная к дереву и обреченная на смерть...

— Это вполне естественное чувство, — сказал я. — Однако, раз мы пришли к определенному решению, надо приняться за дело и позаботиться,

чтобы эти арабские джентльмены встретили с нашей стороны надлежащий прием, когда вздумают нанести нам визит.

VII. Натиск невольников

Мы сделали все приготовления, какие были в наших силах. Укрепив, насколько было возможно, колючую изгородь нашей боба, мы развели снаружи ее большие костры. После этого я указал каждому охотнику его место, осмотрел их ружья и удостоверился, достаточно ли при каждом из них патронов. Потом я заставил Стивена лечь спать, пообещав ему разбудить его со следующей сменой. Однако я не собирался этого делать, так как хотел, чтобы он чувствовал себя бодрым в своем первом сражении. Убедившись, что он спит, я сел на ящик и задумался. Сказать правду, в глубине своей души я чувствовал себя не совсем спокойным. Начну с того, что я не знал, как поведут себя под огнем наши двадцать носильщиков. Их может охватить панический страх, и они бросятся бежать. В последнем случае я решил позволить им покинуть боба, так как паника — вещь заразительная. Но больше всего беспокоила меня плохая позиция, которую мы занимали. Вокруг лагеря росло много деревьев, которые могли служить для нападающих хорошим прикрытием. Кроме того, они могли укрываться от наших пуль в камышах, растущих по берегу ручья. Но что больше всего внушало мне опасения — это склон лежавшего позади нас холма, поросшего густой травой и кустарником, поднимавшимся до гребня на протяжении двухсот ярдов. Если арабы обойдут нас с этой стороны, они могут стрелять прямо в боба. Кроме того, если ветер будет благоприятным им, они смогут поджечь наш лагерь или напасть на нас под прикрытием дымовой завесы. Но, по особенной к нам милости судьбы, ничего этого не случилось — по причине, которую я сейчас изложу.

Я всегда находил чрезвычайно утомительным час, предшествующий ночному или, вернее, предрассветному нападению. Обыкновенно к этому времени все, что может быть сделано, бывает готово и приходится сидеть праздным, физическое и моральное состояние находится в самой низшей степени упадка, словно ртуть в термометре. Ночь умирает, день еще не родился. Вся природа ощущает влияние этого часа. В этот час снятся дурные сны, дети просыпаются и плачут, вспоминается то, что было давно забыто, и колеблющийся дух погружается в глубины Неизвестного. Поэтому не удивительно, что в данном случае я испытывал тягостное состояние. По многим признакам я знал, что утро близко. Спящие носильщики ворочались и бормотали во сне, лев перестал рычать и удалился в свое логово, где-то прокричал бдительный петух, ослы

поднялись и начали теребить свою привязь...

Однако было еще совсем темно. Ко мне подполз Ханс. При свете сторожевого костра я отчетливо видел его морщинистое желтое лицо.

— Я чувствую приближение зари, — сказал он и исчез.

В темноте обрисовалась массивная фигура Мавово.

— Ночь прошла, Бодрствующий В Ночи, — сказал он, — враг скоро должен быть здесь...

Он поклонился и тоже исчез в темноте. Вслед за этим я услышал звуки взводимых курков и бряцание копий.

Я направился к Стивену и разбудил его. Он сел, зевая, пробормотал что-то относительно оранжерей, потом окончательно очнулся и сказал:

— Что, идут арабы? Мы наконец сражаемся! Весело, старина, не правда ли?!

— Вы — глупец! — неожиданно выпалил я и ушел сердитым.

Я очень беспокоился за этого неопытного юношу. Что я скажу его отцу, если с ним что-нибудь случится? Впрочем, нас, вероятно, постигнет одинаковая участь. Весьма возможно, что через час мы оба будем убиты. Я, конечно, не имел ни малейшего намерения отдаваться живым в руки этих гнусных работарговцев. Замечание Хассана относительно огня и муравейника произвело на меня слишком сильное впечатление.

Через пять минут все были на ногах. Я заметил, что они перешептываются между собою и, по-видимому, встревожены.

Спасенную нами женщину и ее ребенка, погруженных от усталости в состояние полного оцепенения, мы поместили в дальнем углу лагеря. Что было пользы тревожить ее?

Самми, чувствовавший себя, по-видимому, далеко не спокойно, принес две чашки кофе, мне и Стивену.

— Вот важный момент, мистер Квотермейн и мистер Соммерс, — сказал он, передавая нам кофе, и я заметил, что его руки тряслись и зубы стучали. — Ужасно холодно! — продолжал он в объяснение замеченных мною симптомов трусости. — Мистер Квотермейн, вам хорошо «рыть лапой землю и издалека чують запах битвы», как написано в книге Иова^[103]. Но я не привык к битвам. Я хотел бы быть в Кейптауне, даже если бы мне пришлось там сидеть в тюрьме.

— Я тоже, — пробормотал я, с трудом удерживаясь, чтобы не дать ему хорошего пинка.

Но Стивен расхохотался и спросил его:

— Что же вы будете делать, Самми, когда начнется сражение?

— Мистер Соммерс, — ответил он. — Я затратил несколько часов на

рытье ямы за тем деревом, сквозь которое, я надеюсь, пули не будут проходить. Там я, будучи человеком мирным, буду ждать, когда вы одержите победу.

— А если арабы проникнут сюда, Самми?

— Тогда, сэр, мне придется положиться на быстроту своих ног. В это время в лагере работорговцев, бывшем до сих чрезвычайно тихим, поднялся ужасный шум, и как раз в этот самый момент первый отблеск зари заиграл на створах наших ружей.

— Смотрите, — закричал я, наскоро проглатывая остатки своего кофе, — там что-то происходит!

Шум становился все сильнее и сильнее. Я ясно слышал проклятия и крики ужаса. Потом последовали ружейные выстрелы, вопли агонии и топот множества бегущих ног.

Рассвет наступал быстро, как это бывает в этих широтах. Еще минуты три — и сквозь серый туман зари мы увидели кучки черных фигур, карабкавшихся вверх по склону, по направлению к нам. К некоторым из них, казалось, были привязаны целые поленья, некоторые ползли на четвереньках, некоторые тащили за руку детей — все кричали во весь голос.

— Невольники атакуют нас, — сказал Стивен, хватая свое ружье.

— Не стреляйте! — крикнул я. — Я думаю, что они вырвались на свободу и ищут у нас защиты.

Я был прав. Эти несчастные создания воспользовались двумя ножами, тайком переданными им нашими людьми. Разрезав за ночь связывавшие их веревки, они бежали под нашу защиту. Они приближались ужасной толпой — на шеях многих из них все еще оставались деревянные хомуты, от которых они не имели времени освободиться, так как арабы шли за ними и стреляли. Положение было чрезвычайно серьезным, так как если бы они ворвались в наш лагерь, мы были бы смяты ими и должны были бы пасть под пулями работорговцев.

— Ханс, — закричал я, — возьми людей, которые в прошлую ночь были с тобою у работорговцев, и попробуй провести невольников за наш лагерь. Скорей, скорей, пока мы не растоптаны!

Ханс бросился в сторону, и скоро я увидел его и двух других людей бегущими навстречу приближавшейся толпе. Чтобы привлечь ее внимание, Ханс размахивал чем-то белым, кажется рубашкой. Бежавшие впереди всех остановились и, увидев дула наших ружей, закричали:

— Сжальтесь! Спасите нас!

Это было счастливым обстоятельством, так как Ханс и его товарищи

никогда не смогли бы остановить их. Потом белая рубашка оказалась слева от нашего боба, на пути в кусты и в высокую траву, растущую за лагерем. За ней следовала толпа невольников, точно стадо овец за передовым бараном с колокольчиком.

Итак, опасность миновала. Некоторые из невольников были убиты пулями арабов и истоптаны бегущими, некоторые падали от изнеможения. Оставшихся в живых обстреливали преследователи. Одна женщина, упавшая под тяжестью большого хомута, прикрепленного к ее шее, ползла на четвереньках. Один из арабов выстрелил в нее; пуля попала в землю, не причинив ей вреда, так как после этого она поползла еще быстрее. Я был уверен, что араб снова выстрелит, и потому приготовился. Теперь было совсем светло. Вскоре я увидел, что он выступил из-за прикрытия бананового дерева (это был высокий мужчина в белой одежде), стоявшего ярдах в ста пятидесяти от нас, и тщательно целится в женщину. Но я тоже прицелился в него — и, надо сказать, я неплохой стрелок.

Ружье араба не выстрелило, так как моя пуля вышибла у него из рук ружье. Охотники издали одобрительное «о!», а Стивен восхищенно воскликнул:

— Какой чудесный выстрел!

Да, но мне не следовало этого делать, так как арабы не нападали на нас. Мой выстрел послужил объявлением войны. И действительно, шлем Стивена слетел с его головы, пробитый пулей.

— Ложитесь все и стреляйте через бойницы! — крикнул я.

Сражение началось. Если не принять в расчет его финала, нельзя сказать, чтобы это было настоящее сражение, особенно по сравнению с теми, в которых нам потом пришлось участвовать во время нашей экспедиции. Но, с другой стороны, его характер был чрезвычайно невыгоден для нас.

Вначале арабы с криком «Алла!» — произвели на нас натиск. Но они не стали повторять его, хотя и были большими головорезами. Стивену удалось с помощью своего двуствольного ружья свалить пару из них, я тоже не без результата разрядил свою крупнокалиберную централку, между тем как охотники сделали одно или два удачных попадания.

После этого арабы попрятались за деревьями и (чего я опасался) в камыши на берегу ручья. Оттуда они сильно тревожили нас, так как среди них были довольно приличные стрелки. Плохо пришлось бы нам, если бы мы не приняли мер предосторожности и не обложили нашу терновую изгородь большими глыбами земли и дерна.

Был убит один из наших охотников. Пуля пролетела через бойницу и

попала ему в горло в тот момент, когда он приготовился стрелять, Несчастные носильщики, находившиеся на более высокой местности, пострадали значительно больше. Двое из них были убиты наповал и четверо ранены. После этого я приказал остальным лечь пластом у изгороди, так что мы могли стрелять поверх них. Скоро нам стало ясно, что арабов было значительно больше, нежели думали, так как до пятидесяти человек их стреляли из разных мест. Они постепенно приближались к нам с явным намерением обойти нас с фланга и занять более высокую позицию позади нас. Некоторых из них нам удалось остановить, когда они перебежали от одного прикрытия до другого, но такой сорт стрельбы так же труден, как стрельба по кроликам в лесу. Я должен признаться, что был единственным, кто мог это делать, так как для этого нужен хороший глаз.

Через час наше положение стало настолько серьезным, что мы нашли необходимым обсудить, что делать дальше. Я указал на то, что атаковать с такими небольшими силами разбросанных стрелков более, чем бесполезно, и в то же время почти безнадежно ждать, что мы сможем удержать за собою бома до наступления ночи. Если арабы обойдут наш лагерь, они быстро перестреляют нас с более высокого места.

В течение последующего полчаса мы прилагали все усилия, чтобы помешать им добраться до бома, что им трудно было сделать без больших потерь благодаря ручью с одной стороны бома и совершенно открытому месту с другой.

— Боюсь, что для нас остается только одно, — сказал я, когда арабы на некоторое время приостановили нападение, чтобы посоветоваться или чтобы обождать подачи нового запаса зарядов, — покинуть лагерь со всем, что в нем есть, и бежать вверх по холму. Эти люди, должно быть, устали, бегуны мы хорошие и таким образом можем спастись.

— А как быть с ранеными, — спросил Стивен, — и с женщиной, и с ребенком?

— Не знаю, — ответил я, смотря вниз.

Здесь в острой форме возникал старый вопрос. Должны ли мы погибнуть из-за нескольких людей, которые нам не нужны и которых мы все равно не сможем спасти? Если мы останемся здесь — наша гибель неизбежна, если же попробуем бежать — то, быть может, спасемся. Но в последнем случае мы должны бросить на произвол судьбы нескольких раненых носильщиков и женщину с ребенком, спасенную нами от голодной смерти. Все они, безусловно, будут убиты, быть может за исключением женщины и ребенка.

Когда эти мысли мелькали у меня в голове, я вспомнил, как один

француз по имени Леблан, которого я знал в юности и который был другом Наполеона (по крайней мере, он это говорил), рассказывал мне, что великий полководец, будучи осажден в Акре, был вынужден отступить. Не имея возможности захватить с собой раненых, он оставил их в монастыре на горе Кармель и велел положить около каждого из них известную дозу яда. Они, по-видимому, не приняли яда, так как, по словам Леблана, который говорил, что был там (не будучи раненым), пришли турки и перерезали их. Итак, Наполеон предпочел потерять раненых и спасти свою жизнь и армию. Но он, думал я, не может служить хорошим примером для Аллана Квотермейна, и, кроме того, у меня нет времени искать яд.

В нескольких словах я объяснил Мавово наше положение (выпустив, конечно, историю Наполеона) и попросил у него совета.

— Мы должны бежать, — ответил он. — Я не люблю искать спасения в бегстве, но жизнь дороже багажа. Человек, оставшийся в живых, может со временем заплатить свои долги.

— А раненые, Мавово? Мы не можем взять их с собой.

— Что делать, Макумазан! Такова война. Их придется оставить. Признаюсь, я уже был готов согласиться на это, как вдруг произошло нечто неожиданное.

Следует вспомнить, что вскоре после рассвета Ханс, пользуясь рубашкой как флагом, направил бежавших невольников на холм, лежавший за нашим лагерем. Там он исчез вместе с ними, и с того времени мы их не видели. Теперь он вдруг снова появился, по-прежнему размахивая рубашкой. За ним неслась огромная толпа нагих людей (вероятно, сотни в две), размахивавших дубинами, камнями и остатками невольничьих хомутов. Достигнув бома, откуда мы изумленно смотрели на них, они разделились на два отряда. Половина их побежала слева от нас, очевидно под командой того мазиту, который сопровождал Ханса в невольничий лагерь, другая половина — справа, под предводительством самого старого готтентота.

Я посмотрел на Мавово, так как был слишком изумлен для того, чтобы говорить.

— А! — сказал он. — Твоя Пятнистая Змея (так называл он Ханса) велика в своем пути. Она сумела вложить смелость в души рабов. Разве ты не понимаешь, отец мой, что они хотят напасть на арабов, как дикие собаки на буйволенка?

Это была правда. Таков был блестящий план готтентота. Больше того, этот план удался.

С вершины холма Ханс наблюдал за развитием сражения и понял,

каков должен быть его исход. Тогда через бывшего с ним переводчика он обратился к невольникам с речью и указал им, что мы, их белые друзья, скоро будем побеждены и что тогда они должны будут либо драться за себя, либо снова стать рабами.

Некоторые из них были воинами в своем племени; с их помощью Ханс поднял остальных. Они захватили палки, камни, — все, что попало им под руку, — и по данному сигналу бросились в атаку, оставив позади себя только женщин и детей.

При виде их арабы начали стрелять по ним. Они убили нескольких, но выстрелы открыли их убежище. Через пять минут было убито почти две трети всех арабов. Остальные, из которых многие падали под нашими пулями, обратились в бегство.

Так наши жизни были спасены теми, кого мы пытались спасти. Если бы не Ханс, сумевший вдохнуть мужество в сердца этих измученных черных, я не сомневаюсь, что до наступления ночи мы все были бы убиты, так как всякая попытка к отступлению окончилась бы неудачей. Если бы даже нам и удалось уйти, то что случилось бы с нами в этой дикой стране, где мы со всех сторон были окружены врагами? Отступив, мы могли бы взять с собой очень мало патронов.

— Как хорошо, что баас внял моей мольбе и взял меня с собой, — сказал немного спустя готтентот, скосив на меня свои маленькие глаза. — Да, старый Ханс был пьяницей, игроком и, быть может, пойдет в ад. Но старый Ханс умеет хорошо думать, как некогда думал перед сражением у «Источника Марэ» или на «Холме убийства» около крааля Дингаана, или сегодня утром среди кустарника. О, он знал, как все должно закончиться! Он видел, как эти собаки-арабы рубили дерево, чтобы устроить мост через глубокий ручей и пробраться на холм позади лагеря, откуда они в пять минут перестреляли бы всех. Теперь, баас, мой желудок чувствует себя плохо. На холме нечего было есть, и солнце жгло очень сильно. Если бы только немного водки... Знаю, я обещал не пить. Но если баас сам даст мне немного водки, то грех будет не мой, а бааса.

Хотя это и было против моих правил, но я дал ему хорошую порцию водки, которую он выпил одним духом. Кроме того, я пожал старику руку и поблагодарил его, что, по-видимому, было для него еще приятнее, так как он пробормотал, что все это пустяки, что если бы погиб я, то погиб бы и он и что он думал о себе, а не обо мне. При этом с его плоского носа катились две крупные слезы, но они могли быть вызваны водкой.

Итак, мы были победителями и чувствовали себя в безопасности, ибо знали, что бежавшие в небольшом числе работоторговцы больше не нападут

на нас. Прежде всего мы подумали о пище, так как полдень уже давно прошел и мы умирали от голода. Но для приготовления обеда нужен повар, а это напомнило нам о Самми. Стивен, находившийся в таком веселом настроении, что скорее плясал, нежели ходил (пробитый пулей солнечный шлем съехал у него на самый затылок), отправился искать его и вскоре позвал меня встревоженным голосом. Я пошел на зов в заднюю часть лагеря и увидел его около похожей на могилу норы, вырытой за одиноким терновым деревом. На дне ее лежало чье-то тело. По всем признакам, это был Самми. Мы помогли ему подняться — он встал, ничего не соображая и не выпуская из рук большой толстой Библии в переплете. В самом центре этой Библии была дыра от пули, застрявшей, помнится мне, дойдя до Первой книги Самуила. Что касается Самми, то он, по-видимому, был цел и невредим. После того как мы побрызгали на него водой (он не любил воды), он довольно быстро ожил.

— Джентльмены, — сказал он, — будучи, как я уже говорил, человеком мирным, я сидел в своем убежище и искал утешения в религии, — (в минуты опасности он становился чрезвычайно религиозным). — Наконец стрельба ослабела, и я, думая, что враг бежал, решил выглянуть наружу. На всякий случай я держал Библию перед лицом. Дальше я ничего не помню.

— Да, — сказал Стивен, — пуля попала в Библию, Библия стукнула вас по голове и оглушила вас.

— Вот, — сказал Самми, — как справедливо то, чему я учил: «книга — щит правдивых». Теперь я понимаю, почему предчувствие заставило меня взять старую, толстую Библию, принадлежавшую моей покойной матери, а не тоненькую, подаренную мне учителем воскресной школы, через которую вражеская пуля прошла бы насквозь.

После этого он ушел готовить обед.

Подкрепившись едой, мы стали обсуждать создавшееся положение. Перед нами стоял вопрос, что делать с невольниками. Они сидели группами за изгородью (многие из них носили следы недавней схватки) и тупо смотрели на нас. Потом вдруг все в один голос начали просить пищи.

— Как нам накормить несколько сот человек? — спросил Стивен.

— Работорговцы как-нибудь делали это, — ответил я. — Надо пойти и обыскать их лагерь.

Мы отправились туда в сопровождении наших голодных клиентов и, к своей радости, нашли вместе со множеством других вещей большой запас риса, муки и всякого зерна. Скоро котелки для варки пищи были полны похлебки. Как эти бедные создания набросились на еду! Нужно было бы

соблюдать осторожность, но у нас не хватало духу ограничить в количественном отношении их первый сытный обед после нескольких недель голодания.

Когда они наконец насытились, мы поблагодарили за их храбрость, сказав им, что они свободны, и спросили их, что они намерены делать.

На это они ответили, что хотят идти с нами. Затем последовал большой *индаба* (совет), который за недостатком времени не стану описывать. В конце концов мы согласились, чтобы желающие из них сопровождали нас до знакомых мест. Потом мы разделили между ними одеяла и другие вещи арабов и предоставили их самим себе, приставив стражу к пищевым запасам. Что касается меня, то я от всей души желал, чтобы утром они покинули нас.

После этого мы вернулись в наш бома, как раз вовремя, чтобы присутствовать при печальной церемонии погребения нашего охотника, убитого в сражении. Его товарищи выкопали глубокую яму за изгородью, в нескольких ярдах от того места, где он пал. Они поместили его туда в сидячем положении, лицом к Земле Зулу, и поставили около него две тыквенные бутылки, принадлежавшие ему. Одна из них была наполнена водой, другая — зерном.

Кроме того, они снабдили его одеялом и двумя ассегаями (одеяло было разорвано, а древки копий сломаны, «чтобы они были убитыми», как выражались охотники). Потом они довольно равнодушно забросали могилу землей и сверху положили несколько больших камней, чтобы гиены не разрыли ее. Сделав это, они один за другим прошли мимо могилы. Каждый из них останавливался, называя его по имени. Мавово, проходивший последним, сказал небольшую речь. Он пожелал умершему благополучно дойти до земли духов, что, прибавил он, несомненно, исполнится, так как покойный умер, как подобало воину. Кроме того, он потребовал, чтобы умерший, сделавшись духом, приносил нам удачу. В противном случае он обещал поговорить с ним по этому поводу, когда сам сделается духом. В заключение он заметил, что предсказание его змеи исполнилось и что умерший не может сказать, что даром заплатил свой шиллинг за гадание.

— Да, — воскликнул один из охотников с оттенком беспокойства в своем голосе, — но твоя змея говорила о шестерых из нас.

— Так и будет, — ответил Мавово, отправляя себе в нос понюшку табаку, — наш брат — первый из шести. Не бойтесь, остальные пять присоединятся к нему в свое время, ибо моя змея говорит только правду. Но если кто-нибудь из вас торопится, — он окинул взглядом небольшое собрание, — пусть тот поговорит со мною. Быть может, я смогу устроить,

чтобы его черед...

Тут он остановился, так как все ушли.

— Я очень рад, что Мавово не гадал для меня, — сказал Стивен, когда мы вернулись в бома. — Но зачем они зарыли вместе с умершим горшки и копья?

— Чтобы дух его пользовался ими во время своего путешествия, — ответил я. — Эти зулусы верят, что человек после смерти перенесется в какой-то другой мир.

VIII. Магическое зеркало

В эту ночь я спал плохо, так как продолжительное напряженное состояние сказалось на моих нервах. Кроме того, кругом стоял порядочный шум. Тела убитых носильщиков были переданы их товарищам, которые попросту бросили их в кусты, где они привлекали внимание гиен. Четверо раненых, лежащих недалеко от меня, сильно стонали, а когда не стонали, то громко молились своим богам. Мы сделали все что могли для этих несчастных людей. Добросердечный трусишка Самми, некогда исполнявший в госпитале обязанности фельдшера, перевязал им раны, из которых ни одна не была смертельной, и время от времени навещал их.

Но что больше всего не давало мне покоя — это невообразимый гам, доносившийся из расположенного внизу невольничьего лагеря. Многие племена тропической Африки имеют обыкновение не спать по ночам, я полагаю потому, что ночь прохладнее дня. В данном случае это обыкновение сильно давало о себе знать. Казалось, что каждый из освобожденных невольников выл насколько мог громко под аккомпанемент грохота железной посуды, в которую они, за неимением барабанов, колотили палками. Кроме того, они развели огромные костры, среди которых зловеще мелькали их фигуры, напоминая мне средневековое изображение ада, виденное мною в одной старинной книге.

Наконец я не выдержал и, разбудив Ханса, спавшего, свернувшись словно собака, у моих ног, спросил его, что там происходит. Его ответ заставил меня раскаяться в своем вопросе.

— Среди этих невольников, баас, есть много людоедов. Я думаю, что они едят арабов и потому веселятся, — сказал он, зевая и снова укладываясь спать.

Я не стал продолжать этого разговора.

Солнце стояло уже довольно высоко, когда мы на следующее утро тронулись в дальнейший путь.

Перед этим нам пришлось очень много поработать. Нужно было собрать ружья и патроны убитых арабов, зарыть в землю оставшуюся после них в большом количестве слоновую кость, так как взять ее с собой было невозможно (к сожалению, мы больше никогда не видели этой кости), и распределить между носильщиками багаж. Кроме того, нужно было сделать носилки для раненых и прекратить ужасное пиршество невольников, в характере которого я больше не стал разбираться. Собрав их

вместе, я увидел, что большое число их исчезло за ночь неизвестно куда. Однако еще оставалась толпа более чем в двести человек, значительную часть которой составляли женщины и дети. У всех оставшихся, казалось, была одна мысль: сопровождать нас, куда бы мы не пошли. После всего этого мы наконец тронулись в путь.

Описывать наши приключения в продолжение следующего месяца было бы слишком трудно, если не невозможно, так как, сказать правду, они несколько перепутались в моей памяти.

Нам было очень трудно кормить такую большую толпу невольников, так как они скоро уничтожили запасы риса и зерна, за умеренным потреблением которых мы не были в состоянии присматривать. К счастью, страна, через которую мы проходили, в это время года изобиловала дичью, и мы, идя вперед довольно медленно, успевали настрелять ее в достаточном количестве. Но стрельба дичи, став для нас обязанностью, потеряла свой характер удовольствия, не говоря уже о большом расходе зарядов. Это возбудило ропот среди зулусских охотников: вся тяжесть этой работы падала на них, так как Стивен и я редко могли оставлять лагерь. В конце концов я разрешил этот вопрос следующим образом. Выбрав из среды невольников тридцать или сорок подходящих мужчин, я снабдил каждого из них ружьем и патронами (из отнятых у арабов), причем мы предварительно научили их пользоваться этим оружием. Потом я сказал им, что они сами должны добывать пропитание себе и своим товарищам.

Как и следовало ожидать, произошло несколько несчастных случаев. Нечаянно был застрелен один человек, и трое других были убиты самкой слона и раненым буйволом. Но в конце концов они настолько хорошо научились обращаться с оружием, что снабжали дичью весь лагерь.

Почти каждый день исчезали маленькие группы невольников, отправлявшихся, я полагаю, разыскивать свои дома.

Когда мы наконец подошли к границам земли мазиту, при нас их осталось не более пятидесяти человек, включая пятнадцать из числа тех, которых мы обучили стрелять.

Тут начинаются наши настоящие приключения.

Однажды вечером, после трехдневного путешествия через непроходимые кустарниковые заросли, где львы унесли одну из женщин-невольниц, разорвали одного осла и настолько изранили другого, что его пришлось пристрелить, мы оказались на конце большого, поросшего травой плоскогорья, поднимавшегося, согласно показаниям моего анероида^[104], на 1640 футов над уровнем моря.

— Что это за местность? — спросил я двух наших проводников-мазиту, тех самых, которых мы взяли у Хассана.

— Это земля нашего народа, господин, — отвечали они. — Она ограничена с одной стороны кустарниками, а с другой — большим озером, на котором живет народ понго.

Я посмотрел на голое плоскогорье, начинавшее уже принимать коричневую окраску. На нем ничего не было видно, кроме больших стад коз, какие часто встречаются несколько южнее.

Вообще весь пейзаж казался весьма неприглядным из-за мелкого дождя, сопровождавшегося туманом и холодным ветром.

— Я не вижу ни людей вашего племени, ни их краалей, — сказал я. — Я вижу только траву и диких животных.

— Они придут, — несколько нервно ответил проводник. — Их лазутчики, без сомнения, следят за нами даже теперь откуда-нибудь из высокой травы или из какой-нибудь норы.

— Ну и пусть следят! — сказал я и перестал об этом думать. Всякий человек, находящийся в положении, при котором что-нибудь может случиться (как было со мной большую часть всей моей жизни), становится несколько беззаботным по отношению к тому, что случится. Что касается меня, то я всегда было до некоторой степени фаталистом. Поэтому я никогда не думал о завтрашнем дне.

Однако на этот раз (как и в других случаях моей жизни) «завтрашний день» принес много такого, над чем нужно было подумать.

Незадолго до зари Ханс, никогда не спавший больше, чем спит собака, разбудил меня и многозначительно сообщил, что слышал звуки, которые, по его мнению, не что иное, как топот ног нескольких сот человек.

— Где? — спросил я, прислушиваясь, но ничего не слыша. Видно тоже ничего не было, так как ночь была так темна, что хоть глаз выколи.

— Здесь! — воскликнул он, приложив ухо к земле.

Я тоже приложил ухо к земле, но ничего не услышал, несмотря на то что обладал довольно острым слухом.

Тогда я послал за часовыми, но они тоже ничего не могли услышать. После этого я снова лег спать.

Однако оказалось, что Ханс был прав. В таких случаях он всегда бывал прав, так как его слух и другие внешние чувства были так же тонки, как чувства диких животных. На заре меня снова разбудили — на этот раз Мавово, сообщивший, что нас окружает «целый полк или даже несколько полков».

Я встал и сквозь туман увидел на довольно далеком расстоянии от нас

ряды вооруженных людей. Свет зари слабо играл на их копьях,

— Что делать, Макумазан? — спросил Мавово.

— Завтракать, — ответил я. — Если мы должны умереть, то это с таким же успехом может произойти после завтрака, как и до него.

Я позвал дрожащего от страха Самми и приказал ему приготовить кофе. Потом разбудил Стивена и объяснил ему положение дел.

— Великолечно! — ответил он. — Это, без сомнения, мазиту. Нам удалось найти их значительно легче, чем мы ожидали. Чтобы отыскать кого-нибудь в этой проклятой стране, приходится затрачивать очень много труда!

— Это неплохой взгляд на вещи, — ответил я. — Но будьте добры обойти лагерь и объяснить всем, что никто ни в коем случае не должен стрелять без приказа. Пойдите. Лучше отберите ружья у этих невольников, так как они Бог знает чего наделают, если испугаются.

Стивен кивнул головой и ушел с тремя или четырьмя охотниками. После его ухода я, посоветовавшись с Мавово, отдал кое-какие распоряжения, о которых нет нужды распространяться. Они касались того, чтобы мы могли возможно дороже продать свою жизнь в случае, если дело примет плохой для нас оборот. В Африке всегда следует пытаться произвести на врагов сильное впечатление. Это может оказаться полезным хотя бы для будущих путешественников.

Спустя некоторое время Стивен и четверо охотников вернулись с ружьями (или, вернее, с большей частью их) и сообщили мне, что невольники сильно перепуганы и обнаруживают желание бежать.

— Пусть бегут, — сказал я. — От них толку мало. Они даже могут испортить дело. Позовите зулусов, которые их караулят.

Стивен кивнул головой, и через пять минут я услышал (туман, нависший над кустарником, который рос в восточной части лагеря, был такой густой, что не позволял ничего видеть) шум голосов, сопровождавшийся топотом ног. Невольники, включая носильщиков, ушли все до одного. Они даже захватили с собою раненых. Так как окружавшие нас воины постепенно замыкали свой круг, то невольники пробрались между сходящимися концами его и скрылись в кустах, через которые мы проходили накануне.

С тех пор мне часто хотелось узнать, что случилось с ними. Без сомнения, некоторые из них погибли, а остальные вернулись в свои хижины или нашли себе новые среди других племен. Испытания, пережитые теми, кто спасся, должны были представлять большой интерес для их племени. Я представляю себе легенды, в которые облекли их два или

три последующих поколения.

После ухода невольников и носильщиков, взятых нами у Хассана, у нас осталось всего семнадцать человек, а именно: одиннадцать зулусских охотников, включая Мавово, двое белых, Ханс, Самми и двое мазиту, пожелавших остаться с нами.

Между тем вокруг нас медленно смыкалось кольцо воинов племени мазиту.

В это пасмурное утро туман рассеивался довольно медленно, но номере того, как светлело, я рассматривал этих людей, делая в то же время вид, что не обращаю на них особенного внимания. Все они были атлетического сложения, ростом значительно выше среднего зулуса; цвет кожи у них был светлее, нежели у последних. У них, как и у зулусов, были большие кожаные щиты и копья с очень широкими наконечниками. Метательных ассегаев у них не было, но зато за спиной у каждого висели лук и колчан со стрелами. На старейшинах была короткие кожаные плащи. Воины были тоже в плащах, которые, как я узнал впоследствии, были сделаны из древесной коры.

Они медленно приближались к нам, сохраняя полное молчание. Никто не говорил ни слова; приказания отдавались знаками. Я не видел, чтобы кто-нибудь из них имел огнестрельное оружие.

— Если мы будем стрелять, — сказал я Стивену, — и убьем нескольких из них, они, быть может, испугаются и убегут. А может быть, и нет...

— Как бы там ни было, — рассудительно ответил он, — после этого мы вряд ли встретим в их стране хороший прием. Я думаю, что лучше ничего не предпринимать, пока мы на это не будем вынуждены.

Я кивнул головой в знак согласия, так как было очевидно, что мы не сможем сражаться с несколькими сотнями людей, и приказал Самми, сделавшемуся от страха совсем белым, подать нам завтрак. Неудивительно, что бедняга был чрезвычайно перепуган: мы находились в большой опасности. У этих мазиту была дурная слава — если бы они напали на нас, все мы через пять минут были бы перебиты.

Кофе и холодное козье мясо были поставлены на небольшой походный столик, стоявший перед палаткой, которую мы разбили по случаю дождя. Мы начали есть. Зулусские охотники тоже ели из общей миски мучную похлебку, приготовленную ими накануне. Каждый из них держал на коленях заряженное ружье.

Наше поведение сильно озадачило мазиту. Они подошли к нам довольно близко, не более чем на расстояние в сорок ярдов, и остановились

сомкнутым кругом, удивленно смотря на нас своими большими круглыми глазами. Вся эта сцена походила на сон. Я никогда не забуду ее.

Их удивляло, по-видимому, все: наше безразличное к ним отношение, цвет кожи Стивена и моей (как оказалось, до этого времени брат Джон был единственным белым, которого они видели), наша палатка и два уцелевших осла. Когда одно из этих животных закричало, мазиту испуганно переглянулись и даже отступили на несколько шагов.

Наконец мои нервы не выдержали, когда я увидел, что некоторые из них натягивают свои луки, а их предводитель, высокий одноглазый старик, по-видимому, решил что-то предпринять. Я позвал одного из двух наших мазиту (я забыл сказать, что мы дали им имена: Том и Джерри) и вручил ему чашку кофе.

— Отнеси это с моими добрыми пожеланиями их начальнику и спроси его, не желает ли он выпить этот напиток вместе с нами, — сказал я.

Джерри, бывший довольно смелым человеком, повиновался. Подойдя к мазиту, он поднес чашку с дымящимся кофе к самому носу их предводителя. Очевидно, он знал имя последнего, так как я услышал следующее:

— О Бабемба! Белые господа, Макумазан и Вацела, спрашивают тебя, не согласишься ли ты с ними их священный напиток?

Я вполне хорошо понимал язык мазиту, так как он очень близок к зулусскому.

— Их священный напиток! — воскликнул старик, отпрыгивая назад.
— А это не «красная вода»? Не хотят ли эти белые господа отравить меня с

помощью *мвави*?

Тут я должен объяснить, что *мвави*, или, иначе, *мказа* — жидкость, добываемая из коры мимозы особой породы, которую туземные колдуны дают лицам, обвиняющимся в каком-нибудь преступлении. Если их стошнит от этого напитка, то они объявляются невиновными; если же их схватят судороги или они впадут в оцепенение, они объявляются виновными и умирают либо от действия яда, либо как-нибудь иначе.

— Это не *мвави*, о Бабемба, — сказал Джерри. — Это чудесная жидкость, благодаря которой белые господа метко стреляют из своих удивительных палок, убивающих на расстоянии тысячи шагов. Смотри, я проглочу немного ее, — и он отпил немного кофе, хотя, должно быть, обжег себе язык.

Это придало смелости старому Бабембе. Он понюхал кофе и нашел его ароматным. Потом позвал какого-то мужчину, который, судя по его наряду, был колдуном, и заставил его отведать напиток. Результат был тот, что колдун сделал попытку выпить всю чашку. Бабемба с негодованием отнял ее у него и выпил кофе сам. Напиток понравился ему, так как я положил в кофе очень много сахара.

— Это действительно священное питье, — сказал он, причмокивая губами. — Нет ли у тебя еще немного этого напитка?

— Белые господа имеют его много, — сказал Джерри. — Они приглашают тебя есть с ними.

Бабемба сунул палец в чашку и, набрав на него сахарного осадка, обсосал его и задумался.

— Дело налаживается, — шепнул я Стивену. — Не думаю, что он убьет нас после того, как испробовал нашего кофе. Он и завтракать придет.

— Это может быть ловушка, — сказал Бабемба, начав теперь вылизывать из чашки сахар.

— Нет, — уверенно ответил Джерри, — белые господа легко могли бы убить тебя, но они не причиняют вреда тем, кто разделил с ними их священный напиток.

— Не можешь ли ты принести сюда еще немного этого священного напитка? — спросил Бабемба, окончательно очищая чашку своим языком.

— Нет, — ответил Джерри, — ты должен идти туда, если хочешь этого напитка. Не бойся. Могу ли я, принадлежащий к своему народу, предать тебя?

— Правда! — воскликнул Бабемба. — По твоей речи и лицу видно, что ты мазиту. Но о том, как ты попал сюда, мы поговорим после. Я чувствую сильную жажду и пойду туда. Воины! Сядьте и будьте настороже.

Если со мной что-нибудь случится, отомстите за меня и обо всем донесите королю.

Пока все это происходило, я приказал Хансу и Самми вскрыть один из ящиков и достать оттуда большое зеркало в деревянной рамке и на подставке.

К счастью, оно было цело. Наша упаковка была настолько тщательной, что все бинокли и другие хрупкие вещи оказались в целости. Это зеркало я тщательно вытер и поставил на стол.

Старый Бабемба осторожно направился к нам, подозрительно косясь на каждую принадлежавшую нам вещь. Когда он подошел совсем близко, его взгляд упал на зеркало. Он остановился и удивленно посмотрел в него, потом отступил назад, потом, побуждаемый любопытством, снова шагнул вперед и снова остановился.

— В чем дело? — спросил из рядов воинов его помощник.

— Здесь большое колдовство, — ответил он. — Я вижу себя, идущего мне навстречу. Тут не может быть ошибки, потому что у него тоже нет одного глаза.

— Подойди ближе, о Бабемба, и посмотри, в чем дело, — крикнул колдун, пытавшийся выпить весь кофе Бабембы. — Держи свое копье наготове, и если другой ты попробует причинить тебе вред, убей его!

Ободренный Бабемба поднял свое копье и опустил его с большой поспешностью.

— Этого нельзя делать, глупец! — закричал он колдуну. — Другой я тоже поднял копье. Больше того, все вы, которые должны быть позади меня, находитесь передо мною. Священное питье опьянило меня. Я околдован! Спасите меня!

Тут я увидел, что шутка зашла слишком далеко, так как воины заволновались и начали натягивать свои луки. К счастью, в этот момент почти напротив нас наконец показалось солнце.

— О Бабемба! — сказал я торжественным голосом. — Этот магический щит, который мы дарим тебе, дает второе твоё изображение. Отныне твой труд уменьшится наполовину, и твоё удовольствие удвоится, ибо, когда ты согласишься в этот щит, ты будешь не один, а двойной. Этот щит имеет ещё одну особенность. Смотри, — я поднял зеркало и, пользуясь им, как гелиографом^[105], направил «зайчика» прямо в глаза воинам мазиту, сидевшим перед нами длинным полукругом. Клянусь честью, они побежали!

— Удивительно! — воскликнул старый Бабемба. — Могу ли я, белый господин, научиться делать то же самое?

— Конечно, — ответил я. — Попробуй. Держи щит вот так, пока я буду говорить заклинание.

Я пробормотал несколько ничего не значащих слов, потом снова направил зеркало на мазиту.

— Смотри, смотри! Ты попал им в глаза. Теперь ты тоже колдун. Они бегут, бегут! — (и в самом деле они бежали). — Кого ты не любишь среди своих?

— Многих, — выразительно ответил Бабемба, — особенно колдуна, который чуть не выпил весь священный напиток.

— Хорошо. Со временем я покажу тебе, как прожечь в нем дыру с помощью этого волшебного предмета. Нет, не сейчас. Этот солнечный предмет на время перестал действовать. Смотри, — я перевернул зеркало и положил его на стол, — теперь ты ничего не видишь?

— Ничего, кроме дерева, — ответил Бабемба, смотря в обратную сторону зеркала.

Тогда я набросил на зеркало салфетку и, чтобы переменить разговор, предложил Бабембе сесть и выпить с нами «священного напитка».

Старик с большой осторожностью сел на складной стул и воткнул свое огромное копьё наконечником в землю. Он так смешно сидел на стуле, что легкомысленный Стивен забыл об опасности положения и после неудачной попытки подавить в себе смех поставил свою чашку на стол и убежал в палатку, где разразился неудержимым хохотом. В момент замешательства Самми взял его кофе и передал старому Бабембе. Вскоре Стивен вышел из палатки и, чтобы скрыть свое смущение, взял чашку, предназначенную для Бабембы, и выпил ее.

Тогда Самми, заметив свою ошибку, сказал:

— Мистер Соммерс, мне очень жаль, но тут вышла ошибка. Вы выпили кофе из чашки, которую только что вылизал этот вонючий дикарь.

Эффект получился потрясающий, так как Стивена тотчас же стошнило.

— Что это с белым господином? — спросил Бабемба. — А! Теперь я вижу, что вы действительно обманываете меня. Вы дали мне пить не что иное, как горячий кубабу, который вызывает тошноту у невиновных и причиняет смерть замышляющим зло.

— Прекратите ваши сумасбродные выходки, идиот вы этакий! — прошептал я Стивену, толкая его в бок. — Из-за вас всем нам перережут глотки.

Потом, набравшись духу, я обратился к Бабембе:

— О нет, вождь. Белый господин — жрец священного напитка, и то,

что ты видишь, — религиозный обряд.

— Вот оно что! — сказал Бабемба. — Но я надеюсь, что этот обряд не переходит на других?

— Нет, — ответил я, предлагая ему бисквиты. — Теперь скажи мне, вождь Бабемба, зачем ты вышел против нас почти с пятью сотнями вооруженных людей?

— Чтобы убить вас, белый господин... Ох, как горяч, хотя и вкусен, этот священный напиток! Ты говоришь, что это не переходит на других? Ибо я чувствую...

— Ешь пирожное, — ответил я. — А зачем тебе убивать нас? Будь добр, скажи мне правду, или я прочту ее в магическом щите, который так же отражает все внутреннее, как и наружное.

— Если ты, белый господин, можешь читать мои мысли, то зачем ты утруждаешь меня, заставляя высказывать их? — весьма резонно спросил Бабемба, рот которого был набит бисквитами. — Однако я все скажу тебе, ибо этот блестящий предмет может солгать. Бауси, король нашего народа, послал меня убить всех вас, так как до него дошли слухи, что вы — работорговцы, идущие сюда с ружьями, чтобы набрать в плен мазиту, отвести их к Черной Воде^[106] и продать на большие лодки, которые движутся сами собой. Мы знаем, что это правда, так как вчера с вами было много невольников, которые, увидев наши копья, разбежались не более часа тому назад.

Я внимательно посмотрел в зеркало и холодно сказал:

— Этот магический щит рассказывает несколько другую историю. Он говорит, что ваш король Бауси, которому мы, между прочим, несем много подарков, приказал тебе провести нас к нему с почестями, чтобы мы могли переговорить с ним.

Выстрел попал в цель. Бабемба чрезвычайно смутился.

— Это верно! — сказал он, запинаясь, — То есть... я хочу сказать, что король предоставил мне поступить по своему усмотрению. Я посоветуюсь с колдуном.

— Если так, — сказал я, — то дело улажено, ибо ты, будучи столь знатным человеком, никогда не попытаешься убить тех, с кем только что разделил священный напиток. Если же ты поступишь иначе, — хладнокровно прибавил я, — то сам проживешь недолго. Одно тайное слово, и этот напиток обратится внутри тебя в *мвави* самого худшего сорта.

— О да, белый господин, все улажено! — воскликнул Бабемба. — Не произноси тайного слова. Я провожу тебя к королю, и ты переговоришь с ним. Клянусь своей головою и духом своего отца, что не причиню вам

вреда. С твоего позволения, я позову сюда великого колдуна Имбоцви и подтвержу наш договор в его присутствии. Кроме того, я покажу ему магическое зеркало.

Вскоре явился Имбоцви, за которым был послан Джерри. Это был неприятный субъект неопределенного возраста, горбатый как Панч^[107], худой и косоглазый. Он, как и все туземные колдуны, был обвешан змеиными кожами, рыбьими пузырями и маленькими мешочками с лекарствами. В добавление ко всем этим талисманам, с его лба спускалась широкая красная полоска (сделанная, вероятно, охрой), проходившая под носом через губы и подбородок и заканчивавшаяся на шее красным пятном размером с пенни. Его шерстистые волосы, в которые было вплетено небольшое кольцо из черной камеди^[108], были пропитаны жиром, и посыпаны чем-то синим. Они образовали подобие рога, подымавшегося острым концом дюймов на пять над макушкой. В общем, он имел вид настоящего черта. Более того, он обладал чертовски скверным характером, так как его первые слова, с которыми он обратился к нам, заключали в себе упрек в том, что мы не пригласили его разделить наш «священный напиток» с Бабембой. Мы предложили ему кофе, но он отказался, говоря, что мы хотим отравить его.

Тогда Бабемба передал ему свое решение (мне кажется, несколько нервно, так как, по-видимому, он боялся этого старого колдуна), которое тот выслушал, храня абсолютное молчание. Когда Бабемба объяснил ему, что без прямого приказания короля было бы глупой несправедливо предать смерти таких колдунов, как мы, Имбоцви спросил, почему он называет нас колдунами. Бабемба сослался на чудеса блестящего щита, показывающего различные изображения.

— Фу, — сказал Имбоцви. — Разве спокойная вода или отполированное железо не отражают изображений?

— Но этот щит может делать огонь, — сказал Бабемба. — Белый господин говорит, что он может сжечь человека.

— Пусть он сожжет меня, — с невыразимым презрением ответил Имбоцви. — Тогда я поверю, что эти белые люди — колдуны, достойные быть оставленными в живых, а не простые работоторговцы, о которых мы так часто слышали.

— Сожги его, белый господин, и докажи ему, что я прав! — раздраженно воскликнул Бабемба, после чего они начали браниться. Очевидно, они были соперниками и на этот раз потеряли самообладание.

Солнце жгло теперь вполне достаточно для того, чтобы дать нам

возможность заставить Имбоцви испытать на себе силу нашего «колдовства». Я вынул из кармана очень сильное зажигательное стекло, которым (с целью экономии спичек) часто пользовался для зажигания дров и, держа его в одной руке и зеркало в другой, занял положение, удобное для эксперимента. Бабемба и колдун так яростно спорили друг с другом, что, по-видимому, не замечали того, что я делал. Я направил зажигательное стекло прямо на грязный хохол Имбоцви, намереваясь прожечь в нем дыру. Но этот хохол, по-видимому, поддерживался изнутри чем-то весьма горючим, тростинкой или палочкой из камфорного дерева, потому что через тридцать секунд он запылал как факел.

— О! — вскричали наблюдавшие за этим кафры.

— Вот это ловко! — вскрикнул Стивен.

— Смотрите, смотрите! — восхищенно закричал Бабемба. — Теперь ты, гнилой нарыв, поверишь, что это действительно великие маги?

— Почему ты, сын собаки, смеешься надо мной? — завизжал разъяренный Имбоцви, не понимавший, в чем дело. В его уме зародилось подозрение, он поднес руку к своему хохлу и отдернул ее с воем. Потом он начал прыгать и вертеться, отчего огонь разгорелся сильнее. Зулусы захлопали в ладоши, Бабемба тоже. Стивена охватил один из его идиотских припадков веселости. Что касается меня, то я испугался. Недалеко от меня стояло большое деревянное кафрское ведро, из которого бралась вода для варки кофе. Я схватил его и подбежал к Имбоцви.

— Спаси меня, белый господин! — завопил он. — Ты величайший колдун, и я твой раб...

Тут я оборвал его, опрокинул ему на голову ведро, в котором она исчезла, словно свеча в тушителе. Вода лилась по всему Имбоцви, стоявшему очень смирно, а из-под ведра шел дым с неприятным запахом.

Убедившись, что огонь потух, я снял ведро с колдуна, лишенного теперь своей изысканной прически. Он почти не был обожжен, так как я поспел со своею помощью как раз вовремя, но зато остался лысым. При малейшем прикосновении его сожженные волосы рассыпались до самого корня.

— Они все опадают, — удивленно сказал он, ощупывая свою голову.

— Да, — ответил я, — наш щит действует хорошо, не правда ли?

— Можешь ли ты, белый господин, вернуть их обратно? — спросил он.

— Это зависит от того, как ты будешь вести себя, — ответил я.

После этого он, не сказав ни слова, повернулся и пошел к своим воинам, которые встретили его взрывами хохота. Очевидно, Имбоцви не

пользовался среди них популярностью, и они были рады его поражению.

Бабемба тоже был чрезвычайно доволен. Он сейчас же начал отдавать распоряжения относительно доставки нас к королю в его столицу, называющуюся Безу, причем дал торжественное обещание, что ни он, ни его воины не причинят нам никакого вреда.

Один только Имбоцви не оценил нашей магии. Когда он уходил, я прочел в его взгляде крайнюю ненависть. Я подумал, что, быть может, лучше было бы не применять зажигательного стекла, хотя у меня не было намерения опалить ему всю голову.

— Отец мой! — сказал мне Мавово спустя некоторое время. — Лучше было бы, если бы ты совсем спалил эту змею, ибо тогда ты уничтожил бы ее яд. Я тоже немного колдун и скажу тебе, что наш брат больше всего не любит быть осмеянным. Ты осмеял, Макумазан, этого колдуна перед его народом, и он не забудет этого.

IX. Бауси — король племени мазиту

Около полудня мы тронулись в путь и направились в город Безу, резиденцию короля Бауси, куда должны были прибыть к вечеру следующего дня. В продолжение нескольких часов весь отряд мазиту шел впереди, или, вернее, вокруг нас. Но мы пожаловались Бабембе на пыль и шум, и он с положительно трогательным доверием услал отряд вперед. Однако он предварительно заставил нас поклясться «нашими матерями» (среди многих африканских племен это — самая священная клятва) в том, что мы не будем пытаться бежать. Признаюсь, я, не чувствуя особенной любви к мазиту, не сразу решился согласиться на это (от Джерри я узнал, что расстроенный Имбоцви покинул отряд и ушел вперед по какому-то собственному делу). Если бы решение зависело исключительно от меня, — я бы попытался бежать через пограничный кустарник и пробраться к югу, по пути добывая себе пропитание охотой. Таково было также желание зулусских охотников, Ханса и, особенно, Самми. Но когда я сказал об этом Стивену, он начал упрашивать меня оставить эту мысль.

— Послушайте, Квотермейн, — говорил он, — я пришел в эту покинутую богом страну, чтобы добыть здесь большую *Cypripedium*, и либо добуду ее, либо умру. Конечно, — прибавил он, посмотрев на наши несколько бледные лица, — я не имею никакого права подвергать риску вашу жизнь. Поэтому, если вы считаете положение опасным, я пойду один с этим стариком Бабембой. Кто-нибудь из нас должен посетить крааль Бауси, на случай, если туда явится джентльмен, которого вы называете братом Джоном. Короче говоря, я пришел к определенному решению, и дальнейший разговор об этом бесполезен.

Я закурил трубку и, глядя на этого упрямого юношу, постарался рассмотреть положение с разных точек зрения.

В конце концов я пришел к заключению, что он прав. Правда, подкупив Бабембу — или иным путем, — мы могли бы бежать и избавиться от многих опасностей. Но, с другой стороны, мы пришли в это дикое место совсем не для того, чтобы бежать отсюда. Далее, за чей счет мы прибыли сюда? За счет Стивена Соммерса, желавшего идти вперед!

Наконец, не говоря уж о возможности встречи с братом Джоном (с которым я не был связан обязательством, так как он не дождался нас в Дурбане), мне не нравилась мысль остаться побежденным. Мы собрались посетить загадочных дикарей, почитающих обезьяну и цветок, и должны

идти вперед до тех пор, пока это будут позволять обстоятельства. Опасности существуют повсюду. Тот, кто бежит от опасности, никогда ничего не добьется.

— Мавово, — сказал я, указывая своей трубкой на Стивена, — Вацела не хочет пытаться бежать. Он хочет идти дальше в страну народа понго. Помни, Мавово, что он заплатил за все и что мы наняты им. Он говорит, что если мы бежим, то он все равно пойдет один к этим мазиту. Но если кто-нибудь из вас, охотников, захочет бежать, то ни он, ни я не воспротивимся этому. Что ты скажешь на это?

— Я скажу, Макумазан, что хотя Вацела и молодой вождь, но у него большая душа. Куда пойдете вы оба, туда пойду и я. Думаю, что за мной последуют и остальные охотники. Я не люблю этих мазиту, ибо если их отцы и были зулусами, то матери их были более низкого происхождения. Они — ублюдки нашего народа, а о понго я слышал только дурное. Но плох тот бык, который, видя перед собой лужу, боится идти дальше. Надо идти вперед, ибо что с того, если мы утонем в болоте? Кроме того, моя змея говорит, что если мы и утонем, то не все.

Итак, было решено не предпринимать никаких попыток к бегству. Правда, Самми хотел было сделать это, но когда дошло до дела и ему был предложен один из уцелевших ослов и необходимое количество припасов, он изменил свое намерение.

— Мне кажется, мистер Квотермейн, — сказал он, — что лучше окончить жизнь в обществе с добрыми людьми, нежели в одиночестве пытаться ускользнуть от неизбежного.

— Великолечно, Самми, — сказал я. — А тем временем, пока настанет неизбежное, ты пойди и приготовь нам обед.

Итак, отбросив всякие сомнения, мы продолжали наше путешествие — довольно легко, так как вместо ушедших носильщиков нам было дано достаточное число новых.

Бабемба в сопровождении всего одного воина шел вместе с нами. От него мы узнали многое.

Мазиту, по-видимому, были довольно большим народом, способным выставить от пяти до семи тысяч копий.

Их предания говорили, что они происходят от того же племени, что и зулусы. И действительно, многие их обычаи, не говоря уже о языке, походили на зулусские. Однако их военная организация не была столь совершенной, как у последних, и во многом другом они производили на меня впечатление людей более низкой расы. Только в одном они значительно дальше ушли вперед — это в устройстве своих домов.

Многочисленные краали, через которые мы проходили, были построены лучше зулусских. Вместо «пчелиных ходов» они были снабжены подобием дверей, через которые можно было проходить не нагибаясь. По дороге мы ночевали в одном из таких домов и нашли бы его удобным, если бы не бесчисленные блохи, которые в конце концов выгнали нас на двор. В остальном эти мазиту весьма походили на зулусов. Они имели краали и разводили скот. Управлялись они вождями, подчиненными верховному вождю, или королю.

Они верили в колдовство и приносили жертвы духам своих предков и, кроме того, некоему могущественному богу, управляющему делами мира и объявляющему свою волю через колдунов. Наконец, они были весьма воинственным племенем, которое любило войну и под разными предлогами нападало на соседей, убивая мужчин и похищая женщин и скот. Они обладали и некоторыми достоинствами, будучи по натуре любезными и гостеприимными. Но со своими врагами они были довольно жестоки. Кроме того, они ненавидели торговлю невольниками и тех, кто ею занимался, говоря, что лучше убить человека, нежели лишить его свободы.

Они питали отвращение к людоедству и поэтому, более чем кто-либо, гнушались людей понго, считавшихся людоедами.

К вечеру второго дня нашего путешествия, во время которого мы проходили по красивой и плодородной гористой местности, мы прибыли в город Безу. Этот город был расположен на обширной равнине, окруженной невысокими холмами и целым поясом обработанных полей, весьма красивых благодаря маису и другим злакам, уже готовым к жатве.

Весь город был окружен высоким деревянным палисадом, по обеим сторонам которого были посажены колючие грушевые деревья и кактусы. Внутри палисада город делился на кварталы, населенные людьми, занимавшимися различными ремеслами. Так, одна часть города называлась «кузнечным кварталом», другая — «военным», третья — «земледельческим», четвертая — «кожевенным» и т.д. Жилище короля, его жен и приближенных находилось недалеко от северных ворот. Перед ним было широкое открытое место, куда, в случае, необходимости, можно было загнать скот.

Во время нашего пребывания в городе это место служило рыночной площадью; кроме того, здесь обучались воины.

Мы вошли в город (который, вероятно, заключал в себе большое число жителей) через южные ворота, сделанные из крепких бревен. Солнце уже заходило, когда мы дошли до хижин, предназначенных для гостей и находившихся в конце центральной улицы, которая была переполнена всем

населением города, собравшимся посмотреть на нас. Эти хижины были расположены в «военном квартале», недалеко от жилища короля, и были окружены изгородью.

При нашем прохождении никто не проронил ни слова, так как мазиту по натуре весьма учтивы.

Мне казалось, что они смотрят на нас со страхом, смешанным с любопытством. Те из них, которые были воинами, салютовали нам своими копьями. Хижины, в которые мы были приведены Бабембой, весьма подружившимся с нами, были очень чистыми. Все наше имущество, включая ружья, отобранные у невольников перед их бегством, было сложено в одну из хижин, к которой был приставлен часовой-мазиту. Ослы были привязаны к изгороди. Снаружи стоял на часах другой вооруженный мазиту.

— Разве мы пленники? — спросил я Бабембу.

— Король охраняет своих гостей, — загадочно ответил он. — Не надо ли вам, белые господа, что-нибудь передать королю? Я увижу его сегодня вечером.

— Да, — ответил я. — Передай королю, что мы братья того, кто около года тому назад срезал опухоль с его тела. Мы условились с ним встретиться здесь. Я говорю о белом господине с длинной бородой, которого черные зовут Догитой.

Бабемба встрепнулся.

— Вы братья Догиты? Как же случилось, что вы ни разу не упомянули его имени? Когда он хотел встретить вас здесь? Знайте, что среди нас Догита великий человек, ибо с ним одним из всех людей наш великий король Бауси вступил в кровное братство. Среди мазиту Догита то же, что и король.

— Мы, Бабемба, никогда не упоминали о нем потому, что не говорим обо всем сразу. Что касается того, когда нас встретит Догита, то я не знаю этого. Я убежден только в том, что он сюда придет.

— Да, господин Макумазан, но когда, когда? Это король захочет знать, и вы должны сказать ему это. Господин, — прибавил он, понизив голос, — вы в опасности, так как у вас здесь много врагов... Белым людям запрещен доступ в эту страну. Если ты хочешь спасти свою жизнь, будь завтра готов сказать королю, когда Догита, которого он очень любит, придет сюда, чтобы поручиться за вас. Надо, чтобы он явился поскорее и в тот день, который ты укажешь, иначе он может не застать тебя в живых, если только он действительно придет. Вот что я по-дружески скажу тебе. Остальное зависит от тебя.

После этого он встал и ушел через дверь хижины и ворота ограды мимо часового, который отступил в сторону, чтобы дать ему дорогу. Я тоже поднялся со стула, на котором сидел, и в ярости зашагал по хижине.

— Вы понимаете, что сказал этот старый дурак? — (боюсь, что я употребил более сильное выражение) — воскликнул я, обращаясь к Стивену. — Он говорит, что мы должны быть готовы точно указать день, когда в город Безу явится другой старый дурак — брат Джон. В противном случае нам перережут глотки.

— Положение не из важных, — ответил Стивен. — В город Безу не ходят поезда-экспрессы, да если бы и ходили, то мы не могли бы быть уверены, что на одном из них приедет брат Джон.

— Не понимаю, почему этот осел не мог подождать нас в Дурбане вместо того, чтобы отправиться куда-то в северную часть Земли Зулу на дурацкую ловлю бабочек и сломать себе ногу или шею, если с ним действительно что-нибудь приключилось?

— Трудно сказать, что побудило его сделать это.

Мы снова уселись и смотрели друг на друга.

В это время в хижину вполз Ханс и сел на землю перед нами. Можно было просто пройти через дверь, но, не знаю почему, он предпочел вползти в хижину на руках и коленках.

— Чего тебе надо, уродливая жаба? — злобно спросил я его (он действительно походил на жабу; даже кожа у него под челюстью двигалась, словно у жабы).

— Баас встревожен? — спросил он.

— Я думаю, — ответил я, — встревожишься и ты, когда будешь извиваться на конце копья мазиту!

— У них широкие копья, делающие большие дыры, — заметил Ханс, в ответ на что я встал, намереваясь дать ему хорошего пинка.

— Баас, — продолжал он, — в этой хижине есть дыра, через которую все слышно, если лежать у стены, притворяясь спящим. Я слышал разговор бааса с этим одноглазым дикарем и баасом Стивеном.

— Что же из этого следует, маленькая змея?

— Если баас не хочет быть убитым в этом месте, откуда никак нельзя бежать, то нужно узнать точно день и час, когда прибудет Догита.

— Ах ты, желтый идиот! — воскликнул я. — Если ты будешь... — тут я остановился, так как подумал, что лучше выслушать Ханса до конца, нежели срывать на нем свое раздражение.

— Мавово — великий колдун, баас. Говорят, что его змея — самая сильная во всей Земле Зулу, за исключением змеи его учителя, старого

Зикали. Он говорил, что Догита лежит где-то со сломанной ногой и что он придет сюда, чтобы встретиться с баасом. Потому он, без сомнения, может точно сказать, когда придет Догита. Я бы сам спросил об этом Мавово, но он не заставит свою змею работать для меня, Поэтому пусть лучше спросит его баас. Быть может, Мавово забудет, что баас смеялся над его гаданием.

— О, слепец! — ответил я. — Разве могу я поручиться, что вся эта история Мавово относительно Догиты не сплошной вздор? Ханс посмотрел на меня с удивлением.

— История Мавово — вздор! Змея Мавово солгала! Ох, баас смотрит на дело слишком по-христиански. Конечно, благодарение отцу бааса, я тоже христианин, но не настолько, чтобы отличить хорошее гадание от плохого. Змея Мавово лгунья! И это после того, как похоронен первый из тех охотников, которым в Дурбане была предсказана смерть! Прекрасно, баас, пусть будет так! Но все же только и остается либо просить Мавово, либо быть убитыми. Мне все равно, ибо я охотно начну новую жизнь в другом мире. Но пусть баас подумает, какой шум поднимет Самми.

С этими словами он выскользнул из хижины.

— Хорошее положение, нечего сказать! — чуть не со стоном обратился я к Стивену. — Я, белый человек, знающий, что все это кафрское гадание — чистейший вздор, должен просить дикаря сказать мне то, о чем он ничего не может знать! Это унижительно! Пусть меня повесят, если я сделаю это!

— Сделаете вы это или нет — вас все равно повесят, — ответил Стивен со своей приятной улыбкой. — Но скажите, старина, почему вы так уверены, что все это вздор? Нам говорили о многих чудесах, которые не были вздором, и если чудеса существуют, то почему им не существовать теперь? Я знаю, что вы мне на это возразите, и потому спорить дальше бесполезно. Однако я не так горд, как вы. Я попробую смягчить каменное сердце Мавово и уговорю его раскрыть свою книгу тайной мудрости.

С этими словами он вышел. Спустя несколько минут я был вызван из хижины, чтобы принять овцу, которая вместе с молоком, туземным пивом, хлебом и другими припасами, включая фураж для ослов, была прислана нам от Бауси. Тут я должен заметить, что во время нашего пребывания у мазиту мы ни в чем не нуждались. Здесь не знали голода, столь обычного в Восточной Африке, где путешественник часто ни за что не может найти себе пищи.

Я велел поблагодарить короля и выразил надежду отплатить ему завтра несколькими подарками. Потом я отправился искать Самми, чтобы приказать ему зарезать и приготовить овцу. Я нашел его или, вернее,

услышал его голос за камышовой перегородкой, разделявшей две хижины. Он выступал в качестве переводчика между Стивенсом Соммерсом и Мавово.

— Этот зулус, мистер Соммерс, — говорил он, — заявляет, что он понял все, о чем вы говорили, и что все мы, вероятно, будем убиты этим дикарем Бауси, если не сможем сказать ему, когда придет сюда белый человек Догита, которого он любит. Он также убежден, что с помощью своего гадания он мог бы узнать, когда это случится (что, без сомнения, мистер Соммерс, — скажу вам откровенно, — чистая ложь невежественного язычника). Он прибавляет, что не даст ни одного медного гроша за свою или за кого-нибудь другого из нас жизнь.

— Он говорит на своем вульгарном языке, что между желудком гиены из Земли Мазиту и всякой другой гиены нет никакой разницы и что здешняя земля так же хороша для его костей, как и всякая другая земля, так как земля есть худшая из всех гиен, рано или поздно пожирающая то, что родит. Извините меня, мистер Соммерс, что я повторяю пустую болтовню этого дикаря, но вы сами приказали мне точно передать его слова. Этот безрассудный человек говорит, что какая-то неведомая сила — он называет ее «силой, которая заставляет сиять солнце и усеивает покров ночи звездами» (извините, что я повторяю эти глупые слова) — заставила его родиться на этом свете и в определенный час унесет его из этого мира назад во мрак, в вечное лоно, где он либо будет пребывать во сне, либо снова вернется к жизни, согласно воле этой неведомой силы, — я точно перевожу его слова, мистер Соммерс, хотя не знаю, что все это значит, — и что ему безразлично, когда это случится. Он говорит еще, что он становится старым и что он видел много горя — он, я полагаю, подразумевает утрату своих жен и ребенка, — между тем как вы молоды и ваша жизнь со всеми ее радостями еще впереди. Поэтому он будет рад сделать все что в его силах, чтобы спасти вам жизнь, потому что, хотя вы и белый, а он черный, тем не менее он любит вас и смотрит на вас, как на свое дитя. Да, мистер Соммерс, я краснею, повторяя это, но этот черный человек говорит, что смотрит на вас как на свое дитя. Он прибавляет, что если понадобится, то он охотно отдаст за вас свою жизнь, и что отказать вам в чем-нибудь для него все равно, что разрезать свое сердце пополам. Но он должен отказать вам в вашей просьбе спросить какое-то существо, которое он называет змеей (что это означает, мистер Соммерс — я не знаю), когда белый человек по имени Догита прибудет в это место. Он говорит, что после того, как мистер Квотермейн посмеялся над его гаданием, он больше не станет заниматься им и скорее умрет, нежели нарушит свое

слово. Вот и все, мистер Коммерс.

— Скажите вождю Мавово, — ответил Стивен (я заметил, что слово «вождь» он произнес с особым ударением), — что я понял все и очень признателен ему за подробное объяснение. Потом скажите ему, что мы надеемся только на него, так как у нас нет другого выхода из создавшегося положения.

Самми перевел эти слова на зулусский язык, которым он владел в совершенстве, без всяких добавлений или комментариев.

— Нет другого выхода, — повторил Мавово, понюхав табаку, — В таком случае об этом меня должен попросить сам Макумазан. Макумазан — мой старый вождь и друг. Для него я готов забыть то, о чем в другом случае должен был бы помнить. Если он придет ко мне и без насмешки попросит меня применить мое искусство на пользу нам всем, я сделаю это, хотя очень хорошо знаю, что он уверен в том, что прахом шевелит простой ветер, разбрасывающий его без всякого значения. Он, как и другие мудрые белые люди, забывает, что ветер, разбрасывающий прах, дует в наши ноздри, и что для него мы тот же прах.

На минуту или две я задумался. Слова Мавово, даже те, которые я слышал в искаженном переводе Самми с его глупыми замечаниями, произвели на меня известное впечатление. Кто я, чтобы судить Мавово и его необыкновенное дарование? Кто я, чтобы насмехаться над ним и своими насмешками высказывать убеждение, что он обманщик?

Я прошел через ворота в изгороди и остановился перед ним.

— Мавово, — сказал я, — я подслушал ваш разговор и очень жалею, что смеялся над тобой в Дурбане. Я не знаю, правда или ложь твое гадание, но я буду очень благодарен тебе, если ты воспользуешься своей способностью и узнаешь, если сможешь, придет ли сюда Догита и если придет, то когда.

— Хорошо, отец мой Макумазан. Сегодня вечером я спрошу об этом свою змею. Но я не могу заранее сказать, ответит она или нет.

Он спросил свою змею с надлежащей церемонией, и, по словам Стивена, присутствовавшего при этом (я отказался), это таинственное пресмыкающееся объявило, что Догита, он же брат Джон, прибудет в город Безу при закате солнца на третий день, считая от этого вечера. Согласно нашему календарю, предсказание было сделано в пятницу; следовательно, мы могли ждать брата Джона в понедельник вечером, приблизительно к ужину.

— Хорошо, — коротко сказал я, — пожалуйста, больше не говорите мне об этом вздоре, так как я хочу спать.

На следующее утро мы распаковали наши ящики и выбрали несколько великолепных подарков для короля Бауси, надеясь смягчить ими царственное сердце. В число их входили: штука коленкора, несколько ножей, музыкальная шкатулка, дешевый американский револьвер, связка зубочисток и, кроме того, несколько фунтов самых шикарных бус для его жен.

Эти богатые подарки мы послали королю с нашими двумя слугами — мазиту Томом и Джерри, отправившимися под конвоем нескольких воинов. Я надеялся, что они расскажут своим соотечественникам, какие мы хорошие люди, и дал им соответствующие наставления.

Но вообразите наш ужас, когда спустя около часа, как раз в то время, когда мы приводили себя в порядок после завтрака, в воротах показались не Том и Джерри, так как они бесследно исчезли, а длинная вереница воинов мазиту, из которых каждый нес по одной вещи из посланных нами королю. Последний из них нес на своей лохматой голове связку зубочисток, словно это была большая вязанка хворосту. Один за другим они разложили наши подарки на глиняном полу самой большой хижины. Потом их начальник торжественно сказал:

— Великий черный Бауси не нуждается в подарках белых людей.

— В самом деле? — раздраженно ответил я. — Если так, то ему больше не представится случая получить их.

Все они ушли, не сказав больше ни слова. Вскоре после их ухода явился Бабемба в сопровождении пятидесяти воинов.

— Король ждет вас, белые господа, — сказал он с деланною веселостью, — я пришел, чтобы проводить вас к нему.

— Почему он не принял наших подарков? — спросил я, указывая на возвращенные вещи.

— Ох, все это из-за Имбоцви, рассказавшего о магическом щите. Король говорит, что ему не надо подарков, которые опаляют волосы. Но собирайтесь поскорей. Он сам все объяснит. Если слона заставляют ждать, он начинает сердиться и трубить.

— Вот как! А сколько нас должно к нему пойти? — спросил я.

— Все, все, белый господин. Он желает видеть всех вас.

— Я полагаю, кроме меня, — сказал Самми, стоявший рядом. — Я должен остаться готовить обед.

— Нет, ты тоже должен идти, — ответил Бабемба. — Король пожелает увидеть составителя священного напитка.

Делать было нечего, мы пошли. Нет нужды говорить, что все мы были хорошо вооружены. Едва мы вышли из хижины, как тотчас же были

окружены воинами. Чтобы придать нашему шествию необыкновенный характер, я приказал Хансу идти впереди всех, держа на голове отвергнутую королем музыкальную шкатулку, из которой неслись трогательные звуки «Милой родины»^[109]. Потом шел Стивен, несший на палке английский флаг, потом я и охотники в сопровождении Бабембы, потом смущенный Самми и два наших осла, которых вели мазиту. Кажется, король отдал особое приказание, чтобы они тоже были приведены к нему.

Это было весьма забавное шествие, которое при других обстоятельствах могло бы заставить меня смеяться. Даже молчаливые мазиту, среди которых мы шли, были, казалось, охвачены каким-то энтузиазмом. Очевидно, на них действовали звуки «Милой родины», хотя два осла производили на них, вероятно, гораздо большее впечатление, особенно когда кричали.

— Где Том и Джерри? — спросил я Бабембу.

— Не знаю, — ответил он. — Я думаю, что они отпущены навестить своих друзей.

«Имбоцви постарался удалить свидетелей, которые могли бы показать в нашу пользу», — подумал я и больше ничего не сказал.

Мы достигли ворот королевского дома. Здесь, к моему ужасу, воины отобрали у нас ружья, револьверы и даже охотничьи ножи. Тщетно я протестовал против этого, говоря, что мы не привыкли расставаться с нашим оружием. На это последовал ответ, что к королю нельзя являться даже с простой палкой. Мавово и зулусы хотели оказать сопротивление. Я уже думал, что неизбежно столкновение, которое, конечно, закончилось бы нашей гибелью, так как что мы могли бы поделать против нескольких сотен мазиту, хотя они и боялись наших ружей? Я приказал Мавово не сопротивляться, но он в первый раз оказал неповиновение. Тогда мне пришла в голову счастливая мысль напомнить ему, что, согласно его предсказанию, придет Догита и все будет обстоять хорошо. Он подчинился весьма неохотно.

Мы видели, как наши драгоценные ружья были унесены неизвестно куда. После этого воины мазиту сложили свои копья и луки у ворот крааля, и мы отправились дальше, имея при себе только английский флаг и музыкальную шкатулку, которая играла теперь «Правь, Британия»^[110].

Мы прошли через открытое место, где росло несколько деревьев с широкими листьями, к большому туземному дому. Недалеко от дверей этого дома сидел на стуле толстый мужчина среднего возраста, имевший сердитый вид. Он был почти голым, если не считать кошачьей шкуры,

повязанной вокруг его бедер, и нитки больших синих бус на шее.

— Король Бауси! — прошептал Бабемба.

Около короля сидела на корточках горбатая фигура, в которой я без труда узнал Имбоцви, хотя он раскрасил свой опаленный череп белым с красными пятнами и украсил свой приплюснутый нос пурпурной нашлепкой. Вокруг короля стояла толпа молчаливых советников.

Поданному знаку, приблизившись на известное расстояние, все воины, включая Бабембу, опустились на колени и начали ползти. Они хотели, чтобы мы сделали то же самое, но я воспротивился этому, зная, что если мы сделаем это один раз, то нам придется ползать всегда.

Мы медленно шли вперед среди ползущих по земле людей и наконец очутились перед королем мазиту — «Прекрасным Черным Бауси».

Х. Смертный приговор

Мы смотрели на Бауси, Бауси смотрел на нас.

— Я — Черный Слон Бауси! — воскликнул он, выведенный из терпения нашим упорным молчанием. — Я трублю, трублю, трублю!

По-видимому, это была древняя священная формула, которой король мазиту открывал разговор с чужестранцами.

После соответствующей паузы я холодно ответил:

— Мы — белые львы, Макумазан и Вацела. Мы рычим, рычим, рычим!

— Я могу топтать! — сказал Бауси.

— А мы можем кусать! — хвастливо ответил я, хотя абсолютно не знал, чем нам «кусать», так как при нас ничего не было, кроме английского флага.

— Что это? — спросил Бауси, указывая на флаг.

— То, чья тень покрывает всю землю, — гордо ответил я.

Мое замечание, казалось произвело на него впечатление, хотя он совсем не понял его, так как он приказал воину держать над собой зонтик из пальмовых листьев, чтобы наш флаг не бросал на него своей тени.

— А это, производящее шум, хотя и не живое? — снова спросил он, указывая на музыкальную шкатулку.

— Это ящик, поющий военную песнь нашего народа, — сказал я. — Мы послали его тебе в подарок, но ты вернул его обратно. Почему ты вернул нам наши подарки, о Бауси?

Внезапно король мазиту пришел в ярость.

— Зачем вы пришли сюда, белые люди, — спросил он, — без приглашения, вопреки закону моей страны, куда имеет доступ только один белый человек, мой брат Догита, исцеливший меня от болезни с помощью ножа? Я знаю, кто вы. Вы — торговцы людьми. Вы пришли сюда, чтобы похищать моих людей и продавать их в рабство. С вами было много рабов, но вы отпустили их на границе моей земли. Вы, именующие себя львами, должны умереть, и цветная тряпка, которая, по вашим словам, осеняет весь мир, должна сгнить с вашими костями. Я разобью вашу коробку, которая поет военную песню. Она не околдует меня, как ваш магический щит, который околдовал великого колдуна Имбоцви и сжег ему волосы!

Он вскочил с проворством, удивительным для такого толстого человека, и сбил музыкальную шкатулку с головы Ханса. Она упала на

землю и скоро замолчала.

— Правильно! — пищал Имбоцви. — Растопчи их колдовство, о Слон! Убей их, о Черный Бауси! Сожги их так же, как они сожгли мои волосы!

Тут я увидел, что положение стало весьма серьезным, так как Бауси, по-видимому, был уже готов приказать воинам прикончить нас. Тогда я в отчаянии сказал:

— О король! Ты упомянул имя некоего белого человека Догиты, врача из врачей, исцелившего тебя от болезни с помощью ножа, и назвал его своим братом. Он тоже наш брат, и только по его приглашению мы пришли сюда, где он должен встретиться с нами.

— Если Догита ваш друг, то вы тоже мои друзья, — ответил Бауси, — ибо в этой земле он правит наравне со мною. Его кровь течет в моих жилах, а в его жилах течет моя кровь. Но вы лжете! Догита не может быть братом работорговцев. У него доброе сердце, а у вас — злое. Вы говорите, что он должен встретиться с вами здесь. Когда это будет? Если скоро, то я удержу свою руку и, прежде чем предать вас смерти, подожду его, чтобы услышать, что он скажет о вас. Ибо, если он скажет о вас хорошее, вы не должны умереть.

Я не знал, что делать, так как чувствовал, что, считая нас работорговцами, Бауси был раздражен не без причины. Пока я обдумывал ответ, к моему изумлению, Мавово выступил вперед и стал перед королем.

— Кто ты? — закричал Бауси.

— Я воин, о король! Это показывают мои рубцы, — он указал на следы, оставленные ассегаем на его груди, и на свою разрезанную ноздрю. — Я вождь из народа, из которого происходит твой народ, и зовут меня Мавово. Я готов сразиться с тобой или со всяким, кого ты назовешь, и убить, если хочешь, тебя или всякого другого. Есть ли здесь кто-нибудь, желающий быть убитым?

Никто не отозвался, так как широкие плечи зулуса имели очень внушительный вид.

— Кроме того, я колдун, — продолжал Мавово, — один из величайших колдунов, умеющий открывать «Ворота Расстояния» и читать то, что скрыто во чреве Будущего. Поэтому я отвечу на вопросы, которые ты задал Макумазану, великому и мудрому белому господину, которому я служу, ибо мы сражались вместе во многих битвах. Да, я буду его ртом и отвечу так: белый человек Догита, твой кровный брат, чье слово среди мазиту то же, что и твое слово, прибудет сюда через два дня на закате солнца. Я сказал!

Бауси вопросительно посмотрел на меня.

— Да, — повторил я, чувствуя, что надо что-нибудь сказать, — Догита прибудет сюда через два дня, спустя полчаса после заката солнца.

Что-то побудило меня прибавить эти лишние полчаса, которые в юнце концов спасли нам жизнь.

В течение некоторого времени Бауси советовался с мерзким Имбоцви и старым одноглазым Бабембой, а мы смотрели на них, зная, что от исхода этого совещания зависит наша судьба.

Наконец он вновь заговорил.

— Белые люди! — сказал он. — Имбоцви, глава наших колдунов, волосы которого вы сожгли с помощью вашего злого колдовства, говорит, что лучше всего убить вас немедленно, так как у вас злые сердца и вы замышляете зло против моего народа. Я тоже думаю так. Но Бабемба, на которого я сердит за то, что он не исполнил моего приказа и не предал вас смерти на границе моей земли, когда встретил вас с невольничьим караваном, — он думает иначе. Он просил меня удержать свою руку и заступает за вас, так как, во-первых, вы околдовали его и, во-вторых, если окажется, что вы говорите правду (во что мы не верим) и что вы действительно пришли сюда по приглашению моего брата Догиты, то Догита будет очень огорчен, найдя вас мертвыми и не будучи в состоянии вернуть вам жизнь. А так как безразлично, умрете ли вы раньше или позже, то я решил держать вас пленниками до заката солнца указанного вами дня. Вечером этого дня вы будете выведены на площадь и привязаны к столбам, где будете ждать наступления темноты, когда, по вашим словам, должен прибыть Догита. Если он придет и скажет, что вы его братья — что же, это хорошо. Если не придет или, придя, скажет о вас дурное — еще лучше, ибо тогда вы будете расстреляны из луков в предупреждение всем другим похитителям людей не переступать границы Земли Мазиту.

Я с ужасом выслушал этот суровый приговор, потом сказал.

— Мы не похитители людей, о король! Мы скорее освободители их, как это могут засвидетельствовать Том и Джерри, происходящие из твоего народа.

— Кто такие Том и Джерри? — равнодушно спросил он. — Но это безразлично, так как они, без сомнения, такие же лгуны, как и вы. Я сказал! Уведите их отсюда. Хорошо кормите их и охраняйте до заката солнца второго дня, считая от этого времени.

После этого Бауси встал, не дав нам возможности говорить дальше, и ушел в большую хижину в сопровождении Имбоцви и остальных советников.

Мы тоже ушли в сопровождении удвоенной стражи, находившейся под

командой нового воина, которого мы раньше не видели.

В воротах крааля мы остановились и потребовали, чтобы нам возвратили отобранное у нас оружие.

Но вместо ответа воины положили нам на плечи руки и заставили идти дальше.

— Хорошее дело, нечего сказать! — шепнул я Стивену.

— Это ничего не значит, — ответил он, — в наших хижинах осталось много ружей. Мне говорили, что эти мазиту ужасно боятся пуль Они, без сомнения, разбегутся, лишь только мы начнем стрелять.

Я посмотрел на него, но ничего не ответил, так как, сказать правду, мне не хотелось спорить.

Мы вернулись в свои хижины, где воины оставили нас и расположились снаружи их. Стивен, горевший желанием поскорее осуществить свой воинственный план, немедленно отправился в хижину, где был сложен наш багаж и ружья, отнятые у работоторговцев. Я увидел, что он вышел оттуда очень бледным, и спросил его, в чем дело.

— В чем дело? — повторил он голосом, полным отчаяния. — Дело в том, что они украли все наши ружья и патроны. Они не оставили ни одной крупинки пороха.

Наше положение и в самом деле было ужасным. Пусть читатель представит себе его. Немногим более чем через сорок восемь часов нас расстреляют из луков, если некий странствующий джентльмен, которого, быть может, нет уже в живых, не явится к этому времени в это глухое, отдаленное место Центральной Африки. У нас оставалась единственная надежда, если это можно назвать надеждой, на пророчество зулусского колдуна. Рассчитывать на него было так нелепо, что я перестал о нем думать и начал искать в своем уме какое-нибудь средство для избавления, но после нескольких часов размышлений ничего не нашел. Даже Ханс, — со всей своей опытностью и почти сверхчеловеческой хитростью, — ничего не мог придумать. Мы были лишены оружия и окружены тысячами дикарей, которые, быть может только за исключением Бабембы, были уверены, что мы — ненавистные им работоторговцы, посетившие их страну с целью похитить у них жен и детей. Их король Бауси был сильно настроен против нас. Благодаря моей глупой шутке, в которой я теперь горько раскаивался (как раскаивался в устройстве всей экспедиции или, по крайней мере, в том, что отправился в нее без брата Джона), мы нажили себе неумолимого врага в лице главного колдуна мазиту.

Мы могли надеяться только на случайность. Нам оставалось только готовиться к неизбежному концу.

Правда, Мавово оставался веселым. Его вера в свою «змею» была поистине трогательной. Он предложил погадать еще раз в нашем присутствии, чтобы доказать, что в его гадании не было ошибки. Я отказался, ибо не верил в это гадание.

Стивен тоже отказался, но по другой причине. Он говорил, что если результат гадания будет на этот раз другой, то это произведет на нас тяжелое впечатление.

Остальные зулусы проявили нечто среднее между верой и скептицизмом как неустойчивые люди, немного знакомые с христианским учением.

Но Самми ни во что не верил. Он буквально выл и так плохо готовил нам еду, что приготовление ее пришлось поручить Хансу, так как нам нужно было поддерживать свои силы, хотя у нас и не было аппетита.

— К чему, мистер Квотермейн, возиться с едой, которую ваши желудки все равно не успеют переварить? — спрашивал сквозь слезы Самми.

Кое-как прошла первая ночь, за ней следующий день и следующая ночь, которую сменило последнее утро. Я поднялся очень рано и смотрел на восход солнца. Никогда еще солнечный восход не казался мне таким прекрасным, как сегодня, когда я прощался с ним навсегда. Быть может, там, по ту сторону жизни, окажутся еще более прекрасные солнечные восходы.

Я вернулся в нашу хижину. Стивен, обладавший нервами носорога, все еще спал, словно черепаха зимою.

Тогда я занялся подведением счетов нашей экспедиции до настоящего дня. Она уже стоила 1423 фунта. Только подумайте, истратить 1423 фунта для того, чтобы в конце концов оказаться привязанным к столбу и быть расстрелянным из луков! И все из-за редкой орхидеи! Ох, думал я, если я каким-либо чудом спасусь и мне придется жить в стране, где растут эти особенные цветы, то я даже смотреть на них не стану!

Наконец Стивен проснулся. Он плотно позавтракал, как завтракают, согласно газетным отчетам, перед казнью все преступники.

— К чему терзать себя? — говорил он. — Если бы не мой бедный отец, меня бы это ничуть не тревожило. Хорошая вещь сон, так как это единственное время, когда человек бывает вполне счастливым. Однако, прежде чем уснуть навеки, мне хотелось бы взглянуть на ту *Cypripedium*.

— Черт побери вашу *Cypripedium*! — воскликнул я и выбежал из хижины, чтобы сказать Самми, что если он не перестанет стонать, то я проломлю ему голову.

— Пал духом! Кто мог подумать это, о Квотермейн! — бормотал

Стивен, закуривая свою трубку.

Утро прошло, по замечанию Самми, как «смазанная жиром молния». Наступило три часа. Мавово и охотники принесли в жертву духам своих предков козленка, что, как снова заметил Самми, было «ужасной языческой церемонией, которая будет поставлена им в вину, когда мы предстанем перед высшими силами».

После жертвоприношения, к моей радости, явился Бабемба. У него был такой веселый вид, что я подумал, что он принес самые лучшие известия. Быть может, король помиловал нас или, лучше того, в самом деле прибыл брат Джон.

Но не произошло ничего подобного. Бабемба сказал нам, что он велел произвести разведку по дороге, шедшей к побережью, и что на ней не оказалось ни следа Догиты. Поэтому казнь, очевидно, будет совершена сегодня, так как Черный Слон, подстрекаемый Имбоцви, приходит все в большую и большую ярость. А так как на него, Бабембу, возложена обязанность руководить постановкой столбов, к которым мы будем привязаны, и рытьем могил у их основания, то он пришел пересчитать нас, чтобы не ошибиться в их числе. Если мы хотим, чтобы с нами были похоронены какие-нибудь вещи, мы должны указать ему их и можем быть уверены, что он позаботится, чтобы наше желание было исполнено. Казнь окончится скоро и не будет мучительной, так как для исполнения ее он выберет самых лучших стрелков в городе Безу, которые очень редко делают промахи.

Поговорив еще немного о других делах, как, например, где он может найти данный ему мною магический щит, который он всегда будет хранить как память, Бабемба взял у Мавово понюшку табаку я ушел, сказав, что вернется в надлежащее время.

Потеряв теперь всякую надежду на спасение, я вошел в одну из хижин, чтобы наедине с собою приготовиться встретить смерть так, как это подобает джентльмену. Сидя здесь, в полумраке и тишине, я почти совсем успокоился.

«К чему мне, в конце концов, цепляться за жизнь?» — думал я. Потом я написал несколько коротких прощальных писем в надежде, что они каким-нибудь образом дойдут до тех, кому они адресованы (у меня до сих пор сохранились эти письма).

Покончив с этим, я попробовал сосредоточить свои мысли на брате Джоне, чтобы уведомить его (как это некогда вышло у меня) о нашем положении и упрекнуть его в том, что он своей безумной беспечностью и недостатком веры довел нас до такого конца.

В то время как я был занят этим, пришел с воинами Бабемба, чтобы отвести нас к месту казни. Об его приходе сообщил мне Ханс. Бедный старый готтентот пожал мне руку и вытер свои глаза рукавом своей потертой куртки.

— Ох, баас, — сказа он, — это наш последний путь! Бааса убьют, и все из-за меня, так как я должен был найти какой-нибудь выход. Ведь для этого я и нанят. Но я ничего не мог сделать. Моя голова стала такой глупой. О, если бы я только мог свести счеты с Имбоцви. Ноя расплачусь, расплачусь с ним, когда вернусь сюда в виде духа. А пока я принес баасу вот что, — (он показал мне нечто похожее на особенно вредные конские бобы). — Баас примет это и ничего не будет чувствовать. Это очень хорошее снадобье, которое дед моего деда получил от духа своего племени. Баас уснет от него как пьяный и проснется в прекрасном огне другого мира, который горит без дров и никогда не гаснет.

— Нет, Ханс, я предпочитаю умереть с открытыми глазами.

— Я тоже предпочел бы это, баас, если бы можно было увидеть что-нибудь хорошее. Но я больше не могу верить в змею этого черного глупца Мавово. Если бы это была умная змея, она должна была бы посоветовать ему не идти в город Безу. Поэтому я проглочу один из этих шариков и предложу другой баасу Стивену (он положил эту грязную смесь себе в рот и с усилием проглотил ее, словно молодой индейский петух, глотающий слишком большой кусок).

После этого, услышав, что Стивен зовет меня, я покинул Ханса, посылавшего на разных языках выразительные проклятия по адресу Имбоцви, которого он вполне справедливо считал виновником нашей гибели.

— Наш друг говорит, что уже пора идти, — несколько взволнованно сказал Стивен (по-видимому, трагизм положения сказался наконец и на нем), указывая на старого Бабембу, который, весело улыбаясь, стоял с таким видом, будто собирался проводить нас на свадьбу.

— Да, белый господин, уже пора. Я поспешил сюда, чтобы не заставить вас ждать. Зрелище будет очень интересным, так как соберется не только все население города Безу и его дальних окрестностей, но сам Черный Слон почтит его своим присутствием.

— Придержи свой язык и перестань скалить зубы, старый дурак, — сказал я. — Если бы ты не был ложным другом, ты выручил бы нас из этого положения, так как ты хорошо знаешь, что мы не торговцы людьми, но скорее враги тех, кто занимается такими делами.

— О белый господин! — сказал Бабемба изменившимся голосом. —

Поверь мне, что я улыбаюсь лишь для того, чтобы поддержать ваш дух до конца. Мои уста смеются, но в глубине души я плачу. Я знаю, что вы хорошие люди, и говорил об этом Бауси, но он не верит мне, думая, что я подкуплен вами. Что я могу поделать с этим злым Имбоцви, главным колдуном, который ненавидит вас, потому что считает вас лучшими, чем он, колдунами. Он день и ночь шепчет в ухо королю, что если тот не убьет вас, то весь наш народ будет истреблен и продан в рабство, так как вы лазутчики большого войска, идущего за вами. Вчера вечером Имбоцви устроил большое гадание. Он прочел это — и еще больше того — в заколдованной воде и показал в ней все это королю. Я тоже смотрел через его плечо, но ничего не видел, кроме отраженного в ней безобразного лица Имбоцви. Он также клялся, что его дух сообщил ему о смерти Догиты, кровного брата короля, и поэтому Догита никогда больше не придет в город Безу. Я сделал все что мог. Сохрани ко мне доброе отношение, Макумазан, и не посещай меня в виде духа. При удобном случае я отомщу Имбоцви, если только он сам не отравит меня. О, он умрет не так быстро, как вы!

Видя искренность Бабембы, я пожал ему руку и передал ему написанные мною письма с просьбой попытаться доставить их на побережье. После этого мы отправились в свой последний путь.

Зулусские охотники уже были за изгородью хижин. Они спокойно сидели на земле, болтали и нюхали табак. Мне очень хотелось знать, происходит ли это потому, что они в самом деле верят в змею Мавово, или от их природного мужества.

При виде меня они вскочили на ноги, подняли свои правые руки и приветствовали меня громкими, бодрыми восклицаниями: «Инкоози! Баба! Инкоози! Макумазан!» Потом, по знаку, поданному Мавово, они запели зулусскую военную песню и пели ее до тех пор, пока мы не достигли места казни. Самми тоже «пел», но его пение носило совсем иной характер.

— Замолчи! — сказал ему я. — Неужели ты не можешь умереть так, как это подобает мужчине?

— Не могу, мистер Квотермейн, — ответил он и продолжал вопить о пощаде приблизительно на двадцати различных языках.

Стивен и я шли рядом. Он по прежнему нес английский флаг, которого его никто не пытался лишить. Я думаю, что мазиту считали этот флаг его фетишем.

Говорили мы мало. Один только раз Стивен сказал:

— Да, любовь к орхидеям иногда может привести к худшему концу. Хотелось бы мне знать, сохранит ли отец мою коллекцию или продаст ее?

Идти нам пришлось недалеко. Лично я предпочел бы более

длительную прогулку. Пройдя с нашей стражей по некоему подобию переулка, мы внезапно очутились на рыночной площади, которая была переполнена народом, собравшимся посмотреть на нашу казнь. Я заметил, что все собравшиеся на площади стоят в определенном порядке, образуя посередине широкий проход, ведущий к южным воротам рынка, я полагаю, для того, чтобы облегчить движение столь большой толпе.

Встретили нас почтительным молчанием, хотя завывания Самми вызывали у некоторых улыбку, в то время как пение зулусской военной песни возбуждало удивление.

В конце площади, недалеко от ограды королевского жилища, стояло пятнадцать столбов на таком же числе возвышений. Эти возвышения были сделаны с тем расчетом, чтобы зрелище казни было видно всем. Земля для них была взята (по крайней мере, частью) из пятнадцати глубоких могил, вырытых у их подножия.

Столбов, собственно говоря, было семнадцать, так как по обоим концам всей линии стояло по особому широкому столбу, которые предназначались для двух ослов, по-видимому тоже приготовленных к расстрелу. На открытом месте перед столбами стояло большое число воинов. Тут же находились Бауси, его советники, некоторые из его жен, Имбоцви, раскрашенный отвратительнее обыкновенного, и, вероятно, пятьдесят или шестьдесят отборных стрелков из лука с большим запасом стрел. Нам нетрудно было догадаться о роли последних в предстоящей церемонии...

— Король Бауси! — сказал я, проходя мимо короля мазиту. — Ты убийца, и небо отомстит тебе за это преступление. Если прольется наша кровь, то ты скоро умрешь и встретишься с нами там, где мы имеем силу, а народ твой будет истреблен!

Мои слова, казалось, испугали его, так как он ответил:

— Я не убийца! Я казню вас за то, что вы похищаете людей. Кроме того, к смерти приговорил вас не я, а Имбоцви, главный колдун, сказавший мне о вас все. Его дух говорит, что все вы должны умереть, если не появится и не спасет вас мой брат Догита. Если Догита придет (что невозможно, ибо он мертв) и поручится за вас, я буду знать, что Имбоцви злостный лжец, и вместо вас умрет он.

— Да, да, — запищал Имбоцви. — Если придет Догита, как предсказывает этот ложный колдун, — он указал на Мавово, — то должен буду умереть вместо вас я, белые работоторговцы. Да, да, тогда вы можете расстрелять меня из луков!

— Король и народ мазиту! Запомните эти слова, ибо они должны быть

исполнены, если придет Догита, — твердым голосом сказал Мавово.

— Я помню их, — ответил Бауси — и клянусь моею матерью за весь народ в том, что они будут исполнены, если только придет Догита.

— Хорошо! — воскликнул Мавово, направляясь твердой поступью к указанному ему столбу.

По дороге он что-то шепнул Имбоцви на ухо, что, по-видимому, испугало это исчадие сатаны, так как он отшатнулся и задрожал. Однако он скоро оправился и через минуту начал отдавать приказание тем, на кого была возложена обязанность привязать нас к столбам.

Это было сделано просто: наши руки были связаны позади столбов, из которых каждый был снабжен двумя выступающими вперед кусками дерева, проходившими у нас под мышками и лишавшими нас возможности шевелиться. Стивен и я были помещены на почетном месте. Английский флаг, по требованию Стивена, был укреплен на верхушке его столба. Мавово был привязан справа от меня, остальные зулусы — по обе стороны от нас. Ханс и Самми занимали крайние столбы (к самым крайним были привязаны бедные ослы). Я заметил, что Ханс был очень сонный; вскоре после того как он был привязан, его голова опустилась на грудь. Очевидно, на него подействовало снадобье, и я почти раскаивался в том, что не принял, когда имел возможность, небольшое количество этого снадобья.

Когда все было готово, Имбоцви начал обходить столбы и осматривать, хорошо ли мы привязаны. Кроме того, он на груди каждого из нас рисовал мелом кружок — род мишени для удобства стрелков.

— А, белый человек! — сказал он, разрисовывая мелом мою охотничью куртку. — Больше никому ты не сожжешь волосы своим магическим щитом. Никому и никогда, ибо я буду попирать ногами землю, в которой ты будешь лежать, и твое имущество будет принадлежать мне!

Я ничего не ответил. Что было толку говорить с этим гнусным животным? Имбоцви подошел к Стивену и начал разрисовывать его. Стивен, возмущенный, закричал:

— Убери прочь свои грязные руки! — и, подняв ногу, которая не была привязана, нанес раскрашенному колдуну такой сильный удар в живот, что тот полетел в находившуюся позади него могилу.

— Да! Хорошо сделано, Вацела! — воскликнули зулусы. — Мы надеемся, что ты убил его.

— Я тоже надеюсь на это, — сказал Стивен.

Толпа зрителей была крайне изумлена, видя такое обращение со священной особой главного колдуна, которого, по-видимому, все очень боялись. Только Бабемба весело улыбался, да и король Бауси не проявлял

особенного неудовольствия.

Но убить Имбоцви было не так легко. С помощью других негодяев — младших колдунов — он с проклятиями выкарабкался из могилы, весь в грязи, покрывавшей ее дно.

После этого я перестал обращать внимание на все окружающее. Видя, что мне остается жить всего полчаса, я занялся другим.

XI. Прибытие Догиты

В этот день солнечный закат был так же красив, как и восход. Надвигалась гроза, которой в Африке всегда завершается большое скопление туч. Солнце заходило, словно большой красный глаз, на который внезапно опустилось черное веко — облако с бахромой пурпурных ресниц. «В последний раз смотрю я на тебя, старый дружище», — думал я.

Сумерки сгущались. Король оглядел небо, будто опасаясь дождя, потом что-то шепнул Бабембе, который кивнул головою и направился к моему столбу.

— Белый господин! — сказал он. — Слоны желают знать, готов ли ты, так как скоро станет слишком темно для стрельбы?

— Нет, — решительно ответил я. — Я буду готов не раньше чем через полчаса после заката солнца, как это было условлено. Бабемба отправился к королю, потом снова вернулся ко мне.

— Белый господин! Король говорит, что уговор остается уговором и он сдержит свое слово. Только ты не должен бранить его, если стрельба будет плохой. Он не знал, что вечер будет таким пасмурным, так как в это время года редко бывает гроза.

Становилось все темнее и темнее. Мы были словно среди лондонского тумана. Густые толпы народа казались берегами, а стрелки из луков, сновавшие взад и вперед, готовясь к стрельбе, — тенями подземного царства. Раз два блеснула молния, сопровождавшаяся после некоторой паузы отдаленными раскатами грома. Воздух становился душным и тяжелым. Никто в толпе не говорил и не двигался. Даже Самми прекратил свои стоны, — я полагаю потому, что выбился из сил и лишился чувств, как это бывает с осужденными перед самой казнью. Все носило какой-то торжественный отпечаток. Природа, казалось, присоединилась к общему настроению и приготовила для нас величественный покров...

Наконец я услышал звук луков, вынимавшихся из колчанов, потом пискливый голос Имбоцви:

— Подождите, пока не поднимется вот это облако, — говорил он. — За ним есть свет. Тогда вам будет виднее.

Облако начало очень медленно подниматься. Из-под него полился зеленоватый свет.

— Можно ли стрелять, Имбоцви? — спросил голос начальника стрелков из лука.

— Нет еще, нет. Не стреляйте до тех пор, пока народ не сможет видеть, как они умрут.

Облако поднялось еще выше. Зеленоватый свет, отбрасываемый заходящим солнцем, превратился в огненно-красный и отражался на густой черной туче вверху. Казалось, будто весь ландшафт пылал, между тем как небо над нами носило по-прежнему чернильный оттенок. Снова сверкнула молния, осветившая лица многотысячной толпы зрителей. Эта вспышка молнии, казалось, зажгла край нависшего облака. Свет становился все сильнее и сильнее, все краснее и краснее.

Имбоцви издал звук, похожий на шипение змеи. Я услышал звон спущенной тетивы, и почти в этот самый момент в мой столб, как раз над моей головой, вонзилась стрела. Приподнявшись немного, я легко мог коснуться ее головой. Я закрыл глаза. Мне начали представляться разные странные вещи, о которых я уже давно забыл. Все как бы поплыло вокруг меня. Среди напряженного молчания я слышал тяжелый топот ног какого-то животного, будто бежал внезапно потревоженный большой жирный олень. Кто-то испуганно вскрикнул — это заставило меня открыть глаза. Прежде всего я увидел отряд диких стрелков, поднявших свои луки. Очевидно, первая стрельба была пробной. Потом я увидел высокую фигуру, сидевшую на белом быке, который быстро бежал по направлению к нам через проход, шедший от южных ворот рыночной площади.

Я понимал, конечно, что это бред, так как эта фигура была удивительно похожа на брата Джона. Та же длинная седая борода, та же сетка для ловли бабочек, которой он, казалось, погонял быка. На нем был венок из каких-то цветов, которыми были также украшены большие рога

быка. По обеим сторонам его, спереди и позади, бежали девушки, тоже украшенные венками. Это не что иное, как видение... Я снова закрыл глаза, ожидая роковой стрелы...

— Стреляйте! — послышался писк Имбоцви.

— Нет, не стреляйте! — закричал Бабемба. — Догита пришел!

Последовала короткая пауза, во время которой я услышал звук падавших на землю стрел. Потом из нескольких тысяч ртов вырвался крик:

— Догита! Догита пришел, чтобы спасти белых господ!

Я должен сознаться, что после этого мои нервы не выдержали, и я на несколько минут потерял сознание.

Во время моего обморока мне казалось, что я говорю с Мавово. Было ли это на самом деле или только пригрезилось мне — не знаю, так как я потом забыл спросить об этом Мавово.

Он говорил (или мне казалось, что он говорит):

— Что ты теперь скажешь, отец мой Макумазан? Стоит ли моя змея на своем хвосте или нет? Ответь мне, я слушаю. На это я будто бы ответил:

— Мавово, сын мой, конечно, теперь мне это ясно. Однако я все это считаю плодом нашего воображения. Мы живем в мире грез, где нет ничего реального кроме того, что мы можем видеть, осязать и слышать. Нет ни меня, ни тебя, ни змеи, нет ничего, кроме Силы, в которой мы движемся. Эта Сила показывает нам различные образы и картины и смеется, когда мы принимаем их за существующие в действительности.

На это Мавово будто бы сказал мне:

— А! Наконец-то ты договорился до истины, отец мой Макумазан! Все вещи — тень, и мы тени в тени. Но что отбрасывает тень, о мой отец Макумазан? Почему нам кажется, что Догита приехал сюда на белом быке и что все эти тысячи людей думают, что моя змея очень твердо стоит на своем хвосте?

— Пусть меня повесят, если я знаю это, — отвечал я и очнулся.

Да, это, без сомненья, был старый брат Джон с венком (я с отвращением увидел, что он сделан из орхидей), вакхически свисавшим с измятого солнечного шлема над его левым глазом. Он был вне себя от гнева и яростно бранил Бауси, который чуть не ползал перед ним. Я тоже был сильно раздражен и бранил брата Джона. Что я говорил ему — не помню.

Его седая борода тряслась от негодования, когда он кричал на Бауси, грозя ему рукояткой своей сетки для ловли бабочек.

— Ты собака! Ты дикарь, которого я спас от смерти и назвал своим братом! Что ты собирался сделать с этими белыми людьми, которые действительно мои братья, и их слугами? Ты хотел убить их? О, если бы ты

это сделал, я забыл бы о нашем союзе и...

— Перестань, прошу тебя, перестань, — говорил Бауси. — Это ужасная ошибка. Во всем виноват не я, а главный колдун Имбоцви, которому я, по древнему обычаю нашей страны, должен повиноваться в таких делах. Он посоветовался со своим духом и объявил, что ты умер и что эти белые господа — самые злые из всех людей, работорговцы с запятнанной совестью, которые пришли сюда как лазутчики, чтобы потом истребить народ мазиту с помощью пуль и колдовства.

— Он лгал, — гремел брат Джон, — и знал, что лжет!

— Да, да, ясно, что он лгал, — отвечал Бауси. — приведите сюда его и тех, кто служит ему.

Теперь, при свете луны, ярко сиявшей на небе (грозовая туча рассеялась с последним отблеском солнца), воины начали усердно разыскивать Имбоцви и его приверженцев. Они поймали восемь или десять этих отвратительных на вид людей, раскрашенных так же, как и их руководитель, но самого Имбоцви никак не могли найти.

Я уже начал думать, что он бежал, воспользовавшись суматохой, как вдруг из дальнего конца линии столбов (мы все еще были привязаны) послышался голос Самми, правда хриплый, но теперь совсем веселый. Он говорил:

— Мистер Квотермейн! Будьте добры в интересах правосудия уведомить его величество, что вероломный колдун, которого он ищет, сидит на дне могилы, вырытой для моих бранных останков.

Я сообщил об этом королю, и через минуту наш старый друг Имбоцви был извлечен из могилы сильными руками Бабембы и его воинов и приведен к королю.

— Освободите белых господ и их слуг, — приказал Бауси. — Пусть они придут сюда.

Наши узы были развязаны, и мы направились к тому месту, где стоял король и брат Джон. Несчастный Имбоцви и его помощники сбились перед ними в кучу.

— Кто это? — просил его Бауси, указывая на брата Джона. — Не ты ли клялся, что его уже нет в живых?

Имбоцви, по-видимому, не думал, что этот вопрос требует ответа.

— А какую песню пел ты недавно в наши уши? — продолжал Бауси. — Ты говорил, что если Догита придет, то ты готов быть расстрелянным из луков вместо этих белых господ. Не правда ли?

Снова Имбоцви ничего не ответил, хотя Бабемба угостил его здоровенным пинком, чтобы он повнимательнее отнесся к словам короля.

Тогда Бауси закричал:

— Ты осудил себя, о лжец, своими же устами. С тобой поступят так, как ты сам это решил. Возьмите этих ложных пророков, — прибавил он словами пророка Илии, восторжествовавшего над жрецами Ваала^[111], — и смотрите, чтобы никто из них не убежал. Правильно ли я поступил, о народ?

— Правильно! — дружно ответила толпа.

— Непопулярен среди них Имбоцви, — задумчиво сказал мне Стивен.
— Он попал в ту самую яму, которую рыл для нас.

— Кто оказался ложным пророком? — насмешливо спросил Мавово среди последовавшей тишины. — Кто теперь испробует стрел, о рисовальщик белых пятен? — он указал на мишень, которую так злорадно нарисовал на его груди Имбоцви для удобства стрелков из лука.

Видя, что все потеряно, этот горбатый негодяй ухватился за мою ногу и начал молить меня о пощаде. Он так жалобно просил меня, что я, будучи уже смягчен самим фактом нашего чудесного избавления от смерти, был готов простить его. Я обернулся к королю, чтобы попросить его подарить колдуну жизнь, хотя мало надеялся на исполнение своей просьбы, так как видел, что Бауси боится и ненавидит этого человека и весьма рад случаю избавиться от него. Но Имбоцви понял мое движение совсем иначе, так как отвернуться от просителя означает у диких отказ в просьбе. Тогда, полный ярости и отчаяния, он вскочил на ноги и, выхватив из своих колдовских принадлежностей большой кривой нож, бросился на меня, словно дикая кошка, с криком:

— По крайней мере, со мною погибнешь и ты, белая собака! К счастью, Мавово следил за ним. Едва только нож коснулся меня (он слегка оцарапал мне кожу, не вызвав при этом крови, что было весьма счастливым обстоятельством, так как он, вероятно, был отравлен), он схватил своей железной рукой Имбоцви и, как ребенка, швырнул его на землю. После этого, конечно, все было кончено.

— Уйдем отсюда, — сказал я Стивену и брату Джону, — здесь нам не место.

Мы ушли без затруднения и незаметно для всех, так как внимание всего города Безу было теперь сосредоточено на другом. С рыночной площади до нас доносились такие ужасные крики, что мы поспешно вошли в мою хижину и заперли за собою двери, чтобы не слышать их. В хижине было темно, но я был чрезвычайно рад этому, так как мрак хорошо действовал на мои нервы.

Вскоре ужасные крики утихли, сменившись сдержанным гулом толпы.

Мы вышли из хижины и уселись под навесом. В этот момент появился, наконец, брат Джон. Тут я представил ему Стивена Коммерса.

— Теперь скажите мне на милость, — сказал я, — откуда явились вы увенчанным цветами, словно римский жрец во время жертвоприношения, и верхом на быке, словно молодая особа, которую звали Европой?^[112] Зачем вы сыграли с нами такую злую шутку в Дурбане, уехав оттуда и не сказав никому ни слова, после того как условились проводить нас в эту дьявольскую дыру?

Брат Джон погладил свою длинную бороду и с упреком посмотрел на меня.

— Мне кажется, Аллан, — ответил он со своим американским акцентом, — что тут вышло недоразумение. Прежде всего, я отвечу на последнюю часть вашего вопроса. Я не уехал из Дурбана, не сказав никому ни слова. Я оставил вам письмо у вашего садовника, хромого гриква Джека.

— В таком случае, этот дурак либо потерял его и солгал мне, как это часто бывает с гриква, либо вовсе забыл о нем.

— Весьма возможно. Мне следовало подумать об этом, Аллан. В этом письме я писал вам, что буду ждать вас здесь в течение шести недель. Кроме того, я отправил к королю Бауси гонца, чтобы предупредить о вашем приходе на случай, если я опоздаю, но, по-видимому, с моим гонцом что-то случилось по дороге.

— Почему вы не подождали нас в Дурбане, чтобы отправиться вместе нами? — спросил я.

— Вы спрашиваете меня прямо, Аллан, и я отвечу вам, хотя мне не хотелось бы говорить об этом. Я знал, что вы отправитесь сюда через Килву. Этот путь, конечно, самый удобный для такого числа людей со столь большим багажом. Но мне не хотелось посещать Килву.

Он остановился на некоторое время, потом продолжал:

— Около двадцати трех лет тому назад я со своей молодой женой прибыл в Килву в качестве миссионера. Там я построил миссию и церковь и весьма успешно занимался своим делом. Мы были очень счастливы. И вот однажды в Килву прибыли арабы на своих доу, чтобы устроить здесь пункт для торговли невольниками. Я воспротивился этому. В конце концов они напали на нас, убили большую часть моих людей, а остальных обратили в рабство.

Во время этой схватки меня ранили саблей в голову — вот шрам, оставшийся после этой раны, — он откинул в сторону прядь своих длинных волос и показал нам большой шрам, ясно видимый при свете луны. — Удар ошеломил меня, и я лишился чувств — это было вечером,

при закате солнца. Когда я очнулся, уже был день. Все ушли, за исключением одной женщины, которая ухаживала за мной. Она почти обезумела от горя, так как ее муж и двое сыновей были убиты арабами, а третий сын и дочь были похищены. Я спросил, где моя молодая жена. И в ответ услышал, что она тоже похищена часов восемь или десять тому назад. Арабы заметили в море огни и, думая, что это английский военный корабль, крейсирующий вдоль побережья, поспешно ушли в глубь страны. Прежде чем бежать, они добились раненых, но не тронули меня, так как думали, что я мертв.

Сама же старая женщина спряталась от арабов в скалах на берегу и после их ухода вернулась в дом, где нашла меня чуть живым. Я спросил ее, куда уведена моя жена. Она ответила, что не знает, но слышала, что арабы направились куда-то за сотню миль от берега для встречи со своим предводителем, негодяем по имени Хассан-бен-Магомет, которому они намерены подарить мою жену. Мы знали этого негодяя, так как по прибытии в Килву, до открытия ими враждебных действий против нас, он заболел оспой, и моя жена ухаживала за ним во время болезни. Если бы не она, он наверняка умер бы. Во время нападения на нас он — хотя и был предводителем всей шайки — отсутствовал, будучи занят набегом внутри страны. Эти ужасные новости так потрясли меня, что я, уже обессиленный потерей крови, снова лишился сознания. Очнулся я только спустя два дня на борту голландского торгового судна, шедшего в Занзибар. Арабы видели огни этого судна и приняли его за английский военный корабль. Оно остановилось в Килве, чтобы запастись водой. Матросы, найдя меня едва живым на веранде дома, из сострадания перенесли меня на свое судно. Старой женщины они не видели. Я полагаю, что при их приближении она убежала. В Занзибаре я почти умирающим был передан священнику нашей миссии. В его доме я долгое время лежал в почти безнадежном состоянии.

Прошло шесть месяцев, прежде чем мой рассудок пришел в нормальное состояние. Некоторые и теперь считают меня ненормальным, быть может в числе них и вы, Аллан. Рана, нанесенная мне в голову, зажила после того, как один весьма искусный английский морской хирург удалил из нее осколки раздробленной кости. Силы снова вернулись ко мне. Я был и остался до настоящего времени американским подданным. В те дни в Занзибаре не было американского консула (да и теперь вряд ли есть) и, тем более, американских военных судов. Английские власти предприняли кое-что, но они ничего не могли сделать, так как области, прилегавшие к Килве, находились во власти арабских работорговцев, поддерживаемых разбойником, называвшим себя занзибарским султаном.

Он снова остановился, охваченный своими печальными воспоминаниями.

— Вы больше никогда не слышали о своей жене? — спросил Стивен.

— Слышал в Занзибаре от одного невольника, купленного и отпущенного на свободу нашей миссией. Он говорил, что видел одну женщину, отвечавшую моему описанию, в некоем месте, которого я не мог точно установить. Он мог сказать только то, что оно находится в пятнадцати днях пути от побережья. Она находится у черных людей неизвестного племени, которые, по-видимому, нашли ее в кустарнике. Он заметил, что эти черные относятся к ней с большим почтением, хотя не понимают ее речи.

Вскоре он был взят в плен арабами, которые, как он узнал впоследствии, разыскивали эту белую женщину. На следующий день человек, рассказавший мне это, заболел воспалением легких; будучи чрезвычайно слабым после пережитого в неволе, он не перенес болезни и вскоре умер. Теперь вы понимаете, почему мне не хотелось ехать через Килву.

— Да, — сказал я, — теперь нам стало ясно это и многое другое, о чем мы поговорим потом. Но откуда вы теперь появились и как случилось, что вы прибыли как раз вовремя?

— Я направился сюда кружным путем, который покажу вам на карте, — ответил он. — По дороге с моей ногой произошло маленькое несчастье (здесь Стивен и я посмотрели друг на друга), которое заставило меня пролежать в кафрской хижине целых шесть недель. Поправившись, я не мог хорошо ходить и поэтому начал ездить на приученных мною к этому быках. Белый бык, которого вы видели, последний из них. Остальные погибли от укусов мухи цеце. Смутное опасение, которого я не могу определить, заставило меня ехать сюда как можно скорее. В течение двадцати четырех часов я ехал почти без остановки. Достигнув сегодня утром земель мазиту, я нашел их пустыми. Некоторые женщины и девушки узнали меня и украсили этими цветами. Они сказали мне, что все мужчины ушли в город Безу на какое-то большое торжество. Что было причиной этого торжества — они не знали. Я поспешил сюда и, слава Богу, прибыл как раз вовремя. Все это очень длинная история. Подробности ее я расскажу вам потом. Теперь вы слишком устали. Но что это за шум?

Я прислушался и узнал ликующее пение зулусских охотников, которые возвращались с дикого зрелища, имевшего место на рыночной площади. Они пришли во главе с Самми, который теперь совсем не был похож на прежнего плачущего Самми, шедшего около двух часов тому назад на

казнь. Теперь он был в весьма веселом настроении духа. На его шее висела связка амулетов, по-видимому принадлежавшая Имбоцви.

— Мистер Квотермейн! Это наша военная добыча, — сказал он, указывая на украшения покойного колдуна.

— Убирайся вон, мерзкий щенок! — сказал я. — Мы больше ничего не хотим знать. Лучше пойдите и приготовьте нам поужинать.

Он вышел, ничуть не смутившись. Охотники принесли с собой какой-то большой предмет, оказавшийся телом Ханса.

Вначале я испугался, думая, что он мертв, но после внимательного осмотра увидел, что он находится в состоянии, похожем на опьянение от опиума. Брат Джон приказал завернуть его в одеяло и положить у огня. Потом к нам подошел Мавово и уселся перед нами на корточки.

— Ну что скажешь мне, отец мой Макумазан? — спросил он.

— Слова благодарности, Мавово. Если бы не ты, Имбоцви прикончил бы меня. Его нож едва задел меня, не проколов даже кожи.

Мавово махнул рукою, как бы желая сказать, что не придает значения такой малой услуге, и спросил, смотря мне прямо в глаза:

— А что ты скажешь о моей змее?

— То, что ты оказался прав, — смущенно ответил я. — Все произошло так, как ты предсказывал, но почему — я не знаю.

— Это потому, мой отец, что вы, белые люди, так тщеславны. Вы думаете, что только вы одни обладаете всею мудростью. Теперь ты видишь, что это не так. Теперь я доволен. Все ложные колдуны мертвы, мой отец, и я думаю, что Имбоцви...

Я поднял руку в знак того, что не хочу слушать подробностей. Мавово встал с легкой улыбкой и вышел:

— Что он хотел сказать, упомянув о какой-то змее? — с любопытством спросил брат Джон.

Я рассказал ему, сколь возможно коротко, о предсказании Мавово и спросил его, не может ли он это объяснить. Он отрицательно покачал головой.

— Самый странный из всех местных случаев ясновидения, о каких я когда-либо слышал, — ответил он, — и в то же время весьма полезный.

Потом мы ужинали. Я думаю, что это был один из самых приятных ужинов в моей жизни. Удивительный вкус приобретает пища для человека, который уже больше никогда не рассчитывал ужинать. Потом все улеглись спать, и я остался в обществе Ханса, находившегося в бесчувственном состоянии.

Я сидел у огня и курил, чувствуя, что не смогу уснуть. Мне мешал

шум, доносившийся из города, где мазиту, по-видимому, торжествовали по поводу казни колдунов или по случаю возвращения Догиты.

Вдруг Ханс проснулся и сел, смотря на меня через огонь, в который я только что подложил дров.

— Баас, — сказал он глухим голосом, — мы оба здесь, у прекрасного огня, который никогда не гаснет. Но почему мы не внутри этого огня, как обещал отец бааса, а около него, на холоде?

— Потому что ты еще жив, старый дурак, хотя и не заслужил этого, — ответил я. — Змея Мавово сказала правду, и Догита пришел согласно ее предсказанию. Все мы живы, а у столбов погибли Имбоцви и его приспешники. Все это ты видел бы, если бы не наглотался своего грязного снадобья, словно трусливая баба, боящаяся смерти, которую в твоём возрасте следовало бы приветствовать.

— Ох, баас, — прервал меня Ханс, — не надо говорить, что мы действительно живы и по-прежнему пребываем в мире, который почтенный отец бааса называл тыквенной бутылкой, наполненной слезами. Не надо говорить мне, что я сделался трусом и проглотил эту мерзость, от которой у меня теперь так сильно болит голова. Не надо говорить мне о приходе Догиты, раз мои глаза не были открыты, чтобы видеть его. Хуже всего то, что я не мог видеть Имбоцви и его приспешников привязанными к столбам и не мог помочь им перебраться из бутылки со слезами в огонь, который никогда не гаснет. О, это слишком много для меня! Клянусь, баас, что отныне я всегда буду встречать смерть с открытыми глазами, — и, обхватив обеими руками свою разболевшуюся голову, он горестно закачался назад и вперед.

Ханс был чрезвычайно огорчен тем, что обо всем происшедшем он узнал последним.

Охотники дали ему новое длинное имя, которое означало: «Маленькая Желтая Мышь Которая Спит В То Время Как Черные Крысы Пожирают Своих Врагов». Над ним насмехался даже Самми, показывающий ему трофеи, отнятые им у беспомощного Имбоцви. Впоследствии оказалось, что он добыл их тогда, когда колдун был уже мертв.

Все это было очень забавно до тех пор, пока дело не приняло такой оборот, что я, опасаясь, как бы Ханс не убил Самми, вынужден был положить веселым шуткам конец.

XII. История брата Джона

Я встал до восхода солнца, несмотря на то что лег спать очень поздно. Сделал я это главным образом потому, что хотел поговорить наедине с братом Джоном, который, как я знал, вставал очень рано. Я не встречал человека, который бы спал меньше него. Войдя в его хижину, я нашел его, как и ожидал, уже на ногах. Он занимался при свече прессованием цветов.

— Джон, — сказал я, — я принес вам вещи, которые, мне кажется, вы потеряли.

С этими словами я вручил ему переплетенную в сафьян книгу «Христианский год» и акварельный портрет молодой женщины, найденные мною в ограбленном миссионерском доме в Килве. Он посмотрел сначала на портрет, потом на книгу. Я вышел из хижины, чтобы полюбоваться восходом солнца. Через несколько минут брат Джон позвал меня к себе, и когда я снова вошел в хижину, он спросил меня нетвердым голосом:

— Где вы нашли эти вещи, Аллан?

Я рассказал ему всю историю от начала до конца. Он выслушал меня, не проронив ни слова, и, когда я кончил, сказал:

— Я должен сказать вам, хотя, быть может, вы об этом догадываетесь, что это портрет моей жены, и эта книга принадлежит ей.

— Принадлежит ей?... — воскликнул я.

— Да Аллан. Я говорю «принадлежит» потому, что убежден в том, что она жива. Я не могу сказать, на чем основывается это убеждение, так же, как не могу объяснить, каким образом дикарь зулус сумел точно предсказать мой приход. Иногда нам удается вырвать у неведомого какую-нибудь тайну. Я верю, что моя жена жива до сих пор.

— Спустя двадцать лет, Джон?

— Да, спустя двадцать лет. Как вы думаете, — спросил он почти свирепо, — зачем я под видом сумасшедшего брожу среди африканских дикарей, которые почитают безумных и не причиняют им вреда?

— Я думаю, для того, чтобы собирать бабочек и растения.

— Бабочек и растения! Это только предлог. Я искал и ищу свою жену. Вам это может показаться безумием, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что, когда мы расстались, она ждала ребенка, но я верю, Аллан, что она живет среди какого-нибудь дикого племени.

— В таком случае, быть может, лучше было бы не искать ее, — ответил я, подумав при этом о судьбе, постигавшей в те времена белых

женщин, которые, спасшись от кораблекрушения, попадали в руки кафров и делались их женами.

— Нет, Аллан. Того, о чем вы думаете, я не боюсь. Если Бог спас мою жену, то он также защитил ее от всяких несчастий. Теперь вы понимаете, — прибавил он, — почему я хочу посетить этих понго, почитающих белую богиню...

— Понимаю, — сказал я и покинул его, так как, зная теперь все, я считал наилучшим не продолжать этот мучительный разговор.

Мне представлялось совершенно невероятным, чтобы его жена могла быть жива до сих пор. Открытие, что ее уже нет на свете, тяжело отразилось бы на брате Джоне.

Когда мы завтракали, Ханс, все еще страдавший от головной боли и раскаяния и прятавшийся за воротами от насмешек своих товарищей, вполз к нам в хижину, словно побитая собака, и объявил, что к нам идет Бабемба в сопровождении большого числа воинов, несущих тюки и ящики. Я приготовился встретить их, но потом вспомнил, что, по странному туземному обычаю, брат Джон является самым важным из нас лицом. Поэтому я отошел в сторону и попросил его занять мое место. Он поспешно допил свой кофе и, немного отойдя от нас, остановился в позе статуи. Бабемба и его спутники приблизились к нему, ползя на четвереньках. Остальные воины тоже держались по-рабски, насколько это позволяла им ноша.

— О король Догита, — сказал Бабемба, — твой брат король Бауси возвращает оружие твоим детям, белым людям, и посылает им подарки.

— Рад слышать это, Бабемба, — сказал брат Джон, — хотя лучше бы было, если бы его вовсе не отбирали. Сложи все здесь и встань на ноги. Я не люблю, когда люди ползают предо мной, словно обезьяны.

Приказание брата Джона было немедленно исполнено. Мы пересчитали оружие, патроны и прочее, отобранное у нас. Ничего не пропало, ничто не было испорчено. В придачу к нашим вещам тут было четыре великолепных слоновых клыка — подарки Стивену и мне, которые я, будучи человеком практичным, охотно принял, — несколько кожаных плащей и оружие мазиту в дар Мавово и охотникам, великолепная туземная кровать с ножками из слоновой кости — подарок Хансу за его способность спать при самых исключительных обстоятельствах (услышав это, зулусы громко захохотали, а Ханс с проклятиями исчез за хижинами) и для Самми — волшебный музыкальный инструмент, с просьбой в будущем пользоваться им при публике вместо своего голоса. Я должен прибавить, что Самми не понял шуток, как Ханс, но все мы вполне оценили юмор

мазиту.

— Напрасно смеются эти чернокожие дети, мистер Квотермейн, — сказал он. — В таких случаях от тихих молитв мало толку. Я убежден, что только мой громкий плач был услышан небом, спасшим нас от языческих стрел.

— О Догита и белые господа! — сказал Бабемба. — Король приглашает вас к себе, чтобы попросить у вас извинения за происшедшее. На этот раз вам не надо брать с собой оружие, так как отныне вы можете считать себя среди мазиту в полной безопасности.

Мы немедленно отправились к королю, захватив с собой отвергнутые им подарки. Наше шествие к королевским хижинам вышло весьма торжественным. При нашем прохождении народ склонялся перед нами, хлопая в знак приветствия в ладоши. Дети и девушки бросали в нас цветы, словно мы были новобрачными. Мы проходили мимо места казни, где все еще стояли столбы (могилы были засыпаны), на которые, признаться, я смотрел с содроганием.

Когда мы пришли к Бауси, он и его советники встали и поклонились нам. Больше того, король подошел к брату Джону, взял его за руку и потерся своим уродливым черным носом о нос своего почетного гостя. Это, по-видимому, заменяло у мазиту объятия — честь, которой брат Джон, казалось, совсем не оценил. Потом последовали длинные речи, после которых мы пили густое туземное пиво.

Бауси объяснил, что все зло происходило от покойного Имбоцви и его учеников, от тирании которых уже давно стонала вся земля мазиту.

Брат Джон принял за всех нас извинение Бауси, потом прочел ему целую лекцию или, вернее, проповедь, занявшую ровно двадцать пять минут. В этой проповеди он говорил о зле, происходящем от суеверия, и указывал на лучший, более возвышенный путь. Бауси ответил, что он охотно поговорит об этом пути в другой раз. Найти этот путь будет весьма легко (принимая во внимание, что остаток своих дней мы проведем с ним) — хотя бы на будущую весну, когда будет посеян хлеб и у мазиту будет много свободного времени. После этого мы поднесли ему наши подарки, которые он на этот раз принял весьма охотно. Потом я взял слово и объяснил Бауси, что мы далеки от намерения остаться на всю жизнь в городе Безу и хотим в самом непродолжительном времени отправиться в Землю Понго. При этом лицо короля и его советников приняло печальное выражение.

— Послушай меня, о господин Макумазан, — сказал он. — Эти понго представляют большой и могущественный народ, который живет среди

болот и ни с кем не смешивается. Если им удастся поймать кого-нибудь из мазиту или людей какого-нибудь другого племени — они либо убивают их, либо уводят в свою землю, где обращают их в рабов или приносят в жертву демонам, которых почитают.

— Это правда, — вмешался Бабемба, — когда я был очень молодым, я был в плену у понго, которые хотели принести меня в жертву Белому Дьяволу. Спасаясь от них, я потерял этот глаз.

Нет нужды говорить, что я принял к сведению это замечание, хотя нашел текущий момент неудобным для дальнейших расспросов. Если Бабемба был в Земле Понго, подумал я, он может снова отправиться туда или, по крайней мере, показать нам дорогу.

— Если нам удастся поймать кого-нибудь из понго, — продолжал Бауси, — что случается, когда они выходят на охоту за рабами, мы убиваем их. С тех пор как мазиту живут в этом месте, между ними и понго всегда были ненависть и война. Я был бы счастлив, если бы мог уничтожить это злое племя.

— Это тебе не удастся, о король, пока жив Белый Дьявол, — сказал Бабемба. — Разве ты не слышал о пророчестве понго, которое гласит, что это племя будет существовать до тех пор, пока жив Белый Дьявол и цел Священный Цветок? Но когда умрет Белый Дьявол и перестанет цвести Священный Цветок, тогда всем им придет конец.

— Я полагаю, — сказал я, — что этот Белый Дьявол когда-нибудь да умрет.

— Нет, Макумазан. Сам собою он никогда не умрет. Подобно их нечестивому жрецу, он жил и будет жить до тех пор, пока его не убьют. Но кто сможет убить Белого Дьявола?

У меня мелькнула мысль, что я не прочь попытаться сделать это, но я не высказал ее.

— Брат мой Догита и белые господа! — воскликнул Бауси. — Посетить страну этих колдунов вы сможете только во главе большого войска. Но как я могу послать с вами войско, если у мазиту нет лодок, чтобы переправить его через большое озеро, и нет деревьев, из которых можно было бы построить их?

Мы ответили, что не знаем, но потом обсудим этот вопрос, так как мы пришли сюда с целью посетить понго и постараемся осуществить это.

Потом аудиенция окончилась, и мы вернулись в свои хижины, оставив Догиту поговорить с «братом Бауси» относительно здоровья последнего. Проходя мимо Бабембы, я сказал ему, что хочу увидаться с ним наедине. Он ответил, что зайдет ко мне вечером, после ужина. Остаток дня прошел

спокойно, так как мы попросили, чтобы народ держался в стороне от наших хижин.

Дома мы застали Ханса (он не сопровождал нас к королю, так как стеснялся показаться в публичном месте) за чисткой ружей. Это мне кое о чем напомнило. Позвав Мавово, я взял двуствольное ружье, о котором говорил, и вручил его зулусу со словами:

— Оно твое, о истинный пророк!

— Да, отец мой, — ответил он, — на некоторое время оно мое, но потом оно, быть может, снова станет твоим.

Эти слова поразили меня, но я не стал допытываться у Мавово о их значении. Мне больше не хотелось слышать его пророчеств. Потом мы пообедали, а остаток дня проспали, так как все мы, включая брата Джона, очень нуждались в отдыхе.

Вечером пришел Бабемба, и мы, трое белых, остались с ним наедине.

— Расскажи нам, Бабемба, о понго и о Белом Дьяволе, которого они почитают, — сказал я.

— Макумазан, — ответил он, — с тех пор как я был в их стране, прошло пятьдесят лет, и все, что случилось там со мною, я вижу словно сквозь туман. Однажды, когда мне было двенадцать лет, я ловил рыбу в камышах. Вдруг приплыли в лодке какие-то люди высокого роста, одетые в белое, которые схватили меня. Они привезли меня в город, где было много других таких же людей, и обращались со мною хорошо. Они давали мне вкусную пищу, от которой я сделался жирным и кожа моя начала лосниться. Однажды вечером меня повели куда-то далеко. Мы шли всю ночь и наконец пришли к большой пещере. В этой пещере сидел страшный старик, вокруг которого плясали ряженые люди, исполнявшие обряд Белого Дьявола. Старик сказал мне, что на следующий день меня зажарят и съедят и что для этого меня и откармливали. У входа в пещеру, около которой была вода, находилась лодка. Когда все уснули, я подполз к этой лодке. В то время как я отвязывал ее, один из жрецов проснулся и подбежал ко мне. Я ударил его веслом по голове, и он упал в воду. Я был смел и силен, хотя был мальчиком. Он вынырнул из воды и ухватился за край моей лодки. Тогда я стал бить его веслом по пальцам до тех пор, пока он не разжал их. В эту ночь дул сильный ветер, ломавший ветки на деревьях, которые росли на другом берегу воды. Он завертел лодку, и одна из веток попала мне в глаз. В то время я почти ничего не почувствовал, но потом глаз вытек. Не знаю, быть может, тогда мне в глаз попало копье или нож. Я греб веслом до тех пор, пока не потерял сознания. Последнее, что я помню, это шелест камышей, через которые ветер гнал мою лодку. Когда я пришел в себя, то

увидел, что нахожусь недалеко от берега, до которого я легко добрался вброд, спугнув при этом двух крокодилов. Но это, вероятно, было спустя несколько дней после моего бегства, так как я увидел, что сильно исхудал. На берегу я снова лишился чувств. Там меня нашли люди нашего племени, которые заботились обо мне, пока я не поправился. Вот и все.

— И вполне для нас достаточно, — сказал я. — Теперь скажи мне, как далеко находится город понго от того места, где ты был взят в плен?

— На расстоянии целого дня пути в лодке, Макумазан. Я был взят в плен рано утром, и только к вечеру мы достигли того места, где было привязано много лодок. Их было около пятидесяти, и некоторые из них могли вместить до сорока человек.

— А как далеко от пристани до города?

— Они находятся рядом, Макумазан.

— Не слышал ли ты чего-нибудь о земле, лежащей за водою, которая протекает около пещеры? — спросил брат Джон.

— Да, Догита. Я слышал тогда или некоторое время спустя (время от времени до нас доходят слухи об этих понго), что это остров, где растет Священный Цветок, о котором ты знаешь; ибо когда ты был здесь в последний раз, у тебя был такой цветок. Я слышал также, что за этим цветком присматривают жрица, называемая Матерью Цветка, и ее служанки, которые все девственны.

— А кто эта жрица?

— Не знаю. Но я слышал, что она выбирается из тех, которые рождаются белыми, несмотря на то, что их родители черные. Если у понго родится девочка белой или с маленькими глазами, или глухонемой, то ее отделяют от других, и она становится служанкой жрицы. Но этой жрицы теперь, должно быть, уже нет в живых, так как в то время, когда я был очень молодым, она была старой, очень старой, и понго были очень обеспокоены, так как среди них не было женщины с белой кожей, которая могла бы занять место старой жрицы после ее смерти. Наверно, она уже умерла. Много лет тому назад в земле понго был большой праздник (во время которого было съедено много рабов), так как жрецы нашли новую прекрасную жрицу с белой кожей, желтыми волосами и ногтями надлежащего вида.

Тут я подумал, что эти поиски жрицы, называемой Матерью Цветка и обладающей особыми приметами, напоминают поиски быка Аписа^[113] в древнем Египте, о которых рассказывает Геродот^[114]. Однако я тогда ничего не сказал, так как брат Джон вдруг спросил:

— А эта жрица тоже умерла?

— Не знаю, Догита, но думаю, что нет. Если бы она умерла, до нас дошел бы слух о празднестве съедения мертвой Матери.

— Съедение мертвой Матери?! — воскликнул я.

— Да, Макумазан. У понго существует священный закон, по которому тело Матери Цветка после ее смерти должно быть разделено между людьми, имеющими право на священную еду.

— Но Белого Дьявола не едят? — спросил я.

— Нет, ибо, как я уже говорил тебе, он никогда не умрет. Он причиняет другим смерть, которую, без сомнения, ты найдешь, если отправишься в Землю Понго, — мрачно прибавил Бабемба.

«Клянусь честью, — подумал я, когда наш разговор окончился, так как Бабембе больше нечего было рассказывать, — если бы дело касалось только меня, я охотно оставил бы в покое понго и их Белого Дьявола». Потом, вспомнив об отношении брата Джона к этому вопросу, я со вздохом решил покориться своей судьбе. Но судьба была на его стороне.

На следующий день, рано утром, Бабемба снова пришел к нам.

— Произошла удивительная вещь, господа, — сказал он. — Вчера вечером мы говорили о понго, а сегодня утром, на заре, от них прибыло посольство.

— С какой целью? — спросил я.

— С предложением заключить мир между их народом и мазиту. Да, они пришли просить Бауси отправить к ним послов для заключения продолжительного мира. Как будто кто-нибудь согласиться пойти к ним! — прибавил он.

— Быть может, кто-нибудь и согласится, — ответил я, так как мне в голову пришла одна мысль. — Однако надо пойти к Бауси.

Через полчаса мы сидели в королевской загородке. Когда мы шли к королю, между мною и братом Джоном произошел такой разговор:

— Не приходила ли вам мысль, Джон, — спросил я, — что вам сейчас представляется, быть может, самый удобный случай посетить Землю Понго? Из мазиту туда, пожалуй, никто не пойдет, так как они боятся ловушки. Вы, будучи кровным братом Бауси, можете сыграть роль чрезвычайного посла, мы же будем вашей свитой.

— Я уже думал об этом, Аллан, — ответил он, поглаживая свою длинную седую бороду.

Мы сидели среди нескольких главных советников короля. Вскоре Бауси вышел из своей хижины в сопровождении брата Джона и, поздоровавшись с нами, приказал привести послов понго. Вошло несколько

светлокожих людей высокого роста, с правильными семитическими чертами, одетых, как арабы, в белое и носивших золотые и медные кружки на шее и запястьях. Коротко говоря, это были представительные люди, резко отличавшиеся от обыкновенных жителей Центральной Африки. Но в их наружности было нечто, внушавшее одновременно страх и отвращение. Я должен прибавить, что их копья были оставлены снаружи изгороди, окружавшей королевские хижины. Послы, сложив руки на груди, с достоинством поклонились королю.

— Кто вы, и что вам нужно? — спросил Бауси.

— Я — Комба, — ответил их предводитель, еще совсем молодой человек с блестящими глазами, — Комба, принятый богами, который, быть может, в скором времени станет Калуби народа понго, а это — мои слуги. Я пришел сюда с дарами дружбы по желанию священного Мотомбо, верховного жреца богов.

— Я думал, что Калуби жрец ваших богов, — прервал его Бауси.

— Нет, Калуби — король понго, так же как ты — король мазиту. Мотомбо же, которого мы редко видим, — король духов и уста богов. — Бауси кивнул по-африкански головой, т.е. поднял вверх подбородок, не опуская его.

Калуби продолжал:

— Я отдался в твои руки, полагаясь на твою честь. Если хочешь, можешь убить меня, хотя от этого ты ничего не выиграешь, так как мое место займет другой, ожидающий очереди стать Калуби.

— Разве я понго, чтобы убивать послов и поедать их? — спросил саркастическим тоном Бауси, и этот вопрос, как я заметил, несколько задел послов понго.

— Ты ошибаешься, король! Понго едят только тех, кого выбирает Белый бог. Это религиозный обряд. К чему есть людей тем, у кого есть много скота?

— Не знаю, — проворчал Бауси — но у нас есть один человек, который может рассказать совсем другую историю, — он посмотрел на Бабембу, который беспокойно зашевелился.

Комба тоже посмотрел на него своими свирепыми глазами.

— Трудно допустить, — сказал он, — чтобы кто-нибудь стал есть такого старого, костлявого человека. Но оставим это. Я благодарю тебя, король, за то, что ты обещаешь нам безопасность. Я пришел сюда просить тебя, чтобы ты отправил к нам послов для переговоров с Калуби и Мотомбо о заключении продолжительного мира между нашими народами.

— Почему же Калуби и Мотомбо сами не пришли сюда для

переговоров? — спросил Бауси.

— Потому что, о король, закон не позволяет им покидать свою страну. Поэтому они послали меня, будущего Калуби. Слушай! Между нами в течение многих лет была война. Она началась так давно, что только Мотомбо знает от богов, когда она возникла. Некогда народ понго владел всей этой землей, а за водой находились только наши священные места. Потом пришли ваши предки, напали на понго, многих из них перебили, многих захватили в плен и сделали своими рабами, а их женщин сделали своими женами. Теперь Мотомбо и Калуби говорят: пусть вместо войны будет мир, пусть там, где был бесплодный песок, произрастают злаки и цветы, пусть мрак, в котором блуждают и гибнут люди, сменится приятным светом, и наши народы протянут друг другу руки!

Его красноречие, признаться, произвело на меня впечатление. Но Бауси, по-видимому, смотрел на это поэтическое предложение с мрачным подозрением.

— Перестаньте убивать людей нашего племени и брать их в плен для принесения в жертву Белому Дьяволу, и тогда через год или два мы сможем внять твоим речам, которые сдобрены медом, — сказал он. — Теперь же они кажутся нам западней. Однако, если кто-нибудь из наших советников захочет посетить вашего Мотомбо и Калуби и послушать, что они скажут, — я не запрещу ему этого. Скажите, о советники, кто из вас хочет сделать это? Не говорите все разом, но по одному и поскорее, так как первый, кто выскажет желание отправиться послом к понго, будет удостоен этой чести.

Мне казалось, что я никогда не слышал более невозмутимой тишины, чем та, которая наступила после этого приглашения. Каждый из присутствовавших смотрел на своего соседа, но никто из них не проронил ни слова.

— Как? — удивленно воскликнул Бауси. — Никто ничего не говорит? Что ж, все вы люди мирные. Но что скажет великий вождь Бабемба?

— Я скажу, о король, что однажды, когда я был очень молодым, я побывал в Земле Понго, будучи затащен туда за волосы, и потерял там глаз. Поэтому я не пойду туда добровольно.

— Как видишь, о Комба, никто из моих советников не хочет быть послом. Поэтому, если Мотомбо и Калуби хотят переговорить о мире, то пусть сами придут сюда.

— Я уже сказал тебе, о король, что это невозможно.

— Если так, то все кончено, о Комба! Отдохни, поешь нашей пищи и вернись в свою землю.

Тогда брат Джон встал со своего места и сказал:

— Мы кровные братья, Бауси, и потому я могу говорить за тебя. Если ты и эти понго согласны, то я и мои друзья не боимся посетить Мотомбо и Калуби, чтобы переговорить с ними о мире от имени твоего народа, так как мы любим посещать новые земли и незнакомые нам племена. Скажи, Комба, примете ли вы нас как послов, если король даст нам на это свое согласие?

— Король волен назначать своим послом кого захочет, — ответил Комба. — Калуби слышал о прибытии в Землю Мазиту белых господ и велел передать им, что будет рад, если они захотят сопровождать посольство. Только, когда вопрос был передан на решение Мотомбо, оракул сказал так: пусть белые люди придут к нам, если хотят, но только пусть не берут с собою своих железных труб, больших и малых, которые с шумом изрыгают дым и причиняют смерть на расстоянии. Им не нужно будет добывать себе пропитание с помощью оружия, так как пища будет даваться им в изобилии. Среди понго они будут в полной безопасности, если только не нанесут оскорбление богам.

Эти слова Комба произнес очень медленно и выразительно, устремив на меня свои пронизательные глаза, будто желая угадать мои сокровенные мысли.

Когда я услышал это, храбрость покинула меня. Я знал, что Калуби приглашает нас в Землю Понго для того, чтобы мы убили Белого Дьявола, угрожающего его жизни, который, насколько я понял, был чудовищной обезьяной. Но что мы сможем поделать с этой обезьяной или с каким-нибудь другим страшным зверем, если при нас не будет огнестрельного оружия?

— О Комба! — сказал я. — Мое ружье для меня — отец, мать, жена — вся моя родня. Без него я никуда не двинусь.

— В таком случае тебе, белый господин, — ответил Комба, — лучше всего остаться здесь со своим семейством, ибо если ты попробуешь взять его с собою в Землю Понго, ты будешь убит, лишь только ступишь ногой на наш берег.

Прежде чем я успел ответить на это, заговорил брат Джон.

— Вполне понятно, — сказал он, — что великий охотник Макумазан не хочет расстаться со своим ружьем, которое для него то же, что палка для хромого. Иное дело я. В продолжение многих лет я не применял оружия и не убивал ничего, созданного Богом, за исключением немногих яркокрылых насекомых. Я готов посетить вашу страну, имея при себе только это, — он указал на сетку для ловли бабочек, прислоненную к изгороди.

— Хорошо. Ты встретишь у нас самый радушный прием, — сказал Комба, и мне показалось, что в его глазах мелькнула радость.

Потом последовала пауза, во время которой я объяснил все Стивену, указав при этом на безумность предложения брата Джона. Но, к моему ужасу, в этом юноше снова заговорило природное упрямство.

— Мне кажется, Квотермейн, — сказал он, — что мы не можем позволить этому старику идти одному. По крайней мере, не могу допустить этого я. Вы — другое дело. У вас есть сын, который зависит от вас. Но даже не принимая во внимание того факта, что я хочу добыть... — он уже был готов сказать «орхидею», как я подтолкнул его локтем.

Конечно, это может показаться смешным, но у меня явилось опасение, как бы Комба каким-нибудь тайным путем не понял смысла его слов.

— В чем дело? — спросил Стивен. — А, понимаю! Но ведь этот болван не понимает по-английски. Итак, если брат Джон пойдет в Землю Понго, я тоже пойду с ним, если же не пойдет — я пойду один.

— Упрямый молодой осел! — пробормотал я.

— Что говорит этот молодой господин? Он хочет побывать в нашей стране? — спросил Комба, с дьявольской проницательностью догадавшийся о намерении Стивена.

— Он говорит, что он мирный путешественник, желающий посмотреть вашу страну и поискать в ней золота, — ответил я.

— Хорошо. Он посмотрит ее. В ней есть золото, — он коснулся браслета на своей руке. — Мы дадим ему столько золота, сколько он сможет унести с собой. Но, быть может, белые господа хотят обсудить это наедине? Тогда позволь нам, король, удалиться на некоторое время.

Пять минут спустя мы сидели в «большом доме короля» с самим Бауси и Бабембой. Мы с Бауси умоляли брата Джона отказаться от своего намерения. Бабемба называл это решение безумным, ибо он, знающий понго, чует в воздухе запах коварства и убийства. Брат Джон мягко отвечал, что он бесповоротно решил воспользоваться этим посланным ему небом случаем посетить одно из немногих незнакомых ему мест Африки. Стивен, зевая и обмахиваясь платком (в хижине было очень жарко), заявил, что, забравшись так далеко с целью достать редкий цветок, он не намерен возвращаться с пустыми руками.

— Я вижу, Догита, — сказал наконец Бауси, — что для путешествия у тебя есть какая-то причина, которую ты скрываешь от меня. Но я удержу тебя силой.

— Если ты это сделаешь, я порву с тобой наше братство, — ответил брат Джон. — Не пытайся, Бауси, узнать того, что скрыто от тебя, но

подожди до тех пор, пока этого не откроет будущее.

Бауси только застонал в ответ. Бабемба заявил, что Догита и Вацела околдованы и что только один я, Макумазан, остался в здравом уме.

— Итак, решено! — воскликнул Стивен. — Джон и я отправимся послами к понго, а вы, Квотермейн, останетесь здесь с охотниками и багажом.

— Молодой человек, — ответил я, — вы хотите меня оскорбить? Вы думаете, что я покину вас после того, как ваш отец оставил вас на мое попечение? Если пойдете вы оба, то пойду и я, хотя бы мне пришлось идти в чем мать родила. Но позвольте мне сказать вам, что я смотрю на вас обоих как на сумасшедших и что вы вполне заслуживаете быть съеденными понго. Подумать только, что я в своем возрасте должен добровольно идти к дикарям-людоедам, не имея при себе даже пистолета, и голыми руками сражаться с неведомым зверем! Что ж, ничего не поделаешь! Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

— Правильно, совершенно правильно! — заметил Стивен.

Ох, с каким удовольствием я надрал бы ему уши! Мы снова вышли во двор, куда были призваны Комба и его свита. На этот раз они пришли с подарками, которые состояли из двух прекрасных слоновых клыков (из чего я заключил, что их страна не со всех сторон окружена водою, так как слоны вряд ли могли бы водиться на острове), золотого порошка в тыквенной бутылке и нескольких медных браслетов, показывающих, что страна понго богата металлами; белого, хорошо вытканного полотна и нескольких красиво раскрашенных горшков, свидетельствовавших о художественных вкусах этого народа. Мне очень хотелось узнать, откуда они приобрели эти вкусы и каково вообще происхождение этого племени. На эти вопросы я никогда не нашел ответа и думаю, что понго сами не смогли бы на них ответить.

Совет возобновился. Бауси объявил, что трое белых господ со своими слугами (я настоял на последнем) согласны отправиться без огнестрельного оружия в Землю Понго в качестве послов, чтобы обсудить условия мира между двумя народами и, особенно, вопросы, касающиеся торговли и заключения браков. Комба особенно настаивал на включении последнего. Он же, Комба, от имени Мотомбо и Калуби, духовного и светского правителей своей страны, гарантирует нам полную безопасность при условии, что мы не оскорбим богов понго. Кроме того, он поклялся, что мы будем доставлены целыми и невредимыми в Землю Мазиту спустя шесть дней после того, как покинем ее берега.

Бауси сказал, что это хорошо, и прибавил, что пошлет пятьсот

вооруженных людей сопровождать нас до того места, откуда мы отплывем, и встретит нас по возвращении. Кроме того, он сказал, что если нам будет причинен какой-нибудь вред, то он будет воевать с понго до тех пор, пока не найдет способа истребить их всех. Мы расстались, порешив отправиться в наше путешествие на следующее утро.

XIII. Город Рика

Мы покинули город Безу не раньше чем через двадцать четыре часа, так как Бабембе (на которого была возложена обязанность проводить нас до условленного места) понадобилось время, чтобы собрать отряд в пятьсот человек и запастись провизией.

Тут я должен упомянуть, что, вернувшись в свои хижины, мы застали в них двух наших носильщиков-мазиту, Тома и Джерри, сытно поевших, но выглядевших несколько усталыми. Оказалось, что покойный колдун Имбоцви, желая избавиться от свидетелей в нашу пользу и в то же время боясь по той или иной причине убить их, отправил их в отдаленную часть страны, где они содержались под стражей. Когда весть о падении и смерти Имбоцви и его приспешников широко распространилась повсюду и дошла до них, они были освобождены и немедленно вернулись к нам, в город Безу.

Мы, конечно, должны были объявить нашим слугам о предполагаемой нами экспедиции в Страну Понго. Услышав об этом, они покачали головой, а когда узнали, что мы обязались не брать с собой ружей, то буквально онемели от изумления.

— Kranisk! Kranisk!^[115] — воскликнул Ханс, обращаясь к остальным и выразительно хлопал себя по лбу. — Они заразились от Догиты, который ловит сеткой насекомых и не носит при себе ружья, чтобы не убивать дичь. Ясно, что они заразились!

Охотники закивали головой в знак согласия, а Самми молитвенно воздел руки к небу. Один Мавово, казалось, отнесся к этому равнодушно.

Потом возник вопрос, кто из них будет сопровождать нас.

— Что касается меня, — сказал Мавово, — то я пойду с моим отцом Макумазаном, ибо и без ружья я достаточно силен и могу сражаться копьем, как сражались до меня мои предки.

— Я тоже пойду с баасом Квотермейном, — проворчал Ханс, — ибо и без ружья я обладаю хитростью, которой обладали до меня мои предки.

— За исключением того времени, когда ты, Пятнистая Змея, принимаешь свои снадобья и погружаешься в сон, — насмешливо сказал один из зулусов. — А прекрасную кровать, которую прислал тебе король, ты возьмешь с собой?

— Нет, сын глупца! — ответил Ханс. — Я оставляю ее тебе, который не понимает, что во мне спящем больше мудрости, нежели в тебе

бодрствующем.

Оставалось решить, кто будет третьим. Так как слуги брата Джона не годились для этого (один из них заболел, а другой трусил), то Стивен предложил взять Самми, главным образом потому, что тот умел приготовить пищу.

— Нет, мистер Коммерс, нет! — горячо запротестовал Самми. — Я не могу согласиться на это. Приглашать человека, умеющего жарить мясо в страну, где его самого могут зажарить, — все равно, что кипятить детеныша в молоке его родительницы.

Мы оставили его в покое и после некоторого обсуждения остановились на Джерри, человеке довольно смелом и сметливом, который охотно согласился сопровождать нас к понго.

Остальную часть дня мы провели в приготовлениях, над которыми, хотя они и были несложными, надо было подумать. К моей досаде, Ханс, в помощи которого я нуждался, куда-то исчез. Когда он наконец появился, я спросил его, где он был. Он ответил, что срезал в лесу палку, так как, насколько он понял, нам предстоит далекий путь. При этом он показал мне весьма увесистую дубину из твердого бамбука, растущего в этих местах.

— Зачем тебе такая большая дубина? — спросил я. — Ведь кругом так много хороших палок.

— Новое путешествие требует новой палки, баас! Кроме того, эта порода дерева включает в себе много воздуха. Моя палка может помочь мне держаться на воде в случае, если мы опрокинемся.

На заре следующего дня мы двинулись в путь. Стивен и я ехали верхом на ослах, которые теперь отдохнули и подкормились. Брат Джон ехал верхом на своем белом быке, весьма послушном животном, сильно привязанном к своему хозяину. Все охотники в полном вооружении провожали нас до границы Земли Мазиту, где они вместе с отрядом мазиту, должны были ожидать нашего возвращения. Сам король проводил нас до западных ворот города, где он простился со всеми нами и особенно сердечно — с братом Джоном. Кроме того, он послал за Комбой и его свитой и еще раз поклялся, что если нам будет причинен какой-нибудь вред, то он не успокоится до тех пор, пока не найдет средства окончательно истребить всех понго.

— Не бойся, — холодно сказал ему Комба, — в нашем священном городе Рике не привязывают гостей к столбам, чтобы расстрелять их из луков.

Меткий ответ раздражил Бауси, не любившего вспоминать об этом случае.

— Если белым людям ничего не грозит, то почему ты не позволяешь им взять с собой ружья? — несколько непоследовательно спросил он.

— Помогли бы им ружья, о король, если бы мы задумали причинить им зло? Разве мы не могли бы перехитрить их, как сделал это ты, когда решил убить этих белых господ? У понго есть закон, по которому такое магическое оружие не допускается в их страну.

— Почему? — спросил я, чтобы переменить разговор, так как видел, что Бауси становится весьма раздраженным, и боялся осложнений.

— Нам было предсказано, мой господин Макумазан, что когда в Земле Понго выстрелит оружие, боги покинут нас и Мотомбо, их жрец, умрет. Это предсказание очень древнее и не так давно никто не знал, что оно означает, ибо оно говорило о «полом копье, которое испускает дым», а такое оружие не было нам известно.

— Это интересно, — сказал я, пожалев, что мы не сможем осуществить этого пророчества, что, как сказал, печально качая головою, Ханс, было «очень жаль, очень жаль».

Через три дня путешествия по неровной местности, постепенно понижавшейся от высокого плоскогорья, на котором был расположен город Безу, мы пришли к озеру, носившему название Кируа — слово, которое, кажется, означает «место острова».

Самого озера нам не было видно из-за густых зарослей высокого камыша, покрывавшего мелкую воду на протяжении целой мили от берега. Кое-где через него проходили тропинки, проложенные гиппопотамы, выходящими по ночам пастись на берег. Однако с вершины высокого холма, имевшего вид кургана, виднелись темно-голубые воды, а далеко за ними в бинокль можно было увидеть покрытую деревьями вершину горы. Я спросил Комбу, что представляет собою эта гора, и он ответил, что это дом богов в Стране Понго.

— Каких богов? — снова спросил я, на что Комба ответил, словно черный Геродот, что говорить о них запрещено законом.

Я редко встречал человека, у которого было бы труднее что-нибудь выпытать, нежели у этого холодного Комбы, совершенно непохожего на африканца.

На вершине холма мы водрузили самый высокий, какой только могли найти, шест, на верхушке которого укрепили английский флаг. Комба подозрительно спросил, зачем мы это сделали, и я, решив показать этой несимпатичной личности, что у нас так же трудно что-либо выпытать, как и у него, ответил, что это божество нашего племени и что всякий, кто причинит ему вред или оскорбит его, непременно умрет, как колдун

Имбоцви и его приспешники. Это, по-видимому, произвело на Комбу известное впечатление. Он даже поклонился флагу, когда проходил мимо него.

Мы же поставили этот флаг как веху или маяк, на случай, если нам придется возвращаться в это место без провожатых. Впоследствии эта предусмотрительность оказалась для нас спасительной (инициатором водружения флага был самый беспечный член нашей компании — Стивен). На ночь мы расположились лагерем у подножия холма. Бабемба и его воины, не обращавшие внимание на москитов, расположились ближе к озеру, как раз напротив широкого канала, проложенного через камыши гиппопотамами.

Я спросил Комбу, когда и как мы переправимся через озеро. Он ответил, что мы отправимся в дальнейший путь на заре следующего дня, так как в это время года ветер обыкновенно дует с берега по утрам, и что если погода будет благоприятной, мы достигнем города Рики до наступления ночи. Как это осуществится — он покажет мне, если я последую за ним. Я согласился на это, и он повел меня вдоль камышей в южном направлении ярдов за четыреста — пятьсот от лагеря.

По дороге произошел такой случай: огромный черный носорог, спавший в кустарнике в ярдах шестидесяти от нас, вдруг почуял наше присутствие и, по обыкновению этих животных, бросился на нас. При мне было тяжелое одноствольное ружье, так как мы еще не расстались с нашим оружием. При виде носорога Комба (его нельзя упрекать в трусости, так как у него было только копье) бросился бежать. Я взвел курок и ждал.

Ярдах в пятнадцати от меня носорог поднял голову — стрелять в него из-за рога было бесполезно — и я выстрелил ему в горло. Я думаю, что пуля попала прямо в сердце животного. По крайней мере, носорог перевернулся, как подстреленный кролик, и испустил дух почти у самых моих ног.

Это произвело на Комбу сильное впечатление. Он вернулся обратно. Он смотрел на мертвого носорога и на дыру в его горле; он смотрел на меня и на ружье, которое еще дымилось.

— Большой зверь равнин убит простым шумом! — бормотал он. — Убит в одно мгновение этой маленькой обезьяной, белым человеком, — (я мысленно поблагодарил его за комплимент), — и его колдовством! А Мотомбо поступил очень мудро, когда приказал... — тут он остановился.

— В чем дело, мой друг? — спросил я. Теперь ты видишь, что тебе незачем было бежать. Если бы ты стоял позади меня, ты оказался бы таким же целым и невредимым, как и теперь, после бегства.

— Да, господин Макумазан, но все это кажется мне таким необыкновенным. Прости меня, если я не понимаю этого.

— О, я охотно прощаю тебе, господин будущий Калуби. Ясно, что ты еще многое узнаешь от нас в Стране Понго!

— Да, мой господин Макумазан, так же, как, быть может, и ты, — сухо ответил он, снова овладев собой.

Я приказал прибежавшему на выстрел Мавово (по-видимому, он на всякий случай незаметно следовал за нами) позвать людей и ободрать носорога. После этого мы с Комбой продолжали нашу прогулку.

Несколько дальше, почти у самого тростника, я заметил узкую продолговатую канаву, вырытую в каменистой почве, и заржавелую жестянку из-под горчицы, наполовину прикрытую скудной травой.

— Что это? — удивленно спросил я.

— Ох, — ответил Комба, по-видимому еще не совсем оправившийся от изумления, — это то самое место, где господин Догита, кровный брат Бауси, устраивал свой полотняный дом, когда был здесь около двадцати лет тому назад.

— Вот как! — воскликнул я. — Он никогда не говорил мне, что бывал здесь. — (Это была неправда, но я не боялся лгать Комбе.) — Откуда тебе известно, что он был здесь?

— Его видел здесь один человек из нашего племени, ловивший в этих камышах рыбу.

— А, тогда все понятно, Комба. Но что за странное место для рыбной ловли! Так далеко от дома... Что он мог тут поймать? Когда у тебя будет время, Комба, ты расскажешь мне, что можно поймать в густом тростнике и в таком мелком месте.

Комба ответил, что как-нибудь на досуге он охотно расскажет мне об этом. Потом, чтобы избежать дальнейших расспросов, он побежал вперед и, раздвинув камыши, показал мне большую лодку, сделанную, по-видимому, с затратой большого количества труда из цельного ствола огромного дерева. Эта лодка могла вместить в себя до сорока человек. Она отличалась от большинства лодок, виденных мною в африканских озерах и реках, тем, что была снабжена мачтой, которая теперь была убрана. Я осмотрел ее и сказал Комбе, что это прекрасная лодка. Он ответил, что в городе Рике есть целая сотня таких лодок, хотя не все они так велики.

«Ага, — подумал я, когда мы шли обратно в лагерь. — Если считать в среднем по двадцати человек на каждую лодку, то племя понго, по-видимому, располагает двумя тысячами мужчин, способных грести». И действительно мой расчет впоследствии оказался удивительно

правильным.

На заре следующего дня мы с некоторыми задержками тронулись в путь. Начать с того, что среди ночи в палатку, где спал я, пришел старый Бабемба, который разбудил меня и в длинной речи просил меня отказаться от путешествия в Страну Понго. Он высказал убеждение, что понго хотят сыграть с нами скверную шутку и что все разговоры о мире — только предлог, чтобы заманить нас, белых людей, в свою страну, где мы, вероятно, по какому-нибудь религиозному поводу будем принесены в жертву их богам. Я ответил, что вполне согласен с ним, но не могу покинуть своих товарищей, которые настаивают на этом путешествии. Все, что остается мне сделать, это просить его быть наготове, чтобы помочь нам в случае затруднения.

— Я останусь здесь и буду ждать вас, мой господин Макумазан? — ответил он. — Но если вы попадете в западню, то смогу ли я переплыть это озеро, как рыба, или перелететь через него, как птица, чтобы освободить вас?

После его ухода пришел один из зулусских охотников, по имени Ганза, бывший в некотором роде помощником Мавово, и начал петь ту же самую песню. Он говорил, что я не должен идти без оружия в страну дьяволов, чтобы погибнуть там и оставить его и остальных зулусов одинокими в чужой стране. Я ответил, что придерживаюсь такого же мнения, но что Догита настаивает на путешествии, и я с ним не могу ничего поделать.

Наконец, пришел Самми и сказал:

— Мистер Квотермейн! Прежде чем вы окунетесь в этот глубокий колодец глупости, я прошу вас подумать об ответственности перед Богом за нас, ваших слуг, которые теперь только овцы, заблудившиеся вдали от своих домов. Кроме того, поймите, что если с вами что-нибудь случится, то вы останетесь должны мне жалование за два месяца, которое, вероятно, останется неуплаченным.

Я вынул из жестяного ящика небольшой кожаный мешок и отсчитал Самми следуемую ему сумму и, кроме того, жалование за три месяца вперед. К моему удивлению, он заплакал.

— Сэр, — сказал он, — мне не нужны деньги! Я только хотел сказать, что боюсь, как бы вас не убили эти понго. Я очень привязан к вам, сэр, но я слишком большой трус, чтобы отправиться в Страну Понго и погибнуть вместе с вами. Таким создал меня Бог. Но я прошу вас, мистер Квотермейн, не ходите туда, потому что, повторяю, я очень привязан к вам...

— Верю тебе, мой добряк, — ответил я ему, — я сам боюсь погибнуть. Однако надеюсь, что все окончится благополучно. А пока я отдам тебе,

Самми, на хранение этот ящик и все деньги, которые в нем. Если с нами что-нибудь случится, постарайся доставить его в Дурбан.

— Ох, мистер Квотермейн! — воскликнул он. — Своим доверием вы оказываете мне большую честь, особенно после того, как я был в тюрьме за... растрату при смягчающих вину обстоятельствах. Я скажу вам, мистер Квотермейн, что хотя я и трус, но скорее умру, нежели позволю кому-нибудь коснуться этой коробки.

— Я верю тебе, Самми, — сказал я. — Но я надеюсь, что, несмотря на опасность положения, никто из нас не погибнет.

Наконец настало утро, и мы все шестеро отправились к лодке, которая была выведена в открытый канал.

Здесь Комба и его товарищи подвергли нас некоторого рода таможенному досмотру. Они, очевидно, опасались, чтобы мы тайно не взяли с собой огнестрельного оружия.

— Ты ведь знаешь, какой вид имеют ружья, — с негодованием сказал я. — Разве ты видишь у нас в руках хоть одно из них? Кроме того, я даю тебе честное слово, что при нас нет их.

Комба учтиво поклонился и сказал, что, быть может, в нашем багаже случайно остались «маленькие ружья» (так называл он пистолеты). Он был весьма недоверчивым человеком.

— Развяжи весь багаж, — приказал я Хансу, который повиновался с поспешностью, показавшейся мне подозрительной. Я знал его скрытный характер, и это внезапное усердие казалось неестественным. Он начал с того, что раскатал свое одеяло, внутри которого оказалась коллекция самых разнообразных предметов. Я помню, что среди них были пара очень грязных панталон, помятая жестяная кружка, деревянная ложка, какими кафры едят, бутылка, наполненная какой-то сомнительной смесью, разные корни и другие туземные лекарства, старая трубка, подаренная ему мною и, наконец, огромная связка желтого листового табака, который мазиту разводят в большом количестве.

— Зачем тебе, Ханс, так много табака? — спросил я.

— Для нас, троих черных людей, баас. Мы будем его курить, нюхать и жевать. Быть может, там, куда мы отправляемся, окажется мало табака, а табак такая пища, с которой можно прожить много дней. Кроме того, он вызывает сон по ночам...

— Ох, довольно! — сказал я, боясь, что Ханс прочтет нам целую лекцию о незаменимых качествах табака.

— Желтому человеку нет надобности брать это растение в нашу страну, — сказал Комба, — так как у нас оно растет в изобилии. Зачем ему

обременять себя лишней ношей? — и он лениво протянул руку за табаком, по-видимому с целью осмотреть его. Однако в этот момент его внимание было привлечено узлом, только что развязанным Мавово. Он забыл о табаке (не знаю, умышленно или случайно) и занялся осмотром этого узла. Ханс же с удивительной быстротой снова скатал свое одеяло. Менее чем через минуту оно было связано ремнями и снова висело за спиной Ханса. У меня снова явилось подозрение, но мое внимание было отвлечено спором, возникшим между братом Джоном и Комбой по поводу сетки для ловли бабочек, в которой последний узрел род ружья. После этого возник новый спор из-за обыкновенной садовой лопатки, которую хотел взять с собой Стивен. Комба спросил, зачем ему она; Стивен ответил через брата Джона, что она нужна ему для выкапывания цветов.

— Цветов! — воскликнул Комба. — Один из наших богов — цветок. Не собирается ли белый господин выкопать нашего бога?

Конечно, именно таково было намерение Стивена. Спор стал таким горячим, что в конце концов я был вынужден объявить, что если наш багаж будут осматривать с такой подозрительностью, то, быть может, нам лучше всего отказаться от путешествия в Страну Понго.

— Мы дали слово, что не возьмем с собой огнестрельного оружия, — с возможно большим достоинством сказал я, — и этого тебе должно быть достаточно, Комба!

Тогда Комба, посоветовавшись со своими товарищами, оставил нас в покое. Очевидно, он очень желал, чтобы мы посетили Страну Понго. Наконец мы отплыли. Мы, трое белых и наши слуги, расположились на корме, на сиденьях, сделанных из травы. Комба и его люди заняли места на носу, взяли в руки широкие весла и, гребя и упираясь ими в дно, направили лодку вдоль по каналу, проложенному гиппопотамами через высокие, спутанные камыши, из которых с сильным шумом поднимались тучи уток и другой дикой птицы.

Спустя приблизительно четверть часа мы выбрались из зарослей в открытое глубокое озеро. Тогда в центре лодки был утвержден высокий шест, служивший мачтой, а на нем был поднят четырехугольный парус, сделанный из плотной 'циновки. Утренний ветер, дувший с берега, расправил его, и мы понеслись вперед со скоростью по крайней мере восьми миль в час. Берег, постепенно заволакиваемый дымкой, начал скрываться из виду, но над сгущавшимся туманом долго был виден флаг, который мы водрузили на холме. Постепенно уменьшался и он, пока не стал едва заметной маленькой точкой и наконец не исчез. По мере того как он становился все меньше и меньше, падало мое настроение, а когда он

исчез из вида, я почти совсем пал духом.

— Снова впутался ты, Аллан, в глупую историю, — сказал я себе. — Хотелось бы мне знать, сколько еще их суждено тебе пережить.

Другие, по-видимому, тоже чувствовали себя далеко не весело. Брат Джон пристально смотрел на гору — его губы шевелились, словно шептали молитву. Даже Стивен временно был в подавленном настроении.

Джерри спал, как обыкновенно делают это все туземцы, когда тепло и делать нечего.

Мавово имел весьма задумчивый вид. Я подумал, не советуется ли он снова со своей змеей, но не спросил его об этом. Со времени нашего избавления от казни я начал несколько бояться этого странного пресмыкающегося. В следующий раз, думал я, оно может предсказать нам скорую смерть, и я поверю этому предсказанию.

Что касается Ханса, то он имел очень озабоченный вид и яростно искал что-то в карманах своей ветхой куртки из бумажной материи, которая, судя по некоторым признакам, много лет тому назад украшала какого-нибудь английского егеря.

— Три! — донеслось до меня его бормотание. — Клянусь духом своего деда, их осталось только три!

— Чего осталось три? — спросил я его по-голландски.

— Три талисмана, баас, а между тем их должно быть двадцать четыре. Остальные вывалились через дыру, которую сам дьявол сделал в этой гнилой материи. Теперь мы не умрем от голода, не будем застрелены и не утонем, — по крайней мере, ни одна из этих вещей не случится со мною, — но еще остается двадцать один способ, которыми можно погубить нас, так как охраняющие от них талисманы потеряны. Таким образом...

— Перестань говорить вздор! — прервал я его и снова погрузился в свои печальные размышления.

Потом я лег спать. Проснувшись, я увидел, что полдень прошел и ветер начинает падать. Однако он держался, пока мы ели пищу, которую взяли с собой, после чего он окончательно упал. Тогда понго взяли за весла. По моей мысли мы предложили им свою помощь, так как мне пришло в голову, что нам следует научиться грести этими веслами.

Нам было дано шесть весел, и Комба, который, как я заметил, теперь начал говорить с нами несколько повелительным тоном, научил нас их применению. Вначале дело не клеилось, но три-четыре часа практики научили нас многому. Прежде чем наше путешествие окончилось, я увидел, что мы вполне сможем управлять лодкой, если это нам когда-либо понадобится.

Около трех часов пополудни показались довольно отчетливо берега острова (если только это действительно был остров, что для меня до сих пор осталось невыясненным), к которому мы направлялись. Вершина горы, стоявшей на расстоянии нескольких миль от берега, была видна за несколько часов до этого. Ее очертания я мог видеть в бинокль почти с самого начала нашего плавания.

Около пяти часов вечера мы вошли в глубокий залив, окаймленный с обеих сторон лесами, среди которых были обработанные поля и небольшие деревни обычного африканского типа.

Судя по небольшой величине деревьев, росших около возделанных мест, я заключил, что некогда (вероятно, в минувшей половине текущего столетия) такие места занимали значительно большее пространство. Я спросил Комбу о причине этого. Он ответил мне загадочным изречением, которое произвело на меня такое впечатление, что я занес его слова в свою записную книжку:

Когда умирает человек, умирает и хлеб. Человек есть хлеб, и хлеб есть человек.

Больше я ничего не мог от него добиться. Очевидно, он намекал на убыль населения в Земле Понго — обстоятельство, о котором ему не хотелось говорить.

После первых миль залив заметно сужался. В самом конце в него впадал небольшой поток. По обе стороны этого потока, через который во многих местах были переброшены грубо сделанные мосты, был расположен город Рика. Он состоял из множества больших хижин, крытых пальмовыми листьями и построенных из глины, или, вернее (как оказалось впоследствии), из озерной грязи, смешанной с сеченой соломой или травой.

Достигнув подобия набережной, укрепленной от напора волн вбитыми в тинистое дно сваями, к которым было привязано множество лодок, мы вышли на берег; как раз в это самое время солнце начало заходить. Наше прибытие было, без сомнения, замечено, так как едва мы приблизились к набережной, как на берегу затрубили в рог, на звук которого появилось множество людей, вышедших, я полагаю, из хижин. Они помогли нам причалить. Я заметил, что все они внешним видом и чертами лица были похожи на Комбу и его товарищей. Они так походили друг на друга, что их трудно было различать. По-видимому, все они были родственниками, благодаря частым бракам между членами одних и тех же семейств.

В наружности этих рослых холодных людей, одетых в белые одежды, было нечто, внушавшее страх, нечто неестественное, нечеловеческое. В

них совершенно отсутствовала обычная африканская веселость. Никто из них не говорил громко и не смеялся. Они не толпились вокруг нас, пытаясь потрогать руками нас или наше платье. По-видимому, никто из них даже не удивлялся. Они были молчаливы и смотрели на нас холодно, будто прибытие в их страну троих белых людей было самым обыденным явлением. Наше появление не произвело на них особенного впечатления, так как они слегка улыбались, глядя на белую бороду брата Джона и на мои торчащие волосы, и указывали на них друг другу пальцами или рукоятками своих больших копий. Я заметил, что для этой цели они не пользовались острым концом копья, быть может, по той причине, что нам это могло показаться враждебным действием. Для нас было унижительным, что единственным из всех нас человеком, который вызвал в них удивление и интерес, был Ханс. На них, по-видимому, производило сильное впечатление его безобразное, сморщенное лицо. Быть может, это было потому, что до сих пор они не видели ничего подобного, или по другой причине, о которой читатель догадается в свое время.

По крайней мере, я слышал, как один из них спросил Комбу, указывая на Ханса, наш ли бог этот человек-обезьяна или только предводитель. Этот комплимент, очевидно, очень понравился Хансу, которого до сих пор никто не принимал ни за бога, ни за нашего предводителя. Но остальным нам он вовсе не показался лестным. Мавово пришел в сильное негодование и прямо сказал Хансу, что если еще раз услышит такие разговоры, то поколотит его при этих людях, чтобы показать им, что он не бог и не предводитель.

— Подожди грозить мне, зулусский мясник, до тех пор, пока я не окажусь кем-либо в этом роде! — негодуя воскликнул Ханс. Потом прибавил с характерным готтентотским хихиканьем:

— Однако верно то, что прежде, чем все это окончится, вам придется счесть меня за того и за другого.

Смысла этого неясного замечания мы в то время не поняли.

Когда мы вышли на берег и собрали свой багаж, Комба пригласил нас следовать за ним и повел нас по широкой улице, содержащейся в чистоте. По обеим сторонам ее стояли большие хижины, о которых я говорил. При каждой хижине был огороженный сад, что я весьма редко встречал в Африке. Благодаря этому город Рика, несмотря на свое сравнительно малочисленное население, занимал довольно большое пространство. Между прочим, город не был окружен стенами или какими-либо другими укреплениями. Это указывало на то, что его жители не боялись нападений. Озеро служило им надежной защитой, Главной характерной особенностью

этого места была царившая здесь тишина. По-видимому, понго не держали ни собак, так как я не слышал их лая, ни домашней птицы, так как за все время пребывания в этой стране я ни разу не слышал пения петухов. Мелкий скот они имели в изобилии, но держали его вне города, так как не боялись нападения врагов. Молоко и мясо доставлялись в город по мере надобности.

Смотреть на нас собралось значительное число жителей города, но они не толпились вокруг нас, а держались небольшими семейными группами у ворот своих домов. Эти группы по большей части состояли из одного мужчины и одной или нескольких женщин. Иногда, довольно редко, в них входили дети — самое большее трое на одно семейство. Женщины и дети были одеты в длинные белые одежды — другая особенность, указывавшая на то, что понго не были обыкновенными африканскими дикарями.

Мы шли до тех пор, пока не достигли высокой живой изгороди, покрытой ярко-красными цветами. Как раз в это время последний луч заходящего солнца погас на небе и сумерки начали быстро сгущаться. Комба открыл ворота, и нашим глазам представилось зрелище, которого никто из нас никогда не забудет... Перед нами была площадь, задняя часть которой была занята двумя хижинами, стоявшими в обыкновенном саду. Перед ними, не более чем в пятнадцати шагах от ворот, стояло другое строение, совершенно иного характера. Оно имело футов пятьдесят в длину и тридцать в ширину и состояло только из крыши, поддерживаемой резными деревянными столбами. В промежутках между этими столбами висели циновки. Большая часть их была опущена, но четыре, находившиеся как раз против ворот, были подняты. Внутри этого строения находилось около пятидесяти человек в белых одеждах и каких-то особенных колпаках. Они занимали места с трех сторон огромного костра, разведенного в яме, вырытой в земле, и пели заунывную песнь. С четвертой стороны, против ворот, отдельно стоял спиной к нам человек с простертыми руками. Услышав шум наших шагов, он обернулся и отступил влево, чтобы рассмотреть нас из-за костра. Тут мы при ярком свете этого костра увидели стоявшую над ним железную решетку, на которой лежал ужасный предмет...

— Боже! Это женщина! — голосом, полным ужаса, воскликнул шедший впереди нас Стивен.

В следующую секунду циновка опустилась, скрыв от нас все, и пение прекратилось.

XIV. Клятва Калуби

— Тише! Молчите! — прошептал я, и все поняли меня, если даже не разобрали моих слов. Потом, с трудом овладев собою (ибо при виде этой адской картины я едва не лишился чувств), я обернулся к Комбе, стоявшему в двух шагах от нас. По-видимому, он был смущен сознанием того, что сделал некоторую ошибку. Это было заметно по нервному подергиванию его спины. С минуту он стоял неподвижно, потом обернулся ко мне и спросил, не заметили ли мы чего-нибудь.

— Да, — ответил я безразличным тоном, — мы видели много людей, собравшихся вокруг огня, и больше ничего.

Он пытливо заглядывал на наши лица, но ничего в них не мог прочесть, так как светившая теперь полная луна, к счастью, спряталась за тучу. Я слышал, как он вздохнул с облегчением. Потом он сказал:

— По установленному у нас обычаю в те ночи, когда меняется луна, Калуби и старейшины жарят овцу, которую съедают все вместе. Следуйте за мной, белые господа.

Он повел нас вокруг упомянутого длинного строения (на которое мы даже не взглянули) в конец сада, к двум красивым хижинам, о которых я уже говорил. Здесь он хлопнул в ладоши. Неизвестно откуда появилась женщина, которой он сказал что-то шепотом. Она ушла и вскоре возвратилась с четырьмя или пятью другими женщинами, несшими глиняные лампы, наполненные маслом, в котором плавали светильники, сделанные из пальмовых волокон. Эти лампы были поставлены в хижины — очень чистые и удобные помещения, снабженные деревянными стульями и подобием низкого стола, резные ножки которого были сделаны в виде ног антилопы. В конце хижины находился деревянный помост, на котором лежали матрацы, набитые какими-то мягкими волокнами и покрытые циновками.

— Здесь вам будет удобно, — сказал Комба, — ибо разве вы, белые господа, не почетные гости народа понго? Сейчас вам принесут пищу, — (при этом слове я содрогнулся), — а после еды, если вам будет угодно, вы пойдете в Дом Празднеств, где вас примут Калуби и его советники. Вы поговорите с ним перед сном. Если вам что-нибудь понадобится, ударьте в этот кувшин палкой, — и он указал на какой-то медный предмет, стоявший в саду, окружавшем хижину, недалеко от того места, где женщины уже разводили огонь, — тогда придет служанка и сделает все, что нужно.

Смотрите, вот ваши вещи; из них ничего не пропало. Вот вода для умывания. А теперь я должен идти к Калуби, чтобы рассказать ему обо всем.

Он учтиво поклонился и вышел. Вслед за ним ушли (вероятно, за нашим ужином) и красивые молчаливые женщины, и мы наконец остались одни.

— Клянусь своей теткой, — сказал Стивен, обмахиваясь носовым платком, — я видел, как они поджаривали ту леди! Я часто слышало людоедах, взять хотя бы этих невольников... но видеть их в действительности... брр... это ужасно!

— Что толку поминать отсутствующую теткушку, если у вас таковая имеется? Чего вы ожидали, когда настаивали на поездке в этот ад? — мрачно спросил я.

— Не знаю, старина. У меня правило: не заботиться о том, что меня ожидает. Вот почему я никогда не мог поладить со своим бедным отцом. Но скажите, неужели нам действительно придется, подобно святому Лаврентию, попасть на эту решетку?^[116]

— Конечно, — ответил я, — и вы не будете иметь права жаловаться, так как старый Бабемба предупреждал вас об этом.

— Положим, я буду вправе жаловаться, так же, как и вы, брат Джон, не правда ли?

Брат Джон вышел из задумчивости и погладил свою длинную бороду.

— Если бы этот случай, мистер Соммерс, — сказал он задумчиво, — являлся мученичеством за веру, как это было со святым, о котором вы упомянули, я бы ничего не имел против, по крайней мере теоретически. Но, смотря на это с другой точки зрения, я должен признаться, что мне совсем не нравится перспектива быть зажаренным и съеденным этими отвратительными дикарями. Однако я не вижу причины, почему мы должны непременно сделаться жертвой этого местного обычая.

Будучи в весьма подавленном настроении, я хотел возразить ему, но в этот момент в дверях хижины показалась голова Ханса, который сказал:

— Несут ужин, баас, очень хороший ужин!

Мы вышли в сад, где высокие бесстрастные женщины расставляли на земле множество деревянных мисок, содержимое которых мы ясно могли рассмотреть при ярком свете луны. В некоторых из них было мясо, политое каким-то соусом, не позволявшим судить, какое именно это мясо. Я полагаю, что это была баранина, но... кто мог поручиться за это? Другие кушанья были приготовлены из растительных продуктов. Например, тут было целое блюдо поджаренных хлебных колосьев и вареная тыква, не

говоря уже о нескольких больших чашках кислого молока. Глядя на эти кушанья, я вдруг проникся принципами вегетарианства, о которых постоянно твердил мне брат Джон.

— Вы совершенно правы, — нервно сказал я ему, — утверждая, что в жарком климате полезнее всего растительная пища. По крайней мере, я решил попробовать питаться в течение нескольких дней исключительно ею.

С этими словами я, отбросив дальнейшие церемонии, захватил четыре верхних поджаренных колоса и верхнюю часть тыквы, которую срезал ножом. Как бы то ни было, я взял ту часть, которая не касалась миски, ибо кто знал, что бывало в ней и как ее мыли?

Стивен, по-видимому, тоже ухватился за эту мысль, так как он тоже предпочел мясу тыкву и поджаренные колосья; точно так же и Мавово, и убежденный сторонник мясной пищи — Ханс. Только простосердечный Джерри ел с аппетитом мясные блюда и нашел их очень вкусными. Я думаю, что он, пройдя через ворота последним, не рассмотрел того, что лежало на решетке.

Наконец мы окончили свой простой ужин (когда вы очень голодны, тогда требуется много времени, чтобы насытиться такой легкой пищей, как эта тыква; вот, я полагаю, почему нам кажется, что жвачные животные беспрестанно едят) и запили его водой, предпочтя последнюю вязкому на вид молоку, которое мы предоставили туземцам.

— Аллан, — тихо сказал мне брат Джон, когда мы закурили свои трубки, — тот человек, который стоял перед решеткой спиной к нам, был Калуби. Я узнал его при свете огня по отсутствию пальца на поднятой руке.

— Что ж, если мы хотим добиться чего-нибудь, нам надо обработать его, — ответил я. — Но вот вопрос: удастся ли нам пойти дальше... этой решетки? Я убежден, что нас заманили сюда для того, чтобы съесть.

Прежде чем брат Джон успел ответить, пришел Комба и, осведомившись, хорошо ли мы поели, сообщил, что Калуби и старейшины готовы нас принять. Мы взяли с собой приготовленные заранее подарки и отправились все, за исключением Джерри, которого оставили сторожить наши вещи.

Комба повел нас к Дому Празднеств, где огонь, который горел в яме, уже догорел или был потушен, и ужасная решетка была убрана, циновки, висевшие между столбами, были подняты и все было освещено ярким светом. Восемь седоволосых старейшин, с Калуби в центре, сидели лицом к воротам на деревянных стульях, расположенных полукругом. Этот Калуби был высоким мужчиной средних лет, с лицом самым нервным из всех, какие я когда-либо встречал. Оно все время подергивалось.

Руки Калуби ни на минуту не оставались в покое. Его глаза, насколько я мог рассмотреть их при таком освещении, были полны ужаса. Он встал и поклонился нам, но его советники остались сидеть, встретив нас легким хлопанием в ладоши, продолжавшимся довольно долго. Это, по-видимому, служило у понго приветствием.

Мы сделали ответный поклон, после чего сели на приготовленные для нас стулья. Брат Джон занял среднее место. Мавово и Ханс стали позади нас; последний опирался на свою большую бамбуковую палку. После этого Калуби приказал Комбе, к которому он обращался официально, называя его «Миновавшим бога» и «Будущим Калуби» (мне показалось, что он волнуется, произнося эти слова), дать отчет о своей миссии и объяснить, как случилось то, что он имеет честь видеть здесь белых господ. Комба повиновался. Он дал короткий, но исчерпывающий отчет о своем путешествии в город Безу, называя при этом Калуби самыми почетными именами, как, например: «Неограниченный повелитель», «Господин, ноги которого я целую», «Тот, чьи глаза — огонь и язык — меч», «Тот, по мановению которого люди умирают», «Устроитель жертвоприношений», «Первый вкуститель священной пищи», «Любимый богами» (при этом названии Калуби съежился, будто его кололи копьем), «Второй после священнейшего и древнейшего Мотомбо, пришедшего с неба и говорящего его голосом» и т.п. Он рассказал, как, во исполнение приказа Мотомбо, он пригласил в Страну Понго белых господ, которые пришли сюда в качестве послов мазиту, так как никто из последних не отозвался на приглашение короля Бауси взять на себя эту обязанность. Только он, опять же согласно приказанию Мотомбо, поставил условием, чтобы никто из них не брал с собой магического оружия, изрыгающего дым и смерть.

При этом известии выразительное лицо Калуби выдало сильное душевное волнение, что, по-видимому, не укрылось от Комбы. Однако он ничего не сказал и после некоторой паузы продолжал свой рассказ. Он сказал, что при нас такого оружия действительно нет, так как он и его товарищи, не удовлетворившись нашим словом, обыскали наш багаж перед оставлением Земли Мазиту. Поэтому, прибавил он, нет причины опасаться, что мы приведем в исполнение древнее пророчество о том, что когда в Земле Понго прогремит ружейный выстрел, боги покинут ее и народ понго перестанет быть народом.

Окончив свою речь, он скромно сел позади нас.

Потом Калуби, выразив формальное согласие считать нас послами Бауси, короля мазиту, долго говорил о преимуществах продолжительного мира между двумя народами. В конце концов он предложил свои условия

мира, которые, по-видимому, были выработаны заранее. Излагать их подробно я считаю излишним, так как мир все равно никогда не был заключен и, кроме того, я сомневаюсь, действительно ли понго намеревались заключить его.

Достаточно сказать, что эти условия касались заключения браков, свободной торговли между двумя странами, кровного братства и других вещей, о которых я уже забыл. Все это должно было быть скреплено браком Бауси с дочерью Калуби и Калуби с дочерью Бауси.

Мы молча слушали его и, когда он окончил свою речь, сделали вид, что обсуждаем его предложение. Потом слово взял я. Я говорил от имени брата Джона (который, как я объяснил, был слишком важным лицом для того, чтобы говорить самому), что предложения Калуби кажутся нам честными и приемлемыми, и что мы будем счастливы передать их Бауси, когда вернемся в Землю Мазиту.

Калуби выразил при этом большое удовольствие, но, между прочим, заметил, что все это прежде всего должно быть представлено на утверждение Мотомбо, без одобрения которого ни один договор у понго не считается законным. Он прибавил, что предлагает нам, если мы хотим, посетить завтра Его Святость, отправившись к нему через три часа после восхода солнца, так как он живет далеко от города Рики, на расстоянии целого дня пути. После небольшого совещания мы ответили, что, хотя у нас мало свободного времени, тем не менее мы, белые господа, понимая, что Мотомбо стар и не может посетить нас, согласны продлить свое пребывание в Земле Понго и посетить его. А теперь мы чувствуем усталость и хотим спать.

Потом мы поднесли Калуби свои подарки, которые были благосклонно приняты с уведомлением, что ответные подарки будут сделаны нам перед оставлением нами Страны Понго.

После этого Калуби взял маленькую палочку и сломал ее в знак того, что совещание окончено. Мы пожелали спокойной ночи ему и его советникам и удалились в свои хижины. В пояснение к дальнейшему я должен, прибавить, что на этот раз нас провожали два советника, а не Комба. Когда мы поднялись с мест, чтобы проститься с Калуби, я заметил, что Комбы уже нет на собрании. Когда он ушел — я не могу сказать, так как он сидел позади нас в тени и никто из нас не мог заметить его ухода.

— Как все это надо понимать? — спросил я, когда дверь была заперта.

Брат Джон только покачал головой и ничего не сказал. В те дни он, казалось, жил в стране грез.

За него ответил Стивен.

— Вздор! Пустая болтовня! Эти парни людоеды и что-то скрывают. Они задумали все, что угодно, только не мир с мазиту!

— Я с вами вполне согласен, — сказал я. — Если бы их целью действительно был мир, они бы больше торговались, настаивали бы на более выгодных условиях, на выдаче заложников и прочем. Кроме того, они прежде всего добились бы согласия своего Мотомбо. Ясно, что хозяин здесь он, а не Калуби, который только его орудие. Если бы их единственной целью был мир, он должен был бы сказать свое слово первым, если только он не миф, а существует в действительности. Лично я того мнения, что для нас было бы самым разумным оставить Мотомбо в покое и завтра же утром бежать отсюда в Землю Мазиту на первой попавшейся лодке.

— Я намерен посетить этого Мотомбо, — решительно прервал меня брат Джон.

— Это уже решено, — сказал Стивен. — Что толку начинать все сначала?

— Нет, — с раздражением ответил я, — лучше скажите: что толку спорить с сумасшедшими? Поэтому лучше всего ляжем спать, так как это, вероятно, наш последний сон.

— Великолепно! — сказал Стивен, снимая с себя куртку и складывая ее вдвое, чтобы положить ее себе под голову. — Подождите минуту, — прибавил он, — я встряхну это одеяло. Оно покрыто каким-то сором.

С этими словами он встряхнул одеяло.

— Сором? — с подозрением сказал я. — Почему вы не подождали встряхивать его, чтобы дать мне возможность посмотреть, что это за сор? Раньше я ничего на нем не видел.

— Должно быть, по крыше бегают крысы, — беспечно сказал Стивен.

Не удовлетворившись этим объяснением, я начал осматривать потолок и глиняные стены хижины, которые были расписаны замысловатым узором, при слабом свете примитивных ламп. В это время в дверь постучали. Забыв о трухе, я открыл ее. В хижину вошел Ханс.

— Один из этих дьявольских людоедов хочет поговорить с баасом. Мавово не пускает его сюда.

— Пусть он войдет, — ответил я, так как мне казалось, что нам лучше всего не проявлять смущения. — Только будьте настороже, пока он будет с нами.

Ханс что-то шепнул через плечо, и в следующий момент в хижину вошел, или, вернее, впрыгнул высокий мужчина, закутанный с головы до ног в белое одеяние, придававшее ему вид призрака, и тщательно запер за собою дверь.

— Кто ты? — спросил я.

Вместо ответа он открыл свое лицо, и я увидел, что перед нами стоит сам Калуби.

— Я хочу поговорить наедине с белым господином Догитой, — сказал он хриплым голосом, — и это надо сделать сейчас, так как потом это будет невозможно.

Брат Джон встал и посмотрел на него.

— Как поживаешь, мой друг Калуби? — спросил он. — Я вижу, что твоя рана зажила.

— Да, да, но я хочу поговорить с тобой наедине.

— Нет, — ответил брат Джон, — если ты хочешь что-нибудь сказать, ты должен сказать это нам всем или совсем не говорить, так как все, что знаю я, должны знать и эти белые господа.

— Могу ли я довериться им? — пробормотал Калуби.

— Так же, как и мне. Поэтому либо говори, либо уходи. Но наш разговор здесь могут подслушать...

— Нет, Догита! Стены хижины достаточно толсты. На крыше никого нет, ибо я сам осмотрел все кругом. Нам будет слышно, если кто-нибудь попытается взобраться туда. Кроме того, его заметят ваши люди, которые стерегут дверь. Никто не услышит нас, разве только боги.

— Тогда испытаем богов, Калуби. Говори смело, мои братья знают твою историю.

— Господа мои! — начал он, вращая глазами словно затравленный зверь. — Я в ужасном положении. С тех пор как я видел тебя, Догита, я должен был еще раз посетить Белого бога, живущего в лесу, на горе, и разбросать там священные семена. Но я притворился больным, и Комба, «Будущий-Калуби-миновавший-бога», взял на себя эту обязанность и вернулся невредимым. Завтра полнолуние, и я, как Калуби, должен снова посетить бога и разбросать семена. Он убьет меня, о Догита, убьет меня, которого он уже однажды укусил! Он, без сомнения, убьет меня, если я не смогу убить его. Вместо меня будет царствовать Комба, который убьет вас посредством «жаркой смерти». Вас принесут в жертву богам, чтобы женщины понго еще раз стали матерями многих детей. Да-да, если вы не сможете убить бога, живущего в лесу, все вы должны будете умереть!

— Все это хорошо, — сказал брат Джон. — Но если даже мы убьем бога, то поможет ли нам это избежать Мотомбо и твоего народа? Они наверняка убьют нас за оскорбление святыни.

— Нет, Догита. Если умрет бог, умрет и Мотомбо. Это издревле известно. Вот почему Мотомбо сторожит бога, словно мать свое дитя. До

тех пор, пока не отыщется новый бог, нами будет править Мать Священного Цветка, а она милосердна и никому не причиняет зла. Я буду править ее именем и, конечно, предам смерти своих врагов, особенно этого колдуна Комбу.

Тут я услышал слабый звук, похожий на шипение змеи; но он не повторился, и я, ничего не заметив, решил, что это мне просто почудилось.

— Кроме того, — продолжал Калуби, — я дам вам много золота и всяких даров, каких вы только пожелаете, и доставлю вас целыми и невредимыми в страну ваших друзей мазиту.

— Постой, — вмешался я, — надо выяснить все получше. Вы, Джон, переводите все Стивену. Прежде всего скажи мне, друг Калуби, что это за бог, о котором ты говоришь?

— Это огромная обезьяна, о господин Макумазан, белая от возраста или, быть может, с самого рождения. Она вдвое больше любого человека и сильнее двадцати человек. Она может сломать в руках человека, как я ломаю тростинку, или откусить ему голову, как откусила мне в виде предостережения палец. Ибо так она поступает со всеми Калуби, когда они надоедают ей. Сначала она откусывает им палец, но позволяет им уйти, потом ломает их, словно тростник, и вместе с ними — всех тех, кто обречен быть принесенным в жертву.

— Ага, это большая обезьяна! — сказал я. — Я так и думал. А как давно это животное считается у вас богом?

— Не знаю. С самого начала. Оно существовало всегда, так же, как и Мотомбо, ибо они — одно.

— Все это вздор, — сказал я по-английски; потом прибавил: — А что это за Мать Священного Цветка? Она тоже существовала всегда и живет в том же месте, где и бог-обезьяна?

— Нет, господин Макумазан, она умирает, как и все смертные. Ей наследуют те, кто может занять ее место. Так, теперешняя Мать — белая женщина средних лет, принадлежащая к вашей расе. Когда она умрет, ее место займет ее дочь, которая тоже белая и очень красивая. После ее смерти найдутся другие белые женщины, быть может из числа рожденных от черных родителей.

— А сколько лет этой дочери, — спросил брат Джон изменившимся голосом, — и кто ее отец?

— Она родилась, Догита, свыше двадцати лет тому назад, после того как Мать Цветка была взята в плен и приведена сюда, в Землю Понго. Мать Цветка говорила, что отцом этой девушки был белый человек, за которого она вышла замуж, но который умер.

Голова брата Джона опустилась на грудь, и его глаза закрылись, будто он погрузился в сон.

— А живет Мать Цветка, — продолжал Калуби, — на острове, среди озера, находящегося на вершине горы, которая окружена водой. Она не имеет ничего общего с Белым богом, но женщины, которые прислуживают ей, по временам переплывают через озеро, чтобы присмотреть за полем, где Калуби разбрасывают семена. Из этих семян вырастает хлеб, служащий пищей Белому богу.

— Прекрасно, — сказал я, — все это понятно. Теперь скажи, каков твой план? Как мы попадем в то место, где живет эта большая обезьяна, а если и попадем туда, то как нам убить это животное, раз твой наследник Комба запретил нам взять с собой огнестрельное оружие?

— О господин Макумазан! Пусть зубы бога встретятся в мозгу Комбы за содеянное им! Пророчество, о котором он говорил тебе, совсем не древнего происхождения. Оно появилось в нашей земле не более месяца тому назад, хотя я не знаю, исходило ли оно от Комбы или от Мотомбо. Никто, кроме меня и весьма немногих из нашего племени, не слышал о железных трубах, выбрасывающих смерть, и я не знаю, откуда взялось это пророчество.

— Я тоже не знаю этого, Калуби. Но ответь мне на мои вопросы.

— Ты спрашиваешь, как вы попадете в лес (ибо Белый бог живет в лесу, на склоне горы)? Это случится очень просто, так как Мотомбо и народ убеждены, что я заманил вас сюда для того, чтобы принести вас в жертву, чего они желают по разным причинам, — он очень выразительно посмотрел на полную фигуру Стивена. — А как убить вам бога без своих железных труб, — я не знаю. Но вы очень храбрые и великие маги. Наверно, вы сами найдете для этого какой-нибудь способ.

Брат Джон, казалось, снова очнулся.

— Да, — сказал он, — мы найдем какой-нибудь способ. Мы не боимся обезьяны, которую ты называешь богом. Но сделаем мы это только за плату. Без платы мы не станем убивать это зверя и попытаемся спасти тебя от смерти.

— За какую же плату? — нервно спросил Калуби. — Я могу дать вам много женщин, скота. Но вам не нужно женщин, а скот вы все равно не сможете переправить через озеро. Я уже обещал вам золото и слоновую кость. Больше у меня ничего нет.

— В виде платы мы требуем у тебя, о Калуби, белую женщину, называемую Матерью Священного Цветка, и ее дочь.

— И кроме того, — прибавил Стивен которому я перевел эти слова, —

весь Священный Цветок, выкопанный с корнем.

Услышав эти «скромные» требования, бедный Калуби чуть не сошел с ума.

— Вы понимаете, — спросил он, почти задыхаясь, — что вы требуете богов моей страны?

— Вполне понимаем, — спокойно ответил брат Джон, — богов твоей страны, ни больше ни меньше.

Калуби сделал движение, будто собирался покинуть хижину, но я поймал его за руку и сказал:

— Постой, дружище. Ты просишь нас, чтобы мы, подвергаясь большой опасности, убили одного из богов твоей страны, — величайшего из них — для спасения твоей жизни. Прекрасно. В уплату за это мы просим тебя подарить нам остальных богов твоей страны и перевезти нас с ними через озеро. Принимаешь ли ты наше предложение или нет?

— Нет, — мрачно сказал Калуби, — если я соглашусь на это, я навлеку на свой дух последнее проклятие. Оно слишком ужасно для того, чтобы говорить о нем.

— А отказываясь, ты навлекаешь на свое тело первое проклятие. Через каких-нибудь несколько часов ты будешь убит обезьяной, которую называешь своим богом. Да, убит и потом зажарен и съеден в качестве жертвы. Не правда ли?

Калуби кивнул головой и застонал.

— Что касается нас, — продолжал я, — то мы рады твоему отказу, так как теперь мы избавимся от трудного и опасного дела и вернемся в Землю Мазиту целыми и невредимыми.

— Как вы вернетесь в Землю Мазиту, о господин Макумазан, если, даже избавившись от зубов бога, вы осуждены на «жаркую смерть»?

— Очень просто, Калуби. Мы скажем Комбе о твоём злом умысле против своего бога и о том, что отказались слушать тебя. Это нам легко будет доказать, пока ты находишься здесь, где тебя никто не ожидал бы найти. Я пойду и ударю в кувшин, который стоит за дверями. На звук его непременно кто-нибудь придет, хотя теперь и поздно. Стой спокойно! У нас есть ножи, а у наших слуг — копья.

Несчастный Калуби бросился к моим ногам.

— Господин! — сказал он. — Я отдам вам Мать Священного Цветка и ее дочь вместе с самим Священным Цветком, выкопанным с корнем, и клянусь, что если смогу, то переправлю вас через озеро целыми и невредимыми. Только я прошу вас, чтобы вы взяли меня с собой, так как после этого я не посмею остаться здесь. Ох, зачем я родился на свет? Зачем

родился?

Он начал плакать.

— Этот вопрос, о Калуби, задавали уже многие, но никто не получил на него ответа, хотя, вероятно, ответить на него все-таки можно, — мягко сказал я.

Мне было очень жаль этого несчастного человека, заблудившегося в аду суеверия.

— Однако, — продолжал я, — мне кажется, что ты поступил мудро. Пока ты будешь верен нам, мы будем молчать. Но если только ты попытаешься предать нас, то мы, которые не так беззащитны, как кажется, сами предадим тебя и умереть придется тебе, а не нам. Итак, это решено?

— Да, решено, белый господин! Но не брани меня, если дело примет плохой оборот. Боги знают все, а они — демоны, которым человеческие страдания доставляют удовольствие. Они смеются над всякими договорами и подвергают мучениям тех, кто наносит им оскорбление. Но что будет, то будет. Я поклянусь, что останусь верен вам, такой клятвой, которая не может быть нарушена.

Он вытащил из-за пояса нож и проколол им кончик своего языка; из проколотого места закапала на пол кровь.

— Если я нарушу свою клятву, — сказал он, — пусть мое тело похолодеет, как холодеет эта кровь, пусть оно сгниет, как сгниет эта кровь! Пусть мой дух затеряется в мире призраков и исчезнет в нем, как исчезнет в воздухе и в прахе земном эта кровь!

Эта ужасная сцена произвела на меня сильное впечатление. Оно усиливалось появившимся у меня убеждением, что этому несчастному человеку не избежать своей судьбы.

Мы ничего не сказали. В следующий момент он закрыл лицо своей белой одеждой и выскользнул из хижины.

— Боюсь, что мы ведем с этим парнем не вполне чистую игру, — как бы с угрызениями совести сказал Стивен.

— Белая женщина и ее дочь... — пробормотал брат Джон.

— Да, — размышлял вслух Стивен, — это можно оправдать желанием вырвать из ада двух белых женщин. А желание достать орхидею можно оправдать желанием не разлучать бедняжек с цветком. Это действует успокоительно на совесть.

— Надеюсь, что вы найдете в этом некоторое утешение, когда все мы попадем на железную решетку, на которой, как я заметил, найдется достаточно места для троих, — саркастически заметил я. — А теперь молчите, так как я хочу спать.

К сожалению, я должен прибавить, что это желание осталось только желанием. Но если я не мог уснуть, то я мог, по крайней мере, думать. И передумал я о многом.

Сперва я думал о понго и их богах. Кто они и почему поклоняются таким странным богам? Но я скоро оставил этот вопрос, так как он одинаково применим к дюжине других религий, скрытых на обширном африканском материке. Ответ на него можно было бы найти в тайниках человеческой души, которая видит вокруг себя только смерть, ужас и зло и олицетворяет их — в том или ином причудливом виде — в своих богах или, вернее, демонах, которых постоянно надо умиловать. Такие боги — не что иное, как создания, в которых вселился дух Бога или Дьявола. Эти духи бывают различны и представляют собою отдельные эмблемы и свойства.

Так, большая обезьяна, быть может, представляет собой Сатану, князя зла и крови. Священный Цветок символизирует плодородие, произрастание на земле растений, служащих человеку пищей. Мать Цветка представляет милосердие и доброту — вот почему она должна быть непременно белой. По этой причине она живет не в темном лесу, а на горе, ближе к свету...

Что касается самих понго, то они, по-видимому, вымирающее племя, потомки более высокой расы, вырождающиеся благодаря бракам между членами одних и тех же семейств. Весьма вероятно, что вначале они людоедствовали только случайно или по какой-нибудь религиозной причине. Потом, во время какого-нибудь неурожая, они стали очень религиозными в этом отношении, и эта привычка сильно укоренилась в них. По крайней мере, мне известно, что эта ужасная пища предпочитается африканскими людоедами всякой другой. Я нисколько не сомневаюсь, что, хотя Калуби сам пригласил нас сюда в безумной надежде, что мы спасем его от ужасной смерти в руках дьявола, которому он служит — Комба и старейшины по внушению пророка, называемого Мотомбо, наперед решили, что мы должны быть убиты и съедены в качестве жертвы богам. Как мы, лишенные всякого оружия, можем избежать этой участи — я совсем не мог себе представить. Однако что бы там ни было, мы должны идти до конца...

Брат Джон, или, называя его настоящим именем, Джон Эверсли, убежден, что заключенная на горе женщина — не кто иная, как утраченная им жена, которую он разыскивает в продолжение свыше двадцати лет, а вторая белая женщина, о которой он слышал сегодня вечером, — странно сказать, — его собственная дочь... При таком положении мы должны твердо идти вперед и либо спасти их, либо умереть...

Наконец я заснул и увидел очень странный сон...

XV. Мотомбо

Я спал до тех пор, пока меня наконец не разбудил яркий солнечный луч, попавший мне прямо в глаз. «Откуда он?» — подумал я, так как в нашей хижине не было окон.

Посмотрев по направлению луча, я увидел, что он исходит из небольшой дыры, сделанной в глиняной стене на высоте пяти футов от пола. Я поднялся и осмотрел эту дыру. Она была сделана, по-видимому, недавно, так как глина по ее краям еще не потеряла своего первоначального цвета. Я подумал, что если кто-нибудь хотел подслушать говорившего в хижине, то такое отверстие было вполне пригодно для этого. Потом я вышел из хижины и продолжил свои исследования. Упомянутая стена находилась на расстоянии четырех футов от восточной части камышовой изгороди, на которой не было заметно никаких следов. Но у основания этой стены лежало несколько свежих обломков штукатурки.

Я позвал Ханса и спросил его, хорошо ли он сторожил хижину, когда у нас был человек, закутанный в белое. Он ответил, что может поклясться в том, что в то время вблизи хижины никого не было, так как он все время ходил вокруг нее.

Несколько успокоившись, хотя и не вполне удовлетворившись этим, я возвратился в хижину и разбудил остальных. Я ничего не сказал им, так как считал излишним напрасно тревожить их.

Через несколько минут высокие молчаливые женщины принесли нам горячей воды. Казалось странным получить в таком месте горячую воду, поданную столь необыкновенными горничными, — но это было так. Я должен прибавить, что понго, подобно зулусам, были чрезвычайно опрятными, хотя не могу сказать, употребляли ли они при умывании горячую воду или нет. Но во всяком случае, они снабдили ею нас.

Полчаса спустя служанки принесли нам завтрак, состоявший главным образом из жареного козленка, которого мы ели без опасения, так как он был зажарен целиком. Потом пришел величественный Комба. Поздоровавшись с нами и осведомившись о нашем здоровье, он спросил, готовы ли мы отправиться к Мотомбо, который, по его словам, ожидает нас с нетерпением. Я спросил Комбу, откуда ему это известно, так как мы условились посетить Мотомбо только вчера вечером, а между тем, насколько мы знаем, он живет на расстоянии целого дня пути отсюда. Но Комба ничего не ответил и только улыбнулся.

Итак, мы отправились к Мотомбо, захватив с собой весь свой багаж, который после раздачи подарков был не очень тяжелым.

Через пять минут ходьбы по широкой главной улице мы достигли северных ворот города Рики. Здесь мы нашли самого Калуби с конвоем, состоявшим из тридцати воинов, вооруженных копьями. Я заметил, что у них нет луков и стрел. Калуби объявил громким голосом, что хочет оказать нам особенную честь, проводив нас в святилище, где живет Мотомбо.

В продолжение всего дня мы шли по плодородной равнине, которая, судя по многим признакам, некогда почти вся обрабатывалась. Теперь же хлебные поля попадались редко, а пространство между ними снова заросло густым кустарником. Около полудня мы остановились у источника, чтобы поесть и отдохнуть, так как солнце жгло немилосердно. Потом мы снова двинулись вперед и шли по направлению к черному скалистому кряжу, имевшему несколько странный вид. За ним величественно возвышалась гора, по-видимому вулканического происхождения.

В три часа дня мы подошли к этому кряжу (он тянулся с востока на запад насколько мог охватить глаз) настолько близко, что могли рассмотреть в нем большое отверстие, находившееся в том месте, где оканчивалась дорога, и, по-видимому, служившее входом в пещеру. Калуби сказал нам, что отверстие, которое мы видим — дверь дома Мотомбо.

Наконец мы достигли скалистой стены. Она, я полагаю, состояла из очень крепкого камня, выдерживавшего в течение миллионов лет непогоду и напор озерной воды. Или, быть может, она была выброшена из недр вулкана, когда тот был в действии.

В этой каменной стене был вход в большую пещеру, которая, по-видимому, была естественного происхождения и некогда служила стоком для воды при разливе озера, затоплявшего Землю Понго.

Мы остановились и нерешительно смотрели на темный вход в пещеру, без сомнения тот самый, которым в юности проходил Бабемба. Калуби отдал приказание, и несколько воинов направилось к стоявшим поблизости хижинам. В них жила стража и прислуга.

Воины вскоре возвратились с большим числом зажженных факелов, которые были распределены между всеми нами. После этого мы с дрожью и трепетом вошли в мрачную пещеру. Калуби шел впереди нас с половиной конвоя, Комба — позади с остальными. Пол пещеры был очень гладок, несомненно благодаря действию воды; то же можно было сказать и о стенах и потолке — насколько мы могли рассмотреть их, так как пещера была очень широкой и высокой. Она не шла прямо, но имела несколько поворотов. У первого поворота воины понго затянули дикую заунывную

песнь. Мы шли — наши факелы мерцали в густом мраке словно звезды — до тех пор, пока не достигли последнего поворота с отдернутым большим занавесом из циновки, за которым открывался дальний конец пещеры. Здесь нашим глазам представилось очень странное зрелище.

По обеим сторонам пещеры, у стен, горело по большому костру, которые освещали это место. Кроме того, свет проникал в пещеру через дальний выход, находившийся не более чем в двадцати шагах от костров. За выходом из пещеры виднелось водное пространство шириной около двухсот ярдов, а за ним подымался склон горы, покрытый огромными деревьями. Вода проникала в пещеру, образуя у выхода из нее маленький залив, заканчивавшийся у костров. Здесь, на мелком месте, имевшем в ширину футов шесть или восемь, была привязана довольно большая лодка. В стенах пещеры были устроены четыре двери (по две с каждой стороны), которые, я полагаю, вели в комнаты, высеченные в скале. У каждой двери стояло по высокой женщине, одетой в белое и державшей в руках зажженный факел. Я пришел к заключению, что это были прислужницы, поставленные здесь, чтобы приветствовать нас, так как после того, как мы прошли мимо них, они скрылись.

Но это было еще не все. За маленькой бухточкой, как раз над плававшей в ней лодкой, стояла деревянная платформа площадью около восьми квадратных футов. По обеим сторонам ее помещалось по огромному, почерневшему от времени слоновому клыку размером больше любого из всех виденных мною за всю свою охотничью практику. Между клыками, на коврах из какого-то пушистого меха, сидело на корточках существо, которое я вначале принял за огромную жабу. И в самом деле, по внешнему виду это была настоящая раздувшаяся жаба. Та же грубая, сморщенная кожа, та же выпуклая спина (оно сидело спиной к нам), те же тонкие, вывернутые наружу ноги.

Мы долго смотрели на это странное существо, не будучи в состоянии хорошо разглядеть его при столь плохом освещении. Наконец я уже решил спросить Калуби, что это такое, но едва только открыл рот, как оно зашевелилось и начало медленно поворачиваться к нам. Лишь только

показалась его голова, Калуби и все понго прекратили свое заунывное пение и пали перед ним ниц. Те, у кого были факелы, продолжали держать их в правой руке.

Это была не жаба, а человек, двигавшийся на четвереньках. Большая лысая голова была как бы вдавлена в плечи — либо от рождения, либо от старости, так как это существо, без сомнения, было очень старым. Глядя на него, мне очень хотелось знать, сколько ему лет, но я не мог придти ни к какому заключению. Большое широкое лицо было сморщено, как высушенная на солнце кожа; нижняя губа отвисла над выдающимися вперед костлявыми челюстями; два клыкообразных зуба торчали по углам большого рта — остальные выпали. Время от времени это существо, словно змея, облизывало себе десны своим острым языком. Но самым удивительным в нем были большие круглые глаза, помещавшиеся в глубоких орбитах. Они блестели, как огонь. По временам, они, казалось, буквально пылали, словно глаза льва в темноте.

Вид этого существа, признаться, поразил меня таким ужасом, что с минуту я стоял как парализованный. Мысль, что это человек, казалась ужасной. Я посмотрел на остальных и увидел, что они тоже испуганы.

Похожее на жабу существо медленно наклонило свою большую голову и пристально смотрело на нас своими сверкающими глазами. Наконец оно заговорило густым гортанным голосом на языке, распространенном в этой части Африки — наречие той ветви банту^[117], к которой принадлежат зулусы.

— Итак, вы, белые люди, вернулись, — медленно начало оно. — Дайте мне пересчитать вас, — оно подняло свою костлявую руку и начало считать нас, направляя на каждого указательный палец. — Один. Высокий, с белой бородой. Да, правильно. Два. Короткий, проворный как обезьяна, с волосами, которым не нужна прическа; такой же хитрый, как Отец Обезьян. Да, правильно. Три. Молодой и глупый, с нежным лицом, похожий на жирного ребенка, который улыбается небу, потому что полон молока, и думает, что небо улыбается ему. Да, правильно. Все трое те же самые. Помнишь, Белая Борода, как в то время, когда мы убивали тебя, обращался с молитвой к тому, кто сидит высоко над миром, и поднимал вверх костяной крест, к которому был привязан человек в головном уборе из терновника? Помнишь, как ты целовал человека в терновом головном уборе, когда в тебя вонзалось копье? Ты качаешь головой? О! Ты хитрый лжец, но я докажу тебе, что это так, ибо у меня до сих пор сохранился этот костяной крест! — Он схватил рог, который лежал на кожаном плаще около него, и затрубил.

Лишь только смолкли тоскливые звуки рога, как показалась женщина, которая опустилась перед странным существом на колени. Оно что-то пробормотало, а она ушла и скоро возвратилась, держа в руке распятие из пожелтевшей слоновой кости.

— Вот он! — сказало странное существо. — Возьми его, Белая Борода, и поцелуй его, быть может в последний раз, — оно бросило распятие брату Джону, который поймал его на лету и рассматривал его с изумлением. — А ты. Жирный Младенец, помнишь, как мы поймали тебя? Ты сражался очень хорошо, но мы в конце концов убили тебя и ты был вкусен, очень вкусен. Мы получили от тебя много силы. А ты, Отец Обезьян, помнишь, как ты спасся от нас благодаря своей хитрости? Я никогда не забуду тебя, ибо ты дал мне это, — он указал на большой белый шрам на своем плече. — Ты хотел убить меня, но снадобье в твоей железной трубе загорелось не сразу, когда ты поднес к нему огонь. Я успел отпрыгнуть в сторону, и железный шар, вопреки твоему намерению, не поразил меня в сердце. Однако он еще здесь. О да! Я до сих пор ношу его в себе и теперь, когда я стал худым, могу ощупать его пальцем.

Я с изумлением слушал эту речь, смысл которой (если она вообще имела какой-нибудь смысл) был тот, что все мы встречались в Африке в те времена, когда люди употребляли кремниевые ружья, т.е. около 1700 года или раньше. Однако размышление показало мне полную вздорность всего этого. Очевидно, предок этого старого жреца (которому, я убежден, было не менее ста двадцати лет) или, быть может, его отец, будучи молодым человеком, встретился с первыми европейцами, проникшими в глубь Африки. По всей вероятности, это были португальцы, из которых один был миссионер, а двое других, — отец и сын или братья, или товарищи. История смерти этих людей часто вспоминалась потомками вождя или главного жреца племени.

— Где же мы встречались и когда, о Мотомбо? — спросил я.

— Не в этой земле, не в этой, о Отец Ребенка, — ответил он, — но далеко-далеко на западе, где солнце опускается в воду. С тех пор народом понго правили двадцать Калуби. Некоторые из них правили в течение многих лет, некоторые недолго. Это зависело от воли моего брата, бога, живущего там, — он захохотал ужасным прерывистым смехом и указал через плечо на лес, растущий на горе. — Да, правильно, двадцать Калуби — некоторые по тридцать лет, некоторые меньше четырех.

«Теперь я вижу, что ты просто старый лгун», — подумал я, так как, кладя в среднем по десятку лет на правление каждого Калуби, мы, согласно его утверждению, встречались с ним по крайней мере двести лет тому

назад.

— Тогда вы были одеты иначе, — продолжал он, — двое из вас имели на головах железные колпаки, а голова белобородого была выбрита. Я приказал искусному мастеру выбить на медной дощечке ваши изображения. Эта дощечка сохранилась у меня до сих пор.

Он снова затрубил в свой рог. Снова появилась женщина, которой он сказал что-то шепотом. Она ушла и сейчас же возвратилась с каким-то предметом, который он бросил нам. Это была почерневшая от времени медная или бронзовая дощечка, на которой были выбиты гвоздем изображения высокого мужчины с длинной бородой, тонзурой на голове и крестом в руке, и двух других мужчин невысокого роста, в круглых металлических шлемах, странной на вид одежде и сапогах с четырехугольными носками. В руках у них были тяжелые кремниевые ружья, а один из них держал дымящийся фитиль. Это было все, что мы могли рассмотреть на дощечке.

— Почему ты покинул далекую страну и пришел в эту землю, о Мотомбо? — спросил я.

— Потому что мы боялись, как бы по вашим следам не пришли другие белые люди и не отомстили за вас. Так приказал Калуби тех дней, хотя я противился этому, ибо знал, что никто не может избежать того, что должно прийти в свое время. Мы бродили до тех пор, пока не нашли это место, где живем уже давно. С нами пришли также и наши боги: мой брат, живущий в лесу (хотя мы ни разу не видели его в пути, ибо он пришел сюда раньше нас), Священный Цветок и Мать Цветка (она жена одного из вас, которого — я не знаю).

— Ты называешь бога своим братом, — сказал я, — но мы слышали, что он обезьяна. А разве может обезьяна быть братом человека?

— Вы, белые люди, не понимаете этого, но мы, черные, понимаем. Вначале обезьяна убила моего брата, который был Калуби. Его дух вошел в обезьяну и превратил ее в бога. Поэтому она убивает каждого Калуби, и их духи также входят в нее. Не так ли, о нынешний Калуби, уже потерявший палец? — насмешливо прибавил он.

Калуби, простершись на земле, задрожал, но ничего не ответил.

— Все произошло так, как я предвидел, — продолжал похожий на жабу Мотомбо. — Вы возвратились, и теперь мы узнаем, справедливы ли были слова белобородого, когда он говорил, что его бог отомстит нашему богу. Вы пойдете отомстить ему, а мы посмотрим, удастся ли вам это. Только на этот раз с вами не будет железных труб, которых мы боимся. Ибо не объявил ли через меня бог, что когда белые люди возвратятся с

железными трубами, тогда он, наш бог, умрет и я, Мотомбо, уста бога, тоже умру. Священный Цветок будет выкопан из земли. Мать Цветка исчезнет, а люди понго будут рассеяны и превратятся в странников и рабов. И не объявил ли он, что когда белые люди придут без железных труб, тогда произойдут таинственные вещи (о! не спрашивайте о них; в свое время вы все узнаете!) и народ понго, приходящий теперь в упадок, снова станет великим? Вот почему я приветствую вас, белые люди, пришедшие из земли призраков, ибо через вас мы, понго, станем плодовитыми и великими!

Внезапно он прекратил свою речь, и его голова еще глубже вошла в плечи. Он долго сидел молча, и его блестящие свирепые глаза пристально смотрели на нас, будто желая угадать наши самые сокровенные мысли.

Если это удалось Мотомбо, то я думаю, что он был весьма доволен, ибо, сказать правду, я чувствовал одновременно страх, бессильную ярость и отвращение. Конечно, я несколько не верил тому, что он говорил, но я чувствовал глубокое отвращение к этому существу, бывшему человеком только наполовину. Кроме того, оно внушало мне ужас. Я был уверен, что оно замышляет против нас зло.

Вдруг оно снова заговорило.

— Кто этот маленький, желтый, с лицом, похожим на череп? — спросил Мотомбо, указывая на Ханса, державшегося как можно дальше от него и прятавшегося за Мавово. — Этот сморщенный, с плоским носом, который мог бы быть ребенком моего брата, бога? Зачем ему, такому маленькому, такая большая палка? — Он снова указал на большую бамбуковую палку Ханса. — Я думаю, что он полон хитрости, как свежая тыква водой. Этого большого, черного я не боюсь, — он указал на Мавово, — ибо мое колдовство сильнее его колдовства, — (по-видимому, он узнал в Мавово колдуна), — но маленького желтого человека с большой палкой и мешком за плечами я боюсь. Я думаю, что его надо убить.

Он остановился, и мы задрожали, ибо могли бы мы помешать ему убить бедного готтентота, если бы он это решил? Но Ханс, понявший, что ему грозит большая опасность, призвал на помощь всю свою хитрость.

— О Мотомбо! — жалобно сказал он. — Ты не должен убивать меня, ибо я слуга посла. Ты ведь знаешь, что боги каждой страны мстят тем, кто причиняет зло ее послам или их слугам. Если ты убьешь меня, я буду являться тебе по ночам. Да, я буду садиться тебе на плечо и не дам тебе покоя до тех пор, пока ты не умрешь. Ибо хоть ты и очень стар, все же в конце концов ты умрешь, о Мотомбо!

— Верно, — сказал Мотомбо. — Не говорил ли я, что он полон хитрости? Все боги мстят тем, кто убивает послов их страны или их слуг.

Это право, — тут он рассмеялся ужасным смехом, — принадлежит одним богам. Пусть боги понго сами решат это!

Я вздохнул с облегчением. Мотомбо продолжал новым, можно сказать, деловым тоном:

— Скажи, о Калуби, что привело ко мне, устам бога, этих белых людей? Кажется, они пришли говорить о договоре с королем мазиту? Встань и говори.

Калуби поднялся и с униженным видом коротко и ясно изложил причину посещения нами Страны Понго в качестве послов Бауси и перечислил статьи договора, который должен был быть одобрен Мотомбо и королем мазиту. Мы заметили, что это, по-видимому, совсем не интересовало Мотомбо. Он, казалось, спал в продолжение речи Калуби. Когда последний умолк, он открыл глаза и, указав на Комбу, сказал:

— Встань, будущий Калуби!

Комба поднялся и своим холодным, отчетливым голосом рассказал, как он посетил Бауси и обо всем, относившемся к его миссии. Снова Мотомбо, по-видимому, уснул и открыл глаза только тогда, когда Комба описывал, как он обыскивал нас, чтобы мы не могли тайно захватить с собой огнестрельного оружия. При этом Мотомбо закивал своей большой головой в знак одобрения и облизал себе губы своим тонким красным языком. Когда Комба окончил говорить, он сказал:

— Бог говорит мне, что план мудр, ибо без новой крови народ понго погибает. Но каков будет исход этого дела — знает только он один, ибо читать будущее может только бог.

Он остановился, потом вдруг быстро спросил:

— Не имеешь ли ты еще чего-нибудь сказать, о будущий Калуби? Бог заставляет меня спросить тебя об этом.

— Да, о Мотомбо. Много лет тому назад бог откусил палец у нашего господина Калуби. Калуби, слышавший, что в земле мазиту есть белый человек, который умеет хорошо лечить и живет около большого озера, взял лодку и поплыл к тому месту, где расположился лагерем белый человек по имени Догита — вот этот, с белой бородой, который стоит перед тобой. Я последовал за ним в другой лодке, ибо хотел узнать, что он собирается делать, и посмотреть на белого человека. Я спрятал свою лодку и тех, кто был со мною, в камышах, далеко от лодки Калуби, потом пошел вброд по мелкой воде и спрятался в густом тростнике около полотняного дома белого человека. Я видел, как белый человек отрезал Калуби больной палец, и слышал, как Калуби просил белого человека прийти в нашу страну с железной трубой, изрыгающей дым, и убить бога, которого он боится.

Все были крайне поражены этим сообщением, а Калуби снова пал ниц на землю и лежал неподвижно. Только Мотомбо, казалось, совсем не был удивлен — быть может потому, что он уже знал эту историю.

— Это все? — спросил он.

— Нет, о уста бога! Вчера вечером, после совещания, о котором ты уже слышал, Калуби, закутавшись как мертвое тело, посетил белых людей в их хижине. Я знал, что он сделает это, и потому приготовился. С помощью острого копья я пробуравил дыру в стене хижины, действуя из-за ограды. Потом я просунул сквозь ограду к этой дыре длинную камышинку и, приложив ухо к ее концу, слышал все, что говорилось в хижине.

— Ох, как хитро! — с невольным восхищением пробормотал Ханс. — О Ханс, хоть ты и стар, тебе надо еще многому поучиться!

— Среди многого другого, что я могу передать тебе, о Мотомбо, — спокойно продолжал Комба среди всеобщего молчания, — я слышал, как наш господин Калуби, чье имя «Дитя бога», заключил с белыми людьми договор, по которому они должны убить бога (каким образом — я не знаю, ибо об этом не говорилось), взамен чего они должны получить Мать Священного Цветка, ее дочь, будущую Мать, и весь Священный Цветок, выкопанный с корнем. Кроме того, все они, вместе со Священным Цветком, должны быть переправлены через большую воду. Вот и все, о Мотомбо!

Среди напряженной тишины Мотомбо долго смотрел своими грозно сверкающими глазами на распростершегося перед ним Калуби. Потом вдруг Мотомбо громко заревел. Да, он ревел, словно раненый буйвол! Я никогда не поверил бы, что такой сильный звук может исходить из груди столь хилого человека. В продолжение почти целой минуты его яростный крик эхом раздавался по всей пещере. Между тем воины понго, вскочив на ноги, указывали руками (некоторые из них все еще держали горящие факелы) на несчастного Калуби, на котором, по-видимому, больше, чем на нас, сосредоточился их гнев, и шипели, словно змеи. Поистине эта была адская сцена, в которой Мотомбо играл роль Сатаны. Его грузная дьявольская фигура на тонких, как у жабы, ногах, большие костры, горевшие по обеим сторонам пещеры, бледный вечерний свет, отражавшийся в тихой воде на заднем плане и придававший зловещий вид деревьям на горе, белые фигуры понго, обращенные к несчастному осужденному и шипевшие, словно разъяренные змеи — все это казалось ужасным кошмаром.

Наконец Мотомбо схватил свой причудливый рог и затрубил. На звук его из всех дверей выбежали женщины, но, видя, что в них нет надобности, остановились в выжидательных позах. Лишь только звуки рога

замолкли, тотчас же воцарилась глубокая тишина, нарушавшаяся треском костров.

— Все кончено, старина! — шепнул мне дрожащим голосом Стивен.

— Да, — ответил я, — все кончено. Теперь сомкнемся потеснее и постараемся продать свою жизнь как можно дороже. У нас есть копья...

В это время Мотомбо снова заговорил:

— Итак ты, бывший Калуби, вместе с белыми людьми, которым пообещал отдать Священный Цветок и тех, кто охраняет его, задумал убить бога? Хорошо! Ты и все они должны пойти и поговорить об этом с богом. А я отсюда посмотрю, кто умрет — вы или бог. Возьмите их!

XVI. Боги

С громким криком бросились на нас воины понго. Мавово, кажется, успел поднять копье и убить одного из них, так как я видел, как этот воин упал навзничь и остался неподвижным. Но они очень скоро справились с нами. Через полминуты мы были схвачены, копья были вырваны из наших рук, и мы, все шестеро (вернее, семеро, включая Калуби), были брошены в лодку. Несколько воинов под предводительством Комбы, занявшего место на корме, прыгнули в лодку, которая быстро была выведена из-под платформы, где сидел Мотомбо, и направлена через выход из бухточки в тихие воды канала или залива, отделявшего скалистую громаду, с пещерой внутри, от основания горы.

Когда мы выплывали из пещеры, Мотомбо, беспокойно вертевшийся на своем сидении, закричал Комбе:

— О Калуби! Отвези бывшего Калуби и троих белых людей с их слугами к краю леса, называемого «Домом бога», и оставь их там. Потом возвратись в город Рику. Когда все будет окончено, я призову тебя.

Комба кивнул своей красивой головой. По его знаку двое воинов взяли за весла (большого числа гребцов не требовалось), и лодка медленно поплыла через канал.

Первое, что мне бросилось в глаза, это чрезвычайно черный цвет воды, причиной чего, я полагаю, была ее глубина и тень, отбрасываемая скалой с одной стороны и высокими деревьями — с другой. Кроме того, я заметил, что оба берега этого канала служат убежищем для множества крокодилов, лежавших повсюду словно бревна. Далее я увидел, что в том месте, где канал сужается, из воды торчат зубчатые сучья, как будто туда упали или были сброшены большие деревья. Я вспомнил о Бабембе, бежавшем отсюда в лодке этим путем, и подумал, что это было бы теперь невозможно из-за упомянутых деревьев. Переплыть через них можно было бы только во время большого половодья.

Через две — три минуты мы достигли противоположного берега. Нос лодки врезался в мель, спугнув больших крокодилов, которые с сердитым всплеском исчезли в глубине.

— Выходите на берег, белые господа, выходите! — сказал Комба с крайней учтивостью. — Посетите бога, который, без сомнения, ждет вас. Прощайте, так как мы больше никогда не встретимся. Хотя вы и мудры, а я глуп, но выслушайте мой совет и вспомните его, если когда-нибудь снова

вернетесь на землю. Держитесь поближе к своему собственному богу, если у вас таковой имеется, и не вмешивайтесь в дела богов других народов. Еще раз прощайте!

Потом, под угрозой копий понго, мы вышли на тинистый берег. Брат Джон вышел первым с улыбкой на своем красивом лице, которая при таких обстоятельствах казалась мне неуместной, хотя, без сомнения, он лучше меня знал, когда ему следует улыбаться. Калуби вышел последним. Его ужас перед зловещим берегом был так велик, что он почти насильно был удален из лодки своим наследником Комбой. Однако когда он покинул ее, к нему вернулось некоторое мужество, так как он обернулся и сказал Комбе:

— Помни, о Калуби, что постигшая меня участь будет в свое время твоей участью. Богу скоро надоедают его жрецы. Через год, два или больше, — ты неизбежно последуешь за мной!

— Тогда, о бывший Калуби, — насмешливо ответил Комба, отталкивая лодку, — попроси за меня бога, чтобы это случилось попозже. Попроси его, когда твои кости будут трещать в его объятиях!

Глядя на удалявшуюся лодку, я вспомнил одну картинку из старой латинской книжки моего отца, на которой были изображены души умерших, перевозимые неким Хароном^[118] через реку Стикс. Сцена, открывавшаяся перед нами, очень напоминает эту картинку. Тут была лодка Харона, плававшая по ужасному Стиксу. Там, вдали, сиял свет мира — здесь был печальный, неведомый берег. А мы — мы были душами умерших, ожидающих гибели от зубов или когтей неведомого чудовища... Ох! Параллель была удивительно точной! И как вы думаете, какое замечание последовало со стороны этого сумасшедшего Стивена?

— Наконец-то мы попали сюда, старина! — сказал он. — И это удалось нам, можно сказать, без больших хлопот. Ох, как весело! Ура!

Он плясал на топком берегу, подбрасывая вверх свою шляпу и выпуская веселые крики.

— Сумасшедший! — только и мог сказать я. — Ему весело! — Конечно, иногда безумие человека проявляется в веселости. Потом я спросил Калуби, где находится бог.

— Всюду, — ответил он, указывая дрожащей рукой на безграничный лес. — Быть может, за этим деревом, быть может, за тем, быть может, далеко отсюда. Мы узнаем это до наступления утра.

— Что же ты намерен делать? — сердито спросил я его.

— Умереть, — ответил он.

— Послушай, глупец! — воскликнул я. — Ты можешь умереть, если тебе нравится, но мы вовсе не желаем этого. Проведи нас в какое-нибудь

место, где мы могли бы укрыться от вашего бога.

— Никто не может спастись от бога, господин, особенно в его собственном Доме, — он отрицательно покачал своей глупой головой, потом продолжал: — Как нам спастись, когда отсюда никуда нельзя уйти?

Калуби нерешительно направился вверх по горе. Я спросил его, куда он идет.

— На кладбище, — ответил он. — Там можно найти копья, похороненные вместе с костями.

Я принял это к сведению (ибо нельзя пренебрегать копьями, когда у нас имеются только складные ножи) и приказал ему вести нас туда.

Через минуту мы поднимались вверх по холму через страшный лес, где сумерки надвигавшейся ночи напоминали лондонский туман.

Пройдя триста или четыреста шагов, мы вышли на открытое место, где прямо на земле стояло много железных ящиков. На каждом из них лежал покрытый плесенью, наполовину сломанный череп.

— Бывшие Калуби! — пробормотал в виде пояснения наш проводник. — Смотрите, Комба уже приготовил для меня гроб! Он указал на новый ящик с открытой крышкой.

— Какая заботливость с его стороны! — сказал я. — Но покажи нам, где копья, пока не стало совсем темно.

Он подошел к одному из более новых гробов и сказал, чтобы мы подняли его крышку, так как он боится сделать это. Я сбросил ее в сторону. В гробу лежали кости, из которых каждая, за исключением, конечно, черепа, была во что-то завернута. Тут же стояло несколько горшков, наполненных, по-видимому, золотым песком, и лежали два прекрасных копья.

Мы открыли несколько гробов и извлекли из них еще несколько копий, положенных туда для того, чтобы покойник мог пользоваться ими во время своего путешествия в царство теней. Древки большинства из них несколько подгнили от сырости, но, к счастью, наконечник каждого копья был снабжен медным гнездом, имевшим вид трубки длиной около трех футов, что давало возможность пользоваться им даже без древка.

— Плохое оружие для борьбы с дьяволом! — заметил я.

— Да, баас, — весело ответил Ханс, — но у меня есть кое-что получше!

Я посмотрел на него — все обернулись с изумлением.

— Что ты хочешь сказать, Пятнистая Змея? — спросил Мавово.

— Что ты мелешь, сын сотни идиотов? Разве сейчас время шутить? Довольно с нас и одного шутника! — сказал я, посмотрев на Стивена.

— Что я хочу сказать, баас? Разве баас не знает, что при мне есть маленькое ружье Интобми, то самое, из которого баас стрелял коршунов в краале Дингаана? Я ничего не говорил, потому что думал, что баас знает об этом. Кроме того, я считал лучшим, чтобы баас не знал об Интомби, так как эти мерзкие понго могли случайно узнать о нем от бааса, а тогда...

— Он помешался, — прервал его брат Джон, хлопая себя по лбу, — совсем помешался, бедняга! Что ж, при таких обстоятельствах это вовсе неудивительно!

Я снова посмотрел на Ханса, так как был согласен с братом Джоном. Однако он совсем не походил на сумасшедшего, но казался еще более хитрым, чем обыкновенно.

— Ханс, — сказал я, — скажи нам, где это ружье, или я прикажу Мавово высечь тебя.

— Где это ружье, баас? Да разве баас не видит, что оно перед глазами бааса?

— Вы правы, Джон, — сказал я, — он помешался.

Но Стивен подбежал к Хансу и начал трясти его.

— Не надо трясти меня, баас, — запротестовал последний, — иначе ружье может испортиться.

Крайне изумленный, Стивен выпустил его.

Тогда Ханс сделал что-то с верхним концом своей огромной бамбуковой палки, потом осторожно перевернул ее и из нее выскользнул ствол ружья, тщательно обмотанный грязной тряпкой; его дуло было закупорено куском пакли.

Я был готов расцеловать Ханса. Да, такова была моя радость, что я готов был расцеловать этого грязного, скверно пахнущего старого готтентота!

— А ложе? — спросил я едва дыша. — Ведь без него, Ханс, ствол совсем бесполезен.

— Ох, неужели баас думает, что я, так много лет владеющий ружьем, не знаю, что у него должно быть ложе?

Он снял с плеч свой узел, развернул его и достал из него большую связку желтого табака, которая заинтриговала меня и Комбу на берегу озера перед нашим отплытием в Землю Понго. Он разорвал эту связку и вынул из нее ложе ружья, тщательно вычищенное, с одетым пистоном и спущенным курком, под который в виде предосторожности был на всякий случай подложен клочок пакли.

— Ты герой, Ханс! — воскликнул я. — Тебе цены нет!

— Да, баас. Хотя баас до сих пор ни разу не говорил мне этого. Я

решил, что мне на этот раз не следует спать перед лицом смерти. Кто теперь должен спать на постели, которую прислал мне Бауси? — спросил он, собирая ружье. — Я думаю, что ты великий глупец, Мавово. Ты не принес сюда ружья. Если бы ты был настоящим колдуном, ты послал бы сюда наперед наши ружья, чтобы мы могли найти их здесь готовыми. Что, теперь будешь смеяться надо мной, тупоголовый зулус?

— Нет, — искренне ответил Мавово. — Я дам тебе похвальное имя. Я составлю для тебя похвальное имя, о Мудрая Пятнистая Змея.

— Однако я не вполне герой, — продолжал Ханс, — и заслуживаю похвалу только наполовину. Ибо, хотя в моем кармане есть много пороха и пуль, но пистоны вывалились через дыру в моем жилете. Баас помнит, как я говорил ему о потерянных талисманах? Но все-таки осталось три пистона; нет, четыре, потому что один на ружье. Ну вот, баас, Интомби готово и заряжено. Теперь, когда придет Белый Дьявол, баас может прострелить ему глаз, как это он умеет хорошо делать с расстояния в сто ярдов, и отправить его прямо в ад к другим дьяволам.

Он с самодовольной улыбкой взвел курок и передал мне ружье готовым к стрельбе.

— Благодарение Богу, научившему этого бедного готтентота спасти нас! — торжественно сказал брат Джон.

— Нет, баас Джон. Меня научил этому не Бог. Я сам додумался до этого. Но смотрите, становится темно. Не развести ли нам огонь? — и, забыв о ружье, он начал искать дров.

— Ханс, — сказал ему Стивен, — если мы спасемся, я дам тебе пятьсот фунтов или, во всяком случае, это сделает мой отец.

— Спасибо, баас, спасибо, хотя сейчас мне больше всего хотелось бы выпить капельку водки. Но я совсем не могу найти дров!

Он был прав. Правда, около кладбища лежало несколько бревен, но они были слишком велики для того, чтобы мы могли их сдвинуть с места или разрубить на части. Кроме того, они, как и все вокруг, настолько были пропитаны сыростью, что поджечь их было совершенно невозможно.

Сумерки сгущались. Однако было не совсем темно, так как вскоре взошла луна, хотя небо было покрыто тучами, которые часто скрывали ее. Кроме того, мрак усиливался огромными деревьями. Мы присели на корточки, прижавшись поплотнее друг к другу, развернули одеяла, чтобы защитить себя от холода и сырости, и подкрепили свои силы сушеным мясом и поджаренными хлебными зернами, оказавшимися у Джерри в мешке, который, к счастью, остался у него на плечах, когда он был брошен в лодку. Кроме того, у меня сохранилась фляжка с водкой.

Вскоре после этого издали послышался ужасный рев, сопровождаемый шумом, похожим на барабанный бой — рев, какого никто из нас никогда не слышал, так как он не походил на рев известных нам животных.

— Что это? — спросил я.

— Бог, — простонал Калуби, — бог, молящийся луне, с восходом которой он всегда встает.

Я ничего не сказал, так как задумался о тех четырех зарядах, которые имелись в нашем распоряжении. Их нужно было беречь. Ох, зачем Ханс надел старый жилет вместо нового, подаренного ему мною в Дурбане!

Рев прекратился, и брат Джон начал расспрашивать Калуби, где живет Мать Священного Цветка.

— Господин, — рассеянно ответил он, — она живет там, по направлению к востоку. Надо пройти вверх по холму, по тропинке, отмеченной зарубками на деревьях, за Сад бога. Там, на вершине горы, есть вода, окружающая остров. На берегу ее, в кустах, спрятана лодка, в которой можно переправиться на остров, где живет Мать Священного Цветка.

Брат Джон, по-видимому, не был удовлетворен этими указаниями и заметил, что Калуби должен завтра показать нам эту тропинку.

— Не думаю, что когда-нибудь я буду в состоянии показать ее вам, — простонал несчастный в ответ. В этот самый момент бог снова заревел — на это раз значительно ближе.

Потом бог, находившийся уже совсем близко, начал колотить в какой-то большой барабан. На это раз он не ревел, а только барабанил. По крайней мере, производимые им звуки были очень похожи на барабанный бой, и в этом ужасном лесу, среди ящиков с лежащими на них черепами, они действовали на нас самым угнетающим образом.

Барабанный бой прекратился. Как раз в это самое время густая дождевая туча совсем закрыла луну и мрак усилился. Потом я увидел страшную черную тень, которая с чрезвычайной поспешностью приближалась к нам с дальнего конца поляны. В следующую секунду в нескольких футах от меня послышался шум легкой борьбы, сопровождавшейся подавленным криком, и я снова увидел тень, удалявшуюся в том направлении, откуда она появилась.

— В чем дело? — спросил я.

— Зажигайте спичку, — ответил брат Джон, — кажется, что-то произошло.

Я зажег спичку, которая загорелась хорошо, так как воздух был совершенно неподвижен. При свете ее прежде всего я увидел встревоженные лица членов нашей компании (какой ужасный вид они

имели!), потом Калуби, стоявшего, шевеля окровавленным остатком своей правой руки.

— Бог посетил меня и взял у меня руку! — горестно простонал он.

Никто из нас не проронил ни слова. Трудно было выразить что-нибудь словами. Однако мы при свете спички попытались сделать перевязку этому несчастному человеку. Потом снова сели и ждали, что будет дальше.

Мрак усилился еще больше, так как луну заволокло густое облако, и тишина — эта абсолютная тишина тропического леса, — нарушалась только нашим учащенным дыханием, жужжанием moskitov, отдаленными всплесками крокодилов и подавленным стоном искалеченного человека.

Снова я увидел (это было, вероятно, полчаса спустя), как по направлению к нам метнулась черная тень, словно щука в пруде, бросившаяся на мелкую рыбу. Снова слева от меня послышался шум борьбы, за которой последовал протяжный стон.

— Калуби исчез! — прошептал Ханс, сидевший между мной и Калуби. — Его словно ветром сдуло. Где он сидел, там теперь пустое место.

Вдруг луна выглянула из-за туч. При ее бледном свете, приблизительно на полпути между нами и краем поляны, т.е. ярдах в тридцати от нас, я увидел... ох, что я увидел!

Огромное темно-серое существо, похожее на чудовищного человека, держало в своих руках Калуби. Голова последнего скрывалась на животе чудища, которое своими огромными руками, казалось, разрывало несчастного на куски. По-видимому, он был уже мертв, хотя его ноги, беспомощно висевшие над землей, слабо шевелились.

Я вскочил на ноги, поднял ружье, курок которого был взведен, прицелился зверю к голову (хотя сделал это почти наудачу, так как она была видна не отчетливо), и спустил курок. Выстрел последовал не сразу: либо порох, либо пистоны отсырели во время путешествия. В этот момент чудовище увидело меня. Оно бросило Калуби и, как бы предчувствуя что-то, подняло вверх свою огромную правую руку, точно желая прикрыть ею голову. Я выстрелил и при свете мгновенной вспышки молнии увидел, как огромная рука чудовища беспомощно опустилась вниз, и в следующий момент весь лес наполнился ужасным воем, в котором слышалось страдание.

— Сомкнитесь теснее, — крикнул я, — держите перед собою копья, пока я снова заряжу ружье!

Я опасался, что чудовище бросится на нас. Но оно этого не сделало. В продолжение всей этой ужасной ночи мы больше не видели и не слышали его. Я начал надеяться, что моя пуля смертельно ранила эту огромную

обезьяну и она уже издохла.

Наконец наступила заря и осветила нас, сидевших бледными и дрожащими среди серого тумана.

Когда рассеялся туман, мы отправились на поиски Калуби и нашли его... но я не стану описывать, что мы нашли.

Мы положили его изуродованные останки в ящик, заботливо заготовленный Комбой для этого неизбежного случая, а брат Джон прочел над ним молитву. Потом, после небольшого совещания, мы в весьма подавленном состоянии духа отправились искать дорогу в обителище Матери Священного Цветка.

Вначале все шло хорошо, так как от поляны вверх по холму была проложена отчетливая, хотя и узкая тропинка. Потом идти стало значительно труднее, так как лес стал гуще. К счастью, в нем росло много ползучих растений, но густая листва огромных деревьев совершенно скрывала от нас небо, так что кругом царил полумрак, превращавший день в ночь. Ох, какое это было печальное путешествие! Бледные, полные тревожных опасений, осторожно переходили мы от дерева к дереву, рассматривая зарубки, указывавшие дорогу, и разговаривая при это шепотом, дабы не привлечь внимания ужасного бога. Пройдя милю или две, мы увидели, что, несмотря на принятые нами меры предосторожности, его внимание все-таки привлечено, так как по временам мы замечали его среди деревьев.

Ханс хотел, чтобы я выстрелил в это существо, но я не решался, так как знал, что попасть в него очень мало шансов. Располагая всего тремя зарядами, я должен был быть экономным.

Мы остановились, чтобы посоветоваться, и в конце концов решили, что идти вперед не более опасно, чем стоять на месте или пытаться вернуться обратно. Поэтому мы пошли дальше, держась как можно ближе друг к другу. Мне, как единственному обладателю ружья, была предоставлена честь идти впереди всех, каковой я, впрочем, совсем не оценил...

Пройдя еще полмили, мы услышали барабанные звуки, происходившие, вероятно, оттого, что огромное животное колотило себя в грудь. Но эти звуки были не так часты, как в предыдущую ночь.

— Ха! — сказал Ханс. — Он может бить в свой барабан только одной палкой. Пуля бааса сломала другую!

Немного спустя бог заревел совсем близко и так громко, что от его рева, казалось, задрожал воздух.

— Что бы там ни случилось с палками, а барабан цел, — сказал я.

Мы прошли еще около сотни ярдов, после чего разыгралась настоящая трагедия. В это время мы достигли места, где одно из деревьев упало на землю, открыв наверху доступ для света. Я до сих пор ясно помню это место. Тут лежало огромное дерево, покрытое серым мхом, обросшее со всех сторон кустами гигантского волосатого папоротника. С нашей стороны было небольшое открытое пространство футов в сорок шириной, на которое отвесно падал свет, проходивший через отверстие наверху, словно через дымовой ход туземной хижины. За распростертым на земле стволом дерева я увидел сперва пару угрюмых глаз, злобно сверкавших в тени, затем, почти в то же самое мгновение, — дьявольскую голову, окруженную светло-зеленым папоротником.

Я не могу описать эту голову, но утверждаю, что она походила на голову Дьявола, с бледным лицом, огромными, низко нависшими бровями и большими желтыми клыками по обеим сторонам рта. Прежде чем я успел поднять ружье, чудовище с ужасным ревом бросилось на нас. Я увидел, как его огромная серая фигура очутилась на стволе лежащего дерева, как она быстро промчалась мимо меня, держась прямо, словно человек, но с вытянутой вперед головой, и заметил, что ближайшая ко мне рука чудовища висит, словно сломанная. Потом я услышал крики ужаса и, обернувшись, увидел, что обезьяна схватила бедного мазиту Джерри, шедшего предпоследним. Она схватила его и понесла прочь, прижимая его здоровой рукой к своей груди. Джерри, вполне взрослый, несколько склонный к полноте мужчина, казался в этих ужасных объятиях ребенком, что может дать некоторое представление о величине этого необыкновенного существа. Мавово, обладавший храбростью буйвола, бросился на чудовище и вонзил ему в бок свое медное копье. Все, словно одержимые бесом, тоже бросились на него, за исключением меня, ибо (благодарение Богу!) я знал, что мне надо делать. Через три секунды посреди полянки завязалась отчаянная борьба. Брат Джон, Стивен, Мавово и Ханс — все поражали гориллу (это несомненно была горилла) копьями, хотя уколы последних, казалось, были для нее не страшнее булавочных уколов. К счастью для нас, животное не выпускало Джерри и, располагая всего одной здоровой рукой, могло только щелкать зубами на нападающих. Если бы оно подняло ногу, чтобы схватить кого-нибудь из нас, оно бы неизбежно потеряло равновесие и опрокинулось.

Наконец горилла, по-видимому, поняла это и бросила Джерри, сбив им с ног брата Джона и Ханса. Потом она прыгнула на Мавово, который, видя это, выставил навстречу ей копье, так что, когда горилла попыталась схватить его, конец копья уколол ее в грудь. Почувствовав боль, горилла

откинула руку, по пути сбив с ног Стивена, и занесла ее над Мавово, чтобы сокрушить его одним ударом. Тут мне представился случай, которого я ждал. До этого момента я не решался стрелять, боясь убить кого-нибудь из своих компаньонов.

Теперь, когда между мной и обезьяной никого не было, я, собравшись с духом, прицелился в ее огромную голову и спустил курок. Сквозь рассеивающийся дым я увидел, как она на момент осталась неподвижной, словно задумалась, потом вскинула вверх здоровую руку, закатила свои свирепые глаза и, издав жалобный вой, пала мертвой. Пуля пробил ей голову как раз за ухом и застряла в мозгу.

Вслед за тем наступила глубокая тишина. В продолжение некоторого времени никто из нас не проронил ни слова. Потом откуда-то из мха послышался тоненький голосок, напомнивший мне шум воздуха, выпускаемого из резиновой подушки.

— Прекрасный выстрел, баас, — пропищал он, — такой же, как и тот, которым баас убил Короля Коршунов в краале Дингаана, даже более трудный. Но если баас сможет стащить с меня бога, я скажу баасу спасибо.

Последние слова были еле слышны, и неудивительно, так как Ханс лишился чувств. Он лежал под огромным трупом гориллы, и только его нос и рот были чуть-чуть видны между туловищем и рукой животного. Если бы не мягкий мох, я думаю, он был бы раздавлен.

Мы кое-как стащили с него труп гориллы и влили Хансу в горло немного водки, которая произвела на него удивительное действие, так как менее чем через минуту он приподнялся, дыша словно умирающая рыба, и попросил еще водки.

Предоставив брату Джону осмотреть Ханса, действительно ли он цел и невредим, я отправился к бедному Джерри. Он был мертв. Брат Джон сказал мне потом, что у Джерри были переломаны обе руки, все ребра и даже позвоночный столб.

Меня удивляло, почему горилла, миновав нас, излила свой гнев именно на Джерри, шедшем позади всех. Это могло быть потому, что в предшествующую ночь последний сидел около Калуби, что заставило обезьяну отождествить ее с человеком, которого она ненавидела. Мы осмотрели мертвого бога. Поистине это было ужасное существо! Каковы в точности были его размеры и вес — мы не имели возможности установить, но я никогда не слышал о таких огромных обезьянах. Понадобились объединенные усилия всех нас, пяти человек, чтобы поднять ее труп с потерявшего сознание Ханса и даже для того, чтобы переворачивать его с боку на бок, когда мы некоторое время спустя снимали с нее шкуру.

Несомненно, она была очень старой. Ее длинные желтые клыки были наполовину стерты, глаза глубоко провалились, а шерсть на голове, которая, как я слышал, обыкновенно бывает бурого или коричневого цвета, была совершенно белая; даже та, которая покрывала грудь (обыкновенно — черная), имела сероватый оттенок. Можно было легко поверить, что это существо прожило сотни две лет, как объявил Мотомбо. Стивен высказал мысль, что с гориллы следует содрать шкуру, и хотя у меня было мало надежды на то, что нам удастся унести отсюда столь большую редкость, тем не менее я согласился на это и оказал свое содействие в выполнении этой операции. Брат Джон ворчал, что мы напрасно теряем время, но я считал, что всем нам надо отдохнуть после пережитых волнений и схватки с огромным чудовищем. Мы принялись за работу и, потрудившись более часа, сняли с него шкуру, которая была такой толстой, что наши медные копья оставили на ней незначительные следы.

Пуля, которую я послал зверю в предыдущую ночь, попала ему в верхнюю часть левой руки, лишив его возможности действовать этим членом. Это обстоятельство было для нас очень счастливым, так как если бы животное располагало обеими руками, нас погибло бы значительно больше.

Когда шкура была снята, мы развесили ее на полянке сырой стороной вверх, чтобы высушить ее на солнце. Потом, похоронив бедного Джерри в пустом дупле лежавшего на земле огромного дерева, мы подкрепили силы оставшейся у нас пищей.

После этого мы снова двинулись вперед — на этот раз в значительно лучшем настроении. Правда, Джерри был мертв, но зато был мертв и бог. Больше никогда не будут Калуби Земли Понго трепетать за свою жизнь перед тем ужасным божеством, которое рано или поздно становилось их палачом!

Чего бы я не отдал за то, чтобы узнать историю этого зверя! Могло ли быть, как утверждал Мотомбо, что он пришел вместе с народом понго из прежнего местожительства понго в Западной или Центральной Африке? Или, быть может, он был доставлен сюда пленником?

Я не могу ответить на эти вопросы, но следует заметить, что никто из мазиту и других туземцев не слышал о существовании горилл в этой части Африки. Это все, что я могу сказать об этом звере, хотя у понго, конечно, была своя собственная история. Согласно ей, это был злой дух в образе обезьяны, некогда живший в теле одного из первых Калуби, убитого этой обезьяной. По этой причине она убивала всех Калуби, чтобы «освежить себя человеческим духом» и тем самым избежать разрушительного

действия времени. Но если даже этот бог обладал какими-либо сверхъестественными качествами, то все же они не смогли защитить его от моей пули.

Пройдя небольшое расстояние, мы вдруг вышли на открытое место, которое, как мы сразу догадались, было «Садом бога», где несчастные Калуби должны были два раза в год засеивать «священное семя». Это был большой сад площадью в несколько акров, расположенный на плоской горной террасе и орошаемый ручьем. В нем росли маис и другие злаки, окруженные поясом густых смоковниц. Этот сад доставлял пищу богу-обезьяне, которая, судя по многим признакам, приходила сюда, когда была голодна. Содержался он довольно хорошо; сорные травы в нем почти отсутствовали. Уход за ним лежал, как говорил Калуби, на обязанности служанок Матери Цветка, которые были либо альбиносками^[119], либо немыми.

Мы пересекли этот сад и снова стали подниматься на гору по удобной, хорошо утоптанной тропинке. Теперь нам было ясно, что мы приближаемся к краю кратера. Наше возбуждение было столь велико, что мы не могли говорить, а брат Джон, несмотря на свою больную ногу, шел так быстро, что мы не поспевали за ним. Он первым достиг края кратера; Стивен не отставал от него.

Я бросился к ним, и перед моими глазами открылась такая картина: у наших ног был крутой склон, совершенно лишенный леса, который оканчивался у края кратера; этот склон тянулся вниз на расстояние приблизительно полумили до берега красивого озера площадью около двухсот акров; посреди этого голубого озера лежал остров площадью не более двадцати пяти — тридцати акров, который, очевидно, обрабатывался, так как на нем были хлебные поля, росли пальмы и другие плодоносные деревья; посреди острова стоял небольшой красивый домик с верандой и тростниковой изгородью. На некотором расстоянии от него находилось несколько туземных хижин, а перед ними — небольшое пространство земли, окруженное высокой стеной, над которой на шестах были укреплены циновки, по-видимому защищавшие что-то от ветра или солнца.

— Держу пари, что там растет Священный Цветок! — возбужденно воскликнул Стивен (он не мог думать ни о чем другом, кроме этой проклятой орхидеи). — Смотрите! Эти циновки находятся на солнечной стороне, чтобы защищать его от палящих лучей, а эти пальмы посажены для того, чтобы доставлять ему тень...

— Там живет Мать Цветка, — прошептал брат Джон, указывая на дом. — Кто она? Кто она? Что, если я ошибаюсь... Не дай Бог, иначе я не

перенесу этого.

— Лучше всего пойдем и посмотрим, что там, — сказал я, и мы почти бегом начали спускаться вниз.

Через пять минут мы, запыхавшись и обливаясь потом, достигли озера и начали искать в камышах и кустах, покрывавших его берега, лодку, о которой говорил Калуби.

Вдруг Ханс, который, повинуясь некоторым указаниям, замеченным его опытным глазом, направился влево, поднял вверх руку и засвистел. Мы бросились к нему.

— Она здесь, баас, — сказал он, указывая на небольшой заливчик, заросший кустарником и густым камышом. Мы раздвинули камыши и действительно нашли в них лодку, которая могла вместить двенадцать — четырнадцать человек, и несколько пар весел.

Через две минуты мы плыли через озеро.

Мы благополучно достигли острова, где нашли маленькую пристань, построенную на опущенных в воду бревнах. Потом привязали лодку и направились к дому по тропинке, которая вела через обработанные поля. Тут я настоял на том, чтобы меня пустили идти впереди всех, на случай, если мы подвергнемся внезапному нападению.

Тишина и полное отсутствие жизни внушали мне мысль о возможности этого, так как наш переезд через озеро не мог остаться незамеченным. Впоследствии я узнал, почему это место казалось необитаемым. Это было по двум причинам: во-первых, теперь был полдень — время, когда эти бедные служанки удалялись в свои хижины, чтобы поесть и провести в них жаркое время дня, во-вторых, хотя служанка, исполнявшая обязанности сторожа, заметила на озере лодку, тем не менее она решила, что это едет Калуби, намеревающийся посетить Мать Цветка, и поэтому, согласно обычаю, удалилась в свою хижину, так как редкие встречи Калуби и Матери Цветка носили религиозный характер и должны были происходить без свидетелей. Прежде всего мы подошли к небольшому огороженному пространству, окруженному пальмами, которое, как я уже говорил, было защищено с солнечной стороны циновками.

Шагах в пяти от упомянутой изгороди стояла другая высокая тростниковая изгородь, окружавшая дом. В ней были ворота, сделанные тоже из тростника. Прокравшись как можно осторожнее к полураскрытым воротам (мне казалось, что я слышу за ними чей-то голос), я заглянул в них.

Футах в четырех или пяти в стороне находилась веранда, на которой была дверь, ведущая в одну из комнат дома, где стоял стол, по-видимому

обеденный.

На этой веранде стояли две белые женщины в белых одеждах, украшенных пурпурной бахромой, в браслетах и других украшениях из туземного червонного золота. Одной из них можно было дать лет сорок. Это была белокурая, несколько полная женщина с голубыми глазами; ее золотистые волосы были распущены.

Другой было лет двадцать. Она была тоже белокурой, но глаза у нее были серого цвета, и ее длинные волосы имели каштановый оттенок.

Я сразу заметил, что она стройна и очень красива.

Я обернулся и посмотрел на брата Джона. Он находился в состоянии крайнего волнения и не мог ни двигаться, ни говорить.

— Удерживайте его, — шепнул я Стивену и Мавово, — пока я буду говорить с этими леди.

Потом, передав ружье Хансу, я снял шляпу, раскрыл ворота и, пройдя в них, кашлянул, чтобы привлечь внимание дам.

Обе женщины испуганно оглянулись и смотрели на меня, как на привидение.

— Леди! Прошу вас, не пугайтесь меня! — сказал я с поклоном. — Я принадлежу к небольшой группе белых людей, которым с некоторыми затруднениями удалось проникнуть сюда и... вы позволите нам посетить вас?

Они продолжали смотреть на меня с изумлением. Потом старшая леди сказал:

— Я Мать Священного Цветка, и чужестранец, говорящий со мною, обречен на смерть! Если ты человек, то как удалось тебе добраться сюда живым?

— Это длинная история, — весело ответил я. — Можем ли мы войти? Идя сюда, мы рисковали, но риск — дело для нас привычное, и мы надеемся, что сможем быть вам полезными. Я должен объяснить, что трое из нас — белые люди: двое англичан и один американец.

— Американец? — воскликнула она. — Как его зовут, как он выглядит?

— Ох, — смущенно ответил я, — он старенький, с белой бородой... Коротко говоря, он похож на рождественского деда; а его имя... — (Я не решился сразу назвать его имя), — видите ли, мы зовем его братом Джоном. Но я думаю, — прибавил я, — что у него есть некоторое сходство с вашей подругой...

Услышав это, леди едва не лишилась чувств (я проклинал себя за неосторожность); она ухватилась за молодую девушку, чтобы удержаться

на ногах, по-видимому поняв смысл моих слов.

— Леди! Прошу вас, успокойтесь! — сказал я. — Пережив столько горя, было бы весьма неблагоприятно умереть от радости. Могу ли я привести сюда брата Джона?

Она сделала над собой некоторое усилие и прошептала:

— Пошлите его сюда.

Я выбежал за ворота, взял брата Джона за руку (теперь он несколько оправился) и потащил его за собой.

Брат Джон и пожилая леди стояли, пристально смотря друг на друга. Молодая леди тоже смотрела на них широко открытыми глазами и с раскрытым ртом.

— Лизбет! — сказал брат Джон.

— Муж мой! — вскрикнула она, бросаясь к нему на грудь.

Я выскользнул за ворота и поспешно закрыл их за собой.

— Скажите, Аллан, — обратился ко мне Стивен, когда мы отошли на некоторое расстояние, — вы рассмотрели ее?

— Кого? — спросил я.

— Молодую леди в белой одежде. Она прехорошенькая.

— Удержите свой язык, осел вы этакий! — ответил я. — Разве время теперь говорить о подобных вещах?

Я отошел к изгороди и буквально плакал от радости. Это был один из счастливейших моментов в моей жизни, ибо как редко бывают подобные случаи!

XVII. Дом Священного Цветка

Прошло около получаса. В продолжение этого времени я обдумывал наше положение и слушал болтовню Стивена. Он говорил мне, во-первых, о том, как должен быть хорош Священный Цветок, и, во-вторых, о красоте глаз молодой леди в белом. Мне едва удалось убедить его не пытаться до поры до времени проникнуть в ограду, где росла орхидея. Во время нашего разговора ворота открылись и в них показалась молодая леди.

— Сэр, — сказала она с почтительным поклоном на своем забавном английском языке, — мать и отец... да, отец... спрашивают, не хотите ли вы и ваши товарищи поесть?

Мы ответили, что хотим, и она повела нас к дому.

— Не удивляйтесь, глядя на них, так как они очень счастливы, и не взыщите с нас за пресный хлеб, — сказала она. После этого она весьма учтиво взяла меня за руку, и мы в сопровождении Стивена вошли в дом, оставив Мавово и Ханса охранять его снаружи.

Дом состоял из двух комнат. В первой мы нашли брата Джона и его жену. Они сидели рядом и восхищенно смотрели друг на друга. Я заметил, что перед этим они, по-видимому, плакали, но это, несомненно, были слезы радости.

— Лизбет, — сказал брат Джон, когда мы вошли, — это мистер Аллан Квотермейн, благодаря решительности и смелости которого мы снова вместе. А этот молодой джентльмен — мистер Стивен Соммерс, его компаньон.

Она поклонилась и протянула нам руку, которую мы пожали.

Потом мы сели за стол, чтобы подкрепиться пищей, состоявшей из овощей и утиных яиц, сваренных вкрутую. Большие порции того и другого были отнесены Стивеном и мисс Хоуп Хансу и Мавово. Хоуп было имя девушки, данное ей матерью как родившейся в час глубокого отчаяния^[120]. Миссис Эверсли вкратце рассказала нам свою необыкновенную историю. Она бежала от Хассан-бен-Магомета и работоторговцев, как рассказывал ее мужу перед своей смертью невольник в Занзибаре, и, проблуждав несколько дней, была захвачена небольшим отрядом понго, вышедшим, по-видимому, на поимку пленников. Понго увезли ее в свою землю. В это время прежняя Мать Цветка умерла от старости, и миссис Эверсли была водворена на ее место на острове, который она с тех пор не покидала. Она была привезена сюда тогдашним Калуби и некоторыми из тех, кто

«миновал бога». Последнего она никогда не видала (хотя однажды слышала его рев), так как во время их путешествия он не появлялся. С этого момента с ней и ее ребенком все стали обращаться с большой заботливостью и благоговением, так как Мать Цветка и самый Цветок считались воплощением сил природы и плодородия, и это рождение рассматривалось как благоприятное предзнаменование для народа понго. Кроме того, понго надеялись, что со временем «Дитя Цветка» займет место свой матери. Так жили они здесь в полном одиночестве, занимаясь надзором за обработкой острова. К счастью, при миссис Эверсли осталась маленькая Библия. Благодаря этому она имела возможность научить свою дочь читать.

Я часто думал, что если бы я был осужден на одиночное заключение и мне было бы позволено взять с собой только одну книгу, я выбрал бы Библию, так как, помимо всего изложенного в ней и красоты ее языка, она включает в себе историю надежды человека на спасение.

Довольно странно, но, подобно своему мужу, миссис Эверсли в продолжение этих бесконечных лет не теряла веры в свое избавление.

— Я все время была уверена, что ты, Джон, жив и что мы снова встретимся, — говорила она мужу.

Когда миссис Эверсли окончила свой рассказ, мы изложили ей в сжатом виде свою историю. Обе леди выслушали ее с большим удивлением. Когда она была окончена, я услышал, как мисс Хоуп сказала:

— Выходит, что спасителем нашим являетесь вы, о Стивен Соммерс!

— Конечно, — ответил Стивен, — но почему?

— Потому что вы, увидев в далекой Англии Священный Цветок, сказали: я должен иметь его. Потом вы заплатили серебрянники (тут сказало чтение ею Библии) за путешествие и наняли храброго охотника, чтобы он убил дьявола-бога и провел сюда вас и моего седоголового отца. Да, вы наш спаситель, — закончила она, очень мило кивнув ему головой.

— Это не совсем так, — ответил Стивен, — но я объясню вам все потом. А теперь, мисс Хоуп, не можете ли вы показать нам Цветок?

— Сделать это может только Мать Цветка. Если вы посмотрите на Цветок без нее, вы умрете.

— В самом деле? — воскликнул Стивен.

В конце концов, после долгого колебания, Мать Цветка согласилась сделать это, так как бог теперь был мертв. Однако она прежде всего отправилась в заднюю часть дома и хлопнула в ладоши. На этот зов явилась глухонемая старуха, представлявшая типичный образец туземной альбиноски. Она смотрела на нас с удивлением. Миссис Эверсли начала разговаривать с ней с помощью пальцев, причем делала это так быстро, что

я едва мог следить за их движениями. Старуха поклонилась до земли, потом поднялась и побежала по направлению к воде.

— Я послала ее за веслами от лодки, — сказала миссии Эверсли. — Я положу на них свою печать. Тогда никто не осмелится воспользоваться ими, чтобы переплыть через озеро.

— Это очень благоразумно, — заметил я, — так как нам бы не хотелось, чтобы Мотомбо узнал о нашем пребывании здесь.

Мы подошли к ограде, окружавшей Священный Цветок. Миссис Эверсли разрезала туземным ножом пальмовые волокна, припечатанные глиной к двери. Никто не мог войти в ограду, не сломав этой печати. Оттиск на ней был сделан небольшим предметом, который Мать Цветка носила на шее как знак занимаемого ею положения. Это был очень странный предмет, сделанный из золота и имевший на лицевой стороне глубоко вырезанное изображение обезьяны с цветком в правой руке. Кроме того, он был, по-видимому, очень древней работы; это указывало на то, что обезьяна и орхидея почитались народом понго с незапамятных времен.

Когда Мать Цветка открыла дверь, я увидел самое красивое растение, какое когда-либо видел человек. Размером оно было около восьми футов в поперечнике; его листья были темно-зелеными, длинными и узкими. Как раз в это время года оно цвело — я насчитал около двенадцати вполне распустившихся цветков. О размерах последних я уже упоминал, когда описывал высушенный экземпляр, поэтому нет нужды повторять это. По количеству цветков этого священного растения понго судили о том, будет ли данный год урожайным или нет. Если их было много, — они ждали хорошего урожая, если мало — плохого.

Иногда случалось, что растение вовсе не цвело; в таких случаях всегда ждали засухи и голода. Поистине это были замечательные цветы с их золотыми лепестками и темными пятнами в центре, чрезвычайно походившими на обезьяньи головы.

Но если орхидея поразила меня, то на Стивена она, можно сказать, произвела ошеломляющее действие. Он чуть с ума не сошел. Он долго смотрел на растение и в заключение бросился перед ним на колени, тем самым заставив мисс Хоуп воскликнуть:

— Как, о Стивен Соммерс, вы тоже поклоняетесь Священному Цветку?

— Да, — ответил он, — я готов умереть за него.

— Это вы еще успеете сделать, — заметил я в сердцах, так как не люблю, когда взрослые люди выставляют себя в глупом виде.

Вместе с нами в ограду вошли Мавово и Ханс, и я подслушал их

разговор, который весьма позабавил меня. Ханс объявил Мавово, что белые люди восхищаются этой сорной травой (он так и сказал: «сорной травой») потому, что она похожа на золото, которое является действительно почитаемым ими богом, хотя этот бог известен среди них под разными именами. Мавово, которого это мало интересовало, ответил, что это, может быть, и так, хотя он убежден, что истинной причиной нашего поклонения этому растению является то, что из него добывается снадобье, дающее силу и храбрость. Я должен заметить, что зулусы ценят только те цветы, которые приносят какую-нибудь практическую пользу.

Налюбовавшись цветком вдоволь, я спросил миссис Эверсли, что представляют собой небольшие насыпи, расположенные за круглой влажной клумбой, на которой росла орхидея.

— Это могилы Матерей Цветка, — ответила она. — Здесь их двенадцать; а вот место для тринадцатой, которая предназначена для меня.

Чтобы переменить разговор, я задал ей другой вопрос, а именно, есть ли в этой стране еще такие орхидеи.

— Нет, — ответила она, — по крайней мере, я никогда не слышала об этом. Мне всегда говорили, что этот цветок доставлен сюда издалека много лет тому назад. Кроме того, согласно древнему закону ему не дают разрастаться. Я должна срезать и уничтожать с соответствующей церемонией всякий новый отросток, выходящий за пределы этой клумбы.

— Видите этот семенной плод, оставшийся на стебле одного из прошлогодних цветков? Он теперь вполне созрел и в ночь будущего новолуния, когда меня посетит Калуби, я должна буду сжечь его с известными обрядами в присутствии последнего.

При уходе я сорвал этот семенной плод, который размером был не больше апельсина. Никто не заметил этого, и я преспокойно спрятал его в карман.

Потом, предоставив Стивену и молодой леди восхищаться орхидеей (или друг другом), мы, трое старших, возвратились в дом, чтобы обсудить положение вещей.

— Мистер и миссис Эверсли! — сказал я. — Судьба привела вас снова встретиться после двадцатилетней разлуки. Но что делать дальше? Правда, горилла убита, и поэтому путь через лес свободен. Но за лесом есть еще водное пространство, переплыть которое нам не на чем. За водным пространством, у входа в пещеру, сидит, словно паук в паутине, старый колдун Мотомбо, а за Мотомбо и его пещерой — Комба, или новый Калуби, и целое племя людоедов...

— Людоедов? — прервала меня миссис Эверсли. — Я не знала, что

они людоеды. Правда, я знаю понго очень мало, так как почти не видела их.

— В таком случае поверьте мне, что это так. Кроме того, я убежден, что они собираются съесть нас. Теперь, предполагая, что вы, вероятно, не намерены провести всю свою жизнь на этом острове, я хотел бы узнать, как вы думаете бежать из Страны Понго?

Они покачали головами. По-видимому, они не думали об этом. Брат Джон погладил свою белую бороду и спросил:

— А на чем порешили вы, Аллан? Я и моя жена вполне полагаемся на вас. Вы так предусмотрительны.

После минутного размышления я позвал Ханса и Мавово, которые пришли и уселись на корточках на веранде.

— Ну и что вы решили? — спросил я, изложив им положение дела.

— Мой отец смеется над нами, — торжественно ответил Мавово. — Может ли что-нибудь решать крыса, сидящая в норе, в то время, когда собака ждет ее у входа? Я ничего не вижу, кроме смерти!

— Весело! — заметил я. — А что скажешь ты, Ханс?

— Ох, баас, — ответил готтентот, — я был мудр, когда мне пришла в голову мысль спрятать ружье Интомби в бамбуковую палку. Но теперь моя голова стала похожа на испорченное яйцо. Когда я пытаюсь вытряхнуть из нее мудрость, мои мозги размягчаются и болтаются в ней, как внутренность испорченного яйца. Однако у меня есть одна мысль: спросить совета у мисс. У нее молодой ум, и она не утомлена. Спрашивать бааса Стивена бесполезно, так как его голова занята теперь другим, — при этом Ханс улыбнулся, слегка оскалив зубы.

Скорее для того, чтобы дать себе время обдумать создавшееся положение, нежели по какой-нибудь другой причине, я позвал мисс Хоуп, которая только что вышла со Стивеном из священной ограды. Я объяснил ей, в чем дело, говоря медленно и ясно, чтобы она могла понять меня. К моему удивлению, она ответила сразу. Может ли бог быть привязанным к одному месту? Если он захочет путешествовать, видеть новые страны и прочее, то кто может запретить ему это?

— Я не совсем понимаю вас, — сказал я.

— Священный Цветок — бог, а моя мать — его жрица. Если Священному Цветку надоело и он хочет расти в другом месте, то почему жрице не перенести его туда и не переселиться вместе с ним?

— Великолепная идея! — сказал я. — Но видите ли, мисс Хоуп, тут есть, или, вернее, было два бога, из которых один не может путешествовать.

— О, это очень легко устроить! Наденьте шкуру лесного бога на этого

человека, — она указала на Ханса. — Кто заметит разницу? Они похожи друг на друга, как родные братья. Только этот меньше.

— Право, это великолепная идея! — восхищенно воскликнул Стивен.

— Что говорит мисс? — подозрительно спросил Ханс.

Я объяснил ему.

— Ох! — воскликнул Ханс. — Пусть баас подумает о запахе, который будет внутри шкуры бога, когда она нагреется на солнце. Кроме того, бог большого роста, а я малого.

Он обернулся к Мавово и предложил ему взять эту роль на себя, говоря, что она больше подходит к последнему, так как он обладает более крепким сложением.

— Я скорее умру, чем соглашусь на это, — ответил гордый зулус. — Могу ли я, воин, в жилах которого течет благородная кровь, наряжаться в шкуру мертвого зверя и явиться перед людьми в виде обезьяны? Мы поссоримся с тобой, Пятнистая Змея, если ты еще раз предложишь мне это.

— Мавово прав, — сказал я. — Он воин, очень сильный в сражении. Ты, Ханс, тоже силен свою хитростью и, надев шкуру гориллы, можешь оставить понго в дураках. Лучше поносить тебе в течение нескольких часов эту шкуру, чем быть нам всем убитыми.

— Да, баас, это правда. Конечно, для меня, как и для Мавово, лучше умереть, чем надеть эту шкуру. Однако мне будет приятно обмануть этих понго и, кроме того, я не хочу, чтобы бааса убили из-за того, что я не могу перенести дурного запаха. Итак, если нужно, то я сделаюсь богом.

Таким образом, дело было улажено благодаря самопожертвованию этого добряка Ханса, бывшего истинным героем всей этой истории. Мы решили пуститься в наше отчаянное предприятие на заре следующего дня. До этого времени нам нужно было сделать очень многое. Миссис Эверсли созвала всех служанок, которые, числом около двенадцати, вскоре собрались перед верандой.

Печально было смотреть на этих бедных женщин, из которых одна половина состояла из неприятных на вид альбиносок, а другая — из глухонемых. Миссис Эверсли, говорившая с ними в качестве жрицы, объявила, что живущий в лесу бог умер и что поэтому она должна взять Цветок и отправиться к Мотомбо, чтобы известить его об этой ужасной катастрофе. Тем временем они должны оставаться на острове и продолжать обработку полей.

Это приказание повергло несчастных женщин в большое уныние; они, по-видимому, были сильно привязаны к своей госпоже и ее дочери.

Старшая из них — высокая худая женщина с белыми волосами и

розовыми глазами — похожая, по словам Стивена, на ангорского кролика — бросилась на землю и, целуя ноги миссис Эверсли, спросила, когда она возвратится обратно, так как без нее и Дочери Цветка все они умрут от печали.

Подавив волнение, миссис Эверсли ответила, что она этого не знает: все будет зависеть от воли Неба и Мотомбо. Потом, чтобы прекратить дальнейшие разговоры, она приказала им принести заступы, которыми они обрабатывали землю, а также винные палки, циновки и веревки из пальмовых волокон, и помочь нам выкопать из земли Священный Цветок.

Это было произведено под руководством Стивена, чувствовавшего себя в этом деле, как в родной стихии, хотя такая работа была далеко не из легких. Она проходила весьма невесело, так как служанки все время плакали. Плакала даже мисс Хоуп, и я заметил, что ее мать тоже сильно взволнована. В продолжение свыше двадцати лет она была хранительницей этого растения, к которому, мне кажется, в конце концов стала относиться с таким же благоговением, как и народ понго.

Наконец наша работа была окончена. Мы выкопали растение вместе с землей, чтобы не дать ему засохнуть, причем старались по возможности не задевать его корней. Под ними, приблизительно на глубине трех футов, мы нашли несколько предметов. Одним из них был древний каменный фетиш грубой работы, имевший вид обезьяны с золотой короной. Этот предмет был небольших размеров и потому сохранился у меня до сих пор. Кроме того, там оказалась куча угля, среди которого было несколько наполовину сгоревших костей и малоповрежденный череп. Последний, по-видимому, принадлежал женщине низшей расы, быть может первой Матери Цветка.

Когда растение было окончательно отделено от почвы, на которой оно росло в течение столь многих лет, оно было помещено на большую циновку и искусно обложено влажным мхом. Последнее было выполнено Стивеном, который в подобных делах был настоящим художником. Циновка была обвязана вокруг корней растения; каждый его стебель был из предосторожности привязан к тонкой бамбуковой палочке. Потом вся связка была помещена на бамбуковые носилки и прикреплена к ним веревками из пальмовых волокон.

Тем временем стало темнеть. Все мы устали.

— Баас, — сказал мне Ханс, когда мы возвратились в дом, — не лучше ли будет, если мы с Мавово возьмем немного пищи и отправимся спать в лодку? Конечно, эти женщины не могут причинить нам вреда, но я, присмотревшись к ним сегодня, боюсь, как бы они не наделали из палок весел и не перебрались через озеро, чтобы предупредить обо всем понго.

Мне не хотелось разделять наше небольшое общество на две части, но мысль Ханса показалась мне благоразумной, и я согласился на это.

Вскоре Ханс и Мавово, вооружившись копьями и захватив с собой провизии, отправились на берег озера.

Стивен и я ночевали в ограде, рядом с упакованным Цветком, с которым он не хотел расставаться. Эта предосторожность оказалось не излишней, так как около полуночи я увидел при свете луны, как дверь осторожно приоткрылась и в ней показалось несколько женщин-альбиносок.

Я приподнялся, кашлянул и поднял ружье, после чего они убежали и больше не возвращались.

Брат Джон, его жена и дочь встали задолго до зари, чтобы сделать необходимые приготовления к путешествию, собрать запас провизии и прочее. Мы позавтракали еще при луне и с первыми лучами солнца тронулись в путь.

Я заметил, что миссис Эверсли и ее дочь с грустью расстаются с этим местом, где они мирно прожили в полном одиночестве так много лет, где последняя родилась и прожила до совершеннолетия.

Я решил, что до лодки Цветок должны нести обе леди, считая наилучшим, если служанки увидят, что их святыни находятся под попечением посвященных им жриц. Впереди шел я с ружьем, потом обе леди с Цветком (их белые одежды были покрыты плащами из древесной коры, обработанной особенным способом); брат Джон и Стивен, несшие весла, замыкали шествие.

Мы без всяких приключений дошли до лодки, где, к своему облегчению, нашли ожидающих нас Мавово и Ханса. Я поступил очень благоразумно, позволив им ночевать на берегу, так как ночью к ним подошло несколько альбиносок с явным намерением завладеть лодкой. Увидев, что она охраняется, они убежали.

Когда мы приготовились к отплытию, эти несчастные создания появились в полном составе и, бросившись на землю, со слезами умоляли Мать Цветка не покидать их.

Мы постарались отчалить возможно скорее, оставив плачущих альбиносок на берегу.

Достигнув противоположного берега озера, мы спрятали лодку в кустах, в том самом месте, где нашли ее, и отправились дальше.

Цветок несли теперь Стивен и Мавово, как самые сильные из нас. Стивен не жаловался на его тяжесть, но зулус начал проклинать растение после нескольких часов путешествия. Я думаю, что он отказался бы нести

Цветок, если бы не питал расположения к Стивену.

Мы пересекли Сад бога, где Калуби два раза в год разбрасывали священные семена. Животное обыкновенно нападало на наскучивших ему королей понго, когда последние проходили через этот огромный лес. Тот факт, что нападение всегда имело место после того, как семена бывали разбросаны, указывал на известную долю сметливости животного.

Эти нападения растягивались обыкновенно года на полтора. В первый раз бог сопровождал Калуби до сада и обратно, проявляя свою неприязнь к нему тем, что рычал на него. Во второй раз он хватал его за руку и откусывал ему один из пальцев (как было с нашим Калуби), что, благодаря заражению крови, обыкновенно вызывало смерть. Если же Калуби оставался в живых, то горилла убивала его в следующее посещение, чаще всего — откусив ему голову своей могучей пастью.

В таких посещения Калуби сопровождали избранные юноши, из которых всегда несколько погибало. Оставшихся невредимыми после шести посещений назначали к особым испытаниям до тех пор, пока их не оставалось только двое; последних объявляли «миновавшими бога» и «принятыми богом». Они пользовались большим почетом (как, например, Комба), и после смерти Калуби один из них занимал его место, сохраняя его в течение десяти лет, а иногда и дольше.

Я спросил миссис Эверсли, посещал ли когда-нибудь Мотомбо бога. Она ответила, что Мотомбо делал это один раз в пять лет. В таких случаях он после многих таинственных церемоний проводил во время полнолуния целую неделю в лесу. Один из Калуби рассказывал ей, что видел Мотомбо и бога сидящими рядом под деревом, обняв друг друга, и «разговаривающими, как братья».

За исключением еще нескольких рассказов о почти сверхъестественной хитрости Мотомбо — это все, что я узнал о нем.

Однако я должен упомянуть еще кое о чем в связи с рассказом Бабембы. Мне кажется, что понго пускали в лес пленников других племен для того, чтобы их бог мог позабавиться убийством. Такова была участь, на которую были обречены и мы, согласно обряду понго.

Пройдя через сад, мы достигли «Полянки упавшего дерева», где нашли шкуру зверя в том виде, в каком оставили ее, только несколько уменьшившейся в объеме.

Она, по-видимому, была посещена целой ордой лесных муравьев, которые, к счастью для Ханса, выели из нее все остатки мяса, оставив самую кожу абсолютно нетронутой, я полагаю потому, что она оказалась для них слишком твердой. Я никогда не видел более чистой работы.

Кроме того, эти маленькие трудолюбивые создания съели и самого зверя. От него ничего не осталось, за исключением чистых белых костей, лежащих в том же положении, в каком мы оставили его ободранную тушу. Эта мириадная армия съела все мясо, атом за атомом, и бесследно скрылась в глубине леса.

Как мне хотелось взять с собой огромный скелет гориллы, в добавление к моей коллекции трофеев; но это было невозможно. Брат Джон сказал, что любой музей предложил бы за него несколько сот фунтов, так как вряд ли где-нибудь есть экземпляр, подобный этому. Но скелет был слишком тяжел. Все, что я мог сделать, — это запечатлеть в своем уме его особенности путем внимательного осмотра его могучих костей. Кроме того, я вынул из его правой руки и сохранил на память пулю, которую всадил в нее, когда она держала Калуби. Пуля, раздробив кость, застряла в ней, но не сломала ее.

Мы отправились дальше, захватив с собою шкуру бога, голова, руки и ноги которого были предварительно набиты влажным мхом, с целью сохранить их форму. Эта ноша была не из легких, по крайней мере так говорили брат Джон и Ханс, несшие ее на сухой ветке. Об остальной части нашего путешествия к берегу вод, омывавших вход в пещеру, я могу сказать то, что, несмотря на тяжелую ношу, нам было значительно легче спускаться с крутого склона горы, нежели подниматься на него без последней. Однако мы продвигались вперед очень медленно и когда наконец достигли кладбища, до заката солнца оставалось не более часа. Тут мы сели отдохнуть и поесть, а также обсудить наше положение.

Что было делать? Перед нами лежало водное пространство, но у нас не было лодки, чтобы переправиться на противоположный берег. А что это был за берег? Пещера, где, словно паук в паутине, сидело создание, казавшееся человеком лишь наполовину.

Мы хотели перетащить через лес лодку, в которой переправлялись на Остров Цветка и обратно. Но эту мысль пришлось оставить, так как были бы не в состоянии протащить эту выдолбленную из целого бревна лодку на расстояние более пятидесяти ярдов.

Что же оставалось делать? Переправиться вплавь было невозможно из-за крокодилов. Кроме того, из всех нас умели плавать только я и Стивен. Для постройки же плота у нас не было подходящего материала.

Я позвал Ханса и, оставив всех на кладбище (мы знали, что там они в полной безопасности), мы отправились к берегу, прячась из предосторожности за покрывавшие его камыши и мангиферовый кустарник.

Жаркий день клонился к концу. Небо заволакивалось черными тучами, предвещавшими большую грозу.

Мы смотрели на темную тинистую воду, на крокодилов, дюжинами сидевших у берега, вечно чего-то ожидая, и на противоположную отвесную скалу с черневшим в ней входом в пещеру. Эта скала, вместе с омывавшими ее водами, насколько мог охватить глаз, уходила вдаль. Очевидно, единственный для нас путь лежал через пещеру, так как канал, через который Бабемба достиг большого озера, был теперь непроходимым. Мы искали какое-нибудь упавшее дерево, на котором можно было переправиться на противоположную сторону, или сухой тростник и хворост, из которых можно было бы сделать подобие плота, но ничего не находили.

— Если мы не добудем лодки, нам придется остаться здесь, — сказал я Хансу, сидевшему со мной под прикрытием камышей почти у самой воды.

Он ничего не ответил.

Я задумался и почти бессознательно начал смотреть на некоторого рода трагедию, разыгравшуюся в мире насекомых. Лесной паук очень крупной породы протянул между двумя камышинками огромную паутину величиной с раскрытый дамский зонтик. Среди этой паутины, нижняя часть которой почти касалась воды, сидел он в ожидании добычи, как крокодилы, подстерегавшие кого-то на берегу, как большая обезьяна, подстерегавшая Калуби, как Смерть, подстерегающая Жизнь, как Мотомбо, подстерегавший кто знает кого в своей пещере.

Больше всего этот черный паук с белым пятном на голове походил на Мотомбо...

Потом разыгралась трагедия.

Большая белая ночная бабочка, порхавшая с камышинки на камышинку, запуталась в нижней части паутины, всего лишь дюймах в трех от воды. Паук тотчас же бросился на нее и обхватил несчастную жертву своими длинными ногами, чтобы не дать ей биться.

Потом, спустившись ниже, он начал обволакивать ее паутиной.

Вдруг из тихой поверхности воды высунулась голова очень большой рыбы, которая преспокойно схватила паука и исчезла с ним в глубине, утащив за собою часть паутины и тем самым освободив ночную бабочку. Она упала на кусочек дерева и уплыла на нем.

— Баас видел это? — спросил Ханс, указывая на разорванную паутину.

— Пока баас сидел, задумавшись, я молился покойному отцу бааса, и он послал нам из Огненного Места знамение.

— Какое знамение? — спросил.

— Вот это самое, баас. Паутина — это пещера Мотомбо. Большой паук — сам Мотомбо. Белая бабочка — это мы, баас, запутавшиеся в паутине.

— Прекрасно Ханс, — сказал я, — но кто эта рыба, проглотившая паука и освободившая бабочку?

— Рыба эта — баас, потихоньку вышедший во мраке из воды и застреливший Мотомбо из маленького ружья, после чего мы, изображенные бабочкой, сядем в лодку и уплывем. Сегодня будет буря, поэтому кто заметит бааса, если он ночью и в бурю переплывет через воду?

— Крокодилы, — сказал я.

— Баас! Во время бури крокодилы обыкновенно ложатся спать, так как они боятся, чтобы молния не убила их за грехи.

Тут я вспомнил, что эти большие пресмыкающиеся исчезают во время непогоды, вероятно потому, что на это время также прячется и их добыча.

Лишь только стемнеет, я переплыву это водное пространство, держа маленькое ружье Интомби над головой, и попытаюсь украсть лодку. Если старый колдун бодрствует, что ж, я постараюсь справиться с ним. Я понимал всю отчаянность своего предприятия, но другого выхода не было. Если мы не достанем лодку, нам придется оставаться в лесу до тех пор, пока мы не умрем с голода. Если же мы возвратимся на остров Цветка, то там мы скоро подвергнемся нападению и будем убиты Комбой и понго, которые придут разыскивать наши тела.

— Я попробую, Ханс, — сказал я.

— Я так и знал, баас! Я тоже отправился бы туда, но я не умею плавать. Все кончится благополучно, иначе покойный отец бааса не послал бы нам знамения Бабочка преспокойно уплыла на кусочке дерева, и я видел, как она потом распустила крылья и улетела. А рыба — ох, как она смеется со старым жирным пауком в своем желудке!

XVIII. Роковые уколы

Мы возвратились к остальным и нашли их сидящими среди гробов на земле в очень подавленном состоянии духа. И неудивительно: надвигалась ночь, издали доносились раскаты грома, эхом отдававшиеся в лесу, дождь начинал падать крупными каплями.

— Ну, Аллан, на чем вы порешили? — спросил меня брат Джон.

— Я отправлюсь доставать лодку, — ответил я, — чтобы всем нам можно было переправиться через залив. Все посмотрели на меня с удивлением.

— Вы не должны подвергать себя риску, — сказал Стивен, — я моложе вас и умею плавать так же, как и вы. Я пойду вместо вас.

— Да, Стивен, вы умеете плавать, — сказал я, — но вы хуже меня стреляете из ружья, а от этого зависит весь успех нашего предприятия. Слушайте все! Пойду именно я, и, надеюсь, все окончится хорошо. Если же я потерплю неудачу, то от этого дело не ухудшится. Вас три пары: Джон и его супруга, Стивен и мисс Хоуп, Мавово и Ханс. Если я погибну, вы выберете себе нового начальника экспедиции, но пока таковым являюсь я, вы должны мне повиноваться.

Потом заговорил Мавово.

— Мой отец Макумазан — храбрый человек. Если он останется в живых, он исполнит свой долг. Если же он умрет, то он исполнит его еще лучше. На земле — или на том свете, среди духов наших отцов, — его имя навсегда останется великим. Да, его имя станет песней!

Когда брат Джон перевел всем остальным эти слова, показавшиеся мне великолепными, наступило молчание.

— Теперь, — сказал я, — вам всем следует перейти на берег. Там вы будете сравнительно в большей безопасности от молнии, так как там нет высоких деревьев. Во время моего отсутствия вы, леди, должны как можно лучше одеть Ханса в шкуру гориллы. Зашнуруйте ее бечевками из пальмовых волокон, которые мы принесли с собой, и заполните все пустые места в ней и голову сухими листьями. Когда я вернусь с лодкой, нужно, чтобы Ханс был уже одет.

Ханс слегка застонал, но не прекословил. Мы захватили свой багаж и отправились на берег, где укрылись за мангиферовым кустарником и высоким тростником. Потом я снял с себя платье и остался в одной фланелевой рубашке и бумажных исподних, имевших серый цвет и потому

почти невидимых ночью.

Теперь я был совсем готов. Ханс передал мне маленькое ружье.

— Оно заряжено, баас, и на полном взводе, — сказал он, — я обмотал замок подкладкой моей шляпы, которая сильно пропитана жиром, так как волосы выделяют жир, особенно в жаркое время. Она не завязана, баас. Надо только слегка встряхнуть ружье, и подкладка отпадет.

— Понимаю, — сказал я, беря ружье левой рукой так, чтобы удерживать пальцем у ружейного замка подкладку шляпы Ханса. Потом я простился со всеми.

После длительной вспышки молнии (гроза была в полном разгаре) я быстро направился к воде в сопровождении Ханса, решившего проститься со мной последним.

— Вернись обратно, Ханс, пока свет молнии не обнаружил тебя, — тихо сказал я, спускаясь с корней мангиферы в тинистую воду. — Скажи им, чтобы они, если можно, сохранили сухими мою куртку и панталоны.

— До свидания, баас, — сказал он, и я услышал его всхлипывания. — Пусть бодрость не покидает бааса всех баасов! Интомби выручит нас, как некогда выручило нас на Холме Убийства, ибо оно знает, в чьих оно руках!

Дальнейших слов Ханса (если только он говорил еще что-нибудь) я не расслышал, так как они были заглушены шумом проливного дождя.

Ох, мне удалось сохранить бодрость перед другими, но я не в состоянии описать того смертельного страха, который охватил меня теперь. Я шел на одно из самых безумных предприятий, какие когда-либо совершал человек. Чего я больше всего боялся в это время — крокодилов.

Я тихо плыл вперед. Весь этот рукав или пролив имел не более двухсот ярдов в ширину — не очень большое расстояние для хорошего пловца, каковым я был в те дни. Но левой рукой я должен был во что бы то ни стало держать ружье над водой, так как, подмочив его, я тем самым делал его совершенно бесполезным. Кроме того, я боялся быть замеченным из пещеры при свете молнии, хотя для уменьшения риска я надел на голову суконную шляпу, которая была темного цвета.

Однако мне повезло в одном или, вернее, в двух отношениях. Во-первых, мне благоприятствовало полное отсутствие ветра, который мог бы вызвать волнение воды и тем самым замочить мое ружье. Во-вторых, я совершенно не боялся заблудиться, так как мне были видны огни, горевшие в пещере по обеим сторонам сиденья Мотомбо.

Я полагаю, что плавание заняло у меня около четверти часа, так как для сбережения сил я плыл вперед довольно медленно, хотя страх перед крокодилами заставлял меня торопиться. Но они, слава Богу, совсем не

показывались.

Теперь я был у самой пещеры, под ее скалистой крышей, на мелкой воде маленького заливчика, образовавшего бухту для лодки. Я стоял на каменистом дне. Вода доходила мне до груди. Я приглядывался к окружающему, тем временем отдыхая и разминая левую руку, одеревеневшую от непрерывного держания ружья. Костры горели не очень ярко, и я плохо видел до тех пор, пока мои глаза не привыкли к их свету.

Я снял тряпку с ружейного замка и выбросил ее, предварительно вытерев ею мокрый ствол ружья. Потом, убедившись, что ружье готово к стрельбе, я начал всматриваться в окружающее. Передо мною была платформа, а на ней — увы! — похожий на жабу Мотомбо. Но он сидел спиной ко мне и смотрел не на воду, а в глубину пещеры. С минуту я стоял в нерешительности. Быть может, жрец спит, и я смогу взять лодку, не стреляя? Я не люблю убивать... Кроме того, головы Мотомбо не было видно, так как он наклонил ее вперед, и я не был уверен, что смогу убить его выстрелом в спину. Наконец, я не хотел стрелять еще и потому, что звук выстрела мог поднять тревогу.

В это время Мотомбо повернулся. Должно быть, инстинкт предупредил его о моем присутствии, так как тишина не нарушалась ничем, кроме мягкого шума дождя. В тот момент, когда он повернулся, блеснула молния, и он увидел меня.

Он поднял рог, чтобы призвать на помощь. Снова блеснула молния, сопровождавшаяся сильным ударом грома.

Я прицелился в голову Мотомбо и выстрелил как раз в тот самый момент, когда рог коснулся его губ. Он выпал из рук Мотомбо, который весь съежился и остался неподвижным.

В этот трудный момент мое искусство не изменило мне. Если бы мои напряженные до крайности нервы не выдержали, если бы моя рука немного дрогнула, если бы грязная подкладка из шляпы Ханса не защитила от сырости и пороха — эта история никогда не была бы написана и на кладбище Калуби лежало бы несколько больше костей.

Я простоял с минуту, ожидая, что в дверях, устроенных по обеим сторонам пещеры, появятся прислужницы и поднимут тревогу. Но никто не появлялся. По-видимому, это дряхлое существо день и ночь сидело на своей платформе, откуда ему было трудно спускаться. На закате солнца прислужницы окутывали его мехами, подбрасывали в огонь топлива и не беспокоили старца до тех пор, пока он сам не призывал их звуками рога.

Несколько ободрившись, я направился к лодке и отвязал ее. Потом влез

в нее и, положив ружье, взял одно из весел и начал выводить ее из бухточки. Как раз в этот момент снова блеснула молния, и я увидел лицо Мотомбо, которое было всего лишь в нескольких футах от меня. Оно покоилось почти на коленях убитого, и его выражение было ужасно.

Посреди лба виднелся синий след пули, пробившей его. Глубоко провалившиеся круглые глаза были открыты, их прежний блеск потух, и мне казалось, что они пристально смотрят на меня из-под нависших бровей. Огромная нижняя челюсть отвисла; красный язык свешивался с нижней губы. Кожа на раздутых щеках приняла пепельный оттенок.

Я выплыл из пещеры и решил направить лодку к противоположному берегу, держась на восток от пещеры, по направлению к высокому дереву, которое, как я раньше заметил, обрисовывалось на фоне неба как раз позади кладбища.

Мой расчет оказался правильным, и в конце концов я направил нос лодки в камыши, за которыми оставил своих компаньонов. Как раз в это время из-за рассеивавшихся дождевых туч выглянула луна, и я был замечен своими и, в свою очередь, увидел фигуру бога-гориллы, направлявшуюся ко мне вброд, чтобы схватить лодку. Это было то самое страшное животное, которое я видел в лесу, только несколько пониже.

Я понял все и рассмеялся.

— Это баас? — спросил глухой голос, по-видимому исходивший из гориллы. — Значит, все окончилось благополучно.

— Конечно, — ответил я. — Иначе я не был бы здесь, — весело

прибавил я. — А как чувствуешь себя ты, Ханс, в этой теплой шкуре и притом в такую сырую ночь?

— Ох, пусть баас расскажет поскорее, как все было, — ответил он. — Даже среди этой вони я сгораю от любопытства.

— Мотомбо убит, — ответил я. — Дайте мне, Стивен, вашу руку и мое платье. А ты, Мавово, поддержи ружье и лодку, пока я буду одеваться.

Я вышел на берег и, уйдя в камыши, снял с себя мокрую рубашку и панталоны и спрятал их в большие карманы моей охотничьей куртки, так как не хотел бросать их. Потом одел сухое платье, которого даже без белья было вполне достаточно в этом теплом климате. После этого я выпил глоток водки из своей фляги и немного поел, так как чувствовал голод. Потом рассказал всем о том, как мне удалось достать лодку, и, коротко оборвав всеобщее выражение удивления и похвалы, приказал перенести Священный Цветок в лодку и занять в ней места. Затем, с помощью Ханса, высунувшего свои пальцы из шкуры гориллы, я снова тщательно зарядил ружье, надев на затравочный стержень последний пистон. Сделав это, я занял место на носу лодки и велел брату Джону и Стивену грести.

Описав, как я сделал это раньше, дугу, чтобы не быть замеченными, мы очень скоро достигли входа в пещеру. Я наклонился вперед и заглянул в нее из-за западного выступа каменной стены. Внутри нее по-прежнему было тихо. Тускло горели костры по обеим сторонам платформы, на которой неподвижно сидела скрюченная фигура Мотомбо.

Мы молча вышли из лодки, искоса поглядывая на ужасное лицо мертвого жреца. После этого я расставил всех в определенном порядке.

Впереди всех должен был идти я; за мной Мать Священного Цветка и Ханс, изображавший лесного бога; за ними брат Джон и Стивен со Священным Цветком; потом — мисс Хоуп; Мавово замыкал шествие.

Около одного из костров лежала куча факелов, о которых я уже упоминал. Мы зажгли несколько из них. Мавово поставил лодку на старое место и привязал ее к столбу. У меня мелькнула мысль, что, найдя ее на своем месте, понго сочтут наше появление еще более таинственным. Я все время поглядывал на двери, устроенные по обеим сторонам пещеры, каждую секунду ожидая появления прислужниц. Но они не появлялись. Спали ли они или отсутствовали — этого я до сих пор не знаю.

В торжественном молчании двинулись мы вперед по извилинам пещеры и потушили свои факелы, лишь только завидели свет, проникавший в нее через дальний выход.

В нескольких шагах от входа в пещеру стоял часовой. Он стоял спиной к ней и заметил нас при слабом свете луны, выглянувшей из-за туч (все еще

шел мелкий дождь), только тогда, когда мы оказались справа от него. Он обернулся и, увидев богов своей страны, поднял руки и без чувств упал на землю. Хотя я никогда не спрашивал об этом Мавово, тем не менее я думаю, что он принял некоторые меры предосторожности по отношению к этому часовому. По крайней мере, когда я спустя некоторое время оглянулся, то увидел у него в руках большое копье понго с длинным древком, вместо медного, взятого им на кладбище.

Мы направились к городу Рике той самой дорогой, по которой шли, раньше. Как я уже говорил, эта местность была чрезвычайно пустынной. Жители тех немногих хижин, мимо которых мы проходили, по-видимому, крепко спали. Кроме того, в этой стране не было собак, которые могли разбудить их. Я думаю, что между пещерой и городом мы не были замечены ни одной живой душой.

Мы шли в продолжение всей этой длинной ночи, стараясь идти возможно быстрее и останавливаясь по временам лишь для того, чтобы дать отдохнуть брату Джону и Стивену, несшим Священный Цветок.

Мы достигли главной улицы города Рики приблизительно за полчаса до зари и успели пройти незамеченными за Дом Празднеств, так как в это дождливое утро все жители города еще спали. Когда мы были ярдах в ста от гавани, одна женщина, вышедшая в свой сад на работу, увидела нас и подняла ужасный крик.

— Боги! — кричала она. — Боги покидают нашу страну и уводят с собой белых людей!

Тотчас же во всех домах поднялась суматоха. Из дверей высовывались головы; все выбегали наружу и поднимали такой вой, что можно было подумать, что их режут.

Однако никто не решался приблизиться к нам.

— Вперед, или все погибло! — закричал я.

Мы напрягли все силы. Ханс, задышавшийся в своем тяжелом одеянии от дурного запаха, полз вперед на четвереньках.

Брат Джон и Стивен, изнемогавшие под тяжестью растения, перешли почти на мелкую рысь.

Наконец мы достигли гавани, где была привязана к набережной та самая лодка, в которой мы прибыли в Землю Понго. Мы прыгнули в нее. Я первым перерезал ножом веревку, которой она были привязана (развязывать ее у нас не было времени), и оттолкнулся от берега.

Тем временем со всех сторон сбегался народ, среди которого было много воинов. Но все они были так напуганы, что ничего не предпринимали. Вид наряженного богом Ханса внушал им ужас, и это

спасало нас. Среди них при свете восходящего солнца я увидел Комбу, который прибежал с большим копьем в руках и на минуту остановился в изумлении.

В этот самый момент произошла катастрофа, едва не стоившая нам жизни. Ханс, находившийся на корме лодки, начал терять сознание и, желая вдохнуть свежего воздуха (духота и вонь внутри шкуры были невыносимы), высунул наружу голову, так что набитая листьями маска гориллы медленно сползла ему на плечи. Комба, увидев это маленькое безобразное лицо, сразу узнал его.

— Это обман! — закричал он. — Белые дьяволы убили бога и похитили Священный Цветок и его жрицу! Желтый человек нарядился в шкуру бога! К лодкам! К лодкам!

— Гребите! — закричал я брату Джону и Стивену. — Гребите изо всех сил! Мавово, помоги мне поднять парус!

Случилось, что в это в пасмурное утро с берега дул сильный ветер. Мы установили мачту и подняли на ней ценовичный парус, но действовали довольно медленно, так как не имели в этом навыка. Тем временем нам удалось отъехать на веслах ярдов на четыреста от набережной, откуда в погоню за нами отправлялось множество лодок с уже поставленными парусами. На носу первой из них стоял Комба, изрыгавший по нашему адресу проклятия и потрясавший над головою огромным копьем.

Я знал, что мы неизбежно будем настигнуты и убиты понго, искусно управлявшими своими лодками.

Вдруг мне в голову пришла одна мысль. Предоставив Мавово наблюдать за парусом, я перешел на корму и, оттащив в сторону лежавшего без сознания Ханса, стал на колени. У меня оставался всего один заряд или, вернее, один пистон, который я намеревался использовать. Я взвел курок, поднял ружье и прицелился в Комбу. Парус был теперь установлен, и наша лодка шла довольно ровно.

Кроме того, мы еще находились под защитой берега, около которого не было большого волнения, и потому лодка представляла собою более или менее устойчивую платформу для стрельбы и я чувствовал себя твердым, как статуя. Наконец, было уже совсем светло, и восходившее позади меня солнце освещало своими лучами мою мишень.

Я затаил дыхание и спустил курок.

Выстрел последовал почти в то же самое мгновение. Я видел, как Комба вскинул вверх руки и упал навзничь в лодку.

Быть может, мне не следовало бы говорить этого, но это был во всех отношениях замечательный выстрел, так как пуля, как я узнал

впоследствии, попала Комбе прямо в сердце:

Смерть Комбы произвела на понго очень странное действие. Все лодки собрались вокруг той, в которой лежал его труп. Потом, после короткого совещания, они опустили паруса и на веслах вернулись к набережной. Почему они это сделали — я не знаю.

Быть может, они думали, что Комба околдован или только ранен и нуждается в помощи. Или у них считалось противозаконным выступать без предводителя, между тем как какой-нибудь запасной Калуби из «миновавших бога» остался не берегу. Быть может, они должны были, согласно обычаю, с известными церемониями немедленно доставить на сушу тело Калуби. Я не могу поручиться за это. В таких случаях поступками многих африканских племен руководят таинственные побуждения.

Во всяком случае, результат был тот, что у нас явилась некоторая надежда на спасение.

Вне залива дул довольно свежий ветер, который быстро нес нас через озеро почти до полудня, когда он начал постепенно падать. К счастью, он окончательно упал только около трех часов дня, когда берег Земли Мазиту был сравнительно близок.

Мы даже могли рассмотреть небольшое пятнышко, обрисовывавшееся на небе, которое, мы знали, было английским флагом, водруженным Стивеном на вершине холма.

В течение этих мирных часов мы умылись, подкрепили силы оставшейся у нас пищей и отдохнули. Хорошо, что у нас нашлось время для отдыха. Ибо, когда ветер начал падать, я, случайно оглянувшись назад, увидел, что вслед за нами идет флот понго — около сорока лодок, из которых в каждой было в среднем человек по двадцать.

Мы продолжали плыть под парусом до тех пор, пока это было возможно, так как, хотя мы и продвигались вперед довольно медленно, все же мы плыли значительно скорее, чем могли бы плыть на веслах. Кроме того, необходимо было беречь свои силы до решительного момента.

Когда ветер окончательно упал, мы находились приблизительно в трех милях от берега, или, вернее, от камышовых зарослей, покрывавших мель шириной около восьмисот ярдов, которая тянулась вдоль берега Земли Мазиту. В это время понго были в полутора милях от нас. По ветер благоприятствовал им на несколько минут дольше, чем нам. Кроме того, у них было очень много гребцов. Поэтому, когда ветер окончательно упал, они находились не более чем на расстоянии одной мили позади нас. Это означало, что они должны были покрывать четыре мили водного

пространства за то время, в какое мы покрывали три.

Опустив бесполезный теперь парус и выбросив мачту за борт, чтобы облегчить лодку (на ветер больше не было надежды), мы начали грести изо всех сил.

Преследование тянулось довольно долго, но враги, обладавшие искусными гребцами, постепенно настигали нас. Когда мы были на расстоянии мили от камышей, они были в полумиле от нас. Это расстояние уменьшалось по мере того, как мы теряли силы.

Когда мы были в двухстах ярдах от камышей, понго были не более чем в пятидесяти или шестидесяти ярдах от нас.

Тогда началась настоящая борьба.

Мы выбросили со дна лодки за борт все, что смогли, включая балластные камни и тяжелую шкуру гориллы. Это было счастливым обстоятельством, так как последняя погружалась в воду очень медленно и передовые лодки понго задержались на минуту выловить драгоценную реликвию из воды и, таким образом, загородили путь другим лодкам, что дало нам возможность уйти вперед на двадцать или тридцать ярдов.

— За борт растение! — скомандовал я.

Но Стивен сказал, тяжело дыша:

— Ради Бога, не делайте этого! Еще немного, и мы доведем дело до конца!

Я не настаивал, так как нам некогда было спорить. Теперь мы уже были в камышах. Благодаря флагу, указывавшему нам направление, мы попали как раз в большой проход, протоптанный гиппопотамами. Понго, работавшие веслами словно демоны, были всего ярдах в тридцати от нас. Хорошо, что у них не могло быть луков со стрелами и их копья были слишком тяжелы для метания.

В это время или, вернее, несколько раньше старый Бабемба и мазиту увидели нас, равно как и зулусские охотники. Толпы их устремились вброд навстречу нам, ободряя нас криками. Зулусы открыли несколько беспорядочный огонь с тем результатом, что одна из пуль попала в нашу лодку, а другая задела край моей шляпы. Однако третья убила одного из понго, что произвело в рядах последних некоторое замешательство. Но мы окончательно выбились из сил, и они настигли нас. Когда их передняя лодка была не более чем в десяти ярдах от нас и до берега оставалось около двухсот ярдов, я погрузил в воду весло и, видя, что глубина ее менее четырех футов, закричал:

— Все за борт и вброд, иначе мы погибли!

Все выпрыгнули из лодки, которую я (покинув ее последним) поставил

поперек прохода, чтобы задержать лодки понго.

Все окончилось бы благополучно, если бы не Стивен, который, пройдя несколько шагов, вдруг вспомнил о своей драгоценной орхидее. Он не только вернулся обратно, чтобы попробовать спасти ее, но, кроме того, уговорил Мавово сопровождать его. Они возвратились к лодке и начали поднимать цветок, когда понго набросились на них, поражая их через нашу лодку ударами своих копий. Мавово, в свою очередь, взмахнул копьем, отнятым им у часового при выходе из пещеры, и убил или ранил одного из нападающих. Потом один из последних бросил в него балластный камень, попавший ему в голову, Он пошатнулся и упал, потом поднялся и снова почти без чувств упал в воду, откуда вскоре был вытащен нашими людьми и отнесен на берег.

Оставшись один, Стивен продолжал тащить к себе орхидею, пока один из понго не ударил его копьем в плечо. Только тогда он выпустил из рук цветок и попробовал уйти. Но слишком поздно. Полдюжины понго, пробравшись между кормой нашей лодки и камышами, шли вброд прямо к нему.

Я ничем не мог помочь ему, так как, сказать правду, в этот момент попал в выбоину, сделанную копытом гиппопотама, а зулусские охотники и мазиту были еще далеко. Он безусловно погиб бы, если бы не храбрость юной леди Хоуп, шедшей по направлению к берегу впереди меня. Она обернулась и, увидев, что Стивен находится в безвыходном положении, вернулась обратно, прыгая в воде, как львица, детеныш которой находится в опасности.

Добравшись до Стивена раньше, чем это успели сделать понго, она встала между ними и с необыкновенной выразительностью обратилась к последним на их языке, которому она, конечно, научилась от альбиносок, не бывших глухонемыми.

Что она сказала им — я не слышал из-за криков приближавшихся мазиту. Однако я догадался, что она прокляла их сильным старинным проклятием, употреблявшимся только хранительницами Священного Цветка, которое обрекало их тело и душу на ужасную гибель. Это проклятие (слова которого ни молодая леди, ни ее мать не хотели повторить мне впоследствии) оказало на понго удивительное действие. Услыхав его, они опустили руки и стояли, склонив головы перед юной жрицей, как бы выражая свое благоговение перед ней или прося у нее прощения. В таком положении они оставались в продолжение некоторого времени, достаточного для того, чтобы молодая девушка успела увести Стивена из опасного места. Она шла рядом с ним, не спуская глаз с понго.

Это, вероятно, было самым необыкновенным избавлением от опасности, какое мне когда-либо приходилось видеть.

Я должен прибавить, что Священный Цветок был захвачен воинами понго, я видел, как его увезли в одной из лодок. Таков был конец моих поисков орхидеи и надежды на деньги, которые я рассчитывал выручить от продажи этого сокровища. Мне очень хотелось бы знать, что случилось с ним. У меня есть основание предполагать, что оно не было снова водворено на Остров Цветка. Быть может, оно было перенесено в глухое, неисследованное место в глубине Африки, откуда понго взяли его во время своего переселения.

После этого инцидента все мы были вытащены друзьями на берег. Здесь Ханс, я и обе леди свалились в полном изнеможении. Но брат Джон нашел в себе достаточно силы, чтобы оказать медицинскую помощь раненым Стивену и Мавово.

Тем временем в камышах завязался отчаянный бой. Понго, которых было приблизительно столько же, сколько и наших людей, яростно бросились вперед, будучи крайне раздражены смертью своего бога и Мотомбо (весть о смерти последнего, я думаю, уже дошла до них) и похищением Матери Священного Цветка. Они выпрыгивали из лодок (проход в камышах был слишком узким и лодки могли проходить через него только поодиночке) и бросались в камыши с целью достигнуть берега вброд. Здесь они были встречены своими заклятыми врагами мазиту под командой старого Бабембы. Завязавшийся рукопашный бой носил несколько беспорядочный характер. Странно было смотреть со стороны на бойцов, двигавшихся в камышах, нанося друг другу удары копьями. Раненых было очень мало, так как все падавшие тонули.

Вскоре понго, сражавшиеся почти в родной стихии, заставили мазиту отступить. Но исход сражения был решен ружьями наших зулусских охотников. Хотя я сам не был в состоянии поднять ружья, тем не менее я собрал вокруг себя всех охотников и руководил их стрельбой. В результате понго отступили к лодкам. Потом, по данному сигналу, они взялись за весла и, посылая по нашему адресу проклятия, поплыли прочь. Постепенно их лодки становились все меньше и меньше, пока наконец не исчезли из вида. Однако нам удалось захватить две лодки и с ними шесть или семь понго.

Мазиту хотели убить последних, но по приказанию брата Джона, пользовавшегося среди них такою же властью, как и король, они связали им руки и оставили их пленниками.

Все окончилось в полчаса. Об остальной части этого дня я ничего не

могу сказать, так как от крайнего утомления я лишился чувств, что было неудивительно, если принять во внимание все пережитое нами за четыре с половиной дня, прошедших с тех пор, как мы отплыли в Страну Понго.

XIX. Подлинный Священный Цветок

Проснувшись на следующий день, я увидел, что проспал не менее шестнадцати часов, так как солнце поднялось уже довольно высоко. Я лежал под небольшим навесом, устроенным у подножия холма, на котором развевался флаг, указывавший нам путь через озеро Кируа.

Недалеко от меня сидел Ханс, уничтожавший изрядную порцию мяса, изжаренного им на соседнем костре. Около него я, к своему удовольствию, увидел Мавово, хотя и с перевязанной головой.

В стороне были разбиты две палатки, которые мы взяли с собой, когда отправлялись к озеру. Ханс, ожидавший моего пробуждения, подошел ко мне с большой чашкой горячего кофе, приготовленного Самми. Они знали, что я сплю здоровым сном. Я выпил кофе до последней капли. Потом, съев несколько кусков жареного мяса, я спросил Ханса, что произошло после того, как я потерял сознание.

— Ничего особенного, баас, — ответил он, — если не считать того, что мы живы, хотя должны были погибнуть. Леди спит в палатке, а мисс помогает своему отцу Догите ухаживать за баасом Стивеном, который тяжело ранен.

Умывшись (купаться мне больше не хотелось) и одев высушенное на солнце белье, в котором я переплывал ночью залив, и куртку, я отправился навестить Стивена. У входа в палатку я встретил брата Джона, у которого болело плечо, натертое шестом при переноске тяжелой орхидеи, и руки — от продолжительной гребли. Но во всех других отношениях он чувствовал себя превосходно.

Он сказал мне, что промыл и перевязал рану Стивена, который, по-видимому, скоро поправится; копьё пронзило ему насквозь правое плечо, но, к счастью, не повредило ни одной артерии.

Я вошел в палатку и нашел больного довольно веселым, но несколько слабым от переутомления и потери крови. Мисс Хоуп кормила его бульоном из туземной деревянной ложки. Я пробыл у него недолго, главным образом потому, что он начал говорить об утраченной орхидее, проявляя при этом признаки возбуждения.

Я успокаивал его как мог и сказал, что сохранил семенной плод. Это известие сильно обрадовало его.

— Каково! — сказал он. — Вы, Аллан, приняли эту меру предосторожности, в то время как я, орхидист, даже не подумал об этом!

— Эх, мой мальчик! — ответил я. — Я достаточно прожил для того, чтобы научиться быть предусмотрительным. Хотя я и не орхидист, но я вспомнил, что растение можно разводить не только путем пересадки отростков, которые не всегда можно спрятать в карман.

Вскоре после этого мы устроили совет, на котором решили немедленно вернуться в город Безу, так как место, где мы расположились лагерем, было лихорадочным и, кроме того, здесь всегда можно было снова подвергнуться нападению понго.

Для Стивена были сделаны удобные носилки, так как, к счастью, в нашем распоряжении было много носильщиков.

Все другие несложные приготовления к путешествию были скоро закончены.

Миссис Эверсли и Хоуп ехали на двух ослах, брат Джон, у которого снова заболела нога, ехал верхом на своем белом быке; раненого Стивена, как я уже сказал, несли на носилках; я шел пешком, разговаривая со старым Бабембой о нравах и обычаях понго.

Старому воину было очень интересно услышать от меня о священной пещере, о заливе, населенном крокодилами, о лесе на горе и жившем в нем ужасном боге. О смерти последнего и Мотомбо он заставил меня рассказать три раза подряд и в заключение сказал спокойно:

— Мой господин Макумазан! Ты великий человек, и я был бы рад жить лишь для того, чтобы быть знакомым с тобою.

Это, конечно, очень польстило мне, но я счел долгом указать на то, что успехом нашего предприятия мы в значительной степени обязаны Хансу.

— Да, да, — ответил он, — план Пятнистой Змеи был очень мудр, но осуществить его мог только ты. А что толку, если есть ум, чтобы составить план, но нет рук, чтобы привести его в исполнение? То и другое редко сходится вместе. Если бы змея имела силу слона и храбрость буйвола, то на земле скоро осталась бы только она одна. Но творец всего живущего знал это и отделил их друг от друга, мой господин Макумазан!

В этом простом замечании я нашел много мудрости. Право, многие из этих презираемых белыми дикарей — неглупые люди.

Пройдя некоторое расстояние, мы расположились лагерем до восхода луны, которая появилась в десять часов вечера, после чего снова шли почти до самой зари, так как я находил, что для Стивена лучше всего быть в пути во время ночной прохлады. Я помню, что наша кавалькада, эскортируемая спереди, сзади и по бокам воинами мазиту, вооруженными длинными копьями, имела очень живописный и даже внушительный вид, когда извивалась по широким песчаным дюнам при мирном свете луны.

В ночь после нашего прибытия в город Безу у Стивена открылась сильная африканская лихорадка, которая при его слабом состоянии едва не стоила ему жизни. Она, без сомнения, была подхвачена им на нездоровом берегу залива, омывавшего вход в пещеру.

В городе Безу мы были встречены чрезвычайно торжественно. Все население его, во главе со старым Бауси, вышло к нам навстречу, приветствуя нас громкими радостными криками, от которых мы попросили мазиту воздержаться, чтобы не тревожить больного Стивена.

Так в конце концов мы с радостью возвратились в свои хижины. В этот день мы чувствовали бы себя очень счастливыми, если бы не испытывали беспокойства относительно Стивена.

В общем, Стивен прохворал почти целый месяц. На десятый день после нашего прибытия в город Безу мы думали, что он умрет. Даже брат Джон, прилагавший все свое умение, чтобы помочь ему, потерял всякую надежду. День и ночь бедный Стивен беспрестанно бредил проклятой орхидеей, потеря которой сильно потрясла его.

Я убежден, что своим спасением он исключительно обязан изобретательности мисс Хоуп.

Однажды вечером, когда ему было особенно худо и он, как безумный, беспрестанно говорил об утраченной орхидее — при нем были мисс Хоуп и я, — она взяла его руку, и указав на совершенно пустое место на полу, сказала:

— Смотрите, Стивен, цветок принесли обратно.

Он долго всматривался в указанное место и, к моему изумлению, ответил:

— Да, он в самом деле здесь! Но эти негодяи оборвали все цветки, кроме одного.

— Да, — согласилась она, — остался только один цветок, но зато самый красивый!

После этого Стивен уснул и спал в течение двенадцати часов, потом проснулся, немного поел и снова уснул. За это время температура у него понизилась почти до нормальной. Когда он в конце концов проснулся, я и мисс Хоуп случайно снова были в хижине.

Девушка стояла на том самом месте, на которое она накануне указывала Стивену как на занятое орхидеей. Он пристально смотрел на это место и на нее — меня он не мог увидеть, так я стоял позади него — потом спросил слабым голосом:

— Не говорили ли вы мне, мисс Хоуп, что на том месте, где вы стоите, была орхидея и что на ней остался самый красивый цветок?

— Он здесь, — нежно ответила она, — ибо не я ли его дитя — (в Стране Понго, если читатель помнит, ее называли «Дитя Цветка»). — О Стивен! Не думайте об утраченном цветке, семян которого у вас достаточное количество, но радуйтесь тому, что вы остались живы и, благодаря вам, живы моя мать и я. Если бы вы умерли, мы бы выплакали бы все глаза...

— Благодаря мне? — сказал он. — Вы хотите сказать, благодаря Аллану и Хансу. Кроме того, вы спасли мне жизнь, когда мы были в воде. Да, я теперь все припоминаю. Вы правы, Хоуп. Вы подлинный живой Священный Цветок!

Она подошла к нему и, став около него на колени, протянула ему руку, которую он приложил к своим бледным губам.

Я потихоньку вышел из хижины, предоставив им говорить наедине об утраченном цветке, который был снова найден.

После этого Стивен поправился довольно скоро, ибо любовь — лучшее лекарство.

Я не знаю, что произошло между этой парой и братом Джоном с его женой, но с этого дня последние стали относиться к Стивену как к сыну. Я заметил, что новые отношения между Стивеном и их дочерью были приняты ими просто, путем молчаливого согласия.

Мы прожили в краале Бауси еще целый месяц, пока Стивен поправлял свое здоровье. Мне, равно как Мавово и остальным зулусам, весьма наскучило это место, но брату Джону и его жене, по-видимому, было совершенно безразлично, где жить. Зулусские охотники, живя в праздности и занимаясь только едой, питьем туземного пива и курением одурманивающей дакки^[121], совершенно отбились от рук.

Наконец я объявил, что нам пора отправляться дальше, так как Стивен

теперь вполне может перенести путешествие.

— Совершенно верно, — мягко сказал брат Джон, — а на чем порешили вы, Аллан?

Я ответил с некоторым раздражением, что еще ничего не решил, но так как всех их этот вопрос, по-видимому, нисколько не интересует, то я пойду и посоветуюсь обо всем с Хансом и Мавово, что я и сделал.

Нет нужды говорить о результатах этого совещания, так как произошли новые события, связанные с тем, о чем я уже рассказывал.

Все произошло с такой внезапностью, с какой иногда происходят крупные события в жизни отдельных людей и народов.

Хотя мазиту были родственны зулусам, однако их военное устройство не отличалось такой основательностью, как военное устройство последних. Например, когда я указал Бауси и старому Бабембе на то, что у них плохо поставлена караульная служба, они рассмеялись и ответили, что им нечего бояться нападения, так как понго получили хороший урок.

Между прочим, я еще не упомянул о том, что по требованию брата Джона воины понго, взятые в плен в битве среди камышей, были отведены на берег озера, где им дали одну из захваченных лодок и сказали, что они могут возвратиться в свою землю. К нашему удивлению, они спустя три недели возвратились в город Безу и рассказали следующее.

Они прошли по всей стране и даже посетили пещеру Мотомбо. Там они нашли только останки последнего, лежащие на деревянной платформе, но ничего больше. В одной из хижин отдаленной деревни они нашли умирающую старуху, которая сообщила им, что понго, испугавшись труб, изрыгающих смерть, и повинувшись древнему пророчеству, «ушли в страну, из которой пришли», взяв с собой отнятый у нас Священный Цветок. Они оставили ей запас пищи, так как она была слишком слаба для путешествия.

Бывшие пленные, не имея теперь пристанища и не зная, где их народ (они знали только то, что он ушел на север), попросили позволения поселиться среди мазиту. Их просьба была удовлетворена.

Это известие подкрепляло мое предположение, что Земля Понго не остров, но связана с материком либо горным хребтом, либо болотистой местностью.

На следующий день после разговора о возвращении в Дурбан мы завтракали очень рано, так как нам предстояло много дел. В это утро кругом стоял такой густой туман, что предметы можно было различать не дальше чем на расстоянии нескольких ярдов. После завтрака я приказал одному из зулусов пойти посмотреть, достаточно ли дано корма нашим двум ослам и белому быку. Потом я отправился осмотреть наши ружья и

запасы зарядов, вынутых Хансом из ящиков для проверки. В этот момент я услышал далекий непривычный звук и спросил Ханса, что бы это могло быть.

— Ружейный выстрел, баас, — встревоженно ответил он.

Мы оба знали, что во всей окрестности не могло быть ни одного ружья, за исключением наших, которые в данный момент были все налицо. Правда, мы обещали Бауси подарить большую часть ружей, отобранных у работорговцев, и уже научили некоторых из лучших воинов мазиту обращаться с ними, но до сих пор им не было передано ни одного ружья.

Я вышел за ворота и приказал часовому сбегать к Бауси и Бабембе и разузнать, в чем дело, а также попросить их собрать всех воинов, которых в этот момент было в городе не более трехсот. Остальным, ввиду продолжительного затишья, было позволено, согласно обычаю, разойтись по деревням и заняться сбором хлеба.

Потом, будучи охвачен тревожным предчувствием, я приказал зулусам вооружиться и приготовиться ко всяким непредвиденным случайностям. Сделав это, я сел и задумался о том, что надо будет предпринять, если мы подвергнемся чьему-либо нападению. Придя к определенному заключению, я спросил Ханса и Мавово, что думают они, и нашел, что наши мнения совпадают. Единственное удобное для защиты место находилось вне города — там, где дорога спускалась к южным воротам со скалистого горного кряжа, поросшего лесом и имевшего почти отвесные склоны. Если читатель помнит, именно с этой стороны появился брат Джон на своем белом быке, когда мы едва не были расстреляны из луков на рыночной площади.

Во время нашего разговора появились двое бегущих вождей мазиту, которые вели пастуха с простреленной рукой. Он и двое других мальчиков пасли королевское стадо в полумиле от города, как вдруг появилось множество людей, одетых в белые одежды и вооруженных ружьями. Эти люди (их было сотни три — четыре) захватили весь скот. Увидев пастухов, они начали стрелять по ним, причем ранили этого мальчика и убили двух остальных. Ему удалось бежать. Предводитель этой банды крикнул ему вслед, чтобы он передал белым людям, что все они будут перебиты вместе со своими друзьями мазиту.

Это были Хассан-бен-Магомет и работорговцы!

В этот момент появился Бабемба с некоторым числом воинов.

— В нашу страну пришли работорговцы, мой господин Макумазан! Они незаметно подкрались к нам под покровом тумана. У северных ворот стоит их посланец, требующий, чтобы мы выдали им вас, белых людей, и

ваших слуг. Кроме того, он требует, чтобы мы дали им сотню юношей и сотню девушек для продажи в рабство. Он говорит, что если мы не исполним этого, то будем все убиты, за исключением юношей и девушек, и что вы, белые люди, будете преданы смерти через сожжение. Этот посланец говорит от имени какого-то Хассана.

— Вот как! — спокойно ответил я. — И Бауси намерен выдать нас?

— Разве может Бауси выдать своего кровного брата Догиту и его друзей? — с негодованием воскликнул старик. — Бауси посылает меня к своему брату Догите за приказаниями, исходящими от мудрости белых людей, которая говорит твоими устами, мой господин Макумазан!

— В таком случае, — сказал я, — вот приказание Догиты, высказанное моими устами: пойди к посланцу Хассана и скажи ему, чтобы он спросил своего господина, помнит ли он содержание письма, оставленного двумя белыми людьми в расщепленной палке около своего лагеря? Пусть он передаст ему, что для белых людей настало время исполнить свое обещание и что не позже завтрашнего дня он будет висеть на дереве. Потом, Бакемба, собери своих воинов и постарайся как можно дольше удерживать за собой северные ворота, защищая их стрелами. После этого отступи через город и присоединись к нам. Мы укрепимся на скалистом склоне горы, лежащей против южных ворот. Прикажи нескольким воинам увести из города всех стариков, женщин и детей. Пусть они пройдут через южные ворота и укроются в лесистой местности, лежащей за горой. Пусть они не медлят и идут туда сейчас же.

Он побежал, отдавая на ходу приказания.

— Теперь нам надо уходить, — сказал я.

Мы забрали все ружья, заряды и кое-какие вещи и вместе с оставшимися при нас несколькими воинами Бакембы направились через город к южным воротам, ведя с собой двух ослов и белого быка. По дороге я приказал Самми, имевшему весьма испуганный вид, вернуться в наши хижины и взять оттуда несколько одеял и пару котелков для варки пищи, в которых могла встретиться надобность.

— О, мистер Квотермейн, — сказал он, — я повинуюсь вам, хотя весь дрожу от страха!

Он ушел, и когда я спустя несколько часов вспомнил о нем, то оказалось, что он не возвратился. Я понял, что он погиб, и тяжело вздохнул, так как был к нему очень привязан.

Вероятно, он, будучи охвачен страхом, побежал с одеялами и котелками не туда, куда следовало, и был убит.

Вначале идти через город было сравнительно легко; но когда мы

пересекли рыночную площадь и пошли узкой улицей, ведущей к южным воротам города, то продвигаться вперед стало очень трудно, так как вся улица была запружена толпой испуганных беглецов: стариков, женщин и детей. Однако мы в конце концов выбрались из города и, взойдя на гору, заняли удобную позицию почти на самом ее гребне, где деревья и камни представляли надежное прикрытие от пуль. Кроме того, мы построили из камней небольшую стену. Сопровождавшие нас беглецы не остановились здесь, а последовали по дороге дальше и исчезли в лежавшей позади нас лесистой местности.

Я предложил брату Джону взять наших животных и вместе с женой и дочерью последовать за беглецами. Он, по-видимому, был склонен согласиться на это — не ради себя, конечно, так как он был бесстрашным человеком. Но обе леди наотрез отказались от этого. Мисс Хоуп заявила, что она останется со Стивеном, а ее мать сказала, что вполне полагается на меня и предпочитает остаться здесь. Тогда я предложил Стивену бежать вместе с ними, но он так рассердился, что я вынужден был прекратить разговор об этом.

Итак, они остались. Мы поместили их в небольшой пещере около источника, на самой вершине горы, где они были в полной безопасности от пуль. Кроме того, мы дали им по двустольному ружью и заряженный пистолет.

XX. Битва у ворот

Вскоре у северных ворот города началась сильная пальба, сопровождавшаяся громкими криками. Вначале все было скрыто от нас густым туманом. Но вскоре после начала стрельбы теплый ветер, всегда следующий за такими туманами, поднял и постепенно рассеял его. Тогда Ханс, взобравшись на одно из деревьев, растущих на гребне горы, сообщил нам, что арабы приближаются к северным воротам, стреляя на ходу, в ответ на что мазиту пускают в них стрелы из-за окружающего город палисада.

Я должен сказать, что этот палисад стоял на небольшой земляной насыпи, и многие из составлявших его бревен, попав на плодородную почву, пустили ростки, так что он стал похож на живую изгородь. С внутренней и наружной стороны он оброс густыми зарослями колючей дикой груши и высокими кактусами.

Спустя некоторое время Ханс сообщил, что мазиту отступают. И действительно, через несколько минут они начали проходить через южные ворота, неся с собой раненых. Их начальник сообщил нам, что они не могли устоять против ружейного огня и решили покинуть город и приложить все старания, чтобы удержаться на горе. Немного спустя пришел еще один отряд воинов, который привел с собой остальных местных жителей, замешкавшихся в городе. С ними был король Бауси, находившийся в состоянии крайнего возбуждения.

— Не был ли я прав, Макумазан, — сказал он, — боясь работорговцев и их ружей? Теперь они пришли сюда, чтобы перебить стариков и забрать в рабство молодых.

— Да, Бауси, — ответил я, — ты был прав. Но если бы ты послушался меня и держал бдительную стражу, Хассан не смог бы подкрасться к нам, как леопард к козе.

— Это правда, — простонал он. — Но кто узнает вкус плода раньше, чем отведаст его?

После этого он отправился осматривать позиции, занятые его воинами. По моему совету он поместил большую часть последних по концам линии на случай попытки неприятеля обойти нас с флангов. Мы, со своей стороны, занялись раздачей лишних ружей тем тридцати или сорока воинам, которых мы научили обращаться с огнестрельным оружием.

Спустя десять минут пришел Бабемба с пятьюдесятью воинами, остававшимися в городе. Он сообщил, что, пока мог, удерживал северные

ворота с целью выиграть время и что арабы уже ворвались в город. Я попросил его приказать воинам устроить из камней прикрытие и лечь за него. Это было немедленно сделано.

Потом, после некоторой паузы, мы увидели большой отряд арабов, шедший центральной улицей по направлению к нам. Некоторые из них имели, кроме ружей, копья, на которых несли головы убитых мазиту.

Как раз в это время я заметил отсутствие Ханса и спросил, куда он ушел. Кто-то сказал, что видел, как он убегал.

— Ага! Пятнистая Змея нашла себе нору! — воскликнул Мавово. — Змеи шипят, но не нападают!

— Иногда они кусаются, — ответил я, так как мне не хотелось верить, что Ханс струсил.

Мы надеялись, что разгоряченные победой работорговцы будут проходить по рыночной площади, которая была удобной для обстрела с наших позиций.

Так и случилось. Но мазиту, которым мы раздали ружья, к моему великому отчаянию, открыли по собственной инициативе беспорядочный огонь с расстояния около четырехсот ярдов и, расстреляв напрасно огромное число зарядов, в конце концов убили или ранили всего двух-трех арабов.

Увидев опасность, последние отступили и, после некоторой паузы, снова двинулись вперед, разделившись на два отряда. Однако на этот раз они шли боковыми улицами, тесно застроенными хижинами. Эти улицы проходили между палисадом и рыночной площадью, которая, как я уже упоминал, в случае надобности служила местом для загона скота и была обнесена довольно прочной деревянной оградой. Я должен сказать, что в это время мазиту, которым и не снилась возможность нападения с чьей бы то ни было стороны, держали весь свой скот на отдаленных пастбищах. Между двумя упомянутыми оградами находилось несколько сотен хижин, построенных из сухих веток и травы и по большей части крытых пальмовыми листьями, так как здесь жило большинство населения Безу, между тем как северная часть города была занята королем, старейшинами и военачальниками.

Это кольцо хижин, окружавшее рыночную площадь, имело около ста двадцати ярдов в ширину.

Арабы, числом около четырехсот человек, приближались к южным воротам с восточной и западной стороны, прячась за хижины. Все они были вооружены ружьями и, без сомнения, умели хорошо стрелять. Страшно было встретиться с такой силой, ибо, хотя нас было столько же,

сколько и арабов, но мы располагали всего пятьюдесятью ружьями, большая часть которых была в руках людей, почти совсем не умевших стрелять.

Вскоре арабы снова открыли огонь, результатом которого было то, что у нас оказалось несколько убитых и раненых, несмотря на построенные нами каменные прикрития. Хуже всего было то, что мы не могли успешно отвечать на эти выстрелы, так как арабы прятались за хижин. Хотя я и старался сохранить бодрость, тем не менее, сознаюсь, я ждал самого худшего.

Я уговорил Бабембу послать около пятидесяти воинов забаррикадировать южные ворота, что было сделано с помощью бревен, земли и камней, лежавших поблизости в большом количестве. Когда эта работа подходила к концу — мазиту работали, как демоны, и, будучи защищены палисадом, почти не подвергались опасности — я вдруг увидел четыре или пять струек дыма, быстро поднимавшихся вверх над северной частью города. Вслед за ними показалось большое пламя, которое, будучи раздуваемо сильным ветром, быстро распространялось по направлению к нам.

Кто-то поджег город Безу!

В первый момент я подумал, что это сделали арабы. Потом, заметив новые струйки дыма, появляющиеся в разных местах города, я понял, что тут работают не арабы, а наш друг, у которого явилась мысль истребить арабов огнем.

Я вспомнил о Самми. Без сомнения, он остался в городе с тем, чтобы привести в исполнение ужасный и в то же время блестящий план, который ни в коем случае не мог быть задуман никем из мазиту, так как он вел за собой полное уничтожение их жилищ и имущества.

Самми, над которым мы всегда смеялись, был героем, готовым погибнуть в пламени, чтобы спасти своих друзей.

Бабемба вскочил на ноги и указал копьем на разгорающийся огонь. Тут у меня явилась одна мысль.

— Возьми всех своих людей, — сказал я, — за исключением тех, у кого есть ружья, раздели их на отряды, окружи город и охраняй северные ворота, хотя, я думаю, никто из арабов не сможет прорваться к ним через огонь. Убивай всех, кому удастся перелезть через палисад.

Через три минуты мазиту, разделившись на два отряда, побежали окружать город. Когда они спускались с горы, некоторые из них были убиты, но остальные благополучно достигли палисада, который укрывал их от пуль.

Теперь на склоне горы оставались только мы, белые люди, двенадцать наших зулусов под командой Мавово и около тридцати мазиту, вооруженных ружьями.

Вначале арабы, по-видимому, не понимали, что происходит, так как все они были увлечены стрельбой по мазиту, думая, что последние обратились в бегство. Но вскоре им все стало ясно.

Ох, какое смятение охватило их! Все подняли ужасный крик. Некоторые из них подбегали к палисаду и взбирались на него, но, достигнув вершины, падали, пронзенные стрелами. Те, кому удавалось перелезть через палисад, запутывались в окружавших его колючих зарослях и падали под ударами копий.

Видя бесполезность этого, арабы бросились назад, намереваясь выйти из города через северные ворота. Но, добежав до конца рыночной площади, они увидели, что путь к северным воротам прегражден бушующим пламенем. Тогда они после короткого совещания бросились беспорядочной толпой обратно, рассчитывая прорваться через южные ворота. Тут настал наш черед. Наши ружья наносили им большие потери, когда они пробегали по открытому месту, служа для нас превосходными мишенями.

Однако наша стрельба не могла остановить обезумевших от страха арабов. Понесся большие потери убитыми и ранеными, они все-таки достигли южных ворот.

— Отец мой! — сказал мне на ухо Мавово. — Теперь должна начаться настоящая битва. Ворота скоро падут. Мы должны удержать их.

Я утвердительно кивнул головой, так как понимал, что если арабам удастся прорваться через ворота, то мы погибли. До этого времени, я полагаю, они потеряли не более сорока человек. В нескольких словах я обрисовал положение Стивену и брату Джону, убедив последнего остаться на горе вместе с женой и дочерью. Мазиту получили от меня приказание бросить ружья и сопровождать нас только с копьями. Потом мы поспешно спустились с горы и заняли позицию на открытом месте перед воротами, сотрясавшимися под ударами арабов. Мы расположились перед самыми воротами. Впереди стояли зулусы, Стивен и я, позади — тридцать отборных воинов мазиту под предводительством самого короля Бауси.

Ждать нам пришлось недолго. Вскоре ворота пали, и на вершине насыпи, которую мы построили перед ними из земли и камней, появилась толпа людей в белых одеждах и тюрбанах. Я скомандовал, и мы выстрелили в самую гущу этой толпы, нанеся ей большие потери. Потом, по команде Мавово, зулусы, оставив ружья, бросились в атаку со своими широкими копьями.

Стивен, где-то доставший себе ассегай, бросился вперед вместе с ними, стреляя на ходу из пистолета. За ними последовал Бауси со своими тридцатью рослыми мазиту.

Признаться, я не присоединился к ним. Я чувствовал, что не гожусь для рукопашного боя. Я мог быть гораздо полезнее, стоя в стороне, подобно полузащитнику в футболе, и оказывая поддержку тем из своих, кто попадал в затруднительное положение.

Зулусы сражались превосходно. Теснимые воющей толпой арабов, они долго удерживали за собой узкий проход в воротах. Они выпускали воинственные вопли, нанося направо и налево удары и падая один за другим.

Наконец они не выдержали и несколько отступили назад; потом, подкрепленные тридцатью мазиту, они снова бросились вперед под предводительством Мавово, Стивена и Бауси. Теперь огненные языки были почти над ними. Живая изгородь из колючей дикой груши и кактусов вянула, сохла и трещала, а они все сражались и сражались под огненной аркой у ворот.

Однако, как следовало ждать, арабы бросились на нас. Теперь мы находились в маленьком кругу, в центре которого стоял я. Арабы нападали на нас со всех сторон. Стивен получил удар прикладом в голову и, упав на меня, едва не сбил меня с ног.

Оправившись, я в отчаянии оглянулся и увидел долгожданного Ханса — да, пропавшего Ханса в своей грязной шляпе с тлеющими полями. Он молча бежал к нам с открытым ртом, ведя за собой около полутора сотен мазиту.

Эти мазиту скоро решили дело. С криком бросились они на арабов и погнали их обратно в бушующее пламя. Немного спустя явился Бабемба с остальными мазиту и закончил их работу. Прорваться удалось только немногим арабам, которые были взяты в плен, после того как сложили оружие. Остальные отступили к центру рыночной площади, куда за ними последовали наши люди.

Битва окончилась, и мы начали считать свои потери. Четверо зулусов было убито и двое — нет, трое, включая Мавово — тяжело ранены. Бабемба и другой вождь мазиту подвели ко мне Мавово. Он был прострелен в трех местах и весь покрыт ранами. Некоторое время он смотрел на меня, тяжело дыша, потом сказал:

— Это была, отец мой, очень хорошая битва, лучше всех, какие я помню, хотя я участвовал во многих великих битвах. Я знал наперед, что она будет для меня последней, хотя и не говорил тебе об этом, ибо первый

жребий смерти во время гадания в Дурбане пал на меня. Возьми обратно, отец мой, ружье, которое ты подарил мне. Ты, как я уже тебе сказал, только одолжил его мне на некоторое время. Теперь я отправлюсь в другой мир, где присоединюсь к духам своих предков и тех, кто пал, сражаясь рядом со мной, а также к духам женщин, родивших моих детей. Я расскажу им обо всем, отец мой, и мы вместе будем ждать тебя — до тех пор, пока ты тоже не падешь в битве!

Потом он снял свою руку с шеи Бабембы и приветствовал меня с громким возгласом: Баба! Инкоози! — дав мне при этом несколько почетных прозвищ. Сделав это, он опустился на землю.

Я послал одного из мазиту за братом Джоном, который вскоре пришел вместе с женой и дочерью. Он осмотрел Мавово и прямо сказал, что ему теперь ничто не может помочь, кроме молитвы.

— Не молись за меня, Догита! — сказал старый язычник. — Я последую за своей звездой и готов съесть плод того, что посадил. Отстранив брата Джона, он подозвал к себе Стивена.

— О Вацела! — сказал он. — Ты хорошо сражался в этой битве. Если ты будешь продолжать так, как начал, то со временем из тебя выйдет великий воин, и Дочь Цветка со своими детьми будет слагать в честь тебя песни, когда ты присоеди́нишься ко мне, своему другу. А пока прощай! Возьми себе этот ассегай, но не чисть его. Пусть оставшаяся на нем красная ржавчина напоминает тебе о Мавово, зулусском колдуне и вожде, с которым ты стоял рядом в «Битве У Ворот», когда огонь сжигал гнусных похитителей людей, которые не могли миновать наших копий!

Он снова махнул рукою, и Стивен отступил в сторону, пробормотав что-то прерывающимся от волнения голосом, так как он очень любил Мавово. Теперь горящий взгляд старого зулуса упал на Ханса, который все время вертелся на месте, по-видимому ожидая своей очереди проститься с Мавово.

— А, Пятнистая Змея! — вскричал последний. — Теперь, когда все окончилось, ты выполз из своей норы, чтобы пожрать сгоревших в золе лягушек. Жаль, что ты такой трус, несмотря на свой ум. Если бы ты не покинул нашего господина Макумазана и заряжал для него ружья во время битвы, он истребил бы значительно большее число этих гиен.

— Да, Пятнистая Змея, это верно! — эхом отозвались негодующие голоса остальных зулусов, между тем как я, Стивен и кроткий брат Джон посмотрели на Ханса с упреком.

Тут Ханс, бывший вообще чрезвычайно терпеливым человеком, сразу вышел из себя. Он бросил на землю свою шляпу и истоптал ее. Он плюнул

по направлению к зулусским охотникам и даже обругал умирающего Мавово.

— О сын глупца! — воскликнул он. — Ты утверждаешь, что можешь видеть скрытое от других людей, но я говорю, что в твоих устах лживый дух! Ты назвал меня трусом за то, что я не такой большой и сильный, как ты, и не могу удержать быка за рога. Но в моем желудке больше ума, чем у тебя в голове. Где были бы теперь все вы, если бы не «трусливая Пятнистая Змея», которая сегодня дважды спасла жизнь всем вам.

Мы все с удивлением посмотрели на Ханса, не понимая, каким образом он дважды спас нам жизнь.

— Говори скорее, Пятнистая Змея, — сказал Мавово, — иначе я не услышу конца твоей истории. Как мог ты помочь нам, сидя в своей норе?

Ханс начал шарить в своих карманах и в конце концов извлек из них спичечную коробку, в которой оставалась всего одна спичка.

— Вот этим, — ответил он. — Разве никто из вас не понимает, что люди Хассана попали в западню? В то время как вы сидели на горе, повесив головы, словно овцы перед тем, как их зарежут, я пробрался через кусты и принялся за работу. Огонь — удивительная вещь. Сначала вы делаете его маленьким, потом он растет, как ребенок, делаясь все больше и больше. Он бежит с быстротой лошади, никогда не уставая, и всегда голоден. Я сделал шесть маленьких огней. Последнюю спичку я сберег, так как у нас их осталось очень мало. После этого я ушел через северные ворота, прежде чем огонь успел пожрать меня, своего отца, Сеятеля Красного Семени!

Мы с восхищением смотрели на старого готтентота. Даже умирающий Мавово поднял голову и пристально смотрел на него. Ханс, у которого теперь прошла досада, продолжал спокойным голосом:

— Когда я шел обратно к баасу, жар от разгорающегося огня заставил взойти меня на высокое место около западной части ограды. Оттуда я увидел, что происходит у южных ворот. Я понял, что арабы неизбежно прорвутся через них, так как наших там было очень мало. Поэтому я немедленно побежал к Бабембе и другим вождям и сказал им, что охранять ограду больше нет надобности и что они должны поспешить на помощь к сражающимся у южных ворот, иначе все погибнет. Бабемба послушался меня, и мы пришли сюда как раз вовремя.

Мавово снова заговорил медленным, прерывающимся голосом.

— Никогда больше, — сказал он, обращаясь к Хансу, — не будешь ты называться Пятнистой Змеей, о маленький желтый человек, который так велик и чист сердцем! Смотри! Я даю тебе новые почетные имена, под

которыми ты будешь известен от поколения до поколения. Эти имена: «Свет Во Мраке» и «Господин Огня»!

После этого он закрыл глаза и потерял сознание. Через несколько минут его не стало. Но почетные имена, данные им перед смертью Хансу, навсегда остались за старым готтентотом. С этого дня ни один туземец не осмеливался назвать его каким-нибудь другим именем.

Бушующее пламя постепенно становилось все меньше и меньше, пока, наконец, совсем не погасло. Мазиту возвратились с последней битвы на рыночной площади (если только это можно было назвать битвой), неся в руках большие охапки ружей, отнятых ими у арабов, большинство которых бросило свое оружие, пытаясь спастись бегством. Но можно ли было рассчитывать на спасение, находясь между разъяренными дикарями с одной стороны и бушующим пламенем с другой?

Мазиту привели к нам пленных. Среди них я узнал отталкивающее, изуродованное оспой лицо Хассана-бен-Магомета.

— Не так давно я получил твое письмо, в котором ты обещал сжечь нас живыми на костре, — сказал я. — Сегодня утром я снова получил от тебя известие, принесенное мальчиком, товарищей которого ты убил. На то и другое я послал тебе свой ответ. Если ты не получил его, то оглянись и прочти его, ибо он написан здесь на понятном для всех языке.

Этот изверг бросился на землю и молил о пощаде. Увидев миссис Эверсли, он подполз к ней и, схватив ее за платье, стал просить ее заступиться за него.

— Ты сделал меня своей рабыней, после того как я ходила за тобой во время болезни, — ответила она, — и без всякой причины хотел убить моего мужа. Благодаря тебе, Хассан, я провела лучшие годы своей жизни среди дикарей, в одиночестве и отчаянии. Однако я прощаю тебя. Но чтобы я больше никогда не видела твоего лица!

Она освободилась от него и ушла со своей дочерью.

— Я также прощаю тебя, хотя ты перебил моих людей и заставил меня мучиться в течение двадцати лет, — сказал брат Джон, бывший одним из самых истинных христиан, каких я когда-либо знал.

Он последовал за своей женой и дочерью.

Тогда заговорил старый король Бауси, легко раненный в сражении.

— Я рад, Красный Вор, что эти белые люди простили тебя, ибо их великодушный поступок заставит меня и мой народ считать их более еще благородными, чем мы считали их до сих пор. Но знай, о убийца и мучитель людей, что судья здесь я, а не белые люди! Посмотри на свою работу! — Он указал сперва на ряды мертвых зулусов и мазиту, потом на

горящий город. — Посмотри и вспомни, какую участь готовил ты нам, не сделавшим тебе никакого зла! Смотри! Смотри! О гиена в образе человека!

Тут я тоже ушел и никогда не пытался узнать, что случилось с Хассаном и остальными пленными. Кроме того, всякий раз, когда Ханс или кто-нибудь из туземцев начинали рассказывать мне об этом, я приказывал им удерживать свой язык.

Эпилог

Мы остались победителями и должны были благодарить за это свою судьбу.

Однако ночь, наступившая после «Битвы У Ворот», была очень печальной, по крайней мере для меня, ибо я сильно скорбел об утрате своего друга Мавово, преданного Самми и нескольких храбрых зулусских охотников. Кроме того, меня волновало предсказание старого зулуса относительно того, что я также найду себе смерть в битве. После всего пережитого за последние дни у меня появилось желание жить более спокойной жизнью.

Далее, изменившаяся к вечеру погода не располагала к веселости, так как вскоре после заката солнца пошел сильный дождь, продолжавшийся почти всю ночь. Укрыться от него нам было негде, и мы, равно как и сотни лишенных крова мазиту, испытывали от него крайние неудобства.

Однако дождь в конце концов перестал, и взошедшее на следующий день солнце приветливо засияло на небе.

Когда мы обсушились и обогрелись, кто-то подал мысль посетить сгоревший город, в котором пожар был окончательно потушен проливным дождем. Я согласился скорее из любопытства, нежели по какой-либо другой причине, и все мы (за исключением брата Джона, оставшегося при раненых), в сопровождении Бауси, Бабембы и многих мазиту, перебрались через развалины южных ворот и направились по усеянной трупами рыночной площади к тому месту, где стояли наши хижины. От них остались только дымящиеся кучи пепла.

Я чуть не плакал, глядя на них и думая о нашем сгоревшем багаже, без которого обратный путь представлял большие затруднения. Но делать было нечего, и мы отправились дальше через обгоревшие развалины королевских хижин к северным воротам. Ханс, внимательно осматривавший, по своему обыкновению, все, что попадалось на пути, шел вместе со мною позади всех. Вдруг он положил мне руку на плечо и сказал:

— Баас! Я слышу голос духа. Вероятно, это дух Самми просит нас, чтобы мы похоронили его.

— Вздор! — сказал я, но все-таки прислушался.

Теперь мне тоже показалось, что я слышу исходящие неизвестно откуда слова:

— О мистер Квотермейн! Будьте добры открыть двери этой печи. В

первый момент мне показалось, что я схожу с ума. Однако я вернул обратно остальных, и все мы прислушались. Вдруг Ханс бросился вперед, словно такса, почуявшая крота, и начал разгребать щепкой кучу пепла, который был еще слишком горяч для того, чтобы его можно было брать голыми руками. Мы снова прислушались и на этот раз ясно услышали голос, исходивший из-под земли.

— Баас, — сказал Ханс, — это Самми, сидящий в яме для зерна.

Тут я вспомнил, что почти перед каждой хижинкой были вырыты такие ямы, служившие хранилищами для зерна. В описываемый мною момент они были пустыми.

Вскоре мы расчистили это место и подняли камень, снабженный отверстиями для вентиляции. Под ним оказалась яма в десять футов глубиной и в восемь шириной. Вслед за этим из нее показалась голова Самми, рот которого был открыт, словно у рыбы, дышащей воздухом. Мы вытащили его из ямы.

— Ох, мистер Квотермейн, — сказал он, — я жертва слишком верной службы. Оставить все наше ценное имущество на разграбление врагу было свыше моих сил. Поэтому я сложил все в эту яму и уже собрался уходить. Вдруг мне показалось, что сюда кто-то идет. Я влез в яму, прикрыв ее над собою камнем. Вскоре началось сражение. Кто-то поджег город, и все кругом запылало. Я слышал, как надо мной бушевало пламя. Потом пепел засыпал выход, и я не мог поднять камня, который так накалился, что к нему нельзя было притронуться. Здесь я просидел всю ночь, задыхаясь от жары и все время боясь, как бы не взорвались лежавшие около меня два бочонка с порохом. Наконец я потерял всякую надежду и уже приготовился умереть, подобно черепахе, живьем зажатой бушменом^[122], как вдруг услышал ваш приветливый голос. Я буду очень благодарен вам, мистер Квотермейн, если вы дадите мне какой-нибудь успокоительной мази, так как я весь обожжен.

— Ах, Самми, Самми! — сказал я. — Вот до чего доводит трусость! Если бы не острый слух Ханса, тебе, наверное, пришлось бы погибнуть в этой яме.

— Это верно, мистер Квотермейн. Я признаю себя виновным. Но на горе меня могли застрелить, а это еще хуже, чем быть освобожденным. Кроме того, вы поручили мне свое имущество, и я решил сохранить его, жертвуя своими собственными удобствами. В конце концов мой ангел-хранитель привел вас сюда. Все хорошо, что хорошо кончается, мистер Квотермейн, но кровавых сражений с меня довольно. Когда я возвращусь в цивилизованные места, я впредь буду заниматься исключительно

искусством приготовления пищи в безопасной кухне отеля, конечно, в том случае, если мне не удастся найти место преподавателя английского языка.

— Да, Самми, — ответил я, — все хорошо, что хорошо кончается. По крайней мере, ты спас наш багаж, за что мы должны быть очень признательны тебе. Ступай с мистером Стивеном за медицинской помощью, а мы тем временем извлечем из этой ямы наш багаж.

Спустя три дня мы простились со старым Бауси, который чуть не плакал, расставаясь с нами, и с мазиту, уже занявшимся восстановлением своего города.

Мавово и другие зулусы, павшие в битве у южных ворот, были похоронены на горе. Над их могилой был насыпан высокий холм, чтобы грядущие поколения могли вспоминать о них. Тут же были похоронены все павшие мазиту.

После продолжительного совещания мы решили возвратиться в Наталь сухим путем, во-первых, потому, что работорговцы, узнав о своих ужасных потерях, могли снова напасть на нас на побережье и, во-вторых, нам, вероятно, пришлось бы просидеть в Килве несколько месяцев, прежде чем туда заглянуло бы какое-нибудь судно, которое могло бы доставить нас в какой-либо цивилизованный порт. В те времена Килва пользовалась весьма дурной репутацией. Кроме того, брат Джон хорошо знал выбранную нами дорогу и находился в дружеских отношениях с племенами, земли которых лежали на пути к границам Земли Зулу, где я всегда мог рассчитывать на самый лучший прием. А так как мазиту для первой части пути снабдили нас конвоем и большим числом носильщиков и благодаря заботливости Самми у нас осталось достаточное количество различных вещей для найма в дальнейшем новых людей, то мы могли рассчитывать, что наше путешествие не продлится слишком долго. Затянувшись на целых четыре месяца, оно, тем не менее, окончилось благополучно, если не считать легкой лихорадки, которой я и мисс Хоуп прихварывали некоторое время.

Дорогой мы много охотились. Я очень жалею, что изменение плана путешествия не позволило нам взять с собой слоновую кость, захваченную нами у работорговцев и зарытую в таком месте, где найти ее могли только мы сами.

В Дурбане нас ждал сюрприз. При въезде в город мы встретили сэра Александра Соммерса, который, узнав о прибытии из Земли Зулу купцов, вышел к ним навстречу в надежде услышать что-нибудь о нас. Очевидно, этот старый раздражительный джентльмен так беспокоился о судьбе своего сына, что в конце концов решил отправиться в Африку на розыски

последнего. Их встреча была трогательной, но носила несколько странный характер.

— Отец! — воскликнул Стивен. — Кто мог бы подумать, что я встречу тебя здесь?

— Стивен! — воскликнул старик. — Кто мог бы ждать, что я найду тебя живым и здоровым? Это больше, чем ты заслуживаешь, молодой осел, но я надеюсь, что ты больше не станешь делать глупостей.

С этими словами сэр Александр взял Стивена за волосы и торжественно поцеловал его в лоб.

— Да, отец, — ответил Стивен, — я больше не намерен повторять этого. Только благодаря Аллану все окончилось благополучно. А теперь позволь мне представить тебе леди, на которой я собираюсь жениться, и ее родителей.

Остальное легко себе представить. Через две недели они обвенчались в Дурбане. Сэр Александр, кстати сказать поступивший со мной в деловом отношении весьма благородно, пригласил на свадьбу буквально весь город. Вскоре после этого новобрачные уехали в Англию вместе с своими родителями. Мы с Хансом с грустью расстались с ними. Ханс получил в подарок пятьсот фунтов, обещанных ему Стивеном. На эти деньги он купил себе ферму. Самми также сделался владельцем маленького отеля, в баре которого он проводил большую часть времени, рассказывая посетителям его о своих «военных подвигах» среди диких мазиту и людоедов понго.

* * *

Прошло много лет. Брат Джон и его жена умерли, и их странная история почти забыта. Стивен, отец которого тоже умер, теперь отец многочисленного семейства.

В одно из моих посещений сэра Стивена его славный садовник Вудден, теперь уже глубокий старик, показал мне в роскошной оранжерее три благородных растения с продолговатыми листьями, выросшие из семян Священного Цветка, плод которого я сберег у себя в кармане и передал Стивену при расставании.

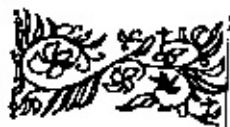
Но эти растения еще не цвели. Я очень хотел бы знать, что произойдет, когда они зацветут. Мне кажется, что в тот момент, когда золотистый цветок снова предстанет перед глазами людей, вокруг него будут незримо реять

духи ужасного лесного бога, таинственного Мотомбо, и, быть может, самой Матери Цветка.

Дитя из слоновой кости

ДИТЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Глава I. Аллан дает урок стрельбы

Я хочу рассказать об одном из самых необыкновенных приключений в своей жизни, которую вряд ли можно назвать бесцветной.

Начало его относится к тому времени, когда я приехал в Англию с молодым джентльменом по имени Скруп, отчасти для того, чтобы проводить его домой после одного случая на охоте, отчасти по другим делам.

Там я прожил некоторое время у Скрупа, или, вернее, у родных его невесты в их красивом доме в Эссексе.

Во время своего пребывания в этих краях я имел случай видеть великолепный старинный замок с башенными воротами, искусно отреставрированный и превращенный в современный жилой дом. Будем называть этот замок «Регнолл-Кастлом», по имени его владельца.

Я многое слышал о лорде Регнолле. Говорили, что он удивительно красив, обладает большими научными познаниями, хороший спортсмен — был капитаном в оксфордских лодочных гонках, — блестящий оратор, уже отмеченный в Палате Лордов, смелый охотник, застреливший много тигров и других крупных зверей в Индии, поэт, издавший под псевдонимом том своих стихотворений, имевших значительный успех, хороший офицер в бытность на военной службе и, наконец, обладатель колоссального состояния: сверх огромных поместий он владел несколькими каменноугольными копями и целым городом на севере Англии.

— Господи! — воскликнул я, когда этот длинный перечень был наконец окончен. — Должно быть, этот человек родился в рубашке. Но, по всей вероятности, он несчастлив в любви?

— В этом-то именно он счастливее всего, — ответила мисс Маннерс, невеста Скрупа, с которой я разговаривал, — мне говорили, что он помолвлен с самой милой, красивой и умной девушкой во всей Англии и что они обожают друг друга.

— Господи! — повторил я. — Удивительно, почему судьба так щедра по отношению к лорду Регноллу и его возлюбленной?

Впоследствии мне суждено было узнать это...

Когда на следующее утро мне предложили отправиться посмотреть

редкости Регнолл-Кастла, я охотно согласился.

Однако мне интереснее всего было взглянуть, если представится случай, на самого лорда Регнолла, так как все перечисленные достоинства его произвели на меня, бедного колониста, весьма сильное впечатление.

Часто сталкиваясь в жизни с демонами в человеческом образе, я никогда не встречал ангелов, по крайней мере мужского пола.

Кроме того, мог представиться случай увидеть невесту лорда, которую, как я узнал, звали мисс Холмс.

Итак, ничто не могло доставить мне большего удовольствия, чем посещение этого замка.

Был уже декабрь; стояла тихая морозная погода.

По приезду в Регнолл-Кастл Скрупу сообщили, что лорд Регнолл (с которым он был хорошо знаком) занимается стрельбой где-то в парке, но что мистер Скруп может показать своему другу замок.

Мы вошли втроем, так как с нами была мисс Маннерс, которая привезла нас в своей коляске, запряженной пони. Привратник передал нас у главного входа мужчине, которого он назвал мистером Сэвиджем, шепнув мне, что это личный слуга Его Светлости.

Это имя совершенно не соответствовало внешности его владельца^[123]. Он показался мне переодетым герцогом, насколько я представлял себе герцогов, никогда не видев ни одного.

Его платье — на нем был черный утренний костюм — было безукоризненно; манеры изысканны, учтивость — граничила с иронией с оттенком скрытой надменности. Он был красив со своим тонким носом и смелыми ястребиными глазами. Лет ему было, вероятно, тридцать пять — сорок, и манера, с которой он отобрал у меня палку и шляпу, обнаруживала решительный характер. По всей вероятности, он считал меня способным повредить палкой картины и другие произведения искусства, находившиеся в замке.

Впоследствии мистер Сэмюэль Сэвидж признался мне, что я не ошибся в своем предположении. Судя обо мне по наружности, он принял меня за анархиста, о которых он читал в газетах.

Этот человек, столь безукоризненный в других отношениях, удивительно коверкал некоторые слова.

Показывая нам картины, он говорил о них языком хорошего художественного критика, но вдруг так коверкал какое-нибудь слово, что получалось впечатление, как от ушата холодной воды, опрокину того на голову.

Он водил нас по парадным комнатам замка, показывая нам множество

редких дорогих вещей и по крайней мере сотни две картин лучших старых мастеров.

При этом ему представился случай обнаружить свое особенное, вернее, превратное понимание истории. Сказать правду, мне скоро надоело выслушивать бесконечные подробности, тем более, что в парадных комнатах было очень холодно.

По пути из большой галереи в меньшую мы проходили через небольшую комнату, довольно уютную и хорошо натопленную.

То была студия лорда Регнолла.

Задержавшись на минуту у огня, я заметил на стене картину, покрытую полотном, и спросил Сэвиджа, что она изображает.

— Это, сэр, — ответил он с гордой скромностью, — портрет будущей супруги Его Светлости; портрет, так сказать, только для глаз Его Светлости.

Мисс Маннерс сдержала улыбку, а у меня мелькнула мысль, что скрывать портрет таким образом — совсем дурная примета.

Потом, увидев в открытую дверь переднюю, где осталась моя шляпа и палка, я замедлил шаги и, когда мои спутники скрылись в галерее, забрал свои пожитки и вышел в парк, рассчитывая согреться ходьбой взад и вперед по террасе до возвращения Скрупа и его невесты.

Я слышал несколько выстрелов, доносившихся из небольшой дубовой рощи, ярдах в пятистах от меня. Стреляли, очевидно, из маленького не дробового ружья.

Стрельба — моя профессия; я не мог сдержать своего любопытства и направился к роще окружным путем через кустарник. Скоро я очутился у одного конца полянки и из-за прикрытия огромного старого вяза увидел недалеко от себя двух мужчин.

Одним из них был молодой егерь, державший и заряжавший запасное ружье, в другом я сразу признал лорда Регнолла. Это был действительно очень красивый, широкоплечий мужчина высокого роста, с острой бородкой, приветливым лицом и большими темными глазами. На его плечи был накинут плащ, и во всем, за исключением Ружья в руках, он походил на своих предков времен Карла I, портрет которого, писанный Ван-Дейком, я видел в большой галерее замка.

Стоя за дубом, я видел, как он тщетно пытался подстрелить одного из лесных голубей, спускавшихся покормиться желудями.

Когда перед спуском на землю они как бы задерживались в воздухе, охотник стрелял, и они улетали.

Бах! Бах! — снова раздались два выстрела из дуствольного ружья. Голубь улетел цел и невредим.

— Черт возьми! — весело воскликнул охотник. — Ведь это двенадцатый промах, Чарльз!

— Ваша Светлость попали в хвост. Я видел, как полетело перо. Но разве может кто-нибудь, да еще при ветре, попасть в голубя пулей, даже когда тот собирается сесть на землю?

— Я слышал об одном таком человеке, Чарльз. У мистера Скрупа гостит его друг из Африки, который из шести раз попадает четыре.

— В таком случае, друг мистера Скрупа — лжец, — возразил Чарльз, подавая новое ружье.

Это было слишком. Я выступил вперед, вежливо приподнял шляпу и сказал:

— Извините, сэр, что я прерываю вас, но вы совершенно неправильно стреляете по голубям. То, что они как бы задерживаются в воздухе, — только кажется нам. В действительности они очень быстро опускаются на землю. Ваш егерь ошибается, утверждая, что вы попали в хвост последней птице, в которую вы стреляли из обоих стволов. В том и другом случае ваша пуля пролетела по крайней мере на фут выше цели, и упал дубовый лист, а не перо голубя.

На минуту воцарилось молчание. Лорд Регнолл, вначале сердито посмотревший на меня, улыбнулся и сказал:

— Сэр, благодарю вас за совет, который мне весьма полезен, так как я все время делал промахи, стреляя по голубям из этих маленьких ружей. Но, быть может, вы сами на практике покажете, как это делается, что, без сомнения, еще более увеличит цену вашего совета.

Это было сказано не без легкой иронии.

— Дайте мне ружье, — сказал я, снимая пальто.

Лорд Регнолл с поклоном передал мне свою двустволку.

Чарльз презрительно фыркнул.

Я смерил его глазами, но он продолжал дерзко смотреть на меня. Никогда в жизни меня так не раздражала лакейская наглость.

Вдруг сомнение охватило меня. А вдруг я промахнусь? Ведь это легко может случиться, так как я плохо знаю полет английских лесных голубей. Как тогда снести лакейское презрение Чарльза и учтивую насмешливость его знатного хозяина?

Я молил Бога, чтобы голуби больше не прилетали, но напрасно: вскоре они снова начали слетаться на поиски лакомых желудей.

Я слышал, как Чарльз пробормотал:

— Ну вот, теперь этому учителю представляется случай показать свое искусство. Его Светлость — лучший стрелок в наших краях!

Пока он говорил, появились два голубя, летевшие один за другим. Первый из них начал снижаться ярдах в пятидесяти от меня, второй — приблизительно в семидесяти. Я выбрал первого, тщательно прицелился и выстрелил. Пуля попала ему в зоб, откуда дождем посыпались съеденные им желуди.

Птица камнем упала на землю. Второй голубь, почуяв опасность, начал быстро подниматься вверх почти по вертикальной линии. Я выстрелил: пуля отбила ему голову. Потом я взял из рук Чарльза заряженное им второе ружье и снова увидел двух приближающихся голубей. Я рискнул сделать трудный выстрел и на лету попал одному из них в хвост. Однако он быстро спустился и забился на земле. Прицелившись вторично, я нажал гашетку; курок щелкнул, но выстрела не последовало. Тут мне представился случай проучить Чарльза.

— Молодой человек, — сказал я, в то время как он, разинув рот, смотрел на меня, — вам следует научиться внимательней обращаться с оружием. Если вы подали стрелку незаряженное ружье, вы способны сделать и более опасную оплошность.

Потом, повернувшись к лорду Регноллу, я прибавил:

— Я должен просить извинения за свой третий выстрел, который осрамил меня, так как взявши слишком мало вперед, я сделал ошибку, от которой предостерегал вас. Однако этот выстрел может показать вашему слуге разницу между голубиным хвостом и листом дуба.

Перья бедной птицы все еще кружились в воздухе.

— Это сам черт! — пробормотал Чарльз.

Но его хозяин строго взглянул на него и, приподняв шляпу, обратился ко мне.

— Сэр! Ваша практика далеко превосходит теорию. Я поздравляю вас с таким удивительным искусством, почти граничащим с чудом, если только не случайность...

Тут он запнулся.

— Вполне естественно, что вы так думаете, — ответил я, — но, если мы подождем еще голубей и мистер Чарльз будет аккуратно заряжать ружья, я надеюсь переубедить вас.

Однако последовавший в этот момент громкий возглас Скрупа, искавшего меня, разогнал всех голубей по крайней мере на полмили. Впрочем, об этом я не очень сожалел.

— Я должен пожелать вам доброго утра, — сказал я, — меня зовут мои друзья.

— Одну минуту, — воскликнул охотник, — могу я просить вас назвать

свое имя? Меня зовут Регнолл — лорд Регнолл.

— А меня Аллан Квотермейн, — сказал я.

— О! — воскликнул лорд Регнолл. — Это объясняет дело. Чарльз! Этот джентльмен друг мистера Скрупа. Вы позволили себе сказать, что он... преувеличивает. Вам следует извиниться.

Но Чарльза уже и след простыл.

В это время показались Скруп и его невеста, слышавшие наши голоса.

Последовало объяснение.

— Мистер Квотермейн показывал мне, как надо стрелять по лесным голубям из малокалиберных ружей, — сказал лорд Регнолл.

— О, он весьма компетентен в этом, — заметил Скруп.

— Это единственное, что я умею делать, — скромно возразил я, — но, без сомнения, Его Светлость гораздо искуснее меня в стрельбе из дробовых ружей, в которой я имел очень мало практики.

— Да, — сказал Скруп, — я не советую вам состязаться с ним, так как лорд один из лучших стрелков Англии.

— Вы преувеличиваете, — смеясь, заметил лорд Регнолл, — но знаете, у меня появилась идея. Завтра мы собираемся устроить большую охоту в роще, где до сих пор никто не охотился. Быть может, мистер Квотермейн не откажется присоединиться к нам?

— К сожалению, это невозможно, — ответил я, — так как у меня нет с собой ружья.

— Это ничего не значит; у меня есть пара лишних централок, и прошу вас располагать ими.

Делать было нечего — оставалось принять приглашение.

— Очень жаль, мистер Скруп, — продолжал лорд Регнолл, — что я не могу пригласить вас, так как в охоте может участвовать только семь стрелков. Но, быть может, вы и мисс Маннерс не откажетесь завтра пообедать и провести день в Регнолле. Я познакомлю вас с моей будущей женой, — прибавил он, слегка краснея.

Мисс Маннерс, снедаемая любопытством, сразу приняла приглашение, прежде чем ее жених успел открыть рот.

Скруп предложил заряжать для меня во время охоты ружья, что весьма обрадовало меня, так как я боялся какого-нибудь подвоха со стороны Чарльза.

На обратном пути из замка мы заехали в оружейную лавку заказать патронов. Хозяин спросил, сколько мне их надо, и получив ответ «сто», посмотрел на меня с удивлением.

— Насколько я мог заключить, сэр, — сказал он, — вы принимаете

участие в завтрашней охоте в Регнолле. По-моему, вам надо по крайней мере триста пятьдесят патронов.

— Хорошо, — ответил я, опасаясь обнаружить свое незнание местных условий охоты, — приготовьте мне их пораньше и снарядите их тремя драхмами пороху.

— Да, сэр; и унций^[124] с восемь дробей номер пять?

— Нет, — возразил я, — возьмите номер третий. До свиданья.

Оружейник снова с удивлением посмотрел на меня, и, уходя, я услышал, как он сказал своему помощнику:

— Этот африканец, вероятно, собирается стрелять страусов!

Глава II. Аллан держит пари

На следующее утро мы со Скрупом в десятом часу прибыли в Регнолл, захватив по пути заказанные накануне патроны, за которые мне пришлось заплатить изрядную сумму. — Однако, — подумал я, — урок стрельбы фазанов обойдется мне не даром...

Когда мы вышли из коляски, к нам подошла какая-то величественная особа в бархатной куртке и красном жилете в сопровождении Чарльза, несшего два ружья.

— Это главный егерь, — шепнул мне Скруп.

— Если не ошибаюсь — мистер Квотермейн? — спросил важный егерь, холодно и неодобрительно оглядывая меня.

— Да, это я.

— Его Светлость поручил мне передать вам эти ружья. Чарльз будет сопровождать вас во время охоты и носить за вами оружие и патроны.

Я взял одну из централок и осмотрел ее. Это было великолепное дорогое оружие.

В это время из-за угла здания показался сам лорд Регнолл. После взаимных приветствий он проводил нас в обширную залу, где собрались остальные участники охоты. То были известные стрелки, большинство из которых я знал по охотничьим журналам.

К моему изумлению, среди них оказался мой, можно сказать, старый знакомый.

Это низменное лицо, маленькие бегающие глаза и острый красноватый нос не могли принадлежать никому иному, кроме Ван-Капа, некогда прославившегося в Южной Африке крупными, неподвластными закону аферами, из-за которых и я стал жертвой на двести пятьдесят фунтов стерлингов — сумму довольно значительную для меня.

Ван-Кап обернулся и, увидев меня, воскликнул:

— Кого я вижу! Аллан Квотермейн!

Тон его восклицания привлек внимание лорда Регнолла, стоявшего вблизи.

— Да, мистер Ван-Кап, — ответил я, — вы не ошиблись, это я. Столько же рад видеть вас, как и вы меня.

— Я думаю, здесь недоразумение, — сказал лорд Регнолл, удивленно глядя на нас. — Это сэр Юниус Фортескью.

— Я, право, не могу вспомнить, — возразил я, — чтобы он назывался

этим именем. Но, во всяком случае, мы старые знакомые.

Лорд Регнолл отошел в сторону, как бы не желая продолжать этот разговор.

Ван-Кап вплотную подошел ко мне.

— Мистер Квотермейн, — тихо сказал он, — обстоятельства сильно изменились с тех пор, как мы встретились с вами в последний раз.

— Ваши, вероятно, да, — возразил я, — но у меня все осталось по-старому, и я буду вам очень обязан, если вы уплатите мне двести пятьдесят фунтов, которые вы мне должны.

На минуту он задумался.

— Вот что я вам предложу, — сказал он немного спустя, — вы всегда были спортсменом. Если я сегодня убью больше вас птицы, вы должны держать язык за зубами относительно моих африканских дел. Если же вы убьете больше меня, вы также должны будете молчать, но я уплачу вам ваши двести пятьдесят фунтов с процентами за двенадцать лет.

Конечно, я мог отказаться от этого предложения и вывести Ван-Капа на чистую воду. Но вышел бы скандал, а это не входило в мои расчеты и все равно не приблизило бы меня к получению двухсот пятидесяти фунтов.

— Я согласен, — сказал я.

— Что это за пари, сэр Юниус? — спросил лорд Регнолл, подходя к нам.

— Это длинная история, — поспешно ответил Ван-Кап. — Мистер Квотермейн полагает, что я остался ему должен пять фунтов, и мы согласились предоставить разрешение этого вопроса результату сегодняшней охоты.

— Хорошо, — сказал лорд Регнолл, очевидно не совсем веря сказанному. — Раз дело касается денег, я поставлю кого-нибудь считать убитых птиц и сообщать мне об их числе.

— Согласен, — сказал Ван-Кап, или сэр Юниус.

Я молчал: признаться, я стыдился всей этой истории. На пути в рощу, отстоявшую всего на милю от замка, мы с лордом Регноллом случайно остались вдвоем.

— Вы раньше встречали сэра Юниуса? — пытливо спросил он меня.

— Да, — ответил я, — около двенадцати лет тому назад, перед тем как он исчез из Южной Африки, где был известен как удачливый... спекулянт.

— Десять лет тому назад он купил имение по соседству со мной, а через три года сделался баронетом.

— Как же человек, подобный Ван-Капу, мог получить такой титул? — изумился я.

— Покупкой.

— Покупкой? Разве в Англии титулы продаются?

— Вы удивительно наивный человек, мистер Квотермейн. Ваш друг...

— Извините меня, Ваша Светлость, — перебил я его, — я очень незначительный человек и потому не могу назвать сэра Юниуса, бывшего Ван-Капа, своим другом.

— Мне самому несимпатичен этот человек, — улыбаясь, сказал мой собеседник, — но он великолепный стрелок, хотя я уверен, что вы вернете свои пять фунтов.

— На это мало шансов, так как мне никогда не приходилось стрелять фазанов, — возразил я.

— Теперь, мистер Квотермейн, мой черед дать вам маленький совет. Заметьте, что фазаны летают гораздо медленнее, чем это нам кажется... Но мы уже пришли на место. Чарльз покажет вам, где надо встать. Желаю вам успеха.

Через десять минут охотники стояли по местам на виду друг у друга. Я был так поглощен новым для меня зрелищем предварительных приготовлений к охоте, что пропустил зайца и фазанью курочку, доставшихся Ван-Капу, стоявшему через два ружья справа от меня.

Тем временем раздался возглас егеря, предупреждающего о летящей птице.

— Стреляйте, — сказал Скруп, — это кулик.

В эту минуту я увидел очень близко от себя коричневую птицу. Я прицелился и выстрелил. От птицы осталось только облако перьев.

При громком хохоте окружающих Чарльз подобрал только голову и клюв моей добычи.

— Вам следует давать птице отлететь подальше от вас с вашей дробью номер три, — заметил Скруп.

Этот случай так повлиял на меня, что я сделал подряд три промаха, в то время как Ван-Капу удалось застрелить еще пару фазанов.

Скруп качал головой, а Чарльз даже тяжело вздохнул. Теперь, видя, что я не состязаюсь с его господином, он был всецело на моей стороне. История моего пари каким-то образом получила широкую огласку, а мой противник, очевидно, не пользовался симпатией среди егерей.

— Внимание, — сказал Скруп, указывая на приближающегося фазана.

Птица летела слишком высоко. Раздалось три выстрела, в том числе и Ван-Капа, но ни один не задел фазана. Я выстрелил, припомнив совет лорда Регнолла. Птица изменила свой полет и вдруг камнем упала на землю ярдах в пятидесяти от меня.

— Это будет получше! — воскликнул Скруп.

Удачный выстрел вернул мне уверенность, и я снова подстрелил пару фазанов.

Но Ван-Кап, который был великолепным стрелком, не отставал от меня.

Лорд Регнолл, стоявший по соседству со мной, предложил мне встать с ним несколько позади остальных охотников.

— Я вижу, что вы лучше стреляете по высоко летящим птицам, — сказал он.

Мы поместились между двумя рощицами ярдах в трехстах от прежнего места.

Здесь дело пошло значительно лучше.

Однако, когда мы спустя час с небольшим собрались завтракать в лесной сторожке, оказалось, что я убил тридцатью фазанами меньше своего противника.

Пока мы завтракали, погода резко изменилась. Небо заволокло тучами, подул сильный, резкий ветер.

Охота должна была продолжаться на новом месте, в рощице около озера. Лорд Регнолл решил отказаться от дальнейшего участия в ней и встал во время стрельбы за мной и Ван-Капом, считая, что и шести стрелков будет много при изменившихся благодаря погоде условиях

— Выпейте немного черри-бренди^[125], — посоветовал он мне, — это укрепит ваши нервы.

Я последовал его совету, и мы вышли. Роща, где мы собирались стрелять и куда перелетели разогнанные нами утром фазаны, находилась приблизительно в миле от сторожки. Она имела вид подковы, окаймлявшей один конец небольшого озера ярдов в пятьдесят шириной. Четыре стрелка были расставлены вдоль ближайшей стороны озера, а нам с Ван-Капом были назначены места на противоположной возвышенной стороне, где мы были на виду у всех. К своему ужасу, неподалеку я увидел целую толпу зрителей, в числе которых я узнал оружейника, набивавшего мне патроны.

По пути к лодке, которая должна была перевезти нас через озеро, произошел случай, который привел меня в хорошее настроение и вызвал шумные аплодисменты остальных.

— Куропатки! — вдруг провозгласил «красный жилет», шедший на некотором расстоянии впереди нас.

Чарльз быстро подал мне заряженное ружье. Через мгновение над деревьями показались птицы, с трудом летевшие против сильного ветра. Я выстрелил в первую — она упала к моим ногам. Со вторым выстрелом

вторая последовала за ней. Я схватил запасное ружье и убил третью, пролетевшую почти над самой моей головой. Четвертый выстрел догнал последнюю.

Четыре куропатки были подобраны среди всеобщих поздравлений.

Входя в лодку, я заметил у Чарльза под мышкой кроме сумки еще ящик с патронами. На мой вопрос, откуда это, Чарльз ответил, что мистер Пофем, оружейник, принес их про запас. Я ничего не возразил, так как из моих трехсот пятидесяти патронов за утро была уже расстреляна добрая половина.

Пока мы занимали свои места, ветер еще более усилился. Со стоном качались огромные дубы; недалеко от меня сломанная сосна с плеском упала в воду. Несмотря на это, охота началась. Сперва ветер дул нам в спину, массажируя фазанов, диких уток и другую дичь над самыми нашими головами. Но вскоре он изменил направление и задул к северу с яростью, увеличивавшейся с каждым моментом.

Однако фазаны продолжали свой перелет. В продолжение последующего часа с небольшим происходила самая частая стрельба. Егеря едва успевали заряжать ружья. Потом птицы стали появляться вблизи все реже и реже. Приходилось по большей части стрелять по далеким. Но чем дальше, тем я стрелял все лучше и лучше. Один за другим падали фазаны то в озеро, то в отдаленные кусты. Стволы ружей так нагрелись, что к ним нельзя было притронуться.

Дела Ван-Капа также шли хорошо, но на долю остальных ружей приходилось очень мало, и бедные охотники вынуждены были довольствоваться ролью зрителей.

К концу охоты я так пристрелялся, что последними тридцатью пятью выстрелами убил тридцать фазанов.

Заключительный выстрел затмил все предыдущие.

Высоко и несколько в стороне пролетал фазан, казавшийся черной точкой на темном небе.

— Не стоит, слишком высоко, — сказал лорд Регнолл, видя, что я подымаю ружье. Но я все-таки выстрелил; фазан перекувырнулся, полетел вниз и упал в озеро далеко от нас.

Выстрел был так удачен, что все присутствующие издали одобрительный крик. Даже величественный «красный жилет» что-то одобрительно проворчал. Лорд Регнолл приказал тщательно собрать убитую дичь и положить добычу Ван-Капа отдельно от моей.

— За вторую стоянку вы убили сто сорок три штуки, — сказал он, — мое число совпадает с подсчетами Чарльза.

Когда я переехал на другую сторону озера, остальные охотники встретили меня самыми горячими поздравлениями. Из-за погоды было невозможно дальше охотиться, и мы отправились в замок пить чай.

Едва я опорожнил чашку, как лорд Регнолл пригласил меня посмотреть на убитую дичь. Мы вышли. На чуть покрытой снегом траве правильными рядами лежали убитые птицы.

— Дженкинс, — обратился лорд Регнолл к «красному жилету», — сколько дичи числится у сэра Юниуса Фортескью?

— Двести семьдесят семь фазанов, Ваша Светлость, двенадцать зайцев, две курочки и три голубя.

— А у мистера Квотермейна?

— Двести семьдесят семь фазанов, столько же, сколько и у сэра Юниуса, Ваша Светлость, пятнадцать зайцев, три голубя, четыре куропатки, одна утка и один клюв, должно быть кулика.

— Тогда вас можно поздравить с выигрышем, мистер Квотермейн, — сказал лорд Регнолл.

— Позвольте, — вмешался Ван-Кап, — пари заключалось только на фазанов. Другая дичь не в счет!

— Вы говорили «птиц», — заметил я, — впрочем, если...

В этот момент все обернулись. Во двор, запыхавшись, вбежал Чарльз в сопровождении другого мужчины с собакой. В руках Чарльза был мертвый фазан без хвоста.

— Мы еле нашли его, Ваша Светлость, — начал Чарльз, тяжело дыша, — он упал в тину... Это тот, которого мистер Квотермейн убил последним. Мы с Томом вытащили его палкой.

— Тогда вопрос ясно решается в пользу мистера Квотермейна, — сказал лорд Регнолл. — Сэр Юниус, вам следует уплатить свой долг.

— Я протестую, — злобно воскликнул Ван-Кап. — Дело идет о сумме большей пяти фунтов. Откуда я знаю, что этот фазан убит мистером Квотермейном?

— Мои люди удостоверяют это, сэр Юниус. Впрочем, какой номер дробы употребляли вы сегодня?

— Четвертый.

— Мистер Квотермейн пользовался номером третьим. Кто еще, господа, употреблял сегодня номер третий? — Все отрицательно покачали головами.

— Дженкинс, вскройте голову птице, — приказал лорд Регнолл. Дженкинс ловко выковырнул перочинным ножиком из головы фазана дробинку.

— Номер третий, Ваша Светлость, — сказал он.

— Сэр Юниус, — твердо произнес лорд Регнолл, — вы должны уплатить свой долг.

— У меня нет с собой денег, — мрачно возразил Ван-Кап.

— У нас с вами один и тот же банкир, — сказал лорд Регнолл — и вы можете подписать чек на требуемую сумму из моей книжки. Но здесь холодно. Пойдемте, господа, в дом.

Мы направились в курительную комнату, куда лорд Регнолл принес чистый бланк и подал его Ван-Капу.

— Сколько же я вам должен с процентами? — спросил тот меня

— Прошло уже двенадцать лет, — сказал я, — но мне не надо процентов. Я удовлетворюсь первоначальной суммой долга.

Ван-Кап подписал чек на двести пятьдесят фунтов и бросил его на стол передо мной. Я взял чек в руки... Вдруг у меня явилась мысль что я не должен воспользоваться этими деньгами.

— Лорд Регнолл, — сказал я, — этот долг я давно считал потерянным. Я не хочу оставлять у себя эти деньги. Позвольте передать вам этот чек на дела благотворительности.

— Что вы скажете, сэр Юниус, о такой щедрости мистера Квотермейна! — воскликнул Регнолл, увидев, что чек был не на пять, а на целых двести пятьдесят фунтов.

Ответа не последовало, так как Ван-Кап поспешил уйти. С тех пор мы никогда не встречались.

Приблизительно через год я получил извещение, что на мое пожертвование при одном из соответствующих учреждений устроена койка имени Аллана Квотермейна для больных детей.

Заметив исчезновение Ван-Капа, лорд Регнолл ничего не сказал, но подошел ко мне и крепко пожал мою руку. С этого момента началась наша долголетняя дружба.

Мне остается прибавить, что, хотя я и получил много удовольствия от стрельбы, однако рад был, что в последующие дни охота не возобновлялась, так как нашел, что это развлечение было мне не по карману. Вот выписка из моей записной книжки:

Патроны, включая переданные Чарльзу 4 фун. — шил.

Разрешение на охоту 3 фун. — шил.

«Красному жилету» «на водку» 2 фун. — шил.

Чарльзу «на водку» — фун. 10 шил.

Человеку, который помог найти Чарльзу последнего фазана — фун. 5

шил.

Егерю, собиравшему дичь — фун. 10 шил.

Итого: 10 фун. 5 шил

Да, охота на фазанов в Англии — развлечение, доступное только богатым!

Глава III. Мисс Холмс

Последующие два с половиной часа я провел в отдыхе, лежа в отведенной мне комнате, так как частая пальба и непрерывный шум ветра вызвали у меня небольшую головную боль. Потом явился Скруп и предложил мне присоединиться к остальному обществу. Мы спустились вниз и вошли в роскошно обставленную гостиную, где собралось около тридцати человек соседей лорда Регнолла, приглашенных к обеду. Мисс Маннерс таинственно сообщила Скрupu, что «она уже здесь».

В это время безукоризненный Сэвидж провозгласил, широко распахнув двери:

— Леди Лонгден! Мисс Холмс!

Все обернулись к дверям, в которых показалась пожилая леди в сопровождении молодой девушки лет двадцати двух. Последняя была не очень высока ростом, весьма изящна и грациозна, как лань. Темно-каштановые волосы, тонкие черты лица, ярко-красные губы и большие темные глаза указывали скорее на испанское или итальянское, нежели англо-саксонское происхождение. Одета она была и светлое открытое платье, и, кроме нитки жемчуга и красной камеи, на ней не было никаких украшений. Мне бросилось в глаза странное белое пятно на ее груди, имевшее вид полумесяца. Но самое большое впечатление произвело на меня ее лицо. Выражение его было мягко, приветливо, даже счастливо; но чем больше вглядывался я в него, тем таинственнее оно казалось. По временам по нему проскальзывала какая-то особенная тень. Что это было — я не знал...

Лорд Регнолл, казавшийся еще более красивым в своем вечернем костюме, поспешил навстречу своей невесте и ее матери. Мое внимание на некоторое время было отвлечено соседями, как вдруг я услышал вблизи себя голос, который говорил:

— Покажите мне его. Впрочем, я уже узнала его по вашему описанию.

— Да, вы правы, — ответил лорд Регнолл своей невесте (это была она), — я сейчас познакомлю вас. Однако скажите, кого вы хотите иметь своим кавалером за обедом? Я не могу, я должен быть около вашей матери. Возьмите доктора Джеффриса.

— Нет, — ответила мисс Холмс, — я предпочитаю сэра Квотермейна. Мне хочется услышать от него что-нибудь об Африке.

— Хорошо, — сказал лорд Регнолл, — он, пожалуй, интереснее всех

остальных гостей, взятых вместе. Но почему, Луна, вы постоянно думаете и говорите об Африке? Можно подумать, что вы собираетесь там жить.

— Это может когда-нибудь случиться, — задумчиво сказала она, — кто знает, где он жил и где будет жить!

И снова что-то таинственное мелькнуло в ее лице.

Конца их разговора я не слышал. Сказать правду, я хотел избежать соседства с мисс Холмс за обедом, так как я не люблю быть на видном месте; поэтому я направился в противоположный конец гостиной. Но это было бесполезно: лорд Регнолл догнал меня и подвел ко мне свою невесту.

— Позвольте вас познакомить с мисс Холмс, — сказал он мне, — она желает быть вашей соседкой во время обеда. Она очень интересуется...

— Африкой, — подсказал я.

— Мистером Квотермейном, о котором мне говорили как о величайшем охотнике в Африке, — поправила меня мисс Холмс с очаровательной улыбкой.

Я поклонился, не зная, что сказать. Лорд Регнолл улыбнулся и удалился, оставив нас вдвоем. В это время лакей объявил, что обед подан. Мы направились в середине длинной процессии в роскошную столовую, еще сохранившую свой средневековый стиль.

Мистер Сэвидж проводил нас на наши места по левую руку от лорда Регнолла, сидевшего у главного конца длинного стола с леди Лонгден с правой стороны. Старый священник доктор Джеффрис прочел короткую молитву, и обед начался.

— Я слышала, — обратилась ко мне мисс Холмс, — что вы сегодня победили сэра Юниуса Фортескью в стрельбе и пожертвовали кучу денег на благотворительность. Я не люблю пари и тех, кто их держит. Странно, что вы держали пари: вы совсем не похожи на таких людей. Но я не выношу сэра Юниуса, и в этом мы сходимся с вами.

— Я ничего не говорил о своей антипатии к сэру Юниусу, — возразил я.

— Да, но ваше лицо изменилось, когда вы упомянули его имя.

— Тогда мне приходится сознаться, что вы правы. Но я должен

прибавить, что я тоже не любитель пари.

Тут я рассказал всю историю с Ван-Капом и его долгом.

— Я всегда считала его ужасным человеком, — заметила мисс Холмс, когда я окончил свой рассказ.

Потом наш разговор перешел на предстоящую свадьбу, и я не преминул выразить мисс Холмс свои лучшие пожелания и уверенность, что ее счастье всегда будет так же безоблачно, как и теперь.

— Благодарю вас, — сказала она, — но не кажется ли вам, что эта безоблачность — дурное предзнаменование. Ведь будущее так же скрыто от нас, как и мой портрет в рабочей комнате лорда Регнолла, в чем вы тоже видите дурное предзнаменование.

— Откуда вы это знаете? — спросил я, пораженный этим замечанием.

— Не знаю, мистер Квотермейн, но мне это известно. Ведь вы так думали, не правда ли?

— Если даже так, — сказал я, уклоняясь от прямого ответа, — то что из этого следует? Хотя портрет и скрыт от посторонних глаз, но всегда можно отдернуть занавеску...

— А вдруг однажды за этой занавеской окажется пустота?

— Я не похожа на других... — снова начала мисс Холмс. — Что-то побуждает меня говорить с вами. Я никогда ни с кем не говорила так. Меня бы все равно не поняли. Моя мать, вероятно, нашла бы нужным показать меня доктору. С самых ранних лет мне казалось, что я — какая-то тайна среди других тайн. С девяти лет эта мысль внезапно охватывала меня по ночам. У меня были какие-то видения, но они быстро изглаживались из моей памяти. Только две вещи я чувствую более или менее ясно. Одна — это какая-то странная, безотчетная тревога... Другая — то, что я, или часть меня, имеет какое-то отношение к Африке, о которой я знаю только по книгам. Вот откуда у меня интерес к вам и к Африке.

— Я думаю, что ваша матушка была бы права относительно доктора, — заметил я.

— Вы так говорите, но не верите в это, мистер Квотермейн.

Тогда я, чтобы придать другое направление этому по меньшей мере странному разговору, начал рассказывать об Африке и между прочим упомянул об одном легендарном племени арабов или полуарабов, якобы живущем в восточной части Центральной Африки и поклоняющемся вечно юному дитяти.

— Кстати, об арабах, — прервала меня мисс Холмс. — Я расскажу вам очень странную историю. Когда мне было восемь или девять лет, я как-то играла в Кенсингтонском саду (мы тогда жили в Лондоне) под присмотром

бонны. Она беседовала с каким-то молодым человеком, которого называла кузеном, а я катала обруч по траве. И вдруг из-за дерева вышли двое одетых в белые одеяния мужчин с тюрбанами на голове. У старшего были блестящие черные глаза, крючковатый нос и длинная седая борода. Лицо младшего я помню плохо. Их кожа была коричневого цвета, но, во всяком случае, это были не негры. Вдруг мой обруч упал к ногам старшего мужчины; я остановилась, не зная, что делать. Старик наклонился, поднял обруч, но не вернул его мне. Он что-то сказал другому, указывая на родинку в виде полумесяца на моей шее (из-за этой родинки отец называл меня Луной). «Как твое имя, маленькая девочка?» — спросил меня старик на ломаном английском языке.

— Луна Холмс, — ответила я.

Тогда он достал из кармана ящичек и дал мне из него нечто вроде конфеты. Я очень любила сладости и положила полученное в рот. Потом старик покатил обруч и сказал мне: «Лови его». Я побежала за обручем, но вдруг все исчезло из моих глаз, точно скрывшись в тумане. Я очнулась на руках бонны. Люди в белых одеяниях исчезли. Всю дорогу домой бонна бранила меня за то, что я взяла лакомство от незнакомых людей и грозила пожаловаться на меня родителям. Я еле упростила ее молчать о случившемся. Вскоре она покинула нас и вышла замуж, по всей вероятности за «кузена». Но со времени этого приключения я начала думать об Африке.

— Вы больше никогда не встречали этих людей?

— Никогда.

В это время я услышал сердитый голос леди Лонгден:

— Мне очень жаль, Луна, прерывать ваш интересный разговор, но мы все ожидаем тебя.

К своему великому ужасу, я увидел, что все кроме нас уже встали из-за стола.

Я был очень смущен. Вспомнив, что ничего не ел, я потихоньку сел поближе к портвейну и, подкрепившись финиками, прошел за другими в гостиную, где уселся как можно дальше от мисс Холмс и занялся рассматриванием альбома с видами Иерусалима.

Вскоре ко мне подсел лорд Регнолл, который завел разговор об охоте на крупного зверя и между прочим спросил мой постоянный африканский адрес. Я указал Дурбан и, в свою очередь, поинтересовался узнать, зачем ему мой адрес.

— Потому что мисс Холмс постоянно бредит Африкой, и я жду, что мне в один прекрасный день придется попасть туда, — печально ответил

лорд Регнолл.

Это были пророческие слова. Наш разговор был прерван леди Лонгден, подошедшей пожелать спокойной ночи своему будущему зятю, так как она чувствовала себя не совсем здоровой.

Большинство гостей, несмотря на то, что было всего десять часов, собрались ехать домой.

Глава IV. Харут и Марут

Проводив гостей, лорд Регнолл вернулся ко мне и спросил, что я предпочитаю: играть в карты или слушать музыку. Едва я ответил, что не выношу даже вида карт, как к нам подошел мистер Сэвидж и почтительно осведомился у Его Светлости, кто из гостей носит имя «Хикомазани».

Лорд Регнолл удивленно посмотрел на него и выразил подозрение, не пьян ли он.

— Два каких-то иностранца в белых одеждах, — сказал обиженным тоном Сэвидж, — стоят у замка и желают говорить с мистером «Хикомазани». Я им сказал, чтобы они уходили прочь, но они уселись на снег и объявили, что будут ждать «Хикомазани».

— Позвольте, — вмешался я, — мое африканское туземное прозвище Макумазан. Быть может, мистер Сэвидж неправильно передает это имя. Могу я взглянуть на этих людей?

— На дворе очень холодно, мистер Квотермейн, — ответил лорд Регнолл, — но подождите. Не говорили ли вам, Сэвидж, эти люди, кто они такие?

— Должно быть, колдуны, Ваша Светлость. Когда я сказал, чтобы они уходили, я услышал в своем кармане шипение и, положив туда руку, нашел там большую змею, которая исчезла, когда я бросил ее на землю. Потом у кухарки из волос выскочила живая мышь. Девушка перед этим смеялась над их платьем, а теперь она в истерике.

В это время к нам подошла мисс Холмс и спросила, о чем мы так оживленно говорим. Узнав, в чем дело, она стала просить лорда Регнолла позвать этих людей в гостиную.

— Хорошо, — согласился лорд Регнолл, — позовите сюда ваших колдунов, Сэвидж. Скажите им, что Макумазан ждет их и что все общество желает посмотреть их фокусы.

Сэвидж вышел с видом осужденного на тяжкое наказание. По его бледности можно было заключить, что бедняга сильно перепуган.

Мы очистили место посреди комнаты и поставили кресла для зрителей.

— Без сомнения, это индийские фокусники, — заметил лорд Регнолл, — они вырастят манговое дерево на наших глазах. Я, помню, видел это в Кашмире.

В это время дверь широко распахнулась и через нее с необыкновенной

поспешностью прошел Сэвидж, боязливо держась за свои карманы.

— Мистер Хирут, мистер Мирут, — объявил он.

— Вероятно, Харут и Марут^[126], — заметил я, — я где-то читал, что это были величайшие маги. Очевидно, эти фокусники присвоили себе их имена.

Вслед за Сэвиджем в гостиную вошли два человека. Первый был высокого роста, с важным лицом восточного характера, длинной белой бородой, крючковатым носом и блестящими ястребиными глазами. Второй был ростом пониже и значительно моложе первого. Он обладал веселым, живым лицом, маленькими черными глазами и был гладко выбрит. Кожа у обоих была не очень темна; мне приходилось встречать более смуглых итальянцев.

Во всем их облике чувствовалась какая-то особенная сила.

Я вспомнил историю, рассказанную мне мисс Холмс, и украдкой взглянул на нее. Она была необыкновенно бледна и немного дрожала. Но никто не заметил этого: внимание всех было поглощено пришельцами. Через некоторое время мисс Холмс овладела собой и, встретившись со мной взглядом, приложила палец к губам в знак молчания.

Незнакомцы сняли свои меховые плащи, положили их на пол и остались в ослепительно белых одеяниях и с белыми тюрбанами на головах.

«Сомалийские арабы высшего класса», — подумал я.

Один из них запер двери. После этого, к величайшему моему изумлению, оба направились прямо ко мне, поставили свои корзины на пол и, подняв руки кверху, низко поклонились мне. Потом заговорили не по-арабски, как я ожидал, а на наречии банту, которым я владел в совершенстве.

— Я, Харут, первый жрец и учитель белых людей кенда, приветствую тебя, о Макумазан! — сказал старший.

— Я, Марут, жрец и учитель белых кенда приветствую тебя, о Бодрствующий В Ночи! — сказал младший.

— Мы оба приветствуем тебя, который кажется малым, но велик, о господин с великим будущим! — вместе сказали они.

— О убивающий злых людей и зверей! — монотонно продолжали они. — Ты, кому назначено судьбой освободить нашу землю от страшного бича, мы клянемся тебе и обещаем тебе безопасность среди нас и в пустыне. Мы обещаем тебе великую награду.

Они снова трижды поклонились мне и встали, скрестив руки. Я спросил их на банту, чего им, собственно, нужно от меня.

— О Макумазан! — ответил старший. — Я пришел просить тебя оказать услугу нашему народу, — услугу, за которую ты получишь великую награду. Мы, белые кенда, народ Дитяти, воюем с черными кенда, нашими рабами, которые превосходят нас числом. Черные кенда чтут бога зла, дух которого живет в самом большом слоне в мире. Никто не может убить его, а он убивает многих и околдовывает еще больше. Пока жив этот слон, — имя его Джана, — ужас царит среди нас, народа Дитяти, ибо день за днем Джана истребляет нас. Если ты убьешь его, мы покажем тебе место, куда слоны уходят умирать; ты возьмешь себе сколько хочешь слоновой кости и будешь богат. Когда у тебя будет нужда в золоте или в слоновой кости, — которая то же, что и золото, — иди на север от того озера, где живут понго, остановись на краю пустыни и назови имена Харута и Марута.

— И назови имена Харута и Марута, — эхом повторил младший.

Прежде чем я успел собраться с мыслями, чтобы ответить что-нибудь, загадочный Харут заговорил на ломаном английском языке, как заурядный фокусник.

— Богатые леди и джентльмены ждут представления от бедного фокусника из Центральной Африки. Хорошо, я покажу им что умею. Вы хотите, чтобы выросло дерево? Можно. Только помните, что здесь нет никакой магии; это простые фокусы. Дайте мне блюдо.

Представление началось. На покрытом покрывалом блюде чудесным образом выросло дерево, палки плясали сами собой. Марут свистнул, и из кармана Сэвиджа, стоявшего на почтительном расстоянии от фокусников, снова выползла змея, которая потом обратилась в огонь. Зрелище было интересное, но, сказать правду, оно мало занимало меня: я раньше видел много подобных фокусов. Я думал о словах Харута...

Наконец фокусники окончили представление и среди аплодисментов присутствующих стали собирать свои пожитки.

— Наш господин Макумазан прав, считая все это пустяками, — заметил Харут, — простые фокусы и только. Но что с этим джентльменом? — прибавил он, указывая на корчившегося в стороне Сэвиджа. — Брат Марут, посмотри, в чем дело.

«Брат Марут» подошел к Сэвиджу и освободил его от двух змей. Затем среди всеобщего хохота вытащил из его напояженных волос большуюдохлую крысу.

— А! — воскликнул Харут. — Змеи любят этого джентльмена. Но все это пустяки. Быть может, Макумазан желает посмотреть что-нибудь интересное? Слона Джану, которого он убьет?

— Охотно, — ответил я, — но как ты мне покажешь его?

— Это очень легко, Макумазан. Надо вдохнуть немного курения кенда, и ты увидишь многое, если у тебя есть дар. Я уверен, что ты его имеешь, как и эта леди, — прибавил он, указывая на мисс Холмс.

— Дакка, — презрительно сказал я, вспомнив об одном сорте индийской конопли, которой одурманивают себя туземцы во многих частях Африки.

— О нет, это не дакка. Это табак, растущий только в земле кенда. Ты думаешь, это вздор. погоди, ты увидишь, что это не так. Дайте мне спички.

Он взял щепотку табаку, положил в небольшой деревянный кубок, который вместе с табаком достал из корзины, и сказал что-то своему товарищу Маруту. Тот вынул из своего платья тростниковую флейту и заиграл на ней какую-то заунывную мелодию. Харут, в свою очередь, запел тихим голосом песню, из которой я не понял ни слова, и зажег табак. Бледно-синеватый дымок поднялся из кубка, распространяя кругом довольно приятный запах.

— Вдохни и расскажи нам, что увидишь, — сказал Харут. — Не бойся, это не опасно. Смотри!

Он сильно вдохнул в себя дым, после чего его лицо приняло особенное выражение.

Я стоял в нерешительности. Наконец любопытство и страх быть осмеянным за свою трусость одержали верх. Я взял кубок и поднес его к своему носу, в то время как Харут накинул мне на голову покрывало, на котором он выращивал манговое дерево.

Внезапно передо мной появилась пелена тумана. Потом туман рассеялся, и перед моими глазами открылся африканский пейзаж: озеро, окруженное густым лесом. По небу, еще красному от солнечного заката, плыла полная луна. На восточном берегу озера было открытое, лишенное всякой растительности пространство, сплошь покрытое скелетами многих сотен слонов. Кругом торчали желтые клыки, из которых многие покрылись уже мхом, пролежав здесь, вероятно, целые столетия.

Это было кладбище слонов, о существовании которого я слышал в продолжение всей своей охотничьей жизни, — место, куда слоны приходят умирать, как это делала вымершая птица моа в Новой Зеландии^[127]. Вот появляется умирающий слон. Он останавливается, размахивая хоботом во все стороны. Потом медленно опускается на колени и замирает без движения. Вдруг на отдаленной скале обрисовываются очертания огромного слона. Во всей своей жизни я не видел такого гиганта. Он держит хоботом безжизненное тело женщины, волосы которой развеваются по ветру. В ее руках зажат ребенок, кажущийся живым: Чудовище бросает

тело на землю, выхватывает хоботом ребенка и, раскачав его в воздухе, швыряет в высоту. Покончив с ребенком, оно направляется к умирающему слону и топчет его ногами. Затем поднимает свой хобот, как бы торжествуя трубя, и исчезает в лесу.

Снова пелена тумана скрыла все перед моими глазами, и я очнулся.

— Что вы видели? — спросил меня целый хор голосов.

Я рассказал обо всем, выпустив последнюю часть. Оказалось, что все видение длилось не более десяти секунд.

— Видел Джану? — спросил Харут. — Он убил женщину и ребенка, да? Это он делает каждую ночь. Вот почему белый народ кенда хочет убить его. Так Джана жив! Это нам надо было узнать. Благодарю тебя, Макумазан! Теперь, быть может, прекрасная леди тоже желает посмотреть... — обратился он к мисс Холмс.

— Да, — ответила она.

— Я предпочел бы, Луна, чтобы вы не делали этого, — с беспокойством сказал лорд Регнолл.

— Вот спички, — сказала мисс Холмс Харуту, который взял их с поклоном. Затем, подложив в кубок табаку, Харут зажег его, осторожно покрыл голову мисс Холмс покрывалом и вручил дымящийся кубок. Через несколько секунд кубок и покрывало упали на пол и мисс Холмс, широко раскрыв глаза, начала говорить тихим голосом:

— Я прошла долгий путь и нахожусь в другом мире. Кругом камень. Темно. Мне светит огонь кубка. Здесь нет ничего кроме статуи нагого ребенка, вырезанной из желтой слоновой кости, и кресла из черного дерева. Я стою перед дитятей из слоновой кости. Оно оживает и улыбается мне. На его шее ожерелье из красных камней. Дитя снимает ожерелье и надевает его мне на шею. Потом указывает на кресло. Я сажусь. Все исчезло.

Я слышал, как Харут, напряженно слушавший эти слова, тихо прошептал Маруту:

— Священное Дитя получает Хранителя. Дух белых кенда снова нашел голос.

Затем оба благоговейно склонились перед мисс Холмс.

— Что за странное видение, — сказал лорд Регнолл, — дитя из слоновой кости... ожерелье... Что за вздор! Но теперь, я полагаю, представление окончено. Сколько я вам должен за него?

— Ничего, о великий лорд, ничего. Это мы вам многим обязаны. Здесь мы узнали то, что хотели знать уже давно, ибо табак кенда говорит только новому духу. Прощай, великий лорд! Прощай, прекрасная леди! Прощай, о Макумазан, до новой встречи, когда ты придешь убить Джану.

Благословение Небесного Дитяти, посылающего дождь, защищающего нас от опасности, дающего здоровье и пищу! Благословение его на вас всех!

С этими словами Харут и Марут надели свои плащи и направились к двери. Я пошел проводить их, так как Сэвидж был сильно напуган змеями.

— Скажите, о люди из Африки, что все это значит? — спросил я, когда мы очутились во дворе.

— Ты сам себе ответишь на этот вопрос, когда будешь стоять перед Джаной, — ответил Харут. — А теперь не пытайся узнать больше, ты, который в надлежащий час узнаешь все.

— Не пытайся узнать больше, чтобы не было несчастья, — эхом повторил Марут, — ты, о Макумазан, который знаешь уже слишком много.

— Теперь вернись в дом, — продолжал Харут, — здесь страшный холод. Передай прекрасной леди этот свадебный подарок Дитяти.

С этими словами он вручил мне сверток и исчез в темноте вместе со своим товарищем.

Я вернулся в гостиную.

— Они ушли, — сказал я лорду Регноллу, — и, уходя, передали свадебный подарок для мисс Холмс.

Кто-то подал ножницы, сверток был вскрыт, и в нем оказалось ожерелье из красных камней. Это было рубиновое ожерелье, и, судя по работе, весьма древнее. Быть может, оно украшало шею какой-нибудь знатной египтянки или статую Гора^[128], сына Изиды^[129].

— Это то самое ожерелье, которое дитя из слоновой кости дало мне в видении, — спокойно сказала мисс Холмс, надевая подарок на шею.

Глава V. Неудавшееся похищение

В эту ночь я не мог сомкнуть глаз. Это могло происходить от возбуждения, вызванного стрельбой, в которой я состязался с неприятным мне человеком, либо от впечатления, оставшегося от странной пары, Харута и Марута, искавших меня за семь тысяч верст от своего дома, либо от образов, вызванных табаком кенда. Или, может быть, все это в совокупности повлияло на меня.

Во всяком случае, я никак не мог уснуть.

Время шло; я лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к бою башенных часов Регнолл-Кастла (я ночевал в замке). Разные мысли приходили мне в голову.

То мне казалось, что Харут и Марут — просто пара заурядных плутов-арабов, каких я часто видел в африканских портах. То я думал о кладбище слонов и об огромной стоимости слоновой кости, находящейся на нем.

Потом мои мысли перешли на древних египтян (я всегда интересовался их историей), поклонявшихся Гору, мать которого, Изида, «владычица тайн», символизировалась луной на ущербе. И, по странному совпадению, у мисс Холмс на груди был знак, похожий на такую луну.

Вдруг меня охватил какой-то безотчетный страх. У меня явилось предчувствие, что с мисс Холмс непременно должно что-то случиться. Это чувство так овладело мной, что я встал, зажег свечу и поспешно оделся. У меня было обыкновение всегда иметь при себе заряженный дуствольный пистолет. Я осмотрел это оружие, вышел в коридор и встал за большими часами, глядя на освещенную луной дверь комнаты, где помещалась мисс Холмс. Прошло некоторое время. Я уже начал думать, в каком глупом положении рискую очутиться, если кто-нибудь случайно увидит меня. Вдруг дверь комнаты открылась и на пороге показалась мисс Холмс, закутанная в пеньюар. Свет луны упал на ее лицо, и я увидел, что она идет во сне.

На ее шее было рубиновое ожерелье — подарок таинственной пары. Мисс Холмс, как тень, пересекла коридор и скрылась из виду. Я последовал за ней, стараясь производить как можно меньше шума. Мы спустились по витой лестнице и вышли в сад, где мисс Холмс, как бы влекомая вперед какой-то таинственной силой, ускорила шаги и направилась к рощице, в которой я за день до этого стрелял голубей. Я следовал за ней, пользуясь прикрытием кустарников. На миг я потерял ее из виду. Потом я снова

увидел ее стоящей под дубом, протянув руки по направлению к медленно приближавшимся к ней двум фигурам, закутанным в плащи. В этих фигурах легко можно было узнать Харута и Марута. В стороне обрисовывались очертания кареты; слышалось нетерпеливое топтание лошадиных копыт о мерзлую землю.

Я бросился вперед и встал между мисс Холмс и Харутом с Марутом.

Мы не обменялись ни словом, так как все трое боялись разбудить спящую девушку, зная, что ее пробуждение могло повлечь за собой опасные для нее последствия.

В руках моих противников блестели кривые ножи.

Я направил пистолет в сердце Харута. Перевес был на моей стороне: я мог застрелить обоих прежде, чем их ножи достанут до меня.

— Ты победил на этот раз, о Бодрствующий В Ночи! — тихо сказал Харут. — В другой раз ты проиграешь. Эта прекрасная леди принадлежит нам, белому народу кенда, ибо она отмечена знаком молодой луны. Ее сердце услышало призыв Небесного Дитяти. Она вернется к нему. Теперь, пока она спит, уведи ее отсюда, о храбрый и разумный, так хорошо прозванный Бодрствующим В Ночи!

Они ушли и вскоре послышался стук колес удалявшейся кареты.

В первый момент у меня явилась мысль бежать за ними и подстрелить одну из лошадей. Но после этого у меня остался бы только один заряд против двух людей и, убив одного из них, я был бы беззащитен от ножа другого. Кроме того, выстрелы могли разбудить мисс Холмс. Пришлось отказаться от преследования.

Я подошел к спящей, осторожно взял ее за руку и повел обратно в замок. Проводив ее до комнаты, я запер за ней дверь и, прислушавшись, убедился, что она улеглась в постель.

Теперь, уверенный, что мисс Холмс в безопасности, я сел на стул, стоявший в коридоре, и стал обдумывать, что делать дальше. Мой долг был немедленно уведомить о случившемся лорда Регнолла.

Но как это сделать, не всполошив весь дом и не вызвав излишних разговоров? Сперва надо разбудить мистера Сэвиджа. Я не знал, где его комната, но вспомнил, что, проводив меня спать и поговорив со мной о змеях, он на всякий случай указал мне звонок, проведенный к нему.

Двигаясь вдоль провода и пройдя целый ряд лестниц и различных переходов, я наконец добрался до двери его комнаты и слегка постучал в нее.

— Кто там? — спросил мистер Сэвидж с легкой дрожью в голосе.

— Я.

— Кто это «я»? «Я» может быть Харум и Скарум или того хуже!

— Я Аллан Квотермейн, идиот вы этакий, — прошептал я в замочную скважину.

— Анна? Что за Анна? Уходите. Поговорим завтра.

Я постучал в дверь поэнергичнее. Наконец Сэвидж осторожно приоткрыл ее.

— Господи! — воскликнул он. — Что вы делаете здесь, сэр, в такое время, с пистолетом в руках? Или, может быть, это голова змеи? — вскричал он, испуганно отпрыгивая назад.

— У меня важное неотложное дело к Его Светлости, — нетерпеливо сказал я, — поскорее проводите меня к нему.

Мы направились в спальню лорда Регнолла.

— В чем дело, мистер Квотермейн, — спросил тот, зевая и приподнимаясь в постели, — у вас был кошмар?

— Да, — ответил я и, когда Сэвидж вышел, рассказал лорду Регноллу обо всем.

— Господи! — воскликнул он, когда я окончил свой рассказ. — Если бы не ваше предчувствие и не ваша храбрость...

— Дело не в этом, — прервал я его, — вопрос в том, что нам делать теперь. Попытаться ли задержать этих людей или молчать обо всем и быть настороже?

— Не знаю, что решить, — ответил лорд Регнолл, — если мы их поймаем, вся эта история будет как-то странно звучать на суде.

— Конечно, — согласился я, — но, по-моему, следует сейчас же осмотреть место происшествия, пока дождь или снег не уничтожил следы.

— Хорошо, — сказал лорд Регнолл, — мы возьмем с собой Сэвиджа. Это верный человек; он сумеет молчать.

Пока лорд Регнолл поспешно одевался, я рассказал Сэвиджу о случившемся. Он слушал меня, затаив дыхание.

Убедившись, что мисс Холмс в своей комнате, мы спустились по витой лестнице и вышли в сад, тщательно запирая за собой все двери.

Уже рассветало. Мы без особого труда рассмотрели следы туфель мисс Холмс, моих ног, лошадиных копыт и колес кареты. Кроме того, мы нашли полотняный мешок, в котором оказался полный костюм арабской женщины, предназначавшийся, очевидно, для мисс Холмс.

Когда Сэвидж открывал мешок, к его великому ужасу, оттуда выползла змея, вероятно участница вчерашнего представления.

Описание всего этого, занесенное со всеми подробностями в блокнот лорда Регнолла, было подписано всеми нами.

В дальнейшем дело было поручено опытным сыщикам, которым удалось только установить, что Харут и Марут с двумя соплеменными им женщинами (вероятно предназначавшимися для надзора за мисс Холмс) отплыли на пароходе «Антилопа» в Египет, где их следы прерывались.

Но вернемся к мисс Холмс.

На следующее утро она вышла к завтраку как ни в чем не бывало, но была несколько бледнее обыкновенного.

За столом я сидел недалеко от нее и при удобном случае осведомился у нее, как она провела прошлую ночь. Она ответила, что спала как никогда крепко и что у нее были какие-то странные сновидения.

— Удивительно то, — прибавила она, — что утром мои туфли оказались в грязи, как будто я выходила из дому во сне, чего со мной никогда не бывало.

С помощью лорда Регнолла я поспешно переменял тему этого разговора.

Вскоре после завтрака мне передали, что коляска мисс Маннерс ждет меня, и я собрался уезжать.

При прощании лорд Регнолл записал мой английский и африканский адреса в свою записную книжку.

— Несмотря на всего три дня нашего знакомства, мистер Квотермейн, — сказал он, — мне кажется, что я вас знаю уже много-много лет. Когда вы в следующий раз приедет в Англию, я надеюсь, что вы остановитесь у меня.

— А если вам случится быть в Южной Африке, — сказал я, — прошу вас располагать моим скромным домом в Дурбане, как своим.

— Мне было бы это очень приятно, — ответил он, — но, признаться, мне надоели путешествия. Кроме того, обстоятельства поставили меня в особое положение по отношению к Африке. Скажите, что вы думаете обо всем случившемся вчера?

— Право, не знаю, что вам ответить, — сказал я, — могу посоветовать одно: оберегайте вашу будущую жену. По всей вероятности, эти люди снова сделают попытку похитить ее. Это терпеливые решительные люди.

— Вы меня немного пугаете, — сказал лорд Регнолл, — конечно, я приму к сведению ваш совет.

После этого мы расстались.

— Прощайте, мистер Квотермейн, — говорил Сэвидж, подавая мне пальто, — я никогда не забуду вас. Но не забуду и этих бездельников Харума и Скарума с их проклятыми змеями!

Глава VI. «Золотопромышленная Компания Доброго Доверия»

Прошло целых два года с тех пор, как я расстался с лордом Регнолл ом и мисс Холмс. В этот промежуток времени я дважды имел о них известия. Один раз я получил от Скрупа письмо, в котором тот сообщал мне об их бракосочетании. Это была самая фешенебельная свадьба всего лондонского сезона. К письму была приложена вырезка из газеты с описанием всех подробностей до платья невесты включительно.

Все это было чуждо мне, однако одно замечание вызвало у меня сильный интерес. Привожу его целиком:

«...Большие толки вызвало то обстоятельство, что на невесте не было никаких драгоценностей кроме рубинового ожерелья с маленьким, тоже рубиновым изображением египетского бога, хотя фамильные бриллианты Регноллов, уже давно не видевшие света, известны как одни из самых изящных и ценных во всей стране. Следует заметить, что это украшение было удивительно к лицу невесте. На вопрос одного из друзей о причине такого выбора, леди Регнолл ответила, что это ожерелье должно принести ей счастье...»

Второе известие я получил год спустя при посредстве старого номера газеты «Тайме», где была заметка о рождении у лорда и леди Регнолл сына и наследника.

Что касается меня — я много испытал за эти два года. Участвуя в экспедиции в Страну Понго, я не раз испытывал искушение пройти на север от этой области в место, указанное Харутом и Марутом, обещавшими проводить меня туда, где живет гигантский слон, которого, по их словам, мне суждено убить.

Однако я удержался от этого и, вернувшись в Дурбан, пришел к решению больше никогда не участвовать в рискованных экспедициях. Благодаря удачно сложившимся обстоятельствам я сделался обладателем небольшого капитала, который доставил мне возможность бросить охотничьи скитания в диких областях Африки. Вскоре мне представился случай поместить свой капитал в торговое предприятие.

Один еврей по имени Джейкоб предложил мне половину прав на владение золотой копью, открытой им на границе Земли Зулу, если я внесу капитал, необходимый для разработки предприятия. Вместе с Джейкобом и

его приятелем я отправился осмотреть это место.

Взятый для испытания кварц обнаружил богатое содержание золота, и в конце концов образовалась акционерная компания для разработки

золотого «Рудника Доброго Доверия» с Алланом Квотермейном, эсквайром, во главе.

Ох, эта компания!

До сих пор я помню о ней. Наши основной капитал был невелик — десять тысяч фунтов, из которых Джейкоб и его приятели взяли себе половину как покупную стоимость их прав. Впоследствии выяснилось, что эти права были приобретены всего за три дюжины джина, сломанную повозку, четыре старых коровы и пять фунтов деньгами.

Лично я, прежде чем принять председательство в правлении с жалованием сто фунтов в год (которого я никогда не получал), купил на тысячу фунтов акций за наличные деньги.

Был установлен баланс в четыре тысячи фунтов, и работа началась. Мы начали промывать один песчаный участок. Сразу после этого обнаружился такой блестящий результат, что наши акции поднялись сразу на целых десять шиллингов, причем Джейкоб и его приятели воспользовались случаем продать половину своих, уверив меня, что это необходимо для расширения дела. Через весьма короткое время песчаный участок оказался никуда не годным; было решено приобрести машину для дробления кварца, в котором предполагалось богатое содержание золота. Мы сговорились с одной машиностроительной фирмой.

Тем временем наши акции упали сперва до своей номинальной стоимости (до одного фунта), потом до пятнадцати шиллингов, потом до десяти.

Джейкоб, бывший одним из директоров правления, указал, что на мне, как на председателе, лежит обязанность поддерживать престиж нашей компании. Я снова накупил акций на свои последние пятьсот фунтов.

Но как была потрясена моя вера в людей, когда я узнал, что тысяча акций, купленных мною на последние пятьсот фунтов, была собственностью Джейкоба, продавшего их мне при посредстве подставных лиц. Наконец наступил кризис. Прежде чем дробильная машина была нам доставлена, все наши фонды были исчерпаны и поднялся вопрос о ликвидации компании. Было созвано общее собрание акционеров, и после нескольких бессонных ночей я занял в нем свое председательское место.

Каково же было мое удивление, когда я увидел, что из пяти директоров кроме меня явился только один честный старик, отставной морской капитан, купивший триста акций.

Джейкоб и его два приятеля рано утром уплыли на пароходе в Кейптаун.

Собрание вначале было довольно бурным.

Я как мог обрисовал положение, и, когда кончил, со всех сторон посыпались вопросы, на которые ни я, ни кто-либо другой не мог дать удовлетворительного ответа.

Тогда один явно нетрезвый джентльмен, владелец десяти акций, напрямик объявил, что я обманул акционеров.

«Я в ярости вскочил и, хотя он был вдвое больше меня, предложил ему поговорить со мной об этом вне стен этого дома.

Он поспешно удалился.

После этого инцидента, закончившегося общим смехом, вся правда всплыла наружу.

Один «цветной» человек рассказал, что Джейкоб нанял его «посолить» почву, подсыпав золота в песок, который мы промывали вначале.

Все стало ясно.

Я в бессилии отпустился в свое кресло.

Тогда один добрый человек, сам потерявший деньги в этом деле, поднялся и произнес короткую речь, которой было достаточно, чтобы восстановить утерянную мной веру в людей. Он говорил, что Аллан Квотермейн, работавший, как лошадь, для пользы акционеров, сам наравне с другими разорен этим вором Джейкобом, и в заключение предложил прокричать троекратное «ура» «в честь нашего честного друга и товарища по несчастью Аллана Квотермейна». К моему удивлению, все собрание исполнило это весьма охотно.

Я поднялся и со слезами на глазах благодарил всех, говоря, что рад оставить эту комнату таким же бедным, каким был всегда, но с незапятнанной репутацией честного человека. Пожав рука джентльмену, выручившему меня из неприятного положения, я с легким сердцем отправился домой. Правда, я потерял все свои деньги, но честь моя была спасена, а что такое деньги в сравнении с честью! Я перебрался на другую сторону грязной улицы и шел, держась молодой заросли, идущей вдоль нее.

Улица была почти пуста.

Единственная кроме меня пара людей привлекла мое внимание. В одном из них я узнал полупьяного субъекта, обвинявшего меня в обмане; другим был морщинистый готтентот, напомнивший мне некоего Ханса.

Этот Ханс, я должен сказать, был сначала слугой моего отца, миссионера в Капской колонии, а потом моим компаньоном во многих приключениях. Это был храбрый, испытанный человек, единственной слабостью которого было пристрастие к алкоголю. Он питал ко мне самую горячую привязанность.

Сколотив немного денег, он приобрел небольшую ферму недалеко от Дурбана, где проживал, пользуясь большим уважением за свои былые подвиги.

Белый и готтентот переругивались между собой по-голландски.

— Грязный готтентот, — кричал белый, — что ты пристал ко мне, как шакал?

— Сын белой жирной свиньи, — отвечал Ханс (то был он), — ты осмелился назвать бааса вором? Ты, не стоящий ногтя бааса, чья честь светлее солнца, чье сердце чище белого песка в море!

— Он присвоил себе мои деньги.

— А зачем, свинья, ты убежал от него, когда он хотел говорить с тобой?

— Я тебе покажу «убежал», желтая собака! — закричал белый замахиваясь палкой.

— Ты хочешь драться? — спросил Ханс, с необыкновенным проворством отпрыгивая назад. — Так получай.

Он низко нагнул голову и, как буйвол бросившись вперед, ударил белого головой в живот, так что тот опрокинулся назад и полетел в канаву, наполненную грязной водой. После этого Ханс спокойно повернулся и исчез за углом.

К моему облегчению, через минуту белый вылез из канавы, весь покрытый грязью, и, держась за место, называемое на медицинском языке диафрагмой, медленно пошел вдоль улицы.

«Какими преданными могут быть готтентоты, которых считают самыми низшими существами человеческого рода», — подумал я.

Придя домой, я уселся в расшатанное тростниковое кресло на веранде, закурил трубку и задумался, что мне предпринять, имея всего на триста фунтов имущества и хороший запас оружия.

Коммерцию во всех ее видах я навсегда отверг.

Оставалась только моя старая профессия охотника.

Слоны — вот единственно выгодная в смысле заработка дичь.

Но ближайшие места охоты уже давно опустошены. Кроме того, пришлось бы соперничать с молодыми профессионалами из буров.

Если уж решиться заняться охотой на слонов, придется идти в отдаленные места. Размышляя о преимуществах и недостатках различных мест для охоты, я услышал из-за большого куста гардении козлиное покашливание. Однако я знал, что эти звуки производит человеческое горло, так как не раз они служили мне сигналом в опасную минуту.

— Ханс, иди сюда, — позвал я, и вслед за этим из кустов алоэ

показалась фигура старого готтентота. Я не понимал, почему он выбрал такой путь для своего визита, но это вполне согласовалось с его скрытностью, унаследованной от предков. Он уселся на корточки передо мной, как коршун, поглядывая на спускавшееся к западу солнце.

— Ты так выглядишь, Ханс, — сказал я, — будто только что дрался. Шляпа у тебя измята, весь ты обрызган грязью.

— Да, баас. Баас прав, как всегда. Я поссорился с одним человеком из-за шести шиллингов, которые он мне должен, и ударил его головой, позабыв снять сперва шляпу. Мне жаль, это хорошая шляпа. Она почти новая. Два года назад баас подарил мне ее, когда мы вернулись из Страны Понго.

— Зачем ты лжешь? — спросил я. — Ты дрался с белым человеком вовсе не из-за шести шиллингов. Ты столкнул его в канаву и забрызгался грязью.

— Да, баас. Это так. Я дрался с белым не из-за шести шиллингов. Я дрался с ним за преданность, которая стоит меньше или ничего не стоит. Я пришел к баасу одолжить фунт. Белый человек пожалуется в суд. Меня заставят заплатить фунт или сидеть в сундуке^[130] четырнадцать дней. Белый ударил меня первым, но судья не поверит бедному готтентоту, а у меня нет свидетелей. Скажут: Ханс был пьян, Ханс лжет. Плати, Ханс, плати фунт и десять шиллингов или иди в сундук на четырнадцать дней плести корзины для великой королевы. Баас! У меня есть деньги заплатить за правосудие, которое стоит десять шиллингов, а мне нужен еще фунт.

— Я думаю, Ханс, что скорее ты мне мог бы одолжить фунт, чем я тебе. Мой кошелек пуст.

— Это ничего, баас. Если необходимо, я могу четырнадцать дней делать корзины и циновки для великой белой королевы. Пусть она вытирает о мои циновки ноги. Сундук вовсе не плохое место, баас.

— Зачем же тебе идти в тюрьму, когда ты богат и можешь заплатить штраф хоть в сотню фунтов?

— Месяц или два назад я был богат, баас, а теперь я беден. У меня ничего нет кроме десяти шиллингов.

— Ханс, — строго сказал я, — ты опять пьянствовал и играл на деньги. Ты продал ферму и скот, чтобы заплатить проигрыш и купить джину?

— Да, баас. Только я не пил и не играл. Я продал землю и скот за шестьсот пятьдесят фунтов и купил другое.

— Что же ты купил? — поинтересовался я.

Ханс полез сначала в один карман, потом в другой и наконец извлек

оттуда грязный измятый листок бумаги, похожий на банковский билет.

Я взял его в руки, взглянул и едва не лишился чувств. Этот листок удостоверял, что Ханс являлся владельцем акций «Компании Доброго Доверия» на сумму в шестьсот пятьдесят фунтов, той самой компании, в которой я был злополучным председателем!

— Ханс, — слабым голосом сказал я, — у кого ты купил это?

— У бааса, у которого нос крючком, баас. Его зовут Джейкоб, так же, как и того великого человека из Библии, который дал своему брату похлебку, когда тот вернулся с охоты, и получил за это ферму и скот, а потом пошел на небо по лестнице^[131]. Так рассказывал нам ваш отец, баас.

— А кто тебе сказал купить их, Ханс?

— Самми, баас, тот Самми, который был вашим поваром, когда мы ходили в Землю Понго. Джейкоб жил в отеле Самми и сказал ему, что если он не купит этих бумаг, бааса посадят в сундук. Самми купил их несколько, но у него было мало денег. Джейкоб платил Самми за все, что ел и пил, этими бумагами. Самми пришел ко мне и напомнил что покойный отец бааса оставил его на наше попечение. Я продал ферму и скот другу Джейкоба, очень дешево продал. Вот и вся история, баас.

Я слушал это и, сказать правду, почти плакал, думая, какую жертву принес для меня этот старый готтентот по наущению мошенника.

— Ханс! — сказал я. — Когда ты поймал работоторговцев в ими же расставленную ловушку, умирающий вождь зулусов назвал тебя «Светом Во Мраке». Он верно назвал тебя, ибо ты, как свет во мраке, засиял в темноте моего сердца. Я считал себя мудрым, но оказался глупцом и был, как и ты и Самми, обманут обыкновенным мошенником. Но этот мошенник, показав, насколько низким может быть человек, заставил тебя показать, насколько может быть человек благородным. Свет Во Мраке! Ты дал мне больше, чем все золото в мире. Я постараюсь заплатить тебе за это своей вечной любовью!

Ханс взял мою протянутую руку и приложил ее к своему лбу.

— Не надо говорить так, баас. Это делает меня печальным, когда я так счастлив. Сколько раз баас не наказывал меня, когда я поступал нехорошо, когда я пил и за другое? Баас не наказывал меня даже тогда, когда я украл порох, чтобы продать его и купить себе джину. Правда, порох никуда не годился.

— Но почему ты теперь счастлив? — спросил я.

— О, баас! — ответил Ханс, и глаза его заблестели. — Разве баас не догадывается, почему? Теперь у бааса нет денег и у меня нет. Ясно, что мы пойдем искать заработка. Я так рад, баас. Мне надоело сидеть на ферме и

доить коров. Великий Небесный Отец знал, что делал, послав Джейкоба на наш путь!

— Ты прав, Ханс, — сказал я, — но куда мы пойдем? Нам нужны слоны.

Ханс назвал целый ряд различных мест и, окончив их перечень, сел на корточки передо мной и, пожевывая табак, вопросительно поглядывал на меня, склонив голову набок, как старая пытливая птица.

— Ханс, — спросил я, — ты помнишь историю, которую я рассказывал тебе год или более тому назад, историю о народе кенда, в стране которых, говорят, находится кладбище слонов, которые из всех стран идут туда умирать? Эта страна лежит где-то на северо-востоке от того озера, у которого живут понго. Ты говорил, что ничего не слышал о народе кенда?

— Нет, баас, я много слышал о них.

— Почему же ты раньше ничего не говорил мне?

— Зачем было говорить? Баас тогда искал золото, а не слоновую кость. Когда мы были в городе Безу, я разговаривал со всеми, с кем стоило поговорить. Там жила одна старая женщина. Муж и дети у нее умерли, и она была всегда одна; все боялись ее, потому что она была мудрая, умела гадать и знала лечебные травы. Я рассказывал ей о понго и об их беге-горилле. Она говорила, что это ничто по сравнению с другим богом, которого она видела, когда была очень молодой. Она говорила так: далеко на северо-востоке живет народ кенда, которым правит султан. Это великий народ, населяющий плодородную землю. Вокруг их страны лежит пустыня, где никто не может жить. Никто ничего не знает о кенда. Кто перейдет через пустыню в их землю, тот никогда не возвратится, потому что его убьют. Она говорила мне, что происходит из этого народа, но убежала от них, когда султан хотел поместить ее в свой гарем. Она счастливо перешла через пустыню и попала к мазиту, искавшим страусовые перья. Она ничего не говорила им о своей стране, потому что боялась наказания своего бога.

— А что она тебе говорила о народе кенда и их беге?

— Она говорила, что у кенда не один бог, а два; не один правитель, а два. Они имеют доброго бога-дитя, которое говорит устами женщины-оракула. Если женщина умирает, бог не говорит до тех пор, пока не найдут другую женщину, отмеченную знаком бога. Перед смертью женщина-оракул говорит, в какой стране живет та, которая заменит ее. Священники отправляются в ту страну на поиски. Иногда они долго не могут найти новую женщину; тогда дитя теряет язык и народ становится добычей другого бога, который никогда не умирает. Тот бог — большой злой слон,

которому приносят в жертву людей. Султан и большая часть народа, все черные кенда поклоняются тому слону. Имя его Джана. Много лет назад, когда мир был еще молодым, с севера туда пришел другой, светлый народ, поклонявшийся дитяти, которого принес с собой. Этот народ поселился рядом с черным народом. Дитя — добрый бог, слон — злой. Дитя посылает дождь и хорошую погоду и исцеляет болезни. Джана посылает злые дары: войну и жестокость. Вот что рассказывала мне старуха, баас.

— Почему же ты тогда ничего не сказал мне об этом?

— Потому что я боялся, что баас пойдет искать этот народ, а мне тогда надоело путешествовать и хотелось вернуться в Наталь на отдых. Кроме того, все мазиту говорили, что эта женщина большая лгунья.

— Она не лгала, — сказал я и поведал Хансу о Харуте и Маруте и об их просьбе, о виденном мною кладбище слонов и о Джане.

Ханс невозмутимо выслушал это: его трудно было чем-нибудь удивить.

— Да, баас, старуха не была лгуньей. Когда же мы отправимся забирать эту слоновую кость и каким путем пойдём? Через Килву или через Землю Зулу? Надо торопиться, пока не наступили дожди.

После этого мы долго беседовали. Карманы наши были пусты, и разрешить задачу, как пуститься в путешествие, было весьма трудно, если не вовсе невозможно.

Глава VII. Рассказ лорда Регнолла

Эту ночь Ханс провел у меня, вернее, в моем саду, не решаясь идти в город. Он опасался ареста за драку с белым человеком. Однако тот не возбуждал дела, будучи, по всей вероятности, накануне слишком пьяным, чтобы вспомнить, кто его столкнул в канаву.

На следующее утро мы возобновили обсуждение всех возможных способов, как нам при помощи имевшихся в нашем распоряжении средств добраться до страны, где живет народ кенда. Такая долгая и полная непредвиденных случайностей экспедиция требовала больших затрат. Но где взять деньги?

Наконец я пришел к решению ехать вдвоем с Хансом в сопровождении только двух зулусских охотников, взяв с собой всего один запряженный быками фургон для необходимых вещей и припасов.

С таким легким снаряжением мы рассчитывали пробраться через Землю Зулу в город Безу, столицу мазиту, где мы были уверены в самом радушном приеме.

После этого, если мы даже не попадем в Страну Кенда, нам представится возможность убить некоторое количество слонов в диких местах, лежащих за Землей Зулу.

Во время нашего разговора я услышал пушечный выстрел, возвещавший о прибытии в гавань английского почтового парохода.

Я сел написать несколько деловых писем, касавшихся злосчастной «Компании Доброго Доверия». Через некоторое время в окне появилась физиономия Ханса, который объявил, что на дороге стоят два «очень красивых незнакомых бааса», которые ищут меня.

«Акционеры нашей компании», — подумал я, приготовившись уйти через заднюю дверь.

— Если они придут сюда, скажи им, Ханс, что меня нет дома. Скажи, что я уехал сегодня утром.

Я вышел из дому задним ходом. Мне было грустно, что я, Аллан Квотермейн, дошел до того, что принужден прятаться от людей.

Вдруг во мне заговорила гордость. Чего мне стыдиться? Я имею полное право смотреть всем прямо в глаза. Я решил вернуться и, обойдя кругом свой маленький домик, остановился у живой изгороди из гранатовых деревьев, отделявшей мои владения от дороги.

— Икона^[132], — услышал я протяжный голос кафра.

— Нам нужно знать, где живет великий белый охотник, — говорил голос, показавшийся мне знакомым.

— Икона, — повторил кафр.

— Не вспомните ли вы, как его местное имя? — спросил другой, тоже знакомый мне голос.

— Великий охотник Хикомазани, — с трудом сказал первый голос, и мгновенно в моей памяти возникли великолепный Регнолл-Кастл и его обитатели.

— Мистер Сэвидж! — прошептал я. — Как он попал сюда?

— Ну вот, — сказал второй голос, — ваш черный приятель теперь окончательно сбит с толку. Я говорил вам нанять белого проводника. Это избавило бы нас от массы затруднений.

— Я считал это излишним, Ваша Светлость, раз мы путешествуем инкогнито.

— Нам недолго удастся сохранить инкогнито, если вы будете постоянно называть меня «Вашей Светлостью». Тут, за этими деревьями есть дом; идите и спросите, где...

— Здравствуйте, лорд Регнолл! Как поживаете, мистер Сэвидж! Вы ищете меня? Я очень рад вас видеть, — сказал я, выходя из-за деревьев.

— Да, Квотермейн, — радостно ответил лорд Регнолл, — чтобы посетить вас, я проехал семь тысяч верст, и, благодарение Богу, мне посчастливилось найти вас. Я боялся, что вы где-нибудь в центре Африки, где нам трудно было бы отыскать вас.

Пока он говорил, я оглядел их обоих. Со времени нашей встречи Сэвидж почти совсем не изменился, но с лордом Регноллом произошла большая перемена. В его глазах появилась какая-то тень. У рта образовалась особенная складка. На всем его красивом лице лежал отпечаток страдания.

— Через неделю вы уже не застали бы меня, — заметил я, пожимая им руки.

Мы вошли в дом.

— Как раз время завтрака, — продолжал я, — и, к счастью, у меня есть хорошая треска и нога дикой козы. Еще два прибора, бой!^[133]

— Пожалуйста один, сэр. Я позавтракаю потом, — смущенно сказал Сэвидж.

— Ну, эти церемонии в Африке придется оставить, — пробормотал я, однако дальше не настаивал. Для Ханса и нескольких других туземцев, глядевших на нас в открытое окно, вид важного мажордома, почтительно стоявшего за нашими креслами и разливавшего простой джин с таким

видом, как будто это было тонкое, дорогое вино, был интересным зрелищем.

Покончив с завтраком, мы вышли на веранду курить, оставив Сэвиджа завтракать в одиночестве.

После завтрака Сэвидж был послан на таможду за вещами, и мы с лордом Регноллом остались вдвоем.

— Скажите, что привело вас в Африку? — спросил я.

— Несчастье, — ответил лорд Регнолл.

— Неужели ваша жена умерла?

— Не знаю. Во всяком случае, она потеряна для меня.

— Один раз она уже была близка к этому.

— Да, когда вы спасли ее. О, если бы вы были с нами, Квотермейн! Тогда, может быть, ничего не случилось бы. Восемнадцать месяцев мы были счастливы, как могут быть счастливы смертные. У нас был прелестный ребенок. Часто жена говорила, что наше большое счастье даже пугает ее. Однажды, когда я был на охоте, она собралась навестить недавно обвенчавшихся Скрупов. Отправилась она без кучера, в маленькой коляске, запряженной пони, взяв с собой кормилицу с ребенком. Лошадь была смирная, как овца. Проезжая местечко, лежащее вблизи Регнолл-Кастла, они встретили бродячий зверинец, переезжавший на новое место. Впереди зверинца шел огромный слон, который, как я узнал впоследствии, был дурного нрава и не терпел, когда ему ехали навстречу. Вид коляски или, может быть, красной мантили, которая была на моей жене, привел животное в ярость; оно подняло хобот и громко затрубило. Испуганная лошадь шарахнулась в сторону, но коляску не опрокинула и не причинила никому вреда. Тогда, — тут лорд Регнолл сделал паузу, — дьявол в образе этого слона протянул свой хобот, выхватил ребенка из рук кормилицы и бросил его высоко в воздух. Потом торжествующе затрубил в хобот и продолжал свой путь, не причинив ни моей жене, ни кормилице никакого вреда. За городом он взбесился и был застрелен.

— Какой ужас, — прошептал я.

— Дальше — еще хуже. Утрата ребенка так потрясла мою жену, что она потеряла рассудок. Целыми часами она сидела, улыбаясь и перебирая красные камни, подаренные ей Харутом и Марутом. По временам она обращалась к ребенку, как будто он был около нее. Ах, Квотермейн! Как тяжело было на нее смотреть! Я делал все что мог. Ее осматривали лучшие врачи Англии, но бесполезно. Осталась только надежда, что болезнь пройдет также внезапно, как и появилась. Врачи говорили, что перемена места может оказать на нее хорошее влияние и, в частности, указывали на

Египет.

Однажды утром жена спросила меня, как совершенно здоровый человек:

— Джордж! Когда же мы поедem в Египет? Едем поскорей!

Эти слова пробудили надежду у врачей; они объявили, что это указывает на возвращение у моей жены интереса к жизни и убеждали меня не перечить ее желанию. Мы отправились в Египет в сопровождении леди Лонгден. В Каире я нанял большой пароход с отборным экипажем, и под охраной четырех солдат мы отправились вверх по Нилу. Приблизительно через месяц, к своей великой радости, я заметил, что у жены постепенно стали появляться признаки возвращения рассудка. Она проявляла большой интерес к древней скульптуре и храмам, о которых много читала, когда была здорова. Однажды, за несколько дней до катастрофы, она указала мне на изображение Изиды и Гора и сказала:

— Посмотри, Джордж, вот святая мать и святое дитя, — и поклонилась им.

В день, предшествующий катастрофе, моя жена была необыкновенно спокойна. Она все время сидела на палубе, любуясь стоявшим на берегу храмом, высеченным в скале, со статуями, как бы охраняющими его. Потом она смотрела на расстилавшуюся перед ее глазами пустыню, по которой на своих верблюдах проезжали арабы.

Послушав пение суданских певцов, мы спустились спать раньше обыкновенного, так как в этот вечер не было луны. Жена помещалась со своей матерью в большой каюте, находившейся на корме. Моя каюта была рядом с ними по одну сторону, а по другую находилась каюта сиделки. Экипаж и стража помещались на носу. С парохода на берег была перекинута сходня, на которой стоял часовой. Ночью задул шамсин^[134], но я не слышал его, заснув весьма крепко, как и все остальные, включая, вероятно, и часового. На рассвете меня разбудил испуганный голос леди Лонгден, стоявшей у двери моей каюты и спрашивавшей, не знаю ли я, где Луна. Оказалось, что моя жена уже давно ушла из каюты. Мы обыскали весь пароход, но она исчезла бесследно. Я передал дело в руки египетской полиции, начались энергичные розыски, но и они не дали никаких результатов. Тогда явилось предположение, что моя жена упала в воду и утонула, а тело ее унесло быстрым течением Нила. В этом была убеждена и египетская полиция, которая, несмотря на обещанную мною награду в тысячу фунтов за отыскание хотя бы тела моей жены, отказалась от дальнейших поисков.

— Вы говорите, что в эту ночь дул ветер? Я полагаю, что он легко мог

уничтожить всякие следы на песчаном берегу, — заметил я.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил лорд Регнолл.

— Хотя я не имею оснований утверждать что-либо положительно, но мне кажется, что ваша жена не утонула и жива в настоящее время.

— Но где она?

— Об этом надо спросить наших старых знакомых Харута и Марута, — ответил я.

— Вы думаете, что она похищена этими негодьями?

— Мне кажется, что это так, хотя «негодья» — слишком сильное для них выражение. По-своему они честные люди. Не забывайте, что они служат своему богу, да еще такому, которому угрожает другой бог.

Тут я рассказал лорду Регноллу обо всем, что слышал Ханс от старой женщины в Безу, столице мазиту. Он слушал меня с глубочайшим интересом.

— Это удивительная история, — заметил он, когда я окончил свой рассказ. — Но не обратили ли вы внимание на то, что наш ребенок погиб от слона?

— Да, это странное совпадение сильно поразило меня, — ответил я; но, не желая дольше говорить об этом ужасном случае, я попросил лорда Регнолла продолжать свой рассказ.

— Рассказ мой близится к концу, — сказал лорд Регнолл. Утрата сначала ребенка, потом жены, которая была для меня всем, сильно потрясла меня. Жизнь потеряла для меня смысл и интерес, и я вскоре по возвращении в Англию решил покончить с собой. Я уже написал необходимые письма и приготовил пистолет, как вдруг у меня явилась искра надежды... Я позвал Сэвиджа и приказал ему взять места на первом почтовом пароходе, отходящем в Африку, затем приобрел у оружейников большой запас разнообразного оружия — и вот мы здесь.

— Да, — задумчиво повторил я, — вы здесь. И с вами запас снаряжения, которого, пожалуй, хватит на целый полк, — прибавил я, указывая на огромную телегу, доверху наполненную багажом, и целую толпу носильщиков-кафров с отдельными тюками, которые под предводительством Сэвиджа остановились у ворот моего дома.

Глава VIII. Отъезд

Вечером, когда багаж был разобран и заперт в небольшом сарае, мы с лордом Регноллом продолжали наш разговор. Перед этим мы распаковали часть оружия — превосходный набор дорогих охотничьих ружей всех сортов, до годных для охоты на слонов включительно. Вид их, расставленных вдоль стен моей гостиной, привел старого Ханса в большой восторг. Он долго рассматривал их, поглаживая их рукой и давая каждому из них особое название, как будто это были живые существа.

— С таким оружием, — говорил он, — баас может убить самого дьявола. Пусть баас поставит к ним Интомби, — прибавил он.

«Интومби» было мое любимое ружье, почти игрушечное по размерам, однако не раз в прошлом сослужившее мне хорошую службу. Я перевел эти слова лорду Регноллу. Он расхохотался, чему я был весьма рад, так как давно не видел его даже улыбающимся.

Я должен прибавить, что, в дополнение к охотничьему ружью, в багаже было не менее пятидесяти военных крупнокалиберных винтовок системы Снайдерса с большим запасом патронов.

Лорду Регноллу едва удалось добиться их пропуска через таможню.

В этот вечер я перед сном рассказал лорду Регноллу о своем злосчастном председательстве в «Золотопромышленной Компании Доброго Доверия» и об ее печальном конце.

— Вы — величайший в мире стрелок, охотник и исследователь, — заметил лорд Регнолл, — но что касается таких дел, как коммерция... Однако я до известной степени благодарен этому мошеннику Джейкобу.

Затем он задал мне ряд вопросов, касавшихся этого дела, и сделал несколько пометок в своей записной книжке. Последнее мне показалось несколько странным, но я ничего не сказал.

Спустя несколько дней я понял причину этих вопросов и пометок.

Однажды утром я нашел на своем столе целый ворох писем, вид которых привел меня в ужас, напомнив мне о проклятой компании. Однако делать было нечего, я взял одно из них и распечатал его.

Оно было от того самого акционера, который на общем собрании предложил всем выразить мне доверие. Читая его, я чуть не упал в обморок. Вот его содержание:

Милостивый Государь! Когда я помещал свои деньги в

«Золотопромышленную Компанию Доброго Доверия», я знал, что кладу их в надежное место. Теперь, получив от Вашего поверенного чек, по которому мне до фартинга уплачивается все, что я вложил в дело, я могу сказать одно: да благословит Вас Бог, мистер Квотермейн!

Я вскрыл другое письмо, третье, четвертое. Везде было приблизительно одно и то же.

Ничего не понимая, я вышел на крыльцо, где навстречу мне попался Ханс, державший в руках письмо, которое он попросил меня прочесть ему.

Письмо было от известного местного нотариуса.

«Посылая Вам, — писал он, — от имени Аллана Квотермейна, эсквайра, чек на шестьсот пятьдесят фунтов, каковая сумма числится на Вашем счету в книгах «Золотопромышленной Компании Доброго доверия», мы имеем честь просить Вас подписать и переслать нам обратно прилагаемую расписку».

И к письму был приложен чек на шестьсот пятьдесят фунтов!

Я объяснил Хансу, в чем дело, и прибавил:

— Ты получил свои деньги обратно, но я не посылал их и не знаю, откуда они.

— Это деньги, баас? — спросил Ханс, с подозрением разглядывая чек.
— Это очень похоже на ту бумагу, за которую я заплатил деньги.

Я снова объяснил Хансу значение чека.

— Хорошо, — сказал он, — пусть баас спрячет эту бумагу у себя, иначе мне захочется купить джину.

— Нет, — возразил я, — ты должен выкупить свою ферму или купить себе новую. Теперь тебе незачем идти со мной в Страну Кенда.

Ханс на минуту задумался, потом решительно взял чек и хотел разорвать его. Я едва успел удержать его.

— Если баас хочет прогнать меня из-за этой бумаги, я сделаю ее мятой и проглочу ее.

— Ты старый глупец, — сказал я, отбирая у него чек.

Наш разговор был прерван появлением Самми, моего бывшего повара, торжественно начавшего благодарственную речь. Я обратился в поспешное бегство, но у ворот столкнулся с новым акционером, за которым шли еще двое. Я спасся от них в своей комнате, где среди кучи полученных писем увидел еще одно не вскрытое. Машинально я распечатал и пробежал его. Он слово в слово было тождественно с письмом, полученным Хансом, только вместо «Мистер Ханс Готтентот» стояло мое имя и приложенный к нему чек был на тысячу пятьсот фунтов, — сумму, которую я вложил в

дело.

Мне стало все ясно.

Очевидно, феей, обратившей наши ничего не стоящие акции в банковские билеты, был не кто иной, как лорд Регнолл.

Тогда я поспешно разыскал его и торжественно объявил, что мне очень нужно с ним поговорить.

— Мой друг, если вы позволите называть вас так, — весело ответил мне лорд Регнолл, — мне было нетрудно сделать это, так как вся затраченная на это сумма меньше моего ежемесячного дохода. Мне очень хотелось, чтобы вы, отправляясь в наше опасное путешествие, были свободны от всяких денежных забот. Я прошу вас больше не вспоминать о таких пустяках. Смотрите на это как на прихоть богатого человека.

— Мне трудно согласиться с вами, лорд Регнолл.

— А вспомните, Квотермейн, как вы поступили с выигранными на пари двумястами пятьюдесятью фунтами, которые имели для вас в сто раз большее значение. Но, чтобы не поднимать больше об этом вопроса, я прошу вас считать эти деньги жалованием, уплаченным вам вперед за участие в рискованной экспедиции.

После этого мы приступили к обсуждению деталей нашего путешествия. Затраты теперь не имели значения, и нам можно было выбирать любой путь.

Не остановившись ни на одном, я открыл окно и свистнул. Через минуту в комнату вошел Ханс. Он уселся на корточках на полу в стороне от нас. Я предложил ему табак, он набил им свою трубку и закурил ее. Затем я рассказал Хансу о нашем затруднении в выборе пути в Землю Кенда.

Он выслушал меня внимательно, потом попросил маленький стаканчик джину и, опорожнив его одним глотком, сказал:

— Я думаю, баас, что не стоит идти через Килву, где нам могут встретиться работорговцы, которые захотят отомстить нам за урок, полученный ими в последний раз. Путь через Землю Зулу долог, но свободнее, ибо имя Макумазан хорошо известно там. Не надо брать с собой много людей. Нужно взять только два фургона и нескольких погонщиков, которых можно всегда отправить назад, когда они станут ненужны. Из Земли Зулу можно послать послов к мазиту, которые любят бааса. Их король вышлет нам навстречу носильщиков. Со многими людьми путь будет труднее, чем с немногими. Кроме того, если с нами будет много вооруженных людей, народ кенда подумает, что мы хотим воевать с ним. Если нас будет мало, то они скорее позволят нам уйти с миром. Пусть баас и лорд Игеза простят мне, если мои слова глупы.

Тут я должен заметить, что туземцы дали лорду Регноллу прозвище «Игеза», что по-зулусски означает «красивый». Сэвиджа они почему-то окрестили «Бена», что значит «выпяченная губа». По всей вероятности, это прозвище было дано ему за горделивую осанку. Обсудив план, предложенный Хансом, мы нашли, что он наилучший, и приняли его.

Спустя около двух недель, закончив необходимые приготовления, мы покинули Дурбан и направились по песчаной дороге в Землю Зулу.

Наш багаж и припасы были уложены в двух прочных, фургонах, которые по ночам служили нам великолепными спальнями. Ханс помещался на месте кучера одного из этих фургонов. Лорд Регнолл, Сэвидж и я ехали верхом на выносливых лошадках, хорошо приученных к стрельбе.

При отъезде произошло маленькое приключение.

Сэвидж, который не захотел сменить свой черный сюртук на более удобное платье, попытался сесть на лошадь не с той стороны, с какой следовало. Лошадь, удивленная таким обращением, шарахнулась в сторону, и бедный Сэвидж кувырком полетел на землю. Мы уже думали, что этим закончится его путешествие, как вдруг он вскочил на ноги с необыкновенным проворством и начал прыгать и кричать:

— Снимите ее! Убейте ее! Скоро выяснилось, в чем дело.

Лошадь испугалась спящей ехидны^[135], которая, свернувшись, лежала на песке.

Сэвидж упал на последнюю и раздавил ее тяжестью своего тела.

— Я ненавижу змей! — восклицал он, убедившись, что ехидна мертва и была единственной. — А они постоянно попадаются мне. Это дурная примета, — печально прибавил он.

— Напротив, хорошая, — возразил я, — так как вы раздавили змею, а не она ужалила вас.

После этого кафры дали Сэвиджу новое, очень длинное имя, которое означало: «Тот-который-садится-на-змею-и-делает-их-плоскими».

Мы снова сели на лошадей.

Я обернулся и бросил последний взгляд на свой домик, где у ворот стоял мой старый садовник Джек, который хныча прощался со мной. Я помахал ему на прощание рукой и присоединился к лорду Регноллу, ожидавшему меня.

— Я боюсь, — сказал он, — что вам очень грустно покидать свой дом и идти навстречу неведомым опасностям.

— Не более грустно, чем бывало и прежде, — ответил я, — так как опасности — мой насущный хлеб. Но ведь и вас ожидают те же опасности.

— Для меня, Квотермейн, это часть надежды. Поэтому я теперь гораздо счастливее, чем был в последнее время. И все благодаря вам, — прибавил он, протягивая мне руку, которую я крепко пожал.

Глава IX. Встреча в пустыне

Я не стану долго останавливаться на подробностях нашего путешествия в Землю Кенда, по крайней мере первой части его. Правда, на этом пути у нас было несколько охотничьих и других интересных приключений, но мне впереди предстоит рассказать много еще более интересного. Скажу только, что, несмотря на внутренние раздоры в Земле Зулу, мы пересекли ее без особенных затруднений. Здесь мое имя пользовалось большим уважением, и все племена объединились, чтобы помочь нам.

Отсюда я отправил посланцев к королю мазиту сообщить, что его собираются посетить старые друзья Макумазан и Свет Во Мраке.

Зная, что, дойдя до реки Лубы, мы будем не в состоянии переправить через нее наши фургоны, я просил короля мазиту выслать нам навстречу к условленному месту сотню носильщиков с соответствующей охраной.

Гонцы взялись исполнить это поручение за плату по пяти штук мелкого скота каждому. В случае, если они погибнут в пути, плата должна была быть передана их семьям.

Этот скот был куплен и оставлен на попечение у одного вождя, приходившегося им родственником.

Случилось, что двое из гонцов погибли в пути. Один из них — от болезни, полученной при переходе через болото, другой — от зубов голодного льва.

Однако третьему удалось преодолеть трудный путь и исполнить наше поручение.

Чтобы дать отдых измученным быкам, мы сделали остановку на две недели в северной части Земли Зулу. Потом снова двинулись вперед, идя путем, знакомым мне и Хансу.

С нами было небольшое число зулусов-носильщиков. Кормить их было довольно трудно, так как большая часть нашего скота пала жертвой мухи цеце, из-за чего нам пришлось бросить один из фургонов.

Наконец мы достигли берега реки Лубы и разбили лагерь у трех высоких скал, где нас должны были найти мазиту.

Из-за дождей река сильно разлилась, и переправа через нее была немислима. Прошло четыре дня.

Каждое утро я влезал на самую высокую скалу и через реку осматривал в бинокль обширное пространство, поросшее кустарником, в

надежде увидеть приближающихся к нам мазиту.

Но нигде не было видно ни души, и на четвертый вечер, заметив убыль воды в реке, мы пришли к решению переправиться на следующее утро на противоположный берег. Последний фургон, за невозможностью переправить его через реку, было решено отправить с носильщиками обратно в Наталь.

Но тут возникло новое затруднение. Никакие обещания награды не могли заставить зулусов омочить ноги в воде реки Лубы, которую они объявили «тагати» (околдованной) для народа их крови.

Я указал им, что трое посланных мазиту перешли уже через эту реку. Носильщики возразили мне, что то были полукровные зулусы, и, кроме того, они наверняка погибли. Случилось, как я уже упоминал, что двое из троих гонцов погибли, конечно случайно, а не из-за магических свойств реки Лубы. Однако их гибель, вероятно, сильно укрепила наших носильщиков в их убеждении. Так сохраняются суеверия в Африке. Сами мы были не в состоянии переправить наш багаж, и я очень обрадовался, когда на пятую ночь в фургон, где спали мы с лордом Регноллом, явился Ханс и сообщил, что он слышал голоса людей по ту сторону реки. Как он мог что-либо слышать сквозь рев бегущей воды — превосходило мое понимание. На рассвете мы взобрались на скалу, и когда туман рассеялся, я увидел на другой стороне реки около сотни людей, в которых по одеянию и копиям узнал мазиту.

Увидев меня, они издали веселый крик и бросились в воду, держась друг за дружку, чтобы не дать быстрому течению унести себя. Глупые зулусы схватились за копья и выстроились на берегу. Мне едва удалось отогнать их на приличное расстояние.

— Жаль, — угрюмо сказал их предводитель, — пройти столько пути и не сразиться с этими собаками мазиту.

Когда мазиту подошли ближе, я, к своему удовольствию, увидел во главе их своего старого друга Бабембу, одноглазого вождя, с которым Ханс и я пережили в прошлом много разнообразных приключений. Выйдя на берег, Бабемба радостно приветствовал меня.

— О Макумазан, — говорил он, — мало у меня было надежды снова увидеть твое лицо. Тысяча приветов тебе и Свету Во Мраке.

Я представил Бабембе лорда Регнолла и Сэвиджа под их местными именами «Игеза» и «Бена».

Он некоторое время внимательно рассматривал их.

— Это, — сказал он, указывая на лорда Регнолла, — великий господин... А этот, — прибавил он, указывая на Сэвиджа, который был

одет лучше нас всех, — петух в перьях орла.

Ханс украдкой рассмеялся на последнее замечание, но я счел нужным не переводить его Сэвиджу.

За завтраком, приготовленным «Петухом в перьях орла», который был, между прочим, превосходным поваром, я услышал все новости. Бауси, король мазиту, умер, и ему наследовал один из его сыновей, которого я знал, тоже носивший имя Бауси. Город Безу был восстановлен после пожара и сильно укреплен. Работоторговцы больше не появлялись. Между прочим, я узнал о гибели двоих наших гонцов.

Третий вернулся вместе с Бабембой.

После завтрака я отправил обратно зулусов, дав каждому по подарку и поручив им отвезти в Наталь наш фургон. Они пропели прощальную песню и удалились, бросая на мазиту свирепые взгляды. Я рад был, что их встреча обошлась без кровопролития.

Потом мы принялись за переправу. Дело было быстро налажено, так как мазиту работали как друзья, а не как наемники.

Переправившись через Лубу, мы двинулись в дальнейший путь и приблизительно через месяц достигли города Безу, где нас ждал торжественный прием.

Бауси II во главе большой процессии вышел нам навстречу к южным воротам города, памятным мне по одной битве.

Вечер мы провели в большом доме для гостей, где король, молодой человек с симпатичным лицом, и старый Бабемба устроили пиршество в нашу честь. Король осведомился, как долго мы намерены пробыть в Безу, и выразил надежду, что наше посещение продлится подольше. Я ответил, что мы скоро двинемся в дальнейший путь на север в Страну Кенда, и просил его дать нам носильщиков до крайних границ его владений.

При упоминании имени кенда он удивленно посмотрел на меня, а Бабемба воскликнул:

— О Макумазан! Разве безумие охватило тебя? Поистине ты стал безумным!

— Ты то же самое говорил, Бабемба, когда мы через озеро ездили в город Рикун; однако мы счастливо вернулись оттуда.

— Верно, Макумазан, но разве можно сравнивать народ кенда с понго, которые перед ними — что маленькая звезда перед лицом солнца.

— Что ты знаешь о них? — спросил я, рассказав ему, что слышал от Харута с Марутом, выпустив, однако, все, касающееся леди Регнолл.

— Это все правда, — сказал Бабемба, когда я окончил свой рассказ, — кенда — сильный, многочисленный и жестокий народ. Их король носит

имя Симба, что значит «лев». У них все короли носили это имя. Симба правит черными кенда, у которых бог Джана. Белыми кенда, которые похожи на арабов, правят жрецы. Всякого, кто попадет в их страну, они убивают с мучениями или, ослепив, пускают в пустыню, которая окружает их страну, где он и погибает. Я слышал, что белые кенда разводят животных, называемых верблюдами, и продают их арабам, живущим на севере от их страны. Не ходи к ним, Макумазан. Если тебе удастся пройти через пустыню, — черные кенда убьют тебя. Если ты избежешь их, — тебя убьет Симба. Избежешь Симбу, — убьет Джана. Избежешь Джану, — тебя убьют жрецы белых кенда своим колдовством.

— А все-таки надо попытаться, — ответил я на это.

— Спросите у него, есть ли там змеи? — сказал Сэвидж.

— Да, Бена! Да, Петух В Перьях Орла! — ответил Бабемба. — Я слышал, что у белых кенда есть храм, который охраняет такая змея, какой нет нигде во всем мире.

— Тогда, — заметил Сэвидж, — этот храм не принадлежит к числу тех, где я буду молиться.

Увы! Он не подозревал, что его ожидало в будущем.

Потом поднялся вопрос о носильщиках. После некоторого колебания Бауси II, только из большого расположения к нам, согласился дать нам своих людей, взяв с нас торжественное обещание отпустить их, дойдя до пустыни, «чтобы они избегли нашей участи».

Через четыре дня мы тронулись в путь в сопровождении ста двадцати носильщиков под предводительством самого Бабембы, который заявил, что хочет «последним видеть нас живыми на этом свете».

Накануне выступления Ханс оставил на попечение Бабембы свое завещание, «как делают белые люди», касавшееся шестисот пятидесяти фунтов, оставленных на хранение в дурбанском банке.

За час до того как мы оставили город Безу, я услышал плач и стенания, доносившиеся с городской площади. Выйдя узнать, в чем дело, я встретил около сотни женщин, осыпанных золой, которые приветствовали меня заунывным пением. За ними стояло почти все остальное население.

Ханс объяснил мне, что они поют песню смерти, чтобы предупредить небо о наше скором прибытии туда.

Признаться, все это довольно скверно действовало мне на нервы.

Итак, мы снова двинулись в путь, и месяц спустя проходили мимо большого озера, где находился остров (если то был остров), на котором жили понго.

Потом мы шли все на север путем, известным Бабембе, потом

малонаселенной страной, обитатели которой не знали земледелия даже в самой первобытной его форме.

Пройдя еще миль сто, мы встречали только кочевников, низкорослых бушменов, живущих исключительно охотой с помощью отравленных стрел.

Один раз они напали на нас и убили двух мазиту своими стрелами, против яда которых нет никаких средств. При этом Сэвидж проявил удивительную храбрость. Он выскочил из-за прикрытия и, дав промах из обоих стволов на расстоянии пяти ярдов по бушмену, схватил его и притащил к нам. Пленник оказался чем-то вроде вождя.

Ханс, знавший немного по-бушменски, сказал ему, что если нас не перестанут тревожить, мы повесим его. Бушмен что-то закричал своим товарищам, после чего нас оставили в покое.

Пройдя земли бушменов, мы дали свободу нашему пленнику.

Постепенно местность становилась все более и более бесплодной, лишенной всякого населения, и наконец мы дошли до настоящей пустыни.

Недалеко от края этой необъятной пустыни находился оазис с источником воды.

Дальше идти было невозможно, так как мазиту наотрез отказались сопровождать нас в пустыне. Не зная, что делать, мы расположились лагерем в оазисе и стали ждать.

Окрестные места оказались просто раем для охотников. Они изобиловали крупной и мелкой дичью, днем пасущейся у богатой сочной травой окраины пустыни, а по вечерам приходившей к источнику на водопой. В числе других животных попадались слоны в таком большом количестве, что я надеялся, в случае, если невозможно будет продолжать наше путешествие, добыть в короткое время много слоновой кости.

Слоны совершенно не пугались людей и подпускали к себе на очень близкое расстояние. Я убил несколько штук с тем, чтобы отослать их клыки в подарок королю мазиту. Даже Сэвидж застрелил одного слона (прицелившись в другого) на расстоянии пяти шагов.

Так прошло четырнадцать дней. Нам надоело неопределенное положение, да и мазиту, питаясь исключительно мясом, соскучились по растительной пище.

Мы устроили совещание.

Старый Бабемба заявил, что не может дольше удерживать своих людей, настаивающих на возвращении домой, и спросил нас, зачем мы сидим здесь, «как камни».

Я ответил, что ожидаем проводников, обещанных нам знакомыми кенда.

На это Бабемба возразил, что кенда, насколько ему известно, живут за сотни миль отсюда и что они никак не могут знать о нашем пребывании здесь при отсутствии сообщения через пустыню. Я попросил лорда Регнолла высказать свое мнение, указав, что идти одним через пустыню значит идти на верную смерть, а обратный путь невыносим без помощи мазиту.

Лорд Регнолл пришел в сильное волнение и, отозвав меня в сторону, заявил, что, желая по известным мне причинам попасть в Страну Кенда, он, несмотря ни на что, останется здесь.

— Это означает, что мы все останемся, — сказал я, — Сэвидж и я не покинем вас. Ханс не покинет меня, хотя и считает нас безумными.

— Я останусь один... — начал было лорд Регнолл, но я так посмотрел на него, что он не окончил своих слов. Наконец мы пришли к такому соглашению:

Бабемба, поговорив со своими людьми, согласился подождать еще три дня. Если за это время ничего не случится, мы уйдем назад миль на пятьдесят, остановимся в местах, изобилующих слонами, и, добыв сколько можем унести с собой слоновой кости, вернемся в Землю Мазиту.

Три дня прошли.

Я уже был уверен, что избегнул весьма нелепого и опасного приключения, между тем как лорд Регнолл с каждым часом становился все мрачнее и мрачнее.

Третий день был посвящен завязыванию тюков, так как на рассвете следующего дня мы, согласно условию, должны были двинуться в обратный путь.

Однако судьба рассудила иначе.

Часа в два ночи меня разбудил Ханс, спавший за моей хижинкой.

— Пусть баас откроет глаза и поглядит, — говорил он испуганным голосом, — там снаружи два призрака ожидают бааса.

Я поднялся и осторожно выглянул из шалаша. В пяти шагах от него при свете луны я увидел две фигуры в белых одеяниях, неподвижно сидевшие на земле.

Страх охватил меня.

Я уже схватил пистолет, который лежал под ковром, служившим мне подушкой, как вдруг услышал знакомый спокойный голос:

— Разве такой обычай, Макумазан, о Бодрствующий В Ночи,

встречать гостей пулями?

— Да, Харут, — ответил я, — если гости украдкой приходят среди ночи. Но вы наконец здесь. Скажи мне, почему вы так долго заставили нас ждать?

— О Макумазан, — смущенно ответил Харут, — прими наши смиренные оправдания. Когда мы узнали о твоём приходе в город Безу, мы сразу двинулись в путь. Но мы смертные, Макумазан, и разные препятствия мешали нам. Зная, что у вас много клади, мы должны были собрать много верблюдов. Потом нужно было послать вперед вырыть колодцы в пустыне по нашей дороге. Вот причина промедления. Но мы пришли как раз вовремя, ибо через несколько часов вы были бы уже на пути домой.

— Это верно, — сказал я, — но войдите в шалаш, здесь очень холодно в этой сырости.

Они вошли и, не будучи магометанами, не отказались от предложенного мною джина.

— За ваше здоровье, Харут и Марут, — сказал я, отпив немного из стакана и отдав остальное Хансу, который в один прием проглотил жгучую жидкость.

— За твоё здоровье, Макумазан! — ответили гости и, опорожнив свои стаканы, поставили их перед собой с таким благоговением, как будто это были священные сосуды.

— Теперь, — сказал я, — будем говорить. Как вам удалось уехать из, Англии после того, как вы пытались похитить леди, которой вы подарили ожерелье? Куда вы увезли ее после похищения на Ниле? Во имя вашего священного Дитяти или Шайтана, или египетского Сета^[136], отвечайте мне, иначе вам пришел конец, — добавил я, хватая пистолет.

— Извини нас, Макумазан, — с улыбкой сказал Харут, — но если ты так поступишь с нами, тебе самому придется ответить на много вопросов, на которые трудно найти ответ. Мы уехали из Англии на пароходе и после долгого путешествия вернулись в свою страну. Твой намек на похищение на Ниле непонятен нам. Мы никогда не собирались похищать ту леди, которой подарили ожерелье. Мы только хотели задать ей несколько вопросов, ибо она обладает даром ясновидения. Но появился ты и прервал нас. Зачем нужна нам белая леди?

— Не знаю, зачем, — ответил я, — но знаю, что вы величайшие лжецы, каких я когда-либо встречал.

При этих словах, которые всякому могли показаться оскорбительными, Харут и Марут низко поклонились мне, как будто я им сказал большой комплимент.

— Оставим вопрос о леди, — сказал Харут, — поговорим о нашем деле. Ты здесь, Макумазан, и мы пришли встретить тебя. Готов ли ты отправиться с нами, чтобы принести смерть злому слону Джане, опустошающему нашу землю, и получить великую награду. Если готов, твой верблюд ждет тебя.

— Один верблюд не может нести на себе четверых, — уклончиво ответил я.

— Храбростью и ловкостью ты превосходишь многих людей, о Макумазан, но телом ты один.

— Вы ошибаетесь, Харут и Марут, если думаете, что я поеду с вами один, — воскликнул я, — вот мой слуга, — указал я на Ханса, — без которого я не двинусь ни на шаг. Кроме того, меня должны сопровождать лорд Регнолл, известный здесь под именем «Игеза», и его слуга Бена, из которого вы в Англии извлекали змей.

При моих словах на бесстрастных лицах Харута и Марута появились признаки беспокойства и они обменялись словами на непонятном мне языке.

— Наша страна, — сказал Харут, — открыта только для тебя, Макумазан, чтобы убить Джану, за что мы обещаем тебе великую награду. Других мы не хотим видеть там.

— Тогда сами убивайте своего Джану, а я шагу не ступлю с вами.

— А если мы насильно возьмем тебя с собой, Макумазан?

— А если я убью вас, Харут и Марут? Глупцы! Со мною много храбрых людей. Ханс! Прикажи мазиту взяться за оружие и позови сюда Игезу и Бену.

— Остановись, о господин, и положи оружие на свое место, — сказал Харут, увидя, что я снова схватил пистолет. — Незачем проливать кровь. Мы в большей безопасности от тебя, чем ты думаешь. Пусть твои товарищи сопутствуют тебе, но пусть они знают, что подвергаются большой опасности.

— Ты хочешь этим сказать, что вы их потом убьете?

— Нет. Но, кроме нас, там живут другие, более сильные люди, которые захотят принести их в жертву. Твоя жизнь в безопасности, Макумазан, но нам открыто, что двоих из остальных ждет гибель.

— Но как мы можем быть уверены, что вы, заманив нас в вашу страну, не убьете нас предательски, чтобы завладеть нашим имуществом?

— Мы клянемся тебе нерушимой клятвой. Мы клянемся тебе Небесным Дитятей, — в один голос воскликнули оба, поклонившись до земли.

Я пожал плечами.

— Ты не веришь нам, — продолжал Харут, — ибо не знаешь, что бывает с тем, кто нарушит эту клятву. Но слушай. В пяти шагах от твоей хижины есть высокий муравейник. Взберись на него и посмотри в пустыню.

Любопытство заставило меня принять это предложение. Я вышел в сопровождении Ханса с заряженным двуствольным ружьем и вскарабкался на муравейник футов в двадцать высотой, откуда открывался вид на пустыню.

— Смотри на север, — снизу сказал Харут.

Я посмотрел в указанном направлении и при ярком свете луны ярдах в пятистах или шестистах от себя увидел сотни две сидевших на земле верблюдов и около каждого из них — белую фигуру, державшую в руках длинное копье, к древку которого недалеко от острия был прикреплен маленький флажок. Я смотрел на них до тех пор, пока не убедился, что не являюсь жертвой иллюзии или миража, после чего спустился с муравейника.

— Ты видишь, Макумазан, — сказал Харут, — если бы мы захотели причинить тебе вред, мы легко могли бы напасть ночью на ваш спящий лагерь. Но эти люди пришли охранять, а не убивать тебя или твоих друзей. В этом мы поклялись тебе клятвой, которая не может быть нарушена. Теперь мы пойдем к своим, а завтра снова вернемся одни и без оружия.

С этими словами они исчезли, как тени.

Глава X. Вперед!

Через десять минут весь наш лагерь был на ногах. Все схватились за оружие.

Сперва поднялось нечто вроде паники, но с помощью Бабембы порядок был скоро восстановлен, и все было готово к защите.

О бегстве нечего было и думать, так как верблюды быстро настигли бы нас.

Оставив Бабембу при воинах, мы, трое белых и Ханс, собрались на совет, на котором я рассказал обо всем происшедшем между мной и Харутом и Марутом.

— Что вы решите? — спросил я. — Эти люди хотят, чтобы я ехал в их страну. Но они против других. Ничто не мешает вам, Регнолл и Сэвидж, и тебе, Ханс, вернуться обратно с мазиту.

— Ох! — воскликнул Ханс. — Я не покину бааса. Если надо умереть, я умру. А теперь, баас, я очень хочу спать. Я не спал всю ночь и задолго до прихода этих призраков слышал верблюдов, но не знал, что это такое, потому что я их никогда раньше не видел. Когда все будет решено, пусть баас разбудит меня.

С этими словами он улегся и тотчас же заснул, как верная собака у ног своего хозяина.

Я вопросительно посмотрел на лорда Регнолла.

— Я последую за вами, — коротко ответил он.

— Несмотря на то, что эти люди отрицают свое участие в похищении вашей жены?

— Подобно Хансу, мне безразлично, что меня ждет в будущем. Кроме того, я не верю этим людям. Что-то подсказывает мне, что они знают правду о моей жене. Они слишком озабочены, чтобы я не сопровождал вас.

— Ну, а вы, Сэвидж, к какому пришли решению? Помните, эти люди говорят, что двое из нас никогда не вернутся. Но кто — неизвестно. Конечно, нельзя видеть будущее, но они слишком необыкновенные люди.

— Сэр, — сказал Сэвидж, — перед оставлением Англии Его Светлость обеспечил мою старую мать и вдовую сестру с детьми. Теперь от меня никто не зависит. Поэтому я пойду с вами и в остальном полагаюсь на Бога.

— Итак, все решено, — сказал я, — теперь надо позвать Бабембу.

Старик принял известие о нашем решении более спокойно, чем я предполагал.

— Макумазан, — сказал он, — я ждал от тебя таких слов. Если бы это сказал другой, я счел бы его безумным. Но я считал тебя таким, когда ты отправлялся в Землю Понго, а ты вернулся невредимым. Я надеюсь, что так будет и на этот раз. А теперь прощай. Я должен увести своих людей, прежде чем придут сюда эти арабы. Может произойти битва, нас мало, и нам придется умереть. Если они скажут, что твои лошади не могут пересечь пустыню, отпусти их. Мы поймем и сохраним их до тех пор, пока ты не пришлешь за ними. Не надо больше подарков. Ты уже оставил мне ружье, пороху, пуль и — что дороже того, память о тебе и твоей мудрости и храбрости. С того дальнего холма я буду смотреть, пока ты не скроешься из виду. Прощай.

И не став ждать моего ответа, Бабемба ушел, проливая слезы из своего единственного глаза.

Через десять минут остальные мазиту простились с нами и ушли, оставив нас одинокими в опустевшем лагере среди нашего уложенного багажа.

Вскоре Ханс, полоскавший недалеко от нас котелок, поднял голову и сказал:

— Идут, баас. Целый полк идет.

Мы оглянулись. По направлению к нам ровными рядами медленно двигались всадники на покачивающихся верблюдах. Не доезжая ярдов пятидесяти до нас, они остановились и начали поить в ручье своих верблюдов, по двадцать за раз.

От них отделилось двое людей, в которых я узнал Харута и Марута, с поклоном остановившихся перед нами.

— Доброе утро, господин, — сказал Харут лорду Регноллу на ломаном английском языке. Итак, ты решил посетить с Макумазаном наш бедный дом, как посетили мы твой богатый замок в Англии. Ты думаешь, что мы похитили твою леди. Это не так. В Стране Кенда нет белой леди. Она наверняка утонула в Ниле, потому что ходила во сне. Мы очень жалеем тебя, но боги знают, что делают. Они дают и берут, когда хотят. Но к тебе снова вернется твоя жена еще более прекрасной, и к ней вернется ее душа.

Я удивленно смотрел на Харута. Я ничего не говорил ему о потере леди Регнолл рассудка. Откуда он мог узнать об этом?

— Мы рады, господин, — продолжал Харут, — принять тебя, но, правду сказать, это очень опасное путешествие, ибо Джана не любит чужестранцев. Смотри, на твоём лице уже лежит печать страдания, причиненного слоном.

Потом Харут обратил свое благосклонное внимание на Сэвиджа.

— И ты идешь, Бена? Что же, в Земле Кенда ты узнаешь многое о змеях и о другом.

Тут Марут, улыбаясь во все лицо и обнаруживая ряд ослепительно белых зубов, что-то шепнул на ухо своему товарищу.

— Ох, — продолжал Харут, — мой брат говорит, что ты встретился с одной змеей в Натале и сел на нее так тяжело, что сделал ее плоской. В Земле Кенда мы покажем тебе лучшую змею, но ты не будешь сидеть на ней, Бена!

Мне, не знаю почему, все эти шутки казались страшными, — чем-то вроде игры в кошки с мышью. Откуда могли эти люди знать подробности разных случаев, свидетелями которых они не были и о которых им никто ничего не говорил? Я посмотрел на Сэвиджа. Он был весьма бледен и, очевидно, чувствовал то же, что и я.

Даже Ханс шепнул мне по-голландски.

— Это не люди, это дьяволы, баас! Мы едем прямо в ад!

Только лорд Регнолл сидел молча и совершенно бесстрастно. Его красивое лицо приняло выражение сфинкса. Я видел, что Харут и Марут чувствовали силу этого человека и это вызывало в них некоторое беспокойство.

Часа три спустя мы ехали по пустыне на превосходных верховых верблюдах, оглядываясь на брошенный нами лагерь в оазисе, видневшемся на горизонте.

На милю впереди нас ехал пикет из восьми — десяти всадников на самых быстрых животных, чтобы предупредить караван в случае какой-либо опасности.

Ярдах в трехстах за нами следовал отряд из пятидесяти кенда, выстроенных в два ряда.

За отрядом следовали погонщики, ведя за собой вереницы верблюдов, нагруженных провизией, водой, палатками и нашим багажом, включая пятьдесят винтовок лорда Регнолла.

Потом ехали мы вчетвером на самых лучших верблюдах. По правую и левую сторону и позади нас на расстоянии полумили ехали такие же, как и впереди, отряды. Таким образом, мы находились в центре, окруженные со всех сторон охраной. Харут и Марут следовали за нами на небольшом расстоянии, и при надобности их легко можно было позвать.

Сперва путешествие на верблюде с непривычки сильно утомляло меня. Постоянная качка так действовала на меня, что к остановке на ночь я чувствовал себя совсем разбитым.

Бедный Сэвидж страдал еще больше моего.

Только лорд Регнолл, вероятно раньше ездивший на верблюдах, не испытывал большого неудобства.

Что касается Ханса — тот чувствовал себя превосходно. Он все время менял свое положение и ехал то по-дамски, то сидя в седле на коленях, как обезьяна на шарманке.

Постепенно я привык к такой езде и вскоре наши пятьдесят миль в день не особенно утомляли меня.

Мне начинала нравиться жизнь в этой спокойной пустыне.

Днем мы ехали по бесконечной песчаной равнине, по вечерам ели с аппетитом простую пищу и спали под мерцающими звездами до новой зари.

Говорили мы мало.

Вероятно, тишина пустыни накладывала печать на наши уста. Каждый был погружен в свои мысли.

Лично мне казалось, что я живу в каком-то сне. С нашей охраной мы не имели никакого общения. Я думаю, что им было запрещено разговаривать с нами.

Это были стройные молчаливые люди арабского типа, которые общались между собой знаками или отрывистыми словами. К Харуту и Маруту они относились с огромным уважением и повиновались им беспрекословно. Случилось, что я потерял свой карманный нож. Тогда троим из них было приказано вернуться назад и отыскать его. Только на восьмой день они догнали нас, почти выбившись из сил и потеряв одного верблюда, но с моим ножом, который был передан мне с поклоном.

Сознаюсь, мне было очень стыдно этой истории.

С Харутом и Марутом вплоть до самых границ Земли Кенда мы почти не разговаривали.

Так мы прошли около пятисот миль, останавливаясь в маленьких оазисах напоить верблюдов и отдохнуть.

Наконец характер местности начал изменяться.

Стала попадаться трава, потом кусты и отдельные деревья и среди них даже дикие козы.

Отъехав в сторону, я убил двух коз, чем вызвал большое удивление у нашей стражи, очевидно никогда не видавшей стрельбы из ружья.

В этот вечер мы с удовольствием поели дичи, так как давно уже не ели свежего мяса.

В последние дни мы заметили, что устройство наших стоянок начало изменять свой прежний характер. Верблюдов уже не отпускали пастись далеко от лагеря, наш багаж складывали около самых палаток, и к нему

приставлялась стража.

Я спросил у Харута о причине этих предосторожностей.

— Потому что мы на границе Земли Кенда, — ответил он, — через четыре дня мы будем на месте.

— Зачем же предосторожности против своего народа? Они встретят вас...

— Копьями, Макумазан... Заметь, что кенда составляют два народа. Мы, белые кенда, имеем свою отдельную территорию. Но путь к нам лежит через землю черных кенда, которые всегда могут напасть на нас, особенно если увидят, что с нами чужестранцы. Черные кенда значительно превосходят нас числом, но они не нападают на нашу землю, ибо боятся проклятия Небесного Дитяти. Однако, если они встречают нас на своей земле, они убивают нас; точно также мы поступаем с ними, когда они приходят на нашу землю.

— Так что, между вами постоянная вражда?

— Вражда, которая окончится большой войной, где должны погибнуть черные или белые кенда. Или, быть может, оба народа погибнут вместе. Вот почему мы просили тебя, Макумазан, быть нашим гостем, — с поклоном закончил Харут и удалился, прежде чем я успел что-нибудь ответить.

— Похоже на то, — заметил я Регноллу, — что нас везут сражаться за Харута, Марута и К°.

Ночь прошла спокойно.

На заре следующего дня мы двинулись в дальнейший путь местностью, становившейся все более и более плодородной. Уже стали попадаться целые стада антилоп, но людей не было видно.

Во время остановки на отдых Харут провел нас на возвышенное место, откуда открывался вид миль на пятьдесят вперед.

Перед нами лежала обширная равнина, бывшая, вероятно, некогда озером. По ней было рассыпано множество деревушек и отдельных домиков. С востока на запад равнину пересекала река, разветвлявшаяся на несколько протоков. Далеко на горизонте обрисовывался высокий холм, покрытый густой растительностью.

— Вот Земля Кенда, — сказал Харут, — по эту сторону реки Тавы живут черные кенда, а по ту — белые.

— А что это за холм? — спросил я.

— Это Священная Гора, Дом Небесного Дитяти, куда не может ступить ничья нога, кроме жрецов Дитяти.

— А если кто ступит? — спросил я.

— Он умрет, Макумазан.

— Значит, ее охраняют?

— Она охраняется, но не оружием смертных, Макумазан.

Видя, что Харут неохотно говорит об этом, я спросил его о численности народа кенда.

Он ответил, что черные кенда имеют около двадцати тысяч воинов, между тем как белые — не более двух тысяч.

В это время наш разговор был прерван появлением человека из передового пикета, который сообщил Харуту что-то, весьма встревожившее его.

Я осведомился, в чем дело.

— Один из разведчиков Симбы, царя черных кенда, — ответил Харут, указывая на скачущего вдали по равнине всадника. — Он едет в город Симбы сообщить о нашем появлении на их земле. Вернемся в лагерь, Макумазан, и поедem дальше, когда взойдет луна.

Как только вошла луна, мы снова двинулись вперед, несмотря на то что верблюды были крайне утомлены.

Мы ехали всю ночь, остановившись лишь перед рассветом на полчаса, чтобы подкрепиться пищей и подтянуть веревки нашего багажа, который оберегался теперь с особенной тщательностью.

Когда мы снова тронулись в путь, к нам подъехал Марут и со своей обычной улыбкой сказал, что хорошо было бы, если бы мы держали наши ружья наготове.

Мы вооружились магазинными винтовками, заряжающимися сразу пятью патронами. Только Ханс с моего позволения взял себе мое старое одноствольное шомпольное ружье «Интомби», не раз сослужившее мне хорошую службу во время путешествия в Землю Понго. Ханс почему-то считал его счастливым.

Спустя четверть часа, когда уже совсем рассвело, мы въехали в скалистую местность, окаймлявшую равнину.

Вдруг наш караван остановился... Вскоре нам стало ясно, в чем дело.

На расстоянии не более полумили впереди нас показалось около пятисот людей в белых одеяниях, частью пеших, частью ехавших верхом. Они быстро двигались нам навстречу с явной целью преградить нам путь. Эти люди имели черные лица и не носили никаких головных уборов.

От них отделилось два парламентера с белыми флагами в руках.

Они галопом подъехали к нашему каравану, остановились у того места, где стояли мы с Харутом и Марутом, и отсалютовали нам копьями. Это были стройные мужчины негритянской расы с длинными волосами,

доходившими до самых плеч. На них было легкое одеяние: кожаные панталоны, сандалии и нечто вроде кольчуги из тройной цепи, сделанной из металла, похожего на серебро, которая свешивалась с шеи на спину и на грудь. Вооружены они были длинными копьями, похожими на копья белых кенда, и прямыми мечами с крестообразной рукояткой, висевшими у пояса.

Как я узнал впоследствии, таково было снаряжение кавалерии.

Пехотинцы были вооружены более коротким копьем, двумя дротиками и кривым ножом с роговой рукояткой.

— Здравствуй, пророк Дитяти! — закричал один из них. — Мы вестники бога Джаны, говорящего устами царя Симбы.

— Говори, почитатель демона Джаны! Чего хочет от нас Симба? — сказал Харут.

— Войны. Зачем вы перешли реку Таву, границу земли черных кенда, установленную договором сто лет назад? Разве вам мало своей земли? Царь Симба позволил вам пройти в пустыню, надеясь, что вы погибнете там. Но вы не вернетесь назад!

— Посмотрим, — ответил Харут, — это зависит от того, кто сильнее, Небесное Дитя или Джана. Мы хотим избежать кровопролития. Наше путешествие мирное. Эти белые люди хотят принести жертву Дитяти, а путь к Священной Горе лежит только через вашу землю.

— О, мы знаем, какая это жертва! — воскликнул парламентар. — Они хотят крови нашего бога Джаны! Они думают убить его своим необыкновенным оружием, хотя против бога Джаны бессильно всякое оружие. Дай нам принести в жертву Джане белых людей. Тогда, быть может, царь Симба позволит вам пройти через свою землю.

— Как? — воскликнул Харут. — Нарушить законы гостеприимства? Вернись к Симбе и скажи ему, что если он поднимет против нас копье, тройное проклятие Дитяти падет на его голову! Проклятие бури, проклятие голода и проклятие войны! Я, пророк, сказал это. Ступай!

Эти слова, произнесенные Харутом выразительным голосом, произвели необычайное впечатление на парламентаров. Страх появился на их лицах. Не ответив ни слова, они повернули лошадей и так же быстро, как и приехали, вернулись к своим.

Харут отдал приказание, после которого караван перестроился в виде клина. Я, Ханс и Марут поместились посредине левой стороны этого треугольника, лорд Регнолл и Сэвидж — на правой. Харут стал в вершине его.

Вьючные верблюды занимали центральное место.

Прежде чем занять свои места, мы крепко пожали друг другу руки.

Бедняга Сэвидж выглядел очень плохо: это должно было быть его первым боевым крещением.

Лорд Регнолл казался счастливым, как король.

Я, уже выдавший немало битв, вспомнил предсказание одного зулусского вождя, который говорил, что я умру не на этом поле сражения. Тем не менее мое настроение было скорее обратным настроению лорда Регнолла.

Только Ханс казался совершенно равнодушным. Он даже успел набить табаком и закурить свою трубку. Если бы он не сидел в своей обезьяньей позе на верху высокого верблюда, он получил бы от меня здоровый пинок за эту браваду перед лицом Провидения.

Однако своим поведением он вызвал восторг наших кенда.

Я слышал, как один из них сказал другому:

— Посмотри! Это вовсе не обезьяна, а настоящий мужчина, даже более мужчина, чем его господин!

Теперь все было готово.

Харут, трижды поклонившись по направлению к Священной Горе, приподнялся в стремях и, подняв копье над головой, коротко скомандовал:

— Вперед!

Глава XI. Аллан в плену

Наш отряд бодро бросился вперед. Даже верблюдам, несмотря на их крайнее утомление, казалось, передалось воодушевление всадников. Не нарушая порядка построения, мы быстро катились вниз по склону холма.

Целый лес копий блестел на солнце; флажки весело развевались по ветру.

Никто не проронил ни слова; слышался только топот мчавшихся верблюдов.

Только когда началась битва, белые кенда издали мощный крик:

— Дитя! Смерть Джане! Дитя! Дитя!

Человек четырехста вражеской пехоты сомкнулись семью — восемью рядами, как бы слившись в одно плотное тело. Первые два ряда стояли на коленях, держа наперевес длинные копья. Этот строй напоминал древнегреческую фалангу. По обе стороны пехоты, на расстоянии около полумили от нее, помещалось по отряду всадников, человек по сто в каждом.

Когда мы приблизились к врагу, наш треугольник, следуя за Харутом, немного изогнулся. Минуту спустя я понял, что это был искусный маневр. Мы прорезали строй врага, как нож масло, ударив в него не прямо, а под некоторым углом. Промчавшись по опрокинутой пехоте, белые кенда поражали вражеских воинов копьями и топтали их верблюдами.

Я уже думал, что дело решилось в нашу пользу, однако это было преждевременно. Скоро между нами оказалось много пеших врагов, которых я считал мертвыми, старавшихся, за невозможностью достать всадников, поразить их верблюдов в живот. Кроме того, я забыл о вражеской кавалерии, которая громом обрушилась на наши фланги.

Мы сделали все что могли, чтобы отразить этот удар. В результате наша правая и левая линии были прорваны ярдах в пятидесяти позади выючных верблюдов. К счастью для нас, быстрота натиска помешала черным кенда воспользоваться плодами своего удара. Оба неприятельских отряда, не успев сдержать лошадей, столкнулись и пришли в расстройство. Тогда мы направили на них своих верблюдов, и в результате многие враги были переколоты копьями и потоптаны копытами. Я не могу сказать, как случилось, что я, Ханс, Марут и около пятнадцати белых кенда оказались отрезанными от своих и окруженными массой яростной нападавших на нас врагов.

Мы сопротивлялись как могли.

Постепенно пали все наши верблюды, за исключением того, на котором сидел Ханс. Этот верблюд, по странной случайности, не был даже ранен.

Мы продолжали сражаться пешими.

До этого времени я не сделал ни одного выстрела, отчасти из-за трудности целиться с качающегося верблюда, отчасти из нежелания убивать этих диких людей до того, пока не появится надобность в самозащите.

Однако теперь нам грозила серьезная опасность.

Наклонившись над бьющимся головой о землю умирающим верблюдом, я разрядил все пять патронов своего магазинного ружья. В результате пять лошадей без всадников помчались по равнине.

Это произвело на атакующих сильное впечатление, так как они никогда не видели ничего подобного. На некоторое время они отхлынули назад, дав мне возможность снова зарядить ружье.

Вторично они бросились на нас — и снова тот же результат.

Посоветовавшись некоторое время между собой, они произвели третью атаку.

Я встретил их по-прежнему, хотя на этот раз упало всего три всадника и одна лошадь.

Теперь наше дело было проиграно, так как у меня больше не было патронов и остался только заряженный двуствольный пистолет. И все из-за моей непредусмотрительности!

Мои патроны находились в сумке, которую Сэвидж из учтивости вешал на свое седло. Я спохватился, когда уже началась битва, но ничего не мог сделать, так как мы с Сэвиджем находились на разных концах строя. После долгого совещания наши враги снова направились к нам, но на этот раз очень медленно.

Тем временем я огляделся и увидел, что наши главные силы уходят на север, счастливо прорвавшись и избегнув погони.

Мы были покинуты, так как, по всей вероятности, нас считали убитыми.

— Мой господин Макумазан, — сказал все еще улыбающийся Марут, подходя ко мне, — Дитя спасло большинство наших, но мы покинуты. Что ты будешь делать? Стрелять до тех пор, пока нас не схватят?

— Мне нечем стрелять, — ответил я. — А если мы сдадимся, что будет с нами?

— Нас отвезут в город Симбы и принесут в жертву Джане. У меня мало времени, чтобы рассказать тебе, как это делается. Поэтому я предлагаю тебе: убьем себя.

— Это, пожалуй, будет глупо, Марут. Пока мы живы, нам может

представиться случай избежать Джаны. Если нам придется плохо, у меня остается пистолет с двумя пулями для тебя и для меня.

— Мудрость Дитяти говорит твоими устами, Макумазан, — сказал Марут. — Я поступлю так, как поступишь ты.

Затем он обернулся к своим людям. Они некоторое время поговорили между собой, после чего трое из них приняли героическое решение.

Подпустив черных кенда на близкое расстояние, они вышли вперед, будто желая сдаться, и вдруг с криком: «Дитя!» бросились на них и, сражаясь как демоны, поразили множество врагов, пока сами не пали, покрытые ранами. Эта хитрая и отчаянная выходка, так дорого стоившая врагам, сильно разъярила их.

С криком: «Джана!» они устремились на нас (нас теперь было всего шестеро), предводительствуемые седобородым мужчиной, который, судя по числу цепочек на груди и другим украшениям, был важной особой.

Когда они приблизились ярдов на пятьдесят к нам и мы уже готовились к самому худшему, вдруг надо мной прогремел выстрел. В то же мгновение седобородый мужчина широко взмахнул руками, выронил копье и бездыханный пал на землю. Я оглянулся и увидел Ханса с трубкой в зубах и дымящимся «Интомби» в руках.

Он выстрелил, кажется, первый раз за весь день и убил этого мужчину, смерть которого повергла черных кенда в горе и отчаяние. Они спешили и столпились вокруг убитого.

К ним подъехал свирепого вида мужчина средних лет, у которого было еще больше разных украшений.

— Это царь Симба, — сказал Марут, — убитый — его дядя Гору, великий вождь, воспитывавший Симбу с малых лет.

— Жаль, что у меня нет патрона для племянника, — заявил я.

— До свидания, баас! — сказал Ханс. — Мне надо уходить, потому что я не могу снова зарядить Интомби на спине этого животного. Если баас раньше меня встретит своего отца, пусть баас попросит его приготовить для меня хорошее место у огня.

Прежде чем я успел что-либо ответить, Ханс повернул своего верблюда (который, как я уже упоминал, был цел и невредим) и, подгоняя его ударами ружья, умчался галопом, но не по направлению к Дому Дитяти, а вверх по холму, в чащу гигантской травы, смешанной с терновником, которая росла недалеко от нас.

Там он вскоре скрылся вместе со своим верблюдом.

Если бы черные кенда и видели уход Ханса, — в чем я сильно сомневаюсь, так как их внимание всецело было поглощено мертвым Гору,

— они, вероятно, не стали бы преследовать его.

Они подумали бы, что Ханс хочет заманить их в какую-нибудь ловушку или засаду.

Тем временем враги наши совещались с явным замешательством. Они, вероятно, пришли к заключению, что мы с нашими ружьями — нечто большее, чем простые смертные.

Наконец от них отделился один человек, в котором я узнал утреннего парламентаря.

Тогда я отложил в сторону свое ружье в знак того, что не собираюсь стрелять, хотя, если бы я и хотел, то не мог бы сделать этого.

Парламентар подошел к нам и, остановившись в нескольких ярдах от нас, обратился к Маруту:

— Слушай, второй жрец Дитяти, — сказал он, — что говорит царь Симба. Он говорит, что ваш бог слишком силен сегодня, хотя в другой раз это может быть иначе. Поэтому Симба предлагает вам сдаться и клянется, что ни одно копье не пронзит ваше сердце и ни один нож не тронет вашего горла. Вас отведут в город и будут держать как пленников до тех пор, пока не наступит мир между черными и белыми кенда. Если же вы откажетесь, мы окружим вас со всех сторон и будем ждать, пока вы не умрете от жажды и зноя. Это слова Симбы, к которым ничего не будет прибавлено и от которых ничего не будет убавлено.

Сказав это, парламентар отошел от нас на некоторое расстояние, чтобы не слышать нашего совещания, и стал ждать.

— Что ответить ему, Макумазан? — спросил Марут.

Я ответил ему вопросом.

— Есть ли надежда, что нас освободит твой народ?

Марут отрицательно покачал головой.

— Никакой. То, что мы видели сегодня, лишь малая часть войска черных кенда. Завтра они могут собрать тысячи. Кроме того, Харут думает, что мы погибли. Если Дитя не спасет нас, нам придется покориться своей судьбе.

— Тогда дело наше проиграно. Я уже чувствую жажду, а у нас нет ни капли воды. Но сдержит ли Симба свое слово?

— Я думаю, что сдержит, — ответил Марут. — Но надо выбирать. Смотри, они уже начинают окружать нас.

— А вы что скажете? — обратился я к остальным белым кенда.

— Мы в руках Дитяти, — ответили они, — хотя лучше было бы нам пасть вместе с нашими братьями.

Посоветовавшись еще немного со мной, Марут позвал парламентаря.

— Мы принимаем предложение Симбы, — сказал он, — и сдаемся вам в плен при условии, что нам не будет причинено никакого вреда. Если Симба нарушит условие, месть будет ужасна. Теперь в доказательство своей верности пусть Симба подойдет к нам и выпьет с нами кубок мира, ибо мы чувствуем жажду.

— Нет, — ответил парламентар, — если Симба подойдет к вам, белый господин убьет его. Пусть он отдаст сначала свою трубу.

— Возьми, — великодушно сказал я, передавая ему ружье, причем подумал, что нет ничего бесполезнее ружья без патронов.

Парламентар удалился, держа далеко перед собой мое оружие. После этого к нам подъехал сам Симба в сопровождении нескольких людей, из которых один нес мех с водой, а другой — огромный кубок, сделанный из клыка слона.

Симба оказался красивым мужчиной с огромными усами. Он обладал большими черными глазами, которые по временам принимали зловещее выражение, и был значительно светлее своих спутников. На голове у него, как и у других, не было никакого убора, за исключением золотой ленты, представлявшей, по-видимому, корону. На лбу у него был широкий шрам от раны, полученной, вероятно, в каком-нибудь сражении.

Он оглядел меня с большим любопытством, и я думаю, что мой внешний вид произвел на него невыгодное впечатление.

В пылу сражения я потерял свою шляпу, волосы мои были растрепаны, куртка испачкана пылью и кровью. В общем, я представлял собой весьма непрезентабельную фигуру.

Я слышал, как Симба, рассчитывая, что я не понимаю языка кенда (за месяц с небольшим пути я научился этому языку, весьма близкому к знакомому мне банту), сказал одному из своих спутников:

— Истинно о силе нельзя судить по виду. Этот маленький белый дикобраз причинил нам очень много вреда. Однако время, дробящее даже скалы, скажет нам все.

Затем он подъехал к нам и сказал:

— Ты слышал, враг мой, пророк Марут, предложенные мною условия и принял их. Не будем больше говорить об этом. Я исполню то, что обещал, но ни на волос больше.

— Пусть будет так, — ответил Марут со своей обыкновенной улыбкой, — но помни, что если ты изменнически убьешь нас, тройное проклятие Дитяти падет на тебя и на твой народ.

— Джана победит Дитя и всех, кто чтит его! — раздраженно воскликнул Симба.

— Кто в конце концов победит — Джана или Дитя — известно одному Дитяти и, может быть, его пророкам. Но смотри! За каждого поклонника Дитяти пало больше трех поклонников Джаны. Наш караван ушел, увозя белых людей, у которых много труб, наносящих смерть. Джана, должно быть, заснул, допустив это!

Я ожидал, что эти слова вызовут взрыв негодования, однако они произвели противоположное действие.

— Я пришел выпить чашу мира с тобой, пророк, и с белым господином. Поговорим потом. Дай воды, раб.

Один из свиты Симбы наполнил кубок водой. Симба взял кубок, брызнул водой на землю и, отпив из него немного, передал его с поклоном Маруту, который с еще более низким поклоном передал его мне.

Почти умирая от жажды, я выпил добрую пинту воды и после этого почувствовал себя другим человеком.

Марут выпил остальное.

Потом кубок снова был наполнен для троих белых кенда, и Симба снова попробовал воду.

Когда наша жажда была утолена, нам привели лошадей, маленьких послушных животных с овечьими шкурами вместо седел и ременными петлями вместо стремян.

На них мы в продолжение трех часов ехали по равнине, окруженные сильным эскортом. По обе стороны каждой нашей лошади шло по вооруженному черному кенда, державшему ее на поводу. Это была предосторожность на случай попытки к бегству с нашей стороны.

Мы проехали несколько деревень, где женщины и дети сбегались смотреть на нас.

По сторонам дороги тянулись тучные нивы с почти созревшими злаками разных сортов.

Жатва обещала быть обильной. Из некоторых домов слышался плач. Очевидно, оплакивали павших в утреннем сражении.

Потом мы ехали большим лесом, состоявшим из роскошных деревьев, из которых многие были неизвестной мне породы. Выйдя из леса и проехав еще некоторое время хлебными полями, мы наконец въехали в столицу черных кенда, называемую городом Симбы. Это было большое поселение, несколько отличавшееся от других африканских городов, окруженное глубоким рвом, наполненным водой.

Через ров было перекинуто несколько мостов, которые легко разбирались в случае опасности.

Проехав через восточные ворота, мы очутились на широкой улице, где

собралась толпа жителей, уже знавших об утреннем сражении.

Они сжимали кулаки и шептали проклятия, относящиеся к Маруту и его товарищам.

На меня черные кенда смотрели скорее с удивлением, не без примеси некоторой доли страха. Проехав еще с четверть мили, мы через ворота попали в нечто, похожее на южно-африканские краали для скота, окруженное сухим рвом и деревянным палисадом, наружная часть которого была обсажена зеленью. Пройдя еще одни ворота, мы очутились у большой хижины или дома, построенного по образцу других домов города.

Это был дворец короля Симбы.

За дворцом находилось еще несколько домов, где жила королева и другие женщины.

Справа и слева от дворца стояли два дома. Один служил помещением для стражи, в другой были проведены мы. Это было довольно удобное жилище площадью около тридцати квадратных футов, но состоящее всего из одной комнаты. Позади него находилось несколько хижин, служивших для кухни и для других целей. В одну из них были помещены трое белых кенда.

Немедленно после нашего прибытия нам была принесена пища: жареный ягненок и кушанье из вареных колосьев, кроме того, вода для питья и умывания в кувшинах, сделанных из высушенной на солнце глины.

Я ел с большим аппетитом, так как почти умирал от голода.

Потом, видя бесполезность всяких предосторожностей в случае нападения на нас, я растянулся на матрасе, лежавшем в углу комнаты, натянул на себя кожаный ковер и крепко уснул, передав свою защиту в руки Провидения.

Глава XII. Первое проклятие

На следующее утро меня разбудил солнечный луч, упавший на мое лицо через оконное отверстие, загороженное деревянной решеткой. Я лежал еще некоторое время, припоминая события предыдущего дня.

Итак, я был пленником дикого народа, имевшего достаточно оснований ненавидеть меня: я убил многих из их числа, хотя и делал это исключительно с целью самозащиты.

Правда, их король обещал нам неприкосновенность, но разве можно было положиться на слово такого человека?

Если случай не спасет нас, без сомнения, дни наши сочтены. Рано или поздно мы будем убиты тем или иным способом.

Единственным удовлетворительным обстоятельством было то, что лорду Регноллу и Сэвиджу удалось спастись.

Я был уверен, что они спаслись, потому что двое людей, сидевших на верблюдах и взятых с нами в плен, говорили Маруту, что они видели их скачущими в толпе всадников целыми и невредимыми.

По всей вероятности, они теперь оплакивают мою смерть, так как откуда им знать о нашем плене, столь несовместимом с обыкновением черных кенда?

Я не знал, на что они решатся, когда Регнолл увидит, что его смелая попытка оказалась напрасной, как, впрочем, я и думал. Единственное, что им оставалось, это попытаться бежать назад; но это было очень трудно.

Оставался еще Ханс. Тот, конечно, попытается вернуться нашим прежним путем, так как он никогда не забывал дороги, по которой однажды ездил. Через несколько недель от него в пустыне останется лишь кучка костей. Может быть, как он и полагал, он ушел уже к моему отцу и рассказывал ему теперь об этих событиях у веселого огня где-то в далеком неведомом краю. Бедный Ханс!

Я открыл глаза и огляделся вокруг себя.

Первое, что я заметил, было исчезновение моего двустольного пистолета и большого складного ножа. Я был теперь окончательно обезоружен. Потом я увидел Марута, сидевшего на полу и погруженного в молитву или глубокое раздумье.

— Марут, — сказал я, — кто-то был здесь ночью и похитил мой пистолет и нож.

— Да, господин, — ответил он, — и мой нож тоже исчез. Я видел, как

в полночь двое людей, крадучись как кошки, вошли сюда и обыскали все углы.

— Почему же ты не разбудил меня?

— Что было пользы, господин? Если бы мы оказали сопротивление, нас убили бы сразу. Лучше было не препятствовать им взять эти вещи, которые все равно бесполезны для нас.

— Пистолет бы мог оказать нам хорошую услугу, — многозначительно сказал я.

— Да, но и без него мы, когда понадобится, можем найти способ умереть.

— Ты думаешь, что Харут не знает о том, что мы в плену? Ведь курение, которое вы мне давали в Англии, могло бы указать ему...

— Это курение — пустая вещь, мой господин; оно на мгновение затемнило твой рассудок и помогло тебе видеть то, что было в нашем уме. Мы нарисовали картины, которые ты видел.

— А! — воскликнул я. — Значит, здесь было простое внушение. Тогда, безусловно, нас считают мертвыми и нам остается надеяться только на самих себя.

— И на Дитя, — мягко вставил Марут.

— Ну вот! — раздраженно воскликнул я. — После сказанного о вашем курении ты ожидаешь от меня веры в ваше Дитя? Кто или что это Дитя, и что оно может сделать? Ты можешь сказать мне чистую правду, потому что все равно нам скоро перережут глотки.

— Кто и что Дитя, я не могу сказать, ибо я сам не знаю этого. Но уже целые тысячелетия наш народ поклоняется ему, и мы верим, что наши отдаленные предки, изгнанные из Египта, принесли его в нашу страну. У нас есть свитки, на которых все записано, но мы не умеем их читать. Оно имеет своих наследственных жрецов, глава которых — мой дядя, Харут. Я вам еще не говорил, что он мой дядя. Мы верим, что Дитя — бог, или, вернее, символ, в котором живет бог, и что он может спасти нас в этом и в будущем мирах. Мы верим, что через оракула — женщину, которая называется Стражем Дитяти, — оно может предсказывать будущее и посылать благословения и проклятия на нас и наших врагов. Когда оракул умирает, мы становимся беспомощными, так как Дитя теряет язык, и наши враги начинают одолевать нас. Так было недавно, пока мы не нашли нового оракула.

— Последний оракул перед смертью объявил, что его преемник живет в Англии. Тогда мы с дядей отправились туда, переодевшись фокусниками, и искали того, кого нам нужно было, в течение многих лет. Мы думали, что

нашли нового оракула в лице прекрасной леди, которая вышла замуж за господина Игезу, потому что у нее на шее был знак молодого месяца. После нашего возвращения в Африку, — я могу рассказать вам все, как я уже говорил...

Здесь Марут остановился и посмотрел мне прямо в глаза, потом продолжал чистым звонким голосом, который тем не менее не убедил меня.

— Мы поняли, — говорил он, — что мы ошиблись, потому что настоящий оракул был обнаружен среди нашего собственного племени и теперь уже два года занимает свое высокое положение. Вне сомнения, последний оракул ошибался, рассказывая нам, что преемник находится в Англии. Эта женщина могла слышать об Англии от арабов. Вот и все.

— Хорошо, — сказал я, стараясь скрыть свое подозрение относительно личности этого нового оракула, — а теперь скажи мне, что это за бог Джана, убить которого вы привезли меня сюда? Слон ли есть бог — или бог есть слон, — какое ему дело до дитяти?

— Джана среди нас, кенда, является олицетворением мирового Зла, в то время как Дитя олицетворяет Добро. Джана то же, что Шайтан у магометан, Сатана у христиан и Сет у наших праотцов египтян.

— Ага, понимаю, — подумал я, — Дитя — это Гор, а Сет — злое чудовище, с которым оно вечно борется.

— Между Джаной и Дитятею вечная война, — продолжал Марут, — и мы знаем, что в конце концов один из них победит другого.

— Весь мир знал это с самого начала, — прервал я его. — Но кто же или что — этот Джана?

— У черных кенда Джана, или его символ, есть слон, огромное злое животное, которое при встрече убивает всех не поклоняющихся ему. Ему приносят жертвы. Живет он в лесу, но во время войны черные кенда пользуются им, так как этот демон повинует своим жрецам.

— Но ведь этот слон, вероятно, меняется?

— Не знаю. Он один и тот же в продолжение нескольких последних поколений, так как известен своей величиной и один из клыков его повернут книзу.

— Это ничего не доказывает, — заметил я, — слоны живут до двухсот лет и больше. Ты когда-нибудь видел его?

— Нет, Макумазан, — с содроганием ответил Марут. — Если бы я встретил его, разве был бы я теперь жив? Но я боюсь, что мне суждено увидеть его, и не мне одному, — прибавил он, снова содрогаясь.

В этот момент наш разговор был прерван появлением двух черных кенда, принесших нам еду — похлебку из вареной курицы.

Они стояли возле нас, пока мы ели. Что касается меня, я не жаловался, потому что я узнал все, что я хотел знать о богословских воззрениях и обычаях страны, и пришел к заключению, что ужасный бог-дьявол черных кенда был просто слонем необыкновенной величины и необыкновенной свирепости, за которым при других обстоятельствах я с удовольствием поохотился бы.

Аппетит был у нас плохой, и мы, наскоро позавтракав, вышли из дома и посетили стоявшую за ним хижину, где помещались наши белые кенда. Они сидели на корточках на земле и имели очень подавленный вид.

Когда я спросил их, в чем дело, они ответили:

— Ничего, только нам придется умереть, а жизнь так хороша.

У них были жены и дети, которых ни один из них не надеялся снова увидеть. Я попробовал как мог ободрить их, но, боюсь, сделал это без воодушевления, так как в глубине своего сердца чувствовал то же, что и они.

Мы вернулись в свой дом и поднялись по лестнице на его плоскую крышу.

Отсюда мы увидели странную церемонию, происходящую в центре рыночной площади.

На большом расстоянии, отделявшем нас от нее, подробности были плохо видны, а мой бинокль был похищен вместе с пистолетом и ножом, будучи, вероятно, также причислен к разряду смертоносных орудий.

Посреди площади был воздвигнут жертвенник, на котором горел огонь. Позади него сидел Симба, окруженный различными советниками. Перед жертвенником стоял деревянный стол, на котором лежало нечто похожее на тело козла или овцы. Фантастически одетый мужчина с несколькими другими был занят рассматриванием лежащего на столе. Результат рассматривания получился, очевидно, неудовлетворительным, потому что мужчина поднял руки и издал унылый вопль. Потом внутренности животного были брошены в огонь, а труп куда-то унесен.

Я спросил Марута, что, по его мнению, они делали.

— Советовались с оракулом, — печально ответил он, — быть может о том, жить ли нам или умереть, Макумазан.

В это время жрец в странном уборе из перьев приблизился к Симбе, держа в руке какой-то небольшой предмет.

Я раздумывал, что бы это могло быть, как вдруг звук выстрела долетел до моих ушей, и я увидел, что жрец начал скакать на одной ноге, держась за колено другой и громко завывая.

— Ага, — сказал я, поняв в чем дело, — он задел курок моего

пистолета, и пуля попала ему в ногу.

Симба что-то крикнул, после чего пистолет был брошен в огонь, вокруг которого собралась целая толпа посмотреть, как он будет гореть.

— Погоди, — сказал я Маруту, и пока говорил, произошло неизбежное.

От действия жара выстрелил другой ствол, и одновременно с выстрелом один из жрецов, окружавших жертвенник, повалился на землю, пораженный насмерть тяжелой пулей.

Ужас охватил черных кенда. Все бросились бежать, впереди всех Симба, а позади — главный жрец, прыгавший на одной ноге.

Это происшествие весьма обрадовало нас. Мы поспешно спустились вниз, опасаясь, что наше присутствие на крыше может раздражать этих дикарей. Минут через десять ворота ограды распахнулись и в них прошли четверо людей, несших труп убитого жреца, который был положен у наших дверей.

Потом появился Симба, окруженный сильной стражей, а за ним главный жрец с перевязанной ногой, поддерживаемый двумя своими коллегами.

На нем (только теперь я рассмотрел) была отвратительная маска с двумя клыками, похожими на клыки слона.

Симба вызвал нас из дому. Делать было нечего, мы вышли.

Видно было, что он обезумел от страха или ярости, или от того и другого вместе.

— Посмотрите на вашу работу, маги! — сказал он ужасным голосом, указывая на мертвого жреца и на раненного в ногу.

— Это не наша, а твоя работа, Симба, — ответил Марут, — ты украл магическое оружие белого господина, и оно отомстило за себя.

— Верно, — сказал Симба, — труба убила этого жреца и ранила другого. Но это вы, маги, приказали ей поступить так. Теперь слушайте! Вчера я обещал вам, что ни одно копье не пронзит вашего сердца и ни один нож не коснется вашего горла, и выпил с вами чашу мира. Но вы нарушили договор и его больше нет! Слушайте мое решение! Своим колдовством вы отняли жизнь у одного из моих слуг и ранили другого. Если в три дня вы не вернете жизнь убитому и не исцелите раненого (что вы можете сделать), вы последуете за убитым, но каким путем — я не скажу вам!

Когда я услышал это удивительное заявление, я содрогнулся в глубине души, но, находя по-прежнему, что лучше было притворяться непонимающим, я сдержался и предоставил отвечать Маруту.

— О царь! — с обычной улыбкой сказал Марут. — Кто может вернуть

жизнь мертвому? Даже у самого Дитяти нет средств для этого.

— Тогда, пророк Дитяти, постарайся найти это средство, иначе последуешь за убитым! — закричал Симба, дико вращая глазами.

— А что мой брат, великий пророк, обещал тебе вчера, Симба, если ты причинишь нам вред? — спросил Марут. — Не три ли великих проклятия, которые падут на голову твоего народа? Помни, если хоть один из нас будет убит, проклятие скоро осуществится. Я, Марут, пророк Дитяти, повторяю это!

Теперь Симба, казалось, окончательно обезумел. Он бешено прыгал перед нами, размахивая своим копьем. Серебряные цепи звенели на его груди. Он изрыгал проклятия на Дитя и его последователей, причинивших столько зла черным кенда. Он взывал о мести к богу Джане и молил его «пронзить Дитя своими клыками, разорвать хоботом, истоптать ногами».

Во всем этом через свою ужасную маску вторил ему раненый жрец.

Мы стояли перед ними, я — прислонившись к стене дома и стараясь казаться как можно беспечнее, Марут — по обыкновению улыбаясь и внимательно поглядывая на небо.

Мы слишком озябли, слишком ослабли и слишком были полны тяжелых подозрений и опасений для того, чтобы действовать более энергично.

Вдруг Симба обернулся к своей свите и приказал вырыть яму в углу нашего двора и зарыть в нее мертвого, оставив его голову наверху, «чтобы он мог дышать».

Приказание было немедленно исполнено. Потом, отдав распоряжение кормить нас по-прежнему и прибавив, что через три дня мы снова услышим о нем, он удалился со всей своей свитой.

Убитый был зарыт по шею в землю в сидячем положении. Около него были поставлены сосуды с пищей и водой и над ним было устроено перекрытие, «чтобы защитить нашего брата от солнца», как сказал один из устраивавших могилу другому.

Вид мертвого, а также голов павших в бою белых кенда (я забыл упомянуть о них), выставленных на шестах у дворца Симбы, производил тяжелое впечатление.

Но прикрытие, сделанное над мертвым, было излишним, так как солнце вдруг перестало сиять; тяжелые тучи покрыли небо, и наступил сильный холод, необыкновенный, по словам Марута, для этого времени года.

С крыши дома, куда мы ушли, чтобы быть подальше от мертвеца, мы видели на площади города толпы черных кенда, смотревших с

беспокойством на небо и обсуждавших между собой это необыкновенное изменение погоды.

День прошел; нам принесли еду, но у нас не было аппетита.

Благодаря низко нависшим тучам ночь наступила ранее обыкновенного. Мы улеглись спать.

С наступлением рассвета я увидел, что тучи стали еще темнее и плотнее, а холод еще больше, чем накануне. Дрожа от холода, мы отправились посетить наших белых кенда, которым стража не позволяла заходить в наш дом.

Войдя в их хижину, мы к своему ужасу увидели, что вместо трех их было теперь всего двое.

Я спросил, где третий. Они ответили, что ничего не знают о его судьбе. В полночь, рассказывали они, в их хижину явились люди, которые связали и куда-то утащили их товарища.

Мы вернулись в свой дом.

День прошел без особенных событий. В наш дворик приходили жрецы, осмотрели мертвеца, переменили сосуды с пищей и удалились.

Тучи становились все темнее, и воздух — все холоднее и холоднее.

Можно было ждать снега.

С крыши нашего дома мы видели население города Симбы, с увеличивающимся беспокойством обсуждавшее на улицах перемену погоды.

У шедших на полевые работы на плечи были накинuty циновки.

Эту ночь, несмотря на царивший холод, мы, закутавшись в ковры, проводили на крыше дома. Если бы нас решили схватить, здесь все-таки мы могли бы оказать некоторое сопротивление или, в крайнем случае, броситься вниз и разбиться насмерть.

Мы бодрствовали по очереди.

Около полуночи я услышал шум, доносившийся из хижины, стоявшей позади нашего дома, потом заглушённый крик, от которого у меня застыла кровь.

Через час на рыночной площади был зажжен огонь и вокруг него видны былидвигающиеся фигуры. Больше ничего нельзя было рассмотреть.

На следующее утро в хижине остался всего один белый кенда, который почти обезумел от страха. Бедняга умолял нас взять его в наш дом, так как он боялся остаться один с «черными демонами».

Мы попробовали было исполнить его просьбу, но появившаяся откуда-то вооруженная стража воспрепятствовала нам сделать это.

Этот день был точной копией предыдущего.

Тот же осмотр жрецами мертвого и перемена у него запаса пищи, тот же холод и покрытое тучами небо, те же толки о перемене погоды на рыночной площади.

Ночь мы снова провели на крыше, но на этот раз не смыкали глаз.

Над городом как будто нависло грядущее несчастье.

Казалось, что небо опускается на землю. Луна была скрыта тучами. На горизонте то с одной, то с другой стороны вспыхивали яркие зарницы. Не было ни малейшего ветра.

Казалось, что приближался конец мира, по крайней мере что касалось нашей области. Никогда в жизни я не переживал таких ужасов, как в эту достопамятную ночь. Если бы мне сказали, что с наступлением утра я буду казнен, думаю, я перенес бы это с более легким сердцем. Но хуже всего было то, что я ничего не знал. Я был похож на человека, которому приказывали идти с завязанными глазами в пропасть; он не мог знать, где кончается это путешествие, где та пропасть, которая поглотит его, но он на каждом шагу переживал муки смерти, готовый поглотить его.

Около полуночи мы слышали шум борьбы и заглушённый крик в хижине позади нашего дома.

— Его увели, — прошептал я Маруту, вытирая холодный пот, выступивший на моем лбу.

— Да, — ответил Марут, — скоро настанет и наш черед.

Мне очень хотелось видеть его лицо, чтобы знать, улыбается ли он при этих словах.

Через час на рыночной площади, как и накануне, появился огонь, вокруг которого двигались смутные фигуры.

К счастью, мы находились слишком далеко от площади, чтобы сквозь ночной мрак рассмотреть, что происходит там.

Вдруг поднялся сильный ветер, какой обыкновенно предшествует в южных частях Африки буре с грозой. Он дул около получаса, потом затих. Молнии со всех сторон прорезывали небо, и при свете их мы видели почти все население города Симбы, толпившееся на площади и указывавшее на небо.

Через несколько минут загредел сильный гром, что-то тяжелое ударилось о крышу около меня. Потом я почувствовал сильный удар в плечо, едва не сваливший меня с ног.

— Скорей вниз! — воскликнул я. — Они бросают в нас камнями.

Через десять секунд мы были в своей комнате. Я зажег спичку, коробка которых была оставлена у меня вместе с табаком и трубкой, и увидел

кровь, струившуюся по лицу Марута.

Но то, что было принято нами за камни, оказалось кусками льда в несколько унций весом.

— Град! — сказал Марут со своей обычной улыбкой.

— Это какая-то адская буря, — сказал я, — ибо кто когда видел подобный град?

Спичка потухла. Дальше разговаривать было невозможно, так как из-за рева внезапно разразившейся бури с необыкновенным градом ничего не было слышно.

К шуму бури и ударам града примешивались вопли и стоны людей.

Я начал опасаться разрушения нашего дома, но он был прочно выстроен и стойко выдерживал бешеные натиски бури.

Я уверен, что будь он крыт черепицей или железом, он ни за что бы не выдержал ее. Громадные градины разбили бы вдребезги черепицу и пробили бы железо, как бумагу. Со мной был подобный случай в Натале, когда убило градом мою лучшую лошадь. Но все-таки тот град был похож на снежинки по сравнению с этим.

Град продолжался не более двадцати минут, из которых десять были наиболее яростными.

Потом все утихло, небо совершенно прояснилось и взошла полная луна. Мы снова вышли на крышу.

Она на несколько дюймов была покрыта осколками льда, все кругом, насколько мог охватить глаз, было скрыто под пеленой глубокого снега.

Вскоре наступила нормальная температура, и снег с градом начал быстро таять, образуя потоки бегущей воды.

Мы видели мечущихся лошадей, вырвавшихся из своих разрушенных бурей конюшен, находившихся в конце рыночной площади. Повсюду валялись тела убитых и раненных необыкновенным градом и сорванными бурей крышами домов.

В момент начала бури на площади было около двух тысяч человек, собравшихся смотреть на жертвоприношение.

— Дитя мало, но сила его велика! — торжественно сказал Марут. — Взгляни, вот его первое проклятие!

Я посмотрел на него, но не стал спорить, так как он был глубоко убежден, что этот необыкновенный град и буря были посланы его Дитятей.

Я не понимал только, как он мог верить во все это. Потом я припомнил, что подобное наказание постигло древних египтян в период их расцвета за то, что они не дали «народу уйти»^[137]. Конечно, эти черные кенда были хуже, чем египтяне; и конечно, они нас не отпустят. Поэтому я

перестал удивляться фантазиям Марута.

Только на следующее утро мы смогли судить о размерах несчастья, выпавшего на долю черных кенда.

От их жатвы, обещавшей быть богатой, не осталось и следа.

Леса приняли настоящий зимний вид. На деревьях, протягивавших к небу свои оголенные ветки, не осталось ни одного листка. Огромное бедствие обрушилось на страну черных кенда.

Глава XIII. Джана

В это утро нам не принесли завтрак, вероятно потому, что некому было его принести. Но у нас от предыдущего дня осталось много разной пищи. Мы поели сколько могли и отправились посмотреть хижину, где помещались наши белые кенда. Она была совершенно пуста: последний ее обитатель исчез подобно своим товарищам.

— Они убили их! — сказал я Маруту.

— Нет, — ответил он, — их принесли в жертву Джане. То, что мы видели вчера на рыночной площади, было обрядом жертвоприношения. Теперь настал наш черед, Макумазан!

В бессильной ярости вернулся я с Марутом в дом.

В это время остатки тростниковых ворот распахнулись и в них показался король Симба в сопровождении жреца с простреленной ногой, на костылях, и остальной свитой, большинство которой было ранено вчерашним ураганом.

В порыве охватившего меня гнева я забыл, что скрывал от черных кенда знание их языка.

— Где наши слуги, убийцы? — закричал я, потрясая кулаками, прежде чем посетители собрались что-нибудь сказать. — Вы принесли их в жертву вашему дьявольскому богу? Если так, смотрите на плоды вашей жертвы! Куда делась ваша жатва? Чем вы будете жить в эту зиму?

При этих словах уныние охватило их; перед их глазами уже стоял признак наступающего голода.

— Зачем вы держите нас здесь? — продолжал я. — Или вы хотите еще худшего? Зачем вы теперь пришли сюда?

— Мы пришли посмотреть, вернул ли ты, белый человек, жизнь нашему жрецу, которого убил своим колдовством, — мрачно ответил Симба.

— Смотри, — сказал я, сбрасывая с мертвеца наброшенную мною накануне циновку, — смотри и будь уверен, что если ты не выпустишь нас, то прежде чем родится новая луна, все вы будете такими. Вот какую жизнь мы возвращаем злым людям, подобным тебе!

Ужас охватил наших посетителей.

— Господин, — сказал Симба, обращаясь ко мне с необыкновенным уважением, — твои чары слишком сильны для нас. Великое несчастье обрушилось на нашу землю. Сотни людей убиты ледяными камнями,

вызванными тобой. Наша жатва истреблена. Со всех концов нашей земли приходят вести, что почти все овцы и козы погибли. Скоро мы должны будем умереть от голода.

— Вы заслужили голодной смерти, — ответил я, — теперь дадите вы нам уйти?

Симба нерешительно посмотрел на меня и начал шептаться с хромоногим жрецом. Из их совещания я не уловил ни слова.

Хромоногий жрец был теперь без своей уродливой маски, но его типичное негритянское лицо стало еще отвратительнее. Видно было, что это хитрый, жестокий, способный на все человек.

Я чувствовал, что по отношению к нам он внушает зло своему повелителю.

Наконец Симба снова обратился ко мне.

— Мы хотели, господин, удержать тебя и жреца Дитяти заложниками белых кенда, которые всегда были нашими злыми врагами и причинили нам много незаслуженного зла, хотя мы свято хранили договоры, заключенные нашими дедами. Однако твои чары слишком сильны для нас. Поэтому я решил отпустить вас. Сегодня на закате солнца мы отведем вас на дорогу, ведущую к броду реки Тавы, которая отделяет нашу землю от земли белых кенда. Вы можете идти куда хотите. Мы не желаем больше видеть ваши зловеющие лица.

При этих словах мое сердце чуть не выпрыгнуло от радости, которая, однако, была преждевременной.

— Вечером! Почему не сейчас? — воскликнул я. — В темноте будет трудно переходить через незнакомую реку.

— Она неглубокая, господин, и брод найти не трудно. Кроме того, отправившись сейчас, вы придете к реке, когда будет уже темно, а выйдя на закате солнца, вы к утру достигнете брода. Наконец, мы не можем проводить вас туда, пока не похороним мертвых.

После этого Симба повернулся и, прежде чем я успел что-либо возразить, ушел в сопровождении остальных. В воротах хромоногий жрец обернулся на костылях и что-то прошептал своими толстыми, отвислыми губами; по всей вероятности, это было проклятие.

— Теперь мы будем свободны! — весело сказал я Маруту, когда все черные кенда ушли.

— Да, господин, — ответил он, — но где они намереваются дать нам свободу! Демон Джана живет в лесу на болотистых берегах реки Тавы и, говорят, неистовствует как раз по ночам.

Я ничего не возразил, но подумал, что таинственный слон может

оказаться далеко, а алтарь для жертвоприношений находится слишком близко.

Час за часом я следил за солнцем, пока оно не начало скрываться за западным лесом. Как раз в это время у ворот показался Симба в сопровождении двадцати вооруженных всадников, один из которых вел двух лошадей для нас.

Закончив сборы, заключавшиеся в припрятывании Марутом пищи в складки своего платья, мы вышли из проклятого дома, сели на лошадей и, окруженные конвоем, выехали на рыночную площадь, где стоял каменный жертвенник с торчащими из пепла обуглившимися костями.

Потом мы ехали северной улицей города.

У дверей домов стояли их обитатели, вышедшие посмотреть на наш отъезд.

Ненависть была написана на их лицах; они сжимали кулаки и тихо шептали нам вслед проклятия.

И неудивительно! Все они были вконец разорены; впереди их ждал голод. Они были убеждены, что мы — белый маг и пророк враждебного им Дитяти — навлекли на них все эти бедствия.

Я думаю, если бы не стража, они разорвали бы нас на куски.

При виде побитых градом полей и садов у меня сердце сжалось от жалости к их владельцам.

Проехав несколько миль через опустошенные поля, мы въехали в лес. Здесь было так темно, что удивительно, как наши проводники находили друг друга.

В этой темноте ужас охватил меня. У меня явилась мысль, что нас привели сюда для того, чтобы предательски убить. Каждую минуту я ожидал удара ножом в спину. Я уже собрался было дать шпоры лошади и попробовать бежать, но оставил эту идею, так как меня со всех сторон окружал конвой, и, кроме того, нехорошо было покидать Марута. Делать было нечего; оставалось ждать, чем все это кончится.

Наконец мы выехали из леса. Уже возшла луна, и при свете ее мы увидели, что находимся в болотистой местности с растущими кое-где отдельными деревьями. Здесь наш конвой остановился.

— Слезайте с лошадей и идите свои путем, злые люди, — угрюмо сказал Симба, — дальше мы не пойдем с вами. Идите по тропинке, она приведет вас к озеру. Перейдя через озеро, вы к утру достигнете реки, за которой живут ваши друзья. Но помните, эту дорогу охраняет некто, с кем опасно встречаться.

Едва он кончил, его люди стащили нас с лошадей, и через минуту все

они исчезли во мраке, оставив нас одних.

— Теперь, господин, мы должны идти дальше, — сказал Марут, — ибо если мы останемся здесь, то днем Симба и его люди вернутся сюда и убьют нас.

— Тогда вперед! — сказал я. — Но на что намекал Симба, говоря, что «некто охраняет этот путь».

— Я думаю, что он подразумевал Джану, — со стоном ответил Марут.

— Будем надеяться, что Джана далеко. Будь бодрее, Марут! Мы, наверно, не встретим ни одного слона в этих местах.

— Нет, господин, здесь бывает много слонов, — ответил Марут, указывая на следы на земле, — говорят, что они ходят умирать к озеру и это — один из путей, по которому они идут на смерть. Это — место, по которому не смеет ходить ни одно живое существо.

— Ох, — воскликнул я, — значит то, что я видел в видении в Англии, было правдой?

— Да, господин. Мой дядя Харут однажды, когда был молодым, заблудился на охоте и видел то, что его ум показывал тебе в видении и что мы увидим теперь, если доживем до того.

Марут был прав; много слонов проходило этой тропой, а один из них совсем недавно. Я, опытный охотник на этих животных, не мог ошибиться в этом.

Мы шли часа два, в продолжение которых встретили всего одно живое существо, большую сову, пролетевшую над самыми нашими головами. Эта сова, по словам Марута, была «шпионом Джаны». Мы достигли вершины подъема, откуда нашим глазам открылся печальный пейзаж, уже знакомый мне по видению в Регнолл-Кастле.

Он был еще пустыннее, чем представлялся мне тогда. Впереди лежало темное, спокойное озеро, поросшее по краям тростником. Вокруг него на значительном протяжении тянулся тропический лес. На востоке от озера лежала каменистая равнина.

Вид этой местности наполнил мою душу необъяснимым страхом.

Вспоминая подробности своего видения, я содрогался от одной мысли о необходимости пройти по берегу этого озера.

Я осмотрелся кругом.

Если идти налево, мы либо упремся в озеро, либо должны будем идти вдоль него, пока не достигнем леса, где наверняка заблудимся.

Направо вся земля была покрыта терновником и густой травой, непроходимой для пешеходов, особенно в ночное время.

Я оглянулся назад. Там, в нескольких сотнях ярдов от нас, за низкими

мимозами, смешанными с растениями, похожими на алоэ, появилось и исчезло что-то, похожее на хобот слона.

Тогда, отчаявшись сделать наилучший выбор и желая поскорей прийти к определенному решению, мы начали спускаться к озеру слоновой тропой. Минут через десять мы пришли к его восточному концу, где шепот тростника, колеблемого ночным ветром, придавал некоторую жизнь этому месту.

Кругом была бесплодная земля, на которой, казалось, ничто не могло произрастать. Повсюду лежали останки многих сотен слонов, из которых некоторые пали уже много лет назад, некоторые совсем недавно. Судя по клыкам, это были все старые животные. Их кости покрывали около четверти акра, и если бы удалось унести отсюда только хорошо сохранившиеся клыки, то можно было бы сделаться очень богатым человеком. Не будь я старый охотник, Аллан Квотермейн, если, избегнув теперь опасности, я не попытаюсь сделать это!

Потом мое внимание было привлечено тем, что я видел в видении — умирающим недалеко от нас от старости слоном.

Это престарелое, исхудавшее животное оглядывалось кругом, ища удобного места, и, найдя его, остановилось на минуту.

Потом умирающий слон поднял свой хобот, трижды протрубил и, опустившись на колени, затих. По-видимому, он был мертв. Я отвел от него глаза и вдруг ярдах в пятидесяти за ним увидел на скале очертания того самого дьявольского слона, которого видел в видении!

Ох, что это было за животное! Объемом и высотой оно вдвое превосходило самых больших слонов, виденных мною доселе.

Это был огромный до сверхъестественного представитель особенной породы, переживший, вероятно, Всемирный Потоп. Его черно-серые бока были испещрены шрамами. Один из его чудовищных клыков ярко блестел при свете луны; другой, сломанный наполовину, был неправильной формы, будучи отогнут не вверх, а книзу и немного вправо.

Перед нами стоял настоящий библейский Левиафан!^[138]

Я присел на корточки за покрытым мхом скелетом слона и, глядя на это необыкновенное животное, мечтал о крупнокалиберном ружье.

Что сделалось с Марутом — я не видел; кажется, он лежал простершись на земле.

В продолжение минуты, или более того, разные мысли приходили мне в голову.

Я думал, что трубный звук, произведенный умирающим, привлек сюда этого гиганта, который, вероятно, был царем среди слонов, призывавших

его в час своей кончины.

Постояв с минуту и потягивая воздух, Джана (я буду так называть его) направился к тому месту, где лежал слон, которого я считал уже мертвым. На самом деле он был еще жив и при приближении Джаны поднял хобот, как бы приветствуя его.

Но Джана, так же, как было в моем видении, бросился на умирающего и ударом в бок прикончил его.

Сделав это, не знаю, от злобы ли, или из желания прекратить страдания умирающего, он остановился и как будто задумался.

В это время я, к своему удовольствию, заметил, что ветер, тихо колебавший тростник у озера, дул по направлению от Джаны к нам.

Но точно по злобе судьбы, ярдах в ста справа от нас, среди камней промелькнула какая-то тень, похожая на слона.

Джана насторожил свои широкие уши, задрожал всем своим огромным телом и начал тщательно обнюхивать воздух.

— Господи! — подумал я. — Он почуял нас...

Чтобы утешить себя, я надеялся, что наше присутствие еще не открыто.

Но напрасно!

Джана был стреляный воробей.

Он захрюкал и двинулся, как товарный поезд, по направлению к нам, тщательно обнюхивая со всех сторон землю и воздух.

Десять раз я прицеливался в него из воображаемого ружья, делая это совершенно автоматически.

— Что будет со мною? — думал я в это время. — Пронзит ли он меня своими клыками, подбросит ли высоко в воздух или раздавит тяжелыми ногами?

— Жрецы Джаны велели ему убить нас, — дрожащим шепотом сказал Марут, — но прежде чем умереть, я хочу сказать, что леди, жена лорда...

— Тише, — прервал я его, — Джана услышит нас.

Я посмотрел на Марута и только теперь заметил, какая перемена произошла в его лице. На нем уже не было обычной улыбки. Оно побледнело и осунулось, как у покойника, умершего по крайней мере три дня тому назад.

Я был прав. Джана почуял нас. Он шел прямо к нам, вытянув вперед свой чудовищный хобот.

Марут не мог вынести этого зрелища. Он вскочил и бросился бежать к озеру, надеясь найти спасение в воде.

Ох, как он бежал!

За ним со скоростью паровоза помчался Джана, трубя в свой хобот. Достигнув озера, Марут бросился в воду и поплыл от берега.

— Теперь, — думал я, — ему удалось спастись, если он не попадется крокодилам.

Но Джана был тоже хорошим пловцом.

С сильным всплеском он бросился в воду и поплыл за Марутом.

Увидев это, Марут быстро повернул к берегу, выиграв немного времени этим маневром.

Выбравшись на берег и лавируя между скалами, Марут, к великому моему ужасу, побежал прямо ко мне. Не знаю, сделал ли он это случайно или в безумной надежде найти около меня защиту...

Вдруг он остановился и, повернувшись лицом к настигающему его Джане, крикнул ему что-то вроде проклятия, в котором я разобрал лишь одно слово: Дитя!

Странно, но это произвело известный эффект.

Джана остановился в нескольких шагах от Марута и, казалось, понял эти слова, которые привели его в необыкновенную ярость.

Издавая ужасные крики, он бешено хлестал себя хоботом по бокам, злобно вращая своими красными глазами. Пена била из его открытого рта.

Потом он бросился вперед...

На мгновение я закрыл глаза, и, когда я их снова открыл, Марут был уже высоко в воздухе; в следующий момент он упал вниз, с ужасным звуком ударившись о землю.

Джана подошел к нему и, убедившись, что он мертв, осторожно поднял его своим хоботом.

Я молил Бога, чтобы он поскорей удалился со своей жертвой.

Но тщетно!

Медленно шагая и покачивая тело бедного Марута, как нежная кормилица ребенка, чудовище направилось прямо ко мне, вероятно все время чуя мое присутствие.

В продолжение некоторого времени, показавшегося мне целым столетием, слон стоял надо мной, как бы изучая меня.

Озерная вода освежающей струей лилась из его хобота прямо мне на спину.

Если бы не она, я наверняка лишился бы чувств.

Я счел наилучшим притвориться мертвым, надеясь, что, может быть, тогда Джана не тронет меня.

Чуть-чуть приоткрыв один глаз, я видел, как он поднял надо мной свою огромную лапу, и мысленно простился с жизнью.

Однако, слегка коснувшись моей спины, он поставил свою ногу обратно на землю. Потом, бережно положив рядом со мной останки Марута, Джана начал ощупывать меня с головы до ног концом своего хобота.

Дойдя до ног, он, точно железными щипцами, ущипнул меня, вероятно чтобы убедиться, не притворяюсь ли я.

Я не пошевелился, хотя вместе с куском материи он оторвал изрядную порцию моей собственной кожи.

Это, казалось, озадачило Джану; он поднял конец своего хобота, как бы желая рассмотреть оторванный лоскуток при свете луны.

Результат осмотра получился неудовлетворительный (на материи, вероятно, была кровь); Джана поднял уши и уже приготовился покончить со мной...

Вдруг в нескольких ярдах от меня прогремел выстрел. Я посмотрел вверх и увидел кровь, струившуюся из левого глаза чудовища, куда, очевидно, попала пуля.

Страшно завыв от боли, Джана повернулся и бросился бежать...

Глава XIV. Погоня

Кажется, на минуту или две я потерял сознание. По крайней мере, я припоминаю странный, длительный сон. Мне грезилось, что все лежавшие вокруг меня бесчисленные скелеты слонов поднялись, выстроились в ряд и преклонили передо мной колена, так как я был единственным человеком, избегнувшим смерти от Джаны.

Потом сквозь обрывки этого сновидения я услышал голос Ханса, которого напрасно считал погибшим.

— Если баас жив, — говорил он, — пусть он проснется, прежде чем я окончу заряжать Интомби, так как надо торопиться уходить отсюда. Кажется, я попал Джане в глаз; но это очень большое животное, а пуля из Интомби слишком мала, чтобы убить его. Кроме того, трудно ждать, что кто-либо из нас снова попадет ему в другой глаз.

Я поднялся и увидел перед собой Ханса, выглядевшего по-старому, только немного грязнее обыкновенного. Он только что окончил заряжать «Интومби».

— Зачем ты здесь, Ханс? — спросил я его глухим голосом.

— Конечно, затем, чтобы спасти бааса от дьявола Джаны, — ответил старый готтентот и, прислонив ружье к скале, опустился рядом со мной на колени, обхватил меня руками и начал плакать, приговаривая: — Как раз вовремя, баас! Слава Богу, я подросел как раз вовремя. Теперь надо поскорей уходить отсюда. У меня вон там, за большим камнем, стоит привязанный верблюд. Он может нести на себе двоих, потому что отдохнул за четыре дня и вдоволь поел травы. Этот демон Джана наверняка скоро вернется сюда.

Я ничего не возразил, но только посмотрел на бедного Марута, лежавшего как будто во сне.

— Ох, баас, — сказал Ханс, — о нем нечего беспокоиться: у него сломана шея и он совершенно мертв. Но это хорошо, — весело прибавил он, — потому что верблюд не смог бы нести троих. Кроме того, если Марут останется здесь, быть может, Джана, вернувшись сюда, начнет играть им вместо того, чтобы преследовать нас.

Бедный Марут! Какой реквием пел над ним Ханс!

Бросив последний взгляд на останки этого несчастного человека, к которому я успел привязаться за время нашего плена, я оперся на плечо старого Ханса, так как чувствовал себя слишком слабым, чтобы идти

самостоятельно, и пошел с ним через плато по направлению к востоку от озера, лавируя между камнями и бесчисленными скелетами слонов.

В двухстах ярдах от места трагедии находилась группа скал, похожая на ту, откуда появился Джана, только немного поменьше ее. За ней мы нашли стоящего на коленях верблюда, привязанного к скале.

По дороге Ханс вкратце рассказал мне свою историю. Застрелив одного из вождей черных кенда, он счел за лучшее остаться на свободе, нежели разделять с нами плен, и решил, что в случае, если я буду убит, он отомстит моим убийцам. Таким образом, он, как было уже описано, бежал незамеченным и до наступления ночи укрывался на склоне холма. Потом, при свете луны, он следовал за нами, обходя деревни, и наконец нашел убежище в пещере недалеко от города Симбы, в лесу, где никто не жил. Здесь по ночам он пас своего верблюда, пряча его в пещере при наступлении зари. Дни он проводил, сидя на высоком дереве, откуда мог наблюдать за всем происходившим в городе. Питался он хлебными зернами, которые собирал на соседнем поле. Кроме того, у седла его верблюда оказался мешок с некоторым количеством провизии. Ханс видел все, что происходило в городе, включая опустошения, произведенные бурей с градом, от которой он со своим верблюдом укрылся в пещере.

Видя, что нас с Марутом увозят из города, он оседлал верблюда и отправился следом за нами, скрываясь в лесу.

Оставивший нас конвой на обратном пути проехал вблизи него. Ханс подслушал, что мы с Марутом обречены погибнуть от Джаны, которому уже принесены в жертву пленные белые кенда. Потом он последовал за нами. По всей вероятности, оглядываясь назад, я ошибочно принимал мелькавшую за деревьями голову верблюда за хобот слона. Ханс видел, как мы спустились к берегу озера и все последовавшее за этим. Когда Джана направился к нам, он незаметно пробрался вперед в безумной надежде тяжело ранить чудовище пулей из своего маленького ружья. Он уже собрался выстрелить в тот момент, когда Марут бросился в воду, но тогда было трудно прицелиться в наиболее уязвимое место. Такой случай представился лишь тогда, когда Джана уже занес надо мной свою ногу и подставил под выстрел левый глаз. Только пуля, вопреки надежде Ханса, не достала до мозга. Но все-таки, выбив Джане левый глаз, она причинила ему такую сильную боль, что он забыл обо мне и поспешил поскорее убраться.

Таков был рассказ старого готтентота, который он передал мне на своем лаконичном голландском наречии. Я не знаю, что было бы со мною, если бы Ханс не подоспел вовремя.

Подойдя к верблуду, мы на минуту замешкались около него. Я выпил

для подкрепления глоток спирта из фляги, которая нашлась в мешке, привязанном к седлу верблюда.

Несмотря на свое сильное пристрастие к крепким напиткам, Ханс сохранил ее, рассчитывая, что со временем она может пригодиться мне, ею господину.

Мы сели на верблюда; Ханс впереди, чтобы править им, я позади на овечьих шкурах, оказавшихся, к счастью, довольно мягкими, так как щипок Джаны причинял мне сильную боль.

Мы поехали слоновой тропой, надеясь, что она приведет нас к реке Таве. Скоро кладбище слонов осталось далеко позади нас; за ним и озеро скрылось из виду.

Тропинка шла вверх к подобию хребта, лежавшего в двух или трех милях впереди нас.

Мы достигли хребта без особенных приключений.

По пути нам встретилась престарелая слониха, направлявшаяся, вероятно, к месту своего последнего успокоения. Не знаю, кто больше испугался: старая слониха или наш верблюд. Оба бросились друг от друга в разные стороны, и мы едва не очутились на земле. Но вскоре наш верблюд оправился от своего испуга. С вершины подъема перед нами открылась песчаная равнина, кое-где поросшая травой. Милях в десяти впереди при свете луны блестели воды широкой реки.

Мы снова двинулись вперед. Проехав около четверти мили, я случайно оглянулся назад. Господи, что я увидел!

На самой вершине подъема, отчетливо обрисовываясь на небе, стоял Джана с поднятым кверху хоботом. В следующий момент он яростно затрубил.

— Allemagte!^[139] — воскликнул Ханс. — Старый дьявол заметил нас своим последним глазом. Он следовал за нами по пятам.

— Вперед! — ответил я, пришпоривая верблюда.

Скачка началась.

У нас был хороших беговой верблюд. Он действительно был, как говорил Ханс, сравнительно свежим и, кроме того, чувствовал близость родных равнин. Он мчался как ветер, неся на себе ношу, фунтов на двести превосходящую привычную для него. Вероятно, кроме упомянутых причин его подгоняла близость преследовавшего нас слона. Милю за милей неслись мы по равнине. Джана следовал за нами, как крейсер за маленькой канонеркой.

С каждой новой сотней ярдов он на несколько ярдов приближался к нам.

Через полчаса, показавшихся нам целой неделей, когда до реки уже оставалось не более мили, он бежал ярдах в пятидесяти за нами. Я оглянулся назад; при свете луны Джана представился мне величиной с целый дом.

— Мы должны уйти от него, — сказал я, глядя на широкую реку, которая была уже совсем близко.

— Да, баас, — неуверенно ответил Ханс, — верблюд у нас хороший; бежит он очень быстро, потому что слышит запах своих за рекой, не говоря уже об опасности за собой. Но этот дьявол Джана бежит еще быстрее его. Я вижу на пути камни; это плохо для верблюда. Не знаю, умеет ли он плавать, но мы видели, что Джана хорошо умеет делать это. Не попробовать ли, баас, ранить его в хобот или в колено?

— Замолчи, глупец, — раздраженно сказал я, — какой толк стрелять через плечо в огромного слона из ружья, годного только на козла. Лучше погоняй верблюда.

Увы! Ханс был прав.

Берег и дно реки были усеяны камнями, и верблюд, столь быстрый в беге по песку, оказался беспомощным среди камней.

Но для Джаны они не были большим препятствием. Когда мы достигли берега, он был не более чем в десяти ярдах от нас. Я ясно видел кровь, струившуюся из того места, где у него прежде находился левый глаз.

При виде пенящегося, хотя и неглубокого потока, наш верблюд, не привыкший к воде, остановился в нерешительности.

К счастью, в этот момент Джана снова затрубил в свой хобот. Это побудило нашего верблюда двинуться вперед: слон для него был страшнее воды.

Он медленно шел, спотыкаясь о камни, устилавшие дно реки, которая в этом месте была не более четырех футов глубиной. Джана был уже в пяти ярдах от нас.

Я обернулся назад и выстрелил в него из нашего маленького ружья. Попал я или нет — не могу сказать, но слон остановился на некоторое время, вероятно вспомнив действие подобного звука на свой глаз.

Потом он снова, как паровоз, двинулся за нами.

Когда мы были уже на середине реки, случилось неизбежное. Верблюд споткнулся и упал, и мы оба через его голову полетели в бегущий поток. Все еще сжимая ружье в руке, я бросился вброд к противоположному берегу, держась за Ханса свободной рукой.

Почти в тот же момент Джана настиг верблюда. Он пронзил его своими клыками, топтал ногами и, обхватив хоботом его шею, почти

вытащил его из воды.

Тем временем мы выбрались из воды на противоположный берег и взобрались на высокое дерево. Там, футах в тридцати от земли, мы сидели, затаив дыхание, и ждали, что будет дальше.

Покончив с верблюдом, Джана последовал за нами и без труда отыскал нас.

Некоторое время он ходил вокруг дерева, как бы обдумывая, что предпринять. Потом, обхватив хоботом ствол дерева, он попытался вырвать его из земли. Но это дитя леса, уже сотни лет оказывавшее сопротивление бурям и воде, только сотряслось. Признав эту попытку бесполезной, Джана попробовал подрывать клыками корни дерева. Но и здесь он потерпел неудачу, так как они росли среди камней. С глухим яростным ворчанием Джана сделал третью попытку. Став на задние ноги, он всею тяжестью своего огромного тела обрушился на ствол дерева передними ногами футах в двенадцати — тринадцати над землей. Удар был очень силен. В первый момент я думал, что дерево будет вырвано с корнем или разломится пополам.

Но, слава Богу, оно устояло, хотя сотряслось так сильно, что мы с Хансом едва не полетели на землю, как яблоки осенью. Я думаю, что свалился бы, если бы меня не удержал ловкий как обезьяна Ханс, умевший держаться ногами также хорошо, как и руками. Трижды Джана повторял этот маневр. На третий раз я, к своему ужасу, увидел, что корни дерева начали ослабевать.

Уже слышался зловещий треск.

К счастью, Джана не заметил этих симптомов. Он оставил свой план и задумчиво стоял, помахивая хоботом.

— Ханс, — прошептал я, — заряди поскорей ружье. Я выбью ему другой глаз.

— Порох подмочен, баас, — простонал Ханс, — вода попала в него, когда мы упали в реку.

Через несколько минут Джана решил сделать последнюю попытку. Подойдя вплотную к дереву, он стал на задние ноги, передними уперся в ствол и, вытянув вверх свой хобот, начал обламывать ветви и сучья, которые росли между ним и нами.

— Я думаю, что он не достанет до нас, если не принесет камень и не встанет на него, — заметил я.

— Ох, баас, не надо говорить этого громко, — ответил Ханс, — иначе Джана подслушает нас и действительно принесет камень.

Хотя это казалось вздором, но кто знает, быть может, это чудовище

понимало человеческую речь.

Мы взобрались как можно выше и ждали, что будет дальше.

Покончив с ветками, Джана начал вытягивать по направлению к нам свой длинный хобот.

Фут за футом он приближался к нам и скоро был всего в нескольких дюймах от моих ног и войлочной шляпы Ханса.

Мгновение — и шляпа исчезла в красном отверстии рта Джаны. Я полагаю, что он проглотил ее, так как она не возвратилась обратно.

Потеря шляпы привела Ханса в ярость.

Осыпая Джану проклятиями, он вытащил свой нож и приготовился.

Снова длинный коричневый хобот потянулся к нам. Очевидно, Джана теперь приспособился лучше, так как хобот приблизился к нам на несколько дюймов ближе прежнего. Конец его, как змея, обхватил сук, на котором сидел я.

Ханс быстро наклонился, нож блеснул на восходящем солнце, и в одно мгновение конец хобота, как бабочка булавкой, был пригвожден к дереву.

Джана, издавая жалобные крики, пробовал осторожно освободить свой хобот.

Но тщетно! Ханс крепко держал рукоятку ножа. Наконец Джана энергично рванулся назад и вырвал свой хобот, разрезав его конец пополам и оставив нож в дереве. Потом он взял конец хобота в рот, начал сосать его, как сосут обрезанный палец, и, рыча в бессильной ярости, бросился в реку, перешел ее вброд и скоро исчез из вида. Посылая вслед Джане проклятия, Ханс требовал у него возвращения своей шляпы.

Вероятно, во всю свою жизнь я не видел зрелища более приятного, чем мелькание хвоста удалявшегося чудовища.

— Теперь, баас, — смеясь говорил Ханс, — старый дьявол получил достаточно, чтобы не забыть нас. Я думаю, нам следует поскорей уйти отсюда, прежде чем он одумается и вернется назад с длинной палкой, чтобы сбить нас с дерева.

Мы двинулись в путь с поспешностью, какую только допускали мои застывшие члены и общее состояние. К счастью, у нас не было сомнения относительно выбора пути, так как сквозь утренний туман на горизонте ясно обрисовывались очертания холма, который белые кенда называли «Священной Горой» или «Домом Дитяти». Казалось, что до него не более двадцати миль, но в действительности оказалось значительно больше, так как часа через два пути мы мало приблизились к нему. Это был ужасный путь. Силы мои были окончательно исчерпаны всеми пережитыми ужасами. К тому же рана от щипка Джаны, воспалившаяся от верховой

езды на верблюде, причиняла мне нестерпимую боль.

Первый десяток миль мы шли необитаемыми местами. Потом нам стали попадаться стада мелкого скота и верблюдов; их пастухи, по всей вероятности, скрывались в высокой траве. После этого мы шли полями, засеянными злаками, которые, как я заметил, совершенно не пострадали от града, ограничившегося, очевидно, только землей черных кенда. Дальше мы увидели отдельные хижины. Их обитатели вскоре заметили нас и бежали, как бы охваченные испугом.

Наконец мы подошли (я медленно плелся, опираясь на плечо Ханса) на расстояние ружейного выстрела к огороженной деревне.

Я полагаю, что жители ее были предупреждены беглецами из хижин о нашем приближении, потому что человек тридцать мужчин, вооруженных копьями и другим оружием, кольцом окружили нас с явно враждебными намерениями.

Я закричал им, что мы друзья Харута и всех почитателей Дитяти. Нам ответили, что мы лжецы, ибо из страны черных кенда, поклонников демона Джаны, не могут прийти друзья.

Я попробовал убедить их, что мы менее всех в мире являемся почитателями Джаны, который преследовал нас в продолжение нескольких часов, но они слушать нас не хотели.

— Вы шпионы Симбы, — кричали они, — запах Джаны на вас (это была, пожалуй, правда). Мы убьем тебя, белый козел, и тебя, маленькая желтая обезьяна! Из земли черных кенда к нам могут прийти только враги!

— Если убьете нас, — ответил я, — вы навлечете на себя проклятие Дитяти. Голод, град и войну!

Эти слова произвели на нападавших некоторое впечатление. По крайней мере, они на время оставили свое намерение убить нас.

Наконец, после некоторого колебания, сторонники убийства одержали верх, и все окружавшие нас воины начали плясать, потрясая копьями и крича, что мы должны умереть как пришельцы от черных кенда.

Я сел на землю, так как совсем выбился из сил. В это время мне было совершенно безразлично, жить или умереть.

Ханс с ножом в руках стоял около меня, осыпая белых кенда теми же проклятиями, какими осыпал Джану. Постепенно они все ближе и ближе подходили к нам. Я уже закрыл глаза, чтобы не видеть блеска оружия, которое должно было поразить нас; вдруг восклицание Ханса заставило меня снова открыть их.

Бросив взгляд в том направлении, куда он указывал мне протянутым ножом, я увидел отряд всадников на верблюдах, поспешно мчавшихся к

нам.

Впереди их в белой одежде, развевавшейся по ветру, ехал бородатый предводитель, в котором я узнал Харута, кричавшего и размахивавшего копьем. Нападавшие на нас тоже увидели всадников и опустили оружие, повинувшись восклицанию Харута, которого я не разобрал. Последний направил своего верблюда прямо на одного из нападавших, бывшего, по-видимому, предводителем остальных, и в гневе ударом копья нанес ему рану в плечо, заставив свалиться на землю.

— Собака! — закричал при этом Харут. — Ты хотел причинить зло гостям Дитяти!

Дальше я ничего не слышал, потому что лишился чувств.

Глава XV. Обитатель пещеры

После этого мне казалось, что я спал долгим, беспокойным сном. Я не могу припомнить тех странных вещей, которые пригрезились мне. Наконец я открыл глаза и увидел, что лежу в большой прохладной комнате восточного характера на низкой кровати, возвышавшейся дюйма на три над полом.

В комнате не было окон, заменявшие их отверстия в стенах прикрывались висячими циновками, которые легко можно было открыть. В такое оконное отверстие я увидел покрытый лесом склон лежавшего недалеко холма. Он напомнил мне нечто, связанное с Дитятей. Что именно — я не мог вспомнить. Размышляя об этом, я услышал осторожные шаги и, обернувшись, увидел Ханса, вертевшего в руках новую соломенную шляпу.

— Ханс, — сказал я, — где ты взял это новую шляпу?

— Мне дали ее здесь, — ответил он. — Баас помнит, что дьявол Джана съел мою старую?

Тут память постепенно начала возвращаться ко мне. Ханс продолжал вертеть свою шляпу в руках, что немного раздражало меня. Я велел ему надеть ее на голову и спросил, где мы находимся.

— В городе Дитяти, куда бааса перенесли после того, как он едва не умер. Это очень хороший город. Здесь много пищи, хотя баас уже три дня спал и не ел ничего, кроме нескольких ложек молока и супа, которые баасу влили в горло, когда он на минуту очнулся.

— Я был сильно утомлен и нуждался в продолжительном покое, Ханс. А теперь я чувствую голод. Скажи мне, здесь ли лорд Регнолл и Бена или они погибли?

— Они живы и здоровы, баас, и все наше имущество цело. Они были с Харутом, когда он выручил нас, но баас потерял сознание и потому не видел их. С тех пор они ухаживали за баасом.

В это время в комнату вошел Сэвидж, принесший мне на деревянном подносе суп.

— Добрый день, сэр! — приветствовал он меня. — Я очень рад снова видеть вас с нами, особенно после того, как мы считали вас и Ханса мертвыми.

Я поблагодарил Сэвиджа и, съев суп, попросил его приготовить мне что-нибудь посущественнее, так как почти умирал от голода. Он ушел исполнять мою просьбу. Ханса я услал за лордом Регноллом.

После их ухода пришел Харут. Он важно поклонился мне и уселся по-восточному на циновку.

— Должно быть, сильный дух живет в тебе, мой господин Макумазан, — сказал он, — ибо ты жив, хотя мы были уверены в твоей смерти.

— Да, ты ошибся, мой друг Харут. Твоя магия мало помогла тебе.

— Однако магия, как ты это называешь, сделала свое дело, Макумазан. Я был ранен в колено и так утомлен, что в первые два дня после прибытия сюда не мог взойти на гору и обрести свет от глаз Дитяти. Но на третий день я сделал это, и оракул рассказал мне все. Я поспешно сошел с горы, собрал людей и как раз вовремя выехал навстречу тебе. Те глупцы уже поплатились за намерением причинить тебе зло, господин. Да, Джана оказался сильнее моего брата и остальных. Только ты и твой слуга смогли одолеть его.

— Это не так, Харут. Скорее он одолел нас. Нам удалось только бежать от него, выбив ему глаз и поранив конец хобота.

— И это много по сравнению с тем, что удалось сделать другим в продолжение многих поколений. Но это только начало. Конец Джаны близок, и падет он от твоей руки.

— Значит, он появляется на земле белых кенда?

— Да, Макумазан. Он или его дух — не знаю кто. Дважды в своей жизни я видел его на Священной Горе, но как он приходит и уходит — никто этого не знает. Но я скажу: пусть причинивший Джане зло остерегается его!

— Пусть Джана тоже остерегается меня, если я встречу его с хорошим ружьем в руках. Но вот что, Харут. Перед гибелью твой брат Марут начал говорить мне что-то о жене лорда Регнолла. Тогда мне было не до этого, но из его слов я заключил, что леди Регнолл находится на Священной Горе.

— Либо ты не понял Марута, мой господин, либо мой брат бредил от страха, — отвечал Харут, лицо которого при этом приняло каменное, бесстрастное выражение. — Прекрасной леди нет на Священной Горе. Но позволь мне сказать, что никто, кроме жрецов Дитяти, не может ступить на эту гору. Кто попыбует сделать это, тот умрет, ибо гору охраняет страж, который страшнее Джаны. Не спрашивай меня о нем: больше я ничего не скажу. Но если ты и твои друзья дорожите жизнью, не пытайтесь даже взглянуть на этого стража!

Видя, что продолжать разговор об этом бесполезно, я перевел его на град, побивший поля черных кенда.

— Я знаю об этом, — сказал Харут, — это — первое проклятие Дитяти, моими устами обещанное Симбе и его народу. Вторым будет голод,

а он уже близок, ибо запасы хлеба у черных кенда приходят к концу и большая часть их скота побита градом.

— Не имея запаса, они попытаются напасть на вашу страну, Харут, и отобрать у вас хлеб.

— Да, господин, они конечно попытаются сделать это, и тогда исполнится третье проклятие, проклятие войны. Все это предусмотрено, Макумазан, и ты здесь для того, чтобы помочь нам в этой войне. В вашем багаже есть много ружей, пороху и свинца. Вы должны научить наш народ стрелять из ружей, чтобы мы могли уничтожить черных кенда.

— Ну нет, — спокойно ответил я, — я пришел к вам, чтобы убить большого слона и получить за это слоновую кость, а не для того, чтобы сражаться с черными кенда. Этого уж довольно с меня. Кроме того, ружья принадлежат не мне, а лорду Регноллу, который, быть может, назначит за них свою цену.

— С лорда Регнолла, пришедшего сюда против нашей воли, мы сами можем спросить плату за сохранение его жизни. Пока прощай, мы поговорим потом, так как ты еще болен и слаб. Но прежде чем уйти, я еще раз повторяю: если вы хотите по-прежнему глядеть на солнце, не пытайтесь ступить ногой в лес, растущий на Священной Горе!

С этими словами он поднялся, важно поклонился мне и ушел, оставив меня наедине со своими мыслями.

Вскоре после этого вернулись Сэвидж и Ханс и принесли мне превосходно приготовленный обед.

Я ел с большим аппетитом. Едва остатки еды были унесены, как пришел лорд Регнолл.

Мы горячо поздоровались, как люди, уже потерявшие надежду встретиться на этом свете. Я спросил, что они делали все это время. Лорд Регнолл ответил, что ничего достойного упоминания.

Город мал, жителей в нем не более двух тысяч. Занимаются они земледелием и разведением верблюдов. Единственным человеком, с которым они могли объясниться, был Харут, говоривший на ломаном английском языке. Он говорил, что гора — священное место, посещаемое только жрецами. В городе не видно этих жрецов. Но на склоне горы бывают видны люди, которые пасут в небольшом количестве овец и коз в лесу, растущем на этом склоне. Кто живет на горе — неизвестно. Лорд Регнолл печально прибавил, что он уже потерял надежду найти здесь какой-либо след своей утраченной жены. Я повторил ему слова Марута, конца которых я, к сожалению, не слышал. Это, казалось, влило в него новую жизнь. Но что предпринять в дальнейшем?

Прошла целая неделя.

За это время я почти совсем оправился. Только одно обстоятельство оставляло меня по-прежнему беспомощным. Рана, причиненная щипком Джаны, зажила, но воспаление ее задело нерв левой ноги, некогда поврежденной львом. Это вызывало такую боль, что я принужден был оставаться в постели и довольствоваться тем, что мою кровать выносили в небольшой сад, окружавший построенный из глины выбеленный дом, в котором мы жили. Там я лежал целыми часами, глядя на Священную Гору, возвышавшуюся ярдах в пятистах от нас.

Начиная от подошвы, на протяжении мили ее склон был покрыт травой с разбросанными кое-где отдельными деревьями. В бинокль было видно, что в одном месте он образует отвесную стену, идущую футов на сто в высоту вокруг всей горы. За стеной начинался густой лес, покрывавший гору до самой вершины.

Однажды, когда я был поглощен рассматриванием горы, в сад внезапно вошел Харут.

— Не правда ли, дом бога красив? — сказал он.

— Очень, — ответил я, — но как взбираются на гору по этой отвесной стене?

— По ней невозможно взобраться, но есть дорога, по которой ходят на гору поклонники Дитяти. Но я уже говорил тебе, Макумазан, что все чужестранцы, пытающиеся идти этой дорогой, находят смерть. Пусть попробуют те, кто не верит мне, — многозначительно прибавил он. Потом, осведомившись о моем здоровье, он сообщил, что до него дошли слухи о приближающемся голоде в земле черных кенда.

— Скоро они захотят собрать вашу жатву своими копьями, — заметил я.

— Да, Макумазан. Поэтому поправляйся скорее, чтобы быть в состоянии прогнать этих воронов ружьями. Через четырнадцать дней в нашей земле должна начаться жатва. Я должен уйти на гору дня на два. Прощай и не бойся. Во время моего отсутствия мой народ будет доставлять вам пищу и оберегать вас. Я вернусь на третий день.

После отъезда Харута глубокое уныние охватило нас. Приуныл даже Ханс. Что касается Сэвиджа, он выглядел, точно осужденный на смертную казнь. Я попробовал ободрить его и спросил, что с ним.

— Не знаю, мистер Квотермейн, — ответил он, — мне кажется, что я навсегда останусь в этой проклятой дыре.

— Но, по крайней мере, здесь нет змей, — пошутил я.

— Нет, мистер Квотермейн. Я их еще не встречал, но они постоянно

по ночам ползают около меня. Всякий раз, когда я встречаюсь с этим пророком, он говорит мне о них.

С этими словами Сэвидж ушел, чтобы скрыть свое сильное волнение.

В этот вечер вернулся Ханс, которого я послал обойти гору вокруг и узнать, что она представляет с другой стороны. В этом предприятии он потерпел полную неудачу. Пройдя несколько миль, он встретил людей, приказавших ему вернуться обратно. Они так угрожающе вели себя, что если бы не ружье «Интомби», которое Ханс взял с собой под предлогом охоты на козлов и к которому белые кенда питали больше уважение, они убили бы его. Вскоре после этой неудачной попытки мы, серьезно обсудив положение дел, пришли к определенному решению, о котором я скажу дальше.

Если память не изменяет мне, как раз по возвращении Харута со Священной Горы произошел весьма интересный случай.

Наш дом был разделен на две комнаты перегородкой, идущей почти до самой крыши. В левой комнате спали Регнолл с Сэвиджем, в правой Ханс и я.

На рассвете меня разбудил возбужденный разговор Сэвиджа и его господина. Через минуту они вошли в мою комнату.

При слабом освещении я увидел, что лорд Регнолл был сильно взволнован, а Сэвидж крайне перепуган.

— В чем дело? — спросил я.

— Мы видели мою жену, — отвечал лорд Регнолл.

Я удивленно посмотрел на него.

— Сэвидж разбудил меня и сказал, что в нашей комнате есть еще кто-то, — продолжал он, — я приподнялся и увидел (это верно, Квотермейн, как то, что я живу) мою жену, освещенную светом, падающим из окна. Она была в белом одеянии, волосы ее были распущены. На ее груди висело ожерелье из красных камней, подарок этих негодяев, который она постоянно носила на себе. В ее руках было что-то похожее на закрытое покрывалом дитя; я думаю, что оно было не живое. Я был так потрясен, что не мог говорить. Она стояла, глядя на меня широко открытыми глазами, и не двигалась. Но я могу поклясться, что губы ее шевелились. Мы оба слышали, как она говорила: «Не покидай меня, Джордж! Ищи меня на горе». Я вскочил, и она исчезла.

— А что видел и слышал Сэвидж? — спросил я.

— То же самое, что и Его Светлость, мистер Квотермейн. Не больше и не меньше. Я видел, как она прошла через дверь.

— Через дверь? Разве она была открыта?

— Нет, сэр! Но она прошла, как будто двери вовсе не было.

— Это верно была не женщина, а привидение, баас. Я проснулся за полчаса до рассвета и лежал, глядя на эту дверь, которую сам запер вчера вечером. Ее никто не открывал. За ночь паук сплел на ней паутину, и она до сих пор цела. Пусть баас сам посмотрит, если не верит мне.

Я поднялся и осмотрел дверь (боль в ноге начала утихать, и я уже мог немного ходить). Ханс говорил правду. Дверь была затянута паутиной, посреди которой сидел большой паук.

Только два объяснения можно было дать этому странному случаю: либо все было простой галлюцинацией, либо лорд Регнолл и Сэвидж на самом деле видели нечто сверхъестественное. В последнем случае мне хотелось бы пережить то же, что пережили они, так как увидеть настоящий призрак — было моим всегдашним желанием.

Я еще не говорил, что мы пришли к заключению о бесполезности наших поисков и вообще пребывания в этих местах. Мы решили попытаться уйти отсюда, прежде чем будем вовлечены в губительную войну между двумя ветвями загадочного племени, из которых одна была совершенно дикой, а другая — наполовину.

Лорд Регнолл предложил такой план: я должен был попробовать в обмен на ружья приобрести верблюдов. Потом, под предлогом охотничьей экспедиции на Джану, мы думали попытаться уехать из этой страны. Но, быть может, видение было послано нам с целью разрушить наш план.

Размышляя об этом, я улегся спать и проспал до самого завтрака.

— Я долго думал о случившемся вчера ночью, — сказал лорд Регнолл, оставшись в это утро наедине со мной, — я человек не суеверный, но убежден, что мы с Сэвиджем видели и слышали душу или тень моей жены. У меня появилась вера, что она в плену на этой горе и приходила звать меня освободить ее. Поэтому я считаю своим долгом не покидать этой страны и попытаться добиться истины.

— А как это сделать? — спросил я.

— Я сам пойду на гору.

— Это невозможно, Регнолл. Я сильно хромаю и не смогу пройти и полумили.

— Я знаю, и это одна из причин, по которой я не хочу, чтобы вы сопровождали меня. Кроме того, я хочу сделать это, будучи один и не подвергая риску других. Но Сэвидж говорит, что пойдет туда, куда пойду я, оставив вас с Хансом здесь продолжать дальнейшие попытки в случае, если мы не вернемся. Мы хотим выйти из города в белых плащах, какие носят кенда. Мне удалось выменять их на табак. Когда наступит заря, мы

попытаемся найти дорогу через пропасть, а остальное предоставим Провидению.

Я сделал все зависящее от меня, чтобы отговорить лорда Регнолла от этого безумного намерения, но безуспешно. Я никогда не знал человека бесстрашнее и решительнее его.

Потом я говорил с Сэвиджем и указывал ему на все опасности, сопряженные с этой попыткой, но и здесь потерпел неудачу.

Сэвидж объявил, что куда пойдет его господин, туда пойдет и он и что он предпочитает умереть вместе с ним, нежели один.

Итак, со стесненным сердцем я помогал им делать необходимые приготовления к этому безумному предприятию.

Они открыто ушли днем под предлогом охоты на куропаток и коз в нижней части горы, где нам была предоставлена в этом полная свобода. Наше прощание вышло очень печальным.

Сэвидж передал мне письмо к своей старой матери в Англии и просил меня отправить его, если я когда-либо попаду в цивилизованную страну.

Я приложил все старания, чтобы ободрить его, но безуспешно.

Он горячо пожал мою руку, говоря, что для него было большим удовольствием знать такого «настоящего джентльмена», как я, и выражая надежду, что я вернусь из этого ада и проведу остаток своей жизни среди христиан. Потом, утерев рукавом слезу, он притронулся к своей шляпе и удалился.

Их снаряжение было весьма простым: немного пищи, фляга со спиртом, два дуствольных ружья, из которых можно было стрелять дробью и пулями, потайной фонарь, спички и пистолеты. Ханс проводил их до конца города.

— Отчего ты так печален, Ханс? — спросил я, когда он вернулся.

— Потому что я очень любил Бену, — ответил он, вертя свою шляпу в руках, — он всегда был добр ко мне и так хорошо умел стряпать. Теперь эту работу придется делать мне, а я не люблю этого.

— Но ведь он еще жив, Ханс!

— Это верно, баас, но он скоро умрет, потому что тень смерти была видна в его глазах.

— А лорд Регнолл?

— Я думаю, что он останется жив, баас, у него не было этой тени.

Всю следующую ночь я не смыкал глаз и лежал полный тягостных опасений.

На рассвете я услышал стук в нашу дверь и шепот лорда Регнолла, просившего открыть ее. Я зажег свечу, которых у нас был большой запас.

Ханс открыл дверь.

В комнату вошел лорд Регнолл. По его лицу я сразу увидел, что произошло что-то ужасное. Он подошел к кувшину с водой и выпил три чашки одну за другой.

— Сэвидж погиб, — сказал он и остановился, как бы припоминая что-то страшное.

— Слушайте, — продолжал он, — мы поднимались по склону горы и не стреляли, хотя видели много куропаток и козу. К наступлению сумерек мы подошли к отвесной каменной стене, на которую не было никакой возможности взобраться.

Здесь мы увидели тропинку, ведущую к отверстию пещеры или туннеля. Пока мы раздумывали, что предпринять, появилось восемь или десять одетых в белое людей, которые схватили нас прежде, чем мы успели оказать какое-либо сопротивление. Потом, после некоторого совещания, их предводитель знаками объяснил нам, что мы свободны. Они ушли, унося с собой наши ружья и пистолеты и, уходя, смеялись так странно, что их смех встревожил меня. Мы стояли в нерешительности. Уже становилось темно. Я спросил Сэвиджа, что теперь делать, ожидая, что он предложит вернуться в город. К моему удивлению, он ответил: «Конечно, идти дальше, Ваша Светлость. Не надо позволять думать этим скотам, что мы, белые люди, ни шага не смеем ступить без наших ружей».

С этими словами он зажег потайной фонарь.

Я смотрел на него с изумлением.

— Меня что-то тянет в эту пещеру, — продолжал он, — вероятно, это смерть. Но что бы там ни было, я должен идти.

Я думал, что он потерял рассудок и хотел удержать его. Но он быстро побежал к пещере. Я последовал за ним и когда достиг ее, Сэвидж уже пробежал ярдов восемь по туннелю. В это время я услышал ужасный шипящий звук и восклицание Сэвиджа: «О Боже!» Фонарь выпал из его рук, но не потух. Я бросился вперед и поднял его; между тем Сэвидж побежал дальше в глубь пещеры. Я поднял фонарь над головой и вот что я увидел.

Шагах в десяти от меня, протянув руки, плясал — да, именно плясал Сэвидж под звуки ужасной, шипящей музыки. Я поднял фонарь выше и увидел футов в девяти за Сэвиджем, почти у самого потолка туннеля, голову неслыханно огромной змеи. Эта голова, которая едва уместилась бы в тачку, помещалась на шее, имевшей толщину моей талии. В темноте обрисовывалось огромное покачивающееся тело серо-зеленого цвета, отливавшее золотом и серебром. Змея шипела, раскачивая своей огромной

головой, и вдруг откинула ее назад и застыла на несколько секунд. Сэвидж остановился, наклонившись немного вперед, как бы кланяясь гадине. В следующее мгновение она бросилась на Сэвиджа... Послышался ужасный треск костей... Я отшатнулся к стене пещеры и на минуту закрыл глаза, так как почувствовал слабость. Открыв их снова, я увидел на полу нечто бесформенное (то были останки Сэвиджа), а над ним огромную змею, смотревшую на меня своими стальными глазами. Я бежал из этой ужасной пещеры. Заблудившись на склоне горы, я бродил в продолжение нескольких часов, пока не вышел к окраине города.

После этого мы долгое время сидели молча. Наконец Ханс сказал невозмутимым тоном:

— Уже рассвело, баас. Я потушу свечу, зачем ей даром гореть. Теперь мне надо готовить завтрак. Эта дьявольская змея позавтракала Беной, но я

надеюсь позавтракать ею. Змеи бывают вкусны, баас, если их умело приготовить по готтентотскому способу.

Глава XVI. Ханс ворует ключи

Немного спустя в наш дом пришло несколько белых кенда, вежливо передавших нам ружья и пистолеты Регнолла и бедного Сэвиджа. Они говорили, что нашли эти предметы на склоне горы. Я взял их, не сказав ни слова.

В этот вечер нас посетил Харут. Поздоровавшись с нами, он осведомился, где Бена.

— Ах ты, седобородый отец лжецов, — с негодованием сказал я, — ты великолепно знаешь, что Бена уже в желудке змеи, живущей в пещере на горе.

— Как, господин! — воскликнул Харут. — Разве вы пытались подняться на гору? Впрочем, Бена всегда любил змей, и они любили его.

— Это ты, негодяй, его убийца! — закричал лорд Регнолл. — Я сейчас же убью тебя за это.

— Ты хочешь убить меня за то, что змея задушила вашего человека? Если пойдешь туда, где живет лев, лев умертвит тебя; если пойдешь туда, где живет змея, змея умертвит тебя. Я вас предупреждал, но вы не послушались меня. Теперь я вам скажу: можете идти туда, если хотите; никто не остановит вас. Но помните: в Дом Дитяти ведет совсем другая дорога, которой вы никогда не найдете.

— Слушай, — сказал лорд Регнолл, — что толку во всей этой болтовне? Ты хорошо знаешь, зачем мы в вашей дьявольской стране. Я убежден, что вы похитили мою жену, чтобы сделать ее своей жрицей. Я хочу получить ее обратно.

— Это большое заблуждение, — кротко ответил Харут, — мы не похищали прекрасной леди. И Макумазан здесь не для того, чтобы искать ее, а для того, чтобы убить слона Джану и получить за это слоновую кость. Ты, господин, пришел с ним как друг, хотя мы и не звали тебя. Ты пытался найти храм нашего бога, и змея, охраняющая двери его, умертвила твоего слугу. Но почему мы не убили тебя?

— Потому что вы боитесь сделать это, — смело ответил Регнолл, — убейте меня, я готов, но вы увидите последствия этого.

— Ты очень храбрый человек, — сказал Харут, не без восхищения глядя на лорда Регнолла, — мы не хотим убивать тебя; может быть, все окончится хорошо. Одно Дитя знает об этом. Ты поможешь нам победить черных кенда. Только не ходи к змее, потому что она скоро снова будет

голодной. Слушай и ты, Свет Во Мраке, — прибавил он, обращаясь к сидящему на корточках Хансу, — это очень голодная змея, а ты лакомое для нее блюдо!

Ханс, не поворачивая головы, скосил свои глаза на Харута и ответил на наречии банту:

— Я слышу, белобородый лжец, но что мне до этого? Мой враг Джана, хотевший убить моего господина Макумазана, не то, что твоя грязная змея. Если она такая страшная, почему она не убьет Джану, которого вы ненавидите? Вот что для меня ваша змея, — прибавил он, энергично плюнув на землю, — если хочешь, я убью ее, только заплати мне за это.

— Ты хочешь убить змею, — сказал Харут, — что же, убей, если тебе это нравится. Тогда мы дадим тебе новое имя. Мы назовем тебя «Господином змей». Как твоя нога, Макумазан? — продолжал он, обращаясь ко мне. — Я принес тебе мазь, которая излечит ее. Это священная мазь от Дитяти. Мой господин, — переменял он вдруг свой ломаный английский язык на банту, — война близка. Черные кенда собирают силы, чтобы напасть на нас. Нам нужна твоя помощь. Мне надо сейчас ехать к реке Таве. Через неделю я вернусь; тогда снова поговорим об этом. За это время мазь излечит тебя. Натри ею больную ногу и, смешав кусочек ее, величиной с хлебное зерно, с водой, прими это на ночь. Это не яд, — прибавил он, положив немного мази на язык и проглотив ее.

Потом он поднялся и удалился с обычными поклонами.

Надо сказать, что лекарство Харута произвело на меня превосходное действие. На следующее утро боль исчезла и, за исключением небольшой слабости, я чувствовал себя вполне хорошо.

Остаток мази сохранялся у меня в продолжение многих лет и хорошо помогал при ломоте в бедрах и при ревматизме.

Последующие дни прошли без приключений.

Оправившись после болезни, я начал посещать город, походивший на разбросанные деревни, какие можно видеть на восточном берегу Африки. Почти все мужчины отсутствовали, будучи, вероятно, заняты приготовлениями к жатве. Женщины запирались в домах по восточному обычаю.

Сказать правду, это был крайне неинтересный небольшой городок, населенный необщительными людьми, живущими, как мне казалось, под сенью страха, препятствовавшего всякому веселью.

Даже дети ходили как-то уныло и разговаривали пониженным голосом. Я никогда не видел их играющими или смеющимися подобно детям почти всего света.

Жили мы довольно комфортабельно. Пища доставлялась нам в изобилии. Для меня (я все еще хромал) был предоставлен выносливый, спокойный пони.

На этом пони я раза два ездил по южному склону горы под старым предлогом охоты.

В таких случаях меня сопровождал Ханс. Я заметил, что он был теперь молчалив и задумчив.

Однажды мы совсем близко подъехали к входу в пещеру или туннель, где бедный Сэвидж нашел такой ужасный конец.

В то время как мы рассматривали это место, появился одетый в белое человек с бритой головой (должно быть, жрец) и насмешливо спросил, почему мы не войдем в туннель и не посмотрим, что находится по ту сторону его.

Я только улыбнулся в ответ и спросил его о назначении прекрасных коз с длинной шелковистой шерстью, которых он, по-видимому, пас.

Жрец ответил мне, что эти козы предназначены в пищу «тому, кто живет на горе и ест только тогда, когда меняется луна». На мой вопрос, кто эта особа, он с неприятной улыбкой предложил мне пройти через туннель и самому взглянуть на нее. Я, конечно, не принял этого приглашения.

В этот вечер неожиданно появился Харут, имевший весьма встревоженный вид.

— Господин, — сказал он, — я иду на Гору, чтобы присутствовать на празднестве Первых Плодов, которое будет на восходе солнца в день новой луны. После жертвоприношения будет говорить оракул, и мы узнаем, когда будет война с Джаной и, быть может, другие вещи.

— Можем ли мы присутствовать на этом празднестве, Харут? Мы уже соскучились здесь.

— Конечно, — с поклоном ответил он, — вы можете прийти, но только без оружия. Ибо тот умрет, кто появится перед Дитятей вооруженным. Вы знаете дорогу, идущую через пещеру и лес, лежащий за ней.

— А если мы пройдем через пещеру, нас хорошо примут на празднестве?

— Да, вы встретите самый радушный прием. Клянусь вам в этом Дитятей. О Макумазан, — прибавил он, улыбаясь, — почему ты говоришь так безрассудно, зная, кто живет в той пещере? Или вы думаете пройти, убив ее обитателя своим оружием? Бросьте эту мечту. Те, кто охраняет вас, получили приказание следить, чтобы никто из вас не выходил из дому, имея при себе какое бы то ни было оружие. Если вы не дадите мне обещания поступать согласно этому, никто из вас не будет выпущен даже в сад до тех

пор, пока я не вернусь.

Регнолл вначале хотел отказаться дать такое обещание, но Ханс сказал: — Лучше, баас, остаться на свободе без ружей и ножей, чем сделаться настоящими пленниками. Часто от тюрьмы бывает недалеко до могилы.

Мы признали силу этого аргумента и в конце концов дали требуемое обещание.

— Хорошо, — сказал Харут, — но знайте, что у нас, белых кенда, тот, кто нарушит клятву, без оружия остается по ту сторону реки Тавы, чтобы дать отчет в своем поступке Джане, отцу всех лжецов. Теперь прощайте. Если мы не встретимся на празднестве Первых Плодов, куда я вас еще раз приглашаю, мы поговорим здесь, после того как я выслушаю голос оракула.

Потом он сел на верблюда, ожидавшего его снаружи, и уехал в сопровождении эскорта из двадцати человек, тоже сидевших верхом на верблюдах.

— Существует другая дорога, ведущая на гору, Квотермейн, — сказал Регнолл, — верблюд скорей пройдет через ушко иголки, нежели через ту пещеру, даже если бы она была пуста.

— Это верно, — согласился я, — но мы не знаем, где она, и я думаю, что она проходит за много миль отсюда. Для нас существует только один путь через пещеру, что равносильно отсутствию всякого пути.

В этот вечер за ужином мы заметили исчезновение Ханса. Он похитил мои ключи и забрался в ящик, где хранились спиртные напитки.

— Он ушел, чтобы напиться, — сказал я Регноллу, — и неудивительно, потому что и я способен последовать его примеру.

Мы улеглись спать. На следующее утро, когда я уже собрался идти в хижину, где помещалась кухня, варить к завтраку яйца, к нашему удивлению, появился Ханс с котелком кофе.

— Ты вор, Ханс, — сказал я.

— Да, баас, — ответил Ханс.

— Ты забрался в ящик с джином и взял яд?

— Да, баас, я взял яд. Но теперь все обстоит хорошо. Баас не должен сердиться на меня за это, здесь так скучно без дела. Баасы будут есть похлебку?

Бранить Ханса было бесполезно. Кроме того, у меня явилось некоторое сомнение, так как он не было похож на пьяного человека.

Когда мы покончили с завтраком, Ханс уселся передо мной на корточки и, закулив свою трубку, вдруг спросил:

— Не хотят ли баасы сегодня вечером пройти через ту пещеру? Теперь

это очень легко сделать.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил я, думая, что Ханс пьян.

— Я хочу сказать, баас, что житель пещеры спит очень крепким сном и никогда уже не проснется. Не угодно ли баасам пройти через пещеру?

— Прежде всего я должен убедиться, трезв ли ты, — ответил я. — Если ты сейчас же не расскажешь нам всего, я поколочу тебя, Ханс!

— Тут не много рассказывать, баас, — ответил Ханс, посасывая трубку, — дело вышло очень легкое. Баас помнит, что говорил человек в ночной рубахе с бритой головой? Он говорил, что козы предназначены в пищу для кого-то, живущего на горе. Но кто другой живет на горе, кроме Отца Змей в пещере? Тот человек, если баас помнит, прибавил, что на горе едят только при новой луне, а сегодня как раз день новой луны. Следовательно, за день до новой луны, т.е. вчера, змея была голодна.

— Все это так, Ханс, но как ты мог убить змею, накормив ее?

— Ох, баас, люди иногда едят вещи, от которых им бывает худо; точно так же и змеи. В одном из ящичков бааса есть несколько фунтов чего-то, похожего на сахар, которое, смешав с водой, употребляют для сохранения кож и черепов.

— Ты говоришь о кристаллах мышьяка?

— Я не знаю, как это называется, баас. Я раньше думал, что это сахар и хотел положить его в кофе...

— Господи! — воскликнул я. — Почему же мы живы до сих пор?

— Потому что в последний момент, баас, у меня появилось сомнение. Я положил немного этого сахара в молоко и дал его собаке, укусившей меня за ногу. Это была очень жадная собака. Она сразу выпила молоко. Потом она завyla, повертелась с пеной у рта и издохла. После этого я решил лучше не класть в кофе этого сахара. Потом Бена сказал мне, что это смертельный яд. Тогда мне пришло в голову, что если заставить змею проглотить этого яда, она наверное издохнет. Я украл ключи, как делал это часто, потому что баас бросает их где попало, и нарочно оставил открытым ящик с виски, чтобы баас подумал, что я напился пьяным. Я взял полфунта ядовитого сахара, убившего собаку, распустил его в воде вместе с настоящим сахаром и вылил смесь в бутылку. Остальные полтора фунта я разложил в двенадцать маленьких бумажных мешочков и спрятал все это в карман. Потом я пошел на гору в то место, где паслись козы. Их никто не стерег. Я вошел в крааль, выбрал молодого козленка, связал ему ноги и облил его смесью из бутылки. Потом привязал в разных местах его тела все двенадцать мешочков с ядовитым сахаром. После этого я развязал козленка и подвел его ко входу в пещеру. Я не знал, как заставить его войти в нее, а

идти вместе с ним мне не хотелось. Но он сам побежал в пещеру, как будто его влекла туда какая-то сила. Перед тем как войти в нее, он обернулся и посмотрел на меня. При свете звезд я видел, что его глаза полны ужаса.

Скоро я услышал шипение, как будто кипели четыре больших котла за раз; козленок заблеял. Потом послышался шум возни с треском костей и сосущий звук, как от насоса, который не может поднять воду. После этого все затихло. Я отошел от входа в пещеру, сел в стороне и стал ждать, что будет дальше. Приблизительно через час из пещеры послышался шум, как будто по ее стенам били мешком, наполненным мякиной.

«Ага, — подумал я, — у пожравшего Бену заболел живот». Ядовитый сахар начал таять в желудке змеи, и она так шумела, как будто в пещере под звуки шипящей музыки целая компания девушек танцевала танец войны. Вдруг Отец Змей начал выползать из пещеры.

Когда я увидел его при свете звезд, у меня волосы дыбом поднялись на голове. Вероятно, во всем свете нет такой другой змеи! Змеи, которые живут в Земле Зулу и едят коз, — маленькие дети по сравнению с этой змеей. Ярд за ярдом она выползала из пещеры, потом стала на хвост, подняла голову на высоту целого дерева и наконец быстрее лошади бросилась вниз с горы. Я молил Бога, чтобы она не заметила меня...

Через полчаса она вернулась обратно. Теперь она уже не могла прыгать, а ползла. Никогда в жизни я не видел такой большой змеи. Она вползла в пещеру и, шипя, улеглась в ней. Потом шипение становилось все слабее и слабее и наконец совсем затихло. Я подождал еще полчаса и после этого решил войти в пещеру с палкой в одной руке и с зажженным фонарем в другой. Не успел я пройти десяти шагов, как увидел змею, неподвижно лежавшую на спине. Она была совершенно мертва: я прикладывал горящие восковые спички к ее хвосту, но она не шевелилась.

Тогда я вернулся домой, чувствуя себя гордым, что перехитрил Прадеда Всех Змей, убившего моего друга Бену, и что очистил путь через пещеру. Вот и вся история, баас. Теперь я пойду мыть посуду, — закончил Ханс и, не дожидаясь, что скажем мы, удалился, оставив нас пораженными его находчивостью и смелостью.

— Что делать дальше? — спросил я.

— Подождем наступления ночи, — ответил Регнолл, — тогда я пойду осмотреть змею, убитую благородным Хансом, и узнать, что находится за пещерой. Вы помните приглашение Харута?

— Вы думаете, что Харут сдержит свое слово?

— Пожалуй, да. А если не сдержит — мне все равно. Всякий исход лучше, чем сидение здесь в нерешительности.

— Я согласен с этим. По-моему, Харуту теперь не выгодно убивать нас. Поэтому мы с Хансом, конечно, пойдем с вами. Нам не следует разделяться. Быть может, вместе мы будем счастливее.

Глава XVII. Святилище и клятва

Вечером, вскоре после заката солнца, мы все трое смело вышли из дому, надев поверх своего платья одежды кенда, купленные Регноллом. При нас не было ничего кроме палок, небольшого количества пищи и фонаря.

На окраине города мы встретили нескольких кенда, одного из которых я знал, так как мне часто случалось ехать рядом с ним во время нашего перехода через пустыню.

— Есть ли при вас оружие, Макумазан, — спросил он, с любопытством глядя на нас и на наши белые платья.

— Нет, — ответил я, — обыщи нас, если хочешь.

— Достаточно твоего слова, — сказал он, — если при вас нет оружия, нам приказано не препятствовать вам идти куда угодно. Но, господин, — прошептал он, — прошу тебя, не ходи в пещеру, где живет некто, чей поцелуй приносит смерть.

— Мы не разбудим того, кто спит в пещере, — загадочно ответил я, и мы пошли дальше, радуясь, что кенда еще ничего не знают о смерти змей.

Через час Ханс привел нас ко входу в пещеру.

Сказать правду, когда мы подходили к ней, разные сомнения овладели мной. Что, если Ханс был в самом деле пьян и придумал всю эту историю, чтобы оправдать свое отсутствие? Что, если змея теперь оправилась от своего временного недомогания? Что, если в этой пещере живет целая семья их?

Мы подошли к самому входу в пещеру и прислушались. Там было тихо как в могиле.

Ханс зажег фонарь и сказал:

— Подождите здесь, баасы. Я пойду вперед. Если вы услышите, что со мной что-либо приключилось, у вас будет время уйти.

Эти слова пристыдили меня. Через минуты две Ханс вернулся обратно.

— Все в порядке, баасы, — сказал он. — Отец Змей сам отправился в ту страну, куда послал Бену. Без сомнения, его теперь поджаривают на адском огне. В пещеру можно войти, там нет других змей.

Мы вошли в пещеру. На земле лежало огромное мертвое пресмыкающееся, уже сильно раздувшееся. Я не знаю, какова была его длина, так как его тело было свернуто кольцами. Но одно могу сказать: это

была самая огромная змея, какую я когда-либо видел. Я слышал о таких пресмыкающихся в различных частях Африки, но до сих пор считал эти рассказы чистым вымыслом. Никогда не забуду ужасного зловония, стоявшего в пещере. По всей вероятности, эта тварь жила здесь целые столетия. Говорят, что большие змеи живут столько же, сколько черепахи и, считаясь священными, никогда не имеют недостатка в пище. Повсюду лежали кучи костей, среди которых я заметил обломки человеческого черепа, быть может принадлежащего бедному Сэвиджу. Выступы скал были покрыты большими кусками кожи, которую змеи меняют каждый год.

Некоторое время мы рассматривали труп этого отвратительного создания. Потом пошли дальше.

Пещера оказалась не более ста пятидесяти ярдов в длину. Она была естественного происхождения и, вероятно, образовалась от прорыва через лаву дыма и испарений. К дальнему концу она значительно сужалась, и я начал сомневаться в существовании второго выхода. Однако я ошибся: в самом конце ее мы нашли отверстие, достаточно большое для одного человека. Но пробираться через него было довольно трудно; нам стало ясно, что белые кенда ходили к своему святилищу совершенно другой дорогой.

Через это отверстие мы выбрались на склон огромного, образовавшегося из лавы рва, который вел сперва вниз, потом вверх, к основанию конусообразной вершины горы, покрытой густым лесом. Я полагаю, что образование этой горы было результатом вулканического действия в ранние периоды существования земли.

Лес состоял из огромных кедров, растущих не очень тесно. Нижняя часть деревьев была обнажена, вероятно, потому, что густые вершины не пропускали вниз света. Стволы и сучья деревьев были покрыты серым мхом, придававшим этому месту еще более жуткий характер.

Под деревьями царил такой мрак, что мы могли различать предметы на расстоянии не более дюйма перед собой.

Однако мы двигались дальше. Ханс, умевший при помощи инстинкта ориентироваться лучше нас, шел впереди.

По временам я при свете спички поглядывал на карманный компас, зная по предыдущим наблюдениям, что вершина Священной Горы лежит в северном направлении.

Так час за часом мы поднимались вверх, случайно наталкиваясь на стволы деревьев или спотыкаясь о сухие ветки, попадавшие под ногами.

Этот лес имел характер дома, посещаемого привидениями. Я никогда в жизни не испытывал такого особенного страха, как в эту ночь.

Впоследствии Регнолл признался мне, что переживал приблизительно то же самое.

— Пусть баас посмотрит, — шепотом сказал Ханс, так как никто из нас не решался говорить громко, — не глаза ли Джаны горят вон там, как раскаленное железо?

— Не будь глупцом, — ответил я, — как Джана может попасть сюда?

Но сказав это, я вспомнил слова Харута о том, что он дважды видел Джану на Священной Горе.

Так проходила долгая ночь.

Поднимались мы очень медленно, но останавливались всего два раза: один раз — когда нам показалось, что мы со всех сторон окружены деревьями, другой раз — когда попали в топкое место. Тогда мы рискнули зажечь фонарь и при помощи его выбрались оттуда.

Постепенно лес становился все реже и реже; мы уже видели звезды, мерцавшие сквозь вершины деревьев.

Не более чем за полчаса до зари Ханс, шедший впереди (мы пробирались через густой кустарник), вдруг резко остановился.

— Стоп, баас, мы на краю скалы, — сказал он, — когда я хотел поставить палку впереди себя, она ни во что не уперлась.

Регнолл захотел осмотреть почву при свете фонаря. Вдруг мы услышали тихие голоса и увидели футов на сорок ниже себя движущиеся огоньки.

Мы, как мыши, притаились в кустах в ожидании рассвета.

Наконец он наступил. На востоке появился алый свет, постепенно распространявшийся по небу. Из глубины обрызганного росой леса его приветствовало пение птиц и лай обезьян.

Вдруг небо прорезал луч восходящего солнца и из мрака, все еще царившего внизу, послышалось тихое, нежное пение. Постепенно оно замерло, и в продолжение некоторого времени тишина нарушалась только шумом, похожим на шум, производимый публикой, усаживающейся в темном театре. Потом послышалось пение женского голоса, красивого контральто. Я не мог разобрать слов, если только это были слова, а не просто музыкальные ноты.

Я почувствовал, как рядом со мной задрожал Регнолл, и спросил, что с ним.

— Мне кажется, что я слышу голос моей жены, — шепотом ответил он.

— Возьмите себя в руки, — прошептал я.

Теперь небо начало пламенеть, и потоки света, как многоцветные

драгоценные камни, разлились в тумане и разогнали его. Тени исчезли. Постепенно внизу открылся амфитеатр, на южной стороне которого сидели мы. Собственно, это была не стена, а застывшая глыба лавы футов в сорок — пятьдесят высотой. Амфитеатр походил на те древние сооружения, какие я видел на картинках, а Регнолл посещал в Италии, Греции и Южной Франции. Он был не очень велик и имел овальную форму. Без сомнения, это был кратер потухшего вулкана.

На арене стоял храм, в главных чертах походивший на храмы, сохранившиеся в Египте, но размером меньше их. Вокруг наружного двора храма шла колоннада, поддерживавшая крышу строения, служившего, вероятно, помещением для жрецов. Короткий проход вел в другой, меньший двор, где находилось святилище, построенное, как и весь храм, из лавы. Храм, как я уже сказал, был не велик, но весьма красив. На нем не было скульптурных и живописных украшений, но каждая его деталь была сделана с большим вкусом. Перед входом в святилище стояла большая глыба лавы, служившая, вероятно, алтарем, и каменная чаша на треножнике.

За святилищем находился прямоугольный дом. В первое время оба двора были пусты, но на скамьях амфитеатра сидело около трехсот человек. Мужчины на севере, женщины — на юге. Все они были одеты в ярко-белые одежды. У мужчин головы были выбриты, у женщин закрыты покрывалами; но их лица оставались открытыми.

В амфитеатр вело две дороги: одна на восток, другая на запад. Они шли через туннели, выдолбленные в скалах, окружавших кратер. Обе они запирались двойными массивными деревянными дверями футов в семнадцать — восемнадцать высотой.

Очевидно, на этом тайном собрании могли присутствовать только лица, принадлежащие к жреческому классу этого странного племени.

Когда совсем рассвело, из келий, окружавших наружный двор храма, вышли двенадцать жрецов с Харутом во главе. Каждый из них нес на деревянном блюде хлебные колосья разных сортов.

Потом из келий, находившихся в южной части двора, вышли двенадцать молодых девушек, тоже несшие деревянные блюда с цветами. По данному знаку они запели священную песнь и направились из первого двора во второй. Дойдя до алтаря, они остановились (сначала жрецы, потом жрицы) и поочередно ставили на него блюда с жертвой. Потом они выстроились по обе стороны алтаря, и Харут, взяв в руки по блюду с хлебом и цветами, протянул их сначала по направлению к тому месту, где находилась невидимая новая луна, потом по направлению к восходящему

солнцу и, наконец, по направлению к дверям святилища, каждый раз преклоняя при этом колени и произнося нараспев молитву, слов которой мы не могли разобрать. Потом последовала пауза, а за ней внезапно раздалось пение, в котором приняли участие все присутствовавшие. Это была красивая, звучная песня, или гимн, на непонятном мне языке, разделенный на четыре стиха. Конец каждого из них отмечался поклоном певцов по направлению к востоку, к западу и к алтарю. Новая пауза, и вдруг двери святилища широко распахнулись и в них показалась Изида, богиня Египта, какой я видел ее на картинках! Она была облачена в легкое одеяние, сделанное из очень тонкой материи. Ее волосы были распущены; на ней был головной убор из блестящих перьев с небольшой змейкой спереди. В ее руках было что-то, издали похожее на обнаженное дитя. По обеим сторонам ее шли две женщины, поддерживавшие ее под руки. На них тоже были прозрачные одеяния и головные уборы из перьев, но без змеек.

— Боже! — прошептал Регнолл. — Это моя жена.

— Молчите и благодарите Бога, что она жива, — шепотом ответил я.

Богиня Изида (или английская леди) спокойно стояла, в то время как жрецы, жрицы и все собравшиеся на скамьях амфитеатра поднялись и приветствовали ее троекратным криком.

Харут и первая жрица благоговейно поднесли хлебный колос и цветок сперва к губам дитяти, лежавшего на руках Изиды, потом к ее губам.

После этой церемонии женщины, сопровождавшие богиню, обвели ее вокруг алтаря и усадили в стоявшее перед ним каменное кресло. В чаше, стоявшей на треножнике, был зажжен огонь, куда Харут и главная жрица что-то бросили, отчего поднялся дым. Изида наклонила голову вперед и вдохнула дым курения точно так же, как мы с ней вдыхали его в гостиную Регнолл-Кастла несколько лет тому назад.

Дым перестал струиться; богиня при помощи сопровождавших ее женщин снова выпрямилась в кресле, все еще прижимая к своей груди Дитя и как бы убаюкивая его. Но голова ее была опущена, будто она находилась в обмороке. Харут подошел к ней и что-то сказал; потом снова отступил назад и ждал. Тогда среди всеобщего молчания она поднялась со своего места и заговорила, устремив свои большие глаза в небо. Что она говорила — нам не было слышно.

Через некоторое время она смолкла, снова села в кресло и сидела, не шевелясь и по-прежнему глядя вперед.

Харут подошел к алтарю, стал на его каменных ступеньках и обратился к жрецам, жрицам и остальному собранию. Он говорил так громко и отчетливо, что мы слышали и понимали каждое сказанное им

слово.

— Слушайте голос оракула, Хранительницы Небесного Дитяти, тени, рожденной им, отмеченной знаком молодой луны. Слушайте ответы на вопросы, предложенные мною, Харутом, пожизненным жрецом Вечного Дитяти. Вот что говорит оракул: о белые люди кенда, почитающие Дитя, потомки тех, кто в продолжение тысячи лет чтили его в древней земле, пока варвары не прогнали их оттуда. Приближается война, о белые люди кенда! Злой Джана, чье другое имя Сет, Джана, живущий в образе слона, почитаемый тысячами, некогда покоренными нами, поднялся против нас. Мрак поднялся против света. Зло идет войной на Добро. Ночь хочет пожрать день. Это будет последняя схватка. Как победить вам, о народ Дитяти? Не своей собственной силой, ибо вы малочисленны, а Джана очень силен. Не силой Дитяти, ибо Дитя становится слабым и дряхлым и дни его господства проходят. Только с помощью издалека призванных можете вы победить, — так говорит голосом Дитяти Хранительница его. Их было четверо, но один из них погиб в пасти стража пещеры. Это было злое деяние, о сыновья и дочери Дитяти, ибо страж теперь мертв, и многие из вас, задумавших это злое дело, должны умереть за кровь того человека. Зачем вы сделали это? Чтобы удержать в тайне похищение женщины, чтобы продолжать дело лжи? Так говорит Дитя. Не подымайте руки против трех остальных, дайте им, что они потребуют, ибо они одни могут спасти вас от Джаны и тех, кто служит ему. Вот что сказал оракул на празднестве Первых Плодов.

Харут окончил свою речь. Некоторое время царило молчание, потом поднялся всеобщий стон.

Когда он затих, спутницы Изида помогли ей подняться со своего места.

Все собрание, жрецы и жрицы поклонились ей.

Она подняла изображение Изиды высоко над головой, и все с глубоким благоговением преклонились пред ним.

Потом, продолжая держать изображение над головой, она повернулась и ушла с сопровождавшими ее женщинами в святилище, а оттуда, вероятно, крытым ходом в дом, стоявший позади него.

После ее ухода все собравшиеся покинули свои места и столпились в наружном дворе храма. Жрецы раздавали им жертву, взятую с алтаря. Каждый мужчина получал хлебное зерно, которое съедал, каждая женщина — цветок, который прятала на груди.

Регнолл немного приподнялся, и я увидел, что его глаза блестели и лицо было чрезвычайно бледно.

— Что вы хотите сделать? — спросил я.

— Потребовать у этих людей возвращения моей похищенной жены, — ответил он, — не останавливайте меня, Квотермейн. Я знаю, что делаю.

— Но они не отдадут ее, а нас всего трое невооруженных людей. Прошу вас, не будьте опрометчивы. Это может все испортить. Предоставьте мне попробовать уладить дело.

— Хорошо, — согласился Регнолл после некоторого колебания.

— Теперь, — сказал я, — мы пойдем вниз посетить Харута и его друзей.

Под прикрытием кустарника мы отползли на некоторое расстояние назад и, пройдя с четверть мили в восточном направлении, повернули на север и (как я и ожидал) вышли на дорогу, которая вела к восточным воротам амфитеатра.

Мы прошли через них и не привлекли ничьего внимания, быть может, потому, что все были заняты разговором или молитвой.

Пройдя немного, мы остановились, и я сказал громким голосом:

— Белые люди и их слуга пришли по приглашению Харута. Проводите нас к нему.

Все обернулись и удивленно смотрели на нас, стоявших в тени, так как солнце поднялось еще не особенно высоко.

— Смерть им! — вдруг закричал один голос. — Смерть чужестранцам, осквернившим наш храм!

— Как! — ответил я. — Вы хотите убить тех, кому ваш главный жрец обещал безопасность, тех, с чьей помощью, как говорил оракул, вы надеетесь убить Джану и отразить врагов?

— Как они узнали это? — закричал другой голос. — Это маги!

— Да, — сказал я, — если сомневаетесь, пойдите и взгляните на стража пещеры, о смерти которого говорил ваш оракул. Вы увидите, что он не солгал.

В то время, когда я говорил это, в ворота вбежал человек в белой одежде, развевавшейся по ветру.

— О жрецы и жрицы Дитяти! — кричал он. — Старая змея умерла. На мне лежала обязанность кормить ее в день новой луны, и я нашел ее мертвой!

— Вы слышали, — спокойно сказал я, — Отец Змей мертв. Мы взглянули на него, и он умер.

Все тихо стояли и смотрели на нас, как стадо испуганных овец. Потом толпа расступилась и появился похожий на библейского патриарха Харут. Он поклонился нам со своей обычной восточной вежливостью. Мы тоже

ответили ему поклоном.

— Итак, вы здесь? — обратился к нам Харут на своем особенном английском языке, принятом, вероятно, белыми кенда за язык, известный только магам.

— Ты приглашал нас, и мы пришли, так как считаем невежливым не принять твоего приглашения. Мы прошли через пещеру, где живет отвратительное пресмыкающееся, безвредное для тех, кто не боится его. Вы не заметили нас, но мы присутствовали при вашем богослужении и все видели и слышали. Например, мы видели жену лорда, похищенную вами в Египте, хотя ты Харут, будучи лжецом, клялся, что не похищал ее. Мы слышали, что она говорила после того, как вдохнула дыма вашего курения.

Харут побледнел, поднял глаза к небу и зашатался, словно готовый упасть.

— Как вам удалось это? — спросил он слабым голосом.

— Это безразлично, мой друг, — надменно ответил я, — нам только надо знать, когда вы вернете эту леди ее мужу.

— Никогда, — сказал он, овладевая собой, — сперва мы убьем вас, потом ее. Она должна остаться здесь до самой смерти.

— Слушай, — вмешался Регнолл, — я сильнее тебя. Если ты сейчас же не дашь обещания вернуть мне мою жену, я убью тебя этой палкой.

— Господин, — с достоинством сказал старик, — я знаю, что ты можешь сделать это, и если ты убьешь меня, я поблагодарю тебя, так как мне очень тяжело жить. Но что хорошего выйдет из этого? Все вы умрете через минуту после меня, а леди останется здесь до тех пор, пока не умрет или пока царь черных кенда не сделает ее своей женой.

— Дайте мне говорить, — сказал я, наступая Регноллу на ногу, — мы слышали, что говорил ваш оракул, и знаем, что вы верите в его слова. Он говорит, что только с нашей помощью вы можете победить черных кенда. Если вы не обещаете исполнить то, что мы потребуем, мы не станем помогать вам. Мы сожжем наш порох и расплавим свинец; тогда наши ружья не будут в состоянии говорить с Джаной и Симбой. Но если вы обещаете нам исполнить наши требования, мы научим ваших людей стрелять из тех пятидесяти ружей, которые имеются у нас, и с нашей помощью вы победите врагов. Ты понял меня?

Харут утвердительно кивнул головой и спросил, поглаживая свою длинную бороду:

— Что же мы должны обещать?

— Мы хотим, чтобы после того, как Джана будет убит и черные кенда побеждены, вы вернули нам похищенную леди и дали нам всем

возможность уйти из вашей страны.

— Вы требуете невозможного, — сказал Харут, — это погубит нас. Но присядьте и поешьте. Тем временем я поговорю с другими жрецами. Не бойтесь, вы в безопасности.

— Нам нечего бояться. Это ты, похитивший леди и причинивший смерть Бене, должен бояться. Вспомни слова оракула, Харут.

— Я знаю их. Но мне непонятно, откуда они вам известны, — ответил он, после чего отдал несколько приказаний.

Мы были окружены стражей и проведены сквозь толпу через второй двор храма, который был теперь пуст.

Женщины принесли нам питье и пищу, за которую мы с Хансом принялись с усердием, между тем как Регнолл ел очень мало. Радуюсь, что после долгих поисков он наконец нашел свою жену, он в то же время боялся снова потерять ее, и это лишало его аппетита.

Пока мы ели, жрецы, числом около двенадцати, собрались между алтарем и святилищем и вступили в горячий спор с Харутом. По их лицам было видно, что мнения сильно разделились.

Наконец Харут сделал какое-то предложение, на которое все согласились. Он и двое других жрецов вошли в святилище.

Минут через пять они вернулись, и один из них сделал сообщение, которое было выслушано весьма внимательно.

Потом один из жрецов подошел к нам с поклоном пригласил нас приблизиться к алтарю.

Харут снова открыл двери святилища, стал направо от них и обратился к нам, на этот раз на своем языке.

— Господин Макумазан, Игеза и желтый человек, именуемый Светом Во Мраке! — сказал он. — Мы, главные жрецы Дитяти, посоветовавшись между собой и с мудростью Дитяти, от имени белых кенда соглашаемся на ваши требования.

Во-первых, после того как вы убьете Джану и прогоните черных кенда, мы отдадим вам белую леди, жену лорда Игеза. Во-вторых, мы проводим вас и ее из нашей земли до места, откуда вы можете вернуться в свою страну. Мы исполним все это, ибо если Джана будет мертв, у нас не будет больше причин бояться черных кенда и не будет надобности в оракуле. Когда у нас явится нужда в оракуле, мы, без сомнения, сумеем найти новый. Но если мы поклянемся в этом, вы, в свою очередь, должны дать клятву, что до конца войны останетесь с нами. Вы должны поклясться, что до тех пор, пока мы сами не вернем вам леди, вы не будете пытаться увидеть ее. Если вы откажетесь, мы окружим вас кольцом и будем

сторожить до тех пор, пока вы не умрете от голода и жажды, ибо мы не можем проливать кровь в этом месте.

— Мы исполним свое обещание, но кто нам поручится, что вы исполните ваше?

— Мы поклянемся Дитятей, и эта клятва не может быть нарушена.

— Тогда клянитесь, — сказал я.

Жрецы положили свои правые руки на алтарь и «во имя Дитяти и всего народа белых кенда» дали торжественную клятву, после чего потребовали того же и от нас.

Сперва вышло некоторое затруднение с Регноллом, отказавшимся связывать себя какими бы то ни было обещаниями. В конце концов, к великому облегчению, мне удалось уговорить его.

Ханс объявил мне, что готов поклясться чем угодно, прибавив, что слова ничего не значат, так как всегда можно будет поступить так, как будет выгодно.

Я прочел ему короткое внушение относительно гнусности вероломства, которое, кажется, не произвело на него большого впечатления.

Первым давал клятву я, закончив ее словами «да поможет мне Бог», как несколько раз делал это, когда мне приходилось выступать свидетелем на суде.

Потом Регнолл повторил мою клятву по-английски.

Харут внимательно выслушал каждое слово и два раза попросил меня точно объяснить значение некоторых выражений. Наконец Ханс, которому, очевидно, все это весьма наскучило, повторил за мной слова клятвы, прибавив от себя: «Да поможет мне покойный отец бааса». Это выражение вызвало длинные объяснения. Ханс указывал жрецам, что мой покойный отец находился в таком же отношении к Высшей Силе, как их оракул к Дитяти. Кроме того, он щедро предложил в виде прибавки поклясться душами своего деда и бабушки и некоторыми божествами, почитавшимися им, в числе которых, кажется, был заяц. Это предложение было принято жрецами.

— Эти глупцы не понимают, — на ухо прошептал мне по-голландски Ханс, — что покойному отцу бааса будет приятно, если я сыграю с ними такую же штуку, как они сыграли с белой леди и лордом Игезой.

В глубине своей темной и таинственной души Ханс чтит только одного бога, именно любовь, но не к женщине и не к дитяти, а к моей скромной особе.

Глава XVIII. Посольство

После этой церемонии все жрецы, за исключением Харута и двух других, удалились, вероятно затем, чтобы сообщить о своем решении остальному собранию, а через него — всему народу белых кенда. — Что вы хотите теперь делать? — по-английски спросил Харут, всегда говоривший на этом языке в присутствии Регнолла, — быть может, вы полетите обратно в город Дитяти? В таком случае, пожалуйста, возьмите и меня с собой, так как это избавит меня от долгой езды.

— О нет! — ответил я. — Мы прошли сюда через пещеру, где живет Отец Змей, который при виде нас умер от страха.

— Хорошая ложь, — восхищенно сказал Харут, — первоклассная ложь! Но удивительно, как вам удалось убить змею, которую мы считали бессмертной, так как она прожила несколько сот лет. Наш народ нашел ее, когда впервые пришел в эту страну. Это было мерзкое животное. Быть может, вы хотите посмотреть Дитя? Это можно, так как вы теперь наши братья. Только снимите шляпы и не разговаривайте.

Мы, конечно, выразили желание посмотреть Дитя. Харут ввел нас в небольшое святилище, достаточно просторное, чтобы вместить всех нас. В нише, устроенной в стене в дальнем конце его, стояло священное изображение, которое мы с Регноллом рассматривали с глубоким, благоговейным интересом. Это была статуя ребенка около двух футов высотой, вырезанная из цельного клыка слона. Она была настолько ветхой, что желтая слоновая кость покрылась множеством мелких трещинок. По ее виду можно было заключить, что она была сделана несколько тысяч лет тому назад и всегда сохранялась под покрывалом. Египетское происхождение статуи не вызывало сомнения. Возможно, что моделью для нее послужило дитя какого-нибудь фараона. Тонкая работа обнаруживала превосходного художника.

В святилище не было ничего другого, кроме кресла черного дерева с инкрустацией из слоновой кости, изображения змеи и двух свитков папируса, лежавших в нише вместе со статуей.

К моему великому разочарованию, Харут не разрешил даже прикоснуться к ним.

— Теперь вы и народ белых кенда — одно, — сказал он, когда мы вышли из святилища, — ваш конец — его конец; ваша судьба — его судьба; его тайна — ваша тайна. Ты, лорд Игеза, в награду за помощь нам

получишь леди, которую мы похитили у тебя на Ниле.

— Как вам удалось сделать это? — прервал Харута Регнолл.

— Мы следили за тобой, господин. Мы следовали за тобой по Египту, пока не представился удобный случай. Когда наступила ночь, мы позвали леди, и она пришла на наш зов. Ты помнишь арабов, разъезжавших по берегу большой реки за день до похищения? Мы были в числе их, и нам удалось на верблюдах увезти леди через пустыню в нашу страну, точно так же, как я убежден, мы перевезем тебя и ее обратно.

— Я тоже верю в это, — ответил Регнолл, — вы причинили мне много зла. Но как могло случиться, что мой мальчик был убит слоном?

— Спроси об этом Джану, а не меня, — сумрачно ответил Харут. — Ты, Макумазан, получишь в награду много слоновой кости, которую ты видел на кладбище слонов по ту сторону реки Тавы. Когда ты убьешь Джану, стерегущего это место, и нанесешь поражение служащим ему черным кенда, мы дадим тебе верблюдов, чтобы довезти слоновую кость до кораблей. Что касается тебя, желтый человек, я думаю, что ты, который скоро унаследуешь все вещи, не ищешь награды.

— Старый маг хочет сказать, что я скоро умру, — задумчиво сплевывая, заметил Ханс, — что же, баас, я готов, если сперва умрет Джана и некоторые другие. Право, я становлюсь слишком старым для путешествий и сражений и потому буду рад перейти в другую страну, где снова сделаюсь молодым.

— Вздор! — воскликнул я.

— Западная и восточная дороги, — продолжал Харут, — единственные пути, ведущие к храму на вершине горы. Западный путь, который идет через пустыню, легко защитить. Относительно него нам нечего беспокоиться, так как оттуда трудно ждать нападения. Другое дело восточный. Я вам покажу его, если вы поедете со мной.

Он отдал несколько приказаний жрецам; те ушли почти бегом и через некоторое время вернулись, ведя нескольких верблюдов.

Мы сели на них и, проехав полмили, достигли ряда отвесных скал, образовавших наружный кратер.

В этих скалах был проход шириной в две — три сотни ярдов, в середине которого проходила дорога с окопами по сторонам, устроенными, очевидно, с целью обороны.

Видя, что эти укрепления представляют надежную защиту, я спросил, когда они выстроены.

Харут ответил, что во время последней войны, около ста лет тому назад, когда черные кенда были изгнаны из этого места, так как белые

кенда в то время были многочисленнее, чем черные.

— Значит, Симба знает эту дорогу? — спросил я.

— Да, господин. И Джана знает ее, ибо по временам он посещает эти места и убивает всех, кого встретит. Только к храму он никогда не осмеливается приблизиться.

Я сказал Харуту, что нужно без промедления укрепить это место.

— Да, господин, — согласился он, — мы недостаточно сильны, чтобы напасть на черных кенда в их стране или встретить их в открытом поле. Только здесь может произойти решительное сражение между Джаной и Дитятей. Вы должны руководить нами в постройке на этом месте различных искусных укреплений, которые помогут нам победить Джану и черных кенда.

— Ты думаешь, Харут, что этот слон будет сопровождать Симбу и его воинов?

— Без сомнения, господин. Так бывало всегда. Джана повинуетя Симбе и некоторым жрецам черных кенда, предки которых вскормили его. Кроме того, он сам умеет думать за себя. Это неуязвимый злой дух.

— Его левый глаз и конец хобота оказались уязвимыми, — заметил я, — хотя я не сомневаюсь в его способности соображать.

Мы произвели несколько измерений. Регнолл, хорошо знакомый с подобными вещами, вчерне сделал в своей записной книжке набросок местности для составления плана новых укреплений.

Мы возвратились в город, где нам теперь предстояло много дел. Утомленные долгой ездой, без сна проведенной ночью и всеми предыдущими тревожностями, мы, немного поев, улеглись спать.

Около пяти часов нас разбудил гонец Харута, просившего нас прийти по важному делу в Дом Собраний, который находился недалеко от нашего дома, на площади, где производилась меновая торговля.

Там мы нашли Харута и около двадцати других предводителей, за которыми на почтительном расстоянии стояло человек сто белых кенда, преимущественно женщин и детей, так как мужское население было занято уже начавшейся жатвой.

Нас проводили на почетные места.

Когда мы уселись (Ханс стал за нами), поднялся Харут и сообщил, что от черных кенда прибыло посольство, которое сейчас предстанет перед собранием.

Вошли пятеро довольно свирепых на вид черных кенда, без оружия, но со своими обычными серебряными цепочками на груди, обозначающими их звание.

В их предводителе я узнал одного из парламентариев, говоривших с нами перед битвой, в которой я попал в плен.

Он выступил вперед и сказал, обращаясь к Харуту:

— Не особенно давно, о пророк Дитяти, я, вестник бога Джаны, говорившего устами царя Симбы, предостерегал тебя и твоего брата Марута, но вы не послушались меня. Теперь Джана взял Марута, и я снова пришел предостеречь тебя.

— Я помню, — кратко прервал посла Харут, — что вас, передававших мне слова Симбы, было двое. Но Дитя наложило свою печать на лоб одного из вас. Если Джана взял моего брата, то где же твой?

— Мы предостерегали Вас, — продолжал посол, — но вы проклинали нас именем Дитяти.

— Да, — снова прервал его Харут, — мы проклинали вас тремя проклятиями. Проклятиями бури, голода и войны. Два первых уже сбылись, остается третье, которое скоро падет на вас.

— Я пришел говорить с тобой о войне, — сказал посол, дипломатически избегая говорить на другие темы.

— Это неразумно, — возразил Харут, — вы уже пробовали сразиться с нами, но добились немногого. С вашей стороны убито много, с нашей мало. Белый господин избегнул ваших рук и клыков Джаны, у которого теперь не хватает глаза. Если он бог, почему он не мог убить лишенного оружия белого человека?

— Джана ответит сам за себя, Харут. Вот слова, которые он говорит устами царя Симбы: «Дитя уничтожило мою жатву, поэтому я требую, чтобы его народ отдал три четверти своей. Пусть он соберет ее и сам сложит на южном берегу реки Тавы. Пусть народ Дитяти выдаст белых людей, чтобы они были принесены мне в жертву. Пусть белая госпожа, Хранительница Дитяти, станет женою Симбы, и с нею сто девушек вашего народа. Пусть изображение Дитяти будет принесено к реке Таве и явит покорность богу Джане в присутствии его жрецов и царя Симбы.» Вот чего требует Джана устами царя Симбы!

Я видел, как содрогнулся Харут и с ним все собравшиеся, когда слышали эти нечестивые требования.

— А если мы откажемся исполнить это? — все еще спокойно спросил Харут.

— Тогда Джана объявляет вам последнюю войну, — дерзко закричал посол, — войну до тех пор, пока не будет убит последний ваш мужчина, пока Дитя, которое вы чтите, не будет обращено в пепел, пока ваши женщины не сделаются нашими рабынями, пока ваша земля не будет

опустошена и имя ваше забыто! Уже рать Джаны собралась, и он трубным звуком зовет ее в бой. Завтра или в ближайшие дни мы обрушимся на вас, и все вы будете истреблены прежде, чем взойдет полная луна!

Харут поднялся и, выйдя из-под навеса, стал спиной к послам и пристально посмотрел на отдаленные высокие горы.

Я из любопытства последовал за ним и увидел, что эти горы теперь были окутаны темными, тяжелыми тучами.

— Последуйте моему совету, друзья, и поскорей поезжайте к реке Таве, — сказал послам Харут, возвращаясь под навес, — в горах сейчас идет такой дождь, какого я никогда не видал. Ваше счастье, если вы успеете перейти через реку, прежде чем она разольется.

Это известие, казалось, встревожило послов. Они вышли из-под навеса и смотрели на горы, перешептываясь друг с другом. Потом вернулись и с безразличным видом потребовали ответа на свои требования.

— Разве вы не догадались о нем? — спросил Харут.

Потом, выпрямившись во весь рост, он загремел на них:

— Вернитесь к своему злому богу, скрытому в образе лесного зверя, и его рабу, именующему себя царем, и скажите им: «Так говорит Дитя своим возмущившимся рабам, собакам черным кенда: перейдите, если можете, мою реку. Ты уже мертв, Джана! Ты уже мертв, раб Симба! Вы уже рассеяны, собаки черные кенда! Вы будете жить на бесплодной земле, где вам придется рыть глубокие колодцы, чтобы добыть воды, и питаться дичью, так как у вас будет мало хлеба». Теперь ступайте, да поскорее, чтобы не остаться здесь навсегда!

Послы повернулись и удалились.

Я был в восхищении от артистических способностей Харута.

Надо прибавить, что, будучи весьма наблюдательным человеком, он был совершенно прав относительно дождя в горах. Как мы узнали впоследствии, как раз когда послы достигли реки, она сильно разлилась. Один из них утонул при переправе, и в продолжение четырнадцати дней река оставалась непроходимой для войска.

В тот же вечер мы начали приготовления к встрече неизбежного нападения. Положение белых кенда было весьма серьезным.

У них было всего около двух тысяч семисот мужчин (включая мальчиков и стариков), годных для военных действий всякого рода. К ним можно было прибавить до двух тысяч женщин. Странно, что у этого народа мужчины превосходили числом женщин. Против столь незначительных сил черные кенда могли выставить двадцать тысяч мужчин, оставив мальчиков и стариков с женщинами для защиты своей земли.

Таким образом, на одного белого кенда приходилось почти десять врагов.

Кроме того, надо было ожидать, что все черные кенда будут сражаться с большой храбростью и отчаянием, так как три четверти их жатвы и множество скота было уничтожено ужасным градом, о котором я уже упоминал. Им оставалось или отнять хлеб у народа Дитяти, или переносить голод в продолжение года, до новой жатвы.

Только одно обстоятельство, я видел, было в пользу белых кенда. Они могли сражаться под защитой укреплений, построенных с помощью искусства и знаний Регнолла и моих. Наконец, враги должны были встретиться с нашими ружьями, которых до сих пор не знали ни черные, ни белые кенда. Не знаю причины этого, тем более, что по временам белые кенда торговали верблюдами с арабами и другими кочующими племенами, которым было известно огнестрельное оружие. Быть может, какой-нибудь старый закон или предрассудок запрещал ввозить оружие в их страну.

Как я уже говорил, Регнолл в придачу к своим охотничьим ружьям привез с собой в Африку пятьдесят винтовок системы Снайдерса с большим запасом патронов. С этими винтовками вышло некоторое затруднение на дурбанской таможне. Прежде всего нужно было позаботиться о наилучшем применении этого ценного запаса.

Харут отобрал семьдесят пять самых смелых и понятливых молодых людей, которые были переданы мне с Хансом для обучения стрельбе.

У нас было всего пятьдесят ружей, но мы обучили семьдесят пять человек, т.е. на пятьдесят процентов больше, чтобы иметь запас для замены павших в бою.

От зари до поздней ночи мы с Хансом старались сделать из них метких стрелков. Это была нелегкая задача, тем более, что при практической стрельбе нужно было экономить патроны.

Мы учили их по команде открывать и прекращать огонь и не тратить даром ни одного выстрела.

За исключением этих семидесяти пяти человек, все мужское население день и ночь было занято сбором жатвы. Все зерно свозилось во второй двор храма на горе, — единственное место, где оно было в безопасности.

Стада скота и верблюдов были уведены в безопасные места, в лес на склоне горы, где для них были заготовлены большие запасы корма.

Разведчики зорко следили за берегами реки Тавы. Укрепление горного прохода тоже потребовало немалого труда. Это взял на себя Регнолл, к счастью в юности служивший в продолжение нескольких лет в Королевских саперах и потому хорошо знакомый с этим делом.

С помощью жрецов и всех женщин и детей, не занятых перевозкой на гору хлеба, было построено множество разнородных укреплений. Повсюду, где только было возможно, были вырыты глубокие ямы с острыми кольями на дне.

Я был буквально поражен, когда спустя десять дней увидел эту работу в почти законченном виде.

В это время возникли споры, следует ли сделать попытку воспрепятствовать черным кенда переправиться через реку. Этот план находил сторонников среди некоторых стариков.

Наконец решение его было предоставлено мне, как главному начальнику, и я отклонил этот план, так как считал наши силы слишком слабыми для его выполнения.

На четырнадцатый день наши верховые разведчики донесли, что черные кенда накапливаются в большом числе на противоположном берегу реки Тавы.

На пятнадцатую ночь мы получили известие, что они перешли реку в количестве пяти тысяч всадников и пятнадцати тысяч пехотинцев и что во главе их идет огромный слон Джана, на котором едет царь Симба и хромой жрец (вероятно, мой приятель, раненый в ногу pistolетной пулей) в качестве магута^[140].

Последнее мне казалось невероятным, так как я не мог себе представить, чтобы можно было ездить на таком бешеном слоне, как Джана.

Однако это оказалось правдой.

Я полагал, что либо в руках известных лиц это животное становилось ручным, либо ему давали какое-нибудь снадобье.

В продолжение двух дней (черные кенда продвигались вперед довольно медленно) мы видели пламя и дым, поднимавшиеся из города Дитяти.

Теперь мы знали, что час испытания близок, и все мужчины, женщины и дети с лихорадочной поспешностью заканчивали постройку укреплений и делали все посильные приготовления к их защите.

Мы занимали довольно сильную позицию.

Все подходы к храму были заграждены. Произвести нападение можно было только с восточной стороны.

В проходе было три линии укреплений, построенных одна за другой с промежутками в несколько сот ярдов.

Нашим последним убежищем являлись стены самого храма, в задней части которого собрались почти все белые кенда, за исключением

охранявших скот в неприступных местах северного склона горы.

Тут собралось около пяти тысяч человек обоего пола и всех возрастов, настолько хорошо снабженных пищей, что осаду можно было выдержать в продолжение нескольких месяцев.

Всякое отступление было отрезано, так как от лазутчиков мы узнали, что черные кенда, хорошо знакомые с местностью, поставили несколько тысяч человек охранять западную дорогу и склоны горы.

Единственный оставшийся путь через пещеру был нами самими загражден большими камнями.

В общем, мы находились в положении крыс, попавших в западню, и нам только оставалось либо победить, либо умереть, так как сдача в плен принесла бы нам участь горше смерти.

Глава XIX. Аллан Квотермейн делает промахи

Я сделал последний обход небольшого отряда, который в шутку прозвал «Отрядом метких стрелков», хотя, сказать правду, их стрельбу можно было назвать какой угодно, только не меткой. Стрелки стояли по своим местам, укрываясь за стеной, причем позади каждой пары сидел на корточках запасной, готовый сменить павшего.

Я убедился, что в кожаной сумке каждого из них было по двадцать патронов.

Опасаясь беспорядочной стрельбы, как это бывает даже в хорошо дисциплинированных войсках белых, я не снабдил их большим количеством.

Остальной запас (приблизительно по шестьдесят патронов на каждое ружье) находился у нескольких стариков, помещавшихся в сравнительно безопасном месте за линией. Им было отдано приказание передавать патроны в боевую линию в небольших количествах, но не раньше, чем в этом представится действительная надобность. Это было необходимо для того, чтобы ни один выстрел не пропал даром.

Сделав несколько указаний и предостережений исполнявшим обязанности сержантов отряда, я вернулся в беседку, устроенную для нас за скалой, и решил, если удастся, вздремнуть до начала сражения несколько часов.

Здесь я нашел Регнолла, только что вернувшегося с обхода укреплений, устроенных им с большой тщательностью, и осмотревшего, все ли отряды белых кенда готовы к выполнению своего назначения в обороне.

Он был утомлен и слишком возбужден, чтобы сразу уснуть.

Мы поговорили немного о предстоящем сражении. Потом я спросил его, не слышал ли он что-нибудь о своей жене.

— Ничего, — ответил он, — эти жрецы не говорят о ней. Да если бы и говорили, я бы все равно ничего не понял, так как Харут единственный из них человек, с которым я могу объясняться. Кроме того, я строго держал свое слово и даже, когда мне представился случай увидеть ее при укреплении западной дороги, сделал крюк, чтобы не проходить мимо дома, где она живет. Ах, Квотермейн, мой друг! Хуже всего то, что к ней, как я

узнал от Харута, до сих пор не вернулся рассудок.

— Напротив, это хорошо, — возразил я, — так как она, по крайней мере, не страдает. Но каким образом вы и бедняга Сэвидж могли видеть ее в городе Дитяти? Ведь это не фантазия, так как, по вашему описанию, на ней был такой же наряд, какой мы видели на празднестве Первых Плодов.

— Я тоже не понимаю этого, Квотермейн. На свете бывает много странных вещей, над которыми мы иногда смеемся, потому что они непонятны нашему ограниченному разумению. Но слушайте, Квотермейн. Если я погибну, что легко может случиться, а вы переживете меня, вы должны сделать все зависящее от вас, чтобы доставить ее в Англию. Вот приписка к моему духовному завещанию, надлежащим образом засвидетельствованная Сэвиджем и Хансом. По ней вам предоставляется необходимая сумма для покрытия всех расходов и кое-что для вас самих. Возьмите ее.

— Я сделаю все, что будет в моих силах, — ответил я, пряча документ в карман, — а теперь не будем больше думать о смерти. Это может помешать нашему сну, в котором мы весьма нуждаемся. Я надеюсь остаться в живых, дав хороший урок этим негодным кенда, и проводить вас и леди Регнолл до берега моря. Спокойной ночи!

После этого мы крепко уснули и проспали несколько часов.

Проснувшись, я увидел Ханса, сидевшего у входа в беседку, покуривая свою роговую трубку, и державшего на коленях «Интомби».

Я спросил его, который час, и получил ответ, что до зари остается два часа. На вопрос, почему он не спит, он ответил, что уже спал и во сне видел моего покойного отца. Немного спустя, когда я допивал свой кофе, ко мне пришли по делу от Регнолла, вставшего раньше меня.

Я обернулся, чтобы передать чашку Хансу, но он уже исчез. Поставив ее на землю, я погрузился в рассмотрение дела, по которому пришли посланные.

Тем временем вошли наши лазутчики, всю ночь следившие за лагерем черных кенда.

Враги расположились не более чем в полумиле от нас на открытом склоне холма, со всех сторон окружив себя пикетами.

По словам двух захваченных нашими пленными, принужденных под угрозой смерти говорить правду, они собирались напасть на нас при восходе солнца, так как ночью боялись засады.

У нас поднялся вопрос, не атаковать ли нам самим их лагерь ночью, но по обсуждению этот план был оставлен, так как враги значительно превосходили нас числом и благодаря хорошо выбранной ими позиции к

ним невозможно было подойти, не будучи сперва замеченными их аванпостами. В глубине души я надеялся, что, вопреки словам пленных, они попытаются напасть на нас до зари и в темноте попадут в наши ямы и рвы, которые могут истребить большое число их.

Накануне сметливый Ханс указывал мне, какие выгоды мог представить для нас такой случай.

Я был вполне согласен с ним. За час до наступления зари ко мне зашел старый Харут и уведомил меня, что все наши люди поднялись и стоят по местам, делая последние приготовления к защите укреплений и стен первого двора храма, если нам придется отступить.

Лишь только он это сказал, как внезапно сквозь тишину, обыкновенно, предшествующую рассвету, до наших ушей долетел звук, несомненно ружейного выстрела.

Выстрел раздался приблизительно в полумиле от нас, и за ним послышался шум большого лагеря, неожиданного всполошившегося ночью.

— Кто мог сделать это, — спросил я, — ведь у черных кенда нет ружей.

Харут высказал предположение, что, быть может, кто-нибудь из наших стрелков покинул свой пост.

Пока мы строили различные догадки, прибежали наши лазутчики с известием, что черные кенда, очевидно решившие, что на них нападают, вышли из лагеря и приближаются к нам.

Мы обошли наши передовые линии и взялись за оружие. Минут через пять, стоя на своем месте за стеной и прислушиваясь к приближающемуся шуму, я увидел сквозь густой мрак (луна уже зашла) что-то бегущее по направлению ко мне, похожее на пригнувшегося к земле человека. Я поднял было ружье, но, подумав, что это может быть просто гиена, не стал стрелять, так как опасался вызвать этим напрасную пальбу своего отряда.

В следующий момент из-за стены, за которой я стоял, послышался хорошо знакомый мне голос:

— Не надо стрелять, баас, это я.

— Что ты делал, Ханс? — спросил я, когда он перелез через стену.

— Я нанес визит черным кенда, баас, — запыхавшись отвечал Ханс, — пробравшись через их дурацкие аванпосты, которые также слепы ночью, как летучие мыши днем. Я надеялся отыскать Джану и всадить ему пулю в ногу или хобот. Но я не нашел его. Один из их начальников стоял у сторожевого костра, представляя хорошую мишень для выстрела. Моя пуля достала его, баас, потому что он свалился в огонь, разбрасывая во все

стороны искры. Потом я пустился наутек и, как видит баас, счастливо добежать сюда.

— Зачем ты делаешь глупости? — сказал я. — Ведь это могло тебе стоить жизни!

— Я умру не раньше, чем мне это назначено, баас, — отвечал он, заряжая своей маленькое ружье, — и это не глупость, а умный поступок, баас. Потому что черные кенда, думая, что мы на них напали, сами поспешили атаковать нас в темноте. Вот они уже идут.

Это действительно подтверждалось приближавшимся шумом.

Трубили рога, слышались окрики вождей, и вся гора сотрясалась от топота тысяч человеческих и лошадиных ног.

Вой и крики: «Джана! Джана!» эхом отдавались в скалах и лесах. С нашей стороны царило молчание.

— Теперь они подходят к ямам, — захихикал Ханс, нервно переминаясь с ноги на ногу. — Вот! Они уже полетели в них.

Это была правда.

Крики ужаса и боли говорили, что первые ряды конных и пеших врагов попадали в искусно вырытые в большом количестве ямы, замаскированные сверху ветками. Падая в ямы, враги пронзались острыми кольями, вколоченными в их дно. Тщетно передние ряды пытались криками предупредить задние о грозящей им опасности.

Людской поток катился вперед, доверху наполняя ямы смертельно раненными и задушенными.

Не знаю, сколько их погибло, но после битвы почти не было ни одной ямы, не наполненной до краев мертвыми.

Изобретение Регнолла, до сих пор неизвестное людям кенда, сослужило нам хорошую службу.

Однако враги, наполнив трупами ямы, прошли по ним и, уже различаемые мною во мраке, подходили к нам.

Теперь настал мой черед. Когда они были не более чем в пятидесяти ярдах от первой стены, я скомандовал своим стрелкам открыть огонь и для примера разрядил оба ствола одного из слоновых ружей в самую гущу толпы.

На таком расстоянии не могли промахнуться даже самые неопытные стрелки. Ни один выстрел не пропал даром. Часто одна пуля убивала или ранила несколько человек.

Результат последовал мгновенно.

Черные кенда, совершенно непривычные к ружейной стрельбе и воображавшие, что у нас всего два — три ружья, остановились, как

парализованные.

На несколько мгновений воцарилась тишина, вскоре нарушенная новым залпом из снова заряженных нами ружей.

За ним последовали крики и стоны падавших повсюду врагов и паническое их бегство.

— Они бегут! Это для них слишком горячо, баас! — ликующе воскликнул Ханс.

— Да, — ответил я, когда мне наконец удалось остановить стрельбу, — но я думаю, что с наступлением рассвета они снова вернутся. Однако твоя вылазка дорого обошлась им, Ханс.

Постепенно рассветало.

Тишина не нарушалась ни малейшим дуновением ветерка.

Но что за сцена открылась перед нами с первыми лучами солнца!

Все ямы и рвы были до краев наполнены еще шевелившимися людьми и лошадьми. Недалеко от нас лежали кучи убитых и раненых — кровавая жатва нашего ружейного огня.

Эта ужасная картина была сильным контрастом по сравнению с мирным покоем, царившим наверху.

Мы не потеряли ни одного человека, если не считать одного легко раненного брошенным копьем.

Этот факт вызвал необыкновенное ликование у полудиких кенда. Полагая, что каково начало, таков должен быть и конец, они издавали веселые крики, пожимая друг другу руки. Потом они с аппетитом принялись за еду, принесенную женщинами, причем не переставали болтать, несмотря на то что вообще были весьма молчаливым народом.

Даже степенный Харут, подошедший ко мне с поздравлениями, казался возбужденным, как мальчик, пока я не напомнил ему, что настоящее сражение еще впереди.

Черные кенда попали в ловушку и понесли большие потери, но это не могло иметь особенного влияния на исход борьбы, так как число врагов было слишком велико. Регнолл, пришедший со своей оборонительной линии, согласился со мной.

Черные кенда, сражавшиеся за жизнь, равно как и за честь, будут наступать до тех пор, пока не победят или не будут истреблены.

Но как мы могли надеяться с небольшими силами истребить такое воинство?

Четверть часа спустя двое наших часовых, помещавшихся на вершинах высоких скал, донесли, что черные кенда выстраивают свои полчища и что их кавалерия спешила и лошади уведены в тыл, будучи,

очевидно, признаны бесполезными в этом месте.

Немного спустя из-за поворота показалось несколько отдельных человек, державших в руках по связке длинных палок с кусками белой материи, прикрепленными к концу каждой.

Меня чрезвычайно заинтересовало назначение этих палок.

Скоро все стало ясно.

Эти люди (их было тридцать — сорок) быстро бегали в разных направлениях, пробуя почву копьями в поисках новых ям. Нетронутых они нашли очень мало и перед каждой из них, равно как и перед уже наполненными, они в виде предостережения втыкали палку с флажком.

Ими же было унесено много раненых.

Мы с большим трудом сдерживали белых кенда, желавших напасть на них, что, несомненно, могло завлечь наших в засаду.

Я также не позволил своим людям стрелять по ним, так как в результате было бы много промахов и, следовательно, напрасной траты патронов.

Сам я, однако, сделал два — три выстрела.

Исследовав основательно почву, разведчики удалились, и немного спустя начали показываться шедшие в полном порядке войска черных кенда. Их было около десяти тысяч человек. Ярдах в четырехстах они остановились. Последовала пауза, вскоре нарушенная звуками рогов и ликующими криками.

Тут моим глазам представилось необыкновенное зрелище.

Из-за поворота показался шедший медленным, тяжелым шагом огромный слон Джана. На его спине и голове сидели двое людей, в которых я с помощью бинокля узнал уже знакомого мне хромого жреца и Симбу, царя черных кенда, пышно разряженного. Он сидел на деревянном стуле, размахивая длинным копьем.

Вокруг шеи животного было обвязано двенадцать цепей, концы которых держали воины, бежавшие по шести с каждой стороны.

К концу хобота Джаны были прикреплены три другие цепи, заканчивавшиеся железными шарами.

Он шел, как послушный индийский слон, на котором возят бревна, проходя широким коридором, оставленным среди войска, и осторожно обходя ямы, наполненные мертвыми. Я думал, что он остановится, дойдя до первых рядов. Но я ошибся.

Джана продолжал идти прямо на наши укрепления.

Для меня представлялся исключительный случай. Я приготовил тяжелое двуствольное слоновое ружье.

Второе точно такое же ружье со взведенными курками держал Ханс, готовый в нужный момент подать его мне.

— Я убью этого слона, — сказал я, — пусть никто не стреляет. Вы сейчас увидите, как умрет бог Джана.

Огромное животное продолжало идти вперед. Теперь оно представлялось мне еще большим, чем при свете луны, когда оно стояло надо мною, готовясь раздавить меня ногой. Я уверен, что во всей Африке не было равного Джане слона.

— Пора стрелять, баас, — прошептал Ханс, — он уже близко.

Но я решил подождать, пока он не остановится, намереваясь для поддержания всего престижа покончить с ним одной пулей.

Наконец он остановился и, открыв свою красную пасть, поднял хобот вверх и затрубил.

Симба, поднявшись со своего кресла, начал кричать, чтобы мы сдались «непобедимому» и «неуязвимому» богу Джане.

«Я покажу тебе, какой он неуязвимый», — подумал я.

Оглянувшись назад, я увидел Регнолла, Харута и всех белых кенда, ожидавших, затаив дыхание, развязки.

Трудно было представить себе более удобный и верный случай для выстрела.

Голова животного была поднята, рот открыт.

Мне только оставалось послать ему пулю через небо в мозг.

Это было очень легко. Я готов был держать пари, что могу покончить с ним, имея одну руку привязанной к спине.

Я поднял свое тяжелое ружье и, прицелившись в определенное место в задней части его красного рта, спустил курок.

Раздался выстрел, но ничего не произошло.

Джана даже не потрудился закрыть свой рот.

— Ого! — слышались восклицания зрителей.

Прежде чем они стихли, последовал второй выстрел, но с тем же результатом, вернее без всякого результата.

Тогда Джана закрыл свой рот, перестал трубить и, как будто желая сделать из себя еще лучшую мишень, повернулся боком и встал совершенно спокойно.

Я схватил второе ружье и, прицелившись за ухо — место, за которым (я знал по долгому опыту) находится сердце, — выстрелил сначала из одного ствола, потом из другого.

Джана не пошевелился.

На его шкуре не появилось ни одного кровавого пятна. Меня охватило

ужасное сознание, что я, Аллан Квотермейн, знаменитый стрелок, знаменитый охотник на слонов, четыре раза подряд промахнулся, стреляя в огромное животное на расстоянии сорока ярдов.

Мой стыд был так велик, что я едва не упал в обморок.

Точно сквозь туман я слышал различные восклицания.

— Господи! — воскликнул Регнолл.

— Allemagte! — вторил ему Ханс.

— Дитя, помоги нам, — бормотал Харут.

Все смотрели на меня, как будто я был сумасшедшим.

Кто-то нервно засмеялся, и тотчас же все начали смеяться.

Даже стоявшие вдалеке черные кенда корчились от смеха, и я, Аллан Квотермейн был центром их насмешек!

Мне казалось, что я схожу с ума.

Внезапно смех прекратился.

Снова царь Симба начал что-то кричать о Джане, «неуязвимом» и «непобедимом», на что белые кенда кричали: «Колдовство! Околдованный!»

— Да! — вопил Симба. — Никто не может ранить бога Джану. Даже белый господин, которого вы привезли издалека, чтобы убить его.

Ханс вскочил на стену и, прыгая, как ужаленная обезьяна, закричал:

— А где левый глаз Джаны? Не моя ли пуля вышибла его? Если Джана бог, почему он допустил это?

Потом он перестал прыгать и, подняв «Интомби», крикнул:

— Посмотрим, бог ли это или простой слон.

Грянул выстрел, и одновременно с ним я увидел кровь, показавшуюся на шкуре Джаны в том самом месте, куда я безрезультатно целился.

Конечно, пуля из небольшого, малокалиберного ружья была не в состоянии достать до сердца.

Вероятно, она, пробив шкуру, застряла на глубине не более двух дюймов.

Однако она оказала надлежащее действие на «неуязвимо» бога.

Он поднял хобот и закричал от боли и ярости, потом повернул к своему народу и побежал таким шагом, что люди, державшие цепи, выпустили их и отлетели в сторону, а Симба и жрец едва удержались на его спине. Результат выстрела Ханса был настолько удовлетворителен, что общее убеждение в заколдованности Джаны исчезло, но это оставило меня в еще худшем положении, чем прежде, так как, очевидно, Джана был защищен от моих пуль исключительно недостатком у меня ловкости. Ох, никогда в жизни я не испытывал такого унижения, как в этот несчастный

час. Однако как могло случиться, что я, при всем моем искусстве, мог дать четыре промаха подряд по такой горе? На этот вопрос я никогда не мог найти ответа.

К счастью, скоро общее внимание было отвлечено от меня, так как масса черных кенда с громкими криками пришла в движение.

Приступ начался.

Глава XX. Аллан плачет

Медленно продвигавшимся вперед главным силам черных кенда предшествовало около тысячи застрельщиков, из которых каждый был снабжен пучком метательных копий. Когда они были ярдах в пятидесяти от нас, мы открыли огонь и уложили многих из них и из шедших за ними главных сил.

Но это не остановило их, да и что могли поделать пятьдесят ружей против целой орды храбрых дикарей, у которых, казалось, не было страха смерти.

Вскоре их метательные копья начали падать среди нас, ранив нескольких.

Большого ущерба они не могли нам нанести, так как мы стояли под прикрытием стен.

Мы стреляли, заряжали и снова стреляли, считая первые ряды, но на их месте появлялись все новые и новые.

Наконец по данной команде застрельщики, исключая убитых и раненых, укрылись за подходившими все ближе и ближе главными силами, которые теперь находились ярдах в пятидесяти от нас.

После минутной паузы снова раздалась команда, и три первых плотных ряда бросились на нас.

Мы дали залп и, как было раньше условлено, отошли назад, за следующую линию укрытий, откуда продолжали поддерживать огонь.

Теперь вступил в дело главный отряд белых кенда под командой Регнолла и Харута.

Враги, перебравшиеся через первую стену, только что оставленную нами, встретились с нашими копейщиками в тесном месте между двумя стенами, где численное превосходство не давало большого преимущества. Здесь произошел ужасный бой.

Потери нападающих были чрезвычайно велики, так как, завладев одним рядом укреплений, они через несколько ярдов наталкивались на новый отряд защитников, которых можно было принудить к отступлению только весьма дорогой ценой.

Так продолжался бой часа два или более.

Чтобы сломить оказываемое нами отчаянное сопротивление, черные кенда (я должен сказать, что сражались они превосходно) масса за массой обрушивались на нас, устилая свой путь сотнями убитых и раненых.

Между тем я со своими стрелками осыпал их градом пуль до тех пор, пока запас патронов не начал истощаться.

В половине восьмого утра нам пришлось отступить за последнее наружное укрепление, находившееся как раз у восточных ворот храма, в туннеле, проходившем через скалу из застывшей лавы.

Трижды бросались на нас черные кенда и трижды мы отбивали их, пока ров перед стеной почти доверху не наполнился павшими.

Едва врагам удавалось взобраться на стену, как наши копейщики пронзали их своими длинными копьями или стрелки поражали их пулями.

Характер местности допускал только прямую фронтальную атаку.

Наконец враги были вынуждены прекратить на некоторое время нападение и отступить.

Но вскоре, отдохнув и получив подкрепление, они с криками и пением военных песен снова бросились на нас.

Две тысячи врагов, как поток, устремились на нас. Но мы отбили их атаку. Они бросились во второй раз, но мы снова отбили их.

Тогда они изменили свой план нападения.

Остановившись среди мертвых и умирающих у основания стены, построенной из камней и земли, они начали подкапывать ее.

Нам трудно было помешать им в этом, так как всех, кто показывался из-за стены, они осыпали тучами метательных копий.

Через пять минут они устремились в пробитую брешь. Тщетно было пытаться задержать этот натиск, так велико было число врагов.

Несмотря на отчаянное сопротивление, мы были отброшены к воротам храма и укрылись в его первом дворе.

Нам едва удалось запереть ворота, которые тотчас же были забаррикадированы камнями и землей.

Но это помогло нам ненадолго.

Враги натаскали хвороста и сухой травы к сделанным из кедрового дерева воротам и подожгли их.

Пока они горели, мы совещались.

Дальше отступать было некуда, так как во втором дворе, где находились женщины и дети и лежали запасы хлеба, было очень мало места для боя.

Только здесь, на первом дворе, мы должны были удержаться и либо победить, либо умереть.

До этого времени наши потери, по сравнению с черными кенда, потерявшими свыше двух тысяч человек, были незначительны.

У нас было около двухсот человек убито и приблизительно столько же

ранено. Следовательно, в нашем распоряжении оставалось около тысячи шестисот бойцов, что было значительно больше, чем могло сражаться в этом тесном месте.

Поэтому мы пришли к такому решению: триста пятьдесят лучших воинов должны были защищать храм, пока не падут.

Остальные (больше тысячи) были уведены во второй двор, где находились женщины и дети.

Они должны были проводить последних тропинками к месту, где были спрятаны верблюды, и бежать с ними куда могут.

Мы надеялись, что, победив, черные кенда будут слишком утомлены, чтобы преследовать их по равнине до отдаленных гор.

Это было отчаянное решение, но у нас не было другого выбора.

— А моя жена? — хрипло спросил Регнолл.

— Пока храм стоит, она должна оставаться в нем, — отвечал Харут, — но когда все будет потеряно и я паду, ты, белый господин, войди в святилище, возьми ее и Дитя и беги за другими. Только я возлагаю на тебя обязанность: под страхом проклятия неба, не допусти, чтобы Дитя попало в руки черных кенда. Сперва сожги его огнем или преврати в прах камнями. Кроме того, я отдал приказание в последнюю минуту поджечь навесы, устроенные над запасами хлеба, чтобы враги, избегнувшие наших копий, умерли от голода.

Тотчас же все приказания Харута, который был не только главным жрецом, но и чем-то вроде президента этой республики, были беспрекословно исполнены.

Я никогда не видел более совершенной дисциплины, чем у этого бедного народа.

Отряд за отрядом воинов, назначенных сопровождать женщин и детей, исчезал за воротами второго двора. Каждый уходивший оборачивался и салютовал оставшимся копьями.

Оставшиеся триста пятьдесят человек встали по местам, как греки, защищавшие Фермопилы.

Впереди поместился я со своими стрелками, которым были розданы все остальные патроны (по восемь на человека). За нами встали в четыре ряда воины, вооруженные саблями и копьями, под начальством Харута.

Позади них, вблизи ворот, ведущих во второй двор храма, находились пятьдесят отборных людей под командованием Регнолла, которые должны были в критический момент сделать попытку спасти Хранительницу Дитяти. Я забыл упомянуть, что Регнолл был дважды ранен при отчаянной защите укреплений: в плечо и бедро.

Когда все было готово и все утолили жажду из больших кувшинов, стоявших вдоль стен двора, пламя начало пробиваться сквозь массивные деревянные ворота.

Это случилось не ранее, чем через добрых полчаса после того, как они были подожжены.

Наконец они рухнули под ударами извне. Но проход оставался загроможденным грудой камней, набросанных нами после закрытия ворот.

Черные кенда разгребали их руками, палками и копьями.

Это было нелегко, так как наши поражали их копьями и избивали камнями. Но мертвые и раненые оттаскивались в сторону, а на их место становились другие.

В конце концов проход был очищен.

Тогда я отослал копейщиков назад на свои места и приготовился выполнить свою роль.

Ждать пришлось недолго. С громкими криками толпа черных кенда бросилась в проход.

Едва они появились во дворе, я скомандовал стрелять, и пятьдесят пуль полетело им навстречу с расстояния всего в несколько ярдов.

Они повалились кучами, как скошенный хлеб. Мы быстро зарядили ружья и ждали новой атаки.

Снова появились враги и снова повторилась ужасная сцена.

Ворота и туннель были загромождены павшими. Чтобы возобновить атаку, врагам пришлось убирать их под нашим огнем (стреляли я, Ханс и несколько лучших стрелков).

Так продолжалось до тех пор, пока мы не истратили последние патроны. Тогда мои люди отошли назад, предоставив Харуту и его отряду занять наши места, и сменили бесполезные ныне ружья на сабли.

В продолжение получаса и более продолжалась ужасная борьба.

Бой происходил в весьма узком месте, и черные кенда были не в состоянии пробиться сквозь копья наших бойцов, защищавших свою жизнь и святилище своего бога. Наконец враги отступили, дав нашим возможность убрать в сторону убитых и раненых и утолить жажду водой, так как стояла невыносимая жара.

Вдруг в воротах показался огромный слон Джана, подгоняемый сзади уколами копий. Он быстро шел вперед, сметая на своем пути защитников храма, как будто это была сухая трава, и сокрушая все хоботом, на котором висели железные шары. Удары копий действовали на него не более, чем укусы комаров.

Он трубя шел вперед, а за ним потоком катились черные кенда, на

которых наши копейщики обрушились с двух сторон.

В это время я в сопровождении Ханса возвращался со второго двора, куда ходил посетить раненого в третий раз Регнолла. Найдя, к своей великой радости, его рану не опасной, я спешил вернуться к сражающимся и вдруг увидел дьявола Джану, несущегося прямо на меня, разрезая на две части толпу вооруженных людей, как нос гонимого бурей корабля разрезает воду.

Сказать правду, я, несмотря на нелюбовь к излишнему риску, обрадовался при виде его.

Даже возбуждение от продолжительного сражения не могло уничтожить во мне чувства стыда, который я испытал, промахнувшись по этому животному четыре раза подряд на расстоянии сорока ярдов.

— Теперь, Джана, — думал я, испытывая нечто вроде радостной дрожи, — теперь я смою свой позор. На этот раз я не промахнусь, иначе это будет моим последним промахом.

Джана несясь вперед, вертя железными шарами, среди воинов, которые бежали направо и налево, очищая между ним и мною пространство.

Для большей верности (я немного дрожал от усталости) я встал на правое колено, опершись на левое локтем, и прицелился в шею животного.

Когда оно было шагах в двадцати от меня, я выстрелил, но попал не в Джану, а в хромого жреца, исполнявшего обязанности магута, сидя на его шее несколькими футами выше места, куда я метил.

Да! Я попал ему в голову, которую разбил, как яичную скорлупку, и он бездыханным свалился на землю.

В отчаянии я снова прицелился и выстрелил.

На это раз пуля попала в конец левого клыка Джаны, от которого отлетел осколок.

Последняя надежда погибла.

У меня даже не оставалось времени подняться и бежать.

Я так и остался на коленях, ожидая конца.

В одно мгновение огромное животное очутилось почти надо мною и, открыв рот, подняло хобот.

Вдруг я услышал голландское проклятие и увидел Ханса, почти всунувшего в рот Джаны конец моего второго слонового ружья.

Грянул выстрел, за ним другой. Через миг огромный хобот обвился вокруг Ханса и, завертев его в воздухе, бросил футов на тридцать — сорок в сторону.

Джана зашатался, как бы готовый упасть, но удержался, покачнувшись вправо, прошел, спотыкаясь, несколько шагов, минуя меня, и остановился.

Я повернулся, сел на землю и смотрел, что будет дальше.

Сперва я увидел Регнолла, бежавшего с ружьем. Он дважды выстрелил в голову животного, но оно не обратило на это никакого внимания.

Потом я увидел его жену, Хранительницу Дитяти, вышедшую из портала второго двора в сопровождении двух жриц, со статуей Дитяти из слоновой кости в руках. Все они были одеты так же, как и в утро жертвоприношения.

Она совершенно спокойно шла вперед, устремив свои большие глаза на Джану.

По мере ее приближения животное начало проявлять беспокойство. Повернув голову, оно подняло хобот и, вытянув его вдоль спины, схватило за лодыжку царя Симбу, неподвижно сидевшего на своем кресле. Медленно оно стащило Симбу с кресла. Он упал около левой передней ноги животного. Потом оно обвило хобот вокруг тела беспомощного человека (я до сих пор не могу забыть выражение его полных ужаса глаз) и завертело его в воздухе, сперва медленно, потом все скорее и скорее, пока блестящие цепи на груди жертвы не превратились под лучами солнца в одно сплошное серебряное колесо. Потом оно швырнуло его на землю, где бедный царь лежал безжизненной массой, потерявшей человеческий вид.

Хранительница Дитяти бесстрашно остановилась перед животным-богом. Ее спутницы остались позади.

Регнолл прыгнул вперед, желая увлечь ее в сторону, но целая дюжина людей удержала его, — не знаю, с целью ли спасти его жизнь или по какой-нибудь другой причине.

Джана смотрел на Хранительницу Дитяти, она смотрела на Джану.

Потом он яростно закричал и, выхватив Дитя из слоновой кости из ее рук, завертел его в воздухе и разбил о камни, как Симбу. Древняя статуя, пережившая много веков, разлетелась на тысячу мелких кусочков.

При виде этого белые кенда издали великий стон, женщины, сопровождавшие Хранительницу, разорвали на себе одежды, стоявший вблизи Харут в беспамятстве упал на землю.

Еще раз закричал Джана, потом медленно опустился на колени и, трижды ударив о землю хоботом, как бы являя этим покорность прекрасной Хранительнице, стоявшей перед ним, задрожал всем своим могучим телом и пал мертвым!

Битва прекратилась. Черные кенда стояли в оцепенении.

— Бог умер! — крикнул голос. — Царь умер! Джана убил Симбу и сам убит! Дитя разбито! Бегите, черные кенда! Бегите, ибо боги умерли и земля ваша стала землей призраков.

Со всех сторон эхом раздавался стон: «Бегите черные кенда, ибо боги умерли!»

Они повернулись и бежали, как тени, унося с собой раненых. Никто не пытался остановить их.

Через полчаса ни одного из них, за исключением тяжело раненных и умирающих, не оказалось во дворе храма. Все они бежали.

Сражение окончилось.

Сражение, которое казалось потерянным, было выиграно!

Я поднялся и, стоя на нетвердых ногах, увидел Регнолла, только что отпущенного державшими его людьми.

Он прыгнул по направлению к своей жене и встал перед ней.

— Луна! — воскликнул он.

Облокотившись на плечо одного из белых кенда, я подошел к ним ближе, так как любопытство превозмогло мою слабость.

Некоторое время она пристально смотрела на него, потом ее глаза начали изменяться, как будто к ней возвращалась душа, сообщая им свет и жизнь.

Наконец она заговорила медленным, нерешительным голосом.

— Ох, Джордж, это ужасное животное убило нашего ребенка! — говорила она, указывая на мертвого слона. — Посмотри на него! Теперь мы будем друг для друга всем, как и прежде, пока Бог не пошлет нам другого ребенка.

С этими словами она разразилась потоком слез и упала в объятия мужа.

Я отошел в сторону (к своей чести, то же сделали кенда), оставив их

вдвоем около мертвого Джаны.

Тут я должен сказать, что с этого момента к леди Регнолл совершенно вернулся рассудок, как будто гибель Дитяти из слоновой кости сняла с ее чары. В чем заключались эти чары — я не могу сказать, но думаю, что каким-то необъяснимым путем она связывала это изображение со своим потерянным ребенком. Первая смерть отняла у нее рассудок, вторая, кажущаяся смерть вернула его.

С момента гибели своего ребенка на улице английского местечка до гибели Дитяти из слоновой кости в Центральной Африке она ничего не помнила, за исключением сна, о котором спустя несколько дней рассказала Регнолл у в моем присутствии. Она говорила, что однажды ночью видела Регнолла и Сэвиджа, спавших в туземном доме в городе Дитяти.

Я представляю читателю самому сделать вывод об это сне в связи с видением Регнолла и Сэвиджа, о котором рассказано выше. Сам я не могу предложить ни одного объяснения.

Оставив Регнолла и его жену, я, пошатываясь, отправился искать Ханса и нашел его лежавшим без чувств вблизи северной стены храма.

Очевидно, всякая человеческая помощь уже была для него бесполезна — так сильно он был искалечен Джаной. Мы отнесли его в комнату одного из жрецов, где я сидел над ним до конца, наступившего при закате солнца.

Перед смертью он пришел в полное сознание.

— Не надо горевать о промахе по Джане, баас, — говорил он, — это какой-то демон отвращал от него пули бааса. Джана был заколдован от белых людей. Лорд Игеза тоже промахнулся по нему. Но колдуны черных кенда забыли заколдовать Джану от маленького желтого человека. Потому я всякий раз, когда стрелял, попадал в него. Он знал, кто пустил в него последние пули. Вот почему он оставил бааса и схватил меня. Ох, баас! Я умираю счастливым, что убил Джану и что он схватил меня, а не бааса. Я все равно умер бы через день или два, так как был ранен брошенным копьем в пах. Я ничего не говорил об этом. Рана была не очень большая и крови из нее вытекло мало, но, пока продолжалась битва, мне становилось худо. — (Осмотр этой раны показал, что Ханс был прав. Долго он все равно не прожил бы.) — Если баас хочет передать через меня что-нибудь своему покойному отцу, пусть баас говорит скорее, пока моя голова может удержать слова.

Потом он попросил перенести его к порогу, чтобы в последний раз взглянуть на солнце, «потому что, баас», — прибавил он, — «я уйду далеко за солнце».

Некоторое время он смотрел на заходящее светило, говоря, что, судя

по небу, будет хорошая погода «для путешествия к Черной Воде, чтобы увезти всю ту слоновую кость».

Я ответил, что мне, быть может, никогда не удастся забрать с кладбища слоновую кость, так как черные кенда могут помешать мне в этом.

— Нет, баас, — ответил он, — теперь, когда Джана убит, черные кенда оттуда уйдут. Я знаю это, я знаю это.

Потом он начал бредить о наших прежних приключениях до тех пор, пока перед самым концом рассудок снова не вернулся к нему.

— Баас, — сказал он, — вождь Мавово назвал меня Светом Во Мраке. Когда баас тоже вступит во Мрак, пусть он поищет этот свет. Он будет сиять около бааса. Теперь я понял, что хотел сказать покойный отец бааса, когда говорил о любви. Это то, что я чувствую к баасу.

После этого Ханс умер с улыбкой на своем морщинистом лице.

Я плакал.

Глава XXI. Домой

Мне не много остается рассказать об этой экспедиции, хотя я не сомневаюсь, что Регнолл при желании мог бы написать целый интересный том относительно многого, чего я едва коснулся, так как ограничивался только историей наших приключений. Например, о сходстве центральноафриканского культа Дитяти и Хранительницы с египетским культом Гора и Изида, от которого, несомненно, произошел первый. Дальнейшее наше путешествие через пустыню до Красного моря было весьма интересным. Но мне надоело описывать путешествия, так же, как и совершать их.

После смерти Ханса бодрость покинула меня.

Мы похоронили его в почетном месте, перед воротами второго двора храма, где он убил Джану.

Когда земля начала засыпать его маленькое желтое лицо, я почувствовал, будто половина моего прошлого осталась с ним в этой могиле.

Бедный старый Ханс! Где я найду другого такого человека, как ты? Где я найду столько любви, которой было переполнено твое странное сердце?

Ханс был совершенно прав относительно черных кенда. Они покинули свою землю, вероятно в поисках пищи, но куда ушли — не знаю, да и не интересовался.

Они были порядочными головорезами, но в то же время превосходными бойцами.

Что с ними случилось — для меня было безразлично.

Одно могу сказать: огромная их доля никуда не переселилась, так как свыше трех тысяч их было предано земле белыми кенда, для чего весьма пригодились вырытых нами для обороны ямы и рвы.

Наши потери составляли пятьсот три человека, включая умерших от ран.

Джана был зарыт в том месте, где пал, в нескольких футах от убившего его Ханса.

Мы были не в силах перенести его труп в другое место.

Я всегда сожалел, что не произвел точного измерения этого животного, бывшего, я полагаю, самым большим слоном в мире.

Я видел его мельком на следующее утро, когда он был столкнут в огромную яму вместе с останками царя Симбы.

Я обнаружил, что все раны, за исключением уколов копьями, были причинены ему пулями Ханса.

Я просил белых кенда подарить мне оба огромных клыка, которым, я думаю, по объему и весу не было равных во всей Африке, хотя один из них был надломлен. Но в этом мне было отказано.

Белые кенда хотели сохранить их вместе с цепями и хоботом как память о победе над богом своих врагов.

Прежде чем зарыть Джану в землю, они топорами отрубили ему хобот и клыки.

По сильной истертости его зубов я сделал вывод, что это животное было очень старым, но насколько — трудно сказать.

Это все, что я могу сказать о Джане.

Белые кенда во всех отношениях строго сдержали свои обещания.

В странной, полурелигиозной церемонии, при которой я не присутствовал, леди Регнолл была освобождена от высокой должности Хранительницы, хотя я думаю, что жрецы, насколько могли, собрали все обломки слоновой кости и сохранили в кувшине в святилище.

После этого прислужницы сняли с нее одеяние, о весьма древнем происхождении которого, кроме Харута, я думаю, никто из белых кенда не имел представления. Потом, одетая в туземное платье, она была передана Регноллу.

С этого времени с нею, как и с нами, обращались, как с чужестранной гостьей.

Однако ей было позволено поселиться со своим мужем в том же самом доме, который она занимала в продолжение своего необыкновенного плена.

После битвы в течение нескольких дней я был совершенно без сил.

Остальные три недели я был занят различными делами и, между прочим, поездкой с Харутом в город Симбы.

Мы отправились туда лишь после того, как удостоверились через наших лазутчиков, что черные кенда действительно ушли куда-то на юго-запад, где, приблизительно в трехстах милях от их прежнего города, по слухам, находились плодородные незанятые земли.

С особенным чувством я снова проезжал по знакомой местности и еще раз увидел согнувшееся от ветра дерево со следами клыков Джаны, на ветвях которого мы с Хансом нашли себе убежище от ярости этого чудовища.

Перейдя реку, теперь совсем обмелевшую, я ехал по наклонной равнине, через которую мы мчались, спасая свою жизнь, и достиг печального озера и кладбища слонов.

Здесь ничто не изменилось.

Та же горка, истоптанная ногами Джаны, на которой он имел обыкновение стоять. Те же скалы, за которыми я пытался укрыться, и недалеко от них куча человеческих костей, принадлежавших несчастному Маруту. Мы похоронили их на том же месте, где они лежали. Со всех лежавших кругом скелетов слонов мы забрали сколько могли слоновой кости, нагрузив ею около пятидесяти верблюдов.

Конечно, здесь ее было значительно больше, но много клыков, пролежав на этом месте долгое время, было попорчено солнцем и непогодой и потому не имело почти никакой ценности.

Отправив слоновую кость в город Дитяти, который был снова восстановлен, мы лесом поехали в город Симбы, для безопасности выслав вперед разведчиков.

Он действительно был полностью оставлен.

Никогда я не видел места, имевшего более пустынный вид.

Черные кенда оставили его таким же, как он был. Только на алтаре, находившемся на рыночной площади, где были принесены в жертву трое несчастных белых кенда, лежала куча трупов тех воинов, которые умерли от ран во время отступления.

Двери домов были открыты. В них было оставлено большое количество домашней утвари, которую черные кенда не могли забрать с собой.

Мы нашли много копий и другого оружия, владельцы которого были убиты и теперь не нуждались в нем.

За исключением нескольких умиравших от голода собак и шакалов, в городе не осталось ни одного живого существа.

Пустота города производила впечатление даже большее, чем кладбище слонов у уединенного озера.

— Проклятие Дитяти сделало свое дело, — мрачно сказал Харут. — Сперва буря и голод, потом война, бегство и разорение.

— Это так, — ответил я, — однако, если Джана мертв и его народ бежал, где Дитя и многие из его народа? Что вы будете делать без бога, Харут?

— Каяться в своих грехах и ждать, пока небо в свое время не пошлет другого, — печально отвечал Харут.

Эту ночь я проводил в том самом доме, где был заключен с Марутом во время нашего плена.

Я не мог уснуть, так как в моей памяти воскресло все происходившее в те ужасные дни.

Я видел огонь для жертвоприношения, горевший на алтаре, слышал рев бури, предвещавший разорение черным кенда, и был очень рад, когда наконец наступило утро.

Бросив последний взгляд на город Симбы, я поехал домой через лес, в котором обнаженные ветви также говорили о смерти.

Через десять дней мы покинули Священную Гору с караваном в сотню верблюдов.

Из них пятьдесят были навьючены слоновой костью, а на остальных ехали мы и эскорт под командой Харута.

С этой слоновой костью, как и со всем связанным с Джаной, меня постигла неудача.

В пустыне нас настигла буря, от которой мы едва спаслись.

Из пятидесяти верблюдов, навьюченных слоновой костью, уцелело всего десять.

Остальные погибли и были занесены песком.

Регнолл хотел возместить мне стоимость потери, но я отказался от этого, говоря, что это не входило в наши условия.

Белые кенда, вообще бесстрастный народ, а в особенности теперь, когда они оплакивали своего бога, не проявили никаких чувств при нашем отъезде и даже не простились с нами.

Только жрицы, прислуживавшие леди Регнолл, когда она играла среди них роль богини, плакали, прощаясь с нею, и молились, чтобы снова встретить ее «в присутствии Дитяти».

Переход через горы был очень труден для верблюдов. Но наконец мы перебрались через них, сделав большую часть дороги пешком.

Мы задержались на вершине хребта, чтобы бросить последний взгляд на землю, которую покидали, где в тумане все еще виднелась Гора Дитяти.

Потом мы спустились вниз по противоположному склону и вступили в северную пустыню.

День за днем, неделю за неделей мы ехали по бесконечной пустыне путем, известным Харуту, который знал, где находить воду.

Мы ехали без особенных приключений (за исключением бури, во время которой была потеряна слоновая кость), не встретив ни одного живого существа.

В течение этого времени я был постоянно один, так как Харут разговаривал мало, а Регнолл и его жена предпочитали быть вдвоем.

Наконец, спустя несколько месяцев, мы достигли маленького порта на Красном море, арабское название которого я забыл и в котором было жарко, как в аду.

Вскоре туда зашло два торговых судна. На одном из них, шедшем в Аден, уехал я, направившись в Наталь.

Другое шло в Суэц, откуда Регнолл и его жена могли проехать в Александрию.

Наше прощание вышло столь поспешным, что кроме обоюдных благодарностей и добрых пожеланий мы мало успели сказать друг другу.

Пожимая мне при прощании руку, старый Харут сообщил, что едет в Египет.

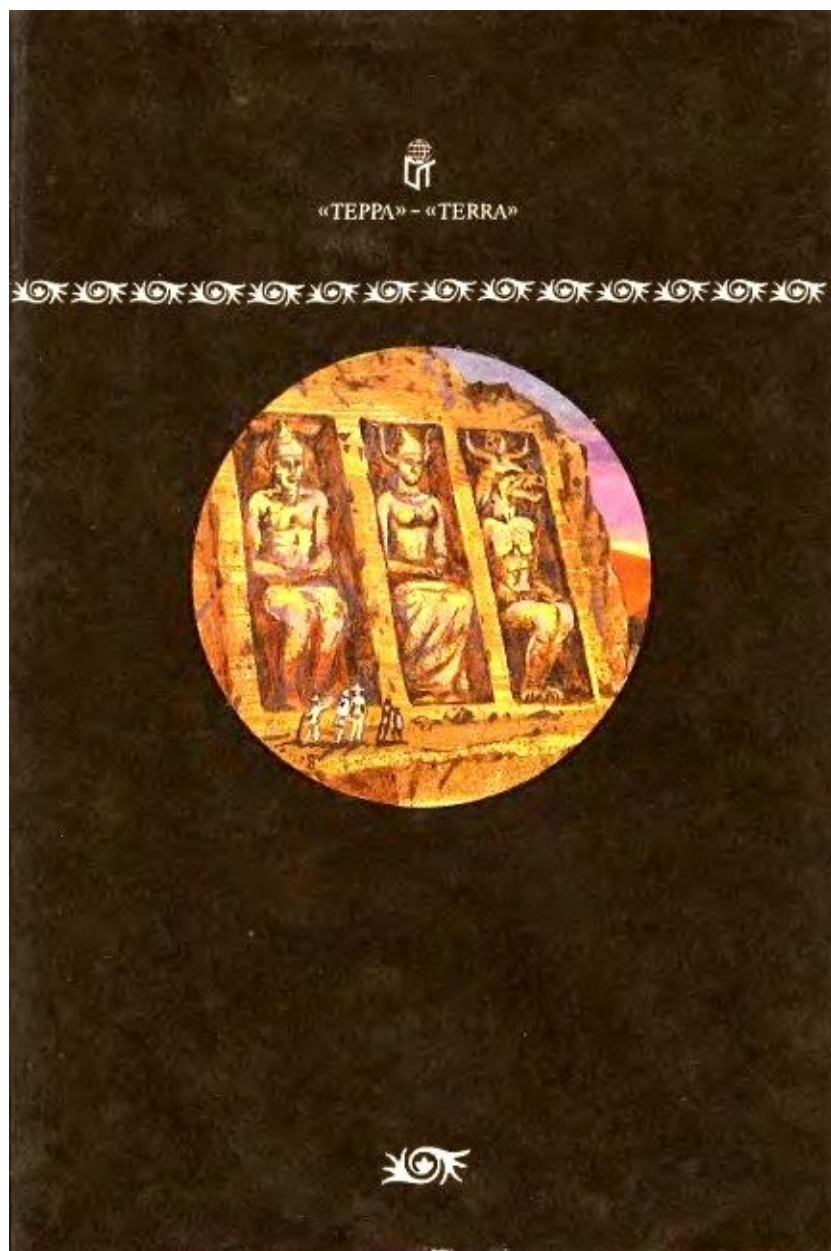
Я спросил его, зачем он едет туда.

— Чтобы поискать другого бога, Макумазан, — ответил он, — которого теперь, за смертью Джаны, некому уничтожать. Мы поговорим с тобой об этом, когда снова встретимся.

Таковы мои воспоминания об этом путешествии.

Но, сказать правду, я тогда мало на что обращал внимание.

Потому что мое сердце скорбело о Хансе.

notes

[1] Зулусы — негритянское племя в юго-восточной Африке, достигшее большого могущества в начале XIX века.

[2] Я обнаружил восемь пород антилоп, которых мне никогда не приходилось встречать, и много разновидностей растений, главным образом из семейства луковичных. — А.К.

- [3] Чака — король зулусов, живший в начале XIX века.
- [4] Король Чака запретил своим воинам вступать в брак; только ветераны могли брать себе жен, и притом столько, сколько каждый из них убил врагов в битвах.
- [5] Имеется в виду Капская колония.
- [6] Ветхий завет — большая часть Библии, священной книги христиан и иудеев.
- [7] Сборник баллад, написанных английским писателем Баргэмом (1788-1845) под псевдонимом Томаса Инголдзби.
- [8] Наталь — провинция в Южно-Африканском Союзе.
- [9] Ниггер — презрительная кличка негра, используемая расистами.
- [10] Кафры — устаревшее наименование юго-восточных африканских народов.
- [11] Бамангвато — название поселка в Земле Бечуанов.
- [12] Кап — сокращенное название Кейптауна.
- [13] Представление мистера Квотермейна о древних датчанах кажется несколько туманным. Насколько нам известно, у датчан были темные волосы. Может быть, он имел в виду саксов. — *Прим. англ. издателя.*
- [14] Имеется в виду английская королева Виктория (1819-1901).
- [15] Десятая заповедь предостерегает людей от зависти.
- [16] Соломон (1020-980 до н.э.) — царь израильского народа.
- [17] Куду — винторогая антилопа.
- [18] Канна — южноафриканская, или лосиная, антилопа.
- [19] Машукулумбве — область, находящаяся в Южной Африке.
- [20] Сулейман — по-арабски «Соломон». — *Прим. англ. издателя.*
- [21] Изанузи — знахарка.
- [22] Крааль — в Южной Африке название особого типа деревень: ульеобразных хижин, окруженных общей изгородью.
- [23] Делагоа — порт и залив, находящийся на юго-восточном побережье Африки.
- [24] Кварта — 1,14 литра.
- [25] Царица Савская — царица Савы — страны, по предположению, находившейся в Южной Аравии и всегда управляющейся женщинами; одна из многочисленных возлюбленных царя Соломона.
- [26] Баас — господин.
- [27] Имеется в виду смерть.
- [28] Ист-Лондон — порт в Южной Африке, на берегу Индийского океана.
- [29] Мушмула — название двух различных видов древесных

(кустарниковых) растений.

[30] Манговые деревья — род тропических деревьев, дающих плод (манго) величиной с огурец или небольшую дыню.

[31] Африкандеры — буры, потомки первых европейских колонистов в Южной Африке.

[32] Вельды — южноафриканская степь.

[33] Драхма — старинная мера аптекарского веса, равная 3,732 грамма.

[34] Чок — сужение канала ствола в дульной части охотничьего ружья.

[35] Готтентоты — одна из народностей Южной Африки.

[36] Инкоози — вождь.

[37] В Изандхлуане во время войны англичан с зулусами был уничтожен английский отряд в 1400 человек, с шестьюдесятью офицерами (22 января 1879 года).

[38] Лорд Челмсфорд — английский генерал, командовавший английскими военными силами в Южной Африке во время войны с зулусами (1879).

[39] Кетчвайо — король зулусов, живший во второй половине XIX века.

[40] Муча — набедренная повязка.

[41] Ассегай — метательный дротик.

[42] Твид — шерстяная материя особой выделки.

[43] Вельдскуны — башмаки из сыромятной кожи.

[44] Пинта — 0,56 л.

[45] Квагга — дикая африканская лошадь.

[46] Лье — устаревшая французская мера длины, равная 4,5 километра.

[47] Галлон — 4,54 литра.

[48] Навуходоносор — вавилонский царь.

[49] Чосер (1340-1400) — знаменитый английский поэт, создатель литературного английского языка.

[50] Непереводаемая игра слов: Scrag — в переводе значит «свернуть шею», то есть иными словами — убить; сына короля зовут Scragga.

[51] Фартинг — самая мелкая английская монета.

[52] Принц Артур — претендент на английский престол, племянник английского короля Иоанна Безземельного (1199-1216); Иоанн приказал заточить его в крепость и ослепить; мольбы и слезы молодого принца так тронули коменданта крепости де Бурга, что он велел наемникам короля удалиться.

[53] Этот жестокий обычай свойственен не только кукуанам — он

распространен среди большинства африканских племен и обычно связан с объявлением войны или каким-либо иным важным событием общественной жизни. — А.К.

[54] Гетлинг — картечня (старинное огнестрельное оружие, названное по имени его изобретателя — Р. Гетлинга).

[55] У кукуанов существует закон, по которому ни один человек, в жилах которого течет королевская кровь, не может быть убит, если он сам не дал на это согласия, которое, правда, он всегда дает; ему разрешают тогда выбрать, с одобрения короля, несколько противников, с которыми он сражается, пока наконец один из них его не убьет. — А.К.

[56] Кимберли — город в Южной Африке; основан в 1872 году; своим развитием обязан алмазным копиям.

[57] Брекчия — горная порода, состоящая из сцементированных обломков осадочных или вулканических пород.

[58] Сталактиты — известковые образования, свешивающиеся в виде сосулек с потолка пещеры.

[59] Сталагмиты — известковые образования, поднимающиеся вверх в виде больших сосулек со дна пещеры.

[60] Макдуф — шотландский феодал, один из вождей восстания против короля Макбета (XI век).

[61] Старшие входят первыми (лат.).

[62] Стикс — в древнегреческой мифологии одна из рек «подземного царства», в котором якобы обитали души умерших.

[63] «Сезам, отворись» — магические слова из арабской сказки «Али-Баба и сорок разбойников», открывающие вход в пещеру с несметными сокровищами.

[64] Этот необычный способ выражения глубочайшего почтения распространен среди народов Африки; называется он «хлонипа»; согласно этому обычаю, особо почитаемому человеку (обычно после его смерти) дается другое имя, которое сохраняется в народе на долгие времена. — А.К.

[65] Нам часто казалось невероятным, как могла мать Игнози с маленьким ребенком перенести трудности путешествия через горы и пустыню, которые чуть не оказались роковыми для нас самих. Теперь же мне приходит в голову, и я хочу поделиться этой мыслью с читателем, что она, вероятно, пошла по этому второму пути, странствуя, как Агарь, по пустыне. Если это действительно было так, то в истории ее спасения нет ничего невероятного. Ее вполне могли повстречать и отвести в оазис какие-нибудь охотники за страусами, как рассказывал сам Игнози. Оттуда она

могла постепенно, выбирая плодородные участки земли, идти к югу и добраться до Зулуленда. — А.К.

[66] Aasvцge (гол. и нем.) — стервятник.

[67] Эссекс — графство на Юго-Западе Англии.

[68] Ярд — английская мера длины, равная 91,4 см.

[69] Лауданум — настой из опиума, сильное обезболивающее средство.

[70] Здесь автор намекает на сходство героя со многими библейскими персонажами, которые, скитаясь по пустыне, питались акридами (саранчой) и диким медом.

[71] Миля — английская мера длины, около 1609 м.

[72] Телепатия — явление передачи мыслей и чувств на расстояние без посредства органов чувств.

[73] Фут — английская мера длины, около 30,5 см.

[74] Занзибар — остров в Индийском океане, у восточного побережья Африки, с одноименным портом.

[75] «Капский журнал» (англ.).

[76] Башмачок, род растений семейства орхидных.

[77] Фунт стерлингов — английская денежная единица. 1 фунт стерлингов = 20 шиллингов = 240 пенсов.

[78] Килва — остров в Индийском океане, у восточного побережья Африки, с некогда имевшим большое торговое значение портом Килва-Кисивани.

[79] Сензангакона — вождь племени зулу, отец Чаки, правивший в конце XVIII — начале XIX вв.

[80] Цимбидиум, род растений семейства орхидных.

[81] Дюйм — английская мера длины, около 2,5 см.

[82] Флора — в римской мифологии — богиня цветения колосьев, цветов, садов.

[83] Одонтогlossум, род растений семейства орхидных.

[84] Каттлея Мосси, вид орхидеи.

[85] Аркадийский — идиллический, пасторальный.

[86] Кеб — наемный конный экипаж.

[87] Речь идет о Георге IV, короле Англии (1820-1830), получившем известность как законодатель мод своего времени.

[88] Акр — английская мера площади, около 0.4 га.

[89] Гриква — этническая группа в Южной Африке, которую составляли потомки смешанных браков буру и готтентотов.

[90] Имеется в виду г. Питермарицбург в провинции Наталь.

[91] Пол-кроны — английская серебряная монета, достоинством в 2,5

шиллинг.

[92] В битве на реке Тугеле в 1856 г. встретились войска претендентов на зулусский престол — принцев Кетчвайо и Умбулази. В кровопролитном сражении верх одержал Кетчвайо, ставший последним зулусским правителем (1856-1879).

[93] В 1836 году буры, возглавляемые Питером Ретифом, вторглись в Землю Зулу, но встретили решительный отпор со стороны зулусского правителя Дингаана (1828-1840). Ретиф погиб в начале военной кампании. Потерпев ряд неудач, буры призвали на помощь англичан и в кровопролитном сражении 16 декабря 1838 года разбили армию Дингаана. Река Инкоме, в долине которой произошла эта битва, получила название «Кровавой».

[94] Т. е. в могилу

[95] Дракенсберг — Драконовы Горы, горная гряда в Натале.

[96] Отец (зулу).

[97] Кули — низкооплачиваемая неквалифицированная рабочая сила в колониальных странах.

[98] Кабестан — ворот или шпиль для подъема якоря.

[99] Доу — арабское одномачтовое судно с косым треугольным парусом.

[100] Аден — порт в Аравийском море, на Аравийском полуострове, в те времена — опорная военно-морская база Великобритании в Индийском океане.

[101] Шайтан — в мусульманской мифологии — одно из имен дьявола.

[102] Соверен — английская золотая монета в 1 фунт стерлингов.

[103] Книга Иова — название одной из глав Библии.

[104] Aneroid — металлический барометр.

[105] Гелиограф — солнечный телеграф.

[106] То есть к океану.

[107] Панч — персонаж английского кукольного театра, похожий на русского Петрушку.

[108] Камедь — застывший клейкий сок, выступающий на коре некоторых деревьев.

[109] «Милая родина» — песенка, популярная в Англии в XIX веке.

[110] «Правь, Британия» — английская патриотическая песня, сложенная в пору владычества Англии на морях.

[111] В Библии говорится о состязании между пророком Илией, приверженцем истинной веры, и жрецами чуждого бога Ваала. Победив и тем самым развенчав Ваала, Илия велел казнить потерпевших поражение

оппонентов.

[112] Европа, — в греческой мифологии — дочь финикийского царя Агенора, была похищена Зевсом, принявшим вид белого быка.

[113] Апис — в древнеегипетской мифологии — бог плодородия в образе быка.

[114] Геродот — древнегреческий историк, живший в V веке до н. э.

[115] Безумные! Безумные! (*готтентотск.*)

[116] Святой Лаврентий — римский дьякон, сожженный на положенной на раскаленные угли железной решетке во время гонений на христиан в 258 году.

[117] Банту — группа народов, населяющих большую часть Африки, говорящих на языках языковой группы банту.

[118] Харон — в древнеримской мифологии — старик-перевозчик, переправлявший тени умерших в загробное царство.

[119] Альбинизм — прирожденное ненормальное состояние людей и животных, характеризующееся отсутствием пигмента (белизна кожи и волос, бледно-красная радужная оболочка). Особенно часто встречается у негров. Среди животных наиболее известны альбиносы среди кроликов и крыс.

[120] Норе (*англ.*) — надежда.

[121] Дакка — род конопли.

[122] Бушмены — негритянский народ, обитающий в Южной и Восточной Африке.

[123] Savage (*англ.*) — дикий.

[124] Унция — старинная мера аптекарского веса, равная 29,8 грамма.

[125] Черри-бренди — крепкий спиртной напиток, вырабатываемый из сока вишни.

[126] Харут и Марут — в мусульманской мифологии — ангелы, согрешившие на земле, обучавшие людей колдовству. Их имена стали символами волшебства и колдовства.

[127] Моа — вымерший отряд бескилевых птиц, по внешнему виду напоминавших страусов.

[128] Гор — в египетской мифологии — бог света, борющийся с силами мрака.

[129] Изида (Исида) — мать Гора, богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности.

[130] То есть в тюрьме.

[131] Английское имя «Джейкоб» соответствует библейскому «Иаков».

[132] Не знаю (*готтентотск.*).

[133] Бой (от английского «boy» — мальчик) — так называли туземную мужскую прислугу в колониальных странах.

[134] Шамсин — ветер; то же, что и самум в Сахаре.

[135] Ехидны — род ядовитых змей семейства аспидных.

[136] Сет — в египетской мифологии — бог «чужих стран», бог пустыни, олицетворение злого начала. Сет коварно убил своего брата Осириса, бога земледелия и ремесел. Жена Осириса Изида после убийства мужа нашла его тело, зачала от него и родила сына Гора, который должен был отомстить Сету.

[137] Согласно библейскому повествованию, израильские пророки Моисей и Аарон прокляли Египет за то, что фараоны держали еврейский народ в рабстве, и наслали на страну «десять казней египетских», приведших Египет к полному разорению.

[138] Левиафан — библейское чудовище огромных размеров, враждебное Богу.

[139] Всемогуций! (голландск.)

[140] Магут — погонщик слонов.